ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

А. НОРТОН

ЗЕРКАЛО МЕРЛИНА

Зеркало Мерлина
Андрэ Нортон

Аннотация
Андрэ Нортон. Зеркало Мерлина
Зеркало Мерлина
Бремя юртов
На перекрестках времени
Поиск на пересечении времен
Операция «Поиск во времени»

Аннотация

Без издательской аннотации.
Переводчики не указаны.

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Андрэ Нортон

ЗЕРКАЛО МЕРЛИНА

Перевод с английского

«ЭЯ»
КИШИНЕВ
1993

Андрэ Нортон
Зеркало Мерлина

Зеркало Мерлина

Маяк продолжал звать из глубины каменной пещеры. Его зов звучал теперь слабее.

С каждым годом механизм все более изнашивался, хотя создатели пытались сделать его вечным. Они думали, что предусмотрели любую случайность. И действительно предусмотрели, но сам мир, в котором находился Маяк, его природа, были недолговечны. Накатывалось время и откатывалось, а за пещерой возвышались и погибали нации, и сами люди тоже изменялись. Все, что знали создатели Маяка, исчезало, уничтоженное самой природой. Моря затопляли землю, отступали назад, их волны сносили целые города и страны. Поднимались горы, так что останки некогда оживленных портов оказывались в разряженном воздухе больших высот. Пустыни наползали на зеленые поля.

С неба упала луна, и со временем другая заняла ее место.

Маяк все звал и звал, обращаясь к тем, кто исчез, от кого остались только легенды странные, искаженные временем предания. В обществе

людей наступил новый темный период. Под собственной тяжестью и давлением времени рухнула империя. Пожирать ее останки бросились сбежавшиеся с разных сторон варвары. Огонь и меч, смерть и рабство шли по земле. А Маяк продолжал звать.

Огонь в его сердце потускнел. Время от времени зов прерывался, словно это смертельно уставший человек переводит дух между двумя криками о помощи.

И вот этот зов, теперь такой слабый, был услышан в далеком космосе.

Металлическая стрела уловила импульс, в сердце корабля заработали молчавшие много столетий механизмы.

Стрела изменила курс, зов Маяка стал для нее указателем направления.

На борту корабля не было живых существ.

Он был создан существами, испытавшими поражение. Утрата свободы для них была страшнее смерти. Они послали шесть стрел в небо, надеясь, что хоть одна из них отыщет цель, и погибли, побежденные врагами.

Со щелканьем пробуждалось реле за реле, по мере того, как стрела приближалась к Земле.

Стрелу эту создавали тысячелетиями. Она была

когда-то гордостью расы, существ, передвигающихся между звездами с легкостью, с какой человек идет по знакомой тропе. Теперь она должна была выполнить задачу, для которой была запрограммирована.

Стрела мягко перешла на орбиту Земли и была готова спуститься на планету, которая звала ее сигналами Маяка. Люди внизу с первобытным страхом следили за ее огненным полетом. Некогда принадлежавшие им здания были погребены и упоминания о них сохранились только в мифах.

Люди прятались в кожаные палатки, а шаманы били в барабаны и выкрикивали странные гортанные заклинания. Немногие из них смотрели широко раскрытыми глазами на падавшую звезду, которая могла быть добрым или злым предзнаменованием. Стрела приблизилась к горе, в которой находилась пещера с Маяком, и внезапно раскололась.

Корпус, пронесший через пространство драгоценный груз, рассыпался, но все, что было внутри стрелы, осталось невредимым. Груз не упал в море, которое было внизу, а полетел дальше, как бы по своей воле, направляясь к горному хребту.

Несколько мгновений все эти предметы висели

в воздухе, а потом легко опустились на землю, и если кто-то даже был поблизости, он все равно ничего не увидел, потому что они были скрыты искажением полей видимости.

Создатели приняли все возможные меры предосторожности, чтобы защитить свое детище.

На Земле предметы выпустили щупальца и настойчиво стали пробиваться к ослабевшему Маяку. Они пробирались в пещеру.

Кое-где было необходимо расширить туннель, и это тоже было предусмотрено. Наконец они добрались до Маяка, но на этом их работа не прекратилась. Одни высекли в скале основание и опустились, погрузив вглубь провода, от которых их уже нельзя было оторвать. Другие поднялись к потолку и, казалось, бессмысленно летали, как огромные насекомые. Эти насекомые соединяли проводами установленные внизу механизмы.

Спустя какое-то время, которое никто не измерял, коммуникационная сеть была завершена. Механизмы были готовы к работе, для которой их запрограммировали. Если бы этот мир не отвечал необходимым требованиям, здесь не было бы Маяка. В памяти механизмов заключалась информация, которую следовало использовать при отборе образцов.

Один из летающих механизмов выбрался из отверстия пещеры и улетел. Ночь была безлунная, небо затянули облака.

Летающий механизм был размером с орла. Когда он начал действовать, искажающие поля исчезли.

Механизм летал расширяющимися кругами, и его фотоглаз посылал в пещеру непрерывный поток сведений.

Шел снег, дул резкий холодный ветер, но приборы механизма отметили температуру лишь как один из факторов, характерных для обстановки. Плохая погода не мешала работе.

Горел огонь в доме клана.

С невысокого балкона, выход на который был из спальной комнаты, Бригитта смотрела на мужчин, сидевших внизу на скамьях. Запахи конюшни, хлева, дыма и пищи, висевшие в воздухе, были густы, как туман. Когда дом клана заперт на ночь, когда гул голосов плывет из комнаты в комнату и поднимается до самого верха, в такую ночь чувствуешь себя здесь в безопасности.

Бригитта вздрогнула и плотнее запахнулась в плащ. Наступил Самайен — время между концом одного года и началом следующего. Сейчас открывается дверь между этим миром и миром тьмы.

Злые демоны могут пробраться из одного пространства в другое и напасть на людей. В веселом пламени, в голосах людей, в ржании лошадей, доносившемся из конюшни, была защита. Бригитта взяла кубок, что стоял на скамье, и отхлебнула ячменного эля, слегка поморщившись от горечи, но радуясь разлившемуся по телу теплу.

На балконных скамьях поодаль от Бригитты сидели женщины. Она была дочерью вождя и пользовалась особым почетом. Пламя отражалось в золотом браслете на ее руке, в широком ожерелье из бронзы с янтарем на груди. Темно-рыжие волосы падали свободно, чуть не касаясь пола за скамьей, их цвет был ярким и праздничным, особенно в сочетании с темно-синим плащом и алым платьем.

Бригитта готовилась к пиршеству, но это не был настоящий пир. Она была недовольна событиями, из-за которых мужчины собрались на совет, а женщины вышли на балкон, чтобы смотреть, зевать и сплетничать. Но и сплетничали они лениво: так давно жили здесь все вместе, что уже ничего нового нельзя было сказать ни о событиях, ни друг о друге.

Бригитта беспокойно вслушивалась.

Война с Крылатыми Шлемами — больше ни

о чем мужчины не могут думать. Теперь мало бывает обручений и свадеб. А годы летят, и с каждым месяцем она становится старше. Отец, однако, не торопится выбрать ей мужа.

Она хорошо знала, что женщины сплетничают об этом тоже. Если не сейчас, то потом эти сплетни могут отпугнуть возможных поклонников.

Война. Бригитта сжала зубы и сердито посмотрела вниз. Прежде всего мужчины думают о войне. Хотя непонятно, что их беспокоит, ведь неприятели находятся в долине, которая расположена за много миль отсюда. Нет никакой опасности для людей Найрена, им нечего бояться в их горной крепости. И еще эта болтовня о злых деяниях Высокого Короля. Она снова глотнула эля.

Он бросил жену, чтобы жениться на дочери саксонского повелителя. Интересно, как выглядит новая королева. Вортиген стар, у него взрослые сыновья, которые обнажат меч, чтобы защитить опозоренную мать.

Вестник сообщил, что они собирают близких и дальних родичей. Но саксонцы не дадут в обиду новую королеву. Значит опять война!

Бригитта не могла вспомнить времени, когда в доме клана не звенело бы оружие. Стоило ей чуть

поднять голову, как бросались в глаза блестящие черепа под карнизом крыши — трофеи прошлых набегов.

Она не думала что Найрен испытывает симпатию к Высокому Королю. Десять дней назад прибыл другой вестник и был принят гораздо радушнее сегодняшнего. Это был стройный смуглый мужчина с чисто выбритым лицом, в шлеме и латах императорского войска. Императора давно не стало, хотя говорят, что за морями империя существует. На этой земле имперские орлы исчезли со времени молодости ее отца.

Один только вождь еще верит в императора. Смуглый человек прибыл от него призвать людей Найрена под боевые знамена империи. А сегодня новый вестник. Зачастили. И вот — собрался совет. У первого посланца было двойное, трудное для произношения имя. Бригитта произнесла его вслух, радуясь тому, что хорошо владеет языком древних римлян и может выговорить их имена правильно.

— Амброзиус Аврелиан.

Затем она назвала странный титул:

— Герцог Британский.

Лугейд сказал, что это означает вождь Британии. Слишком большое звание, ведь половина

земли полна новыми родственниками Вортигена — Крылатыми Шлемами из-за моря.

Отец ее в старину учился в Акве Сулис, когда император Максим правил не только Британией, но и землями за морем.

Он помнит, что тогда следовало опасаться только набегов шотландцев и пограничных стычек с ними. Найрен вернулся в клан своих отцов и собрал вокруг себя родственников. Скорее всего, он просто выжидал… Бригитта снова отпила эля. Отец всегда сам принимает решения.

Она посмотрела на отца. Вот он сидит на высоком сидении в центре. Одежда его не такая яркая, как у всех остальных. Рубашку ему она сшила сама, украсив рисунком со старой вазы — переплетением зеленых и золотистых листьев. Брюки темно-красные, плащ того же цвета. Лишь широкое золотое ожерелье да браслеты на запястьях и кольцо на пальце соответствовали великолепию украшений остальных.

И все же именно он был здесь главным, и человеку, вошедшему в дом клана и увидевшему Найрена, не нужно было спрашивать, кто здесь вождь. Глядя на отца, Бригитта ощутила гордость. Найрен не проявлял никаких чувств, вежливо слушая посланца Высокого Короля. А тот склонил-

ся вперед, явно желая произвести впечатление на маленького вождя, каковым считает Найрена Высокий Король.

Влияние вождя этого клана выходило далеко за пределы его дома, и многие в горах внимательно прислушивались к его словам. Мудрость его была велика, он хорошо воевал и походы его были удачными.

Он мог провозгласить себя королем по примеру тех, кто правил до него, но предпочел не делать этого.

Бригитта явно проявляла недовольство.

Она хотела, чтобы отец побыстрее отправил посланца Высокого Короля и чтобы они могли спокойно пировать.

Сквозь гул голосов она слышала рев ветра. Снаружи бушевала буря. А в непогоду ночь может принести войско тьмы.

Бригитта взглянула на Лугейда, сидевшего рядом с ее отцом. Он владел древними заклинаниями и осуществлял духовную защиту на эту ночь. Хотя борода его давно поседела, худое тело не было согнуто, и вообще признаков старости в нем не было видно. В толпе его выделяла белая одежда. Поглаживая бороду, он слушал посланца Вортигена.

Римляне старались уничтожить древние знания, и пока они были у власти, люди, подобные Лугейду, скрывались. Теперь же они снова пользовались почетом и к их словам прислушивались. Однако Бригитта сомневалась в том, что Лугейд на стороне Высокого Короля: он и его союзники владели древними знаниями и любили Крылатые Шлемы не больше, чем римлян.

От крепкого эля у нее слегка закружилась голова. Отставив в сторону кубок, она сонно посмотрела на игру пламени в очаге внизу. Языки огня подпрыгивали и извивались, танцевали быстрее и грациознее, чем любая девушка на лугу в Канун Белтайна. Вверх и вниз. Ветер гудел так громко, что Бригитта с трудом слышала, о чем говорят внизу.

Было скучно. Пир, который обещал быть таким веселым, сорвался из-за этой глупой войны. Бригитта зевнула. Она была разочарована.

Вчера съехались родственники, и у Бригитты появилась надежда, что среди них отец выберет, наконец, жениха, которого она одобрит.

Она пыталась рассмотреть лица незнакомцев внизу. Но они сливались в одно сплошное пятно, освещенное пламенем, кричащая расцветка пледов и одежд сбивала с толку. Хотя среди них были

и юноши, и опытные воины, ни один не привлек ее внимания вчера. Конечно, она послушно пойдет с тем, кого назовет ее отец.

Ее давно тревожило то, что он не называл никого. Они уйдут на войну, все эти возможные поклонники, многие погибнут, и выбор станет еще меньше.

Печальная утрата. Она покачала головой, затуманенной элем. Огонь гипнотизировал ее. И вдруг она поняла, что больше не выдержит.

Бригитта встала и пошла в свою комнату.

Одна из дверей ее спальни выходила на парапет стены — внешней защиты крепости. Она была плотно закрыта, но свист ветра сквозь нее слышался здесь еще отчетливее. В дальнем углу тускло горела лампа. Бригитта сняла платье и, завернувшись в плащ, легла на кровать у стены.

Она дрожала не столько от холода, шедшего от камней, сколько от страха перед ветром и перед тем, что могут принести эти порывы в такую ночь. Но сон победил, и ее глаза закрылись, лампа затрещала.

Внизу у очага рука Лугейда неожиданно застыла. Он повернул голову и больше не смотрел на Найрена и на человека, так красноречиво упрашивающего вождя о поддержке. Казалось, жрец

древних прислушивается к чему-то иному.

Его глаза удивленно расширились.

Никто, кроме Лугейда, не услышал рога, в который трубил часовой. Рука его притронулась к эмблеме, вышитой на груди — золотой спирали. Жрец провел пальцем по этой спирали от внешнего ее конца до самого центра. Он искал ответ на какой-то важный вопрос.

Подняв голову к балкону, где сидели женщины, Лугейд принялся разглядывать их. Он сразу же обнаружил, что нет одной из них.

Он перевел дыхание и осмотрелся, опасаясь, что привлек внимание тем, что посмотрел на балкон.

Лугейд слегка отодвинулся назад, закрыл глаза, и его бородатое лицо приобрело выражение глубокой сосредоточенности. Он слушал незваного гостя.

Время ничего не значило для механизмов.

Летающие аппараты возвращались, сведения, доставляемые ими, сортировались, классифицировались, на основании информации уточнялись детали проекта. Решение было принято, дважды проверено, затем была подготовлена самая хрупкая и сложная часть оборудования.

Еще раз в воздух поднялся один из механиз-

мов.

Он включил искажающее поле и полетел по широкой спирали. На самом дальнем витке спирали он перевалил через горный хребет.

Маяк, который вызвал механизмы из времени и пространства, умер. Но глубоко в скалах проснулся и был призван к жизни новый сигнал. Не пойманный летающим механизмом, он пульсировал, энергия, породившая его, росла.

В небо ударил луч и улетел к звездам. Пройдет много лет, прежде чем его засекут те, кто поставил Маяк. Луч этот невозможно погасить. И в будущем могут начаться новые битвы, не такие страшные, как в древности, потому что силы соперников в тысячи, миллионы раз меньше тех, которыми они обладали когда-то. Но время не ослабило их ожесточения и решимости. Они непримиримы как в прошлом, так и в грядущем.

Механизм повернул, порыв ветра подбросил его, как листок, но ничего не могло помешать ему выполнить задачу.

Хотя Бригитта крепко спала, ей казалось, что она давно проснулась. Ее больше не окружали деревянные стены родного дома.

Она стояла на тропе, которую хорошо знала. Тропа ведет к ручью Пророчеств, где богиня бла-

гословит того, кто сделает ей подношение.

И было совсем не страшно, что длится в ее яви ночь Самайена, когда злобные силы охотятся на людей. Бригитту окружала зеленая свежесть ранней весны, праздник Белтайна, когда пылают костры, а юноши и девушки прыгают через них, держась за руки и молясь тем силам, которые увеличивают племя.

Золотой свет шел не от солнца. Луч, как копье, прилетел сверху, коснулся ее ног и поднялся снова вверх. Она радостно засмеялась, побежала сквозь сияние, охваченная сильным возбуждением. Никогда не чувствовала она себя такой живой, свободной и счастливой, как в тот момент.

И тут она увидела его. Он ждал ее приближения. Она сразу поняла, что именно его приход она предчувствовала, именно его высматривала среди посетителей или гостей, именно его Великая Мать дала ей для полного счастья.

Он весь состоял из света и стоял, окутанный теплым сиянием. Она подбежала к нему, и это сияние и тепло окружили их, отгородили от всего мира. Никто не мог теперь найти их, Она стала частью его, а он — частью ее, и они слились в одно целое.

Их окружал золотой мир, он пел, как будто все

птицы запели разом свои лучшие песни.

Бригитта погрузилась в тепло, забыла все и превратилась в поле, засеянное зерном, готовое принести обильный урожай.

В доме клана Лугейд шагнул в полумрак. Тело его слегка раскачивалось, лицо стало похоже на маску, лишенную всякого выражения. Он полностью сосредоточился на зове, который был слышен только ему. Его замешательство росло. Он был похож на человека, который ежедневно проходит мимо давно разрушенного замка, забытого богом, и вдруг слышит из заброшенного святилища призыв к поклонению.

Затем замешательство сменило возбуждение. Маска сошла с лица, и Лугейд превратился в человека, который после долгих лет борьбы вдруг понял, что он победил.

Поглаживая рукой спираль на груди, он шептал слова не на языке окружавших его людей, не на языке Римской империи, превратившейся в ничто, а на еще более древнем наречии. Даже для тех, кто знал, что эти слова пришли из невероятно далекого прошлого, они лишались всякого смысла.

Наверху Бригитта улыбнулась, застонала, вытянула руки, чтобы обнять стоявшего перед ней

человека из сна. Летающий механизм над крышей крепости начал опускаться.

Пробравшись в отверстие, он безошибочно отыскал дверь в комнату, где лежала девушка.

Механизмы в пещере загудели громче, потом снова стихли, слышалось сонное ворчание, как будто рычащий зверь устал и должен отдохнуть. Но работа установок в другом утесе не прерывалась. Сигнальный луч усилился, он уходил все дальше и дальше, словно манящий палец, который должен позвать на помощь и привести тех, кто победил в древней войне.

Лугейд открыл глаза и посмотрел на двери комнаты Бригитты. Он мог лишь догадываться о том, что произошло там, и бесконечно удивился, что такое могло случиться в его беспокойные дни. Боги давно ушли, но оказалось, что они еще живы.

Как можно быстрее он должен пойти к месту Власти. Там он найдет ответ, узнает, что несет все то, что произошло, его народу.

Он услышал гул голосов вокруг и почувствовал нетерпение. Окружающие занимаются мелкими делами, а он почувствовал, что сегодня здесь побывало небесное существо, и оно принесло жизнь, а не смерть.

Этот час предсказывали легенды, обещавшие

возвращение Повелителей Неба. И вот он настал.

В комнате было жарко. Страшно болело тело. А когда боль исчезла, Бригитта думала, что надо войти в ручей.

Она смутно сознавала, что большинство жителей крепости и деревни до рассвета ушли в поле на праздник Лугиаса, праздник урожая.

Юлия, нянчившая еще ее мать, терпеливо сидела рядом с ней, время от времени утирая лицо Бригитты влажной тканью. В дальнем углу стояла жаровня, от нее шел запах паленой травы. Когда запах долетел до постели, Бригитта закашлялась. Двери в доме были открыты, узлы развязаны. Все было сделано так, чтобы роды прошли легко.

Но Бригитта опасалась, что это не поможет. Разве так просто смертной женщине рожать сына Бога?

Как странно, уже давно на нее смотрели люди, словно чего-то ожидая. Только пророчество Лугейда спасло дом Найрена от черного стыда. Бывали моменты, когда она готова была взять кинжал и вырезать из тела то, что посеяли в нем чужие силы.

Не легко было вспоминать золотое счастье сна, хотя Лугейд уверял ее, что был это вовсе не сон. Да она и сама чувствовала, что к ней приходил

один из сыновей Бога.

Теперь она ощущала только боль, а между приступами страх, что боль станет еще сильней. Но, сжимая зубы, Бригитта молчала.

Если рожаешь сына Бога, нельзя кричать.

Тело ее снова напряглось. Рядом оказалась Юлия. Затем каким-то образом появился Лугейд. Его взгляд унес боль, Бригитта поплыла среди всплесков огня, которые вероятнее всего были звездами.

— Сын.

Юлия держала ребенка на чистом холсте.

— Сын.

Лугейд кивнул так, будто и не сомневался в этом.

— Его зовут Мирддин.

Юлия сердито взглянула на него.

— Имя сыну дает отец.

— Его зовут Мирддин.

Друид сунул палец в воду и коснулся им груди ребенка.

— Так назвал бы его отец.

Плечи Юлии опустились.

— Ты говоришь о Повелителях Неба, — произнесла она. — Ты спас мою леди от позора. Но все же никто в замке не поверил полностью.

Его будут называть «сын нечеловека» и рассказывать всякую чепуху. Имя его будет окружено сплетнями.

— Недолго.

Лугейд покачал головой.

— Он первый из нашего племени породнился с богом. Благодаря ему к нам вернутся прежние дни. Рассказы о прошлом — не только сказки бардов, предназначенные для развлечения. В них скрывается истина. Присматривай получше за ребенком и своей госпожой.

Он без интереса взглянул на Бригитту, как будто говорил выполняя чью-то волю. Женщина эта больше не интересовала его.

Юлия недовольно отмахнулась и занялась ребенком, который не плакал, а лежал спокойно, глядя на нее.

В эти первые мгновения после прихода он, казалось, смотрел на мир более осмысленно, чем можно было ожидать от новорожденного. Нянька, заметив странную уверенность в проявлении чувств ребенка, сделала магический знак, прежде чем взять его на руки.

Бригитта тяжело спала.

Юлия правильно определила отношение к Мирддину окружающих, когда он был младен-

цем. Он действительно был «сыном нечеловека». Поскольку вождь поверил — по крайней мере внешне — словам Лугейда, что его дочь зачала от Повелителя Неба, никто вслух не опровергал это. Но относились к мальчишке иначе, чем к его сверстникам.

В первые годы он был странно медлителен и туповат. Женщины считали, что это связано с загадкой его зачатия. Ходить мальчик начал поздно. Если бы не Юлия, он был бы совсем заброшенным и, скорее всего умер бы еще в детстве. Через шесть месяцев после его рождения Бригитта вышла замуж за овдовевшего вождя клана, настолько древнего, что он мог быть ее отцом. Она покинула крепость Найрена. И сын остался без матери.

Бригитта легко перенесла расставание с сыном. Родив ребенка, она как бы очнулась от обморока, в который, как она была уверена, ее погрузил Лугейд. Мать не испытывала к сыну нежности. Ее место занял Лугейд, а Юлия заботилась о физическом развитии ребенка. В этом Мирддин больше всего нуждался. И именно Юлия яростно защищала его, когда вслух обсуждали недостатки мальчишки. А когда ее собственная вера в способности ребенка слабела, она обращалась

к Лугейду.

— Не волнуйся, — говорил Лугейд.

Старик брал мальчика на колени и закрывал глаза рукой.

— Он живет в другом времени, своем собственном. Вот увидишь, он заговорит сразу и пойдет прямо, а не будет ползать, как звереныш. Он многое унаследовал от другого мира, поэтому его нельзя мерить нашими мерками.

Юлия некоторое время сидела молча, переводя взгляд с друида на ребенка и обратно.

— Иногда мне кажется, — призналась как-то она, — что ты придумал эту сказку, чтобы спасти мою госпожу от позора. Но потом я поняла, что это не так. Ты сам веришь в свои слова. Почему?

Он перевел взгляд с ребенка на нее.

— Ты спрашиваешь почему, женщина? Потому что в ночь его зачатия я ощутил приближение Силы. Мы ее давно утратили.

Он с сожалением покачал головой.

— Мы утратили знания, которые позволяли людям бросать вызов звездам. Мы пережевываем обрывки легенд и не знаем, что в них первоначальная правда, а что — позднейшие выдумки. Но осталась тайна, и знающий человек может ощутить присутствие Силы. Этот «сын нечелове-

ка» будет велик, он сможет возводить королей на престол и свергать их. Но не для этого он послан сюда. Он, кроме всего, первооткрыватель, и когда достигнет полной власти этот полубог, он заговорит на Высоком языке, и мы увидим начало нового мира.

Звучавшая в его голосе страсть испугала Юлию. Она взяла мальчика у Лугейда и странно посмотрела на него. Она знала, что друид верит в свои слова и сама верила им. С этого момента женщина следила за каждым движением Мирддина, ожидая увидеть необычное, хотя заранее не знала, как оно может проявиться.

Мирддин сделал первый шаг года в четыре, как предсказывал Лугейд, и сразу пошел уверенно, не ползая, не держась за что-либо, как другие дети.

Месяц спустя он заговорил, и слова его звучали четко, как у взрослого.

Его не тянуло к ровесникам, он не проявлял интереса к оружию, не слушал воинов, рассказывающих о битвах. Он всегда сопровождал друида. И все поняли, что Мирддин станет бардом или будет изучать законы и родословные кланов. В одно из своих редких посещений дома Найрен тоже пришел к такому выводу.

К этому времени вождь сделал свой выбор.

Он решил присоединиться к Амброзиусу. Его противником был Высокий Король, предавший свой народ. Он воевал с саксонцами, которых король пригласил, как союзников, но фактически полностью подчинился им. Воины часто покидали горную крепость, оставляя лишь небольшой отряд для защиты, а женщины и дети работали на полях и пасли стада овец — главное богатство клана.

В клане не хватало работников, и в пять лет Мирддин начал пасти скот. Тогда-то он и нашел пещеру. Ему пришлось искать новые пастбища, потому что стада, которые пасли старшие ребята, кочевали в долинах. Он искал их высоко в горах. Однажды пропала овца, и он взобрался еще выше.

Как во сне брел он среди скал, уже позабыв об овце. Неожиданно что-то заставило его свернуть в ущелье. Обвал, обнаживший вход в пещеру, произошел недавно, и Мирддин увидел расщелину. Неведомая сила тянула мальчика к ней.

Он протиснулся сквозь щель и оказался в широком проходе. Впереди почти ничего не было видно: свет падал сзади, сквозь щель, через которую он сюда проник. Мальчик не испугался, наоборот, его охватило странно растущее воз-

буждение, как будто впереди лежало что-то удивительное, предназначенное лишь для него одного.

Он бесстрашно двинулся во тьму, горя нетерпением узнать, что же там впереди.

Чем дальше он шел, тем ярче разгоралось сияние, охватывающее пространство на три-четыре шага, как будто он был окутан светящимся плащом. Это не показалось ему странным. Наоборот — он воспринимал окружающее, как давно знакомое, но забытое.

Он слышал, что рассказывали о нем, о его отце — Повелителе Неба. А от Лугейда он узнал, что в далекие-далекие времена жители неба часто опускались на Землю, и женщины Земли рожали им сыновей и дочерей.

Эти сыновья и дочери обладали талантами, которых не было у других жителей Земли, но когда Повелители Неба перестали появляться, стали исчезать и яркие личности. Потомки небесных жителей смешивались с землянами и утрачивали чистоту крови. Сейчас мало кто верил в них, и Лугейд предупредил Мирддина, что он должен хранить свои чувства в тайне, пока делами не сумеет подтвердить свое интеллектуальное наследство. Лугейд сказал также, что если мальчик

сам не сумеет познать науку древности, он будет беспомощен, потому что на Земле давно нет учителей и сохранилась лишь слабая тень прошлых знаний.

Часть души Мирддина, унаследованная от Бригитты, съежилась. Она была одинока, испуганна и неспособна вступить в контакт с окружающим миром. Мальчик часто думал о том, что случится с ним, если он не сумеет открыть то, что ему напророчено. Даже Лугейд был здесь бессилен. Он сказал, что учителя, которые могли бы научить Мирддина, давно мертвы, а от их знаний сохранились лишь обрывки в памяти таких, как, например, сам друид. Но жрец пообещал, что когда придет время, он все свои знания передаст ему, своему приемному сыну.

Сияние, сопровождающее мальчика, становилось сильнее. Теперь Мирддин видел, что свет исходит от стен. Потрогав одну из них, он почувствовал, что скала вибрирует. Мальчик прижался ухом к камню и услышал биение, похожее на удары огромного бубна.

В его сознании ожили сказки о чудовищах, живущих в глубоких пещерах, и он остановился в нерешительности. Но возбуждение погнало его дальше. И вот он оказался в обширном зале, зали-

том ярким светом. Мирддин отшатнулся, закрыв глаза руками, ослепленный блеском. Вибрация стен усилилась. Появился гул, который медленно нарастал.

— Не бойся.

Мирддин вдруг понял, что уже давка слышит этот голос, и впервые в жизни почувствовал настоящий ужас.

Он боролся со страхом, однако не мог заставить себя оторвать рук от глаз и посмотреть на того, кто говорит. Страх исчез так же внезапно, как и появился. Конечно, ни привидение, ни огнедышащий дракон не станет говорить человеческим голосом.

— Не бойся! — послышались те же слова.

Мальчик глубоко вздохнул и, собрав все свое мужество, опустил руки.

То, что он увидел, было настолько чуждо его опыту, что удавление победило остатки страха. В пещере не оказалось ни чешуйчатых чудовищ, ни злобных тварей.

Яркий свет озарил полированные прямоугольники и цилиндры, которые не имели названий.

Он ощутил присутствие какой-то жизни, хотя это не была жизнь плоти, это было нечто иное.

Огромную пещеру наполняли различные

предметы. На поверхности некоторых из них вспыхивали разноцветные огоньки.

Другие оставались темными, но во всех теплилась чужая жизнь.

Мирддин по-прежнему не видел, кто говорил с ним. Он все еще не решался углубиться в зал и стоял около входа. Но облизав пересохшие губы, все-таки произнес, и голос его звонко прозвучал в огромном помещении.

— Кто ты? Я тебя не боюсь.

Это было только наполовину неправдой, потому что с каждым мгновением страх проходил, побежденный очарованием необычности.

Он ожидал, что кто-нибудь выйдет ему навстречу, выступит из-за блока или колонны. Но время шло, а никто не появлялся.

Мирддин снова заговорил, слегка разочарованный оказанным ему приемом.

— Я Мирддин из клана Найрена.

Он сделал два шага в глубь пещеры.

— А ты кто?

По-прежнему вспыхивали и гасли огоньки, не прекращалось гудение. Но ответа не было.

Тут Мирддин увидел в дальнем конце прохода, образованного двумя рядами блоков и цилиндров, какое-то сияние, соединявшее два блока и

образующее сплошную стену. Как только он обнаружил это странное явление, сияние померкло, и он увидел какую-то фигуру такого же роста, как он сам.

Желая рассмотреть незнакомца, Мирддин двинулся вперед, не обращая внимания на незнакомые предметы, всматриваясь лишь в фигуру на сверкающей поверхности. Он никогда раньше не видел такого яркого и четкого отражения, потому что зеркалами в доме клана служили либо маленькие бронзовые пластинки размером с ладонь, либо искажающая поверхность полированных щитов.

Здесь было все совсем по-другому, и только вытянув руку, он понял, что тот мальчик не кто иной, как он сам, отраженный в зеркале. Вначале его заинтересовала только новизна увиденного.

Темные волосы, сегодня утром так аккуратно расчесанные Юлией, теперь спутанные, лежали на плечах, в них желтели листья от кустов, сквозь которые он пробирался. Коричневое лицо и густые черные брови, сросшиеся на переносное, изумительно зеленые глаза из пространства, находящегося по ту сторону стекла.

Одежда была порвана и испачкана, длинные брюки заправлены за голенища сапог.

На груди было единственное украшение — коготь орла на красной нити. На подбородке засохла глина, щека была исцарапана.

Мальчик был одет не так уж роскошно, внук вождя мог носить одежду и поярче. Но зато в кожаных ножнах висел на поясе замечательный нож. И это говорило, что мальчик из богатой семьи и древнего рода.

Мирддин тряхнул головой, отбрасывая назад волосы. Он решил, что здесь нужно выглядеть достойно.

— Мы тебя ждали, Мерлин, — снова и без всякого предупреждения прозвучал голос.

Мерлин? Они — те, кто здесь скрывается, хотят называть его так. Мирддин снова почувствовал страх. А что, если они ждут другого и сейчас обнаружат свою ошибку? Он глубоко вздохнул и упрямо посмотрел в Зеркало. Собственное отражение почему-то внушило ему уверенность.

— Вы ошибаетесь.

Он заставил себя говорить громко.

— Я Мирддин из дома Найрена.

Он ждал наказания. Сейчас его выбросят из пещеры, как травинку из волос, а ему почему-то хотелось остаться здесь и узнать, что это за место, кто с ним разговаривает, называя этим странным

именем.

— Ты Мерлин, — уверенно заявил голос, — и для тебя подготовлено все это. Отдохни, сын, а потом узнаешь, кто ты на самом деле., и начнешь познавать древние науки.

Из правого блока выдвинулась планка. Мирддин осторожно ощупал ее. Она была достаточно широкой и казалась прочной. Его вес она выдержит. К тому же, он решил, что не стоит спорить с этим голосом, слишком уверенно и властно он звучал.

Мирддин осторожно уселся перед Зеркалом.

Хотя сидение было твердым, оно слегка подалось под его весом. Сидеть стало еще удобнее. Отражение в Зеркале исчезло. До того, как Мирддин успел встревожиться, там появилось другое изображение. И начался первый урок.

Вначале Мирддину строго запретили с кем-либо делиться впечатлениями о своем странном приключении. Даже Лугейд, единственный во всем клане, кто мог бы его понять, ничего не должен знать.

Но запрета на мысли и воспоминания не было. Узнанное в Зеркале так его возбуждало, что в доме клана он ходил, как в тумане.

Лугейд, который мог бы, глядя на мальчика,

догадаться, что происходит что-то странное, в это время отсутствовал. Он служил посыльным между Найреном и другими вождями и маленькими королями. В эти дни он пытался сколотить союз, способный противостоять Крылатым Шлемам и сторонникам предателя Вортигена. Ему постоянно приходилось отправлять отряды в разные концы на беспокойные границы.

Мирддин мог легко ускользать из замка и, опустившись в пещеру, проводить долгие часы перед Зеркалом.

Вначале он не понимал многого из того, что ему показывали. Опыт ребенка был слишком мал. Но изображения в Зеркале, хотя и не повторяющиеся, снова и снова сообщали ему факты, пока они не стали частью сознания мальчика, как ежедневные события жизни, знакомые ему с рождения.

Мирддин понемногу стал применять изученное на практике. Он обнаружил, что сведения, сообщенные Зеркалом, имеют практическое значение. Ребенок мог влиять на ребят, достаточно выросших, чтобы владеть оружием. Он очень рано понял, что кроме него никто не может увидеть расщелину, ведущую в пещеру, хотя ничего не знал об искажающих полях.

Благодаря этому свойству он научился исчезать, одновременно внушив своим товарищам, что он охотится с ними или пасет с ними овец. Они видели его рядом, хотя он давно уже стоял перед Зеркалом.

Ему не терпелось использовать свои знания. Вместе с тем действовали определенные ограничения. Например, он дважды пытался убедить Юлию увидеть несуществующее и оба раза пришлось отказываться от попытки открыть ей тайну.

Так он узнал, что его способность предназначена не для развлечений.

Новости медленно доходили до горной крепости. Лугейд не возвращался. Стало известно, что он направился в далекое путешествие к Месту Силы. Мирддин тосковал по нему, он надеялся поделиться с друидом своими удивительными открытиями, понимая, что только старый Лугейд, владевший обрывками древних знаний, сумеет его понять.

Вскоре после известия о дальнем походе Лугейда дошли слухи более тревожные. Печальные новости сообщили раненые солдаты, вернувшиеся домой. Многие из них еле держались в седлах. Отряд Найрена в одном из походов преда-

ли, половина бойцов вместе с вождем погибли. Оставшиеся в живых чудом добрались до крепости, пробиваясь сквозь непогоду. Клан замер в ожидании нападения.

Когда немедленного удара не последовало, все немного успокоились, но дом клана стал местом скорби и траура. Гвин Однорукий, младший брат Найрена, стал вождем, поскольку у Найрена не было сыновей. Впрочем, Гвин из-за своего увечья не мог сделаться настоящим вождем, хотя у него было хитроумное бронзовое, приспособление, прикрепленное к запястью, оно служило ему боевой дубиной.

Если бы Мирддин был старше, он мог бы предъявить свои права, но сейчас не время мальчику становиться вождем, и клан с шумным одобрением принял Гвина. Это была пора сбора урожая, но люди работали на своих маленьких полях, постоянно оглядываясь, а меч и копье держали наготове. На высотах у сигнальных костров бдительно дежурили часовые.

У Мирддина теперь редко случалась возможность ускользнуть в пещеру к Зеркалу, и поэтому он постоянно был не в духе. Мальчик не знал, многому ли его успели научить. Однажды ему удалось убежать в пещеру к волшебному Зерка-

лу, и, возможно, по чистой случайности, а может быть и нет, но он в этот день задержался перед Зеркалом. Когда он выбрался из расщелины, уже сгущались сумерки.

Боясь, что ворота крепости закроют, он побежал вниз по склону меж скалами, думая только об одном: как бы поскорее добраться до дома клана. По дороге он не заметил подозрительно перемещающиеся тени. И вот чья-то рука схватила его за лодыжку. Он упал и от удара едва не потерял сознание.

Сильные руки прижали его к земле. Он пытался сопротивляться. Кто-то взял его за волосы и повернул к себе.

— Слава милосердной Троице! — радостно произнес этот кто-то. — Это то самое отродье. Он сам пришел к нам в руки, как петух за зерном.

У Мирддина не было возможности рассмотреть тех, кто его похитил. На него набросили плащ, кисло пахнущий смесью человеческого и лошадиного пота. Поверх плаща повязали веревку, так что мальчик превратился в бесформенный тюк, какой торговец может легко бросить на спину лошади. И вот, подобно такому тюку, он лежит на спине лошади, голова его свисает и подскакивает на каждой неровности дороги.

Вначале мальчик подумал, что попал в руки военного отряда саксонцев. И было непонятно, почему они сразу его не убили? Он попытался рассуждать спокойно. Вдруг он понял, что говорят они на том же языке, что и он.

Они назвали его «отродьем». Очевидно, им нужен был именно он. Но зачем?

Мирддин с трудом дышал под плащом, отчаянно пытаясь сохранить спокойствие.

— Зачем он им? Может быть, они хотят превратить его в раба?

Нет, рабов и без него достаточно. А возможно здесь главное то, что он родственник Найрена? Но ведь вождь клана теперь Гвин…

Голова его свисала со спины лошади, она гудела, мальчика начало тошнить. К тому же ему было страшно.

Долго ли продолжалась эта пытка, Мирддин не знал. Он был почти без сознания, когда его сняли с лошади и без церемоний швырнули на землю.

— Осторожнее! — приказал кто-то. — Помни, он нужен живой, а не мертвый.

— Дьявольское отродье. Такие приносят беду, — ответил другой.

Его дернули за плащ, но Мирддин не мог двигаться. Тогда чьи-то руки обхватили его. Человек,

так грубо тащивший его, в темноте казался смуглым. Мальчику связали руки, потом рывком проверили прочность веревки, и только тогда Мирддин смог разглядеть окружающих.

Люди появлялись и исчезали, и он не знал, сколько их. Слышны были шаги лошадей. Ночь была очень холодной, а от того, что он лежал на ледяной земле, у него не попадал зуб на зуб.

Похитители молчали, и мальчик по-прежнему не знал, кто они. Впрочем, теперь он был уверен, что это не саксонцы.

Кто-то подъехал к небольшой полянке, где они остановились. Один из мучителей поднялся и пошел навстречу.

— Он у нас, лорд.

В ответ прибывший издал звук, обозначающий удовлетворение, и сказал:

— Тогда трогайтесь. Не время отдыхать. Пора отомстить роду Найрена, этого требует клан. Торопитесь. У Зуба Гиганта вас ждут свежие лошади.

Всадник исчез в темноте ночи. Мирддин слышал недовольное ворчание.

Снова мальчика посадили на лошадь, только на этот раз он сидел в седле, веревка, пропущенная под животом лошади, стягивала его ноги. На него

опять набросили плащ. Голова у него отчаянно болела, он старался не потерять сознание, понимая, что если свалится, лошади тут же затопчут его копытами.

Они ехали всю ночь, остановившись один раз у высокой скалы, которая действительно казалась зубом, вырванным из огромной ужасной пасти. Тут они пересели на свежих лошадей. Мирддин погрузился в туман страха, боли и неизвестности. Никто не разговаривал с ним, казалось, о нем забыли. Его тело превратилось в сплошной синяк, и каждый шаг лошади вызывал мучительную боль. Он сжал губы, твердо решив не жаловаться, не стонать и не кричать.

Они спустились с холмов. Рассвет застал их ка одной из дорог, построенных римлянами. Теперь Мирддин мог лучше рассмотреть своих спутников. Они были такие же, как и люди клана Найрена, только лица их мальчику не были знакомы. Из десяти человек восемь были обычными копейщиками, какие могут служить любому вождю клана.

Но поводья лошади Мирддина держал человек в искусно сшитом алом плаще, правда, изорванном и испачканном. Его волосы цвета полированной бронзы опускались ниже плеч.

Толстые губы окружала щетина, и чувствовалось, что несколько дней его щек не касалась бритва.

Это был сравнительно молодой широкоплечий человек. На руках он носил бронзовые браслеты. На боку у него висел меч римского образца, а спину закрывали полоски металла. Глаза у него покраснели. Вероятно, он давно не спал, так как время от времени зевал, чуть не выворачивая скулы.

Сосед Мирддина слева был другого телосложения. Это был худой человек в измятой, лишенной украшений кирасе. Шлем без верхушки все время съезжал на бок, так как был ему слишком велик. Оружием ему служили меч и копье с острым наконечником. И ехал он не сонно, а напряженно, все время оглядываясь по сторонам, как будто опасался в любую минуту натолкнуться на засаду.

Мирддин так устал, что качался в седле, но похитители по-прежнему не обращали на него никакого внимания. Знания, полученные в пещере, не могли подсказать, что будет дальше. Он знал только, что будущее не сулит ему ничего хорошего. Но он не пытался представить себе, каким оно будет, это будущее, и не интересовался ни похитителями, ни местностью, по которой

они проезжали. А местность для человека, родившегося в горах и проведшего там всю жизнь, была очень странной.

К полудню дорога стала оживленной.

Мимо проскакали отряды вооруженных всадников. Три отряда саксонцев уступили им дорогу. Перед ними возвышалась каменные здания, построенные по-другому, чем дома клана Нейрана.

Мирддин хотел есть, его мучила жажда, но ничего он не просил у сопровождающих. Однако когда они остановились у ручья, чтобы напиться и напоить лошадей, один из копейщиков набрал воды в деревянную чашку и поднес ее к губам мальчика. Мирддин с жадностью выпил воду, и в голове у него сразу прояснилось.

Он посмотрел на воина, не такого жестокого, как его товарищи.

Копейщик был гораздо моложе остальных, и его бледно-голубые глаза смотрели тяжело и мрачно.

«Мирддин медленно пил. Горло у него болело. Перед словом, которое он выдавил из себя, вырвался хрип.

— Спасибо, — начал он.

Но к нему повернулся человек в шлеме.

— Придержи язык, дьявольское отродье, или

мы загоним тебе в рот кол!

Сказавший это подъехал почти вплотную.

Он рывком натянул на голову Мирддина капюшон плаща, и мальчишку окутал мрак.

— Дурак!

Видимо, он обращался к копейщику, давшему Мирддину воды.

— Ты что, хочешь, чтобы в тебя вошли демоны? Этот малолетний колдун может вызвать духов.

Мирддин услышал, как оправдывается подавший ему воду и подумал, как хорошо, что он успел отхлебнуть несколько глотков до того, как вмешался командир отряда. Вода освежила мальчика, он как бы очнулся от сна. Надеяться было не на что. Нужно было искать выход. До этого он подчинялся обстоятельствам. Теперь мысли его медленно приходили в порядок.

Где искать помощи? Может быть, скрыться так же, как скрывался он в пещере и этого никто не замечал?

Хотя Мирддин был молод, он уже многое знал и умел. Где-то в его мозгу появилось ощущение, что вся эта история — начало того будущего, к которому готовило его Зеркало.

Они называли его „дьявольским отродьем“.

Он и раньше слышал эти слова, хотя в лицо

ему их не говорили. Найрена боялись и не могли преследовать его потомков. Но поговаривали, что его отец не небесный повелитель, а демон. Разве не зачат он в канун Саймена, когда высвобождаются все злые силы? Не найди он пещеру с Зеркалом, возможно, он и сам поверил бы в это. Но пещера была несомненным доказательством существования небесного народа, и там он узнал, что рожден с определенной целью. Вся его жизнь должна быть посвящена этой цели.

До сих пор у него не было врагов.

Кланом правил Гвин, и Мирддин не претендовал на его место. Его не прельщала должность военного вождя. Люди знали, что когда-нибудь он уйдет с Лугейдом и станет бардом.

Для кого он опасен? Обо всем этом размышлял мальчишка, пока они не прибыли в город, признающий власть Вортигена.

Из разговоров своих похитителей Мирддин понял, что в этот город они и направлялись.

Так значит с этого времени он стал заложником.

Но Найрен давно умер. Кому же понадобился такой заложник?

Очнувшись от своих мыслей, он попытался оглядеться. Из-под капюшона он видел только

дорогу под ногами и основания каменных стен. Но он мог слушать.

Вначале он был совершенно оглушен и с трудом отличал один звук от другого.

Лошади остановились, веревка, связывающая ноги Мирддина, упала. Тяжелая рука сняла его с седла и грубо бросила на землю. Ноги под ним подогнулись. Он почувствовал отвратительный запах. С него сдернули плащ и Мирддин увидел, что стоит в каменной клетушке с единственной скамьей и узкой щелью в стене.

Ему развязали руки, но он их почти не чувствовал. Перед ним был человек в шлеме. Он подтолкнул мальчика к скамье.

— Жди, пока тебя не захочет увидеть Высокий Король, — проворчал он и ушел, захлопнув за собой двери.

Мирддин оказался в полутьме.

— Король. — Мирддин произнес это слово вслух. Есть лишь один король. Его власть опирается главным образом на саксонцев, которых он пригласил сначала, чтобы укрепить свою армию и защититься от набегов шотландцев, а затем, чтобы расправиться с теми, кто мог стать его соперником. С самого раннего детства Мирддин привык к мысли, что Вортиген — предатель. А

как иначе можно назвать человека, который повинуется приказам Крылатых Шлемов и перебил для их удовольствия всех своих близких родственников.

Чего же Вортиген хочет от него, Мирддина?

Он напряженно думал, и от этого еще сильней заболела голова. Мирддин сидел на каменной скамье, растирая опухшие руки, чтобы вернулось нормальное кровообращение, и с трудом сдерживал стон.

Он попытался вспомнить все, что знал о Высоком Короле. Последний слух, дошедший до горных кланов, говорил, что Вортиген собирается соорудить высокую башню, которая затмит все, построенное римлянами.

Но однорукий торговец, рассказавший об этом, добавил, что строительство встретилось с трудностями, что тщательно уложенные в стену камни на следующее утро оказываются разбитыми или разбросанными.

Говорили, будто чье-то волшебство побеждает все усилия строителей башни.

Мирддин прислонился головой к стене.

Он так устал, что больше не мог сопротивляться сну и погрузился во тьму, более тяжелую, чем тьма тюремной камеры.

Проснувшись, он увидел мерцающий свет и на мгновение решил, что сидит перед Зеркалом, а светятся прямоугольники и цилиндры в пещере. Открыв глаза пошире, он понял, что светится факел, вставленный в кольцо на стене справа от него. Под факелом стоял человек и смотрел на мальчика.

Мирддин ощутил внезапный приступ радости. Такую белую одежду он видел лишь на Лугейде в праздничные дни. Впрочем, не было золотой спирали, которую Лугейд носил на груди. Но какая разница, ясно одно — перед ним друг, и он поможет ему. Надо только сказать волшебные слова, произнести пароль. Он собирался уже вымолвить эти слова, которым научил его Лугейд, но тут заговорил незнакомец.

— Сын демона, сын нечеловека, запрещаю тебе использовать дьявольскую силу. Накладываю на тебя духовные узы повиновения, и ты не сможешь их порвать.

Он начал напевать заклинание, указывая на Мирддина белым жезлом, испачканным высохшей кровью.

В нос ударило отвратительное зловоние.

Мирддин тряхнул головой, пытаясь избавиться от невидимого облака, окружавшего этого че-

ловека. Он не мог быть другом Лугейда. В то же время Мирддин понял, что все ранее испытанные страхи — ничто по сравнению с тем, что он ощутил сейчас, потому что теперь опасность грозила не только его телу, но и его духу. Он начал повторять не слова приветствия, а другие, которым его тоже научил Лугейд.

Он видел, как расширились глаза друида, посох взлетел в воздух, как будто жрец хотел кого-то ударить. Ветер коснулся лица Мирддина.

Но жест этот был лишь пустой угрозой. Поняв это, мальчик овладел собой и подавил свой страх.

— Чего тебе нужно от меня?

Мирддин сознательно говорил грубым голосом. Незнакомец носил такую же одежду, как Лугейд, но Мирддин видел теперь, что он не похож на Лугейда.

Красный конец посоха был направлен на мальчика, как копье, подготовленное для последнего смертельного удара.

— Ты, не знающий отца, послужишь Высокому Королю. Мы, говорящие с Силами, установили, что башня не может стоять, пока в основание ее не будет пролита кровь юноши, не знающего отца.

В глубине памяти Мирддина ожило какое-то воспоминание. Возможно, он видел это в Зеркале, а потом забыл. Он не всегда сразу мог вспомнить все, что показывали ему в пещере. Некоторые видения глубоко погружались в его сознание и лежали там, пока случайное слово или знакомый предмет не оживит их и не вызовет на поверхность.

Все это он уже видел и знал — это не смерть. Теперь он понимал, что привело его сюда. Это была не только воля короля, была и другая причина, связанная с задачей, которую он лишь смутно ощущал впереди.

Друид, который ожидал, что мальчик испугается и будет просить о милости, был разочарован, потому что Мирддин смотрел на него уверенно, высоко подняв голову.

— О каких Силах ты говоришь?

Он снова сознательно упустил слова уважения.

— Твои слова исходят не от небесных существ, а повинуются желаниям мелких людишек.

Друид тяжело дышал. Он смотрел прямо в глаза мальчику, пытаясь подавить его волю и сделать послушным, готовым повиноваться приказам. А Мирддин, уже зная, как вест себя, уверенно

посмотрел в глаза противника.

— Ты знаешь о небесных существах? — спросил незнакомец голосом, лишенным прежнего высокомерия.

Теперь в его голосе звучала нотка неуверенности.

— А ты? — ответил вопросом Мирддин и добавил:

— Об этом запрещено говорить с не владеющим тайнами!

Лицо незнакомца вспыхнуло гневом.

— Откуда ты знаешь, что я не владею, дьявольское отродье?

— Потому, что я знаю тех, кто владеет.

Мирддин отчетливо произносил слова, которым давно научил его Лугейд.

Но, к его удивлению, друид облегченно рассмеялся.

— Эти слова теперь бессмысленны. Ведь мы слушаем новую Власть. Ты теперь никого не обманешь, болтая эти забавные вещи.

Он чуть повернул голову, не отводя взгляда от Мирддина, как бы опасаясь, что мальчик может оказаться более сильным противником, и сказал:

— Входи!

Потом повторил:

— Войди и возьми его!

Человек в старых латах вошел, почтительно обходя друида. Мирддин не сопротивлялся, когда ему снова связали руки и подтолкнули к двери.

Друид уже вышел и ждал их снаружи.

На улице солнце заставило Мирддина зажмуриться, он никак не мог поднять руку, чтобы защититься от сияния. Его окружило несколько стражников, а за ними мальчик увидел жителей города и саксонцев. Они смотрели на него, ожидая чего-то.

Тот же самый отвратительный запах, который сопровождал друида, теперь висел над всеми.

Он должен был вызвать в человеке страх, победить его мужество, так, чтобы он, не сопротивляясь, шел навстречу смерти.

И все же мальчишка шел уверенно, без колебаний, полностью владея собой.

Дорога, по которой они шли, поднималась на холм к грудам камней, из которых Вортиген собирался строить свою крепость. Взбираясь, Мирддин смотрел по сторонам не потому, что хотел рассмотреть лица собравшихся, а как бы проникая взором в глубь земли.

Они остановились перед гладким камнем, на-

крытым вышитой тканью. На этом троне сидел король.

Мирддин увидел человека возраста своего деда, но в чертах его лица не было благородства, не было гордости. Лицо короля опухло, как будто он много пил. Глаза Вортигена, не останавливаясь, перебегали с одного лица на другое, как будто он постоянно ожидал предательства. Руки короля лежали на рукояти меча. Вздутый живот, на котором с трудом застегивалась перевязь меча, говорил о том, что король давно уже не воин.

За ним стояла грациозная женщина, гораздо моложе короля, с золотой короной в волосах, желтых, как созревшая пшеница.

Ее платье было вышито золотом, так что оно сверкало на солнце, как металлическое.

Она была хороша собой. Но это была ослепляющая красота металла, которого на ней было много.

В ней не было робости, не было женской неуверенности. Она смотрела с легкой улыбкой, не смягчавшей высокомерного выражения.

Когда она посмотрела на мальчика, в ее взгляде блеснуло жестокое нетерпение.

— Вот этот мальчишка и есть сын нечеловека? — спросил король.

— Господин Король, — ответил друид, — об этом говорила сама родившая его. Один из сильных расспрашивал ее, и она не могла солгать. В ночь Самайена он был зачат каким-то демоном или дьяволом…

— Господин Король, почему твои люди лгут тебе?

Голос Мирддина звучал спокойно и уверенно.

Друид повернулся, подняв жезл. В этот момент ожило заклинание, погруженное в сознание Мирддина. Он взглядом остановил жреца.

Краска сбежала с лица друида, черты лица его расслабились. Он выглядел опустошенным.

Вортиген испуганно следил за этой переменой.

— Что ты натворил, рожденный демоном?

Он скрестил пальцы, чтобы одолеть сглаз.

— Ничего, господин Король. Я только добиваюсь возможности рассказать тебе, как плохо служат твои люди.

Король облизнул губы. Рука его сжала рукоять меча.

— Кто же это мне плохо служит?

— Ну хотя бы строители этой башни.

Мирддин кивком указал на груду камней.

— Прикажи копать на том месте, где я стою, и ты увидишь, что там, где ведется строительство

сейчас, протекает ключ, вода смягчает почву, и поэтому земля не выдерживает тяжести камней. Кроме того, в подземной воде ты увидишь судьбу этой земли. Там скорчился белый заморский дракон.

Мальчик бросил взгляд на королеву. Та пристально смотрела на Мирддина, будто хотела убить его взглядом. Мирддин ощущал давление ее воли, но сила ее была слаба по сравнению с той силой, которую разбудило в нем Зеркало.

— По другую сторону ручья — красный дракон древних. Эти драконы ведут бесконечную битву. Сейчас силы белого дракона увеличиваются и он теснит красного. Но близок тот день, когда красный дракон начнет побеждать. Пусть твои люди начнут копать. Все будет так, как я сказал.

Металлическая королева протянула руку, собираясь притронуться к плечу Вортигена.

В тот же момент Мирддин, вооруженный знаниями Зеркала, понял, что она его враг.

Она не просто саксонская девка, соблазнившая короля, она…

Он нахмурился, ощутив угрозу, которой не понимал и с которой раньше не встречался. Встревоженный, он сосредоточил внимание на короле, инстинктивно чувствуя, что нужно на-

прячь свою волю.

— Прикажи копать, господин Король!

Вортиген наклонился вперед, так что королева не смогла его коснуться, тяжело кивнул и сказал:

— Пусть копают.

Принесли лопаты и по приказу короля начали быстро копать. И вот на склоне холма ударила струя воды. Обнаружилась пещера с подземным бассейном.

Мирддин напряг силы. На этот раз требовалось не только затуманить мозги своих сверстников. Нет, он должен был создать иллюзию, которую никогда не сможет забыть ни один из присутствующих.

С одной стороны бассейна вспыхнуло красное пламя, с другой — белое. Языки пламени тянулись навстречу друг другу.

Мирддин удерживал иллюзию как мог долго, затем, разом опустошенный, позволил огням исчезнуть. На лицах окружающих был страх. Кто-то торопливо разрезал канаты, связывающие его руки.

Король повернулся к нему. На его побледневшем лице были напряжение и восторг.

— Ты сказал правду, — проговорил он.

Голос его громко звучал в тишине, опустившей-

ся над холмом.

— И я отвечу тебе правдой на правду.

Мирддин начал пророчествовать. Он знал, что должен сказать то, что говорил.

— Твои дни приближаются к концу, Высокий Король. Знай, что с вечерней звездой сюда придет Амброзиус!

— Мальчик, говорят, что ты пророк. Это правда?

Воин выпрямился, красный плащ его распахнулся, обнажив на груди панцирь старой римской работы. На нем был выгравирован бог с лавровым венком на голове. Бог сжимал пучок молний. Воин был приземистый, лицо его было замкнутым. Скорее всего он считал проявление эмоций непозволительной слабостью. О том, что он был римлянин, говорила не только одежда, о его происхождении говорила обветренная смуглая кожа, коротко остриженные волосы, гладко выбритое лицо.

Мирддин почувствовал волевой напор этого человека, как ощущают особое оружие. Это был настоящий вождь. Все, что говорили об Амброзиусе Аврелиане, оказалось правдой. Он был последним из римлян, со всеми их достоинствами и недостатками.

Это был предводитель, за которым идут люди. Но Мирддин не его искал. Он понимал, что другой человек сможет сплотить Британию, соединить ее людей в один народ.

Он был слишком римлянин, чтобы стать вождем многочисленных племен. Это был удачливый военный предводитель, полководец, а не вождь.

— Господин, я горец и хорошо знаю эту землю.

Мальчик тщательно подбирал слова, он не мог говорить всю правду, потому что Амброзиус ему не поверил бы.

— Я только сказал людям короля, что на этом холме нельзя ставить башню, потому что под землей течет источник.

— А эти драконы, красный и белый? Наши пленники клянутся, что видели их схватку, — быстро возразил Амброзиус. — Откуда они взялись? Тоже из твоего ручья?

— Господин, люди видят то, что ожидают. Вода оказалась там, где я сказал, поэтому они готовы были увидеть и остальное. Драконы были лишь в их воображении. Белый дракон саксов поддерживал Вортигена, а красный дракон нашей земли терпел поражение.

Он спокойно выдержал острый взгляд пред-

водителя.

— У меня нет практики в колдовстве, — сказал загадочно Амброзиус. — Колдовство оскорбляет богов и обманывает глупцов. Помни это, юный пророк! Хотя человек имеет право использовать любое оружие, защищая свою жизнь. Но вторично ему не следует использовать одно и то же оружие. Мы сражаемся вот этим.

Он коснулся меча, который лежал перед ним на столе.

— Магия ночи, зло колдовства — все это не для нас. Пусть будет трижды проклята сакская девушка, покорившая короля. Ее методы борьбы не для нас.

Мирддин слышал рассказы о том, что именно королева насыпала яд старшему сыну Вортигена. С этого и началось восстание против короля.

— Господин, — ответил он, — я не колдун и прошу отпустить меня домой.

Мирддину показалось, что во взгляде Амброзиуса мелькнуло любопытство.

— В тебе кровь Найрена, благородного воина и верного человека. И возраст твой позволяет владеть оружием. Если хочешь, я возьму тебя в свое войско. Только больше никаких предсказаний, никакого обмана.

— Господин, ты оказываешь мне великую честь.

Мирддин поклонился.

— Но я не человек меча. Я хочу служить тебе иначе.

— Как еще иначе? Разве ты бард и имеешь власть над словами? Мальчик, ты еще слишком молод, чтобы быть бардом. А я не король, чтобы посылать к врагам оратора, а не войско. Я не назову тебя трусом. По-видимому, ты был в смертельной опасности и вышел победителем благодаря разуму. Но мы живем в такие времена, когда имеет силу только оружие против оружия. К тому же саксы совсем не слушают слова, как это хотелось бы.

— Господин, ты говоришь о колдовстве, но я чувствую, что во мне живет дар предвидения. Ты и его считаешь злым?

Амброзиус долго молчал, потом ответил более спокойным, рассудительным тоном:

— Нет, я не отрицаю, что предсказания бывают истинными. Но все равно они вредны. Если человек знает, что его ждет победа, он будет сражаться менее отчаянно. Если он знает о поражении, то тем более храбрость покинет его, и он готов будет отказаться от битвы. Поэтому я не

желаю знать, что ждет меня впереди, не советую обращаться к авгурам, как делали легионеры в прежние дни. Хотя ты и прав, Мирддин из дома Найрена, я вынужден отказаться от службы, которую ты мне предлагаешь. И тебе действительно лучше уехать. Ты предсказал Вортигену и этим послужил нам. За это тебе спасибо. Мы будем сражаться за победу красного дракона, но без колдовства. Тебе дадут лошадь и припасы. Уезжай от нас поскорее.

Так Мирддин, увезенный из гор испуганным и ошеломленным ребенком, вернулся из плена по-прежнему мальчиком, но дух его стал другим. Тот, кто становится причастным к таинственным силам, в одно мгновение перескакивает от детства к зрелости и никогда не возвращается обратно. У Мирддина было достаточно продовольствия, и он не стал заезжать в дом клана, а направился прямо к пещере.

Отпустив лошадь пастись на небольшой поляне перед склоном, в котором находилась пещера, он пробрался через расщелину и оказался перед Зеркалом. В пещере скорее почувствовал, чем увидел едва уловимые изменения. На первый взгляд, все осталось прежним — огоньки все также мелькали на машинах, и как всегда, на него

смотрело собственное отражение.

Воля, поддерживающая его в пути от города, откуда был изгнан Вортиген и где теперь стал лагерем Амброзиус, покинула мальчика. Он упал на скамью перед Зеркалом, охваченный усталостью и опустошенный. Даже думать было невозможно.

Но беспокойство не оставляло его. Даже в этом тайном месте таилась какая-то опасность.

Мирддин порылся в седельном мешке, отыскал кусок сухого хлеба и маленькую кожаную бутылку кислого вина. Запивая хлеб вином, он ел только потому, что знал, его тело нуждается в пище.

Мирддин ел и смотрел в Зеркало. Он видел собственное отражение. Маленькое, смуглое, со спутанными волосами существо. Лицо его — он теперь ясно видел это — отличалось от лиц окружающих. Унаследовал’ ли он это отличие от его небесного отца?

Среди изображений, которые показывало ему Зеркало, он никогда не видел людей.

Мальчик устало жевал, время от времени оглядываясь. Хотя пещера отражалась в Зеркале, его не оставляло ощущение, что он не один. В воздухе был разлит какой-то слабый запах.

Он обнаружил, что принюхивается, как охотничья собака.

Удовлетворив голод, Мирддин начал осматривать все закоулки пещеры. Никого не было.

Но может быть кто-то был здесь раньше? Однако как он мог почувствовать его присутствие?

Мирддин снова сел на скамью перед Зеркалом, обхватив голову руками. Некоторое время он сидел, погрузившись в мысли о будущем.

Вдруг послышался резкий звенящий звук, как будто металл ударился о металл. Мирддин поднял голову. Зеркало проснулось, изображение мальчика исчезло с его поверхности. Его место занял знакомый клубящийся туман. Он сгущался, темнел…

Мирддин смотрел на девушку. Она держалась напряженно и как будто к чему-то прислушивалась. За ней виднелась хорошо знакомая местность — склон, в котором находилась расщелина, ведущая в пещеру.

Но эта девушка не была из дома клана!

Она была стройна стройностью подростка, кожа ее была бела, даже бледна, как слоновая кость. Волосы густо чернели. Но в этом черном облаке сверкали странные красноватые искры.

Лицо у девушки было треугольное, скулы ши-

рокие, подбородок заостренный.

Мирддин вдруг понял, что она чертовски похожа на него.

На ней было простое платье: в зеленом прямоугольнике прорезали дыру для головы, у талии платье было перехвачено серебряной цепочкой, на ногах красовались невысокие сапожки с тем же украшением; никаких браслетов или ожерелий.

Девушка длинными пальцами убрала с лица волосы и посмотрела в Зеркале на Мирддина. Ему показалось, что она его видит, но в глазах ее ничего не отразилось.

В простом платье, юная, она казалась нелепой в этой пустынной местности, и все же в ней чувствовалась власть, словно она была дочерью вождя. Мирддин подвинулся поближе к Зеркалу, чтобы лучше разглядеть ее.

Девушка странно привлекала его, больше, чем любая другая. Кто она? Как попала в горы?

Может быть, она приехала погостить в доме клана? Но в эти дни, когда по дорогам бродят разбойники, девушки не покидают безопасных убежищ.

И тут послышался знакомый голос. Мирддин так и не установил, кому он принадлежит.

— Это Нимье. На нее наложено проклятие Мерлина. Она из чужого рода.

— Какого? — спросил Мирддин.

Голос Зеркала по-прежнему звал его этим странным именем „Мерлин“. Он уже привык к этому, но для себя всегда оставался Мирддином.

— Того, что не хочет нового взлета человечества, — ответил голос.

После недолгого молчания он продолжал:

— Слушай внимательно, Мерлин, потому что зло близко, и ты должен быть вооружен против него. В древние дни, когда наш народ прилетал в этот мир, здесь возник могучий народ. Наши знания мы щедро отдавали людям Земли, тем, кто хотел жить и знать. И человечество процветало. Дочери людей выходили замуж за рожденных небом. Дети, родившиеся от таких браков, становились героями, превращались в людей Власти. Мы не знали тогда, что у людей Земли есть пороки. Но были другие, которые тоже, подобно нам, летали в кораблях к звездам. Они не хотели, чтобы земляне узнали наши тайны. Они уверяли, что рожденные в грехе склонны к насилию и ярости. Они боролись против порока и сами стали порочны. Последовали такие войны, о которых вы и понятия не имеете. Сражаясь молниями, взятыми

с неба, переворачивали горы, превращали сушу в море и море в землю. Многие из нас погибли в этих войнах, и те, кого мы учили, тоже погибли. Тогда-то Темные и вернулись на небо, решив, что человек никогда не поднимется вновь, а навечно останется зверем. Немногие из наших детей выжили и попытались сберечь знания. Но цивилизация невозможна без машин, а машины, подобные тем, что ты видишь в пещере, были уничтожены в войне. Металл невозможно было обрабатывать, и человек вернулся к орудиям из камня и кости. Те, кто начал жизнь в огромных городах, кончили ее в первобытных пещерах. Величие прошлого сохранилось лишь в памяти. Мы не могли вернуться, потому что Темные контролировали межзвездные дороги, и если бы нас обнаружили, мы были бы схвачены и уничтожены. Так проходили века. Однако все приходит в упадок, и наши враги ослабли, хотя мы тоже очень многое утратили. Но мы не забывали тех, кого оставили беспомощными в этом мире; и собрав все, что у нас осталось, построили корабли, способные пересекать огромные пространства. Корабли были маленькие и не вмещали всех нас, но они могли нести начальные элементы жизни. Если бы они достигли цели, это положило бы

начало возрождению новой расы. Мы отправили свои корабли с семенами жизни с надеждой, потому что уже давно не видели в небе кораблей Темных. Наконец один из наших кораблей прилетел на Землю. Маяк, вызвавший его, был очень стар, мощность его ограничена, и лишь по счастливой случайности он смог посадить корабль жизни. Так родился ты, Мерлин. На тебе лежит важная задача. Чтобы возродиться вновь, нам нужен мир. Ты будешь нашими руками. Маяк, посадивший корабль, уже мертв. Но есть более мощный Маяк. Если привести его в действие, он привлечет на Землю весь флот. Это тоже твоя задача. Но тебя поджидают опасности. Так же, как и мы когда-то, свои сигнальные маяки оставили и Темные. И один из них ожил. Оттуда пришла Нимье. Она должна помешать тебе выполнить твою задачу.

Будь осторожен, потому что в ней воплощено все коварство Темных. Она владеет силами, которые сравнимы с твоими. Ее привлекла сюда энергия этого места, но она не нашла то, что искала: наши защитные поля еще прочны. Она теперь будет искать тебя. Все, что ты сделаешь, она постарается переделать, чтобы человек вновь не стал великим. У тебя две задачи. Первая

— оживить Великий Маяк. Это трудная задача, потому что часть Маяка давным-давно увезена за море, на Западный остров. Те, у кого сохранились остатки древних знаний, хотели там использовать силу его, но не смогли. Вторая задача — определить вождя, который прекратит все распри и установит мир. Тогда мы сможем вернуться и снова работать с людьми. Вот что ты должен сделать, а Нимье будет тебе мешать. Будь осторожен, Мерлин, потому что ты — наша единственная надежда, и времени у тебя совсем немного. Если ты не справишься, Темные окончательно завладеют твоим миром, и человек будет жить жизнью зверя, и душа его будет темна.

Изображение Нимье исчезло. В Зеркале появились огромные камни, а над ними были еще камни. Мирддин узнал это место. Когда-то давно о нем рассказывал Лугейд.

Это сооружение было создано сказочным народом, населявшим остров до того, как из-за моря появился народ Мирддина. Оно оставалось священным не только для тех, кто его выстроил. Священным его считали те, кто пришел сюда. Обладавшие знаниями постигли здесь тайны движения звезд. И сейчас здесь жили люди, стремившиеся к знаниям.

Мирддин верил, что именно сюда ушел после смерти Найрена Лугейд.

— Это Великий Маяк! — произнес голос.

Картина задрожала и исчезла. Мирддин понял, что теперь он один. Задача была разъяснена, предупреждение сделано.

У мальчика было над чем подумать. Как один человек может вернуть такой огромный камень с Западного острова? Он знал, что это невозможно. Кто сейчас, во время войны, когда на части расколота страна, прислушается к его призыву? Да он и не сможет всего рассказать. Мирддин понимал, что только такие, как Лугейд, поверят в его рассказ.

Лугейд…

Мирддин не знал, имеет ли Лугейд влияние на королей и предводителей армии. Во всяком случае, Мирддин решил» что прежде всего он должен отправиться к месту Солнца и отыскать там Лугейда. К тому же, не мешало бы осмотреть это место не в Зеркале, а там под небом.

Выработав план, мальчик лег между двумя машинами, завернулся в плащ и уснул. Сон его был тревожным. Ему казалось, что он заперт в большом ящике, стены из камня прочны и прозрачны, как горный ручей, и сквозь них он видит

все происходящее.

Перед ящиком стояла Нимье и смеялась.

Руки ее развеивали чары колдовства. Он много раз видел этот жест в детстве. Он чувствовал, что он ее пленник и в нем жила потребность высвободиться. Это было его главной задачей.

Он бился между прозрачными стенами ящика, тело его покрылось синяками и кровоподтеками, но выбраться он не мог. Его все время преследовало ощущение какой-то страшной неудачи.

Затем картина изменилась. Перед ним был Лугейд.

Друид спал на постели из сухих листьев, покрытых оленьей шкурой. Мирддин склонился над ним и коснулся ладонью лба спящего и услышал свой собственный голос.

— Я приду.

При этих словах друид открыл глаза.

Он узнал Мирддина и заговорил. Губы его шевелились, но Мирддин не слышал слов, как ни напрягал свой слух.

Между ними опустился туман. Заметив это, Лугейд отшатнулся, взмахнул руками, как бы отгоняя зло. Туман сгустился в фигуру.

Мирддин снова увидел смеющуюся Нимье и проснулся.

Он был уверен, что увидит склонившуюся над ним девушку, как он сам только что склонялся над Лугейдом. Но он был один. Тишину нарушал лишь гул машин. Мирддин знал, что нужно делать. Он должен был идти к месту Солнца. Но сначала необходимо было убедиться, что никто его не преследует.

И еще перед походом необходимо было раздобыть припасы и меч. Хотя он и не был воином, ему было известно, как обращаться с оружием. Путь, который ему предстоял, опасен. Ведь на одинокого странника на чужой земле мог напасть кто угодно, хотя бы затем, чтобы отобрать у него плащ или коня. Первым делом мальчик спустился на своем коне в долину. Там поработал накануне меч и огонь. Селение превратилось в развалины. На узеньких улочках валялись обугливщиеся тела защитников крепости. В основном это были мужчины. Видимо, женщин и детей угнали в рабство. Из женщин он нашел только труп Юлии. И мертвая она сжимала копье. Убили ее скорее всего мечом, а труп оттащили в сарай. Там же валялись мешки с зерном. Он сделал из них настил и похоронил на нем своих родственников. Юлию он положил последней.

Достав огниво, он поджег мешки: у него не было

сил достойно похоронить мертвых, а оставлять их осквернёнными он не хотел.

Когда взметнулось пламя, он отыскал черствый хлеб, кусок изъеденного мышами сыра и бутылку, которую наполнил водой из ручья. Он не оглядывался на поднявшееся позади него пламя.

Все, что было у Мирддина в прошлом, ушло.

Детство кончилось, осталось только желание выполнить то, что поручило ему Зеркало.

Было утро. На горизонте собирались грозовые облака.

Мирддин глубоко дышал, стараясь выдохнуть и избавиться от запаха дыма от сгоревшего дома клана, забыть то, что он видел там.

Пошел дождь, но Мирддин не остановился, он радовался дождю, обмывавшему его тело. Это было проявление стихии, а не отвратительные результаты деяния людей. Мирддин размышлял над увиденным в Зеркале. Неужели все рассказанное было правдой. И то, что люди жили в мире и обладали огромными знаниями? Если это так — а у него не было причин не верить — он сделает все, чтобы вернуть золотой век.

В нем росла ненависть, не к тем, кто разрушил дом его клана. Такова природа войны. Нет, он ненавидел тех, других, которые летают меж

звездами, владеют силами, о которых даже вообразить себе трудно, и тратят их, чтобы оставить человека на низшей ступени.

Что движет Темными? Ревность к тем, другим, помогавшим Земле? Или страх? Может, они боялись человека будущего, видели в нем врага?

Если так, то какое качество в человеке вызывает страх? Мирддин жалел, что не спросил об этом Зеркало. Он спросит, когда вернется.

А когда он вернется?

Он должен отогнать эти мысли и сосредоточиться на будущем, попытаться увидеть его.

Он неопытен в таких делах, поэтому придется удвоить усилия.

Он держался в стороне от жилья, останавливался в развалинах, давно покинутых людьми. Запасы пищи растягивал, как мог.

В конце концов он был горцем, и ему удавалось иногда поймать кролика или сбить камнем утку.

Мясо он ел сырым, так как не осмеливался разводить костер. И все равно казалось ему, что его преследуют. Дважды прятался он вместе с лошадью в кустах, когда мимо проезжали какие-то люди. Возможно, это были рекруты Амброзиуса, но осторожность брала верх.

Мучимый жаждой и голодом, Мирддин выехал,

наконец, на равнину и увидел впереди гигантские камни.

Мирддин закутался в плащ. Дождь стучал по крыше хижины. Было зябко, хотя горел огонь, и в руках у Мирддина была деревянная чашка с горячим супом из кролика, сваренного на травах. Дверью в хижину служила шкура, время от времени раскачиваемая ветром. Мирддин слишком устал, чтобы есть, хотя запах пищи вызывал аппетит.

Лугейд молчал. Он сидел, скрестив ноги, и чинил свое платье, ставшее из белого серым. Друид, занимавший некогда в доме клана почетное место, теперь был похож на обычного нищего на дороге.

Но голос его был тверд и осанка гордой. Он смотрел на Мирддина проницательным взглядом.

— Поешь и поспи, — сказал он. — Тут тебе ничего не угрожает.

— Откуда ты знаешь, что мне грозит опасность?

Мирддин сделал глоток из чашки.

— А откуда я знал, что ты идешь? — ответил он вопросом. — Боги дали мне дар, который помогает видеть дальше своего носа. Разве ты сам не предвидел нашу встречу?

Мирддин, вспомнив свой сон, кивнул.

— Я видел сон…

Лугейд пожал плечами.

— Кто может сказать, что такое сон? Возможно, это сообщение, посланное кем-то и дошедшее по адресу.

Затем он медленно добавил:

— Я думаю, что ты многое уже знаешь, сын пришельца.

— Да, кое-что.

Мирддин снова отхлебнул супа. Он хотел было уже рассказать все, что произошло с ним в пещере, но что-то удерживало его. Возможно, он ни с кем на Земле не сможет поделиться узнанным.

— Я знаю, что привело меня в это место. Здесь я должен исполнить завещанное.

Он надеялся, что сказал не слишком много.

— Это я тоже знаю. Но знаю и то, что не сейчас ты должен начинать действовать. Поспи после еды. Сон необходим каждому человеку.

Мирддин спал на груде листьев, прикрытый шкурами, и ему ничего не снилось. Когда он проснулся, дождь кончился, в лицо ему светило солнце. Шкура, служившая дверью, была откинута, комнату заливал свет.

За дверью он видел камни, несколько камней.

Они были необычными. Было ясно, что они стоят здесь давно. Между двумя камнями виднелась фигура в белом.

Мирддин скорее понял, чем увидел, что это Лугейд. Борода его теперь была белей одежды и достигала пояса, волосы касались плеч.

Но двигался друид не как старик, он шел уверенно, как человек средних лет.

В руках у него был мешок, из которого торчали какие-то растения. Мирддин догадался, что друид собирал лечебные травы, как делал он сам, когда жил в доме клана.

Мальчик отбросил плащ, которым укрывался во сне. Утренний холод сменился приятным теплом. Мирддин с удовольствием потянулся и встал. Наклонив голову, он вышел из хижины. Выход был низким даже для его небольшого роста.

— Доброе утро, хозяин, — приветствовал он друида.

Лугейд опустил мешок.

— Ты называешь меня хозяином, но и ты здесь хозяин. Тебе что-то надо?

Мирддин молчал.

Старик улыбнулся.

— Ты хочешь о чем-то спросить меня, не знаешь, как начать. Не ищи красивых фраз, между

нами не должно быть церемоний. Ведь это я дал тебе имя при рождении, так что в каком-то смысле я твой отец.

— Да, — согласился мальчик, — ты дал мне имя — Мирддин. Я слышал, что некогда так называли бога здешних гор. Мне дали и другое имя — Мерлин.

— Мерлин…

Лугейд произнес это слово медленно, как бы проверяя на слух каждый звук.

— В клане нет такого имени. Но если его дали тебе, то не без причины. Итак, Мерлин-Мирддин, что ты хочешь спросить меня?

— Как добиться, чтобы Амброзиус Римский выслушал меня?

Друид не удивился. Он спокойно спросил:

— Зачем тебе нужен Амброзиус? И если ты хочешь поговорить с ним, почему бы тебе не пойти к нему?

Мирддин вначале ответил на второй вопрос, он рассказал о Вортигене, своем пророчестве и о встрече с Амброзиусом.

— Ты считаешь, что он не захочет встретиться с тобой, потому что ты колдун, так?

— Да. Мои знания и способности он примет за колдовство. Ты спрашиваешь, зачем мне нужен

он. Я должен вернуть в долину Солнца камень, увезенный на Западный остров. Его нужно положить в нужное место.

Лугейд медленно кивнул, не дослушав до конца.

— Я слышал об этом. Но Амброзиус имеет дело с предметами этого мира, которые можно увидеть, услышать, потрогать. Легенды не интересуют его. Впрочем…

— Ты знаешь, как мне добиться его расположения?

— Может быть. Римские императоры в древности воздвигали памятники в честь своих побед. И этот камень принадлежит Британии, он у нас украден. Если Амброзиус выиграет большое сражение, в радости он может стать сговорчивей.

— На это нужно время, удача, случай, — возразил мальчик.

— Юность всегда нетерпеливая. Я долго жил, достаточно долго, чтобы понять: время должно быть твоим слугой, а не хозяином. Другого пути нет. Камень можно привезти сюда только на корабле. Его должны погрузить люди. Ты думаешь, жители Западного острова так просто отдадут то, что считают своим законным трофеем? Надо выждать.

Мирддин нетерпеливо ходил перед Лугейдом. Он не очень верил в план друида. Нетерпение его протестовало. Но несмотря на все знания, сообщенные ему Зеркалом, он не видел другого выхода, кроме этого — действовать в союзе с Лугейдом. Он знал, что встреча с Амброзиусом не принесет ничего хорошего ему самому.

Он остановился и коснулся рукой высокого синеватого камня из внешнего круга.

Прикосновение, словно соединило его с древностью, он ощутил благоговейный страх. По синеватой поверхности были рассыпаны маленькие желтые кристаллы размером с боб.

Камень был огромен. Он не знал размеров камня, который ищет, но если он похож на этот, то и сотня людей не сдвинут его с места.

Но сомнение было недолгим. Чувствуя свое предназначение, Мирддин снова ощутил уверенность.

Люди, действительно, не в силах сдвинуть этот камень, но существа, создавшие это место, имели свои тайны. Этому учило Зеркало.

Память Зеркала подсказывала ему, как может он испытать свои силы.

Он осмотрелся. И заметил еще один камень, который упал некогда с неба и лежал в густой

траве. Мирддин потянулся к нему. Ему в будущем, — нужно будет оружие, и им должен стать посох. Но посох из дерева, даже из священного дуба, не подойдет ему. Палка должна быть металлической. Пока ее не было, и Мирддин достал нож. Он подошел к упавшему камню и начал медленно, в определенном ритме постукивать по камню острием ножа. Делая это, он пел, издавая гортанные звуки. Зеркало не раз заставляло его повторять эти странные звуки, пока он не добился правильной тональности. Стучал он все быстрее, звонче отзывался камень.

Горло у Мирддина болело от напряжения голосовых связок.

Вдруг он услышал другой голос, это к нему присоединился Лугейд.

Стук-стук, рука движется быстро, еще быстрей и еще. Лицо Мирддина покрылось потом, рука устала, но он не прекращал эту странную молитву. Стук — голос — стук.

Он был так поглощен своим занятием, что первое движение камня застало его почти врасплох. Камень шевелился в воронке, образовавшейся при его падении поколения назад, шевелился, как зверь, просыпающийся после долгой спячки.

Стук — голос…

Камень начал подниматься. Мирддин не мог удержать его, рука опустилась, и мегалит упал опять в воронку. Мирддин встал на колени рядом с ним, тяжело дыша.

— Здорово у тебя это получается, сын неба!

Хотя в ушах у мальчика звенело, он расслышал слова Лугейда. Друид прислонился к камню с противоположной стороны, удивленно глядя на Мирддина.

— Но тебе нужно оружие получше, чем этот нож.

Он по-прежнему опирался рукой о камень.

— Если у тебя хватит духа, ты его сможешь получить.

— Где?

— Из рук умерших.

Друид указал на низкие курганы за каменным кольцом.

— Они были большими мастерами. Когда они умирали, с ними хоронили их оружие, чтобы оно не досталось слабым.

— Взять у мертвых?!

Часть Мирддина, принадлежавшая этому миру, отшатнулась от такой возможности.

Мертвые ревниво хранят свои сокровища. Любой представитель клана никогда бы не решился

взять что-нибудь у мертвых.

— Если бы они были живы, они сами отдали бы оружие в твои руки, — ответил Лугейд. — Здесь лежат те, в ком тоже текла небесная кровь. Их никто не охраняет, и все же их оружие не может попасть в недостойные руки.

— Но…

Мирддин, держась за камень, с трудом встал.

— Человек может потратить всю жизнь на поиски и ничего не найти в этих пещерах.

— Сильный стремится к себе подобному, — спокойно ответил Лугейд. — Смотри.

Он достал из-за пазухи маленький кожаный мешочек, потемневший от времени. Видно было, что он носил его очень давно. Развязал его, и в руке у него оказался кусок металла, блестевший, как драгоценность.

— Возьми это, ощути тепло металла, — приказал он.

Мирддин протянул руку, и друид опустил в нее слиток.

Мирддин поднес его к глазам, потрогал его кончиком пальца. Это была явно не бронза, но и не золото. Это не могло быть ни оловом, ни железом, ни серебром. Видимо, это был сплав, но каких именно металлов, он не мог догадаться.

Кусок был цвета светлого серебра, на нем играла радуга, меняясь, если сплавом двигали.

— Это металл небесного народа, — пояснил Лугейд. — Он сохранился со времени катастрофы. Если в могилах есть оружие, принадлежащее строителям долины Солнца, оно даст о себе знать. Кусок металла можно использовать как прут, при помощи которого ищут воду.

Лугейд оторвал край своей одежды и тщательно проверил прочность материи. Затем закрепил кусок металла в холсте ткани и привязал ее к пальцам так, что он свободно свисал.

— Начнем поиски, — сказал он.

Вместе они смотрели курганы.

Одни из них напоминали по форме диски, другие — кольца с разорванными краями.

С вытянутой рукой Лугейд поднимался на каждый, следя за свисающим куском металла.

К ночи Мирддин потерял уверенность.

Он уже не надеялся, что приспособление Лугейда поможет им отыскать небесное оружие. Но друид казался спокойным и уверенным. Он не беспокоился, когда они вернулись в хижину.

— Если не сегодня, — сказал он, — так завтра…

Он бросил листья в кипящий котел.

— А не завтра, так послезавтра или послепосле-

завтра, — кисло продолжал мальчик.

— Если будет необходимо, то и так, — кивнул Лугейд. — Мирддин-Мерлин, прежде всего, тебе следует научиться терпению. Тебе его явно не хватает. Но это обычный недостаток молодости.

— Ты уже говорил это, — заметил Мирддин.

Он подложил дров в костер.

— Я должен ждать, пока обратит на меня внимание Амброзиус, ждать, пока мы отыщем оружие, ждать…

— Я не спрашивал тебя, но теперь спрошу — а зачем вообще нужно пороть горячку?

— Затем, что у меня два задания, — ответил мальчик, — хотя и не понимаю, почему именно я должен их выполнить. Я ведь ничего не просил у Повелителя Неба.

Он сидел на корточках и глядел на огонь.

— Мое рождение принесло только неприятности.

— Это может сказать любой, — заметил Лугейд. — Если ты откажешься от дела своей жизни, чем другим ты займешься? Поднимешь меч? И умрешь, до того оборвав несколько жизней.

Мирддин вспомнил, каким он в последний раз видел дом клана. Таковы плоды войны, такова жизнь, на которую обречены люди, если ты

выбираешь войну. Да, у него должна быть иная судьба. Он должен нести ношу, возложенную на него Зеркалом.

— Я буду делать то, что должен, — тяжело сказал он. — И если ожидание — часть моего дела, я принимаю и это. Но меня предупредили…

Он подумал о том, имеет ли он право говорить о тайном, ведь Зеркало наложило запрет на открытое ему.

— Существует некто…

Он почувствовал, что может продолжать.

— Чья задача — помешать мне.

— Один из Темных, — сказал Лугейд.

И Мирддин удивился. Многое ли знает друид?

Он увидел улыбку на лице Лугейда.

— Здесь тоже есть кое-что, чего ты не договариваешь.

Он коснулся пальцем лба.

— Двадцать лет я постигаю эту науку. То, что мы изучили, никогда не записывалось. Оно передавалось устно от поколения к поколению. Да. Темные некогда принесли гибель на Землю. Значит, у них есть тоже верные слуги? Знаешь ли ты, кто твой враг?

— Одна девчонка.

И Мирддин увидел Нимье на горном склоне.

Она шла, и лицо ее было прекрасно, ветер развевал волосы девушки. Походка ее была легка, и только взгляд был напряженным. Она искала кого-то.

Такой он видел ее и тогда в Зеркале.

— Я знаю лишь, что ее зовут Нимье. Не ведаю из какого она клана, какого племени.

Лугейд покачал головой.

— Нимье — это имя Силы. В старину так звали богиню воды. Я запомню ее имя.

Они ели молча, занятые своими мыслями, и так же молча легли спать. Но Мирддин чувствовал, что рядом друг, и ему было хорошо. Редко испытывал он подобное чувство, лишь в пещере у Зеркала.

На рассвете они снова начали поиски.

На этот раз Мирддин действовал с большей готовностью. Если ему необходимо терпение, он будет терпелив.

Солнце стояло уже высоко, когда они поднялись на кольцевой курган, который возвышался над другими. И тут же кусок металла начал раскачиваться, блестя на солнце. Лугейд рассмеялся.

— Разве я не сказал, что сила стремится к силе? Вот доказательство, мальчик!

Он топнул ногой.

— Здесь лежит то, что мы ищем.

Он сунул кусок металла в карман, торопливо направился к хижине и вернулся с бронзовым топором.

— Настоящей лопаты у нас нет, — сказал он, — но этот топор и твой нож послужат нам.

С силой, не свойственной его возрасту, Лугейд врубился в дерн. Работа была тяжелая, и они по очереди рубили топором, убирая землю с помощью ножа и корзины. К закату они добрались до массивного камня, служившего крайней крышей склепа. Лугейд расчистил его, чувствуя, что где-то должен быть люк.

Солнце зашло, сгущались сумерки. Лугейд стоял в выкопанной ими траншее.

— Свет! Зажги факел! Нельзя работу оставлять на завтра!

Мирддин выпрямился, высыпал очередную корзину земли.

В глубине души он знал, что друид прав: открытой могилу нельзя бросать. Но человеческая часть в нем содрогнулась при мысли, что придется в темноте влезать в склеп.

Он отложил в сторону неуклюжие орудия и заторопился, проходя мимо мегалитов, к хижине.

Хорошо укрытые угли еще сохраняли огонь.

Мальчик сунул два факела в угли, потом взмахнул ими над головой, раздувая пламя.

Держа в руках факелы, он думал лишь о том, как бы побыстрее добраться до их раскопки.

Неожиданно он ощутил тревогу. Оглянувшись, он не увидел никакого движения, между камнями, лежали только мрачные тени. Он пошел медленнее и продолжал оглядываться.

Подойдя к яме, он воткнул факелы в землю. И при их свете увидел, что Лугейд в его отсутствие не терял времени: обнажился конец откопанного ими камня, и теперь друид углублялся под него, чтобы найти вход в склеп.

Ниже оказался другой камень. Он был меньше и стоял вертикально. Камень был сдвинут, но топор, ударяя по нему, расколол его. Открылось отверстие. Мирддин наполовину проник в него.

Лугейд посветил ему факелом.

Внутри оказались различные предметы: кувшины, копья, что-то завернутое в ткань, рассыпавшуюся от прикосновения свежего воздуха. Все это не интересовало Мирддина. Он хотел увидеть блеск металла, и свет факела помог ему.

С бесконечной осторожностью мальчик сунул руку в отверстие и нащупал там что-то твердое и холодное. Схватив предмет, он вытащил его

наружу. Это был меч.

Клинок его был из того же сплава, что и сокровище Лугейда. Нетронутое временем, прямое и гладкое, оружие при свете факелов заблестело. Большая тусклая жемчужина украшала витую рукоять.

Мирддин протянул меч друиду и начал торопливо забрасывать землей отверстие.

— Надо побыстрее закопать могилу, — сказал он.

Мальчик тяжело дышал.

— Оттуда за нами следят.

Он кивнул в сторону, не поворачивая головы.

Лугейд дышал с присвистом.

— Возьми меч, мальчик, и иди! Оставь мне свет. Я сам закопаю могилу. Нельзя рисковать оружием.

Он отдал меч Мирддину, и мальчик снова притронулся к нему. Ему захотелось завернуть лезвие в плащ: оно сверкало ярче факелов.

Держа оружие перед собой, он направился к хижине. Он бежал, остро ощущая чье-то присутствие. Казалось, сейчас нападут на него.

Кто бы это мог быть — какой-нибудь бродячий горец или сакский разведчик. А этот меч настолько ценная добыча, что вполне оправды-

вает нападение. Несомненно — за ним следит необычный враг.

Мирддин не опустил дверную шкуру, и огонь в хижине был заметен издали.

Мирддин был в десяти шагах от двери, когда от ближайшего камня отделился человек и направился к нему. Мальчик повернулся лицом к нему. Рукоять меча удобно лежала в руке, как будто оружие было выковано специально для него.

Меч был гораздо длиннее римских, которые он видел в войске Амброзиуса.

Он взмахнул мечом, с которого, казалось, сорвался язык пламени. Мирддин наконец понял, что значит быть воином, почувствовал яростное возбуждение боя.

Не сознавая этого, он оскалил зубы и испустил низкий крик.

Но не ударил. Свет из двери хижины упал на приближающуюся фигуру, и он узнал ее.

— Нимье!

На этот раз он не только увидел, но и услышал ее смех.

— Мерлин!

В самом голосе, произнесшем его имя, звучала насмешка.

— А, отважный воин!

Насмешка девушки ужалила его в самое сердце.

— Какой подвиг совершишь сейчас? Ударишь меня мечом, как поступают разбойники в этих темных землях?

Мирддин опустил меч. Перед ней он почувствовал себя глупым и маленьким.

Но он знал, кто она, и не должен был допускать, чтобы она взяла верх.

— Те, кто прячутся во тьме и подсматривают оттуда, — ответил он, — должны быть готовы к встрече с обнаженным клинком.

— Ты веришь, что металл может победить меня, Мерлин? Ты все еще придерживаешься предрассудков твоего племени?

Глаза ее сверкали, как у кошки, в свете, падавшем из хижины. Она улыбнулась.

— Лучше испытай-ка свои силы вот на этих!

Повернувшись, Нимье указала на камень, из-за которого вышла.

Из-за камня стали выползать чудища, рожденные кошмарным воображением. Но Мирддин знал, что на самом деле они не существуют. Он сам заставил короля и всех остальных видеть драконов. И теперь Нимье тоже пытается запугать его иллюзиями. Он посмотрел на них, и они

рассеялись, исчезли.

Нимье перестала улыбаться, губы ее напряглись. Она зашипела, как змея или скорее, как кошка.

— Ты думаешь, что узнал всю науку Древних! — воскликнула она. — Глупец, ты потеряешь годы и все еще будешь изучать азы. Ты еще ребенок, мальчишка.

— А ты девчонка, — ответил он. — Я и не говорю, что знаю все, но твои фокусы мне давно знакомы.

Она качнула головой так, что волосы ее разлетелись по плечам.

— Посмотри на меня, — приказала она. — Посмотри на меня, Мерлин!

Ее матовая кожа светилась, черты изменились.

Красота окутала ее, как плащ. Неожиданно на голове у нее появился венок, аромат цветов коснулся ноздрей Мирддина.

Одежда ее исчезла, и его взору открылось ее стройное тело.

— Мерлин…

Голос ее звучал низко и страстно, он многое обещал. Она нерешительно подошла ближе, как будто хотела коснуться его, но стыд мешал ей.

— Мерлин, — простонала она, — опусти свой меч и иди ко мне. Я открою тебе то, что тебе и не снилось. Я жду, иди!

Она протянула к нему руки.

Впервые ощутил он себя мужчиной. Горячо зашевелились в нем неиспытанные чувства.

Запах цветов, очарование ее тела…

Он уже не так крепко сжимал рукоять меча. Все земное в нем хотело ее.

— Мерлин, тебя обманули, — негромко говорила она. — Жизнь здесь, а не там. Тебя отгородили от нее, лишили свободы. Иди ко мне, и ты узнаешь, что значит быть по-настоящему живым! Иди, Мерлин!

Она протянула руки, призывая его в свои объятия. Глаза ее были сонно тяжелы, рот изогнулся, ожидая поцелуев.

— Мерлин…

Голос ее перешел на шепот, обещая то, о чем он лишь смутно догадывался.

Спас его меч. Почти опущенный, он коснулся острием ноги Мерлина и словно разбудил его.

И Мирддин произнес:

— Ведьма!

Снова глаза ее блеснули. Цветущий венок исчез, на ней снова появилось зеленое платье. Она

топнула, протянув к нему руки, когти на них стали расти.

— Глупец, — негромко сказала она. — Ты сделал выбор и с этого часа начинаешь платить за это. Отныне между нами только война и не думай, что я слабый враг! После каждой победы ты будешь встречаться со мной, и если сегодня мне не хватило сил, то помни, что будут еще дни… и ночи. Помни это, Мерлин!

И как пришла она из ночи, так и ушла в нее, смешавшись с тенями. Мирддин даже не заметил, как она исчезла. Вместе с ней пропало ощущение, что за ним следят. Он почувствовал, что свободен, по крайней мере, на время и облегченно вздохнул.

Но он долго еще ждал, прислушиваясь, осматриваясь — исчезла ли полностью опасность. Да, она ушла! Ощущалась лишь древняя Сила, наполнявшая человека в долине Солнца. Здесь когда-то поклялись верности его предки. Энергия их может ослабеть, но никогда не исчезнет до конца.

Прижимая к себе меч, Мирддин вошел в хижину и разжег огонь. Готовя еду, он держал меч наготове. Работая, он прислушивался: ему не хотелось оставаться одному, он ждал возвращения друида.

Он уже не боялся Нимье. Не верил, что она может вызвать к жизни силы, с которыми он не справился бы. Но первое ее нападение было неожиданным. Он решил не поддаваться ее чарам. Он вспомнил, как она преобразилась — матово-белая в ночи, с зовущим и сонным голосом. И понял, что женщины не для него. Нет. Никакой поблажки себе. Ничто не должно мешать ему выполнить задачу.

— Кто здесь был?

Мирддин очнулся от сумятицы мыслей при этом вопросе. Лугейд, высокий и хмурый, стоял у входа, откинув занавес.

— Это ты?.. — начал мальчик.

— Я почувствовал, что враждебные силы проснулись этой ночью. Но сейчас врагов нет.

Ноздри друида расширились, он слегка повернул голову, оглянулся через плечо. Одежда его была испачкана, руки исцарапаны, под ногти набилась земля.

— Она была здесь, эта самая Нимье, — сказал Мирддин.

— Она видела меч?

— Да. Она хотела обольстить меня.

Мирддину было неловко, но, рассказав все друиду, он облегчил свою душу.

Лугейд кивнул.

— Что ж, если бы ты был старше… Нет, не думаю, чтобы и тогда у нее что-то вышло. Но будь осторожен. Она идет по твоему следу и обмануть ее будет нелегко. У Темных своя Сила, и умение обманывать людей — основной ее метод. Не думаю, что ей будет просто, пока у тебя в руках это.

Он указал на меч.

— Но время не ждет. Я не сознавал этого. Теперь я сделаю все, о чем ты меня просил. Я еду к Амброзиусу.

Мирддин испытал облегчение.

Он понимал, что опасно оставаться здесь одному, где его выследила Нимье.

Но это ведь его место.

Он чувствовал странную близость к этим камням, как будто они некогда жили собственной жизнью и оставили ему энергию давней жизни.

Эту ночь мальчик спал, прижимая к себе меч. Если колдунья, приходившая из тьмы, опять пыталась навеять ему колдовские сны, ей это не удалось: он спал без сновидений.

Проснулся он не только отдохнувшим, но и уверенным, что начало положено.

Лугейд уехал на коне Мирддина. Проводив его, мальчик отправился проверять ловушки,

установленные друидом. Ему повезло: в обеих была дичь.

Он поджарил мясо на пруте и с жадностью съел его.

Позже он изготовил грубые ножны, связав куски коры полосками, оторванными от плаща, и теперь постоянно носил меч с собой.

Ночью он клал чудесный клинок рядом с собой. Часами бродил он меж камней, время от времени касаясь их рукой и каждый раз ощущая подъем духа от таких прикосновений.

Впервые он почувствовал, что Зеркало его не обманывало. Многое из того, что сообщил ему бестелесный голос, нельзя было воплотить, потому что металлические инструменты народа с небес невозможно было изготовить на Земле. Для этого требовались особые знания. Он понял, что научился немногому у предков, приходивших к нему в сновидениях.

Но он мог гипнотизировать. И он уже это делал в плену у Вортигена, умел немного лечить, не только используя травы, но и мысленно определив болезни и прикладывая соответствующим образом руки на больные места. Так он мог восстановить функции поврежденных органов. Но это требовало, чтобы больной верил, что может вы-

здороветь. А Мирддин сомневался, чтобы многие могли ему поверить. Слишком его лечение напоминало то, что люди называют колдовством.

Ему передали способность улавливать мысли, когда разговаривают на чужом языке. Он даже понимал слова, никогда незнакомые ему.

Он знал, как уменьшить вес. Один раз он уже применил эту способность, когда на него падал камень. Если понадобится, он использует свои возможности в полную силу.

Бродя меж камней, он думал о своих возможностях. Возможно, он знает больше Лугейда, но он чувствовал, что мог бы уметь значительно больше, если бы народ его не утратил интеллекта и не впал бы в варварство. Он знал это и чувствовал нарастающее раздражение. Это было похоже, как если бы он стоял у входа в сокровищницу и не мог преодолеть невидимого барьера.

Но камни и меч успокаивали его, внушали уверенность. Он не мог понять, из какого металла выковано оружие Небесного народа.

Был ли он: сын без отца, похож на людей, приведших с неба и улетевших в небо. Зеркало показало ему много чудес, и он знал, что небесные люди не сражались так, как сражаются теперь: человек против человека, лицом к лицу.

Они повелевали громами и молниями и поражали ими на расстоянии. Когда Зеркало показало ему картины последних битв, во время которых весь мир пылал, он заболел пораженный до самого сердца. Вскипали моря, горы вздымались и падали так легко, как кусок земли, брошенный вверх.

Мальчик хотел испытать силу меча и слова, поднять один из упавших камней, но осторожность не позволяла ему провести такое испытание. Он боялся прихода Нимье, и с нетерпением ждал возвращения Лугейда.

Была весна. Он утратил счет дням. Трава у камней позеленела, стебли трав раздвигали прошлогодние листья, убитые морозом. Мирддин видел, как распускаются цветы. Пели птицы, дважды видел он, как лис с лисицей играли меж камней. В нем самом нарастало какое-то беспокойство, которое он пытался подавить. Дважды во сне приходила Нимье и, проснувшись, он чувствовал стыд. Постоянно он смотрел на тропу, по которой уехал Лугейд.

Он начал считать дни, укладывая камешки в линию у двери. Друид вернулся, когда он положил пятнадцатый камень. Он вернулся, и не один, с ним было шесть копейщиков. Воины

остановились на расстоянии и беспокойно поглядывали на камни.

Лугейд облегченно вздохнул, спрыгнув с коня. Он поднял руку, приветствуя подбежавшего Мирддина.

— Все хорошо? — спросил Мирддин.

Лицо друида было мрачным, и Мирддин остановился, неуверенно посмотрев на всадников, которые не шевелились. Было похоже, что они с радостью при первой же возможности ускачут отсюда.

— Только отчасти, — ответил Лугейд. — Амброзиус мертв.

Мирддин застыл.

— Как он погиб? В битве?

— Нет. Его убила заморская волчица, протянув к нему руку из могилы. Она и Высокий Король погибли раньше. Но смерть, посланная ею, настигла и Амброзиуса. Правду узнали слишком поздно.

«Лучше бы он погиб в битве, — подумал Мирддин. — Амброзиус не заслужил такого конца».

— Мир ему, — негромко сказал мальчик. — Жаль, что мы его потеряли.

Какое-то воспоминание проснулось в нем. Но еще не время было действовать, и воспоминание тут же исчезло.

— Да, он был герой. И как герой, он будет лежать здесь!

Лугейд указал на долину Солнца.

— Тебе удастся осуществить предназначенное, Мирддин. Сводный брат Амброзиуса теперь возглавляет войско. Он следует старым обычаям. Я говорил с Утером, которого люди называют Пендрагоном. Он хочет, чтобы Королевский камень был отобран у заморских варваров и привезен назад, в Британию. Он станет надгробным камнем героя.

Странны прихоти судьбы! Хоть велико было желание Мирддина выполнить указанное Небом, он все же хотел совершить то, что от него требовалось. Иначе, хотел, чтобы борьба не была связана со смертью. Он пытался вспомнить Утера, но смутно представлял себе молодого человека с рыже-золотистыми волосами, достигавшими плеч, с розовым, искривленным в смехе, лицом.

Этому человеку не хватало силы, которая наполняла Амброзиуса.

— Король отправил к берегу отряд. Там его ждет корабль. Возможно, камень придется выкупить кровью, — продолжал друид.

Мирддин медленно покачал головой.

— Я не хотел бы отбирать его силой.

Он сказал так, хотя знал, что сделает все, чтобы добыть Королевский камень.

В пути Лугейд рассказал о новом правительстве.

Амброзиус никогда не пользовался королевским титулом, довольствуясь присвоенным ему заморским императором званием герцога Британского. Но после смерти Вортигена и исчезновения его войска Утер готов был протянуть руку к королевской короне, и никто не помешал бы ему в этом.

— Племена поддерживают его, — заметил Лугейд, — считают его своим, а не римлянином. А те, кто шел за его братом, вынуждены идти за ним. Он теперь их единственная надежда. Саксы получили такой удар, что теперь долго не оправятся. Впрочем, я думаю, люди Пендрагона недолго будут отдыхать, и их мечи не заржавеют в ножнах. Утер обладает всеми достоинствами племен, во главе которых стал. Он могучий воин, и они пойдут за ним, как всегда идут за героями. Но у него есть и серьезные недостатки. Мне кажется, что ему не хватает целеустремленности и рвения брата. Амброзиус знал единственное дело в жизни — борьбу. Борьбу за то, чтобы в Британии было спокойно. Он ошибался, считая, что

спокойствие сохранят в стране римляне. Время заморских императоров кончилось.

Мы сами созрели для борьбы и не хотим видеть на своих дорогах марширующих римских легионеров.

— Так какие же недостатки у Утера? — спросил его Мирддин.

Они оторвались от эскорта, и воины с готовностью оставили их наедине, избегая общения с друидом и его товарищем.

— У него их больше, чем у человека, слишком склонного следовать своим желаниям. Сейчас Утер хочет обеспечить себе мирное правление. Тут его желание служит доброй цели. Но в будущем…

Лугейд пожал плечами.

— Я не пытаюсь заглядывать в будущее слишком далеко: это может вызвать отчаяние. Довольно того, что он дал тебе, сын Неба, возможность осуществить то, что ты хочешь.

Мирддин был уверен, что на самом деле Лугейд глубоко встревожен и что-то скрывает, но не настаивал на продолжении разговора. Главное друид сказал — достаточно того, что Утер дал нам возможность овладеть Королевским камнем.

Попутный ветер перенес их через пролив

на Западный остров. Здесь они высадились в небольшой бухте, не встретив ни одного человека. Первый день они шли, как по пустыне, хотя воины были настороже и посылали вперед разведчиков. Битва — их профессия, и они хорошо знали ее.

На второй день прискакал разведчик и сообщил, что обнаружил засаду в узкой долине. Его сообщение спасло их. Воины спешились и, укрываясь, обошли лощину.

Сидевшие в засаде не ожидали нападения с тыла, и битва превратилась в кровавую бойню. Мирддин и Лугейд занялись ранеными.

Но вот привели знатного пленника.

Он держал голову высоко поднятой, хотя рана на его лице кровоточила, а правая рука была сломана.

— Перевяжите его. Он должен жить, — приказал командир отряда. — Это Гилломан, который правит страной, где находится Королевский камень. С ним мы будем вести переговоры.

Но юный вождь плюнул им под ноги.

— Разве вы великаны? — спросил он. — Вы не похожи на великанов и ничем не отличаетесь от моих людей. Вам не удастся увезти Королевский камень.

— Поживем — увидим, — ответил Мирддин. — А сейчас нужно заняться твоей раной.

Вождь долго сопротивлялся.

Но наконец он сдался, Лугейд выправил кость на руке, приложил деревянные планки и плотно перевязал их. Мирддин наложил на рану компресс из трав, как учило его Зеркало.

Пленник недоверчиво взглянул на Мирддина и сказал:

— Кто ты такой? Мне больше не больно. Твои руки — руки целителя.

— В этом мой дар, как твой дар — в умении руководить битвой, король. Я не желаю тебе зла. Слушай мое предложение.

Если я сумею сдвинуть камень с места и поднять его, поклянешься ли ты, что твои люди мирно пропустят нас с камнем в Британию?

Гилломан снова рассмеялся.

— Ни один человек не сможет это сделать. Если это не шутка, и ты сделаешь это, я даю слово чести. Подними камень, и я уведу своих воинов. Они дадут свободный проход. Но если ты не сможешь и разыгрываешь меня, будьте готовы к нашему нападению.

— Хорошо, — ответил Мирддин.

И вот они поехали по стране, а по обе стороны

собирались Люди Гилломана, готовые уничтожить их, если Мирддин потерпит поражение. Наступил день, когда его привели к заветному месту. Перед ним была добрая дюжина камней. Они были разбросаны по полю. Без колебаний он подошел к камню средних размеров. На нем был вырезан знак, который он так хорошо знал — спираль небесного народа.

Он достал меч из ножен. Солнце отразилось в нем радугой. Мирддин услышал, как вздохнула толпа. Он начал медленно постукивать, приговаривая. На этот раз ему было гораздо легче произносить необычные слова. Быстрее становилось постукивание, громче издаваемые звуки. Радужное сияние освещало руку, державшую меч.

Удары металла о камень звучали почти непрерывно. Мирддин ударял так быстро, что трудно было уловить, когда меч поднят, а когда опущен. Его голос сливался со звоном металла о камень, и эти звуки уже нельзя было разделить.

Камень сдвинулся и начал подниматься со своей земляной постели. Но Мирддин не останавливался, ритм его ударов стал еще яростнее, и пение — еще громче.

Он стал поворачиваться, очень медленно, едва

ли не на четверть дюйма за раз.

Камень поворачивался за ним. И вот он уже стоит поперек траншеи. Мирддин сделал шаг, другой, камень — за ним. Мирддин ничего не видел, кроме сверкания меча. Отгоняя усталость, напрягая волю, он продолжал свое дело.

Мирддин медленно шел, а камень, поддерживаемый колебаниями, о которых говорило Зеркало — нужен только подходящий металл и подходящий камень, — двигался по воздуху за ним. Мирддин прошел мимо других камней и стал спускаться по склону.

Тут он опустил меч, и камень сразу лег на землю. Замолкло хриплое, напряженное пение. Мирддин взглянул туда, где стоял Гилломан.

Лицо юного вождя было почти полностью забинтовано, виднелись лишь глаза, широкие и полные благоговейного ужаса.

Вождь поднял руку в приветствии.

— Ты сделал то, что могут сделать только благородные герои. Как я обещал, так и будет. Поскольку Королевский камень ответил на твой приказ, ты можешь увезти его. Я не знаю источника твоего колдовства, но хочу, чтобы оно было подальше от моей земли. Трудно жить под угрозой такой Силы.

Так Мирддин добыл Королевский камень без кровопролития и привез его в Британию, откуда его когда-то увезли. Камень воздвигли во славу Амброзиуса, но Мирддин знал, что у камня есть цель. Эта цель откроет будущее.

С приходом Утера Пендрагона в Британии установился мир. Мирддин жил в долине Солнца. Хотя Королевский камень и стоял уже на месте, Мирддин знал, что он свою задачу еще не выполнил, ну хотя бы потому, что Утер, как и его предшественник Амброзиус, был не тем королем, который бы устраивал страну.

Лугейд оказался прав. Утер был доблестным воином, но были у него и недостатки.

Скорый на гнев, он не умел контролировать себя так, как это умел Амброзиус.

Красивый, молодой, горячий, он легко поддавался своим чувствам. И вот однажды утром он приехал к Мирддину в долину Солнца.

Он попросил сопровождающих оставить их одних и теперь удивленно разглядывал юношу.

— Тебя называют Мирддином? — спросил он резко, как будто не веря себе.

— Да.

— Но ты совсем молод. Как ты можешь быть пророком и двигать скалы? Кто ты на самом

деле?

— Мне говорили, что я сын нечеловека, — ответил Мирддин. — Что касается моих способностей, то они даны мне с определенными целями. И первая из них — чтобы Королевский камень вернулся на свое место ради блага этой земли.

Утер уперся руками в бока, подбородок его был вздернут, как будто он собирался бросить вызов.

— Кто ты такой, чтобы решать, в чем благо Британии. Ты даже не окровавил меч, служа ей, если верить тому, что рассказывают о тебе.

Он кивком указал на меч в ножнах из коры, висевший на поясе у Мирддина.

— Меч этот не мой, господин. Я лишь временный его хранитель. И мои способности не для войны.

— Я слышал, что ты пророк. Если это правда, скажи, победит ли Пендрагон?

— Победит. Но белый дракон будет возвращаться снова и снова. Господин король, собери эту землю в единое королевство, если хочешь править страною по-настоящему.

Утер кивнул.

— Для этого не нужен дар пророчества, парень. Каждый человек знает, что это должно быть сделано. Скажи-ка лучше мне что-нибудь, чего я не

могу предвидеть сам. Тогда я возьму тебя под свою защиту, дам тебе почетное место в своей свите.

Мирддин покачал головой.

— Господин король, двор и почет, которые ты предлагаешь, не для меня. Твой брат предложил мне однажды вступить в его войско, но как пророку мне не оказалось места среди его подданных. Если ты будешь постоянно слушать меня, твои люди будут недовольны. Мне лучше быть подальше от твоего дворца. Но ты просишь пророчества. Вот оно. У тебя родится наследник, рождение его будет тайным. Он станет повелителем, какого наша земля не знала со времен императора Максима. Имя его будут помнить многие поколения. Если он выполнит то, к чему призван, эта земля будет благословенна. Она возвысится над всеми другими странами.

— У многих есть сыновья, — ответил Утер, — кто сменит меня, сейчас не в этом дело. Да я и не узнаю, прав ли ты или солгал. Если хочешь показать свое волшебство, скажи еще что-нибудь, колдун.

— Господин король, ты ожидаешь, что я вызову гром с ясного неба или превращу твою свиту в свору собак? Я инею дело не с тем, что ты называешь колдовством, а с древней мудростью. Я могу

сказать тебе только то, что до конца следующего года я тебе понадоблюсь. Когда наступит этот момент, пусть твой вестник идет к месту, где стоял дом клана Найрена, и разожжет на развалинах костер. Я отвечу на твой призыв.

Утер рассмеялся.

— Я не знаю, чем ты можешь быть мне полезен, мальчик. Мне кажется, силы твои незначительны. Ты можешь лишь создавать иллюзии и заставлять людей видеть то, чего нет. Ты прав: мои люди не верят тебе, и тебе лучше быть подальше. Не знаю, каким ты станешь, когда повзрослеешь, но я не думаю, чтобы мы могли иметь дело друг с другом.

Он запахнул плащ и ушел. Мирддин глянул ему вслед и внезапно увидел совсем не то, что было на самом деле. Высокий человек в алом плаще, великолепно вооруженный, вдруг оказался сгорбленным и сморщенным, лицо его посинело, сильные мускулистые ноги превратились в тощие и костистые. Смерть посмотрела в его глаза. Мирддин понял, что Утеру суждено умереть не в битве. Предательство и медленный упадок ожидает его. Мальчик хотел предупредить короля, но знал, что слова его окажутся бесполезными.

Он вздохнул, думая о своем опасном и часто

бесполезном даре. Лучше бы его не было. Он видит в лице человека его смерть, но не может сказать ему об этом.

Мирддин не отвернулся от Королевского камня, он положил руку на его поверхность, еще раз подивившись, какая сила удерживает его здесь и заставляет выполнять поручение Небесного народа. Зеркало объяснило ему, что камень — это Маяк, но как он действует, Мирддин не знал. Он чувствовал только скрытую в нем огромную энергию, как и в других камнях этого места.

В хижине его ждал Лугейд. Друид уже собрал немногочисленные пожитки Мирддина, привел и оседлал пони.

— Ты должен уехать.

Неожиданное решение поразило мальчика.

— Почему?

— Ищущие добрались до этого места. Ты сделал то, чему противились Темные, и теперь они хотят убить тебя, чтобы ты не мог еще чем-нибудь повредить им. Прошлой ночью в кругу танцевали Теневые Танцоры. Ни у одного из них не нашлось достаточно сил, чтобы соорудить себе тело. Но я думаю, что если ты задержишься здесь дольше, они вернутся. С каждым возвращением они будут становиться все сильнее, пока не станут серьез-

ной угрозой для тебя. Я не расспрашивал тебя об источниках твоей Силы. Да ты и не должен мне рассказывать об этом. Но если только здесь ты черпаешь Силу, то можешь приходить сюда и набираться энергии. Те, кто учил тебя, должны и смогут, я надеюсь, защитить тебя от Темных, когда ты будешь приходить. А жить здесь постоянно тебе нельзя.

— Тогда идем со мной! — сказал Мирддин.

Друид покачал головой.

— Каждому свое. Твои знания должен использовать только ты, для этого ты рожден. А я останусь здесь.

— Но Теневые Танцоры?

Мирддин взглянул на ряды стоящих камней. Светило солнце, и каждый из них отбрасывал тень. Казалось, что в тенях этих не таилась угроза. Мирддин знал, что Лугейд говорит о призраках, которыми его напугала Нимье в ту ночь при их встрече.

— Но ведь я для них неинтересен, они посланы за другой добычей.

Мирддин пробовал возразить. Его пугала одинокая жизнь в пещере.

Ближайшим его соседом будет разрушенный дом клана.

— Ты нужен мне, — сказал он. — Мне трудно будет жить в горах и соседствовать только с дикими зверями.

— В тебе говорит страх, — ответил Лугейд. — Каждый человек идет своей дорогой, лишь изредка он может встретить другого. Ты должен привыкнуть к своему одиночеству в этом мире.

Мирддин уехал из долины Солнца, оставив позади недавно привезенный камень и зная, что впереди у него одиночество — судьба тех, кто владеет Древней Силой.

Пустынными тропами поднялся он на горный склон, где виднелась ведущая в пещеру расщелина.

На этот раз ему было гораздо труднее протиснуться в щель: он сильно вырос.

Наконец он пробрался во внутреннее помещение, где по-прежнему гудели и щелкали установки. Обессилев в пути, он присел перед Зеркалом.

— Ты вернулся, — заметил голос.

Он был такой же монотонный, как прежде.

— Маяк теперь на месте. До сих пор ты выполнял все, для чего родился.

Мирддин удивился, откуда Зеркалу известно о его успехе. Может, оно читало его мысли? Это

предположение ему не понравилось. Неужели он только чей-то слуга? Раб, которому не позволены собственные желания или действия? Тогда его рождение — это трагедия. Человек не должен родиться для судьбы, которую не может изменить.

— Дело сделано, — ответил он бесстрастным голосом.

— Отдыхай и жди, — послышалось в ответ.

Мирддину вновь показалось, что он освободился от какого-то принуждения, которого раньше не сознавал Он замигал и потянулся, как бы проснувшись от долгого сна, потом вышел из пещеры, глубоко дыша горным воздухом.

Он не вернулся в разрушенный дом клана.

В горах он построил себе хижину из камней и ветвей. Приближалась середина лета, и Мирддин принялся готовить запасы на зиму. Он собирал травы и коренья Однажды он отыскал одичавшую корову, убил ее и запасся мясом впрок.

Когда вороны слетелись на шкуру, которую он забросил на куст, дикая кошка прибежала оспаривать у них добычу.

Вороны воинственно каркали. Мирддин дождался, пока шкура не была очищена от мяса, потом выскреб остатки и обработал ее, как мог. Впоследствии внутренности животных, которых

ему удавалось убить, он оставлял для своих крылатых соседей.

Это была трудная жизнь, лишенная даже тех скромных удобств, какие давал ему дом клана. Мирддин похудел, вырос, кожа его потемнела на солнце. Наступил день, когда он хорошо заточенным ножом впервые выбрил подбородок и подстриг буйно отросшие волосы.

Одежда стала ему мала, и он сшил новую из грубо обработанных шкур. Из грубой кожи он смастерил себе башмаки.

Короткое лето приближалось к концу, нужно было готовиться к холодам. Каждое утро Мирддин поднимался на холм, с которого видны были развалины дома клана. Он находился слишком далеко от поселений людей, но сигнал, посланный ему Утером, он бы увидел. И он ждал.

К Зеркалу он приходил без охоты. К тому же голос стал обращаться к нему редко. И даже не отвечал на те вопросы, которые он иногда задавал.

Однажды он нашел запутавшегося в кустах ворона. Напуганная птица кричала. Мирддин освободил ее, несмотря на то, что она больно клевала его. У ворона была сломана лапа, и мальчик стал лечить птицу.

Когда лапа зажила, ворон не захотел улетать.

Он часто сидел на бревне, которое Мирддин прикатил к хижине и использовал как стол. Здесь он плел ивовые корзины, в которых хранил зерно дикой ржи.

Мирддин назвал птицу Вран и удивился, когда ворон, приняв с руки пищу, ответил на вопрос, с которым Мирддин обратился к нему. Утром, когда Мирддин выходил из хижины. Вран подлетал, садился на плечо и негромко кричал, как будто рассказывал что-то на незнакомом языке.

Зима была суровой, и в дни самых сильных бурь Мирддин уходил в пещеру, к Зеркалу. Щель ему пришлось расширить, иначе он не протиснулся бы в нее. Вран исчезал, и Мирддину не хватало его общества.

Он не приближался к Зеркалу, чувствуя, что сейчас не время использовать звездные механизмы. На многих из них огоньки уже не загорались. Мирддин иногда со страхом думал, что Зеркало по-своему стареет, и сила его ослабевает.

Трудно было следить за временем.

Мирддин пытался вести каменный календарь, но буря разбросала камни, а Мирддин не помнил их точного количества и отказался от попытки вести счет дням. Иногда подолгу он ничего не ел и проводил долгие часы в летаргии.

Но никто не тревожил его в горах. Со времени возвращения он не видел ни одного человека, не чувствовал приближения их, как это было перед встречей с Нимье.

Он гадал, куда она подевалась и что делает. Иногда ему начинало казаться, что нужно выследить ее, как она в свое время выследила его. Но когда он спросил об этом у Зеркала, последовал быстрый и решительный ответ.

— Не приближайся к тем, кто служит другим. Они приведут тебя к битве, а время еще не настало.

Мирддин хотел уже отойти, когда снова послышался голос:

— Наступает время, когда необходимо выполнить вторую задачу. Слушай. Должен родиться ребенок нашей крови, как ты беспорочный. Но все люди должны верить, что зачал его Высокий Король. Когда Утер попросит твоей помощи в этом деле, используй данные тебе силы. Пусть король поверит, что лежал с избранной им женщиной и наслаждался ночью ее любовью. А женщина пусть подумает, что она принимала своего мужа. Но в ее спальне ты должен оставить ее одну и открыть окно. Когда родится ребенок, ты должен взять его, сказав королю, что ребенок

в опасности: кое-кто не хочет, чтобы у короля был законный наследник. Ты отвезешь малыша на север, к лорду Эктору, который воспитает его как приемного сына. А лорд Эктор пускай думает, что это ты усыновил ребенка. Он принадлежит к древней расе, и ты покажешь ему опознавательный знак. В его жилах течет наша кровь, хотя и ослабленная с течением времени. Подобное ищет подобное. Будь готов выполнить это, когда появится королевский посланец. В этом ребенке избавление от упадка твоей Земли, а также наша надежда. Лишь когда воцарится король нашей крови, наступит мир, и мы сможем вернуться.

— Когда же это произойдет? — осмелился спросить Мирддин.

— С приходом весны. За это время научись создавать иллюзии так же легко, как опытный воин владеет мечом. Лишь при помощи этого оружия ты сможешь выполнить задачу.

Так Мирддин очнулся от сонной бездеятельности, в которой незаметно проходили дни, не отличаясь друг от друга. Он проверял свои силы ежедневно, как борец разминая мышцы перед схваткой.

Он создавал миражи на холме, добиваясь максимального правдоподобия. Однажды он воздвиг

у входа в пещеру темный зловещий лес. На другой день он уничтожил лес и заменил его лугом, на котором под легким ветерком покачивались летние цветы. Затем он начал создавать людей. К нему шел Найрен, плащ его раздувался ветром, бронзовая цепь свисала поверх кожаного камзола, ярко сияя. Подходя, он улыбнулся и поднял руку в дружеском приветствии.

Труднее всего было преодолеть стремление удержать эти иллюзии, желание превратить тени в живых людей. Мирддин уставал от своих упражнений больше, чем когда поднимал Королевский камень.

Но чем больше он упражнялся, тем сильнее становился сам, тем реальнее и правдоподобнее делался вымысел, вызванный им к жизни. Однако он не был уверен, что созданное им так же реально и для других.

Тогда он использовал Врана, который вернулся с наступлением весны. Мирддин создал иллюзию освежеванной овцы, и ворон с криком пытался рвать ее мясо.

Когда же овца неожиданно превращалась в куст, он испуганно улетал.

Так ежедневно Мирддин упражнялся в создании иллюзий, пока однажды утром, взобравшись

на свой наблюдательный пост, не увидел столб дыма над разрушенным домом клана. Захватив лишь меч в кожаных ножнах, он быстро прошел по еле заметной тропе, по которой ему совсем не хотелось ходить, и сквозь брешь в стене увидел стоявших у костра людей. Одного из них он узнал. Это был Кредок, дружинник Утера. То, что именно он был послан за Мирддином, свидетельствовало о том, что желание короля видеть его было велико.

Мирддин понял, что наступило время, о котором его предупреждал голос из Зеркала.

Он знал, что этим нарядным людям он кажется нищим, диким бродягой из горских легенд. Но шел он гордо. Ему необходимо выполнить желание короля, даже если для этого придется прибегнуть к обману.

— Ты Мирддин?

В тоне Кредока чувствовалось отвращение.

— Да. И Высокому Королю нужна моя помощь. — Извиняясь за свою одежду, он добавил. — Жизнь в горах, мой господин, нелегка!

— Оно и видно!

Кредок не насмехался в открытую, но глаза выдавали его. Впрочем, Мирддину было все равно.

При въезде в город Короля ему дали другую

одежду. Годы войны, сакские рейды увеличили число руин в этом некогда богатом городе. Но некоторые здания восстановили и аккуратно отштукатурили. И казалось даже, что внутри домов царит великолепие — так сияли занавески на окнах.

Мирддина ввели в один из таких домов.

На кровати сидел Утер. Он как будто только что проснулся, хотя утро уже давно наступило.

— Здравствуй, пророк.

Утер напился из серебряной чаши и передал ее юноше, знаком приказав снова наполнить заморским вином.

— Ты говорил правду в тот день. Мне действительно нужна твоя помощь. Если ты послужишь мне, можешь сам назначить награду. Убирайтесь отсюда! — сказал он, обращаясь к собравшимся. — Я буду говорить с пророком наедине, по секрету.

— Господин король, он опасный колдун, — возразил Кредок.

— Неважно. Пока его колдовство приносило пользу этой Земле. Не очень значительную, конечно, но, по крайней мере, она еще никому не повредила. А теперь оставьте меня.

Они повиновались с явной неохотой.

Король ждал, пока они выйдут, потом заговорил чуть слышно, так, чтобы голос его не был слышен за стеной.

— Мирддин, ты говорил моему брату, что умеешь вызывать галлюцинации. И еще, что люди видят то, что хотят видеть. Женщины тоже подчинены твоему гипнозу?

— Да, господин король.

Утер довольно кивнул. Он отпил небольшими глотками вино.

— Тогда я хочу, чтобы ты сотворил одну штуку. Для меня это важно. Недавно я короновался здесь перед войском и своими приверженцами. Не последний из них — лорд Глорис из Корнуэлла. Он пожилой человек, достаточно крепкий, чтобы ответить на призыв боевого рога, но недостаточно, чтобы удовлетворить молодую жену. Его жена леди И грена по возрасту годится ему в дочери. Прекраснее этой леди я никогда не видел, хотя обладал многими женщинами, и все они приходили ко мне добровольно. Когда я попытался поговорить с ней, она не ответила взаимностью и рассказала о нашем разговоре своему лорду. Он, не попрощавшись, уехал со двора и этим опозорил меня.

Лицо Утера вспыхнуло, и он продолжал гово-

рить, гневно сжав губы.

— Ни один человек не может так унижать короля. Я знаю, что об этом случае уже украдкой болтают при дворе. Я послал отряд в Корнуэлл, чтобы осадить герцога Глориса. Я обольщу эту женщину, и она узнает, как может любить король.

Герцога уже выманили из крепости, но леди по-прежнему в безопасности. Скажи, пророк, смогу ли я проникнуть к ней в будуар или она попадет ко мне в спальню?

— Ты говоришь об иллюзиях, господин король. Я могу сделать так — по крайней мере в эту ночь — что леди будет считать, будто к ней вернулся муж. Однако это будет не он.

Утер громко расхохотался. Мирддин увидел, что король уже изрядно опьянел.

— Прекрасная штука, пророк! Она доставит мне удовольствие. Ты клянешься, что это можно сделать?

— На короткое время, господин король. И нужно находиться поблизости от крепости герцога.

— Неважно! — Утер махнул рукой. — В моих конюшнях лучшие кони. Если понадобится, мы загоним их насмерть.

Все было сделано так, как пожелал король.

Мирддин почувствовал, что сидит в седле лошади и мчится сквозь тьму. Ехали всю ночь при свете луны.

Мирддин не рассуждал, добрый или злой поступок он совершает. Его интересовали лишь последствия. Будет рожден еще один сын Неба, подобный ему, полуизгнаннику в этом мире.

Мирддин чувствовал радость, он познал горечь одиночества. Теперь будет у него на земле близкая душа.

Кроме того, он понимал, что с рождением ребенка он освободится от многих забот. Мирддин так яростно ждал этой свободы, как раб стремится избавиться от цепей.

Через три дня они подъехали к крепости у моря и укрылись в роще. Дальше Мирддин пошел сам, чтобы взглянуть на крепость, в которую хотел проникнуть Утер, и стал готовиться к созданию высочайшей иллюзии.

Ночь была необычайно холодной для конца Вельтейна. С моря дул резкий ветер. Даже сквозь толстые стены крепости Мирддин слышал удары волн. Сам он мучился от насморка и не чувствовал уверенности в своих силах.

Утер и его люди спали в укрытии. Никаких трудов не составляло подмешать порошок сонной

травы в бутыль с вересковым медом: резкий вкус напитка отбивал привкус зелья. Использовав мастерство, которое дало ему Зеркало, Мирддин загипнотизировал Утера.

И вот он уже шел по переходам крепости.

Ему дважды пришлось прибегать к искажающим полям, чтобы остаться невидимым.

Сказывалось напряжение.

Перед входом он остановился, напрягся и стал создавать иллюзию.

Когда все было сделано, он перевел дыхание и двинулся дальше. Храбро отдернув занавес, он вошел. Если его действия верны, женщина увидит сейчас своего мужа, который неожиданно вернулся.

В ладони Мирддина была зажата пилюля — сонный порошок. Когда он даст ей этого зелья, его задача будет выполнена.

Лампа старинного римского образца горела у кровати, сделанной в виде богато украшенного ящика со снимающейся крышкой.

На кровати никого не было. Женщина стояла у окна, глядя на штормовое море.

На ее плечи был наброшен плащ. Услышав шаги, она быстро обернулась.

Испуганное выражение сразу исчезло.

Она неуверенно улыбнулась, на ее лице было удивление.

— Милорд? Ты здесь?

Мирддин облегченно вздохнул. Гипноз удался. Женщина видела герцога Глориса.

— Где же еще мне быть? — спросил он. — Прекрасная леди, эта ночь не для войны.

Она отошла от окна, опустив край плаща.

Теперь он видел, что она действительно создана для любви, хотя сам смотрел на нее без тени смущения, какое ощутил, увидев впервые Нимье. Герцогиня Игрена была действительно прекрасна, но это была красота римской богини. Она смотрела на него, слегка улыбаясь, и он почувствовал, что в некотором смысле она правила старым лордом так же безраздельно, как Утер Британией.

«Кончай эту игру», — умоляло что-то внутри Мирддина. В этой комнате, пахнущей женщиной и жизнью, совершенно незнакомой ему, он был так неуверен в себе, как олень, заподозривший западню. Рука его двинулась к столику, на котором стояла высокая стеклянная бутылка, привезенная из-за моря, и два прекрасных кубка.

— Ночь холодна, — сказал он. — Я хочу согреться вином.

Игрена негромко рассмеялась.

— Есть и другие способы согреться, лорд.

Она стыдливо указала на кровать.

Он тоже заставил себя рассмеяться.

— Прекрасно, но вначале, пожалуйста, выпьем. А потом мы попробуем твой способ, чтобы определить, который лучше.

Она ждала, пока он не налил вина в кубок, потом послушно взяла один из них. Он сделал вид, что пьет, а она опустошила кубок несколькими глотками.

— Милорд, ты холоден, как эта ночь.

Она подошла ближе, и Мирддин ощутил аромат ее тела. Нагая, она подняла руки и расстегнула его плащ.

— Лорд, ты сегодня сам не свой.

Мирддин хотел отпрыгнуть, уйти. Усилием воли он сдержался. Поставив кубок, он взял ее за руки и сжал их, взглянув в глаза.

Лицо ее потеряло игривое выражение и разгладилось, как будто она его больше не видела.

Мирддин повел ее к кровати.

Глаза ее по-прежнему были невидящими.

Она легла и замерла. Тело было неподвижным. И тогда Мирддин отошел от кровати.

Окно было наполовину открыто. Занавес и

ставни откинуты в сторону. Мирддин потрогал, не захлопнутся ли они от ветра, и убедившись, что этого не случится, направился к двери.

Женщина в постели сонно бормотала, слова ее предназначались не ему, а видению, которое он поместил в ее мозгу.

Снаружи послышалось негромкое гудение.

Мирддин быстро вышел.

Стражники его не видели.

Добравшись до своего наблюдательного пункта перед крепостью Глориса, Мирддин обернулся. Ярко светила луна. В отдалении виднелись костры: так простой народ праздновал Вельтейн. Он выбрал хорошую ночь: в крепости оставалось лишь немного постоянных обитателей.

Окно, выходившее в сторону моря, он не мог видеть. Да и не его делом теперь было то, что за ним происходило. Теперь нужно было сохранить иллюзию Утера. Мирддин добрался до скрытого лагеря и долгие часы просидел рядом со спящими.

На рассвете Утер зашевелился. Глаза его открылись, но он не узнавал окружающих.

Протянув руки, он пытался кого-то удержать.

Мирддин быстро вскочил на ноги. Кончиком пальца он коснулся головы короля и отдал мыс-

ленный приказ:

— Проснись!

Утер часто заморгал, после цветного сна увидев мир в сером свете утра, зевнул и посмотрел на Мирддина. Лицо его нахмурилось.

— Итак, колдун, твое волшебство как будто подействовало.

Голос его звучал хмуро.

— Ты выполнил обещание.

Ни радости, ни удовлетворения не слышалось в его словах. Он отводил глаза от взгляда Мирддина.

Мирддин понял, что, удовлетворив свою страсть, Утер стыдился своего поступка. Ему не хотелось видеть человека, который все про него знал.

— Если ты доволен, и я выполнил твой приказ, господин король, позволь мне удалиться. Мне не нравится жизнь при дворе, — устало сказал Мирддин.

Он ожидал, что Утер отвернется от него, но не думал, что это произойдет так внезапно.

Ему не хотелось полностью утратить расположение короля, потому что дело его еще не было закончено, и для его завершения нужно было сохранить связь со двором.

— Хорошо.

Утер делал вид, что совершенно безразличен.

Он даже не взглянул на Мирддина, а смотрел только на спящих.

— Уезжай, когда и куда хочешь.

Мирддин вел себя с достоинством. Не поклонившись, он повернулся и пошел к лошадям.

Взяв свою лошадь, — он решил, что Утер разрешит ему уехать на ней, — он двинулся в путь. Не успел он добраться до вершины небольшого холма, как услышал топот копыт и увидел человека, скакавшего на взмыленной лошади.

— Где король? — крикнул он Мирддину. — Где Утер?

То, что незнакомец знал об этом тайном походе, удивило Мирддина. Всадник был уверен, что Утер где-то по-соседству.

И было ясно, что у него какое-то срочное сообщение, ради которого можно нарушить тайну.

— Зачем тебе король? — спросил Мирддин.

Его планы зависели от того, что будет происходить с королем.

— Саксы протрубили в боевой рог?

Человек покачал головой.

— Герцог Глорис убит вчера в схватке. Король должен знать об этом.

Мирддин показал, где находится король.

— Там ты найдешь его величество.

Вестник ускакал раньше, чем Мирддин закончил фразу. А Мирддин пустил свою лошадь рысью. Он думал об этой странной ситуации. Герцогиня Игрена скоро узнает, что в те часы, когда она принимала своего мужа, он был мертв.

Утеру теперь легко будет овладеть женщиной, которая ему нравится.

Как обернется дело теперь? Что будет с ребенком, который должен родиться?

Будет ли король, вспоминая эту ночь, считать ребенка своим? Что случится, когда Утер обсудит его происхождение с герцогиней? Мирддин почувствовал, что король собой недоволен — он стыдится своего поступка. Каким чувством обернется этот стыд сейчас?

Пройдет больше полу года, прежде чем он об этом узнает. Его собственная задача ему была ясна: ребенок, зачатый этой ночью, должен быть скрыт, спрятан на севере в доме человека, в жилах которого течет древняя кровь. Он узнает Мирддина по условным словам. Почему бы не убедиться в этом немедленно? Мирддин повернул лошадь не к пещере, а на север.

Несколько недель спустя, он увидел замок

лорда Эктора. Он находился среди гор и ущелий. Соседи его уважали, но обращались к нему только тогда, когда нужно было защищать свою землю от врагов.

Его люди крайне неохотно принимали незнакомцев. Эктор женился на своей двоюродной сестре. В этой семье была традиция — не принимать в круг родства чужих.

Мирддин собрал эти сведения по крупицам у бродячих торговцев. Теперь, когда угроза сакских набегов ослабла, они снова появились на дорогах. Разговаривал он и с кузнецом, который проработал зиму в крепости Эктора, а сейчас торопился вместе с бардом к больной матери. Бард путешествовал, чтобы увидеть мир и узнать людей.

То, что Мирддин услышал, ему понравилось.

Судя по всему, Эктор был умным человеком и опытным воином. Ему удалось уберечь свои земли от набегов пиктов с севера.

Жена его поклонялась чужому богу. Религию ее называли христианством. Она приютила старого жреца своей веры, который был к тому же известным целителем. Хотя Эктор ревниво берег свои территории, он без крайней необходимости не обнажал меч, и его подданные процветали, насколько это было возможно в те беспокойные

времена.

Когда Мирддин достиг, наконец, тропы, ведущей в земли Эктора, он обнаружил стражу. Охранники попросили его задержаться в лагере, а один из них поскакал с сообщением к дому клана.

Мирддин начертил на клочке кожи спираль — знак древних дней — и сказал, что хочет тайно побеседовать с их лордом.

Он ждал почти до заката. Наконец всадник вернулся и сказал, что Мирддин может идти, а он сам будет его проводником. Лорд ждал его на центральном дворе дома клана. Мирддину на мгновение показалось, что он вернулся домой, и тяжелые поды одиночества позади.

Так когда-то стоял Найрен с обнаженной головой, ожидая гостя. Слуга увел усталую лошадь.

Эктор крепко пожал ему руку. Увидев, что они одни, Мирддин шепотом произнес условные слова.

Волосы Эктора были такими же черными, как и у него самого. Треугольное лицо с заостренным подбородком, четко очерченные губы, узкий горбатый нос. Мирддин словно увидел свое лицо, себя самого немного постарше.

— Добро пожаловать, брат, — ответил Эктор.

Он не удивился словам Мирддина, таким древним, что значение их забылось.

— Дом родича открыт для тебя.

В этой части план Мирддина осуществился легко. Хотя ни лорд Эктор, ни его жена не имели никаких контактов с небесным народом, традиция таких связей прочно жила в истории их клана. Они без расспросов приняли то, что Мирддин предложил. Он не объяснил обстоятельств появления ребенка, для которого он ищет убежище, да этого и не надо было делать. Лорд и его жена с готовностью согласились помочь ему.

Тринихид, хотя и искренне следовала новой вере, проповедуемой Натом — мягким пожилым человеком, который старался лечить тела так же, как облегчить души своих учеников, — все же принадлежала клану. Когда Мирддин говорил о важности сохранения ребенка в безопасности, она согласно кивала.

Двигалась она медленно, осторожно неся свой большой живот, в котором находился долгожданный наследник Эктора. Положив руки на живот, она слушала Мирддина, согласно кивая головой.

Ее спокойное счастье заставило Мирддина ощутить неловкость, и он держался в стороне от верхнего этажа дома клана, где постоянно

находилась Тринихид. Ни одна из женщин, которых он видел при дворе короля, не привлекала Мирддина. Лишь однажды желание шевельнулось в его теле, когда он увидел ночью Нимье, бросившую ему вызов, призвавшую его быть мужчиной.

Счастье Тринихид и забота, которой окружал ее лорд, были чем-то новым для Мирддина. Поскольку в их отношениях чувствовалась древняя традиция, они казались ему ближе, чем другие люди в клане его деда.

В их близости он ощущал тепло, подобное теплу очага в зимний день, и такое тепло пришлось ему по душе.

Мирддин чувствовал беспокойство, но в то же время что-то привязывало его к этому месту. Он не мог решиться уехать и снова жить в одиночестве в пещере. Он ходил с Эктором на поля, помогал подсчитывать поголовье скота, делал все, что делает лорд небольшого поместья.

Он старался устать, чтобы крепко спать, не видя снов.

Вернулся кузнец и рассказал много интересного. Мирддин внимательно слушал его. Король женился на герцогине Игрене, но не жил с ней. Она жила среди святых женщин новой веры,

потому что носила ребенка своего первого мужа. Пока она не родит, король не требовал ее к себе.

«Итак, герцогиня поверила в иллюзию, — думал Мирддин. — А Утер ничего не делает, чтобы разуверить ее». Для планов Мирддина так было даже лучше, потому что Утер не захочет держать ребенка при дворе. Воспитание в других семьях было широко распространено в высшем обществе.

Даже король отсылал своих сыновей, не только, чтобы избавить их от искушений, которым они легче поддавались бы в его доме, но и для того, чтобы сберечь их жизни. Всегда найдется завистливый претендент, который решит, что убийства расчистит ему дорогу к трону.

Он собрался ехать на юг до наступления зимы в этих суровых северных горах и отыскать Утера. Однажды он уже сумел внушить королю то, что хотел. Получится ли это сейчас? Должно получиться, иначе для чего дана ему таинственная сила? Кроме того, ведь это будет сделано для осуществления великого плана.

Позади было трудное лето. Много испытаний пришлось на это время. Мирддин стал выше, шире в плечах.

Увидев свое отражение в полированном щите,

он еще раз поразился своему сходству с Эктором, хотя лицо его не было смягчено лиризмом лорда, а глаза всегда были полузакрыты, как будто он держал их наготове, как тайное оружие.

Борода у него была редкая и росла медленно. По нескольку дней он не нуждался в бритье. От работы под солнцем он загорел и окреп.

Перед Самийским пиром он уехал из крепости, сопровождаемый добрыми пожеланиями своих новых родственников. Он был хорошо одет, из кожаных ножен торчала рукоять его меча. Меч этот поразил Эктора, но он боялся к нему притронуться и говорил, что такое оружие предназначено для одного владельца.

— Да, — согласился Мирддин. — Но не я его владелец, Эктор. Тот, кто придет, понесет его в битву. Я лишь слуга в этом и во всем остальном.

Он вел с собой запасного пони, нагруженного припасами, потому что собирался продвигаться на юг пустынными дорогами, чтобы известие о нем раньше времени не дошло до Утера. Он хотел застать короля врасплох, чтобы легче было добиться того, чего он хотел.

Не особенно торопясь, он добрался до пещеры. Дважды его задерживали бури, длившиеся по целым суткам. На знакомой тропе, которую

видел только он, лежал снег. Неожиданно послышался хриплый крик, и большая черная птица опустилась рядом с ним. Мирддин протянул руку и радостно окликнул:

— Вран!

Да, это был Вран. Он вцепился когтями в перчатку Мирддина и, каркая, смотрел на него.

— Подожди немножко, Вран, — пообещал Мирддин, — я накормлю тебя.

Птица перелетела на камень, а юноша порылся в мешке, достал кусок копченой свинины и бросил на землю. Мгновенно черный взрыв перьев опустился на мясо.

Никаких следов того, что кто-то побывал здесь за долгие месяцы его отсутствия, не было. Да и он вернулся сюда лишь затем, чтобы спрятать свое оружие.

Мирддин отстегнул пояс с мечом и спрятал его в темном углу пещеры возле самой большой установки. Он заметил, что большинство механизмов молчат.

Только на экране одного по-прежнему бегали огоньки. Долго стоял он перед Зеркалом, глядя на свое отражение.

Теперь он выглядел гораздо старше своего возраста. Столько лет было Утеру, когда они виде-

лись в последний раз. Лицо его стало замкнутым, а серая скромная одежда и плащ превращали его в темную мрачную фигуру. Возможно, именно таким должен появляться колдун в мире, наслаждающемся светом и цветом, блеском драгоценностей и сверканием золота.

Он снова вышел наружу. Вран доедал свое мясо. Прежде чем сесть на пони, Мирддин отыскал еще один кусок.

— Получай и это, маленький брат, — сказал он.

При звуке его голоса ворон не стал рвать мясо, поднял голову и взглянул на Мирддина черными зрачками, как будто знал, куда он собирается.

— Прощай и будь здоров. Когда я вернусь, ты попируешь снова.

Пообещав это, он повернул лошадь в сторону долины, где был расположен дом клана.

Саймен давно прошел, и зима владычествовала над миром, когда Мирддин оказался в комнате, где находился Высокий Король Утер.

Огонь в очаге яростно ревел, но давал мало тепла. Как и предполагал Мирддин, Утер был один. Он явно не хотел ни с кем делиться тайной, которую хранили они оба.

— Итак, ты вернулся, колдун, — сказал король вместо приветствия.

Ни в лице его, ни в голосе не было приветливости.

— Я не звал тебя.

— События позвали меня, господин король, — ответил Мирддин. — Я выполнил твое желание и не просил награды…

Утер с силой опустил на стол кубок с вином.

— Если ты дорожишь жизнью, колдун, попридержи язык в своем грязном рту! — взревел он.

— Я говорю не о прошлом, господин король. Это твое дело. Я прошу того, что должно быть исполнено в будущем.

— Все стонут и клянчат у трона. Что тебе надо: золота, серебра, поместья? — насмехался Утер.

В глазах его было беспокойство.

Ему не нравилось то, что он увидел, взглянув на Мирддина. Лицо собеседника даже смутило короля.

— Мне нужен приемыш, господин король.

— Приемыш?

От удивления Утер широко открыл рот.

Потом его глаза угрожающе сузились.

— Что это за заговор, колдун?

— Никакого заговора, господин король. Вскоре та, кого ты любишь, родит ребенка. Этот ребенок для тебя угроза. Всегда иметь его перед глазами…

Утер оттолкнул кресло, готовый прыгнуть на юношу. Он взмахнул рукой для удара, но остановился, подавив свой гнев.

— Зачем тебе этот ребенок? — хрипло спросил он.

— Я отчасти ответствен за его рождение, господин король. Я человек Силы и многое, во что я верю, я предал в ту ночь, чтобы помочь тебе. Теперь я должен заплатить за вмешательство в события. Ребенок вырастет в безопасности, о нем будут хорошо заботиться. Люди забудут о нем. При твоем дворе перестанут шептаться. У тебя и у королевы полегчает на сердце. Если же он останется здесь, найдутся такие, кто захочет использовать его как оружие для переворота. Не все сторонники Глориса мертвы, хотя сейчас они и молчат.

Лицо Утера стало задумчивым. Он ходил по ковру у очага, сосредоточенно размышляя.

— Колдун, в твоих словах есть мудрость. Я хотел бы убрать ребенка со двора как из-за королевы, так и ради его собственной безопасности. Как ты и сказал, есть такие, кто не смирится. Если ребенок окажется мальчиком, они станут связывать с ним надежды на будущее. Жена считает… и она верит…

Утер помолчал.

— Иногда ей кажется, что она зачала от демона в обличии ее мужа. Она боится родить чудовище. Возьми ребенка, колдун, если хочешь, и не говори мне, где ты будешь его воспитывать и кем. Лучше совсем забыть о нем.

— Хорошо.

Мирддин внутренне расслабился. Он добился своего без опасных вопросов.

— Я остановился в гостинице Лебеды. Дай мне знать о рождении ребенка. Я приду, заберу его и уйду незаметно.

Утер кивнул, и Мирддин вышел. Предстояло многое сделать. Несмотря на все свои знания и мощь, он не мог ехать зимой на север с новорожденным младенцем. Гостиница была уютной. У Мирддина, наконец, появилась возможность все обдумать в спокойной обстановке.

Ему оставалось только ждать.

Сообщение пришло в канун праздника Бригинты. Мирддин уже позаботился о питании ребенка. На рынке рабов он купил маленькую смуглую пикскую женщину, взятую во время набега на древнюю римскую стену. За три дня до этого она родила мертвого ребенка и находилась в таком отчаянии, что торговец не запросил

дорого. Мирддин, используя силы Зеркала, смог поговорить с женщиной и пообещал ей свободу, если она позаботится о новорожденном. Возможно, она не поверила в его обещание, но и не сопротивлялась, когда он отвел ее в гостиницу, велел умыться и снабдил платьем и дождевиком, вероятно лучшим в ее жизни.

Ребенок Игрены оказался мальчиком, в чем Мирддин был уверен заранее. Поскольку имени у него не было, Мирддин поступил так же, как некогда Лугейд. Заменив отца, он взял ребенка на руки и, глядя в маленькое красное личико, произнес имя, которое услышал от Зеркала:

— Артур!

Три недели спустя он нанял конные носилки и договорился с отрядом, едущим на укрепление северной границы. Ведь придется ехать через все еще необитаемые земли, и отряд послужит защитой. Так он добрался до земель Эктора, где его встретили, как родного. Эктор настаивал, чтобы Мирддин остался жить у него. Но юношей владело беспокойство, и он не согласился.

Чем скорее он уедет отсюда, тем меньше людей короля или королевских врагов смогут выследить Артура.

Мирддин не думал, чтобы король желал ребен-

ку зла, но Утер, несомненно, чувствовал бы себя спокойнее, если бы отослал сына за море. Там было много семей, родственных британцам, и Утер мог бы так спрятать мальчика, что никто не нашел бы его.

— Когда он подрастет и сможет начать учиться, — ответил Мирддин на предложение Эктора, — я вернусь.

Он был уверен, что Артуру необходимо знать о событиях, которые перевернули его жизнь. И он сказал:

— До того времени, как я вернусь, забудь, что он не твоей крови.

Тринихид, держа своего сына Кея у полной груди, улыбнулась.

— Не волнуйся, он будет в безопасности.

Эктор энергично кивнул.

— Я поклянусь, если ты пожелаешь…

Мирддин тоже улыбнулся в ответ.

— Зачем клятва тем, у кого одна кровь? Я не сомневаюсь, что он станет вторым твоим сыном.

И вот ранней весной он уехал, направляясь на юг, по той дороге, которая ведет к долине Солнца. В пути он чувствовал себя одиноким. Может, в Лугейде он найдет товарища.

Кроме того, так он запутывал возможных пре-

следователей. Мирддин не мог избавиться от ощущения, что за ним следят.

Если король изменил бы свое намерение, его люди преследовали бы его более открыто. Нет, его как будто преследовала тень. Облако или что-то неосязаемое. Он знал, что только Нимье могла быть этой тенью.

Ему неизвестны были приемы ее магии, и он решил, что благоразумней будет подозревать самое худшее. Поэтому следует считать, что она узнала и об Артуре.

Больше всего он боялся за ребенка.

«Если, — думал он, — после того, как он уедет от Эктора, чувство, что за ним наблюдают, исчезнет, — ребенок в опасности. Тогда он немедленно вернется, чтобы защитить младенца». Но, к счастью, его продолжала сопровождать тень невидимого соглядатая.

Мирддин тщательно осматривал местность, по которой проезжал, каждую ночь расставляя мысленные сигналы, чтобы его не застали врасплох. Но нападения все не было, сохранялось лишь постоянное неприятное ощущение присутствия постороннего.

Он думал, что избавится от него в долине Солнца. Мирддин хорошо помнил, какое необык-

новенное чувство он испытал, касаясь каменных часов древних времен.

Насколько сильна Нимье? Очень многое зависело от этого. Чему она научилась за годы, прошедшие после их последней встречи? Он был уверен, что она не сидела сложа руки.

И вот он подъехал к большому кругу стоячих камней, спешился и залюбовался тем, как переходит рассвет в праздник поднимающегося Солнца. Впервые за последнее время он забыл, что за ним наблюдают. Он не знал, что Нимье ненадолго даст ему передышку. Он вспомнил о ней и испугался. В нем все время был страх, что она пойдет по его следам и доберется до Артура. Безопасность Артура — превыше всего!

Мирддин пересек лужайку у хижины Лугейда. Ему был необходим совет друга, необходим был товарищ в той странной битве, которую он вел. Но, не доходя до примитивного сооружения, он увидел обвалившуюся крышу. Тут больше никто не жил.

— Лугейд!

Еще надеясь на что-то, он позвал, и крик его прозвучал громко в утреннем воздухе. Занавеса из шкур не было, и он мог заглянуть внутрь хижины.

Уже давно здесь никто не жил.

Ошарашенный, он вошел в дом.

Бронзовый котел, деревянные чашки и ложки исчезли. Не осталось никаких вещей друида.

Но, к счастью, не было никаких следов и насилия. Лугейд не стал добычей мародеров или разбойников, решивших навестить это пустынное место.

Юноша медленно вернулся к Королевскому камню и положил ладонь на его грубую поверхность. Какая сила! Он почувствовал, как его внутренняя энергия сливается с излучением камня. Уверенность, пошатнувшаяся при исчезновении Лугейда, вернулась к нему.

Он не напрасно пришел сюда. Нужно было разбудить силы, которые, как он думал, дадут безопасность Артуру и уберут преследователей с его пути. И вот, используя слово и мысль, ударяя в определенном ритме по камню лезвием ножа, он сделал это. Он чувствовал, как отвечает ему камень, как собираются силы, словно невидимое войско.

Он собрал все силы, направил и выпустил их, как стрелу из лука, на север, к маленькой долине в поместье Эктора.

Сделав это, Мирддин ощутил опустошенность.

Опустившись на траву, он прижался плечами к Королевскому камню, глаза его были устремлены на небо, на облака, медленно плывшие по своим делам, недоступным пониманию человека. За облаками, за голубизной неба находились другие миры. Их, наверное, гораздо больше, чем может себе представить человек. Эти отдаленные миры населены, но Зеркало не показывало ему чужую жизнь. Но если вернется небесный народ, его корабли послужат мостом к этим мирам. Хватит ли у него смелости улететь к ним? Он не знал этого, но такая мысль волновала его. Долго ли будет продолжаться ожидание?

Люди мыслят годами, Повелители Неба — столетиями. Жизнь человеческая коротка.

А у Повелителей Неба? Может, в три, в четыре, в сто раз длиннее человеческой?

Он чувствовал, что немного боится тех, кто придет по его зову, если он сумеет сделать все, чему учило его Зеркало.

Мирддин уснул рядом с пони, щипавшим у камней траву.

Во сне заработало его воображение и показало ему картины жизни, о которой лишь намекало Зеркало. Но в этих снах не было ничего угрожающего, хотя они и были неземными. Мирддин

чувствовал удивление и радость.

Города — какие города! — с сияющими башнями из радужного стекла высоко в небе, совсем иного цвета, чем земные. Другие башни на дне моря, красные, как драгоценные кораллы в лавках торговцев юга. Города были показаны, но их обитателей он не видел. Наверное, человек может видеть в своем воображении только подобных себе.

Солнце зашло за облако, собирались тучи.

Мирддина разбудил порывистый ветер, предвещавший дождь и бурю. Он взял пони за повод и пошел к хижине Лугейда. Здесь он провел ночь, слушая рев ветра. Дважды молния ударяла в Королевский камень, как будто он вызвал ярость неба.

Мирддину не раз приходилось попадать в бури, но такой, по его мнению, видеть не доводилось. Он заткнул уши пальцами и закрыл глаза, но буря продолжала преследовать его. В воздухе ощущался странный запах. Силы, которые люди не могут обуздать, взбесились и готовы были стереть жизнь с лица Земли.

Несмотря на страх, Мирддина охватило сильное возбуждение. Ему хотелось бежать сквозь хаос, прыгать и кричать, забыть все, стать частью

этой ярости, освободиться от напряжения, от необходимости постоянно быть начеку.

К утру буря кончилась. Лишь корни вывернутых деревьев торчали вверх. Мирддин ощутил необыкновенное спокойствие, как будто буря прогнала его неуверенность и страх.

Осталась только свобода, обретенная в эти темные часы.

Вместе с бурей исчезло и ощущение, что его преследуют. Но он был начеку и подошел к пещере только через несколько дней. А так — блуждал в окрестностях, соблюдая все меры предосторожности. На этот раз его не приветствовал Вран, хотя Мирддин позвал его и положил на землю еду. Наблюдая и прислушиваясь, Мирддин вдруг понял, что около горы необыкновенная тишина. Не видно было птиц.

Даже ветер стих.

Он вслушивался, но не улавливал ни звука. Само по себе отсутствие жизни служило предупреждением. Он догадывался, что могло произойти. Хитроумный враг не стал тратить время на преследование, а побывал здесь.

Нимье!

Он снял с пони седло и отпустил пастись животное, стараясь не показывать, что подозревает

что-то. Бросив несколько быстрых взглядов в направлении пещеры, он понял, что там никого не было. Камни, которыми он прикрывал вход в расщелину, были нетронуты. Больше всего его теперь беспокоил меч. Он был, уверен, что ни один из небесных механизмов вынести невозможно: они слишком велики и не пройдут в щель. Как они попали в пещеру, он не знал. Возможно, они находились там уже много столетий.

Другое дело — меч, а Нимье знает, что у него он есть. По всей вероятности, она хочет отобрать у него оружие. Положив седло на плечо, он пошел к пещере. Нимье, конечно, известно о ней, так что он не раскрывает тайну. Но если только он проникнет внутрь, она может проскользнуть за ним. Мирддин хорошо знал, что у Зеркала есть своя защита, миновать которую может только он.

Он работал быстро, не оборачиваясь. Нервы его были напряжены. Кто-то пытался подавить его волю, но он сумел противостоять этой команде. Мирддин как будто снова слышал звенящий смех Нимье. Он чувствовал, что она следит за ним, ждет, давит на его волю, хочет заставить его повиноваться. Но она слишком самоуверенна, слишком убеждена в своей силе. Он же не должен быть самоуверенным, ему скорее необходима

предусмотрительность.

Она легко добивалась повиновения, создавая иллюзии, которые он тоже теперь умел создавать. Она до сих пор просто не встречала достойных соперников.

Он не стал противиться, на этом этапе их желания совпадали. Она хотела, чтобы он вошел в пещеру, он хотел убедиться в сохранности меча. Вот отброшен последний камень. Мирддин вошел в туннель и убедился, что даже расширенный проход стал для него тесен. Он порвал одежду, протискиваясь между стен, и расцарапал себе кожу.

Пещера была погружена в полутьму, горело лишь несколько маленьких огоньков.

Мирддин положил седло и направился прямо к нише, где был спрятан меч. Сверток находился на месте. Но Мирддин вытащил меч из ножен, чтобы убедиться, цел ли он. В темноте меч сверкнул тусклым светом.

Держа рукоять в правой руке, Мирддин пальцами левой провел по гладкой поверхности. Прикосновение, как и к Королевскому камню, дало ему ощущение необыкновенной Силы, огромной энергии, которую он может освободить по своей воле. Это было не просто оружие, пред-

назначенное для Королевского камня. Оно будет использовано в будущем, а как — это станет ясно со временем. Но пока что меч цел. И Мирддин снова вернул его в ножны.

— Мерлин] — послышался незнакомый голос.

Он обогнул ближайший механизм и посмотрел в темную поверхность Зеркала.

Оно покрылось серебристым туманом. В середине прозрачного свечения стояла Нимье. Теперь это была женщина. Ее обаяние, так взволновавшее Мирддина в долине Солнца, теперь казалось неотразимым. Женщина, глядевшая на него, будто стояла за Зеркалом. Он встретился с ней взглядом.

— Мерлин!

Это был не оклик, а приветствие близкого по духу человека. Несмотря на все, что разделяло их, они были в чем-то близки друг другу.

— Бедный Мерлин!

В ее голосе не было насмешки, скорее жалость.

— Ты попал в ловушку, и она захлопнулась. Все твои планы теперь уничтожит время. Те, на кого ты работаешь, умны, но все же недостаточно. Они поставили охрану вокруг своего Зеркала, но, может, не знали, что можно поставить охрану вокруг охраны. Мерлин, ты ушел под землю,

как загнанная лисица, но в отличие от нее, не сможешь больше выйти наружу. Я установила силовое поле, и оно помешает тебе выйти, оно будет держать тебя до тех пор, пока твоя человеческая половина не погибнет от голода и жажды. Это ужасный поступок, да, но если тебя не остановить, ты натворишь столько ужасных дел. Твой Артур будет жить, но ничем не станет отличаться от других людей. Так распадется твоя мечта о королевстве. Артур не получит корону, и смерть в своей постели станет его уделом. Прощай, Мерлин. Жаль, что мы не смогли с тобой действовать сообща, как родичи.

Она рассеялась во вспышке света. Мирддин протянул руку, как бы пытаясь помешать ей исчезнуть, хотя и знал, что не реальная Нимье стояла там, а лишь ее изображение. Потом он пошел прочь и спустя минуту был в расщелине.

Отверстие было на месте, он мог просунуть в него руку. Но едва он сделал это, как его кулак встретился с невидимой стеной.

Он попытался пробить ее раз и еще раз, и, наконец, понял, что преграда реальна.

Мирддин не стал тратить времени на бесполезные физические усилия. Только у Зеркала мог найти он ответ. Он вернулся к нему и сел на

скамью, как часто делал это раньше. Глядя на свое изображение, он думал о себе, надеясь, что Зеркало каким-то образом, каким — он не знал, услышит его мысли и придет на помощь.

Он увидел, как ожили застывшие механизмы, и услышал голос Зеркала:

— Силовое поле пока слишком сильно, а твое тело устроено так, что не выдержит длительного физического напряжения. Но выход есть. Ты будешь спать, Мерлин, и во время сна жизненные процессы в твоем теле замедлятся. Когда наступит нужный момент, когда время ослабит силовое поле, ты проснешься и выйдешь, целый и невредимый.

Изображение исчезло, и он увидел себя, приближающегося к длинной машине в дальнем углу пещеры. Вот он просовывает пальцы в маленькие отверстия и нажимает. Крышка машины поднимается. Человек, за которым он следит, раздевается, ложится внутрь и крышка закрывается.

Мирддин вздрогнул. Он не сомневался в мудрости Зеркала, но ему казалось, что он живым входит в могилу. Ему понадобилась вся его храбрость, чтобы успокоиться.

Зеркало снова прояснилось. Он увидел в нем

свое отражение и неохотно встал.

Смерть от голода и жажды — или эта могила живьем? И то и другое плохо. Но он верил Зеркалу и решил последовать его советам.

Длинный ящик открылся точно так, как показало Зеркало. Мирддин заглянул внутрь.

Внутри разливалось свечение, бледное, но вполне достаточное, чтобы осветить его руки. Дно ящика занимала жидкость, от которой исходил приятный запах. Мирддин разделся, сложил одежду и перебросил ногу через край ящика. Жидкость доходила ему до голени. Она была теплой и успокаивающей.

Он сел на дно ящика. Теперь жидкость поднялась ему до груди, коснулась щек. Последнее, что он запомнил: крышка быстро опустилась и отрезала его от мира.

Он погрузился в странный сон о городах, которые он никогда не видел, с высокими, парившими в воздухе, башнями.

Люди в них летали на птицах, хитроумно изготовленных из металла.

Иногда спящий на мгновение воплощался в плоть одного из этих людей, и тут им овладевали такие мысли, что он даже понять их не мог.

Эти люди свободно передвигались не только

под облаками, но и под океанами. Казалось, в мире нет для них тайн.

Но они не были счастливы. Ими владело какое-то беспокойство, тревога, и Мирддин постарался прервать контакт с их разумом.

И вот наступило время, когда мир сошел с ума. Воющие ветры обрушились на города, причиняя ущерб, который не под силу обычной буре. Волны высотой с горы вздымались из моря и ударяли о землю, стирая все следы человеческой деятельности. Горы дышали пламенем, потоки расплавленной породы стекали по их склонам.

Когда они встречались с морями, густые облака пара окутывали землю и море, скрывая небо.

Когда все кончилось, затонувшая и обожженная земля изменилась до неузнаваемости, появились новые заливы, новые реки. Во многих местах поверхность Земли скрылась под водой, зато в других возникли участки ила, некогда бывшие морским дном. Но человек выжил. Небольшие группы людей, ошеломленные, отупевшие, приспосабливались к новому миру. Мало кто из них помнил прошлое, да и то обрывочно.

Остальные превратились в тупые существа, которые ели, спали и совокуплялись со звериным бесстыдством.

Эти остатки человечества продолжали опускаться, стали хуже животных. Некоторые охотились на своих соплеменников, чтобы набить животы, убивая добычу обломками скал. Немногие цеплялись за свои воспоминания. У этих немногих хватило ума обособиться, уйти в такие места, где можно было защищаться от безмозглых животных.

Снова начался очень медленный подъем.

Правда превратилась в легенды, приукрашенные воображением. Более поздние поколения не верили, что в прошлом человек был иным, чем в их время. Но всегда были такие, кто помнил лучше, чьи рассказы передавались из поколения в поколение менее искаженными.

Мирддин продолжал спать, и сон витал над ним.

Во сне он был той самой породой, которая стремилась выжить, терпела поражение, но никогда не была уничтожена до конца.

Среди людей всегда были такие, которые смотрели на его сон и переживали вместе с ним.

Послышался долгий звук, похожий на звон огромного металлического гонга.

Мирддин шевельнулся в ящике. Его чрезвычайно медленное дыхание ускорилось.

Жидкость, полностью покрывавшая его тело, ушла. Веки спящего задрожали.

И как будто это слабое движение послужило сигналом, стержни, поддерживающие крышку ящика, двинулись вверх. Мирддин открыл глаза и еле слышно застонал.

Мышцы его расслабились, но не больше, чем если бы он провел ночь на открытом воздухе. Мозг его быстро возвращался к действительности.

Прав ли был голос — ослабло ли силовое поле? Он выбрался из ящика. Механизмы вокруг него были охвачены интенсивной пляской огоньков. Тело его быстро высохло.

Жидкость, заполнявшая ящик, стекала с тела большими каплями, не оставляя следов влаги.

Он поискал глазами свою одежду.

Ткань пожелтела и стала непрочной. Время — сколько прошло времени!?

Одевшись, он подошел к Зеркалу. Главное — как долго он проспал?

Голос, сильный, как всегда, ответил на его мысль.

— Шестнадцать лет твоего мира, Мерлин. Силовое поле ослабло. Ты свободен. Та, что установила поле, ничего не сможет предпринять: силы ее истощены. Теперь она будет добиваться твоего

поражения другими способами. Пора тебе принимать бой.

Он смотрел на свое отражение. Шестнадцать лет! Но он старше не более чем на год. Как это может быть?

— Жидкость сохраняет жизнь, Мерлин. Но не думай о прошлом. Ты должен выполнить свою задачу. Артур должен стать королем Британии.

— Утер?

Это имя он произнес вопросительно.

— Утер умирает. Вокруг него знатные лорды, двое из них женились на его дочерях. Но сыновей у него не было, кроме Артура, и о чьих правах ты должен заявить. Ты хоть и не сделал для Артура то, что планировалось, не научил его тому, чему научился сам, все же Артур небесной крови. Он наш. Посади Артура на трон, Мерлин, и Британия получит короля, чье имя будет на устах людей и через тысячу лет.

Мирддин медленно кивнул.

Артур и Мерлин, они должны быть вместе.

— Артур и меч, и ты с ними, Мерлин. Такова задача, для которой ты родился, и не было перед человеком задачи более значительной.

Мерлин стоял, глядя вниз на большой лагерь, где на множестве шатров развевались знамена

вождей и рыцарей. Он должен помнить, что Мирддина больше нет. Узнает ли его кто-нибудь из собравшихся там?

Шестнадцать лет! Артур вырос, а он не принимал участия в его обучении. Но сожалениями ничего не исправишь, нужно смотреть вперед с уверенностью и надеждой.

Благодаря случаю, он сменил свое полуистлевшее от времени платье на длинный шерстяной балахон, в каких ходят барды, и отрастил бороду, хотя выросла она редкой.

Балахон он нашел в багаже убитого человека, лежавшего на земле, рядом паслась лошадь. Три сакса обагрили землю своей кровью, сопровождая незнакомца, умершего, как подобает воинам.

Мерлин не знал, кто его благодетель и почему он попал в засаду, но поблагодарил неизвестного за лошадь и одежду и похоронил его лицом к Восходящему солнцу.

На пути к временной столице Британии он встретил людей, идущих в одиночку и группами. Утер умер уже несколько дней назад, но Совет еще не называл его преемника.

Разузнав, как обстоят дела, Мерлин соответственно составил план. Теперь он изучал расположение лагеря. Знамя Лота, женатого на одной

из дочерей Утера, видно было издали. А вот и Корнуэлльский Олень, поднятый сыном Глориса, который не был законным наследником, но за которого стояли все рыцари Корнуэлла.

Мерлин видел незнакомые гербы и догадывался, что здесь собрались лорды, имеющие хотя бы слабую надежду на выдвижение.

Он искал парящего ястреба — герб Эктора — и увидел его, но не в центре, конечно, среди палаток знатных лордов, а рядом с палаткой короля Уриена, из Регеда, этого северного королевства, которое много лет мужественно отражает набеги пиктов из-за древней стены. Мерлин по пыльной дороге направился туда.

Перед ним стоял молодой человек, примерявший камзол с тесно нашитыми бронзовыми кольцами. Мерлин едва не окликнул его по имени. Юноша поднял голову, взглянул на подъезжающего, и Мерлин увидел молодого Эктора.

— Лорд Кей, — сказал он, руководствуясь догадкой, — лорд Эктор здесь?

— Отец ушел на Совет герцогов, — ответил Кей.

Он глядел на Мерлина с подозрением.

— У тебя для него известие?

— Мы дальние родственники, — сказал Мер-

лин.

У Кея, в отличие от его отца, на лице было написано высокомерие.

— Да, у меня есть для него известие.

Он очень хотел спросить об Артуре, узнать, как он прожил эти шестнадцать лет, но, взглянув еще раз на Кея, решил не спрашивать.

Сын Эктора неохотно приблизился, чтобы отдать долг вежливости гостю, и поддержал поводья, пока Мерлин спешился.

Из-за простой одежды, покрытой дорожной пылью, Мерлин, вероятно, выглядел немногим лучше нищего.

Но внимание мальчика он воспринял как должное. Да так оно и было.

В палатке после яркого солнца казалось сумрачно. Кей приказал слуге принести вина.

Он с любопытством поглядывал на сверток — там находился тщательно упакованный меч, который Мерлин положил себе на колени, садясь на походный стул, — но ничего не спросил.

— Как поживают твои отец и мать?

Мерлин по обычаю кланов пролил на землю несколько капель и отпил; лучшего вина он не смог бы получить ни в одной гостинице.

Он припомнил лето, проведенное в долине Эк-

тора, и как они вместе работали, собирая плоды земли.

— Отец здоров. Мать…

Кей помолчал.

— Она умерла прошлой зимой, незнакомец.

Рука Мерлина дрогнула. Он вспомнил, как гордо несла Тринихид сына, как близки были они с мужем. Это был, видимо, тяжелый удар для Эктора.

— Да будет она счастлива на Благословенном Острове…

— Мы верим в Христа, незнакомец, — резко сказал Кей. — Ты сам носишь одежду церковного брата, почему же ты говоришь о Благословенном Острове?

Опечаленный воспоминаниями и чувством утраты, Мерлин удивленно взглянул на юношу.

— Одежда на мне не моя.

Он сказал первое, что пришло ему в голову.

— Я бард.

Желание спросить об Артуре стало таким сильным, что он не мог противиться ему.

В палатке, кроме Кея и двух слуг, никого не было.

Неужели Артура оставили в долине? Если так, то его план потерпит провал, еще не начав осу-

ществляться.

— Кей, где ты, мальчик?

Голос остался прежним. Когда Эктор вошел, Мерлин радостно вскочил на ноги. Но это был не тот Эктор, которого он знал.

Он на мгновение замер в неуверенности и застыл с раскрытым ртом, как раб перед хозяином на поле.

Стройное тело, которое он некогда видел, расплылось, волосы поседели, у него было усталое лицо человека, принуждающего себя вставать по утрам и приниматься за ненавистные дела и не ждущего отдыха даже к концу дня.

Но глаза, глядевшие на Мерлина, остались прежними. Вначале в них мелькнуло удивление, затем радость узнавания.

— Ты жив! — нарушил напряженное молчание Эктор. — Почему ты не пришел раньше?

— Я был в заключении, — ответил Мерлин, — и лишь недавно вырвался на свободу.

— Ты изменился, но не постарел. Странно, — медленно сказал Эктор.

Тут он, по-видимому, вспомнил, что они не одни, и повернулся к сыну.

— Отыщи Артура и приведи его сюда. Он должен встретиться с нашим гостем.

Когда они остались одни, Эктор продолжал:

— Хороший вырос парень. Но ты не возвращался, и мы вынуждены были учить его только тому, чему учили Кея. Я знаю, что он должен был получить другое образование.

— Вы дали ему больше, чем могли. Тебя не в чем обвинить, — коротко ответил Мерлин — Это моя вина, но я не мог все предвидеть. Скажи мне, что решили на Совете? Выбрали уже короля?

Эктор покачал головой.

— Идет спор. Многие поддерживают Корнуэлла. Он показал себя хорошим боевым командиром. Другие стоят за Лота, потому что он женат на дочери умершего короля. Лот честолюбив. Они могут разорвать Британию на части прежде, чем мы увидим конец спора. Уриен размышляет и строит планы, но не делится ими со мной. А Крылатые Шлемы грабят страну, как хотят. Снова наступили плохие дни, и нет такого вождя, который смог бы подхватить поводья власти.

— Поводья власти, — повторил Мерлин. — Похоже, я пришел в момент, когда нужно действовать быстро, иначе будет потеряна всякая надежда. Слушай, родич, в Артуре кровь Пендрагона. Он сын Утера. Король велел его спрятать, чтобы до него не смогли добраться такие люди, как Лот

и остальные. У меня есть для него Сила или, по крайней мере, символ ее.

Он резко повернулся и взял меч.

— Он должен получить его открыто перед всеми, кто сам думает занять трон.

Вдруг он понял, что Эктор ему не отвечает. Подняв глаза, он увидел ужас на лице лорда.

— Что? Это невозможно! Он нарушил законы клана!

Выражение лица Эктора испугало Мерлина.

— Он…

Эктор облизал губы.

— Он хороший парень, но почему ты не пришел, чтобы сказать мне об этом раньше?

— Что с ним случилось?

Мерлин опустил меч и схватил Эктора за руку. Он дернул за нее, как будто хотел добиться ответа силой.

— Утер собрал при дворе всех своих незаконорожденных детей. Одна из его дочерей… Моргаза, которая выглядит старше своего возраста, знает уже мужчин. Неделю назад она затащила Артура к себе в постель.

Мерлин стоял так, словно превратился в один из камней долины Солнца. Мозг его быстро работал. Артур не сын Утера, но если он сообщит

истинные обстоятельства рождения мальчика, кто из лордов последует за ним? Нет, будут болтать о ночных демонах, зачавших его. Мерлин слишком хорошо помнил такие разговоры.

Но переспать со своей сестрой — это на всю жизнь бросит пятно на Артура.

— Эта Моргаза замужем? — спросил он.

— Еще нет. Король умирал, но когда слух о ее поведении дошел до него, он сильно разгневался. Он призвал женщину, которая последнее время находилась при нем, так как была целительницей. Ей он отдал Моргазу, хотя девушка не хотела покидать дома. Говорят, ее увезли ночью, связанную, с заткнутым ртом. И никто не знает, куда.

Мерлин облегченно вздохнул.

— Известно ли, что ее отстранили от двора именно из-за Артура?

Лицо Эктора слегка просветлело.

— Нет. Она была близка со многими мужчинами. Утер сам застал ее в постели с одним стражником. Он знал ее характер и поклялся, что она не сможет больше позорить его при дворе.

— Тогда мы в безопасности. Слухи — слухами, но если девушки нет, о ней быстро забудут. Артур будет править страной. Я получил уже знак, что это предопределено. Нужно сделать так…

Говоря, он разворачивал меч и заметил, что Эктор уже оправился от шока и согласно кивает головой.

— И еще запомни, — добавил Мерлин, — Мирр-дин мертв, жив Мерлин. Артуру пока лучше не знать о своем происхождении.

— Это… — начал Эктор.

Но тут хлопнул входной клапан палатки, и в нее ворвался юноша, как будто за ним гнались преследователи.

Увидев его, Мерлин был поражен не меньше, чем несколько минут назад Эктор. Неужели это Артур!

У парня не было никаких примет древней расы. Он был выше Эктора и Мерлина на несколько дюймов. На плечи спадали рыжеватые волосы, обычные для членов клана, нос не был горбатым и узким, не было тонких, губ, которые ожидал увидеть Мерлин. Молодой гигант был похож на Утера. Но как это могло случиться? В его манерах и лице наблюдалась открытость, которая в представлении Мерлина никак не совмещалась с древним наследием.

— Лорд, — сказал юноша, — Кей сообщил, что ты хочешь поговорить со мной.

Он светло улыбался.

— Я хочу, чтобы ты познакомился с этим господином, — сказал Эктор.

Он указал на Мерлина.

— Благодаря ему ты стал моим приемным сыном. У него есть для тебя очень важное известие.

Мерлин облизал губы кончиком языка.

Его глаза отказывались узнавать в этом красивом мальчике Артура. Если бы он выглядел как член древней расы, тогда Мерлин уверенно рассказал бы ему то, что считал необходимым рассказать, но сейчас, при виде самого обычного члена клана, он заколебался.

— Господин?

Юноша вопросительно повернулся к нему. В глазах его было внимание.

Может, все эти годы он задавал себе вопросы, на которые не могли ответить его приемные родители. Для Артура было бы естественным задумываться над своим происхождением. Но ответить ему никто не мог, кроме Зеркала, которого рядом не было.

— Я Мерлин, обладатель древних знаний.

Он внимательно следил за Артуром, ожидая хоть малейшей реакции, свидетельствующей о том, что Артур не похож на окружающих. Но лицо юноши отразило лишь удивление.

— В тебе королевская кровь.

После случая с Моргазой, вероятно, лучше было не указывать на родство с Утером.

— В сущности ты потомок Максима и Амброзиуса.

«И гораздо более древней и великой расы», — добавил про себя Мерлин.

— Могли найтись люди, которым было бы невыносимо, что ты так близок к троку. Поэтому было решено, что ты будешь воспитываться вдали от дворца. Поскольку лорд Эктор мой родственник, а заботу о тебе поручили мне, я передал тебя лорду Эктору. Но планы, которые мы тогда составили, не осуществились. Я должен был обучить тебя древним знаниям, но попал в руки врага и только недавно освободился из тюрьмы, где провел все эти годы. Вот что я должен тебе сказать, Артур: до твоего рождения и во время рождения были пророчества. Ты будешь королем Британии.

Юноша, вначале удивившийся, рассмеялся.

— Лорд Мерлин, кто я такой, чтобы претендовать на трон, из-за которого враждуют важные господа? У меня нет ни одного вассала, нет племени, которое поддержало бы мои требования.

— У тебя есть нечто большее.

Мерлин верил в свои слова, он должен был

верить Зеркалу.

— Это власть над Силой, которая была, есть и будет вечно. Ты докажешь это завтра утром перед всеми. Нет!

Он поднял руку, останавливая вопросы, которые хотел задать Артур.

— Я не скажу тебе, как это будет сделано. Ты придешь на испытание ничего не знающим, и ни один человек впоследствии не сможет оспорить результат испытания. Но только ты, рожденный для этого, сможешь осуществить его.

Артур внимательно смотрел на него.

— Ты явно веришь в свои слова, лорд Мерлин. Но быть королем Британии — мало кто из достойных людей поблагодарил бы тебя за это. Те, кто стремится теперь к короне Британии, не видят тяжести, которую они ощутят, надев ее на голову.

Мерлин почувствовал, что сомнения его уменьшаются. Если юноша сумел это понять, значит, он действительно принадлежит к древней расе. Если бы только его можно было обучить! Но время пришло. Теперь все зависит от храбрости Артура.

Эктор обратился к Мерлину.

— Я скажу о нем Совету. Хотя чувствую, что будут кричать о колдовстве…

Артур поднял руку.

— Я не участвую в колдовстве, — решительно сказал он.

— Нет никакого колдовства, — успокоил юношу Мерлин, — только древние знания, забытые большинством людей. Если кто-либо владеет ими в большей степени, чем я, то сможет победить тебя. Но было предсказано, что править будешь ты.

Он придерживался своей веры в Зеркало. Если она пошатнется, у него не останется цели в жизни. Все, на что он потратил жизнь, ни к чему. Повелители Неба должны были предвидеть этот час.

Но в это же время у Мерлина было дурное предчувствие, как будто он потерял давно хранимое сокровище. Его вера в то, что Артур будет похож на существа, летающие меж звездами, развеялась в пыль. Не было с ним даже ощущения родства, как с Эктором. Между ним и Артуром не возникло видимого внутреннего узнавания.

Юноша переминался с ноги на ногу, переводя взгляд с Мерлина на Эктора, как бы ожидая разрешения уйти. Когда Эктор кивнул, Артур мгновенно исчез. Ему явно хотелось быть подальше от незнакомца.

— Вот что я подумал. Поблизости есть камень,

один из Древних. Он подойдет.

Эктор говорил довольно кратко, как будто тоже ощутил царящую в палатке атмосферу напряжения.

— Но станут ли тебя слушать?

— Станут, — угрюмо ответил Мерлин. — Идем к этому камню.

Эктор оказался прав. Это действительно был камень, очень похожий на камни долины Солнца. Только этот был один, и, возможно, его поставили здесь в честь древней победы и поражения. В нем по-прежнему генерировалась огромная энергия. Проведя пальцем по поверхности камня, Мерлин ощутил эту энергию. Камень этот как раз подходил для его целей.

Мерлин развернул меч и, взяв рукоять обеими руками, уперся концом меча в камень. И начал медленно и негромко петь, на этот раз не заставляя камень подниматься. Его поверхность должна‘была раскрыться для металла меча.

Он вложил в свою песню все, чему научило его Зеркало. Все вокруг отошло на второй план, остались только камень и металл, и они вынуждены были подчиниться его воле.

Конец меча двинулся внутрь, как будто упирался не в твердый камень, а в мягкое дерево. Дюйм

за дюймом меч углублялся в камень. Когда он вошел в него на две трети, Мерлин пошатнулся и упал бы, если бы Эктор не подхватил его.

— Древние знания — страшная вещь, родич.

Он крепко обнял Мерлина за плечи.

— Не поверил бы, если бы не видел своими глазами. Но Артур не знает слов Власти. Сможет ли он выдернуть меч?

— Только он и сможет, — слабо ответил на это Мерлин. Он принадлежит к расе, наделенной Властью над металлом и камнем, хотя сам этого не знает.

Мерлин держался из последних сил.

— Теперь нужно сообщить лордам об испытании.

Впоследствии Мерлин не мог вспомнить, как он стоял против собравшихся.

Он знал только, что в нем была такая власть, что и без всяких иллюзий люди слушали и верили. С факелами в руках устремились они к камню и увидели погруженный в него меч. Они согласились, что предложенное Мерлином испытание должно указать вождя. И хотя они, наверное, не верили, что кому-нибудь это удастся, что-то заставляло их согласиться.

Сам Мерлин так устал, что скорее упал, чем лег

на плащ в палатке Эктора.

Он спал, не видя снов, как человек, одержавший победу над превосходящими силами противника.

Утром Мерлин поел, не чувствуя вкуса и не зная, что ест, — так сконцентрирована была вся его энергия на предстоящем испытании. Позже он занял место у камня, с трудом напустив на себя внешнюю невозмутимость. Этого требовало его положение пророка.

Лорды собрались один за другим. Стоял Лот Оркнейский, с лисьим лицом под лисьими рыжими волосами, переводя взгляд с одного человека на другого, как будто решая, кого использовать из них для своих целей.

Меч под его рукой не шевельнулся. Лот даже отдернул руку от рукояти, как будто она была раскалена. Сделал попытку сын Глориса Корнуэлльского. Пытались и другие. Претендентов было так много, что имена их ничего не значили для Мерлина. Большинство молодых лордов были из местных племен, но прибыли и потомки Амброзиуса, римского происхождения.

Потом пробовали свои силы еще более молодые. Некоторые юноши только начали носить оружие. Их усилия вырвать волшебный меч бы-

ли напряженней, как будто они верили там, где старшие сомневались. Мерлин запомнил только смуглое лицо Кея. Он всегда держался в стороне от двора и поэтому многих не знал.

Он затаил дыхание лишь тогда, когда в круг вступил Артур. Солнце превратило его волосы в золото. И тут в мозгу Мерлина слова сложились определенным образом, и он про себя произнес условную фразу.

Артур вытер ладони о полу плаща, как будто они были влажными. Одежда его была освещена так же ярко, как и волосы.

От него словно исходило сияние. Или Мерлину только казалось так?

Юноша сжал рукоять небесного мяча.

Мерлин видел, как напряглись его плечи и руки. Лицо юноши сохраняло серьезность. Из всей этой толпы единственным уверенным в себе человеком был Артур.

И вот раздался протестующий хриплый звук. Меч медленно высвобождался, выходил из камня. Мерлин услышал удивленные возгласы собравшихся. Они все пытались, они знали, что это невозможно, и вот на их глазах Артур совершил невозможное. Он продолжал тянуть. Рукоять меча пришлась ему точно по руке. Клинок вспыхнул

огнем. Вытащив его, Артур радостно рассмеялся и взмахнул им над головой.

Мерлин молчал, но слова, рожденные в его сердце, были подхвачены толпой, как будто он провозгласил их вслух:

— Да здравствует Артур Пендрагон, Высокий Король Британии, который был, есть и будет нашим вождем!

Всех охватило ликование. Мерлин видел, что даже Лот отдал мечом салют новому вождю.

Мерлин почувствовал, что напряжение спадает.

Он бросил взгляд на стоящих несколько в стороне женщин. Каждая леди в глубине души надеялась, что великое деяние совершит ее муж и она будет править вместе с ним. Но среди них…

Мерлин сжал кулаки. Он мог бы догадаться, что она будет здесь. На этот раз на ней было не простое платье, а соответствующий месту наряд. Она стояла высокая, стройная, даже грациозная и по соседству с ней остальные женщины казались полевыми работницами. Ее платье было зеленым, но украшено богатой вышивкой фантастического рисунка из серебра. На темных волосах был серебряный обруч с зеленым камнем.

Она встретила его взгляд и слегка улыбну-

лась. Он почувствовал угрозу. Нужно было защищаться. Если бы он только знал, какими возможностями она располагает! Зеркало говорило, что, заключив Мерлина в пещеру, она почти истощила свои силы. Но даже если поле с годами ослабло, Нимье могла восстановить свои силы.

К Артуру подходили лорды и клялись в верности. Мерлин увидел Эктора, как всегда стоящего немного в стороне. В два шага он оказался рядом с ним.

— Эктор, — сказал Мерлин, — кто эта женщина?

Голос его заглушался приветствиями.

Он хотел знать, какое положение занимает Нимье при дворе, кто ее поддерживает открыто и тайно.

— Ее зовут леди Озера. У нее есть своя крепость. Говорят, некогда это был замок старинной богини, правившей реками и озерами. Она великий целитель и вплоть до его смерти лечила Утера. Люди верят в ее искусство. А почему она тебя интересует? Что она — наша родственница?

— Нет! — закричал Мерлин. — Она не наша, она из Темных, Эктор, и ее настоящее имя Нимье. Это по ее воле я находился в заключении. Мы должны следить за ней. Она желает Артуру зла.

Но было поздно. Когда Эктор подозвал двух верных людей, чтобы приказать им следить за леди Озерой, она уже исчезла и никто не знал куда. Мерлин понял, что опасения всегда будут рядом с ним и днем, и ночью.

Снова стоял Мерлин в долине Солнца.

Хижина Лугейда превратилась в груду обломков, в которой нельзя было распознать жилище человека. Не в первый раз Мерлин подумал об исчезновении друида. Жив ли он вообще? Он вздрогнул, как будто чья-то нога ступила на его собственную могилу.

Одиночество, всегда поджидавшее его, накинулось, как дикий зверь на добычу. Эктор пал от удара сакского топора две-три битвы назад.

Время теперь считали не годами, а битвами. Артур оказался военачальником, которого так все ждали. Даже в юности он искусней управлял войсками, чем Утер, отражая набеги врагов на Британию. Он проявил больше гибкости и понимания характера племени, чем по-римски жестокий Амброзиус.

Он противопоставил набегам Крылатых Шлемов кавалерию — черных всадников границ.

Лошадей фризской породы, более крупных и тяжелых, чем местные пони, скрестили с тем-

ными лошадьми севера и получили крепкое и сильное потомство, способное нести воина в полном вооружении. Сами лошади тоже были укрыты кожаными латами с нашитыми на них металлическими полосками.

Саксы, несмотря на свое поклонение белым лошадям, которых они приносили в жертву богу Вотану, не были настоящими всадниками, и тактикой Артура стали быстрые кавалерийские удары по пехоте. Амброзиус в свое время удачно сдерживал саксов, отгоняя тех, кого Вортиген призвал как защиту от пиктов и шотландцев с севера.

Утер благоразумно сохранил то, чего достиг его брат, но Артур заставил саксов отступить повсюду.

Все чаще саксы садились в свои корабли с драконьими головами, увозили женщин и детей и все свое имущество. Они направлялись за море, прочь от Британии, где люди Артура не давали им покоя, заставляя постоянно держать в руках меч или копье. Под каким солнцем они бы ни жили, у них никогда не было уверенности, что они увидят сегодня вечером, как оно садится.

Артур постоянно побеждал.

Мерлин спешился у Королевского камня, белая

одежда его сияла.

Он коснулся ладонями поверхности плиты.

Каким юным и торжественно возбужденным был он в тот день, когда стоял здесь впервые! Он слишком легко выиграл, чтобы торжествовать. Переправить камень из-за моря, поместить его в землю Британии — уж слишком ничтожным казалось ему это действие, чтобы праздновать его как победу.

Он устало вздохнул. Да, он сделал Артура королем. Но Артур, сидящий теперь на троне, не король из его снов. Он вежливо выслушивает Мерлина, но только иногда соглашается. Его всюду сопровождают жрицы Христа, где только могут, нашептывают ему о колдовстве Мерлина, напоминая, что он родился от демона.

Теперь Мерлину казалось, что в его планах всегда был просчет. Только трижды он действовал безошибочно: привез камень на нужное место, где в будущем он послужит Маяком, освободил небесный меч и посадил Артура на трон.

Однако у Артура не было знаний, от которых зависело будущее Небесного Народа, и его характер был сформирован другими, а Мерлин знал, что у Нимье есть немало способов добиваться своего.

Прежде всего королева. Мерлин тяжело вздох-

нул, как будто он ощутил физическую боль. Королевская дочь и такая красавица, что у мужчин захватывает дыхание, когда они смотрели на нее, — внешне достойная пара Артуру А на самом деле. Игрушка, кукла, женщина, настолько поглощенная мыслями о себе, что глаза ее никогда не останавливались, когда она находилась в обществе. Они осматривали каждого мужчину, проверяя, оценил ли он ее красоту. Такова была Джиневра.

И хотя с тех пор, как леди Озера с подозрительной улыбкой исчезла в торжественный день Артура и он ее больше нигде не видел, Мерлин чувствовал присутствие Нимье около королевы.

Как давно это было…

Мерлин потер лоб рукой. Он ощущал глубокую душевную усталость, было и какое-то дурное предчувствие; которого он не мог понять. Дважды приходил он в пещеру, но Зеркало молчало. Он не пытался нарушить его молчание и надеялся на свои силы.

Ему по-прежнему иногда снились сны, которые подкрепляли его волю. Он видел вздымавшиеся в небо города, видел людей, научившихся летать, изменивших свой мир, как гончар меняет податливую глину. Он видел, на что способен человек,

а проснувшись, созерцал убожество и упадок человечества в свой век.

Он знает премудрости старинных времен, но кому нужны его советы? Артуру? Только когда это соответствовало его планам. Тем немногим, кто приходил к нему, как к целителю? Большинство поклонялось жрецам из-за моря. Все, что не одобряли жрецы, они считали порождением зла. Как он мог подняться над ними?

Теперь он был в стороне от всех, как в броне из непробиваемого льда. Звери в лесу казались ему ближе людей. И опять окружило его одиночество.

Сам его облик приговорил его к одиночеству — казалось, достигнув мужской зрелости, он перестал стареть. Он благоразумно изменял с помощью трав свое лицо и волосы, искусственно состарив их, иначе его продолжающаяся молодость вызвала бы враждебность в людях, которые больше всего боялись упадка сил и приближения старости, означавшей для них смерть.

Холод и тьма…

Мерлин выпрямился. И зачем это он позволил неуверенности овладеть собой. Артур правит Британией с помощью меча, который вложил ему в руки он, Мерлин. Король установил мир.

Ни один человек не может одержать победу, не изведав вначале вкуса поражения. Наступил час, к которому была устремлена вся его жизнь. С новой энергией, как бы очнувшись от кошмара, он огляделся вокруг. Высокие и сильные, возвышались рядом древние камни.

Зеркало учило его: «Сила была, есть и будет». И это «будет» лежит перед ним. Он привезет сюда Артура. Вопреки протестам всех заморских жрецов отведет его к Зеркалу. Почему он позволил тени лечь на свой разум, нашептать ему темные мысли? Он, Мерлин, может быть, последний человек на Земле, владеющий древними знаниями! Он слишком долго тратил время попусту. Теперь на Британию никто не нападает. Артур готов выполнить свою главную задачу.

И Мерлину, когда он отбросил сомнения, показалось, что камни ослепительно сверкнули на солнце, вспыхнули, как факелы. Они и были факелами, несущими забытый свет в их темный мир. Мерлин высоко поднял голову и расправил плечи.

Почему же все-таки он позволил неуверенности овладеть собой? Похоже, в словах людей о колдовстве есть какая-то правда, и им внезапно овладело могучее заклятие, как то, при помощи

которого Зеркало сохранило ему жизнь. Теперь он ощущал силу так же ясно, как в тот день, когда поднял Королевский камень на Западном острове.

И все же ему не хотелось уходить, не хотелось возвращаться во дворец-крепость короля. Камни по духу были ему ближе людей. С глубоким сожалением вспомнил он, как ждал рождения Артура, надеялся, что кто-то разделит его одиночество, особенно сильное, когда он оказывался в толпе.

Мерлин свистнул, и лошадь, которая паслась у камней, заржала в ответ, подошла к нему и ткнулась головой в грудь, а он потрепал ее за уши и гриву. Это была лошадь той самой знаменитой черной породы, что больше и крепче горных пони, более послушная, без тех порывов к независимости, которые иногда заставляли пони сбрасывать всадника.

Сев в седло, Мерлин чуть помешкал, задумчиво глядя на камни. Перед ним была насыпь, воздвигнутая над Амброзиусом, этим сильным человеком, который так стремился вернуть прошлое. Только в прошлом он видел безопасность.

Утер лежал не здесь. Чужеземные жрецы положили его тело под плитами одной из своих церквей, построенной на месте бывшего римско-

го храма. Сами камни древней постройки теперь служили новым богам.

Видел Мерлин и могилу, в которую он вторгся некогда, чтобы достать меч. Кто лежит там? Один из Повелителей Неба, встретивший смерть далеко от дома? Или сын от смешанного брака, подобный ему самому?

Мерлин этого не знал, но рука его взметнулась в воинском приветствии не только человеку, прозванному Последним Римлянином, но и этому неизвестному из глубокого прошлого.

Покидая долину Солнца, он еще больше укрепил свою решимость. Он обратится к Артуру, отведет его к Зеркалу. Артур далеко не глуп, он поймет разницу между древними знаниями и тем, что невежественные люди называют колдовством.

К тому же наступил черед Королевского камня. В пещере есть таинственный предмет. Его нужно положить под камень, тогда вызов будет послан!

В ответ появятся корабли со звезд!

Снова человек сможет завоевать небо, землю и море! Мерлин чувствовал, как горячая надежда растапливает лед недоверия. Человек стоит на пороге нового великого времени.

Так думал он на пути в Камелот, и ночью ему

снились яркие сны. Артур и Зеркало, сигнал Камня…

Через несколько дней Мерлин приблизился к стенам древнего замка, который Артур превратил в самую мощную в Британии крепость. Стража хорошо его знала и не остановила у внешних ворот. Мерлин задержался лишь для того, чтобы сменить свое пыльное дорожное платье на более подходящее к великолепию королевского двора.

— Здравствуй, Мерлин.

Артур сидел за круглым столом. Это тоже было изобретением Мерлина: круглый обеденный стол, за которым ни один гордый рыцарь или маленький король не мог обидеться за то, что его посадили на место, не соответствующее его достоинству.

— Здравствуй, король.

Мерлин сразу заметил среди знакомых лиц новое.

Кей больше не сидел по правую руку короля.

Это место занимал юноша, почти мальчик.

Глядя на смуглое лицо незнакомца, Мерлин сдержал невольную дрожь. Если в чертах Артура ничего не говорило о присутствии древней расы, то во внешности этого юноши оно читалось так ясно. Такое сходство Мерлин видел впервые. Так

выглядело его собственное лицо, когда он смотрел в Зеркало.

Внешность юноши в одно и то же время была знакомой и незнакомой. Глаза смотрели из-под густых ресниц жестко и непроницаемо. Это был взгляд старика, не соответствовавший юному телу. В них таилась угроза.

Мерлин обуздал свое воображение. Нужно было бы радоваться появлению еще одного представителя Древней Расы, но ничто в этом юноше не радовало его.

— Ты вовремя.

Король махнул рукой, виночерпий торопливо наполнил серебряную чашу заморским вином и поднес ее Мерлину.

— Ты вовремя, бард. Надо выпить за нового потомка Пендрагона, пришедшего ко мне на службу.

Он кивнул юноше.

— Это Модред, сын леди Моргазы и мой племянник.

Рука Мерлина сжала кубок. Даже если бы юноша не посмотрел на него косым мрачным взглядом, он понял бы опасность, которая появилась с этого момента.

Племянник Артура? Нет, сын его от той самой

девки, которую скрыла Нимье. По его взгляду Мерлин понял, что юноша знает правду или, по крайней мере, ту ее часть, которая может принести наибольший вред Артуру, — что он действительно сын короля и женщины, известной как сводная сестра короля.

Мерлин выпил вино, положившись на свою долгую практику скрывать подлинные чувства.

— Лорд Модред, кровь Пендрагона — это высокая честь.

Он кивнул юноше.

— Да.

Артур улыбнулся.

— И он явился как раз вовремя, чтобы успеть окровавить свой меч и показать характер. На сакском берегу горят сигнальные огни. Эти псы войны опять ищут добычу. Мы выезжаем на охоту.

Глаза короля горели. Мерлин понял, что не сможет остановить Артура. Придется отложить поездку в пещеру. На этот раз не удастся познакомить короля с Зеркалом.

Артур по-прежнему не будет знать о своем наследстве и истинной задаче. Этому помешал Модред, сын короля, воспитанный Нимье. Это Мерлин почувствовал инстинктивно. У нее было

достаточно времени, чтобы подготовиться к удару. И вот она нанесла его. К злобе того, кто считал себя лишенным законного места, добавляется железная воля Нимье.

Этот юноша — страшная угроза.

Но не только осторожность говорила в Мерлине. В нем начал закипать гнев. Пора было отыскать ее. А может ли быть лучшей дорога к ней, как не через Модреда, созданного ею?

Мерлин жадно ловил всякую новость об экспедиции против саксов.

За круглым столом он поднимал взгляд к галерее и переводил его от одного лица к другому. Королева хвастала, что ее сопровождают красивейшие женщины Британии, но ни одна не может соперничать с ней.

Вот и Джиневра. Ее богато украшенное платье желтело, как созревшая пшеница. Маленькая золотая корона на волосах такого же цвета, что и платье. Платье и волосы сливаются, их невозможно отличить.

На шее тяжелое янтарное ожерелье. Когда она наклоняется вперед, к ее щекам свисают серьги — драгоценные камни. Глаза внимательно следят… за кем?

Мерлин проследил направление ее взгляда.

Она смотрела на Модреда и слегка улыбалась. Мерлин рассматривал королеву. Он знал, что за этим взглядом, который он не может разгадать, что-то кроется. И эта возможность разгадки беспокоила его. То, что женщины оставались для него загадкой, возможно, было патологией. Но он не остановился на этой мысли. Он считал Джиневру куклой, игрушкой без собственных мыслей и целей. Но так ли это?

Однако сейчас он искал другое лицо. И поэтому отвернулся от яркого солнца королевы к радуге окружавших ее леди. Некоторых он знал по имени, других просто видел когда-то, но никогда не разглядывал их так внимательно, как сейчас. Той, которую он искал, не было. Не было леди такой же яркой, а может еще более яркой, чем сама королева. Ясно было, что если Нимье представила двору Модреда, то сама она не придет сюда. Разве что в другом облике.

Мерлин осторожно искал ее, включив особое чутье, которое он редко использовал в присутствии людей: слишком много было личностей, излучавших собственную энергию. Нет, он был готов поклясться, что Нимье здесь не было.

Но воля ее была здесь, в лице «королевского племянника». Мерлин начал обдумывать ситуа-

цию заново. Он верил, что неожиданное известие об англосаксах тревожит короля. Все выглядело так, будто сам Артур видит в этом случае только возможность показать племяннику проворство и неуязвимость черной кавалерии.

Теперь настал час. Мерлин знал это.

Он отмел все сомнения, вызванные его земной половиной. Он должен вызвать небесные корабли, пусть даже и без согласия Артура.

Он погрузился посреди всеобщего пира в собственные мысли и вдруг понял, что люди вокруг него встают, зовут оруженосцев и готовятся к отъезду. Их охватило возбуждение, яростная жажда битвы. Он чувствовал силу их эмоций, чувствовал, как в нем самом пробуждается та же жажда сражения, и подавил ее другой своей частью, принадлежавшей не Земле, а Повелителям Неба. Он должен был использовать мысль и невидимые силы, а не примитивное оружие этого мира.

Перед ним кто-то стоял. Мерлин взглянул на Модреда.

— Тебя называют бардом.

В голосе Модреда слышался звон невидимого оружия.

— Тебя также зовут колдуном и сыном нече-

ловека.

В его тоне звучала насмешка. Любой другой на месте Мерлина схватился бы в ответ за свое оружие.

— Все это правда.

Мерлин несколько удивился открытому проявлению враждебности, хотя с самого начала ждал, что человек от Нимье как-то проявится.

— И насколько правда то, что говорят?

На этот раз в голосе Модреда звучал открытый вызов.

Мерлин улыбнулся.

— Много ли мы знаем о себе? Способны ли мы отличить правду от вымысла? У каждого из нас есть свои силы, большие и малые. Дело лишь в том, как мы используем данное нам.

— Силы могут быть даны тьмой и светом. Король слушает жрецов света, бард. Старые времена миновали.

Мерлин снова рассмеялся. Его охватило то же возбуждение битвы, что и остальных при известии о набеге саксов, но по другой причине. Нимье через этого юношу бросала ему вызов. А когда дело доходит до войны, сомнения исчезают. Он может использовать силы, которые по его приказанию подняли камень. Он не бесполезное

оружие, в его руках такие силы, которые и не снились другим. Продолжая разговаривать с Модредом, он думал о своих возможностях.

— Разве ты никогда не слышал, лорд Модред, что существует нечто такое, что было, есть и будет? — спросил он.

Он произнес имя юноши с насмешкой и увидел, как вспыхнуло его лицо.

— Та, которая тебя учила, должна была знать это.

Он отвернулся от собеседника, но Модред схватил его за рукав.

— Ты невежлив, бард! Кого ты имеешь в виду?

Мерлин снова рассмеялся. Значит Нимье не полностью владеет этим мальчиком, хотя в нем есть и древняя кровь, но он не умеет подавлять вспышки гнева.

— Мальчик, — сказал он, не употребив на этот раз слова «лорд», — тебя учили многому, но только не хорошим манерам.

Мерлин выдернул рукав.

— Прежде всего тебе следует узнать сущность человека, с которым ты говоришь.

Может, он сказал слишком много. Но и кровь в Мерлине тоже была гордая — древняя кровь. К тому же он решил, что Нимье не слишком искус-

но подобрала свое оружие.

Это не Эктор, даже не Кей. Юноша не очень умен.

Мерлин прошел сквозь толпу возбужденных мужчин.

Теперь, когда он принял решение, у него есть своя миссия. Впрочем, у двери он оглянулся. Модред смотрел ему вслед и держал в своей руке руку заморского жреца.

Бритое лицо жреца было взволновано.

Мерлин видел, как двигались губы Модреда. Он не сомневался, что готовится какая-то неприятность ему. Но какая именно? Он пожал плечами.

Быстро прошел он в свою комнату и снял одежду барда. Это белое платье делало его слишком заметным. Он надел простую одежду и взял плащ с капюшоном. Потом отыскал в конюшне лошадь, заполнил седельные сумки хлебом и сыром с кухни, где слуги готовили то же самое для собиравшегося в поход отряда. Мерлин выехал раньше рыцарей и направился в горы.

Уже несколько лет не бывал он здесь, но помнил каждый поворот тропы. Так как он никогда не забывал о своей одинокой жизни в лесах, ему легко было проводить ночи без огня и двигаться тайно. Это стало для него привычным.

Руины крепости Найрена теперь превратились в насыпь, поросшую кустарником.

Мерлин долго простоял здесь, вспоминая, чем был для него дом клана, когда он был Мирддином.

Потом начался подъем. Взобравшись, Мерлин снял с лошади седло и упряжь, стреножил ее и пустил пастись. Он убрал камни из расщелины. В пещере было темно. Ни один из механизмов не светился. Мерлин не подходил к Зеркалу.

Сейчас не было времени для вопросов. Он хорошо знал, что нужно делать.

У стены он подобрал цилиндр размером в свою руку. Зеркало давно рассказало ему об этом цилиндре. Инструкцию он помнил так хорошо, как будто выслушал ее час назад. Здесь была цель его жизни.

Колебаний больше быть не могло. Нельзя было пытаться действовать через людей, которых предает их собственная природа. Он выполнит волю Повелителей Неба.

Маяк был легче, чем он предполагал.

Мерлин вынес его наружу и снова замаскировал расщелину. Зеркало могло еще понадобиться.

Рано или поздно сюда придет Артур.

Мерлин не знал, сколько времени сигнал будет

идти к кораблям: месяцы, годы… До этого часа Артур должен оставаться королем.

Прижимая цилиндр к груди, как сокровище, Мерлин начал спуск.

Было темно, когда Мерлин спустился в долину Солнца. Год приближался к концу, урожай был собран. Короткими утрами и долгими темными ночами становилось все холоднее. Камни остыли, казались далекими, словно сознательно избегали контакта с людьми этого мира.

Если бы с ним был волшебный меч, задача была бы куда проще. Но меч остался у Артура, и Мерлин должен был рассчитывать только на себя. Пробираясь в каменный круг, он вздрагивал не только от холодного ветра. Родство, которое он всегда чувствовал к этим камням, исчезло, закрылось, как дверь на ночь.

Мерлин уже не ласкал их рукой, как делал это раньше. Необходимость заставляла его приняться за работу немедленно. Он подошел к Королевскому камню.

Осторожно положив на землю цилиндр, Мерлин в который раз осмотрел камень.

Было ясно, что нельзя просто положить цилиндр на камень, как он думал вначале.

Хотя это место считалось священным, лю-

бой прохожий мог заинтересоваться странным предметом. Нет, цилиндр нужно было хорошо спрятать, и Мерлин знал где: под самым массивным каменным боком.

Он поднимал этот камень и сможет поднять его вновь, хотя без меча это значительно труднее. У него был с собой только нож, но не из того удивительного металла. Тем не менее, его нужно было использовать.

От камней падали густые тени, в них что-то таилось. Мерлин вглядывался в эти бассейны тьмы. Не рук ли Нимье это дело. Раньше он умел делать все, что делала она. Теперь он не был уверен в этом. В долине Солнца было что-то угрожающее.

Мерлин вспомнил слова Лугейда о том, что в древних храмах долго сохраняются таинственные силы, которым некогда в этих местах поклонялись.

Сейчас не время спать, решил он. Нужно подготовиться к восходу солнца, которое когда-то почиталось здесь как источник жизни, и вызвать завтра всю его энергию. А пока у него было время, чтобы подготовиться к величайшему усилию в жизни, большему, чем иллюзия, сопутствовавшая рождению Артура.

Снова подобрав Маяк, он двинулся к насыпи,

некогда бывшей жилищем Лугейда.

Тут он расположился на ночь, напился из ручья, который затягивало илом с тех пор, как сюда перестал приходить друид, и поужинал остатками провизии, привезенной из Камелота.

Потом он сел, прислонившись спиной к остаткам стены, и долго смотрел в долину Солнца. С наступлением темноты поднялся ветер. Пролетая между камнями, он выл, как дикий зверь.

А еще можно было услышать в нем жалобы умерших.

Не в первый раз Мерлин задумался о Повелителях Неба. Что они искали здесь? Почему хотели вернуться? Они так сильны, что легко перелетают от одной звезды к другой. Почему они не найдут для себя другой, лучший мир?

Может, существует нечто, которое можно найти только здесь? Может быть, чтобы выжить, им нужна человеческая плоть.

Зеркало отвечало уклончиво, когда он пытался расспрашивать об этом. Когда оно что-то сообщало, Мерлин испытывай чувство неудовлетворенности — в его мире не было слов для тех необычных предметов и сложных машин, которыми легко пользовались те другие, небесные жители. Самые простые вопросы, казалось, в

свою очередь смущали и Зеркало.

Мерлин, не смыкая глаз, продолжал следить, как ночь поглощает Долину Солнца. Он напряженно думал, чувствуя, что таким образом накапливает необходимую энергию. Ему предстояли не манипуляции с иллюзиями, а реальное действие.

Он был такой же полководец, как Артур, но войско его — не люди. Глубже и глубже погружался он в свою память и разум и неожиданно узнал возникшую в памяти картину. На этом самом месте стояла Нимье, тело ее белело, волосы развевал ветер. Он слышал сладость ее голоса, чуть не касался теплого тела. Нет!

Мерлин решительно подавил это воспоминание. Неужели он действительно может коснуться Нимье, если напряжет все свои силы?

Вон из мозга! Он должен забыть о ней.

Зеркало! Он должен сосредоточиться на Зеркале, как если бы оно стояло перед ним.

Увидев Зеркало, Мерлин успокоился. Он услышал его голос, различал слова. Он знал, что ему нужно делать.

Мерлин больше не чувствовал усталости. В нем нарастала Сила, заполняла тело и мозг. Ее нужно было сдерживать до наступления нужно-

го момента. Мерлин не замечал, как проходило время, не чувствовал холода. Внутренняя энергия согревала его и, несмотря на резкий ветер, он отбросил плащ.

Случайно взглянув на свои руки, лежащие на коленях, он не удивился, увидев, что они слегка светятся. Он чувствовал свою Силу. Ему все труднее становилось сдерживаться. Губы его двигались, но даже шепот не срывался с них, только в мозгу продолжали звучать древние слова.

Когда небо посерело, Мерлин встал.

Хотя он просидел всю ночь, тело его не затекло. Наоборот, он чувствовал себя, как бегун, рвущийся в путь. Левой рукой он прижимал к себе Маяк, в правой держал наготове нож.

Большими шагами он приблизился к Королевскому камню и встал рядом с ним, готовый встретить восходящее солнце. Маяк он положил у своих ног. Вот он вытянул руку и со звоном начал ударять ножом о камень, произнося в то же время слова, к которым готовился всю жизнь.

Удар, удар, темп все ускоряется. На небе — зарево — предвестник восхода. Голос Мерлина произносил слова-заклинания, может быть, более древние, чем сами камни.

Удар, пение, удар…

Камень оживал неохотно, тяжело.

Но все-таки он ответил! Удары превратились в сплошную металлическую вспышку, от встречи металла с камнем рождались искры. Голос Мерлина поднялся, он требовал, чтобы силы, заключенные в камне, подчинились его воле.

Камень зашевелился, — не так быстро, как в ответ на удары меча, но зашевелился!

Мерлин напряг волю, поднял нож, и один конец камня последовал за лезвием.

Мокрая одежда прилипла к телу. Несмотря на холод, Мерлину было жарко, с него струился пот. Вверх и вверх, пока камень не встал вертикально. И тут Мерлин произнес единственное слово, которое не осмеливался произносить раньше — слово Связующее Силу. Камень продолжал стоять, и траншея под ним была пуста.

Мерлин опустился на колени. Ножом он стал копать землю. Работал он напряженно.

Он не знал, сколько времени Слово будет удерживать камень, и копал, отбрасывая землю, копал снова и снова, все глубже, быстрее.

Наконец углубление было готово. Мерлин уместил в него Маяк более легким концом в небо. Работая еще быстрее, он сгреб обратно выкопанную землю и утрамбовал ее руками и рукоятью

ножа. Наконец отбросив нож, выпачканными землей с обломанными ногтями руками коснулся цилиндра в определенном месте, повернул — и крышка легко снялась.

Дрожа от крайнего напряжения и усталости, Мерлин выбрался из-под камня.

Опустившись на колени, он взглянул на возвышавшийся монумент. Мысленно произнес он освободительное Слово. Камень упал со страшной силой. Мерлин надеялся, что выкопанная им яма достаточно глубока.

Он так устал, что мог только лежать, касаясь руками камня, почти теряя сознание.

Именно прикосновение к камню и привело его в себя. Он всегда чувствовал силу, заключенную в камне, но на этот раз биение ее было иным. Поняв в чем дело, Мерлин испустил крик облегчения и радости. Получилось! Маяк действовал! Но когда прилетят корабли? Откуда? Сколько?

Он был слишком слаб, чтобы сразу встать, и поэтому продолжал сидеть, опустив голову на грудь и опираясь руками о камень, все время ощущая мощное биение.

Его привело в себя чувство опасности, ветер донес неприятный запах. Мерлин ощупью поискал в траве нож — свое единственное оружие.

Теперь он слышал стук копыт и крик, который мог издавать только человек.

Саксы? Разбойники? Он знал только, что приближаются враги. Поэтому, не вставая, отполз в тень камня. Отсюда ему был виден отряд. Всадники направлялись прямо к его ненадежному укрытию.

Мерлин понял, что они не решаются войти в долину Солнца.

Один из них подъехал со стороны хижины Лугейда, гоня перед собой лошадь Мерлина.

Мерлин слышал возбужденные голоса, но не разбирал слов. Однако он был достаточно близко, чтобы рассмотреть на двоих из прибывших одежду заморских жрецов. Остальные были явно вассалами одного из племенных вождей.

Жрецы подгоняли воинов. Но, невзирая на нетерпеливые приказы, воины не торопились приближаться к священному месту.

Древнейший закон, соблюдаемый всеми племенами, гласил: нельзя проливать кровь и преследовать беглеца в долине Солнца.

Мерлин был уверен, что ищут его, но причины понять не мог. Артур приютил при своем дворе верящих в Христа, и многие из его приближенных были христианами, но сам король был похож

на Амброзиуса. Когда к нему присоединялись воины, готовые сражаться с захватчиками, он не спрашивал, какому богу они молятся. В его окружении были такие, кто склонял колени перед Митрой, другие верили в древних богов Британии.

Кто разрешил этим всадникам преследовать его? Мерлин готов был поклясться, что сделано это было без ведома короля.

Хотя Артур никогда не был близок к Мерлину, как он хотел бы, все же король уважал его и иногда прислушивался к человеку, вложившему меч Британии в его руки. Нет, Артур не стал бы преследовать его. Но кто-то ведь послал этих охотников. Мерлин подумал о Модреде. Неужели этот явившийся ниоткуда «племянник» приобрел такую власть в Камелоте?

Жрецы по-прежнему подгоняли всадников, а воины пятились. И вот только серые рясы двинулись вперед. Один поднял символ своего бога — деревянный крест. Оба пели молитву.

Мерлин видел, что тот из жрецов, что был помоложе, обнажил меч, хотя это противоречило всем представлениям Мерлина: жрец не может быть воином.

Почему он должен прятаться, как загнанный

зверь? Возмущенный, Мерлин встал и вышел из-за камня. Он выпрямился, как воин, ожидающий нападения противника.

Когда жрецы подошли ближе, Мерлин разглядел их лица. Одного из них он узнал.

Это был тот самый жрец, с которым Модред говорил на пиру в Камелоте. Итак, его подозрения оправдываются. Эта встреча — дело рук Модреда.

— Кого вы ищите, люди божьей службы? — спросил Мерлин.

Жрец, державший крест, на языке римлян произносил заклятья против сил тьмы. Он запнулся, но тут же с яростью продолжил свое пение. Его спутник не поднял меч, хотя у него были глаза фанатика, он все же не был, видимо, готов напасть на безоружного.

— Демонское отродье! — крикнул он, заглушив звуки молитвы другого.

Мерлин покачал головой.

— Вы стоите на месте, которое знало многих богов, — спокойно сказал он. — Большинство из них давно забыто, потому что исчезли те, кто взывал к ним в минуту опасности. Пока люди сознают, что помимо них есть еще гораздо большие Силы, способные привести их к лучшей жизни, к миру, будут существовать и боги. И неважно, как

человек называет эту силу: Митра, Христос или Лаг. Сила остается все той же. Только смертные отличаются друг от друга, а Сила была, есть и будет, не уменьшаясь, и переживет даже Землю, на которой мы стоим.

— Богохульник! — послышался голос жреца. — Слуга зла!

Мерлин пожал плечами.

— Ты берешь на себя мою роль, жрец. Это барду подобает играть словами, и он делает это с большой легкостью, он может открыто устыдить короля при его дворе. Я не спорю с тобой. То, что я слышал о вашем Христе, убеждает, что он действительно один из обладающих истинной силой. Но он не единственный. У каждого племени в свое время появляется собственный бог. Я приветствую вашего Христа как одного из видевших Великий Свет. Но разве Христос учил вас преследовать человека, не идущего с ним по дороге? Я думаю, нет, а иначе он не принадлежал бы к Великим, для которых ясны и открыты все пути.

Молитва второго жреца затихла. Со странным выражением на старческом лице смотрел он на Мерлина.

— Ты говоришь необычные вещи, сын мой, —

сказал он.

— Если ты слышал обо мне, жрец, то знаешь, что я вообще необычный человек. Если хочешь сразиться силами, то знай: это детская игра, а ребенок не сознает, чем играет. Смотри!

Он быстро провел перед собой пальцем. На вершинах камней вспыхнули огоньки. Старший жрец смотрел на них спокойно. Его товарищ возбужденно воскликнул:

— Работа дьявола!

— Если это так, то уничтожь ее, жрец! Добро должно победить зло, — сказал Мерлин.

Огоньки снова зажглись.

Жрец заговорил по-латыни, но огни продолжали гореть. Наконец Мерлин щелкнул пальцами и они исчезли. Лицо жреца побагровело от гнева.

— Природа зла вне человека, а не в нем самом, — заметил Мерлин. — Он создает в себе возможности для ненависти, страха и всего того, что таится в темноте. Если же он не создает такой возможности, то и не порождает дьявола. Я не использую Силу для вреда, никогда не использовал, да и не собираюсь. Ибо, если я обращу свои способности на это, они погибнут. Какого бога я призываю, опираясь на Силу, это мое дело. Я не заставляю других верить в него. Достаточно,

что я знаю о существовании Силы, которая была, есть и будет.

Старший жрец некоторое время смотрел на него, потом сказал:

— Незнакомец, у нас с тобой разные дороги. Но с этого момента я не верю, что ты помощник злой силы. Ты печально заблуждаешься, и я буду молиться о тебе, чтобы ты отвернулся от ложного пути и свернул на истинный.

Мерлин склонил голову.

— Жрец, все молитвы, произнесенные с добрыми намерениями, замечаются Силой. И неважно, к кому они обращены. Я не желаю тебе зла, не желай и ты мне его.

— Нет! — крикнул младший жрец.

Глаза его пылали гневом, а может, он испытывал страх.

— Это демонское отродье угроза для всех верующих. Он умрет!

Неожиданно священнослужитель сделал выпад мечом, и весьма искусно. Мерлин понял, что прежде, чем надеть рясу жреца, он был воином. Но Мерлин был наготове. Он видел выражение глаз противника. Рука Мерлина взметнулась. Меч, словно притянутый сильным магнитом, отлетел в сторону и ударился о ближайший камень.

Клинок меча раскололся.

— Иди с миром, — сказал Мерлин жрецу.

Жрец, не веря своим глазам, смотрел на поломанное оружие.

— Я никому не хочу зла. Но тебе лучше уехать отсюда. Тут живет древнее заклятие. Ни один человек не смеет обнажить меч в Священном кругу. Установившие этот закон давно мертвы, но сила их молитв живет. Иди и радуйся, что камни не восстали на тебя.

— Брат Гилдас, — негромко сказал старший жрец, — во имя твоего повиновения господу, уходи. Этот человек идет своей дорогой, и не нам его допрашивать.

Он поймал узду лошади младшего жреца и повернул, ведя за собой вторую лошадь, а всадник сидел на ней молча, словно лишившись дара речи. Когда они отъехали к ожидавшим их воинам, старший жрец отдал приказ.

Воины отпустили лошадь Мерлина и двинулись прочь с торопливой готовностью, которая свидетельствовала, что если жрецы не верили в Силу древних, то сами воины верили.

Мерлин смотрел им вслед. Снова на него обрушилась свинцовая усталость. Он должен был поспать. Но разумно ли задерживаться здесь?

Он решил, что старшему жрецу можно верить. В споре он оказался сильнее.

К тому же было ясно, что воины не захотят возвращаться в долину Солнца. Мерлин прошел к Королевскому Камню. Солнце пригревало. Ветер стих.

Мерлин сгреб сухую траву и устроил себе постель.

Проснулся он к вечеру. Его разбудило ржание лошади. Животное паслось среди камней. Мерлин позавидовал лошади: он проголодался. Накануне вечером он съел все, что у него было, а сейчас на дворе не то время года, когда можно утолить голод ягодами или орехами. Придется вспомнить детство и испытать удачу с камнем в руках. Может, удастся добыть кролика.

Выбрав несколько подходящих булыжников, Мерлин начал охоту и обнаружил, что старое умение не забылось. Но он не покидал круга камней. Здесь он развел костер, добыв огонь ударами ножа о камень. У Королевского Камня он поджарил кролика и съел его до последнего кусочка.

Несмотря на сгущавшиеся тени, Мерлин снова лег на постель из сухой травы и спокойно уснул. Он чувствовал, что, выполнив задачу своей жизни, обрел свободу. В этом кругу ничто не может

угрожать ему.

Спал он без сновидений.

Его разбудило солнце. Задерживаться было незачем. Мерлину казалось, что пройдет немало времени, прежде чем придет ответ на зов Маяка. Но перед отъездом он снова положил руку на камень, чтобы ощутить уверенное мощное биение.

Он двинулся в Камелот. Жрецы Модреда, преследовавшие Мерлина, были открытым объявлением войны, и Мерлин не мог на это не ответить.

Юноша не должен думать, что хоть в чем-то одержал победу, что заставил Мерлина бежать.

Теперь Мерлин свободен и все силы использует на то, чтобы заставить Артура выслушать его. Он установил Маяк и теперь дальнейшее от него не зависит.

В дороге он услышал новость о победе короля над саксами. Он с самого начала считал, что это всего лишь незначительная стычка.

В трехэтажном внутреннем дворце, обнесенном каменной стеной, у Мерлина была своя комната. Он прошел туда, задержавшись лишь для того, чтобы приказать слуге принести ему котел с горячей водой для умывания. Тело и одежда у него просолились от пота.

Стоя посреди своей маленькой комнаты, он огляделся и почувствовал странное беспокойство, как будто комната была ему незнакома.

Вот банки с лекарствами, пучки сухих трав, подвешенные на стене, несколько книг на латинском, камни, странная форма которых привлекла его внимание. Никакого богатства и никаких украшений. Кровать, похожая на грубый ящик, с суровым полотном постельного белья, ни ковров на стенах, ни шкур. Он вспомнил другие комнаты — прекрасные комнаты своих снов.

Увидит ли он их когда-нибудь наяву?

Людям потребуется много времени, чтобы восстановить утраченные знания и построить новые города. Даже если корабли прилетят завтра, пройдет не одно поколение, прежде чем мир снова расцветет.

А если Небесный народ встретится с такими, как Гилдас? Возможно ли переубедить таких? Можно ли будет работать с ними?

Найдется ли достаточно людей, которые поверят Повелителям Неба и вместе с ними станут строить будущее? Или страх и благоговение перерастут в ужас, и невежественные люди отвернутся от предложенного им нового мира?

Артур. Теперь Мерлин знал, почему он должен

выиграть битву за Артура. Не потому, что Артур не знает себе равных как военачальник, а потому, что он символ, за котором пойдут люди, в которого они поверят.

Ему нужно было подготовить землю к приходу звёздного племени.

Но Мерлину не пришлось идти к Артуру, потому что король сам пришел к нему. У двери послышался скребущий звук, как будто кто-то крался с тайным поручением. Мерлин отдернул занавес на двери и увидел короля. Одного.

Однако это уже не был уверенный в себе Артур из зала, где пировала знать. Прошли годы с тех пор, как он предложил Мерлину выпить за Модреда. Левый глаз у короля дергался.

Король сурово смотрел на Мерлина.

Артур оглянулся, как бы желая убедиться, что его никто не видит, и быстро вошел в комнату. Заговорил он почти шепотом.

— Мне рассказывали о тебе, колдун, но я не верю этим россказням. Может, я слишком глуп и предпочел заткнуть уши, потому что именно ты привел меня на трон. Об этом я тоже слышал!

Гнев сверкнул в его взгляде, пальцы на рукояти небесного меча сжались.

— Теперь я добьюсь от тебя правды, даже если

это придется делать при помощи меча! Я дошел до того, колдун, что не остановлюсь и перед этим!

— Какой правды ты хочешь, господин король? — спросил Мерлин тоже негромко.

Ясно, что короля настроили против него.

Он знал, кто это сделал.

— Я на самом деле сын Утера?

Мерлин быстро принял решение. Он догадывался, какую позорную историю мог рассказать Модред и использовать ее как оружие против короля, против Мерлина, против всего дома Пендрагонов.

— Так считал он сам, — медленно сказал Мерлин.

— Значит…

Лицо короля побледнело.

— Значит, Моргаза и я… Модред…

Неожиданно в его взоре блеснуло понимание.

— Так считал он сам, — повторил Артур. — Ты странно подбираешь слова, Мерлин. Может ли быть, что он ошибался? Если он ошибался, то кто мой отец? Глорис погиб накануне того дня, когда моя мать лежала с человеком, которого сочла своим мужем.

Артур с усилием овладел собой.

— Я слышал странную историю, Мерлин. Она

позорит меня хуже, чем предателя Вортигена, отдавшего свой народ под топоры саксов. Ты привез меня к Эктору. Только ты Знаешь правду. Если я на самом деле сын Утера, то похоть осудила меня на изгнание из числа честных людей. Моя честь погибла, и если я отдам приказ поваренку на кухне, то он имеет право плюнуть мне под ноги. Ты говоришь, что Утер считает меня своим сыном. Что это значит? Говорю тебе: я близок к тому, чтобы перерезать себе горло собственным мечом!

Мерлин пододвинул табурет.

— Это странная история, господин король, и уходит она на много лет в прошлое.

Артур посмотрел на табурет, словно не хотел засиживаться здесь, но все же сел и выпалил:

— Рассказывай, и побыстрее! Если ты даже ненамного облегчишь мою тяжесть… Говори!

— Ты знаешь, что рассказывают обо мне. Это правда.

Мерлин сел на край кровати, по-прежнему говоря шепотом. Он напряг свои особые чувства, не подслушивают ли их.

— Я сын нечеловека…

Артур нетерпеливо пожал плечами.

— Я знаю, тебя зовут демонским отродьем. Но

какое это имеет отношение…

— Не демонское отродье, — прервал его Мерлин.

Он использовал всю свою волю, чтобы заставить короля слушать.

— Я происхожу от Небесного Народа. Да, в древних легендах содержится правда. Дочери человеческие некогда рожали сыновей от сошедших с неба. От этих браков возникла могучая раса, создавшая такие чудеса, которые людям и не снились. Но потом была жестокая война, опустошившая мир, и земля превратилась в море, а море в землю. Горы поднялись на равнинах, все изменилось, а немногие выжившие вернулись к дикости и почти ничего не запомнили из прошлого. Они одичали хуже лесных зверей. Но те, кто породил их, о них не забыли. Когда война, изгнавшая их опять на небо, — у небесного народа есть могущественные враги, о которых мы не знаем, — когда эта война кончилась, они помнили о земле и стремились вернуться на нее. Они оставили в небе корабли, один из них ответил на сигнал древнего Маяка, установленного в наших горах. Корабль принес семя Небесного Народа, и моя мать первой зачала от него.

— Ты сочинил нелепую сказку, — прервал

Артур.

— Посмотри мне в глаза, король, — приказал Мерлин. — Сочиняю я или говорю правду?

Артур посмотрел ему в глаза, потом медленно сказал:

— Хотя это кажется невероятным, ты сам-то веришь в свои слова.

— Я готов доказать, что говорю правду, — заявил Мерлин. — Одно из моих предназначений было — воспитать могучего короля, который установил бы мир. во всей Британии, потому что, когда Повелители Неба вернутся к нам, им будет необходим мир. Амброзиус был великим полководцем, но мир виделся ему только на римский манер. Утер хорошо справлялся с племенами, но не возвышался над ними и перенял не только их достоинства, но и недостатки. Его одолевали страсти и он был разнуздан. У него была очень неуравновешенная натура. На коронации он увидел герцогиню Игрену и возжелал ее. Его желание было таким открытым, что муж Игрены уехал со двора, вызвав этим неудовольствие Утера. Однажды Глорис оставил жену, как он считал, в совершенной безопасности в крепости на берегу моря. Крепость эта никогда не сдавалась врагу, настолько мощно она была укреплена. Тогда

Утер послал за мной и решил использовать мои возможности, чтобы его желание осуществилось. Я сказал ему, что могу создать иллюзии: придать ему внешность Глориса, чтобы он мог насладиться любовью в постели герцогини. Но я усыпил его, и во сне он увидел все это, а сам я проник в крепость и внушил герцогине другой сон. Но тот, кто приходил к ней, не был человеком нашего мира, она зачала в воле Повелителей Неба. Утер устыдился своего поступка, а герцогиня, узнав, что ее муж в действительности погиб до того, как был у нее в злополучную ночь, пришла в ужас и прислушивалась к разговорам о ночных демонах. Поэтому она с готовностью отдала тебя в мои руки. В жилах Эктора тоже текла кровь Повелителей Неба, хотя род его произошел от них в глубокой древности. Он с готовностью взялся тебя воспитывать. Я должен был учить тебя так же, как учили меня самого, дать тебе знания наших отцов. Но у меня есть враг.

Мерлин остановился в нерешительности.

Должен ли он говорить о Нимье? Вероятно, должен. Артура необходимо предупредить.

— У Повелителей Неба, чьи гены мы несем, тоже есть злобные враги чуждой породы. Они хотят, чтобы мы никогда не поднялись, чтобы челове-

чество всегда оставалось во тьме, так близкой им — во тьме ненависти, убийств, отчаяния. Враги узнали о моем рождении и произвели моего противника, обладающего такой же властью, как и я, а может и большей. Мы еще не встречались в открытой схватке. Это существо, порожденное тьмой, зовут Нимье, у вас она приняла облик леди Озера.

На лице Артура появилось изумление.

— Но она помогла Утеру, она дала убежище Моргазе, воспитала Модреда.

Тут он внезапно замолчал, и выражение его лица стало напряженным и внимательным.

— Да, — спокойно подтвердил Мерлин, — и это внимание к дому Пендрагонов может объясняться по-разному.

Король сжал кулаки.

— Я понимаю твой намек. Ты думаешь, что она сделала это с целью навредить мне. Но ты Говоришь, а она действует. Ты был у нее в плену?

— Пользуясь своей властью, она держала меня в заключении. И вот я не мог выйти до самой твоей коронации, Высокий Король. То, что ты должен был знать с детства, для тебя утрачено. Потом я узнал, что Моргаза соблазнила тебя, и хотя у меня нет доказательств, я считаю, что это

тоже дело рук Нимье. И вот теперь она пользуется плодами своей работы. Она превратила Модреда в свое оружие.

— Он мой сын, — печально сказал Артур, — я не могу отречься от него.

— Плотью он, может, и твой сын, — согласился Мерлин, — но душа его принадлежит тьме. Именно он распространяет сплетни, позорящие твое имя. Они могут свести на нет твою славу, так трудно приобретенную.

Артур смотрел на свой кулак. Лицо его было мрачно.

— Как это предотвратить? — безвольно спросил он.

Приступ его гнева прошел.

— Кто поверит твоему рассказу? — продолжал он. — Скорее согласятся с болтовней о демонах и прочих страхах. И я паду с трона так же легко, как лист под порывом ветра в конце года.

— Прежде всего ты должен осилить науку, которая нам завещана, хотя освоить ее придется слишком поздно. Я докажу тебе, что говорил правду. Я согласен, что большинство не поверит. Но эти новые знания вооружат тебя, и ты сможешь победить Модреда и ту, которая стоит за ним.

— Где твои доказательства?

— Они в другом месте, господин король, и ты должен посетить это место безоружным, даже без щита. Только со мной одним.

— А Модред будет свободно разливать яд по чашам верных мне людей?

— Мы на время чем-нибудь закроем Модреду рот, и это не будет выглядеть странным. Ведь он все же пендрагоновской крови, поэтому ты можешь оставить его правителем. Но прими меры, чтобы он не смог сговориться с лордами.

— Будь уверен, я не дам ему такой возможности.

В голосе Артура звучало облегчение.

— Теперь нужно придумать объяснение, почему я уезжаю от двора так неожиданно.

— Господин король, в том направлении, куда мы двинемся, лежат старые заброшенные крепости. Некогда с моря к ним вела римская дорога. Может ли быть лучший предлог, чем осмотр этих крепостей? Возьми с собой своих дружинников. Когда мы окажемся вблизи одного из древних укреплений, ты заболеешь. Я буду за тобой ухаживать. Ну, и еще один слуга, которому ты сможешь довериться. Есть у тебя такой?

Артур кивнул.

— Блехерис, пришедший ко мне после гибели

Эктора. Он учил меня владеть мечом. Он уже стар и тайны хранить умеет.

Мерлин напряг память. Блехерис? Маленький смуглый человек с татуировкой на лбу, не из племени.

— Пикт?

— Да. После одного набега он остался лежать на поле боя со сломанной ногой. Эктор не разрешил убить его. Он женился на Фланне, моей няньке. Когда ее служба кончалась, и Эктор предложил ей свободу и богатство, как ты ей обещал, она отказалась и решила остаться. Блехерис теперь мне ближе всех родственников.

Мерлин кивнул.

— Мы выедем по твоему приказу, господин король. И открой свой разум: я не рассказал тебе и половины истории, касающейся нас обоих.

Напряжение прошло. Его сменило ожидание, какое охватывает человека перед важным испытанием. Но когда король вышел, Мерлину было над чем подумать.

Мерлин не ожидал, что Модред очернит собственное рождение, чтобы низвергнуть короля. У королевы не было детей. Мерлин подозревал, что виноват в этом сам король.

Возможно полукровки не могут скрещиваться

с людьми.

Об этом свидетельствовало его собственное равнодушие ко всем женщинам, кроме Нимье.

Хотя со стороны казалось, что Артур увлекся королевой, их отношения по существу могли оставаться стерильными.

У Артура с Джиневрой не было детей, а значит и наследник был один — Модред. То, что Артур зачал ребенка с женщиной, противоречило подозрениям Мерлина.

— А не приложила ли к этому зачатию свою руку Нимье?

Она, несомненно, была при дворе, когда это произошло, и сразу после этого увезла Моргазу. На самом ли деле Модред является сыном Артура? Может, он, как и Нимье, сын Темного?

Мерлин ощущал в нем Силу, с настойчивостью заявляющую о древней крови. Нет, все же Модред, как говорят сплетники и как считал Эктор, сын Артура и его так называемой сводной сестры.

Возможно, Модред распространяет эти слухи, чтобы подчинить себе Артура. Вряд ли это планировала Нимье. Артур не глуп. Когда ему впервые сообщили об этом, он, конечно, потерял рассудок, но и любой бы на его месте впал в отчаяние. А теперь, когда Артур узнал правду, когда он получит

доказательство, он будет неуязвим для Модреда. Нужно подумать, далеко ли зайдет Модред, чтобы свергнуть своего отца. Неужели он так юн и горяч, что не понимает: позор отца запятнает и его? Имя короля должно остаться безупречным.

Модред честолюбив, Мерлин видел это. Вряд ли юноша станет вредить самому себе: он слишком хочет стать королем. Если только в будущем королева родит сына, он может решиться на безрассудные действия.

А к тому времени — сгорбленные плечи Мерлина распрямились — Артур будет вооружен. Пусть только он доберется до Зеркала. Правда сделает его неуязвимым.

И вот Артур назначил Модреда правителем на время своего отсутствия и принял все возможные меры, чтобы помешать возможному сговору. Модред был доволен своим назначением. Он не замечал Мерлина, хотя жрец Гилдас гневно поглядывал в сторону Мерлина.

Когда они выехали из Камелота, Артур обернулся и взглянул на свой дворец. Лицо его было мрачным.

— Не знаю почему, — сказал он ехавшему справа от него Мерлину, — но у меня такое чувство, что будущее затянуто тучами. Солнце светит яр-

ко, но когда я смотрю назад, там сгущаются тени.

— Нелегко отбросить неуверенность, — ответил Мерлин. — Ты слишком много узнал за короткое время, господин король. Время тоже может стать врагом. Немало в этой земле таких, кто восстанет против любых перемен, даже если они несут с собой мир.

— Это я тоже начинаю понимать. Мои сторожевые отряды ждут сигнальных огней. Как будто жалеют о тех временах, когда мы постоянно были в седле, усталые, измученные и голодные, а впереди и позади нас поджидал враг. Смерть шла рядом, но сейчас за пиршеским столом они тоскуют об этих днях, хвалятся битвами, лагерями и походами. Даже во мне разогревается кровь, когда я кладу руку на рукоять меча. Мы рождены для войны, мы жили войной, а теперь, когда война ушла, мы кажемся себе бесполезными.

Мерлин рассмеялся.

— Но не только война может занимать умы и руки людей, господин король. Нам еще предстоит борьба, но не против своих. Подожди и увидишь. Перед нами такие дела, по сравнению с которыми Девять Великих битв Британии покажутся играми беззаботных детей.

— Покажи мне это, Мерлин, и я буду благодарен

тебе. До сих пор я считал, что родился лишь для одной цели — для битвы. Но если бы не саксы, я не думал бы о новых набегах — мне нужно что-нибудь достойное.

Артур осмотрел три старые крепости и в каждой оставил отряд. Пусть изучат возможности крепости и доложат ему, когда он будет возвращаться. Так получилось, что когда они достигли четвертой крепости, с Артуром осталось совсем мало людей.

Среди оставшихся не было ни одного из знатных лордов. Всех их Артур предусмотрительно оставил осматривать крепости.

Восемь человек, въехавшие в полуразрушенное укрепление, были примитивны. Они только повиновались приказам и ни о чем не задумывались.

Вечером Артур пожаловался на головную боль. Он почти ничего не ел, и Мерлин предложил ему лечь пораньше.

Только слуге-пикту король сказал правду.

Комната, отведенная для короля, должна была тщательно охраняться, а его отсутствие — оставаться тайной. Маленький смуглый человек молча склонил голову.

Ночь была безлунная, но Мерлин не сомневал-

ся, Что легко отыщет пещеру, как перелетная птица находит через моря дорогу домой. А Артуру была прекрасно знакома наука укрытий и засад, и он с искусством, выработанным долгой практикой, сумел незаметно ускользнуть от отряда.

Вместе они перебегали от тени к тени, направляясь в горы.

Мерлин считал, что болезнь короля может затянуться дня на четыре, прежде чем воины отряда забеспокоятся и начнут удивляться, почему не видно ни короля, ни какого-либо вестника с новостями о его здоровье.

До пещеры с Зеркалом была еще ночь пути, а темнота задерживала их продвижение. Артур был весел.

— Похоже на дни моего детства, — признался он шепотом, когда они добрались до вершины хребта и лежали на животах, пытаясь разглядеть местность впереди. — Так мы с Кеем убегали тайком по ночам. Но тогда мы охотились не за тем, за чем охотимся сейчас. Мерлин, если Кей сын Эктора, значит, он тоже принадлежит к древней расе, о которой ты говоришь с таким почтением. Может, он тоже владеет древними секретами?

— Все предопределено звездами. Я не выбираю, — ответил Мерлин. — Я поступлю так, как

мне указано. Однако, нужно поторопиться, Артур. Впереди долгий путь.

До пещеры они успели добраться до рассвета. Мерлин чуть ли не на ощупь открыл замаскированную дверь, отодвинул камни, которые он всегда укладывал так, будто они свалились сверху, и вот вход открыт.

Мерлин прошел вперед. В пещере его встретила не тьма, а вспышки света. Все механизмы ожили. Неизвестно случилось ли это давно или произошло при их появлении. Артур с трудом протиснулся, но теперь, стоя перед полированной поверхностью Зеркала, он молчал. Мерлин, бросив на него взгляд искоса, увидел, что король охвачен благоговейным страхом.

Здесь ничего не напоминало знакомый ему мир.

— Зеркало.

Мерлин мягко положил руку на плечо Артура, приближая его к сверкающей поверхности, и заговорил:

— Здесь стоит Артур, Высокий Король Британии, рожденный и воспитанный по приказу тех, кому мы служим.

Их отражения в Зеркале колебались.

Может быть, сказывалось мерцание огней.

Артур вздрогнул, когда в воздухе перед Зеркалом послышался голос.

— Родственный привет тебе, Артур. Для тебя прошлое закрыто теперь. Но наступил для тебя час выбора. Ты должен действовать на благо своего народа, хотя из-за козней врага ты слишком поздно пришел на встречу. Будь внимателен, Артур. Твой выбор решает не только твою судьбу, но судьбу всей Британии. Мерлин, дальнейшее предназначено только для Артура. Ты больше ничего не увидишь.

Скамья скользнула вперед, как тогда, когда Мерлин здесь был впервые.

Артур машинально сел, он был в трансе. Для Мерлина в Зеркале ничего не изменилось. Он видел только свое и Артура отражение. Но король вскрикнул и наклонился вперед. Глаза его расширились, губы шевелились.

Мерлин отошел. Конечно, он опоздал с выполнением своей последней обязанности.

Но может, не совсем опоздал? Может, использовав Модреда, Нимье ослабила свой контроль над будущим? Иначе король никогда не поверил бы ему. Артур, преследуемый сплетнями, которые распространял Модред, был готов выслушать Мерлина и поверить ему.

Мерлин взглянул на короля. Тот, не отрывая взгляда от Зеркала, сидел неподвижно, как будто и сам превратился в металл, подобно окружавшим его механизмам. Время от времени на его лице отражалась тень тревоги или решительности. То, что узнавал Артур от Зеркала, медленно преобразовывало его.

К Зеркалу пришел победоносный полководец, привыкший к торжеству на поле битвы, но теперь это уже был предводитель другого типа. Сердце Мерлина забилось сильнее при виде этой метаморфозы. Нимье проиграла!

Когда Артур выйдет отсюда, он не будет пасовать перед Тьмой. Он превратится в вождя, каким должен был стать уже давно.

Прошли ночь, день, еще одна ночь, — прежде чем Артур встал со скамьи и повернулся к Мерлину. В его глазах сверкала уверенность человека, которому предстоит трудная задача. Эта задача потребует всей энергии, до последней капли.

— Ты видел? — спросил Мерлин.

— Видел, — ответил король. — Если это и сон, то человек может жить ради такого сна.

Он колебался.

— Но, брат, мы с тобой не похожи на других людей. Многие не поверят нам, даже если увидят

своими глазами. Я…

Он медленно покачал головой.

— Нужно стараться.

Мерлин внимательно смотрел на него. В Артуре не было возбуждения, только серьезность, как будто он принял тяжесть, которую должен нести, хочет он этого или нет.

— Правильно ли выбрано время? — продолжал король. — Человек так долго жил в страхе, что сейчас на любое новшество смотрит, как на угрозу.

Мерлин испытывал те же сомнения. Захотят ли люди устремиться к звездам?

— Святоши, — продолжал Артур, — сочтут все это работой дьявола.

Он указал на механизмы.

— Ты знал это с детства. Я пришел сюда взрослым и усталым человеком и легко могу понять твои страхи. А страх ведет к ненависти и разрушению. К тому же существует ведь и леди Озера.

— А она что?

Мерлин беспокойно шевельнулся.

— Если она наш враг, мы должны больше знать о ней, установить источник ее силы.

— Она знает меня, — ответил Мерлин. — Я давно ее враг. Я не гожусь для того, чтобы следить

за ней.

Артур кивнул.

— Верно. Но она хорошо служила Утеру и известна своим даром целительницы. Мы начали маскарад с того, что я заболел. А нельзя ли это продолжить? Я вернусь в Камелот больной, и окружающие пошлют за Нимье. Тебе, брат, придется пострадать: ведь ты не сможешь меня вылечить. И тебе на время придется уйти в изгнание.

У Мерлина было только одно возражение.

— Господин король, я знаю эту женщину давно и испытал ее силу. Что если ты не выстоишь против нее? Тогда все наши планы рухнут.

— Придется рискнуть. Я не вижу других возможностей одолеть ее. Иначе она продолжит плести свои интриги и запутает нас, как паук, так что мы не сможем действовать. Брат, ты так боишься этой Нимье. Почему?

Мерлин вспыхнул.

— Разве недостаточно, что она держала меня в плену, когда ты нуждался во мне? Зеркало мало рассказывало мне о силах Тьмы, но то, что я знаю, устрашает. Подвергать тебя опасности — было бы величайшей глупостью.

— Возможно, — согласился Артур. — Но я знаю,

что мы должны выманить ее из укрытия. Говорят, никто не может добраться до ее замка, если она не хочет этого: густой туман окутывает древнюю крепость, в которой она живет. Но если я смогу удержать ее в Камелоте, ты, с твоими знаниями этих сил, проникнешь в тайное место и узнаешь, в чем ее поддержка.

Артур мыслил военными схемами. Мерлин, однако, неохотно, но соглашался, что план может и осуществиться.

— Это тебе подсказало Зеркало? — спросил он.

Артур вздохнул.

— Зеркало оставляет людям выбор. Оно показывает, что может произойти, но будущее несколько меняется от действий людей.

— Верно. Хорошо, пусть будет по-твоему, господин король.

Но даже согласившись, Мерлин испытывал неуверенность.

Артур избран королем, теперь он знает о своей истинной роли и должен принимать решения, но все же он не встречался с Тьмой лицом к лицу. Он почувствовал дыхание Тьмы только соприкоснувшись с кознями Модреда. Нимье он знает лишь как таинственную целительницу.

Вместе они закрыли вход в пещеру и тайком

вернулись в лагерь, миновав двух часовых. Артур негромко выругался, убедившись в их ротозействе. В комнате их ждал Блехерис.

— Хорошо, что ты вернулся, господин король, — сказал он с явным облегчением. — Люди беспокоятся. Тирион дважды спрашивал меня, где ты. Он собирался послать вестника к лорду Гавайну в соседнюю крепость.

— Я чувствую себя плохо, Блехерис, — ответил король. — Слушай внимательно, друг. Вот что нужно сделать. Ты расскажешь всем, что мне хуже. Потом Мерлин прикажет нарубить веток и устроить носилки. Ты будешь со мной. Принесешь мне воду и еду. Станешь рассказывать о моем бреде, что ты никогда не видел такой лихорадки, что очень беспокоишься обо мне. Ты понял?

Маленький пикт перевел взгляд с Артура на Мерлина, потом посмотрел на короля.

— Это военная хитрость, господин король?

Артур кивнул.

— Но война ведется не мечами и копьями. Я должен вернуться в Камелот серьезно больным, и только ты и Мерлин будете ухаживать за мной, чтобы никто не догадался об обмане.

Блехерис взглянул на дверь.

— Господин король, люди беспокоятся. Им не нравится это место. Между собой они говорят о древних духах, которые не любят живых и из-за которых ты заболел. Эти разговоры опасны.

Ответил Мерлин.

— Разговоры о демонах могут быть нам полезны.

Лицо Артура было угрюмо.

— Они опасны для тебя, Мерлин. Вокруг тебя постоянно шли такие сплетни. Тебя могут обвинить в кознях демонов.

— Совершенно верно. Но и эти разговоры пойдут нам на пользу. Да будет так. Иди, Блехерис. Ты ничего не говори о духах, но если услышишь о них от других, постарайся выглядеть многозначительным, будто мог бы кое-что добавить.

Пикт улыбнулся.

— Лорд Мерлин, я не знаю, какую пьесу затеяли вы с королем, но постараюсь как можно лучше сыграть в ней.

Как предполагал Артур, так и было сделано. Мерлин дал ему травы, от которой у короля покраснело лицо и поднялась температура. Блехерис рассказал, что сопровождающие их воины убеждены в том, что король заболел из-за козней демонов.

Все искоса поглядывали на Мерлина.

Пикту были даны дальнейшие инструкции. Вернувшись в Камелот, он должен был распространить слух, что только леди Озера, когда-то спасшая Утера, когда остальные знахари обрекли его на смерть, сможет помочь королю.

Лорды, сопровождавшие Артура, присоединились к ним на обратном пути. Они настаивали на свидании с королем, но увидели, что король лежит без сознания. Мерлин казался сильно обеспокоенным, как будто встретился с болезнью, с которой не может справиться, несмотря на все свои знания.

Мерлин знал, что Седрик отправил вестника, и поэтому не удивился, когда на полпути к дому, — они возвращались медленно, так как их задерживали примитивные носилки, — вестник вернулся с одним из жрецов в рясе.

К облегчению Мерлина, это был не Гилдис. Хотя и этот косился на Мерлина враждебно. Когда жрец попытался приблизиться к королю, Артур закричал, что его пришел мучить новый демон, и так естественно разыграл бред, что жрец вынужден был отойти.

Лорды потребовали у Мерлина объяснения, что за болезнь схватила короля. Лицо у Мерлина

вытянулось, и он стал говорить о странных духах руин. Кто знает, какие злые дела творились некогда в их тени?

Наконец они прибыли в Камелот. Артура внесли во дворец и уложили в постель. Когда Модред и Джиневра вошли в покои короля, Артур сел и приказал им убираться вон, назвав их предателями и убийцами. Только Блехерис и Мерлин успокаивали короля. Артур продолжал притворяться больным. Лишь оставшись наедине с Мерлином, он оживал и обсуждал дальнейшие планы.

На второй день Блехерис исполнил порученное ему. Вернувшись, он, как тень, проскользнул в комнату короля и опустился на колени у его постели.

— Господин король, я сделал, как ты приказал, — прошептал он. — Я говорил о леди Озера двум горничным королевы, человеку, ожидавшему возвращения лорда Кея, и многим другим. Мне кажется, они прислушались.

Голова Артура едва заметно шевельнулась на подушке в знак того, что он все слышит и понял. Мерлин облегченно вздохнул.

Хорошо, что Кей возвращается, побывав во дворе короля Уриена на севере.

Он никогда не испытывал к Кею такого теплого

чувства, как к его отцу, но знал, что Кей исключительно предан Артуру, каким бы грубым и жестоким он ни был по отношению к остальным. Кей к тому же очень ревниво относился к приближенным короля, и если он будет рядом, Мерлин с легким сердцем возьмется за выполнение своей части плана.

Мерлин склонился над королем, как бы осматривая больного. Никого не было рядом, но Мерлин говорил едва слышно.

— Расскажи все Кею.

Король чуть кивнул. Должно быть, он Тоже испытывал необходимость в чьей-то поддержке, когда не будет Мерлина.

Они ждали, когда взойдут зерна, брошенные Блехерисом. Утром следующего дня в комнату вошла королева в сопровождении Модреда и Кея. Мерлин верил, что Кей серьезно озабочен болезнью короля. Относительно чувств остальных он сомневался. Хотя считал, что Джиневра слишком ценит корону, чтобы желать смерти Артуру. С Модредом все было ясно. Сейчас должны были открыться его намерения. Чего он добивается?

Исполнения желания Нимье? Трона? Во всяком случае, ясно было, что он опасен.

К Мерлину обратился Кей со словами, которых

тот давно ждал:

— Похоже, знахарь, что ты можешь меньше, чем о тебе говорят. В твоих руках нашему господину становится не лучше, а хуже. Поэтому мы поищем другого целителя, чтобы вернуть ему здоровье.

— Это правда, — прервал его высокомерно Модред. — Добрый брат Гилдас знает это искусство. Он слуга Господа и кто лучше его сумеет изгнать демонов, завладевших королем?

Кей вспыхнул.

— Мы ничего не знаем об искусстве твоего жреца, мальчик.

Он обратился к Модреду, как к ребенку.

— Ты забываешься, Кей! — выкрикнул в ответ Модред. — Во мне течет кровь Пендрагона.

— А я приемный брат короля, — спокойно ответил Кей.

По закону племени приемный брат был не менее близким родственником, чем кровный.

В глазах всего Камелота Кей был полноправным братом короля.

Кей отвернулся от юноши, лицо которого искажала ненависть, и заговорил с Мерлином.

— Ты не нашел способа вылечить короля, не сумел даже немного облегчить страдания нашего

господина, поэтому мы пошлем за более искусным лекарем. Известно, что леди Озера отлично справляется с такими болезнями. Разве не избавила она от них Утера в самом их начале?

Мерлин склонил голову.

— Я слишком люблю нашего господина, чтобы возражать. Если вы думаете, что это поможет, позовите леди.

Кей на мгновение заколебался. Он словно ожидал возражений, а не мгновенного согласия. Джиневра подошла к постели. Теперь она подняла голову и огляделась.

— Мой господин, я уже послала за нею. Только она сможет поднять моего дорогого мужа с постели. А что касается тебя, бард, самозванный целитель, — крикнула она Мерлину, — то тебе лучше убраться отсюда. Я приказываю! Уходи!

Артур лежал с закрытыми глазами. Он немного застонал. Мерлин сделал вид, что хочет подойти к нему, но Кей преградил ему дорогу.

— Королева сказала, чтобы ты уходил, сын нечеловека. Твое имя не в чести здесь, пора тебе это понять.

Мерлин ушел. Его не беспокоило, что его уход кое-кому покажется бегством. Гораздо важнее было не встретиться с Нимье. Она может догадаться

о их планах, если увидит его, поэтому будет мудро избегать встречи с ней.

В своей маленькой комнате он занялся подготовкой. Сняв парадную одежду, снова надел свое старое дорожное платье, делавшее его похожим на слугу, потому отобрал из своих вещей определенные предметы. Тут был кусок звездного металла — упавший на землю метеорит, гладкое стекло того же происхождения. В маленький кожаный мешочек Мерлин положил травы. Этот мешочек он надел на шею. Слабый запах трав будет бодрить его, проясняя голову, помогая постоянно быть настороже. Последним он взял подарок Лугейда — кусок металла, который когда-то давно помог найти меч для Артура.

В этих предметах не было никакой магии, как это представляли себе люди, но они были связаны с Небом. А как сказал когда-то Лугейд: «подобное ищет подобное».

В течение многих лет Мерлин собирал — незаметно, как он надеялся — сведения о крепости Нимье. Он считал, что рассказы о густом тумане, постоянно окружавшем зачарованную крепость, — обычная галлюцинация. Его этот туман не обманет. То, что он никогда не приближался к замку, возможно, даже лучше: Нимье решила,

что он хорошо усвоил урок и никогда больше не решится мериться с ней силами.

Последним он извлек из тайника жезл длиною в руку. К концу жезла он приделал звездное стекло, убедившись, что металлические полосы прочно держат камень. В рукоять жезла он вложил метеоритное железо. Потом взял жезл в руку, испытывая его в разных местах, пока концы не уровнялись.

Затем Мерлин нашел на кухне продукты и подвесил к плечу кожаную бутылку. Бутылку он наполнил не вином, не сидром, а пошел с ней к ручью и набрал там чистой воды. Так, вооружившись собственным оружием и провизией для путешествия, Мерлин вышел из королевского дворца.

Уходя, Мерлин сделал так, чтобы его никто не заметил. Он был уверен, что его отсутствие в Камелоте будет замечено не скоро.

Мерлин не сразу направился в нужном направлении. Вначале он двинулся на восток, прошел некоторое расстояние по старой римской дороге, пока не дошел до еще более древней боковой тропы. Здесь он свернул и пошел по земле, совершенно безлюдной. Но это он создавал безлюдье, прибегая к галлюцинациям. Мерлин использовал

для укрытия складки местности и сознательно не думал ни о Нимье, ни о ее замке.

Он не имел представления о том, какая охрана окружает крепость Нимье. Он не сомневался, что это не обычные стены и люди. В его пещере было особое искажающее поле, которое ослепляло людей, не принадлежавших к древней расе, заставляло их держаться подальше. А если кто-нибудь все-таки приближался, имелось особое приспособление, преграждающее путь. Мерлин не сомневался, что Нимье имеет свои аналогичные защитные устройства.

Но защита пещеры была безобидной. От Нимье можно было ожидать самого худшего.

К ночи Мерлин достиг края леса, который очевидно, являлся первой защитой Нимье.

Дорога огибала лес. А даже в древности люди считали этот лес нечистым.

Мерлин укрылся под кустом, не разжигая костра, и пожевал хлеба с сыром, запив его водой из бутылки. Он послал невидимых разведчиков, особые волны, которые излучал его мозг, и когда разведчики вернулись, они доложили, что вокруг не было ничего, кроме теней от деревьев.

Наконец Мерлин поставил мысленную охрану и задремал. Он не решался погрузиться в глубо-

кий сон.

Когда взошла луна в своем полном блеске, он почувствовал, что в лесу кто-то движется. Но это был не человек и не животное. Это были силы, которыми сам Мерлин хорошо владел. Какие бы часовые ни сторожили крепость Нимье, они были всегда начеку.

Мерлин не пытался определить сущность этих часовых. Он не хотел, чтобы они ощутили его присутствие. Он только осторожно отметил место расположения каждого.

Возможно, Нимье полагалась на искажающие поля днем и на пугающие иллюзии ночью, что вполне естественно по отношению к обычным людям. Мерлин отметил прогалину к западу от того места, где он лежал.

Про прогалине протекал ручей, неглубокий, но довольно широкий.

Здесь был его вход. Он знал то, чего не знали обычные люди: бегущая вода избавляет от искажений и иллюзий. Отсюда происходит древнее поверье, что злые силы могут остановиться, не осмеливаясь перейти воду.

Итак, у него был вход, и он знал, где стоят часовые. Снова расставив свою охрану, Мерлин задремал.

Рассвело, и он выбрался из-под куста.

Он немного поел и двинулся на запад.

Прежде чем взошло солнце, он добрался до ручья. Там, где его пересекала дорога, лежали камни для перехода вброд. Но Мерлин не ступал по камням, а спустился в центр ручья и пошел посредине.

Он шел по колено в воде, такой чистой, что хорошо были видны камни на дне и быстрые тени рыб. Перед собой Мерлин держал жезл.

Жезл находился в равновесии, пока Мерлин не вошел в самую глубину леса.

Все чувства Мерлина были настороже.

В лесу он был не один. Миллионы насекомых — обитателей леса, жили своей жизнью. Однако тех часовых, что бродили ночью в окрестностях, он не находил. Неожиданно жезл сам собой повернулся в его руке. Стекло указало на восток. Ясно было — жезл указывал прямую дорогу к крепости Нимье. И не было необходимости покидать воду, он пойдет по ручью, пока тот течет в том же направлении.

Жезл в его руке медленно поворачивался, пока снова не занял горизонтальное положение. Мерлин находился прямо перед крепостью Нимье. Немного впереди ручей делал резкий поворот,

настолько крутой, что было ясно — здесь поработала рука человека. Увидев в набережной тщательно пригнанные древние камни, Мерлин убедился, что его догадка верна.

Ручей стал гораздо уже, он был загнан в искусственный канал. Уровень воды поднялся, идти стало труднее. Сильное течение смыло ил и песок, и теперь Мерлин ступал по камням. Благоразумнее было держаться ближе к берегу под укрытием нависших ветвей. Цепляясь за эти ветви, Мерлин уберегся от нападений.

Мерлин продвигался вперед медленно, но не собирался выходить из воды, которая хоть немного, но все же укрывала его. Он увидел, как впереди солнце отражается от обширной водной поверхности. Несколько мгновений спустя он стоял, глядя на крепость Нимье.

Ее здесь называли леди Озера.

На острове, где лишь один-два куста сумели укорениться среди скал, стоял замок из черного камня.

В нижнем этаже замка окон не было, а выше виднелись узкие щели, дававшие немного света. Камни были не обработаны и скреплены по римскому способу.

Справа от замка отходила каменная дамба.

В середине она была проломлена, и Мерлин предположил, что это жители замка перекрыли брешь временным мостом.

Вода в озере светилась странным светом изнутри. Мерлин знал, что здесь без гипноза не обошлось. Для тех, кто не сведущ в таких делах, все озеро и замок кажутся окруженными непроницаемым туманом. Не зря об этом с таким страхом говорят люди.

Мерлин рассматривал замок. Никаких признаков жизни не было видно, как будто это были давно покинутые руины. Но жезл в руке Мерлина продолжал поворачиваться, указывая, что в крепости есть люди. Если его выпустить, он полетит над водой, притянутый мощным источником силы. Мерлин решил побывать в замке вместе со своим жезлом.

Неожиданно поверхность воды покрылась рябью. Мерлин понял, что его засекли. Он поднялся на берег, осторожно всматриваясь в озеро. Из воды поднялась чудовищная голова с разинутой пастью и обнажила огромные клыки, каждый размером с меч.

Это не было иллюзией. Чудовищная голова была реальна. Ничего подобного Мерлин не видел. Он припомнил то, что ему однажды сообщало

Зеркало о существовании многих миров и о том, что стенки между этими мирами иногда утончаются.

Случайно или благодаря применению мощной энергии, жизненные формы одного мира могут проникать в другой. Отсюда рассказы о гигантских змеях и драконах, убитых героями.

Существо, торчащее из воды, было чужим для этого мира. Оно, вероятнее всего, было весьма опасным. Мерлин не сомневался, что чудовище — один из защитников Нимье.

Голова двигалась к берегу с ужасающей скоростью. Страшные кинжалоподобные клыки высоко вздымались над поверхностью воды, зловещее шипение и отвратительный запах доносились из пасти. Мерлин повернул жезл с такой же энергией, с какой заставлял подниматься камень.

Глаза существа, глубоко посаженные в узком чешуйчатом черепе, больше не смотрели на Мерлина. Как зачарованные, следовали они за поворотами жезла. Мерлин испытал облегчение: существо клюнуло на приманку.

Голова поворачивалась направо и налево вслед за поворотами жезла.

Мерлин больше не интересовал его. Мерлин

проверил мозг существа. Чуждый, неразумный, он был теперь понятен ему.

Учитывая примитивность этого разума, Мерлин провел сеанс гипноза. Это оказалось проще, чем он думал. Когда он замедлил повороты жезла, существо не двинулось. Голова его продолжала раскачиваться, тусклые глаза смотрели слепо.

Мерлин остановил жезл. Он внимательно следил за чудовищем и готов был убежать, если оно сдвинется с места. Он послал новую команду, кольца длинной шеи начали разматываться и исчезли под водой. Наконец над головой сомкнулась вода.

Вначале Мерлин хотел добраться до острова вплавь, опасаясь, что проход по дамбе привлечет внимание обитателей замка. Теперь он понял, что делать этого нельзя. Он не знал, долго ли сможет удержать змееподобное существо. Поэтому как можно быстрее пошел по берегу к дамбе, продолжая внимательно поглядывать на воду и землю, опасаясь появления новых караульных.

У конца дамбы он остановился, глядя через брешь на остров. Вода необычно блестела. Должно быть, его присутствие возбудило действие какого-то из сторожевых механизмов, задача которого была смутить незваного гостя.

Под ногами Мерлина лежала древняя дорога. Но особое удивление вызвал у него сам замок. Он был совершенно не похож на знакомые ему крепости. Как будто темное приземистое здание явилось из совершенно другого мира, как и чешуйчатое чудовище в озере. Тяжелые стены пугали, давили того, кто их видел.

Может, это было влияние какого-то искажающего поля? У Мерлина не было никакого желания появляться на острове и в замке. Однако не желания управляли им.

Он снова начал поворачивать жезл, держа его в вытянутой руке.

Если его защита сработает, как он надеялся, ни один наблюдатель из замка не сможет ничего разглядеть за сиянием. Сам же Мерлин не обнаружил впереди ничего, только черноту, в которой таилось нечто зловещее.

Мерлин добрался до края бреши и увидел выемки в древнем камне. Его догадка подтвердилась: брешь в нужных случаях перекрывалась мостом, который можно было тут же снять. Но в обычное время здесь была вода.

Посмотрев вниз, он увидел упавшие камни, зеленые от слизи. Некоторые выступали над поверхностью воды, хотя верхушки их были

влажны и тоже слизисты. Мерлин измерил мысленно расстояние между ними, здесь сияние воды было особенно сильным, но все же не настолько, чтобы совсем закрыть от него камни. Если идти этим путем, то придется отказаться от жезла и тем самым обнаружить себя перед наблюдателями из замка. Мерлин задумался, но другого прохода не было.

Он прочно привязал жезл к поясу: руки должны быть свободными. И вот, перегнувшись через край бреши, он осторожно спустился на поверхность первого камня.

Мерлин внимательно следил за водой.

Если в озере существуют и другие чудовища, то сейчас самое подходящее время и место им появиться. Поверхность воды так сверкала, что он был ослеплен и почти ничего не видел.

Второй камень был покрыт зеленой слизью и находился больше, чем в шаге от Мерлина. Ему необходимо было прыгнуть, и чем быстрее, тем лучше.

Мерлин прыгнул, ноги его скользнули, но он вцепился в камень руками и не упал в воду.

Гибель была так близка! Во рту у него пересохло, он дрожал, но продолжал цепляться за камень. Следующий был не так далеко. Его поверхность

оказалась сухой.

Однако потребовалась вся его решительность, чтобы перебраться на следующий камень, который качнулся под ним, как бы собираясь перевернуться и сбросить его в воду, Мерлин снова подавил в себе приступ страха.

Следующий камень тоже был покрыт слизью. Мерлин перебрался на него с бьющимся сердцем. Он сидел на третьем камне, восстанавливая дыхание и глядя по сторонам — не охотятся ли за ним какие-нибудь чудовища.

Но вот, наконец, сделан последний прыжок, и он приземлился у другого края бреши. Мерлин стоял на маленьком скальном выступе. Ступни ног едва умещались на нем. Лицо его находилось в нескольких дюймах от стены, по которой ему предстояло взобраться. Мерлин вытянулся в поисках опоры для рук, не решаясь поднять голову.

Найдя точку опоры, он подтянулся.

Поднявшись на вершину дамбы, он несколько мгновений лежал неподвижно, пока сердце не стало биться нормально, а воля не победила страх.

Потом он встал на ноги. Перед ним сгустилась тьма, как будто ночь здесь постоянно отгоняла свет.

Мерлин отвязал жезл и поднял его перед собой стеклом вверх. Жезл указывал вперед, почти вырываясь из рук. Но Мерлину не нужно было этого дополнительного доказательства, чтобы знать: то, что находится в замке, не принадлежит этому миру.

Направившись к черному входу, он попытался определить, ждет ли его за ним какой-нибудь новый охранник. Есть ли у Нимье оруженосцы и служанки, подобные озерному чудовищу, проникшему из другого мира или времени?

Если они и были, он был бессилен обнаружить их. Впереди был дверной занавес, колеблющийся на ветру, и Мерлин понял, что Нимье не нужны ни двери, ни замки.

Облачный покров был не менее эффективен, чем каменная стена. Мерлин не мог сделать вперед ни шага.

Но он не собирался сдаваться и достал свое последнее оружие — кусок небесного металла, подарок Лугейда. Металл можно было мять как пальцами, так и взглядом. Мерлин прижимал металл к стеклу жезла, пока оно не оказалось покрыто сверкающим покровом.

Чем ближе он подносил конец жезла к облачной двери, тем ярче светился металл.

Вот он ударил жезлом в центр тьмы, как воин ударяет копьем. Сверкнул яркий свет, на мгновение Мерлин ослеп. Над головой как будто ударил гром.

Он закрыл глаза рукой.

Тьма впереди рассеялась. Из проема впереди пробивался свет, но не от лампы или факела, а более яркий.

Держа жезл перед собой, Мерлин переступил порог.

Как пещера, когда он ее увидел в первый раз, это обширное помещение, занимавшее весь нижний этаж башни, было установлено машинами… Некоторые из них походили на знакомые ему установки в пещере, на них также сверкали огоньки. Другие были незнакомы. И никакого Зеркала. Нимье получала инструкции иначе, чем он.

Никакой жизни он не смог обнаружить.

У дальней стены виднелась винтовая лестница, ведущая на второй этаж.

Мерлин пошел по проходу между установками. Вид знакомых механизмов внушал уверенность. Он поднялся по лестнице на второй этаж, где были окна. Протиснувшись через отверстие в полу, он ощутил знакомые запахи трав и кореньев.

Принюхавшись, он смог определить и те, что сам хранил и собирал.

Длинный занавес делил помещение надвое.

С одной стороны были табуреты, стол, связки сухой травы на стенах, шкаф с полками, на которых стояли закрытые сосуды и горшки. Осматривая это помещение, Мерлин чувствовал себя почти дома.

Но было здесь и нечто иное. Аромат трав не мог забить другой запах, далеко не такой приятный. Кто-то создавал здесь иллюзии, используя наркотики, с которыми — Мерлин знал это — лучше не иметь дела. Это был запах элана, злого вещества.

Мерлин отдернул занавес. За ним оказалась постель, застланная золотисто-алой тканью. На стенах висели дорогие золотые ковры. Но на них не были вышиты фантастические звери и охотники, как на коврах у людей при дворе. Линии на коврах были резкие, сплошь состоящие из углов.

Этот узор напоминал города из снов Мерлина. Чем дольше он смотрел на эти линии, тем беспокойнее становился, как будто за ними скрывалось что-то недоброе.

Тут находился также ящик в форме кровати, а за ним прислоненное к стене зеркало. Мерлин стал осторожно идти по комнате, тщательно сле-

дя за тем, чтобы его отражение не появилось на полированной поверхности. Вполне возможно, что это ловушка, и, вернувшись, Нимье узнает, кто вторгался в ее обитель. Подойдя ближе, он убедился, однако, что это не такое зеркало, как в его пещере, а просто предмет украшения.

Здесь было спокойно. Мерлин решил, что это спальня Нимье. Вверх хода не было: башня имела только два этажа.

Он не видел никаких слуг. Нимье, должно быть, жила одна. Разве что у нее были слуги, которым не требовалось жилье, еда и питье.

Вернувшись в первую комнату, где были травы, Мерлин широко взмахнул жезлом, направляя свой индикатор на стены.

Жезл спокойно лежал в его руке. Находящееся здесь не имело родства со звездами.

Все звездное небо было внизу, и Мерлин вернулся на заставленный механизмами нижний этаж.

Ему захотелось уничтожить все стоящее здесь. Но он опасался, что не справится с этим.

Он медленно прошел между машинами, подмечая те, что отличаются от механизмов его пещеры. Таких было три. Один стоял вертикально — шкаф выше Мерлина. Поверхность его отли-

чалась от остальных: те были полированные, а эта шероховатая, похожая на непрозрачное стекло. Жезл в руке Мерлина ожил. Мерлин не успел удержать его. Конец жезла ударился о сооружение.

Механизм не разбился, но в нем произошло изменение, непрозрачная пленка сдвинулась и обнажилось то, что находилось внутри.

Мерлин затаил дыхание. Он смотрел на женщину, находившуюся в узком ящике. Хотя глаза ее были открыты, он не видел в ней никаких признаков жизни. Она казалась статуей, но в ней теплилась жизнь.

Рыжие волосы длинными локонами спускались на плечи. Шею украшало ожерелье, а запястья — браслеты. Она была молода, но в то же время в ней ощущалась зрелость, словно она хорошо познала радости тела.

Вначале он решил, что она, действительно, мертва, хотя и сохранена способом, неизвестным в этом мире. Потом присмотрелся внимательнее и решился коснуться пальцем прозрачной стенки. Пространство в этом месте сдвинулось, и он понял — она погружена в жидкость точно так же, как он когда-то лежал в своей пещере не живой, но и не мертвый.

Говорили, что некогда Нимье привела сюда Моргазу, дочь Утера. Но ведь прошло с тех пор много лет, а эта девушка совсем юна. Она не может быть матерью Модреда, взрослого человека, разве что ее заключили в ящик сразу после рождения сына. Приглядевшись внимательно, Мерлин заметил сходство ее с Утером. Никакого сходства с темноволосым Модредом не было.

Зачем Нимье держит ее здесь? Леди Озера, должно быть, в будущем как-то хочет использовать дочь Утера.

Зная Нимье, Мерлин не сомневался, что цель у нее недобрая.

Он внимательно осмотрел ящик, пытаясь увидеть замочную скважину, но ничего не нашел. Возможно, он открывался словом, звуком определенной высоты.

Ему жаль было спящую девушку. Однако он не видел возможности освободить ее.

Поверхность ящика снова постепенно теряла прозрачность, как будто изнутри его затягивало изморозью. Пленка сгустилась, и Мерлин был рад этому. Чем меньше его следов останется здесь, тем лучше.

Он прошел мимо вертикальной тюрьмы Моргазы к причудливому механизму, состоящему

из проводов, переплетенных металлическими лентами. Ленты образовывали нечто похожее на шлем, с вершины которого провода уходили к стоящему поодаль высокому столбу.

Перед столбом была скамья. На ней и лежал шлем. Мерлин внимательно рассмотрел все это устройство и вдруг его осенила догадка. Вполне вероятно, что это устройство для связи, такое же, как и его Зеркало! Если это так…

Мерлин обогнул столб. Он был совершенно гладким и поднимался почти до потолка. Между его верхушкой и потолочной балкой оставалось пространство примерно в половину жезла Мерлина. Из верхушки столба в это пространство время от времени поднимались разной длины выступы толщиной в палец.

Даже в своих снах Мерлин не видел такого. Если это связь между Нимье и теми, кто послал ее на Землю, — ему повезло. Ведь эту связь можно оборвать.

Он чтил все, что было связано с небом. Поэтому ему не хотелось вмешиваться в небесные дела. Но он знал также, что у него появилась возможность нанести врагу главный удар.

Жезл предупредил его, что в столбе таится большая сила. Однако, когда он притронулся к шлему,

реакция оказалась более слабой, чем он ожидал.

Мерлин перевел дыхание. Даже если он и разбудит Темные силы, которые принесут ему смерть, поражение Нимье и тех, кто стоит за ней, стоило этого. Он уже выполнил возложенное на него задание: Маяк действует. Когда прилетят Повелители Неба, Артур их встретит. Значит, жизнь его не так уж важна.

Медленно и осторожно Мерлин провел жезлом по поверхности скамьи, потом положил его, не касаясь проводов, уходящих в столб. Потом, как и тогда, когда нужно было поднять камень, он начал постукивать звездным металлом и негромко запел.

Он не пытался коснуться шлема, всю свою волю устремив на его крепление. Шлем сам собой поднялся над поверхностью скамьи.

Он поднимался рывками, как бы сопротивляясь чужой воле, но поднимался. Вот он уже выше головы Мерлина. Провода натянулись туго, как струны арфы.

Мерлин продолжал действовать.

Он чувствовал, что совершает великое действие, что его судьба связана с судьбой человечества. Он сконцентрировал все свои усилия на том, что нужно было сделать. Шлем дергался,

резко опускаясь и снова поднимаясь. Но провода держались.

Мерлин настойчиво продолжал…

Послышался резкий звенящий звук. Один из проводов лопнул и вяло повис на столбе, шлем, освободившись с одной стороны, яростно нырял и дергался, повинуясь приказам Мерлина.

Еще щелчок. Теперь шлем удерживал лишь один провод. Шлем нырнул, как подбитая птица, чуть не ударив Мерлина в лицо. Голос Мерлина звучал громче и увереннее. И вот произнесено Слово приказа.

Лопнул последний провод. Вся жизнь ушла из шлема. Он упал, и Мерлин наступил на него, превращая хрупкое содержимое его в крошево. Подняв смятый клубок кончиком жезла, он понес его перед собой.

Последняя установка, назначения которой он не понимал, тоже представляла из себя столб, но без шлема, без проводов, без отверстий на поверхности и огоньков. Мерлин ничего не мог понять, А те, чье присутствие он ощутил, обезвреживая шлем, становились все беспокойнее.

Он не знал, кто они, но чувствовал, что каким-то образом они связаны с охранниками из леса. Его собственная внутренняя сила ушла на борьбу

со шлемом, поэтому лучше встретить нападение, если оно состоится не в крепости Нимье. Здесь у нападающих могут быть неизвестные источники энергии. Хотя лес тоже был захвачен Нимье, у Мерлина там были свои союзники.

Он выбежал из замка. Добравшись до бреши в дамбе, обернулся и бросил обломки шлема в озеро, где сверкающая вода поглотила его. Лучше было бы закопать шлем в землю, подумал он. Вода стала союзником врага. Однако сейчас руки Мерлина должны быть свободными.

Он боялся скользких камней и опасался невидимых преследователей и лесных слуг Нимье. Если его застигнут врасплох на этих скользких камнях, он станет легкой добычей.

Однако, взглянув в сторону берега, он увидел, что вода замерзла. Лед, как мост, соединил обе части дамбы.

Можно ли было довериться этому льду? Здесь могла быть ловушка. Впрочем, у него была возможность проверить. Слегка наклоняясь вперед, Мерлин концом жезла постучал по льду. Послышались глухие удары. Лед был настоящим.

Опираясь на жезл, Мерлин ступил на чудесный мост и сделал шаг.

Во время перехода он не чувствовал уверен-

ности, хотя жезл все время сообщал ему, что он на твердой поверхности. Добравшись до другой стороны бреши, Мерлин облегченно вздохнул. Но радость была преждевременной.

Взглянув на деревья темного леса, через который пролегла древняя дорога, Мерлин застыл. Стражи, охраняющие границы замка Нимье, словно проснулись. Они были уже почти рядом.

Придется возвращаться прежним путем, по ручью, — решил он. Но воспоминания об огромном змее, живущем в озере, заставили его содрогнуться. Но другого выхода не было.

Мерлин спустился в самую глубокую часть русла, держа жезл в руке. Чувствительный жезл и способность предвидеть то, что должно случиться, помогут ему принять решение при любой опасности. Вода здесь была не такой чистой, как ниже по ручью, и он шел, скользя и оступаясь. Поднятый им со дна ил, затруднял передвижение.

Он уже далеко прошел по водной дороге и приблизился к повороту, за которым начинался обычный ручей, когда жезл в его руке резко повернулся. В тот же момент появилось ощущение присутствия Силы. Он обернулся, ожидая увидеть чудовище. Может, то самое, которое он

обманул, когда шел к крепости. Но на этот раз на воде стояла женщина. Вода по ее заклинанию стала твердой.

Она медленно улыбнулась. Как и в ту ночь, когда был найден меч, Мерлин увидел Нимье. Она не пыталась прикрыть свое белое тело, она даже отбросила назад черные волосы, чтобы они оттеняли белизну. Если не считать ожерелья из камней, белых, как и ее кожа, двух широких браслетов и цепочки, на которой висел камень в форме полной луны, на ней ничего не было.

Нимье игриво, как ребенок, подняла голову.

— Мерлин…

Его имя было произнесено еле слышно. Но ветер донес его.

Вдруг он заметил, что губы ее не движутся. Тут же он поднял жезл и ударил им, как копьем.

Конец жезла коснулся ее груди рядом с лунным камнем. Женское тело заколебалось вместе с воздухом и исчезло. Перед ним никого не было. Это была иллюзия.

Его встревожило, что привидение назвало его по имени. Нимье, вероятно, подозревала, что он придет, иначе ей незачем было создавать такой призрак. Или она уже в самом Камелоте узнала о его вторжении?

Во всяком случае он встревожился. Что бы с ним ни случалось, он всегда поступал уверенно и мудро, только эта женщина будила его чувства и делала его неуклюжим, как неопытного юнца. Беспокоили его не силы, которые она могла вызвать. Нет, его волновало, что он становился зачарованным, когда эта женщина улыбалась ему, и на какое-то время он терял контроль над своими чувствами.

Долго еще после исчезновения иллюзии Мерлин стоял неподвижно, ожидая нового появления призрака, но его не было. Чувствуя себя обнаруженным, он шумно пошел дальше, желая побыстрее уйти из этого злого леса.

Знает ли Нимье, какой вред причинил он ее жилищу? Он был уверен, что теперь она способна на все. Но сумеет ли она что-нибудь сделать теперь, когда поврежден шлем. Он так мало знает о ее возможностям.

Тяжело дыша, посматривая по сторонам и крепко держа жезл, чтобы уловить его малейшее движение, Мерлин быстро шел вперед.

Ему казалось, что полумрак под кронами деревьев на обоих берегах сгущается, и там кто-то крадется… Он закрыл двери своего воображения, отказавшись от рассуждений. Думать о нападе-

нии зачастую означает вызвать его.

Не слышались голоса птиц. Казалось, что все вокруг вымерло.

Привидения больше не появлялись. Мерлин надеялся, что Нимье оставила на страже только одно на всякий случай, в ожидании его прихода.

Он знал, что лунный камень, который был на ней, не украден из Зеркала, он скорее из легенд племени ее матери. Это был камень избранных. Его носили в старину служители Матери Земли в трех ипостасях. Девушка с растущим полумесяцем, Мать с полной луной и Старуха с убывающим серпом. Почему Нимье выбрала себе такой архаический символ? Эта местность была заселена мало, и он знал, что местные жители придерживаются древних верований.

Возможно, многие — главным образом, женщины — тайно поклоняются Древней Богине.

При этой мысли легкая необъяснимая дрожь пробежала у него по спине. Припомнилось ощущение зуда в комнате Нимье, какое-то предупреждение, настолько неясное, что он не сумел понять его.

Мерлин облегченно вздохнул, выбравшись, наконец, из-под мрачного покрова деревьев.

Солнце заходило. Мерлин ушел далеко от края

леса, прежде чем поел и попил.

Сегодня полнолуние. Мерлин смахнул крошки с губ. Он очень устал, борьба со шлемом Нимье отняла у него много сил.

Глупо было идти дальше в таком состоянии.

Даже на открытой местности он испытывал тревожное чувство. Мерлин сидел, скрестив ноги, жезл лежал у него на коленях. Он прислушивался с ожиданием, которого сам не мог понять.

Чего он ждет?

Сгустились сумерки, а он продолжал сидеть, напрягая все свои чувства. Он поглядывал на черное пятно леса. Оттуда исходило ощущение тревоги. Мерлин осмотрел местность перед собой. Он был уверен, что некогда эти склоны были расчищены людьми, которые потом ушли, и поля стали зарастать кустарником.

Мерлин слышал лай лисы. Какая-то птица пролетела над ним. Ночь была полна жизни.

Чего же он ждет?

Время от времени он поглядывал на жезл.

Тот был еле виден, стекло и металл на его концах не блестели. Мерлин начал верить, что угроза исходила не от Нимье. Она не была связана с другим миром.

Иногда он пытался погрузиться в легкую дре-

моту, но внутреннее чувство восставало против этого.

Взошла луна, как будто в небо бросили золотую римскую монету.

И вот где-то далеко началось что-то непонятное.

Мерлин ощутил легкую вибрацию земли и воздуха.

Она становилась ощутимее, пока он, наконец, не услышал звуки.

Это было пение. Оно внушало неописуемый ужас. Заставило сильнее биться его сердце.

Он знал слова Силы и умел ими пользоваться, но эти были чужими для него.

Скорее это была даже не песнь, а дикий вопль. Он не мог разобрать слов.

Пение было древним. В нем не было ничего от Звездного Народа.

Оно шло из молодости Земли, из древности, которая была древнее старины, от тех времен, которые длились задолго до прилета космических кораблей.

Пение перешло в крики.

Мерлин узнал их.

Под луной шла охота, и он был добычей.

У богини, чей символ привидение-Нимье несла

на груди, было два лица.

Этой богине люди приносили кровавые жертвы — проливали человеческую кровь в ее честь. У нее было два лица и три возраста, и второе лицо было обращено к Тьме.

Этого лица люди боялись и старались его умилостивить.

Великая Мать и Великая Разрушительница человечества!

Но поддаться атавистическому страху значило обречь себя на поражение. Мерлин взял себя в руки, стараясь унять сердцебиение, собрать силы. Ему удалось сделать это. Он должен был ответить, а не бежать в панике от охотниц, преследовавших его.

Что же он мог противопоставить им? Весь опыт, который ему передала эта Земля, и магию, которой снабдило его Зеркало.

Жрицы Великой Матери, залившие Землю кровью человеческой, приближались.

Мерлин вспомнил то, что когда-то говорил ему Лугейд. У Матери был соперник. Позже соперник стал ее мужем: Рогатый Бог, которому приносили жертвы охотники. Рогатый Бог… Верят ли в него жрицы?

Времени для размышлений оставалось мало.

Мерлин мог бежать, но вся его натура восставала против этого. К тому же он знал, что тем самым погубит себя. Нет — надо принять бой. Придется обратиться к иллюзии. Она должна быть необыкновенно сильной, потому что ей предстояло противостоять силе Матери.

Мерлин встал, он как бы не слышал криков охотниц и всмотрелся в себя, надеясь, что не всю энергию растратил в замке на озере.

Перед ним не было Зеркала, которое могло бы ему помочь. Он надеялся только на себя, на свое сознание, где должна родиться иллюзия.

Преследовательницы были почти рядом, он видел их белые тела, мелькающие среди кустов, развевающиеся волосы. Подобно Нимье, они были обнажены, лишь на шее висело ожерелье из желудей.

Это были женщины разных возрастов — девушки, едва достигшие зрелости, немолодые матери, кормившие детей, старухи, чья кожа казалась высохшей.

Увидев его, все они замолчали. На их лицах отражалась ярость — тень богини прошла по лицам. В глазах горела жажда крови.

Мерлин заставил себя не думать ни о чем, только о созданной им защите.

Первый ряд женщин был на расстоянии одного прыжка. Они вдруг замешкались. В их глазах мелькнуло удивление.

Если его иллюзия подействовала, они увидели не мужчину, а темную фигуру, увенчанную лунными рогами, в которой не чувствовалось страха. Рогатый Охотник не боялся ярости богини. Ему, как и ей, принадлежали и земля, и небо.

Предводительница своры, высокая женщина с раскачивающимися грудями, зарычала. Она дважды пыталась дотянуться до него руками с длинными конями, но не решалась дотронуться. Остальные чуть отступили, неуверенно переводя взгляды от главной жрицы к Мерлину.

Он поднял жезл, хотя понимал, что звездное стекло здесь не имело власти. Но так как он чувствовал себя увереннее, он заговорил.

— Вы не охотитесь за мной, женщины Богини.

И это был не вопрос, а утверждение.

— Вы можете призвать Землю к ответу, бросить в нее семена, зачать, носить плод и собирать урожай, но все, что живет на Земле, послушно мне. Смотрите!

Он указал жезлом влево. Там стоял, оскалив зубы, огромный волк. Ни один человек еще не видел такого. Мерлин указал вправо. Там сидела

гигантская кошка с длинными когтями и клыками. Волк зарычал, а кошка зашипела.

Женщины, находящиеся за жрицей, начали отступать, но она осталась. Зубы ее сверкнули в оскале, таком же зловещем, как у кошки.

— Охотник, — выплюнула она, — не противься Матери!

— Я не просто охотник, — ответил Мерлин. — Мать знает меня, я ее племени. Взгляни на меня, жрица. Я дик, и гнев мой растет. Служи Матери. Но не заставляй меня стать перед ней на колени. Мы равны по силе. Разве не так?

Жрица неохотно склонила голову, но не отступила.

— Мы охотимся на того, кто угрожает Матери, — настаивала она.

— Разве я угрожаю ей, жрица?

Впервые в ней проснулась неуверенность.

— Может, ты не тот, кого мы ищем.

— Но ты привела сюда свою свору, — возразил он. — Я не желаю зла твоей госпоже. Мы с ней равно служим силам жизни. Ищи добычу в другом месте, жрица.

Она с удивлением посмотрела на него, затем попятилась, увлекая за собой других женщин. Мерлин смотрел им вслед. Он не сомневался, что

за всем, что происходит, стоит Нимье. Неужели леди Озера обратилась к древнейшей расе, чтобы заключить союз с матерью Тьмы.

Женщины исчезли, лишь в отдалении слышался топот их босых ног по земле. Очевидно, они бежали уже по другому следу.

Он надеялся, что рядом больше никого нет. Одинокий путник может стать добычей разъяренной своры.

Мерлину показалось, что именно так как он, поступили когда-то Повелители Неба, принимая облик земных богов. А как иначе могли они остановить диких людей, одурманенных первобытными богами? Простым людям нужны символы, воплощающие непонятные им огромные силы, и по Земле ходило столько разных богов!

Древние Повелители Неба могли принять облик одного из них: так легко было заставить людей слушать, привести их на новый путь жизни и мыслей.

Мерлин убрал иллюзию, в которую оделся этой ночью. Он шел по залитой лунным светом местности по старой дороге, и старался как можно быстрее уйти от этого зловещего места.

Три дня спустя Мерлин увидел перед собой

высокий холм Камелота. Он очень устал и проголодался. Последнюю ночь он провел в пастушьей хижине. Пастух поделился с ним простой пищей.

Он мало что знал и смог сообщить лишь о том, что король болей и не покидает своей комнаты. Итак, Артур продолжал играть свою роль. Подойдя ближе, Мерлин увидел отряд всадников. Когда они проехали мимо, Мерлин торопливо направился к стене замка.

У входа стояло вдвое больше стражников, чем обычно. Внутри крепости готовился к выходу новый отряд. Часовые скрестили копья, преграждая Мерлину вход.

— Стой!

— Вы же меня знаете, — сказал Мерлин.

— По приказу лорда Кея никто не должен входить…

— Тогда сообщите обо мне лорду Кею, — ответил Мерлин. — Я не из тех, кого можно заставить ждать.

Часовой колебался, он смотрел на Мерлина враждебно. Однако один из его товарищей ушел, а Мерлин прислонился к стене и приготовился терпеливо ждать. Он хотел знать, что же произошло.

Приказы отдает Кей. Значит, Артур все еще иг-

рает свою роль или… Мерлин пытался догадаться, что там случилось в замке.

Посланный вернулся.

— Можете следовать к лорду Кею, — коротко сказал он Мерлину, и в его ответе не было почтения.

Мерлин не задавал вопросов.

Повсюду были видны признаки войны. Саксы? Неужели они вторглись во время его отсутствия? Он внимательно прислушивался, но ничего не мог услышать внятного.

По лестнице Мерлин поднялся на башню.

Там у окна, выходящего на внешние укрепления, стоял Кей. Он быстро обернулся.

— Что с Артуром? — вопросительно произнес Мерлин.

Лицо Кея стало зловещим.

— Никак не могу понять — не предаешь ли ты нас, бард? — угрожающе спросил он. — Но когда пойму…

Он медленно сжал руку в кулак.

— Если мои подозрения подтвердятся, я возьму тебя за горло и медленно задушу.

— Ты сэкономишь время, — заметил Мерлин, — если расскажешь мне, что произошло. Когда я уходил, король притворился больным…

Кей по-волчьи оскалил зубы. Это совсем не походило на улыбку.

— Так он сказал и мне. Но посмотри на него теперь, целитель. И если умеешь лечить, принимайся немедленно.

Нимье! Мерлин чуть не произнес это имя вслух. Может, они с Артуром потерпели поражение, пытаясь достичь успеха в ее крепости. Яд — удобное оружие, и Нимье умеет им пользоваться.

Он повернулся к двери.

— Я хочу видеть его.

Если бы Кей попытался остановить его, Мерлин сбил бы названного брата короля с ног.

Ужас придал ему сил. А что, если Артур уже умер?

И вот он снова в комнате короля. Блехерис, сидевший у постели, встал. Он тоже повернул унылое лицо в сторону Мерлина, но Мерлин не отрывал взгляда от человека в постели.

На этот раз лицо Артура не пылало в псевдолихорадке. Оно осунулось, кожа посерела. Король был похож на мертвеца. Мерлин немедленно принялся за работу, используя все свои знания целителя.

Тело короля было холодным. Мерлин приказал принести нагретые камни, завернуть их и обло-

жить ими короля. Затем он включил свое особое чутье и ужаснулся. Хотя это могла быть обычная болезнь, в ее проявлении скрывалось какое-то зло, державшее короля в плену.

Кей, вначале молча следивший за всем этим, спросил:

— Что это? Вчера, когда леди Нимье уезжала, он был здоров, а сегодня утром…

Он сжал кулаки, лицо его исказилось от боли. Кей редко проявлял свои чувства, но Мерлин знал, что его связывает с Артуром давняя любовь.

— Я уверен, что здесь замешан и этот ублюдок.

— Он зачарован, — сказал Мерлин. — Его нужно как можно быстрее разбудить.

— Ты сможешь?

— Да. Мне нужно подготовиться. Я пойду в свою комнату, но ты останешься здесь. Никто не должен приближаться к нему, кроме нас двоих.

Он кивнул.

— Я сейчас вернусь.

Когда Нимье уезжала, король был здоров, — размышлял Мерлин по пути к себе. — Значит, она наложила на короля замедленный приказ, который подействовал после ее отъезда. Сейчас самое главное — спасти Артура.

В своей комнате он торопливо отобрал необходимые средства, сложил их в корзину. Не забыл он и о своем жезле. Вернувшись в спальню Артура, он послал Блехериса за котлом с водой. Пикт разжег жаровню, и Мерлин стал бросать в кипящую воду разные травы. Комната наполнилась ароматами.

— Где его меч?

Он обернулся к Кею.

Ответил Блехерис, ответил не словами, а действием. Он достал ножны из-за шкафа.

— Этот искал его, — сказал он, — но не нашел.

Он отдал меч Мерлину.

Мерлин вытащил меч из ножен и тот сверкнул.

— Модред? Об этом, выродке говорил ты, Кей?

— Да.

В голосе Кея звучала ярость.

— Он пытался навязать лордам свою волю во время болезни короля. Они не поддержали его. Тогда он стал обхаживать королеву. Ночью она уехала с Модредом. Есть люди, которые видели это. Она вдвое старше его. Стоит ему только взглянуть на нее, как она краснеет, словно девушка. Она думает, что Артур все равно умрет, а она останется королевой. Что ты делаешь?

— Я возвращаю назад вашего господина. Часть его сейчас в чужом мире, который гибелен для человека. Только, тише!

Мерлин поднял меч и слегка коснулся его концом лба Артура. Мерлин начал петь. Глаза его были закрыты, и он старался представить себя не в комнате короля, а в том месте, куда Нимье поместила Артура.

Его окружало ничто, время от времени эту пустоту озаряли вспышки. Каждая из них была чьей-то личностью, заключенной здесь, в этом аду. В песне Мерлина не было слов. Это были звуки, смешанные со светом. Мерлин и сам излучал свет. Меч был стрелой, с помощью которой Мерлин искал Артура.

Он пошел по светлой дорожке, а вспышки пролетали мимо и гасли. Но одна золотая вспышка задержалась. И песня Мерлина стала другой. До этого она кого-то искала, теперь в ней звучал призыв.

По светлой дорожке к мечу приближалась фигура, борющаяся с удерживающей ее волей. Воля Мерлина вступила в борьбу и подавила сопротивление. Он приказывал, как имеющий на это право.

В свой приказ Мерлин вложил всю свою тре-

вогу за Артура, свою веру в него и в их общую миссию.

Вместе они удерживались в полосе света.

Им помогал меч. Мерлин открыл глаза.

Он так и не был уверен, видел ли на самом деле вспышку света, скользнувшую с лезвия меча к голове короля. Но он услышал стон Артура, увидел, как шевельнулась на подушке его голова. Он, Мерлин, выиграл.

Ветер доносил слова песни человека, стоявшего внизу у стены замка. Артур с напряженным осунувшимся лицом смотрел на барда. За королем стояла свита. Кей монотонно проклинал барда, который по древнему племенному закону был неприкосновенен для мести, для расправы.

Мерлин изучал барда. Ход настолько хитрый, что за ним не может стоять только Модред. Здесь рука Нимье. Но не слишком ли часто он видит во всем, связанном с Артуром, руку Нимье? План мог только отчасти принадлежать Джиневре. Бард, поющий у стены, был со двора ее отца, известного острослова, песни которого были известны многим. Лорды и короли, над которыми он потешался в своих песнях, предпочли бы смерть его вниманию.

Бард громко пел об Артуре, который с соб-

ственной сестрой зачал сына, за которым теперь охотится. Он пел о том, что Артур одержим демонами и не является истинным королем.

Со времени выздоровления король отказывался слушать Кея и остальных, советовавших немедленно начать войну с Модредом и Джиневрой. Он снова и снова терпеливо повторял, что обнажить сейчас меч — значит уничтожить единство Британии.

Страна может стать легкой добычей морских волков, которые набросятся на ее беззащитное тело. Мерлин считал Модреда более дальновидным, и не думал, что он захочет раздуть давний скандал. Он убедился, что лорды не поддерживают его и тем более не пойдут за ним, если им еще раз напомнят о стыде его матери.

Пусть Модред принадлежит к семье Пендрагонов. Ни один лорд не пожелает, чтобы он носил корону. Запятнав Артура, он тем самым запятнает и себя.

Тогда кому же на руку эта песня у стен замка?

Джиневра тоже лицо не заинтересованное. Если она видит Модреда будущим, правителем, зачем она уменьшает его шансы? Слишком много вопросов, и все ведут — и он был уверен в этом, — к Нимье.

Конечно, ее взбесило вторжение в неприступную крепость, ярость могла толкнуть ее на действия, которые вне всякой логики. Она отбросила все прикрытия, чтобы нанести смертельный удар. Он был уверен в этом!

Пение продолжалось, насмешливое, пронзительное, приводящее в ярость человека, который не может ответить. Артур не может, но Мерлин не должен допускать этого. Ведь такое оскорбление не раз доводило человека до самоубийства.

Мерлин поднял жезл, указывая его концом на барда. Это не оружие, он не нарушает закона, обеспечивающего неприкосновенность барда.

Мерлин бросил вперед концентрированную мысль, зная, что бард не решился бы идти сюда, не защитившись невидимыми стенами.

Пение некоторое время продолжалось.

Затем бард замолчал. Он покачал головой и схватился руками за горло.

Прозвучал голос Мерлина:

— Тот, кто выплюнул яд, должен сам и проглотить его! Говори, человек малой силы, говори правду! Кто послал тебя?

Потребовалась вся его воля, чтобы удержать барда. Мерлин правильно рассудил, что этот человек пришел сюда вооруженным. У него была

сильная защита.

Бард опустился на колени. Теперь он смотрел прямо на Мерлина. Лицо его было искажено, как будто во рту у него действительно был смертоносный яд, и он не может выплюнуть его, а должен проглотить..

Снова Мерлин указал жезлом.

— Говори правду. Нам больше не нужны твои грязные выдумки. Кто послал тебя позорить Великого короля?

Как бы против воли губы барда разошлись.

— Она, — сказал он.

Это единственное слово будто вырвали из него орудием пытки.

— Назови эту женщину, — приказал Мерлин. — Или ты столько наговорил лжи, что уста твои навсегда отвыкли произносить правду? Отныне все будут знать, что ты лжец, и никто не будет тебя слушать.

Во взгляде барда сверкали и ненависть, и страх. Страх становился все сильнее.

— Это рассказала мне леди Моргаза, — напряженно сказал он. — Кто лучше ее знает правду?

Моргаза — девушка, которую Мерлин видел в крепости Нимье? Для этого Нимье держала ее там столько лет? Мерлин слышал за собой при-

глушенные возгласы удивления.

— Ты видел леди Моргазу?

Мерлин заставил себя говорить спокойно.

— Ты говоришь, что никто лучше ее не знает правду. Как…

Его прервал Артур.

— Да будет так, Мерлин. Король не воюет с женщинами.

Насмешливая улыбка появилась на лице барда.

— Красиво сказано, господин король. Цепляйся за тень чести, какая у тебя осталась. Пусть сын демона лишил меня речи. Но песнь мою слышали. Лорды лучше запоминают зло, чем добро: так устроен мир. Даже если тебе каким-то чудом удастся доказать свою невиновность, большинство будет охотнее помнить слова обвинения, чем оправдания. Слушайте хорошо. Лорд Модред обрекает вас на бесчестье. Сейчас он движется, чтобы принести справедливость на эту землю. Если вы встретитесь с ним, то пусть сила рассудит, кто прав, а кто виноват.

— Отлично! — услышал Мерлин. Это говорил Кей. — Господин король, всякий лорд, которому по душе эта ложь, — предатель. А с предателями можно обращаться только одним способом. Они

увидят мечи честных людей.

Остальные одобрительно зашумели, но сам Артур нахмурился и обратился не к Кею, а к барду.

— Бард, ты сделал свое сообщение. Теперь иди.

— Какой ответ ты даешь лорду Модреду, Великий король?

Этот титул прозвучал почти насмешливо в его устах.

— Я не стану делить Британию на части по его воле.

— У тебя нет выбора, — возразил бард на это. — Иначе ты испытаешь бесчестье перед лицом всех людей. Помни это!

Бард встал с колен, бросил на Мерлина последний взгляд и пошел, повернувшись к королю спиной. Кей зарычал.

— Копье в спину, — свирепо сказал он. — Вот достойная плата этому подонку за концерт. Но он прав, брат. Либо ты будешь сражаться, либо власть перейдет к Модреду. И как же он использует эту власть? Он ублюдок. Мало кто из знатных лордов станет ему повиноваться. Начнется грызня между лордами, каждый захочет примерить на свою голову корону. Что из того получится? Раздираемая распрями Земля станет легкой добычей саксов. Так было после смерти Утера.

Господин король, у тебя нет выбора. Ты загонишь эту подлую ложь в глотку выродка своим мечом, иначе тебя ждет бесчестье перед лицом всех, кто следовал за тобой все эти годы.

Выражение лица Артура не изменилось, а взгляд его перешел от удалявшегося барда к Кею, затем к Мерлину.

— Идите за мной, — коротко сказал он и пошел по стене.

Придворные расступились, давая ему проход.

Кей правильно обрисовал ситуацию. Король будет обесчещен, если не станет сражаться, и в любом случае начнется война между лордами. Все, чего он добился, погибнет, рухнет, как перегнивший плод.

Мерлин, ступая за королем, думал о Маяке.

Долго ли осталось ждать? Он не знал ответа на этот вопрос. Может быть, то, что он привел в действие Маяк, ввергнет их в мир, полный хаоса. Однако он не видел, как мог бы действовать по-другому.

Вместе с Кеем он вошел вслед за Артуром в комнату короля.

Король шагал взад и вперед по комнате, сцепив руки за спиной и опустив голову на грудь. В лице его была боль, такая, какую не могла бы вызвать

физическая рана.

— Братья, — сказал он, — вы одни знаете правду о моем прошлом. Да, — сказал он Мерлину, — я рассказал всю правду Кею, потому что он отчасти тоже древней крови. Но поверит ли кто-нибудь третий этой правде?

Первым заговорил Кей.

— Если даже поверят, брат, то сочтут это злой правдой и будут смотреть на тебя с еще большей ненавистью. Мало кто способен признать, что существует раса, более одаренная, чем человечество. Жрецы учат, что таким был Христос, но он мертв. Такие люди могут простить только мертвому. Но самого Христа в его время ненавидели и осудили на самое позорное наказание, которому подвергали лишь рабов и предателей. Люди поклоняются богам, но когда боги появляются, люди боятся и ненавидят их. В природе человека заложено стремление стащить вниз других, которые поднялись выше их. Ты величайший король Британии, более великий, чем Максим, потому что служил стране не из-за честолюбия. Если бы у тебя не было короны, ты продолжал бы служить стране. Люди это знают, но это не заставит их уважать тебя больше. Ты думаешь, что Лот, который претендовал на трон, любит тебя? Ни

он, ни герцог Корнуэлльский, ни один из тех, кто может притязать на трон, не останется в стороне. Да, они используют против тебя этот старый скандал. Но это юношеский грех, и ясно, что ты не знал о близком родстве с леди Моргазой. К тому же она побывала не в одной постели и можно намекнуть, что Модред вовсе не тобой зачат…

— Нет! — прервал Артур. — Мы не станем позорить имя женщины, чтобы отвести от себя угрозу. Возможно, все, что ты говоришь, правда. Но я не стану кричать перед всеми: «Эта женщина обманула и обольстила меня!» Такие дела не для короля.

Кей кивнул.

— Ты так решил, брат. Но такое благородство не принесет тебе пользы. Люди воспринимают сдержанность, как открытое признание своей вины. Я понимаю, что сказать правду еще хуже. Нам в лицо будут швырять «рожденный демоном», пока мы не оглохнем, и это оттолкнет от нас даже тех, кто поддержал бы тебя.

— Он прав, — спокойно сказал Мерлин. — Любой выбор усиливает врага: Паутина сплетена хорошо.

— Ты так уверен, что здесь замешана она, как будто сам слышал ее приказ Моргазе рассказать

все барду. Она мстит нам. Но я уверен также, Артур, что она не может говорить прежним голосом. Теперь ей придется полагаться только на себя. И она не может помешать действию Маяка.

Кей повернулся к нему.

— Этот Маяк. Ты пообещал, что он приведет Повелителей Неба. В каком количестве они придут и когда это будет? Помогут ли они оружием нашему королю или будут стоять в стороне, наблюдая, как люди сражаются друг с другом, чтобы потом договориться с победителем?

— Я не знаю ответов на эти вопросы, — сказал Мерлин. — Время для Повелителей Неба идет по-другому, не так, как наши дни и годы. Они живут гораздо дольше, чем мы. Может, пройдет много лет, прежде чем их корабли спустятся с неба.

Кей покачал головой.

— Тогда лучше не учитывать их в наших планах. Нам нужно справиться с Модредом, и побыстрее. Сейчас силы его малы, но люди будут съезжаться к нему. И не забудьте, с ним королева. Само ее присутствие в его лагере свидетельствует, что она верит в этот позорный рассказ и поэтому уехала от тебя, Артур.

— Я знаю это, — ответил король.

Голос его звучал устало, лицо было измучен-

ным и осунувшимся.

— Люди будут говорить также, что я выступил против собственного сына.

— Ты выступишь против предателя! — яростно заявил Кей.

Внезапно он повернулся к Мерлину.

— Это твое дело! Если твои знания так велики и всеобъемлющи, то почему…

Но Артур ответил с силой, какой не ожидал от него Мерлин:

— Не трать времени, брат, на перечисление всех «если». Мерлин делал лишь то, что было ему предназначено. От него зависит наш успех в конце.

Удивленный Мерлин внимательно взглянул на Артура. В словах короля прозвучала мысль, как будто ему был дан дар провидения.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Когда наступит время, — тем же уверенным голосом продолжал Артур, — это станет известно и тебе, родич. У каждого из нас своя роль.

Они выехали из Камелота без ярких знамен и не приказав музыкантам трубить в рог, хотя были уверены в своей правоте, и повод был не меньше, чем если бы двигались они против захватчиков.

Артуру сообщили новости.

Войско действительно раскололось, и многие знатные лорды держались в стороне от враждовавших, либо открыто примкнули к Модреду.

Модред осмелился поднять знамя с драконом и провозгласить себя королем, поскольку Артур, по его мнению, не достоин трона.

Кей хрипло рассмеялся, когда об этом стало известно в их лагере.

— Глупец, — свирепо сказал Кей. — Неужели он считает, что Лот, внимательно следящий за событиями, даст ему спокойно усидеть на непрочном троне?

Но если Лот ждал, то Констанс Корнуэлльский не стал выжидать.

Вскоре с гордо развевающимся флагом, на котором был изображен медведь, он привел свое войско в лагерь Артура и перед всеми подтвердил свою верность королю.

Старая вражда была забыта, и Артур повеселел: ведь Констанс был внуком Глориса и единственным кровным родственником Артура.

На четвертый день войско усилилось двумя отрядами черных всадников, освободившимися от дежурства на границе. Артур созвал совет. Он встретился с теми лордами и командирами, которые сохранили ему верность.

— Мы выступили против тех, кто был нашим братом по мечу и щиту, — сказал король с печалью. — Сотни раз вместе смотрели мы в лицо врагам и встречали смерть. Не гнев должен двигать нами. Я не отказываюсь от короны, потому что не могу снять с себя обязанности перед этой землей. Но это тяжелая задача — убивать старых друзей.

Он замолчал, и никто из собравшихся не заговорил. Мерлин подумал, что Артур и не ожидает ответа. Он медленно продолжал:

— Никто в будущем не посмеет сказать, что я желал зла тем, кто обманут. И пошлю всадника к Модреду. Я предложу ему встретиться без оружия и поговорить. Может, мне удастся уговорить его не нарушать мир, добытый дорогой ценой.

Ему ответил Констанс, самый знатный, хотя и самый молодой из лордов.

— Господин король, это поступок человека, который действительно думает о других. Мало кто после такой песни барда способен протянуть руку мира пославшему этого барда. Если ты пойдешь на встречу, я буду с тобой.

— И я, и я, и я, — подхватили остальные.

Никто из слушавших Артура не сказал бы, что он сделал это из страха — его поступок объяс-

нялся любовью к Британии, которой он служил всю жизнь.

Один из старейших лордов, некий Овьен, в юности служивший в гвардии Амброзиуса, вызвался быть посланником. Артур, знающий, каким уважением пользуется Овьен, был доволен. Выслушав короля, Овьен выехал из лагеря. Все отдыхали, ожидая весь день и всю ночь. На второй день Овьен вернулся.

Он прошел прямо к Артуру.

— Господин король, я передал твои слова Модреду. У его соратников разные мнения. Те, кто настроены мирно, уговорили его пойти на переговоры. Он сказал, что встреча должна состояться у Камней Лангвеллина. Ты приведешь с собой десять сторонников, и он десять. Жрец Гилдас сказал, что среди этих десяти не должно быть Мерлина, потому что он может привлечь себе на помощь дьявола. Но Модред рассмеялся и сказал, что способен победить и дьявола. Господин король, с их войсками едет и леди Моргаза. Она совсем такая же, как была в молодости. Она такая же, какой была при дворе Утера. И с ней леди Озера. Люди глядят на это настороженно, даже Модред не может убедить их, что молодость ее идет не от нечистой силы.

— Но где уверенность, что она на самом деле леди Моргаза! — выпалил Кей. — У ее отца было множество незаконных детей, и эта, если она выглядит так молодо, может быть дочерью какого-нибудь его сына. А то, что она среди неприятелей, не что иное, как еще одна хитрость, созданная для того, чтобы повредить нашему господину.

Артур сделал недовольный жест.

— Главное, Модред согласился на встречу. Остальное зависит от нас.

Однако позже, когда наступила ночь, он пришел к Мерлину.

— У тебя есть силы, в какой ты форме? — начал он. — Можешь ли ты воздействовать на Модреда, чтобы он произнес пред своими лордами слова, в которых призвал бы их к миру? Я не сторонник того, чтобы человека заставляли поступать против его воли, но этот может залить нашу землю кровью, и я согласен на любой шаг, чтобы помешать ему.

— Это зависит от того, как хорошо вооружила его Нимье, — откровенно ответил Мерлин. — Я сделал все, что мог, чтобы ослабить ее, но насколько это удалось, мы узнаем только в столкновении. Я попытаюсь сделать все возможное, родич.

— Большего я и не прошу, — сказал Артур. — Хотел бы я обладать сейчас силами и волей, большей, чем отпускается человеку свыше.

Он медленно встал.

— Что ж, пойдем спать, если сумеем уснуть. Завтрашний день принесет мир или кровь, и мы не можем предвидеть, что победит — разум или безумие.

— Вот еще что, — сказал Мерлин. — Они по незнанию местом встречи назначили древние камни. Если это часть забытого святилища, как долина Солнца, я смогу воспользоваться большими силами. Много неведомого хранят эти места, большие силы спят в них.

— Если только эти силы не враждебны нам.

— Господин король, я обнаружил на земле много святых мест. И только в одном была сила Тьмы. Это крепость Нимье. Надеюсь, она одна была пристанищем злу.

Если король и спал в эту ночь, то Мерлин не уснул. Он лежал, завернувшись в плащ и закрыв глаза, но мозг его работал. Он напряженно искал, что можно использовать как оружие или защиту. Слово за словом собирал он все, что знал, все, что усвоил от Зеркала. Он понимал, что ему предстоит схватка с Нимье, может быть, последняя и

решающая.

Хоть он и не спал, но утром чувствовал себя готовым к борьбе. Когда они вышли, он потрогал свой жезл, как юноша трогает меч перед первой своей битвой.

Они пришли на узкий твердый участок земли среди болот. То тут, то там виднелись озерца. Одни были затянуты зеленью, другие чистые, но темные, третьи поросли тростником. На этом участке земли стояли камни, о которых говорил Модред. На склоне холма разместились войска мятежников.

Люди Артура расположились на противоположном склоне, а король спешился. Вместе с ним пошли Кей, Мерлин, Овьен и другие…

Артур не взял с собой Констанса, передав герцогу командование войсками.

Констанс возражал, но Артур напомнил ему о долге: после Артура он был ближе всех к короне.

Артур шел впереди, Мерлин и Кей рядом, чуть позади. В стане мятежников затрубили, и Мерлин увидел группу монахов под знаменами с изображением дракона.

Хотя он всматривался внимательно, он не увидел женщин. Если королева, Моргаза и Нимье и были здесь, то воины заслоняли их.

Мерлин разглядывал камни, к которым они приближались, рассчитывая скорость шага так, чтобы подойти к условленному месту одновременно с Модредом. На первый взгляд эти камни ничем не отличались от тех, что находились в долине Солнца. Мерлин все еще удивлялся, почему Модред выбрал это место. Монахи, окружавшие Модреда, считают обычно, что такие места принадлежат дьяволу. Почему же тогда? В Мерлине росло недоверие: Нимье никогда не позволила бы своей марионетке выбирать место, где спят древние силы, которые Мерлин смог бы пробудить.

Разве что Модред — ее собственное творение, — перестал подчиняться, и теперь он, а не она отдает приказы.

Камни были установлены по кругу небольшого диаметра.

Мерлин слегка повернул жезл. Он не уловил даже искры энергии, камни были мертвы, как самые обычные скалы. Что ж, он и не надеялся на иное.

Теперь ему был виден Модред. Его узкое лицо так и говорило о древней крови, но было в нем и что-то отталкивающее.

Модред улыбался. У него был вид любимца судьбы.

Мерлин осторожно послал мысль, но натолкнулся на барьер, прочный, как сталь.

Модред действительно был хорошо вооружен.

Мерлин продолжал прощупывать врага. Он уловил взгляд Модреда и его косую усмешку, как будто Модред знал, что делает Мерлин, и не боялся его. Модред обратился к Артуру с явным вызовом.

— Ты хотел встретиться. О чем ты будешь просить меня?

Мерлин почувствовал, как напрягся Кей, с каким трудом сдержал он гнев, слыша эти оскорбления. Но ответ Артура звучал спокойно.

— Я ни о чем не буду просить тебя, Модред. Я открою тебе правду. Если мы начнем войну, Британия погибнет. Тогда все, чего мы добились, будет утрачено.

— Ты потерял свой трон, — продолжал хамить Модред. — Ты просишь вернуть тебе утраченную корону, Артур?

Мерлин видел, как вспыхнуло лицо короля.

Но Артур сохранил самообладание, и Мерлин почувствовал гордость за него.

Сам он по-своему пытался пробить барьер Модреда и добраться до этого человека. Он был так поглощен этим, что не заметил другой опас-

ности.

Король повернул голову в последнюю секунду. Почти рядом с ним ползла змея.

Прежде чем Артур моргнул глазом, один из людей Модреда с криком обнажил меч и ударил в то место, где шелестела трава.

Мелькнула голова гадюки. Но это была не настоящая змея.

Мерлин слишком поздно понял, что это была иллюзия. Короля хотели взять на испуг.

— Предательство! — крикнул Кей и выхватил свой меч.

Змея исчезла так же быстро, как и появилась.

Модред с обнаженным мечом прыгнул к королю, но Кей отразил его нападение.

Меж камней развернулось сражение.

Мерлин услышал сзади звук труб. Констанс приказал наступать. Сталь пошла на сталь.

Мерлин поднял жезл и нанес мысленный удар нападавшему.

Тот дико закричал. Меч выпал из его рук, глаза застыли. Он упал, увлекая за собой и Мерлина.

Ударившись о камень, Мерлин на какое-то время потерял сознание.

А вокруг него шло сражение.

Человек, получивший мысленный удар, шата-

ясь, встал, но тут же упал от удара воина Артура.

Вниз по склону шла гвардия Артура, вели его коня, чтобы он мог сесть в седло.

Модред исчез. Мерлин, прижавшись к камню, старался не попасть под копыта. Он видел, как Модред перепрыгивал с кочки на кочку, чтобы соединиться со своими силами, искавшими прохода к месту сражения.

Среди камней уже лежали четыре воина. Один из них был Овьен. Его невидящие глаза смотрели прямо на солнце.

На его лице застыло выражение удивления, как будто смерть пришла так быстро, что он даже не успел осознать это.

Битва отодвинулась от камней. Мерлин, придя в себя, переходил от одного убитого к другому. Он знал, что сегодня понадобятся его знания целителя. Но эти все были уже мертвы.

Мерлин направился к повозкам, где находились запасы лекарств и бинтов. Тут он сбросил плащ и принялся за работу. Однако он все время сознавал, что подвел Артура.

Если бы он не пытался так напряженно овладеть Модредом, то увидел бы иллюзию с гадюкой и рассеял ее, прежде чем началось это смертоубийство.

Он не сомневался, что появление змеи было делом рук Нимье.

Он перевязывал раны, спасал жизни, а в долине делали все, чтобы унести их как можно больше. Кто бы ни победил в этот день, Британия проигрывала.

Время перестало измеряться часами. Мерлин работал. Одним он облегчал кончину, другим давал возможность уцелеть. У тех, кто имел возможность отвечать, он расспрашивал о ходе битвы. Но раненые видели лишь часть боя. Они рассказывали об отступлении, о небольших победах, о том, как заставляли отступать мятежников.

В полдень принесли юного оруженосца Кея.

Мальчик заплакал, когда Мерлин стал перевязывать его сломанную руку. Он сказал, что его господин погиб, перебив множество врагов.

«Итак, Кей погиб, как погиб до него Эктор, — устало подумал Мерлин. — Кей был правой рукой Артура, и вот эта рука отрублена. Кей, Овьен и сколько еще других, последовавших за Артуром, ушли в вечность».

Он как будто видел ужасный сон, словно опустился в ад, который, как утверждают последователи Христа, поглотит всех неверующих.

Всюду кровь, тела мертвецов, торопливо оттащенные в сторону, чтобы расчистить место для тех, кому еще можно было оказать помощь.

Запах крови висел вокруг. Кровь была на одежде, руках, ногах, даже на щеках Мерлина. Кровь пахла смертью, от которой нет спасения.

Солнце, к началу этой бойни стоявшее над головой, теперь склонялось к западу…

— Мерлин.

Кто-то потянул его за руку.

Мерлин нетерпеливо отмахнулся, занятый раненым, который стонал. Смерть уже коснулась этого человека.

— Мерлин!

Он оглянулся и увидел маленького человека со смуглым лицом и порезом, из которого сочилась кровь. У этого человека было имя…

Мерлин порылся в памяти.

— Блехерис, — сказал он.

— Мерлин!

Он дернул его за руку.

— Бери с собой свои лекарства и пошли!

Мерлин вышел из оцепенения, в котором находился все это время.

Блехерис мог искать его только в одном случае.

И Мерлин понял, что все испытанные им в жизни страхи — ничто перед тем ужасом, который охватил его.

— Артур!

Они знали, что смерть может поджидать в битве, но Мерлин не чувствовал, что она может ждать Артура. Не может быть!

Все в нем восстало против этой мысли.

За растерянностью последовал гнев. Ему захотелось отомстить Модреду и Нимье.

Схватив мешочек из льняной ткани, две банки с лечебными мазями, он повернулся к Блехерису.

— Где?

Пикт нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Идем.

Он побежал, и Мерлин легко последовал за пиктом.

Они пробирались там, где прошла битва.

Центр ее сейчас переместился.

В отдалении слышались крики, стоны, вопли раненых людей и ржание лошадей.

Блехерис свернул направо и пошел по берегу реки.

Здесь было много мертвых и раненых, которые слабо стонали.

Но Мерлин не слышал их.

Главное — Артур!

Артур — это Британия, Артур — это будущее мира!

— А вот лежит Модред, — сказал пикт.

Он тяжело дышал.

— Король прорубался сквозь ряды, чтобы добраться до изменника. Он пронзил Модреда копьем, но тот не умер сразу. Он успел задеть короля.

Впереди виднелась хижина: вероятно, ею пользовались птицеловы.

Снаружи стояли два телохранителя Артура.

Мерлин пронесся между ними, и вот он стоит на коленях у тела Артура.

Глаза его были закрыты. Капли пота выступили на лбу и щеках. Дыхание с хрипом вырывалось из горла.

С него сняли латы.

Одежда была окровавлена.

Быстро, но осторожно Мерлин убрал, одежду с раны. То, что он увидел… Рана была смертельной.

Но Артур был не просто человеком, он был посланником небес.

Мерлин искусно работал, очищая и перевязывая рану.

— Он будет жить?

Блехерис следил за его работой, присев на корточки. С ним рядом стоял Гавайи, один из телохранителей Артура.

— Не знаю.

Мерлин устало откинулся.

Он ясно вспомнил ящик-гроб в пещере, который сохраняет жизнь.

Сможет ли он вылечить Артура или, по крайней мере, сохранить ему жизнь до прилета Повелителей Неба?

Их знания больше знаний Мерлина и всех остальных обитателей этого мира.

Но пещера так далеко.

Сможет ли он поддержать в Артуре жизнь, пока они доберутся туда?

Что у него есть? Только немного знаний, то, чем поделились с ним через Зеркало небесные братья.

Но у него еще есть воля!

С этого момента вся его воля была направлена на спасение Артура.

— Как идет сражение?

Он увидел, как молодой телохранитель гневно взглянул на него: разве что-нибудь может иметь значение, кроме спасения его раненого господи-

на? Но Блехерис сразу догадался, почему Мерлин задал этот вопрос.

— Если ты хочешь увезти отсюда короля, лорд Мерлин, — ответил он, — то люди Модреда разбиты. Они бегут, их преследуют отряды черных всадников.

— Куда ты хочешь везти короля? — спросил телохранитель.

— Он тяжело ранен, — ответил Мерлин. — Его нужно отвезти туда, где его сумеют вылечить.

— Мерлин…

Все повернули головы. Артур открыл глаза, голос его звучал тихо. Они затаили дыхание, чтобы не заглушить эту тонкую нить звука.

— Я убил его…

Это было не утверждение и не вопрос, но Мерлин подумал, что его спрашивают.

— Он мертв, — ответил Мерлин.

— Он меня вынудил. Он так ненавидел меня, что пожертвовал своей жизнью, чтобы убить меня. Почему?

Мерлин покачал головой.

— Не знаю. Он был лишь орудием в чужих руках. Ненависть эта стара. Однажды она уже превратила этот мир в пепел…

— И опять превращает.

Голос Артура слегка окреп.

— Единство нарушено, Мерлин.

Рука короля чуть шевельнулась, как бы ища чего-то.

— Где меч?

— Вот, господин король.

Он поднял древний клинок, чтобы Артур увидел его.

— Больше я не возьму его в руки, — сказал король.

— Пока не залечатся твои раны, — быстро поправил Мерлин.

— Брат.

Губы Артура изогнулись в слабой улыбке.

— Не обманывай себя. Твои знания велики, однако все же ограничены.

— Но ведь сказано: ты тот, кто был, есть и будет.

Мерлин смотрел в глаза Артура, вливая в него свою силу.

— Будет, — сонно повторил Артур, смыкая веки.

Блехерис с испугом смотрел на него.

— Он уходит от нас?

— Нет. Он спит и будет спать, не чувствуя боли. А мы тем временем перевезем его в то место, где

ему помогут.

— Лорд Мерлин, а кто поведет нас за собой? — спросил телохранитель.

— Король передал командование Констансу Корнуэлльскому. Передайте герцогу, что Артур жив и что он уехал, чтобы излечиться.

Теперь Мерлин рассуждал четко и логично.

— Передайте герцогу также, что он должен отыскать лагерь Модреда. Там он найдет королеву, леди Моргазу и леди Озера. Им ничего нельзя говорить о короле, только то, что он легко ранен и отдыхает. Герцог должен позаботиться, чтобы эти женщины больше не приносили вреда.

— Лорд Мерлин, все это будёт передано герцогу Констансу. Но как ты перевезешь короля и куда?

— На носилках, хорошо укутанного. А куда? В горы, где есть место, известное целителям.

Он стал отдавать приказы.

Они исполнялись. Те, кто верно служил Артуру, цеплялись за самую крохотную надежду, что король выживет.

К утру Мерлин был готов. В сопровождении маленького отряда он тронулся в путь.

Король лежал на носилках. Блехерис, сидя на пони, вел под уздцы его лошадь, Мерлин ехал сзади.

Он повидался с Констансом, подтвердившим, что войска Модреда разбиты, и королевство в безопасности.

— Герцог, — сказал ему Мерлин, — не скрою от вас, хотя советую не разглашать это, что король тяжело ранен. У него только один шанс выжить. Для этого нужно достичь места исцеления. Я буду стараться поддержать его жизнь до того времени. В твои руки он передал командование, и тебе теперь править. Британия тоже была тяжело ранена здесь. Ты должен излечить раны страны, как я попытаюсь излечить раны короля.

Констанс выслушал и сказал:

— Целитель, я слышал о тебе немало странного, но никто никогда не говорил, что ты враждебен королю. Наоборот, известно, что к тебе он обращался, когда ему было трудно. Поэтому я верю тебе. Я буду править Британией, но не как король, а как наместник. Разве что придет известие, что твои надежды не оправдались. Только тогда я начну править как Пендрагон.

— Да будет так! А как женщины?

— Только что нашли королеву. Она почти потеряла рассудок. Безумная умоляет, чтобы ее отослали в Дом святых женщин, которые называют себя сестрами и живут в Авалоне. Леди

Моргаза мертва. Мы не знаем, отчего она умерла. На ее теле нет ран, лицо не искажено, как если бы она выпила яд. Она похожа на спящую. Но мы не нашли и следа третьей женщины.

Мерлин вздохнул. Джиневра и Моргаза не имели значения, другое дело — Нимье.

Вызвав к жизни эту трагедию, неужели она будет продолжать действовать, пытаясь убить Артура?

Его гнев проснулся. Не будет так! Артур выживет, несмотря на все чары и иллюзии.

— Ищите ее тщательно, — сказал он, хотя был уверен, что ее не найдут. — Из всех врагов короля она самый опасный.

Констанс кивнул.

— Ты возьмешь с собой охрану?

Мерлин задумался.

— Нет. Большой отряд легче заметить. Силы Модреда разбиты, но они рассеялись. Среди выживших будут такие, которые попытаются убить Артура. Маленькая группа может передвигаться тайно. Ее труднее выследить. Я возьму с собой только пикта Блехериса. Он опытный следопыт и сумеет запутать следы.

И вот они с максимальной скоростью движутся по дикой местности.

Мерлин, призвав всю свою волю, поддерживает жизнь короля.

Блехерис выбрал такую дорогу, что им никто по пути не встретился.

Только дважды из укрытия видели они небольшие отряды уцелевших мятежников.

Они поднялись в горы, и им открылась вдали вершина той горы, в которой находилась пещера.

Мерлин повернулся к Блехерису.

— Добрый друг, вот она наша цель. Но я не знаю, что ждет нас там. Если мы внесем короля в пещеру, я думаю он там выздоровеет. Но если он выживет, то этого нельзя сказать о нас…

— Целитель, — ответил пикт, — я прожил больше, чем любой воин из моего племени. Король однажды дал мне жизнь, откажу ли я ему в этом же? Я человек без рода, но король посадил меня рядом со своим очагом и назвал своим вассалом. Скажи мне, что нужно сделать — и я сделаю.

…Трудно было поднять носилки на последний перевал. Им пришлось нести их на руках. И вот, наконец, они у входа в пещеру.

Мерлин не удивился, когда увидел перед собой Нимье. Она сидела на камне лицом к ним. Ясно, что она ждет их давно и, если нужно, прождала

бы еще.

Мерлин легко опустил носилки, затем повернулся к ней.

— Посмотри на свою работу, — сказал он. — Гордись ее результатом, Нимье.

К его удивлению на лице ее не было торжества.

— Когда убиваешь человека, нечем гордиться, — ответила она.

Она сказала это бесстрастно, тихим голосом.

— То, что сделано, должно было быть сделано.

— Почему?

— Потому что люди уже один раз были игрушкой Повелителей Неба. Они учили их тому, что им рано еще было знать, вовлекали в свои споры. В результате мир был разрушен и опустошен. Потом началась война между звездами и была дана клятва, что никогда не будут использоваться другие расы…

— Однако похоже, что эта клятва не особенно соблюдается, — заметил Мерлин. — Ты слуга Темных Сил и принесла Британии такое кровопролитие, которое не забудется и тысячу лет спустя.

— Я сделала то, что должно было быть сделано, — повторила она. — Ты вызвал бы к жизни

знания, которыми люди еще не могут овладеть. Они использовали бы эти знания в злых целях. Это ты, Мерлин, призвал короля, который должен был изменить мир, и это твои действия убили его.

— Он не мертв, — возразил Мерлин, — и он не умрет, колдунья. В назначенный час он будет стоять у Маяка и приветствовать своих родителей.

Она равнодушно взглянула на Артура.

— Твой Маяк, Мерлин, бесполезен. Повелители Неба измеряют время не так, как мы. Пройдет много столетий, прежде чем они ответят на его зов. К тому времени люди будут способны осознать, какое зло несут им дары Повелителей Неба. Ты отрегулировал Маяк, Мерлин, но я уничтожила твоего короля.

Мерлин покачал головой.

— Никак нет. Мне обещано: он был, есть и будет.

Она смотрела на него с жалостью.

— Мерлин, ты мог бы стать великим, но предпочел остаться незначительным — последователем древних смутных слов, охранником варварского короля, которого скоро забудут.

Она встала и широко развела руки, так что из-под рукавов обнажилась ее белая кожа.

— Мерлин!

В голосе ее звучала призывная нота.

— Ты знаешь, мы с тобой родственны по духу. Ни один мужчина Земли не вызывал у меня желания, а ты не можешь полюбить ни одну женщину из их племени. Моя башня и озеро укроют нас от людей, и мы сможем жить спокойно. У нас долгая жизнь, гораздо больше жизни обычных людей. Разве ты никогда не испытывал одиночества, Мерлин? Мы выполнили свои задачи и теперь свободны…

Он смотрел на нее и чувствовал могучее желание отбросить прошлое и забыть его.

Нимье рассмеялась.

— Ах, Мерлин, я вижу, ты помнишь! Да, я могу быть более желанной, чем все женщины. Многому я могу научить тебя!

Мерлин отступил на шаг.

— Не сомневаюсь, — сухо сказал он. — Но я служу королю Артуру.

— Умирающему!

Теперь она смотрела на него насмешливо.

— Одинокий Мерлин, ты можешь не быть больше одиноким.

Ее слова открывали перед ним дверь, и он почувствовал озноб. Теперь она играла на другом

инструменте, на других струнах его души.

— Если такова моя участь, — сказал он, — то я останусь одиноким.

Он радовался, что его голос звучит уверенно.

Нимье отвернулась от него, плечи ее опустились. Он понял, что сейчас она уже не играет.

Он разрывался, он знал, что больше не увидит ее, что отказывается от того, что принесло бы тепло в его жизнь.

Он чуть было не шагнул за ней: Но здесь был Артур…

Он следил, как она медленно уходит, зная, что еще есть возможность позвать ее, что их обоих в чем-то обманули Повелители Неба, которые холодно и бесчувственно сделали их послушными своей воле.

И вот она исчезла. Все кончилось.

Он подошел к тайному входу в пещеру и начал отваливать камни. На помощь ему пришел Блехерис.

Лицо маленького человека было полно отчаяния.

— Лорд Мерлин, что это за место? У меня болит голова и боль становится сильнее.

— Прости меня.

Мерлин вспомнил об охранных устройствах.

— Здесь охрана, Блехерис, тебе нужно уходить отсюда.

Пикт сел на ближайший камень.

— Нет, уходи, — добавил Мерлин. — Я могу войти в пещеру и король может. Но мы долго не выйдем оттуда, Блехерис.

Пикт покачал головой.

— Лорд Мерлин, неважно, дни или годы пройдут, прежде чем вы вернетесь. Если судьба пожелает, вы найдете меня ждущим. Это хорошая земля, — добавил он и оглянулся.

— Она похожа на мои родные северные горы. Я буду ждать.

Несмотря на возражения Мерлина, он поклялся, что так и поступит.

Мерлин вытащил Артура из носилок и, взяв на руки, с трудом прошел в пещеру.

Он открыл ящик. Раздев Артура, он опустил его в ящик.

Артур дышал — это все, что знал Мерлин. Крышка медленно закрылась.

В последний раз Мерлин подошел к Зеркалу.

В руках он держал меч, который пикт передал ему, прежде чем отойти от пещеры. Мерлин стоял перед Зеркалом и видел истощенного темнолицего человека в изорванной одежде, покрытой

грязью и засохшей кровью.

Вокруг гудели установки.

До сих пор он действовал инстинктивно.

Что дальше?

Зеркало ответило ему:

— Подойди к ящику, что находится справа от тебя, Мерлин, и нажми четыре маленькие кнопки. Ящик сохранит твою жизнь. Когда ты проснешься, люди будут смотреть на звезды. Тогда наступит твой час. Сегодня мы потерпели поражение. Нужно ждать лучшего дня.

— Артур? — спросил он.

— Он был, есть и будет. Для тебя приготовлено место.

Войди в него и спи. Мгновение Мерлин колебался, затем задал последний вопрос:

— А Нимье?

— Ее судьба вне наших знаний, Мерлин.

Он положил меч на скамью перед Зеркалом, где сидел так часто. Клинок по-прежнему сверкал. Только человеческие надежды тускнеют. Мерлин вздохнул.

Он медленно повернулся и отыскал кнопки, нажал, как ему было приказано. Забегали огоньки. Мерлин тупо смотрел, пока они снова не погасли. Тогда он прошел к ящику.

Раздевшись, он вошел внутрь и почувствовал, как поднимается жидкость. Время!

Сколько его пройдет?

Белое тело под луной, приглашающий жест и смех, обнаженные ноги, легко бегущие по закрытой тенями земле. Мерлин уснул.

Бремя юртов

Девушка Раски изобразила двумя пальцами левой руки Рога Демона и плюнула сквозь них. Капли слюны, смешавшись с пылью, упали на глинистую дорогу, едва не задев край дорожного плаща Элоссы. Элосса не взглянула на девушку, ее глаза были прикованы к далеким горам, ее цели.

Ненависть городка душила ее, как облако пыли. Ей следовало избегать поселка. Никто из рода Юртов не входил в местные поселения, если мог избежать этого. Излучения ненависти глубоко вгрызались в Высшее Сознание Юрта, затемняли восприятие, путали мысли. Но Элоссе нужна была пища. Вчера вечером, перебираясь по камням через ручей, она поскользнулась и упала в воду, припасы в ее поясной сумке превратились в клейкую массу, и утром их пришлось выбросить.

Торговец, к которому она обратилась, был угрюмым и грубым, но у него не хватило храбрости отказать ей, когда она быстро выбрала нужное. Из всех волн ненависти… Теперь, отойдя достаточно далеко от девушки, которая приветствовала ее плевком, Элосса пошла быстрее.

Юрты, мужчины и женщины, с достоинством проходили мимо Раски, потому что игнорировали местных жителей и смотрели сквозь них, будто не видели. Юрты и Раски различались, как свет и тень, как гора и равнина, жара и мороз. У них не было ничего общего.

Они жили в одном и том же мире, ели одинаковую пищу, дышали одним воздухом, у некоторых в роду Элоссы даже были черные волосы, как у Раски, и кожа их не отличалась по цвету. Раски были смуглыми от рождения, а Юрты, живущие под открытым небом, темнели только под лучами солнца. Если бы Элоссу одеть в хлопающую по щиколоткам юбку той девушки, что так наглядно демонстрировала свою ненависть, и зачесать волосы наверх, то они с ней почти не отличались бы друг от друга. Разница была только в мозге, в мысли.

Так было всегда. Высшее Сознание Юрт получал от рождения. Ребенка учили пользоваться им раньше, чем он начинал говорить, потому что Высшее Сознание было единственным, что хранило Юртов от полного уничтожения.

Закар был нелегким миром. Страшные штормы в холодный сезон загоняли кланы Юртов в горные норы, разрушали города жителей равнины.

Леденящие ветры, град, ливневые дожди… Все живое искало от них убежища. Поэтому Паломничество было возможно только в два месяца ранней осени, и Элосса должна была торопиться, чтобы успеть добраться к цели.

Элосса воткнула посох в скользкую глину и повернула в сторону от дороги, которая шла к фермам. Впереди виднелись тускло-коричневые приземистые дома. Дорога углом поворачивала в сторону от гор, к которым шла Элосса. Ей хотелось бы уйти с равнины вверх, в ее родные места, где можно было свободно дышать, где не было бы пыли и ненависти, исходящей от любого Раски.

По обычаю своего народа она должна была совершить свое путешествие в одиночку. В тот день, когда собрался клан женщин, чтобы дать ей посох, сумку с запасом пищи, у нее сердце упало, и не только от страха. Идти одной в неизвестное… Но таково было наследие Юртов, и каждая девушка и юноша выполняли это, когда их тела становились готовыми для служения Старейшим, а их мозг мог воспринимать Знание. Некоторые не возвращались, те кто вернулся — изменялись.

Они были способны по желанию поставить барьер между собой и своими товарищами, закрывая мысленную речь. Кроме того, они ста-

новились серьезнее, озабоченнее, как если бы часть Знания, а может быть, и все целиком, давило на них тяжелым грузом. Но они были Юртами и, значит, должны были вернуться в колыбель клана, принять Знание, каким бы горьким и тревожащим оно ни было.

Именно Знание и вело их к цели. Они должны были держать свой мозг открытым, пока в нем не поднимется путеводная мысль. Мысль эта была командой, и ей следовало повиноваться. Элосса шла уже четыре дня, в ней все время работало странное принуждение, указывающее ей кратчайшую дорогу через равнины к горам, к стране, которую теперь посещали только по Зову.

Она и ее однолетки часто размышляли о том, что там находится. Двое из их компании уходили и вернулись, однако спросить их, что они там видели, запрещалось обычаями. В них уже стоял Барьер. Тайна оставалась тайной до тех пор, пока каждый сам не пойдет открывать истину.

Элосса не понимала, за что Раски так ненавидели их. Может быть, из-за Высшего Сознания? У равнинных жителей его не было. Но тут таилось что-то еще.

Элосса отличалась от хузов, кеннов и прочих живых существ, которых Юрты уважали и ко-

торым помогали; на ее стройном теле, сейчас покрытом дорожной пылью, не было ни шерсти, ни чешуи, однако, в мозгу этих существ, живущих рядом, не было ненависти к ней. Настороженность — да, если животное недавно появилось в местах клана, но это было естественно. Но почему же те, кто имел такое же тело, как у нее, глядели на нее с черной ненавистью в мыслях, когда она проходила мимо них сегодня утром?

Юрты не хотели командовать никем, даже низшими существами со слабым мозгом. У всех живых существ свои ограничения, даже у Юртов. Некоторые из ее рода были энергичнее, быстрее других, крепче в мысленной речи, у них были новые, необычные мысли, которые могли бы заставить другого задуматься. Но Юрты не управляли никем, и ими никто не управлял. Были обычаи, как, например, Паломничество, и все ему следовали, когда наступало время. Но им никто не приказывал поступать так. Это повиновение обычно рождалось изнутри, и все, что нужно, делалось добровольно.

Еще до ее рождения, в давние годы, Верховный Правитель Раски дважды посылал войска, чтобы уничтожить Юртов. Те, кто дошел до гор, попали в сеть иллюзий, которую умели плести Старейшие.

Люди отбивались от своих, потерянно бродили в предгорьях, пока случайно не возвращались к своему следу. В мозг Верховного Правителя Раски было послано предупреждение. Таким образом, когда его храбрые солдаты стали по одному возвращаться домой, измученные и усталые, он вернулся в свой укрепленный город, и третьей экспедиции не было. После этого Юртов и их горную страну оставили в покое.

Но среди Раски были правящие и подчиненные, и поэтому они, как сказала бы Элосса, были достойны сожаления. Некоторые мужчины и женщины всю жизнь трудились для того, чтобы другие могли жить свободно, без забот, и, по всей вероятности, трудящиеся слегка завидовали свободным. Но ненавидели ли они своих господ так, как ненавидели Юртов? Может быть, ненависть к Юртам коренилась в еще более горькой зависти к свободе и братству их кланов? Но вряд ли Раски могли знать что-нибудь о жизни кланов. Ведь у них не было мысленной речи, и они не могли выходить из своих тел, чтобы увидеть, что делается далеко от них.

Элосса вновь пошла быстрым шагом. Скорей бы уйти отсюда! Она задумалась. Конечно, не о том черном, зловредном языке ненависти, что

тянулся к ней, как когти саргона, и который она «видела» Высшим Сознанием. Подобные мысли годятся для детей, а не для тех, кто уже достаточно вырос, чтобы быть вызванным в Паломничество. Чем скорее она подойдет к подножию гор, тем легче будет для нее.

Итак, она шла ровным шагом по тропинке вдоль правильных рядов пастбищ, обглоданных зубами хузов. Эти терпеливые животные поднимали головы, когда она шла мимо. Она молча здоровалась с ними, и от удивления они мотали головами и фыркали. Детеныши хуза потрусили параллельно тропе, по которой шла Элосса, и она чувствовала, как они тоскливо смотрят на нее.

Она заметила в их мозгу смутную память о свободном беге без узды и поводьев.

Элосса остановилась и пожелала им хорошей пищи и приятных дней. В ответ пришли удивление и радость. Те, кто управлял хузами, не знали, в сущности, их образа жизни. Элосса хотела бы иметь возможность открыть ворота этих пастбищ и выпустить их всех на свободу, о которой они только смутно вспоминали. Но у Юртов было правило: не пытаться понять что-либо в жизни Расков или их слуг. Только в особо кризисных обстоятельствах, для спасения собственной

жизни Юрты могли создавать иллюзии против нападавших.

Пастбища исчезли, Элосса подошла к подножию гор. Путь был трудным, но привычным для девушки. Она выбросила из своего разума последние остатки того, что тревожило ее, пока она шла через поселок. Элосса подняла голову и откинула капюшон — пускай ветер перебирает ее красивые волосы.

Она нашла едва заметные следы тропинок. Возможно, жители города ходили сюда охотиться или пускали сюда пастись скот. Но, похоже, следы были давние. Поднявшись на вершину одной горы, Элосса увидела монолит выше человеческого роста. Он был явно не природного — происхождения, потому что камень был не тускло-серый, как все вокруг, а темно-красный, как запекшаяся на солнце кровь.

Элосса вздрогнула, удивившись, откуда у нее взялись такие мрачные мысли. Она отогнала их, как ее учили, подошла ближе и увидела на камне резьбу. Время и непогода сильно разрушили изображение, оставив только намек на голову. Чем дольше Элосса смотрела на нее, тем сильнее в ней поднималась тревога, ускоряющая дыхание и вызывающая желание убежать, какое она

чувствовала в городе.

По общим линиям лицо принадлежало Раски, но были в нем черты чего-то чуждого, страшно чуждого — угрожающего, несмотря на отпечаток времени, сгладивший его черты. Предупреждение, поставленное здесь в давние времена, чтобы путник не стал идти дальше, а вернулся обратно? Какая же опасность лежала впереди, если мастер сумел так отчетливо выразить это?

Работа не выглядела законченной, приглаженной, но неровная грубость черт лица подчеркивала силу впечатления, которое оно производило. Да, это было совершенно явное предупреждение!

Элосса с усилием повернулась спиной к изображению и посмотрела вдаль. Благодаря долгой тренировке, ее глаза научились мгновенно изучать и оценивать местность, потому заметила еще один остаток далекого прошлого — дорогу, уводившую отсюда в горы.

Камни были разбросаны оползнями, сдвинуты выросшими здесь кустами и деревьями. Но склон, который был вымощен этими камнями, все же настолько изменил природные контуры местности, что нельзя было сомневаться в его искусственном происхождении.

Каменная дорога? Такая бывала только возле

городов Верховного Правителя. Построить такую дорогу было трудно, поэтому прокладывать ее на этом пустынном склоне горы было совершенно ни к чему. Значит, эта дорога была очень и очень древней. Элосса подошла к ближайшему камню: край его торчал вверх, а сам он прятался в траве. Она опустилась на колени и положила руку на камень, пронизывая его читающей мыслью…

В ней возникло слабое впечатление. Оно шло из давних диких времен, из такого далекого прошлого, когда этот камень принадлежал только земле. Элосса чувствовала след несчастной ящерицы, чьи лапки касались горного отрога, но что лежало дальше по времени, она не могла почувствовать.

Мостовая вела в гору, куда Элосса должна была подняться, и это облегчило бы ей путь, сберегло бы силы для более трудного дела. И она свернула на дорогу. Но важный путь мог быть закрыт, и монолит поставили здесь, чтобы запретить, сюда вход. Кто сделал это и зачем? Ее охватило любопытство, и она искала любой намек на то, с какой целью могла быть построена эта дорога.

Чем дальше она шла по следу, тем больше восхищалась искусством и умением, с каким она делалась. Шоссе было проложено не самым

легким способом. Оно не поворачивалось и не изгибалось, подобно горной тропе или покрытым глиной дорогам на равнинах, а прорубалось через все препятствия, как будто упрямый мастер приручал страну, заставлял ее служить себе.

Элосса дошла до места, где оползни отчасти скрыли дорогу, пробитую сквозь гору, и пошла дальше, опираясь на посох. Дорога все еще шла в нужном Элоссе направлении. И девушка решила посмотреть, куда она ведет, хотя могло случиться, что ей придется свернуть в сторону раньше, чем она сумеет выяснить.

Здесь больше не было таких древних монолитов, как тот, что стоял внизу, но время от времени встречались небольшие камни со следами резьбы. И ни один не принес ей такого неприятного ощущения, как тот камень. Возможно, они относились к другому времени и были поставлены здесь с другой целью.

Под одним из них Элосса села и поела. Недалеко бежал горный ручей, к ней доносилось его журчание. Элосса чувствовала себя спокойно в этом лежащем вокруг нее мире. Но затем… покой был разбит.

Ее мысль-поиск лениво вылетела, поглощая покой и свободу, и столкнулась — с чужой мыслью!

Кто-нибудь из клана в таком же Паломничестве? По горам бродили и другие кланы, с которыми ее народ мало общался. Нет, в этом коротком прикосновении она не уловила ничего знакомого, указывающего, что то был Юрт — даже если Юрт и путешествовал, закрыв мозг.

Значит, это Раски, потому что животные воспринимаются иначе. Охотник? Она не решалась, конечно, зондировать этот мозг. Хотя ненависть Раски была угнетена страхом, кто знает, что может случиться, если Раски вдали от своих встретится с одиноким Юртом? Она подумала о тех Юртах, что не вернулись из Паломничества. Объяснений этому находилось немало: падение со скалы, болезнь, гибель от какой-то опасности, которую они не могли остановить Высшим Сознанием. Ей надо быть осторожней.

Элосса туго завязала шнурки походной сумки с припасами, взяла посох. Легкий путь по заброшенной дороге теперь для нее закрыт. Пришла пора подвергнуть испытанию свое знание гор. У Раски не было умения Юртов подниматься в горы. Если ее действительно выслеживают, то она легко уйдет от преследователей.

Девушка не спеша начала подъем: кто знает, охота может быть долгой, и ей надо беречь силы.

Она не могла послать свою энергию слишком далеко, но держала прикосновение к мозгу преследователя и чувствовала что-то тревожное впереди. Легчайшее зондирование мозга надо сделать с большими перерывами, чтобы, не выдав себя, удостовериться, в самом ли деле за ней следят или же просто кто-то идет по своим делам.

Высоко над забытой дорогой Элосса остановилась, чтобы перевести дух и пустить вниз мысль-поиск. Да, он все еще шел за ней. Она нахмурилась. Хотя она и приняла все необходимые меры, но по-настоящему не верила, что это может случиться. Раски никогда не выслеживали Юртов. Об этом никто из ее народа не слышал после большого поражения Великого Правителя Филара два поколения назад. Почему же теперь?..

Она знала, что может остановить его. Иллюзия, прикосновение к мозгу… да, конечно, если бы она захотела воспользоваться своим талантом, этого оружия было бы достаточно. Но оставалось то, что лежало впереди. Те, кто побывал в Паломничестве, никогда даже намеком не дают понять, на что тут можно натолкнуться. Однако Паломников предупреждали, что им понадобится весь их талант при встрече с неведомым.

Сама природа Высшего Сознания такова, что оно не постоянно, не всегда одной силы, независимо от того, как им пользуются. Нет, оно растет и убывает, чтобы опять накапливаться для какой-то неожиданной надобности. И Элосса боялась расходовать то, что может понадобиться ей позднее, только на то, чтобы заставить незнакомца повернуть обратно. К тому же, он, может быть, просто случайно шел тем же путем, а вовсе не выслеживал ее.

Приближалась ночь, а ночи в горах холодные. Надо отыскать пещеру, чтобы провести в ней темные и холодные часы. Элосса огляделась. Этот подъем был не так крут, чтобы утомить ее, но дальше тропинка поднималась круто в гору. И этот путь можно оставить на утро.

Сейчас она стояла на гребне, расширявшемся в одну сторону. Наносы земли позволили укорениться здесь небольшим кустикам и траве. Элосса пошла в ту сторону и вышла к озерцу. Полет мысли-поиска коснулся птиц и нескольких горных грызунов, никого крупней их на его берегах не было.

Элосса смыла с лица пыль равнин и напилась. Затем достала из-за пазухи металлический диск, висевший на крученом шнурке. Положив его на

ладонь, она в последний раз оглядела глазами и мозгом окружающий мир, чтобы убедиться в том, что может на короткое время ослабить свою настороженность.

Поблизости не было ничего, за чем нужно было бы следить или остерегаться. Она хотела узнать, кто идет за ней следом. Если это просто охотник — прекрасно. Но Раски поступает вопреки традициям, значит, тут что-то кроется.

Она всмотрелась в металлическую пластинку. Поверхность ее, как ни странно, не отражала ее лица. Диск оставался абсолютно пустым. Элосса сосредоточилась и сначала попыталась увидеть то, что действительно существовало — это было бы доказательством, что в дальнейшем она увидит не просто порожденную ее воображением фантазию, а нечто реальное.

Предупреждающая колонна. По неотражающему зеркалу пошла рябь. Крошечный и не ясно видный из-за расстояния камень с изображением злого лица показался сейчас, когда вечерело, еще более темным.

Отлично, прием работает. Теперь более трудная задача — проследить за тем, кого она так и не видела, а только уловила мыслью. Осторожно и очень медленно она послала вопрошающую

мысль.

Она коснулась чужого мозга, задержалась. Элосса ждала. Если человек осознал зондирование, то ответ может прийти немедленно, и тогда она сразу оборвет нить связи. Но преследователь никак не реагировал. Она послала более сильный импульс, пристально глядя в зеркало.

В нем появилась маленькая фигурка, еще более неясная, чем камень. Конечно, охотник, поскольку вид у него был воинственным: лук и колчан со стрелами, а кроме того, короткий меч. Лица его она не видела, но мысленное прикосновение говорило о том, что он молод.

Элосса мигнула и тут же прервала контакт: пришел ответ. Этот человек понял, хотя и неясно, что за ним наблюдают. Он почувствовал беспокойство.

Это было странно. По всем стандартам ее народа считалось, что Раски неспособны на такой контакт. Если бы у них было хоть сколько-нибудь Высшего Сознания, их нельзя было бы обмануть иллюзиями. Однако Элосса была уверена в том, что успела прочитать за эти несколько мгновений связи. Он знал! Знал достаточно, чтобы почувствовать ее зондирование. Это делало его опасным. Конечно, она могла вызвать иллюзию,

правда кратковременную — ни один Юрт не мог удерживать иллюзию долго, так как для этого требовалась объединенная энергия многих людей.

Итак, Элосса села и смотрела на заходящее солнце. Есть несколько полезных иллюзий, например, материализация саргона. Ни один человек не мог устоять против этих мохнатых убийц, которые впивались в жертву и выпивали ее кровь, и логовища которых были высоко в горах. Они были так безумны, что даже Юрты не могли влиять на них, разве только заставляли свернуть с тропы, если встречались с ними. К ним нельзя было обращаться с мысленной речью, потому что у них в сущности не было мозга, а лишь хаос слепой ярости и всепоглощающей жажды крови. Отличный выбор и…

Элосса напряглась. Саргон? Но там был и саргон! Не внизу, где она предполагала поместить свою иллюзию, а на горе. И он шел к ней! Вода… да, конечно, вода, необходимая всему живому. Озерцо, рядом с которым она сидела, могло быть единственным источником воды поблизости. Она видела отпечатки птичьих лап на глинистом берегу и более мелкие следы Мону, саргона, конечно, привлекала вода.

Нельзя сказать, что он недавно ел. То слабое

сознание, какое было у этого зверя, мутилось от голода, бывшего сейчас даже сильнее жажды. Голод! Элосса должна была сыграть на нем.

Саргона нельзя отогнать иллюзией, и изменить его путь Элосса тоже не могла, потому что голод зверя был слишком силен. Она быстро пустила мысль-поиск и почувствовала, что где-то недалеко находится рог — опасный зверь, который тоже жил в горах. Далеко ли он? Элосса не могла определить. Сейчас все зависело от того, насколько голоден саргон.

Работая быстро и точно, Элосса ввела в этот мутящийся от голода колодец ярости впечатление другого гиганта — рога… приближающегося к озеру… Это должно вызвать не только представление о пище и крови для неистового охотника, но еще и ярость от вторжения чужака в его охотничьи угодья. Два крупных хищника не могут занимать одну территорию, даже если они одной породы.

И Элоссе это удалось! В ней вспыхнула искра гордости, которую она тут же подавила. Самоуверенность была самой худшей из ошибок, за которую любой Юрт мог поплатиться. Но зверь на склоне горы принял ее внушение и свернул в сторону.

Рог, второй огромный хищник тоже ответил ей. Элосса играла на его ненависти, вызывая эту эмоцию в такой степени, что она могла сжечь человеческий мозг. И рог двинулся навстречу саргону!

Из полутьмы донесся крик. Крик человека!

Она опоздала! Опоздала! Элосса всхлипнула и кинулась вниз. Рога уже не нужно было подгонять: он теперь сам искал саргона. Теперь надо было найти человека, Раска, вероятно, уже мертвого.

К счастью, он только ранен! И защищается! Раск стоял на высоком месте, но саргон все же мог его достать. Он ранен и продержится недолго, а мохнатое чудовище приложит все усилия, чтобы сбить его с ног.

Рог… как бы в ответ на эту ее мысль раздался еще один крик. Теперь Элосса увидела: огромная темная фигура пробирается через кустарник, огибая склон. Плотное тело было покрыто таким длинным и густым мехом, что коротких ног не было видно, он карабкался по склону, выпущенные когти раскидывали мелкие камни, землю, гравий.

Это был гигант даже среди рогов, достаточно взрослый, чтобы стать осторожным бойцом,

потому что из выводка выживал сильнейший. Пожалуй, для саргона он был единственным достойным противником. Когда он заревел во второй раз, Элосса понадеялась, что этот громкий и яростный вызов отвлечет саргона от последней атаки на человека.

Тот ответил пронзительным визгом. Может саргон хочет сначала покончить со своей жертвой, а уж потом кинуться в сражение? Элосса пыталась добраться до разъяренного мозга. Она не была уверена, что ее мысленный толчок возымеет действие. Мозг саргона был в безумном кружении смерти и жажды разрушения. Рог! Рог! — твердила ему Элосса. Настойчивость Элоссы, может быть, была пустяком для саргона, но она ничего больше не могла сделать. Она считала, что человек еще жив, потому что, когда исчезала жизнь, она воспринимала это так, словно в этот миг уменьшалась она сама. Не такой взрыв, какой ощущался, когда умирал Юрта, гораздо слабее, но все равно она уловила бы это.

Рог остановился, взметнув из-под ног тучу гравия. Теперь он стоял на задних лапах, размахивая передними. Голова, сидевшая прямо на широких плечах, повернулась к кустам, челюсти приоткрылись, показался двойной ряд зубов.

Навстречу ему повернулась узкая голова саргона. Животное еще раз завизжало, из его рта повалила пена. Длинное узкое змеиное тело саргона свернулось, как пружина, а затем метнулось в воздух и всей тяжестью обрушилось на рога.

Звери столкнулись в схватке, о которой Элосса знала не только зрением и слухом, но и по взрыву яростных эмоций, прокатившихся в ее мозгу и чуть не сбивших ее с ног, прежде чем она успела поставить перед ними барьер. Рог и саргон катались по земле, нанося друг другу страшные удары. Элосса отползла туда, откуда можно было спуститься вниз. Ее долг по-прежнему призывал ее к опасному пятну внизу. Она была уверена, что тот, на кого напал саргон, ранен. Толчок, полученный ее мысленным поиском, был достаточно силен, так что можно было предположить, что человек все еще в большой опасности.

Элосса скользнула вниз, вокруг нее тут же сомкнулся кустарник. Если даже она и сделала это слишком шумно, то все равно звуки битвы заглушали все вокруг. Она поднялась и с помощью посоха стала расчищать себе путь. Но где же раненый Раск? Почему его не видно? Элосса очень осторожно послала тончайшую нить-зонд. Да, он здесь, внизу! Закрыв мозг от излучений ярости,

исходящих от сражающихся животных, она шла к тому месту, где должен был быть человек.

Кустарник поредел. Девушка вышла на открытое место, где под темнеющим небом теснились скалы. Хотя ее мозг был закрыт, а уши заложило от треска кустов, рева зверей и звуков яростной схватки, она все же уловила болезненный стон.

На вершине самой высокой скалы кто-то чуть приподнялся и снова упал. Элосса взобралась наверх. Надвигался вечер, но света еще было достаточно, чтобы увидеть тело с расплывающимся пятном на левом боку и плече. Элосса опустилась на колени и осмотрела рану. От плеча к ребрам кожа была содрана, как со спелого плода. У нее в поясе был маленький мешочек с лекарствами. Хотя человек даже не шелохнулся, когда появилась Элосса, однако он был в сознании. С одной стороны — она должна была избавить его от сильной боли, ведь Раски не знали внутреннего контроля. С другой стороны — то, что она должна сделать, больно, и мозг раненого по неведению станет препятствовать ей. Глубоко вздохнув, девушка присела на корточки. То, что она должна была сделать (поскольку человек был ранен по ее вине), шло вразрез с обычаями и законами Юртов. Но обязанность, лежавшая на ней, управлялась

еще более высокими законами. Раз она нанесла вред, она и должна исправить его. Где же выход?

Медленно, обдуманно, с большой осторожностью, как бы овладевая запретным, в котором ее не тренировали, Элосса включила мысль-поиск.

— Спать, — приказывала она, — отдыхать. — Раск повернул голову, глаза его приоткрылись. Да, она чего-то коснулась. Он все еще был на краю сознания и догадывался о ее вмешательстве. — Спать… Спать…

И он уснул. Теперь девушка должна отвести боль… Боль, конечно, останется, но как бы отдалится. Элосса делала такое с ранеными животными, с детьми Юртов, сломавшими руку или ногу при падении. Но животные доверяли ей, а дети знали, что она умеет делать, и охотно отдавались под ее власть. Но подействует ли ее умение на Раски, который с ненавистью и презрением смотрел на весь ее род?

— Спать…

Элосса была уверена, что Раски за пределами сознания. Она послала очень осторожную мысль-поиск, и ее вторжение не вызвало более тревоги.

Своим поясным ножом девушка разрезала его куртку и пропитанную кровью рубашку и обнажила страшную рану. Из мешочка на поясе она

достала сложенную ткань; внутри складок был толстый слой смеси сухих трав и чистого жира. С бесконечной осторожностью она соединила края разорванной плоти и, придерживая их одной рукой, другой постепенно накладывала повязку. Наконец, вся рана была закрыта.

Элоссе пришлось ослабить мысленное влияние, потому что вся ее энергия и талант сосредоточились на другом. Как медленно она входила в его мысли, так медленно и вышла. К счастью, он не пришел в себя ни тогда, ни теперь.

Она положила кончики пальцев на повязку и, собрав воедино всю волю, нарисовала образ здорового тела. При этом, она сделала допущение, что тело Раски ничем не отличается от тела Юрта. Она приказала крови перестать литься, побуждала клетки наращивать новую соединительную ткань. Она чувствовала, как ее энергия льется через пальцы на рану. Излечить! Ее пальцы двигались взад и вперед, слегка прикасаясь к тряпке, и посылали силу Внутреннего Сознания, сосредоточенную на этой единственной цели.

Наконец Элосса исчерпала свои силы, усталость навалилась на нее страшной тяжестью. Руки упали вдоль тела, плечи сгорбились. Наступила темнота, и Элосса не могла разглядеть лица спя-

щего. Но он спал, и она больше ничего не могла для него сделать.

Элосса с усилием подняла голову. Шум битвы затих. Ее сосредоточенность ослабла. Она хотела узнать, чем закончилась схватка двух великанов, но ее энергия истощилась, а все тело так устало, что она не могла и пальцем пошевелить. Сгорбившись над спящим, Элосса ждала и слушала.

Ни звука, ни ощущения не взметнулось в ней. Она не могла проникнуть мыслью-поиском во тьму. Могут пройти сутки, а то и больше, прежде чем к ней вернется часть истраченного ею таланта.

В ночи послышался вздох. Голова спящего коснулась ее колена. Элосса напряглась. Она заплатила долг Раски, но не думала, что ее забота о нем в какой-то мере смягчит врожденную ненависть его народа к Юртам. Хотя ей нечего было бояться Раски при теперешнем его состоянии, но чувства чужака, когда он придет в себя, нарушат мир и покой, необходимые ей для восстановления ее Силы. Она медленно отодвинулась от него. Как ни велика была ее усталость, она знала, что должна уйти от Раски как можно дальше.

Она встала и, опершись о посох, повернулась к склону. Из кустов до нее долетел запах крови

и зловоние рога и саргона. Там осталась масса изорванного меха и сломанных корней, но жизнь ушла. Два чудовища, равных по силе, сражались до тех пор, пока не погибли оба.

Послышался звук осыпающегося гравия, хриплый крик птицы, топанье лап: шли пожиратели падали. Никто из этой шумной компании не пугал Элоссу. Они найдут ожидающую их пищу.

Вверх и вверх. Девушка часто останавливалась, чтобы набраться сил и укрепить волю. Наконец она вышла к ручью, берега которого поросли травой и кустарником. Элосса окунула в холодную воду лицо и руки и почувствовала, что хочет есть. Она жевала, стараясь думать только о еде, но в конце концов не выдержала: повесила на шею диск на шнурке. Она не знала, как и почему он работает, но диск был настроен лично на нее и, если повесить его таким образом, он даст ей знать о любой опасности.

Элосса вытянулась на густой траве, положив рядом свой дорожный мешок. В эту ночь не было времени для размышления обо всем, что произошло за день. Элосса хорошо разбиралась в снах, иногда очень живых, иногда же столь незначительных, что они тут же улетали, и она не могла удержать их, несмотря на всю свою

тренировку. Но…

Она стояла на дороге, сделанной из хорошо пригнанных каменных плит. Дорога была прочной и гладкой, вилась, поднималась вверх, глаза Элоссы не видели ее конца. Она пошла по этой дороге. Кто-то шел за ней, но она не могла оглянуться, а только чувствовала чье-то присутствие. Ее ноги почти не касались поверхностей камней. Она как бы скользила над дорогой. Дорога все поднималась, Элосса все шла, и кто-то все время следовал за ней.

Она шагала очень быстро, и ей казалось, что много успела пройти с тех пор, как вступила на эту дорогу. Теперь ее окружали горы. Туман обволакивал все вокруг, но дорога вела ее, и она не могла заблудиться. Ей было очень нужно добраться до какой-то точки, хотя Элосса не знала, что впереди и зачем необходимо туда идти.

Никого другого на дороге не было, кроме того, кто шел позади и шел, как видно, медленнее, поскольку до сих пор не догнал Элоссы. Но и его гнала вперед та же самая необходимость, которая вела ее, и она это знала.

Все выше и выше. И вот перед ней проход между высокими и темными стенами гор. Когда она вошла в этот проход, сила, которая несла ее,

вдруг исчезла. Внизу клубился туман, закрывая нижние склоны. Затем туман вдруг разошелся, словно занавес, который сдвинули в сторону. Элосса смотрела вниз, в такую глубину, что у нее закружилась голова, и она не могла двинуться ни вперед, ни назад.

Внизу сияли блестки света, словно там бросили горсть драгоценных камней. Они сверкали на башнях, на стенах высоких домов. Там был город, такой большой и величественный, какого она никогда не видела. Башни взметнулись так высоко, что с земли, подумала Элосса, они, наверное, кажутся упирающимися в небо.

Там была жизнь, но город был таким далеким, и в каком-то смысле призрачным, словно между ним и Элоссой легла граница другого измерения. А затем…

Она не услышала ничего, но видела, как вдруг вспыхнуло пламя взрыва, яркое, как солнце. Оно накрыло край города. Вспышка дошла до городской стены, разлилась по ней и стала лизать ближайшие здания.

Над этим пламенем что-то висело. Какой-то огромный шар, из которого хлестал огонь. Шар опустился вниз. Между ним и землей металось пламя, расползавшееся все шире и дальше.

Элосса была слишком далеко, чтобы видеть, что случилось с жителями города. Все горело. Рухнули три башни, когда изрыгавший огонь шар опустился, накрыв собой часть города. Башни, стены, здания — все было раздавлено им.

Пламя поднялось выше, катилось все дальше по городу. Элосса покачнулась, борясь с принуждением, державшим ее здесь, ей хотелось уйти. Она чувствовала острое горе, сердце ее разрывалось. Это была катастрофа, а не преднамеренное действие, однако из нее пришло чувство вины, заставившее Элоссу опустить голову…

Элосса открыла глаза. Не было никакой дороги, не было никакого города, однако она не сразу пришла в себя и вернулась к реальности. Ее сон принес ей чувство вины, сходное с тем, какое она испытала, когда поняла, что невольно заставила смерть в виде саргона подкрасться к человеку.

Первая из двух лун стояла высоко в небе, а ее сестра показалась на горизонте. Лунный свет посеребрил воду в ручье, птица, питающаяся падалью, закричала, медленно поднимаясь с места своего пиршества.

Элосса села в позе для ровного дыхания, чтобы успокоить нервы. Она не сомневалась, что этот ее сон имел важное значение. Он не потускнел,

не ушел из ее мозга, как большинство снов. Она была свидетельницей разрушения окраины древнего города. Но почему ей дано было такое видение, она не знала.

Элосса взяла в руки диск и послала, поиск. Существовал ли когда-нибудь этот город? Не по дороге ли, ведущей когда-то к нему, а теперь уже почти разрушенной, она недавно шла? Элосса жаждала узнать это, но осторожность не советовала ей снова пользоваться своим даром, пока она не будет уверена, что обрела полный запас энергии.

Девушка медленно откинулась назад, скрестив руки на груди под плащом и зажав в правой руке диск. Однако она больше не заснула. Воспоминание о сне походило на тупую зыбкую боль, проникало в мысли, в воображение.

Зачем, где, когда и как? Об этом ничего не говорилось в обучении, в которое она была погружена с раннего детства, не было никакого намека на существование подобного города в прошлом или настоящем. Юрты не жили в городах. Их жизнь, с точки зрения других, была груба и примитивна, но зато их внутренняя жизнь была совсем иной. А Раски жили в городах, но город Короля-Вождя ничуть не походил на тот, который она видела

во сне.

Да, тут была тайна, а тайны возбуждали и одновременно отталкивали Элоссу. В горах было что-то важное — сам обычай Паломничества подтверждал это. Что она найдет там? Элосса смотрела на восходящую луну и старалась, чтобы мысли ее опять стали ясными и точными, как было принято в ее роду.

Утром Элосса немного поела, наполнила водой фляжку и снова стала подниматься вверх. Свежий горный воздух прогнал мрачные мысли, овладевшие ею накануне. Осталась только тревожащая мысль о человеке внизу. Но Элосса сделала для него все, что могла, остальное зависело от его собственных сил. Попытка контакта с ним теперь могла повредить, как ей самой, так и ее Паломничеству.

Вверх и вверх. Подъем был тяжелым. Но Элосса не торопилась и выбирала тропинки, по которым было легче идти. Дул холодный ветер. По вершинам уже протянулись снежные шарфы. Ранняя осень равнин стала здесь зимой.

Однажды, когда Элосса остановилась отдохнуть и с любопытством оглядывалась вокруг, неподалеку она заметила каменную гряду. И вспомнила, что уже где-то видела ее. Чуть согнувшись, она

пошла по этому узкому каменному гребню — по нему было очень удобно подниматься. И хотя он был явно естественного происхождения, казалось, его вырубили для этой цели специально. А дальше появились следы разрушенной дороги, которую сделали люди или какие-то другие разумные существа, Она, вероятно, была продолжением той, по которой Элосса шла у подножия горы. Но перед этой дорогой был тот самый проход, который Элосса видела во сне.

Девушка остановилась в сомнении: а вдруг сон вещий и показывает ей, куда она должна идти? Но может, напротив, предупреждает, что сюда ходить нельзя? Элосса стала вспоминать, что ей снилось.

На той дороге, что привиделась ей во сне, не было разбитых камней, она была крепкой и прочной и вела Элоссу, хотя девушка почти не ступала по ней. И хотя зрелище гибнущего города опечалило Элоссу, ей не было страшно. Она убедилась в том, что сон ей был послан. Правда, не ее народом — это она почувствовала сразу же. Но тогда кем? А, может, чем? Может… призраком будущего или прошлого. По размышлении ей все стало понятно. Она знала механику подобных снов, она была ей известна, как собственное имя.

Действия, вызванные сильными чувствами, отпечатываются на окружающих предметах, словно рисунок на полотне. И спустя долгое время эти чувства могут быть восприняты человеком, чья природа открыта подобному восприятию. Так, когда-то она видела во сне тени трех людей из Армии Великого Правителя, которых растерзал рог. А ведь это произошло за много поколений до нее. И ужасная смерть огромного города вполне могла запечатлеться на этом месте со всеми подробностями его агонии.

Элосса опустила голову на руки, отгоняя воспоминания о сне, и потянулась мыслью к принуждению, которое повело ее в Паломничество. Оно было тут, оно указывало ей горное ущелье. Девушка подняла котомку, спустилась по древней дороге и пошла по проходу. Но едва пройдя несколько шагов, она покачнулась и закусила губу.

Хотя Элосса и поставила мысленный барьер, но он все-таки был ненадежным убежищем от бурливших здесь чувств. На нее словно посыпались невидимые удары, заставлявшие ее повернуть назад. То, что собралось здесь, не было материальным, но приблизиться к нему было все равно, что ступить в бурный поток и пойти против сби-

вающего с ног течения.

В этом проходе был не только ветер, дувший в узкую горловину, как в трубу. Здесь сгустилась злоба — глубокая и яростная, словно бессмысленная ярость рога и саргона. Здесь металось яростное желание мести. Элосса не сознавала, что шаг ее стал неровным, что она шатается из стороны в сторону. Ее толкало то вперед, то назад, словно здесь противоборствовали две почти равные силы, и в их волнах она стала игрушкой. Элосса все-таки продвигалась вперед — хоть на шаг, хоть на полшага, но вперед. Дышать было трудно. Она думала только о разбитой дороге, только о том, чтобы идти во что бы то ни стало.

Элосса боролась. Она так увязла в этих силах, что и подумать не смела, чтобы освободиться. Нет, она должна выстоять, должна пройти этот путь до конца. Вперед. Девушка слышала свое тяжелое дыхание. Боль петлей стягивала ей грудь. Она втыкала посох в каждую щель перед собой и потом с усилием подтягивала к нему свое непослушное тело, чтобы тут же найти новую щелку.

Время для нее остановилось. То ли это было еще утро, то ли вечер, а может уже наступило завтра. Жизнь и время остались позади. Каждый шаг приближал ее к полному истощению.

Наконец она вдруг оказалась в зоне абсолютного покоя. Две силы, пользовавшиеся ею, как ареной, так неожиданно прекратили свои действия, что она в изнеможении прислонилась к скале, почти не держась на ногах. Сердце ее сильно билось, дыхание вырывалось со свистом. Она чувствовала себя опустошенной, обессиленной, какой была после того, как потратила свой талант на помощь Раски-охотнику.

Элосса подняла голову и задохнулась: она была не одна!

Оказывается, она дошла до конца прохода. Как во сне, по склону клубился туман и не давал ей видеть что-либо внизу и вдали. Но из тумана выделялся… Несмотря на все свое самообладание, Элосса вскрикнула от ужаса и крепче стиснула посох — единственное свое оружие. Но против… против чего?

По вид) это был человек. По крайней мере, он стоял на двух конечностях, вытянув две другие перед собой. Одна рука наполовину скрывалась за овальным щитом, закрывавшим тело почти от горла до бедер. Другая, высохшая, но с достаточно крепкими костями пальцев держала рукоять меча. Почерневший от огня череп с уцелевшими кое-где прядями обгоревших волос был прикрыт

шлемом.

Глаз у него не было… но он видел! Голова в шлеме повернулась к Элоссе. Никто, обгорев таким образом, не мог оставаться в живых! Однако, это существо стояло прямо, зубы страшного черепа насмешливо скалились, как показалось Элоссе в ее страхе и отвращении.

Такого не может быть! Элосса сделала несколько коротких вздохов, чтобы успокоиться. А если оно не может жить — сказал ей вернувшийся разум — значит это мысленная форма…

Существо двинулось. Оно имело три измерения, оно было столь же крепким, как ее рука, которую она подняла, как бы отказываясь верить своим глазам. Мысленная форма… Но от кого и зачем? Щит поднялся в положение защиты, так что только глазные впадины были видны над его закопченным краем. Меч был наготове. Существо приближалось к ней…

Мысленная форма… если она сделана по обычному образцу, то ее питает и укрепляет страх и отвращение самой Элоссы. Это создание не было живым, его жизнь строилась из ее эмоций.

Элосса облизала пересохшие губы. Она всю жизнь имела дело с иллюзиями, но построенными ею или другими людьми из ее рода. Это же

было абсолютно чуждым, оно было порождено врагом, которого Элосса не могла понять. Как ей найти ключ к этому?

Это была иллюзия! Элосса держалась за эту мысль. Однако, эта иллюзия шла к ней и медленно поднимала меч, готовая разрубить Элоссу. Все инстинкты девушки требовали, чтобы она защищалась посохом. Но поддаться этому требованию — это могло означать смерть.

Мысленная форма… под первоначальным страхом девушки зашевелились другие эмоции. Возможно, они родились из ее сна. И теперь ее ужас вызвало не появление скелета, а воспоминание о виденном ею разрушении города.

Какой-нибудь страж или воин погиб здесь. Но в чьей памяти сохранилось это и зачем вышло теперь против Элоссы?

Проклятие стража, что умер на своем посту. Мысленная форма не обязательно родится от живого мозга, боль и ярость умирающего были так сильны, что могли проецироваться спустя долгое время после смерти мозга, родившего этот образ.

— Это прошло, — сказала вслух Элосса. — Давно прошло. — Но что могут сделать слова? Они не дойдут до мертвого. Но ведь это только проекция, она не опасна Элоссе…

Собрав всю свою уверенность, как складки плаща, она отошла от скалы. Страж был теперь на расстоянии длины меча от нее. Элосса не уклонилась, уверенная, что всякое колебание повредит ей. Она пошла вперед, прямо на мертвого. Это было самым страшным испытанием, какому она когда-либо подвергалась. Шаг, и еще шаг… теперь она стояла прямо против страшной фигуры. Еще шаг.

Она споткнулась, как будто захлестнувшая ее волна эмоций съедала ее уверенность в себе, ее здравый смысл. Но она прошла, прижав руку к голове, потому что в ней был как бы взрыв ужаса, который заполнил все, захлестнув все мысли, оставив только ощущения.

Элосса прошла сквозь стража?

Она оглянулась назад, там ничего не было, как она и предполагала. В ногах чувствовалась такая слабость, что девушка боялась упасть. Держа посох обеими руками и наклонившись к нему, она с трудом пошла в сырой туман, закрывающий спуск прохода.

Звуки. Первая атака была зрительной, вторая — звуковой.

Вопль, как бы издалека, но не крик животного. Крик нестерпимой боли и безграничного страха,

разрушающего мозг. Элосса хотела заткнуть уши, но это означало бы признание, что проекция взяла над ней верх.

Что-то двигалось в тумане почти у самой земли. Элосса остановилась. На свет выползала фигура, у нее не было ни меча, ни щита, не было и признаков ожогов. Она ползла медленно, с трудом, как раненое животное, но это был человек. Одна нога была раздроблена, из нее сочилась кровь. Голова была поднята кверху, как будто ползущий искал впереди какую-то цель, которая поможет ему выжить.

Это была женщина. Длинные волосы прилипли к вискам. Оборванная одежда, которая, однако, не походила на обгоревшие лохмотья стража. Это был рваный, залитый кровью зеленый костюм, плотно облегающий тело. Такой одежды Элосса не видела никогда.

Женщина тяжело выползала вперед. Ее рот открылся в беззвучном крике, и она упала ничком, все еще пытаясь поднять голову. Она смотрела на Элоссу, и в ее глазах была такая мольба о помощи, что девушка почти утратила контроль над собой, над своей решимостью не дать ввести себя в заблуждение.

Молчаливая мольба ударила в мозг Элоссе.

В этой фигуре не было ничего страшного. Она вызывала жалость, требующую действий, вызывающую желание помочь, так же, как страж вызывал страх и желание защититься. И у Элоссы было ощущение родства с женщиной, хотя та не была из Юртов и даже не от крови Юртов, это Элосса знала.

— Помоги, помоги мне! — невысказанные слабые слова звучали в голове Элоссы, и девушку заполнили эмоции. Помочь! Она бессознательно опустилась на колени, протянула руку…

Нет! И Элосса застыла, не двигаясь. Иллюзия едва не победила ее!

Самое страшное для Юрта — поддаться иллюзии. Элосса закрыла глаза рукой. Она не поддастся. Это означало бы предать себя! Но закрыть глаза — не выход из положения. Нужно прямо смотреть на эту иллюзию, рожденную ее чувствами, и считать ее тем, что она есть — тенью прошлого. Как страж питался ее страхом — а может и страхом тех, кто шел этим путем до нее — так эта женщина питается ее состраданием и желанием помочь. Элосса должна овладеть своими чувствами и не дать себя разжалобить.

Элосса встала. Женщина на земле слегка приподнялась, упираясь одной рукой о землю, а

другой о стену. Ее глаза умоляли, губы беззвучно шевелились, как бы не в силах ни сказать что-нибудь, ни крикнуть.

Как в случае со стражем, Элосса собрала всю свою волю и решимость и, сжав посох, шагнула вперед. Она не сводила глаз с женщины, потому что такую иллюзию надо встретить во всей полноте, не отклоняясь.

Шаг, еще шаг… Ее захлестнула волна чужих чувств, это были боль, страдание, но превыше всего — мольба о помощи и сочувствии…

Дрожащая, измученная, Элосса прошла и сквозь это. И снова вокруг нее сомкнулся туман, в котором она стала пробираться дальше, стряхивая с себя непереносимую тяжесть чувств, которые вторично пытались захватить ее, и на этот раз были куда более опасны.

Туман был таким густым, что Элосса легко могла сбиться с пути, и хорошо что здесь была дорога. Правда, она была разбитой, местами на ней попадались камни или скользкая земля, но даже обходя их, Элосса вновь находила дорогу. Но вот туман поредел. Она остановилась и оглянулась на проход, которого уже не было видно.

И вот это уже не иллюзия! Элосса полубессознательно метнула мысль-поиск, чтобы узнать, не

скрывается ли рядом с иллюзиями что-то другое, коснулась чужого мозга и тут же отпрянула. Кто же там скрывается? Она должна узнать это, даже если такая проверка выдаст ее.

С величайшей осторожностью Элосса встала на скользкий камень и послала…

Это был он! Раски, который, как она думала, остался далеко позади. Зачем он шел за ней? Несмотря на ее лечение, он, конечно, не настолько поправился, чтобы легко проделать такое путешествие. Но ошибки не было: это был тот самый мозг, которого она уже касалась. И он был здесь… Она почувствовала волну его страха. Наверное, он встретился со стражем. Как он мог пройти так далеко без всякой защиты от иллюзий? По самой своей природе он не мог иметь защиты.

Элосса задумалась. Она частично была виновата в его ране и, следовательно, обязана была помочь ему. Но сейчас ситуация изменилась: он сам выбрал свой путь, так что она не несет ответственности за то, что может с ним случиться.

Вперед! — говорила ей логика, подкрепленная всей тренировкой со дня рождения. Однако, Элосса замешкалась, не в силах сразу порвать тонкий контакт со страхом другого человека! «Вперед! Это не твое дело! Если он хочет идти тайком,

пусть сам и отвечает за свою глупость», — говорила она себе.

Элосса принудила себя сделать шаг, потом второй и решительно закрыла свой мозг от чужих свойств, хотя в глубине души протестовала против такого решения. Последние клочья тумана рассеялись, и теперь она видела долину внизу. Вопреки всякой логике Элосса надеялась увидеть то, что показывал сон, — город и небесный шар, разрушивший его. Там и в самом деле было плато, почти такое же широкое, как равнина, по которой она прошла. Вдалеке смутно различались очертания других гор. Видимо, они окружали плато стеной с трех сторон, обнимая и защищая его от всех, как огромные каменные руки.

Города внизу не было. Но когда она приглядывалась к некоторым впадинам и выпуклостям, заросшим травой, то поняла, что это давно забытые руины. Там даже оставались каменные столбы, видимо, последние остатки стен.

Она чуть повернула голову к северу, чтобы проследить за изгибом такой стены. Эти руины не были городом, они находились значительно дальше того места, которое она видела во сне. Но на поверхности что-то возвышалось, там можно было различить какой-то купол. Это была та

вещь, что спустилась с небес и разрушила город. Именно туда толкало ее принуждение Паломничества.

Это принуждение усиливалось и заставляло ее выполнить предназначенное как можно скорее.

Дорога сворачивала влево, вдоль горной стены, и была очень разбита, ее широкие участки давным-давно снесли оползни или лавины и оставшаяся тропа была не для беспечных: один неверный шаг и можно рухнуть в пропасть.

Элосса сосредоточила на ней все свое внимание, она шла очень осторожно, и, прыгая через трещины, пользовалась посохом, как якорем. Путешествие было более долгим, чем она предполагала, когда смотрела на свою цель с высоты.

Ей удалось достичь плато только к полудню, она остановилась отдохнуть и перекусить, а затем повернула от запутавшихся в траве камней к куполу.

Путь оказался неблизким, купол виднелся далеко впереди, то тут, то там вставали перед ней могильные холмы, и от них шел холодный ветер, так что Элосса плотнее завернулась в плащ.

Чем выше становились развалины, тем круче поднимался изгиб полузасыпанного шара. В ее сне он был достаточно велик, чтобы стереть с

лица земли большую часть города, и теперь она поняла, почему. Над землей оставалась едва ли четверть его объема, и она поднималась на высоту трех Раски, если бы они встали один на другого.

Шар был однотонно серый, но не такой, как камни вокруг, а светлее — как небо перед летним дождем. Когда Элосса направилась к куполу, порыв ветра, пролетевший сквозь развалины, пропел странную плачущую ноту, как будто откуда-то издалека донеслись жалобные голоса мертвых.

Нет, хватит с нее иллюзий! Элосса остановилась и с силой ударила посохом по камню. Камень был достаточно прочен, он не иллюзорен. А у ветра часто бывает свой голос, когда он проходит через каменные нагромождения, природные или созданные человеком.

Развалины стали еще выше, они отбрасывали на землю ломающиеся тени. Элосса подумала, что надо свернуть в сторону и идти мимо курганов, но все в ней протестовало против этого. Это была дорога смерти.

Воздух вдруг взметнулся вихрем, стал туманным и плотным, как занавес, когда же этот занавес отодвинулся, Элосса увидела образы,

более плотные, чем горный туман, вероятно, родившиеся из него. Одна такая фигура бежала, другие гнались за ней, протягивая тонкие руки. Бегущий увертывался, и Элосса чувствовала его страх.

Нет! Она вновь поставила мысленный барьер. Фигуры исчезли, но Элосса ничуть не сомневалась, что иллюзии опять появятся перед ней на тропе, по которой она должна идти.

Элосса потеряла больше энергии, чем полагалось бы, даже учитывая опасный спуск с горы. Она почувствовала, что все сильнее опирается на посох, даже когда останавливается передохнуть, и ей тяжело дышать, словно она тоже отчаянно бежала, спасаясь от порождений тумана.

Голова ее дернулась. Элосса почувствовала что-то вроде неожиданного удара, толкнувшего ее влево, и увидела между могильными холмами тропу, идущую на запад. Несмотря на все усилия, контроль над собственным телом ускользал от нее, она повернулась, но не по своей воле, а под принуждением, достаточно сильным, чтобы взять верх над тем, что вело ее сюда.

Элосса боролась всем оружием Высшего Сознания, какое могла собрать, но в этом сражении не ей было дано победить. И она пошла по чуть за-

метной тропе, притягиваемая нитью, которую не могла оборвать. Она хорошо знала, что эта нить не имеет ничего общего с притяжением Юртов — это был совершенно чуждый контакт.

Элосса шла, не пытаясь больше освободиться. Осторожность, которой ее учили, говорила, что ее воля и сила в самом ближайшем времени могут подвергнуться сильному испытанию, так что сейчас лучше их приберечь.

Могильники стали выше и скрывали от нее купол, иной раз она видела только полоску неба над головой. Тропа неожиданно закончилась темным отверстием в одном из курганов. Увидев его перед собой, Элосса догадалась, что сила, притянувшая ее сюда, хочет заставить ее войти в эту страшную дверь. Она решилась на последнюю борьбу и так была занята, собирая свои силы, что не заметила того, кто крался за ней.

От удара в спину она выронила посох, и прежде чем ей удалось повернуться или высвободить мысленную силу для защиты, в ее голове пронеслась яркая вспышка, а затем Элосса погрузилась в ничто.

Из этого состояния ее вывел звук глубокого тона, от которого вибрировал воздух, он возникал и затихал через определенные промежутки

времени. Ее тело отзывалось на медленное умирание звука дрожью и сжималось перед его новой волной.

Элосса открыла глаза. Ни неба, ни дневного света. Темнота, прорезаемая слабым мерцанием огня, который она видела уголком глаза. Вибрирующий звук по-прежнему окутывал ее, мешал думать, не давал ей послать мысль-поиск, чтобы узнать, где она и кто принес ее сюда.

Девушка хотела подняться, но не смогла. И держала ее не мысль-плен, а вполне реальные оковы. Кольца схватывали ее запястья и лодыжки, кольцо пошире — колени и еще одно — грудь. Она была прикована к твердой поверхности. Проведя по ней кончиками пальцев, она поняла, что лежит на камне.

Давление звука исчезло. Элосса повернула голову к свету. Он исходил от металлической лампы в форме чудовища, светились его глаза и раскрытый рот.

Круг света был так мал, что Элосса не видела ничего, что скрывалось за лампой. Там лежала непроглядная тьма, столь же плотная, как туман в горах. Теперь, когда сверхмощное звуковое биение, наконец, утихло, она смогла собрать силы и послать мысль-поиск..

Раски!

Теперь было ясно, что она должна делать. Те, кто идет в Паломничество, дают обещание, что ничто не помещает их поискам. Успешность выполнения была необходима как всем Юртам, так и каждому в отдельности, тот, кто совершил его и вернулся, добавлял этим мощи и силы всему клану. Элосса сама чувствовала прилив разделенной силы, когда после возвращения паломника устраивался пир.

Она должна выполнить то, за чем была послана. Если ее успех зависит от того, возьмет ли она верх над этим низшим «слепым» мозгом, значит, именно это она и должна сделать.

Определив добычу, Элосса послала вслед имеющемуся слабому контакту более сильное зондирование и… задохнулась от удивления. Сдвоенный мозг! Двойная жизнь. Одна охраняет другую. Охраняет или держит в плену? Последнее было всего лишь догадкой, но что-то говорило Элоссе, что это сущая правда.

Но ведь у Раски нет ни мысленного контроля, ни Высшего Сознания! Какой же более сильный мозг может быть здесь? Сначала она ошибочно предположила, что тут присутствует другой Юрт. Но, во-первых, это было бы вопреки всем

обычаям, за исключением особо важных случаев — вроде того, с которым она сейчас столкнулась. Во-вторых, то, что она быстро прозондировала, прежде чем резко отключила связь, не было Юртом и не было Раски, человеком, который следовал за ней. Этот был другой… другой породы.

Она собрала всю свою защиту, рассчитывая на резкое возвратное зондирование, которое было бы естественным при таких обстоятельствах. Раски больше всего боялись не видимого, материального оружия Юртов, а их мысленного посыла, который народ равнин считал сверхъестественной злой магией. Но ответного удара с его стороны не последовало. И Раски не двигался и не говорил.

Элосса еще раз послала тонкий усик мысле-поиска, как посылают разведчики оценить силы врага. Тело Раски было спокойно, но в его мозгу она коснулась кипящей силы. Ненависть и месть, как у иллюзорного стража в горном проходе. Ненависть слепая, нерассуждающая. Все намерения Раски были теперь безумными, или, вернее сказать, их крепко держали мысли безумца.

Среди Юртов были такие, кто мог бы войти в хаос, крутящийся теперь в этом мозгу, и дать ему мир бессознательного состояния, пока не будет

устранена причина, вызвавшая хаос.

Но то были старые ученые, куда более могущественные, чем Элосса. Она же не решалась задерживать контакт более чем на секунду, чтобы ее не сумел захватить этот сумасшедший вихрь ненависти и отсутствия логики, и чтобы, в свою очередь, не заразиться ими. Все это не походило на обычное нарушение умственного равновесия, и Элосса была убеждена, что в ее противнике сосуществуют две различные личности. Ей со всей осторожностью нужно было найти путь к той личности, которую она знала по горной тропе, в обход другой личности. Надо было дать силу человеку, которого она зондировала раньше — может, таким способом удастся подавить безумное существо, поселившееся у него в мозгу.

Ненависть огнем полыхнула ей в лицо, жгла ее мозг, как настоящее пламя, могущее превратить ее в обугленный скелет, вроде стража в проходе.

НЕТ!!! Нельзя думать о страже! Такие воспоминания усиливают безумное существо, оно также питается подобными воспоминаниями, как и иллюзорные фигуры. Не случилось ли такого и с Раски? Может, он вошел в контакт с мысленной формой и был поглощен ею?

Не рассуждать! Сейчас не время для этого.

Нужно собрать всю волю против вторжения ненависти и страха. Элосса смотрела в темноту, но не могла увидеть Раски, сфокусироваться на нем. Она нехотя отвела назад мысленное прикосновение, чтобы другой не воспользовался этим ее мостом для контратаки.

В том месте, где она лежала, сгустились эмоции, они давили на нее, как давило недавно биение звука, пробудившего ее от беспамятства.

Она не сделала ничего, чтобы вызвать такую ненависть. Нет, это шло из прошлого и издавна питалось страхом. Теперь ему давали жизнь чувства Раски, оно кормилось ими от него и может также кормиться и чувствами Элоссы, если она не удержит свою защиту хотя бы на время.

В темноте над ней появилась голова — обугленный череп стража с разинутыми челюстями. В ее мозгу прозвучал крик:

— Смерть небесным дьяволам! Смерть!

Элосса пристально смотрела на иллюзию, и та начала таять, хотя челюсти ее все еще двигались, беззвучно выговаривая слова. У Элоссы была связь с Раски, который вольно или невольно давал свою силу для этого проявления. Ее лечение прошло в его тело, она касалась его, посылая в него силу, которую могла ему дать.

Элосса сознательно закрыла глаза. Одной частью Высшего Сознания она следила за возможной атакой на уровне мысленного прикосновения, а все остальное пустила на создание собственной иллюзии, концентрируя на ней большую часть Моей силы. Она никогда еще этого не делала, но когда человек встречается с новой формой опасности, он должен менять свою защиту.

Глаза ее медленно открылись. В воздухе, где раньше висел череп, что-то двигалось, но это уже было создано ею. Как художник рисует цветным мелком на стене изображение того, что находится только в его мозгу, так Элосса строила в воздухе свою иллюзию.

Это был камень, на котором лежало тело Раски, каким она нашла его после схватки с саргоном — израненное, истекающее кровью. Изобразив это, она тут же вывела на сцену себя и воспроизвела минуты, когда она боролась за спасение его жизни, используя все свои знания и способности. Картина была очень ясной.

Пока иллюзорная женщина работала, Элосса вбирала в себя чувства, которыми пользовалась при лечении, — сочувствие, жалость, желание помочь, чем может. Все эти эмоции, естественно,

противоположны ненависти. В видении она спасала жизнь, а не уничтожала ее.

Как всегда, одни чувства питают другие чувства. Женщина, в той сцене, которую она создала, старалась помочь мужчине, как это сделала сама Элосса. Теперь Элосса повернула голову к углу, где притаился Раски. Женщина в видении поднялась, положила руку на грудь, а затем вытянула их, как бы отдавая какой-то дар свободно и радостно. И из вытянутых рук созданной ею иллюзии Элосса посылала сочувствие и добрую волю тому, кто скорчился в темноте.

Девушка продолжала со всей силой направлять чувства облегчения и добра. В ответ пришло лишь пламя дикой ярости, разгоревшееся еще сильнее. Элосса уже не могла более удерживать свою иллюзию, та угасала, как лампа, задутая ветром, но чувства, содержавшиеся в ней, все еще выходили.

Друг… помощь… мир… освобождение от ран и боли… Все существо Элоссы было поглощено посылом этих слов.

В тускло освещенном пространстве над ней возникла голова, возникла сразу, а не по частям, как иллюзорный череп. Лицо было искажено гримасой, похожей на предсмертную. Это не было

видением. Это был Раски, который подобрался к ней и теперь стоял и смотрел на нее. Рот его двигался, глаза были тусклыми и тупыми.

— Мир… Мир…

К ней протянулась рука с согнутыми, как когти пальцами.

— Мир… Мир между нами…

Рука опустилась. Ногти слабо царапнули плащ Элоссы. В лице Раски было мало человеческого. Элосса попыталась воспользоваться зондированием. Тот, кто держал этого человека, был наготове, и борьба с ним на этом уровне была бесполезной. Надо было скорее придумать свой, пусть мало эффективный, способ контратаки.

— Мир… Мир между нами, человек Раски. От меня нет вреда, я вылечила твои раны, возможно спасла тебя, твою жизнь. Теперь между тобой и мной мир… мир.

Его рука ослабла и безвольно упала на ее грудь. Вторая форма контакта! Такое может дать больше, чем одна лишь мысль. Его голова наклонилась. Страшная ухмылка, кривившая рот, стала сходить. В тусклом взгляде проглянул разум.

Элосса собрала все силы на последнюю атаку на того, кто сидел в мозгу Раски.

— Мир… — Слово было только мыслью, но об-

ладало мощью крика.

Его голова дернулась, как от удара по лицу, глаза закрылись, лицо полностью расслабилось. Раски упал поперек Элоссы, прижав ее тело к камню.

Элосса прозондировала его мозг. Ярость ушла из Раски или, по крайней мере, спряталась так глубоко, что Элосса не могла добраться до нее, не вызвав снова на поверхность безумие. Раски лежал без сознания — открытый, так что теперь она могла разыграть свою последнюю карту.

Она послала команду в его открытый мозг. Тело Раски стало подниматься, но с трудом, как будто он и в беспамятстве противился команде. Она дала единственный приказ, вложив в него всю оставшуюся силу.

Покачиваясь, он исчез из ее поля зрения, но по слабым звукам она поняла, что он стоит на коленях возле каменной плиты, к которой она прикована. Раздался металлический щелчок, скрип неохотно отпирающегося механизма. Оковы, державшие Элоссу, спали, и она села.

Раски съежился у стола (а может, это был жертвенник, Элосса подозревала, что последнее было наиболее вероятно). Он не шевелился и не препятствовал ей, когда она сошла с другой стороны

камня. Тело ее одеревенело и болело, но она была невредима и свободна! Но надолго ли? Если она снова пустится в путь и оставит Раски позади, можно ли надеяться, что им опять не овладеет дух и не потребует вернуть ее обратно? Такое вполне вероятно, подумала Элосса. Следовательно, уйти без него нельзя, но брать его с собой… Это было против обычаев и Закона клана, но выбора у нее не было — разве что убить беззащитного человека. Это и в самом деле было бы для нее таким непосильным грузом, что она неминуемо стала бы изгнанницей, осужденной на вечные скитания.

Обойдя жертвенник, она взяла руками голову Раски и повернула лицом к тусклому свету. Глаза его были открыты, но смотрели без всякого выражения. Лицо человека сморщилось, словно часть жизненных сил была из него выпита.

Элосса собрала остаток воли. Это был действительно остаток, потому что мучительная борьба с безумным существом истощила ее. Держа его голову и глядя в невидящие глаза, она вложила все, что осталось от ее тренированной воли, во вторую команду.

Он пошевелился. Элосса отступила. Раски впился в край алтаря руками и с трудом поднялся.

Затем опустил руки, бессмысленно глядя на Элоссу. Через некоторое время он повернулся и заковылял в темный угол за лампой. Элосса последовала за ним.

Глубокая темнота, казалось, не мешала ему. Элосса ухватилась за болтающийся лоскут его куртки, чтобы не потеряться. Она решила, что они пересекают проход в подземелье, потому что ее ноздри наполнил запах сырости. Затем соединяющий их лоскут дернулся вверх, в угол, и ее ноги тут же споткнулись о ступеньку. Раски поднимался, она за ним. Темнота давила почти ощутимо. Что, если власть над мозгом Раски ослабеет, пока они идут по этому пути, и безумие снова овладеет им? Нет, об этом даже думать нельзя, такие мысли могут высвободить в нем как раз то, чего она опасалась.

Они поднялись на следующий уровень подземелья. Впереди Элосса увидела сероватый проблеск и обрадовалась: наверное, это… дверь во внешний мир!

Раски шел все медленнее. Она читала в нем нежелание, однако, не решалась пока на мысленный контакт. Даже самое осторожное зондирование может разрушить ее власть над ним.

Неожиданно они вышли из вонючего влажного

мрака в серый утренний свет. Вокруг них горбились темные угрожающие курганы, ожидающие, подобно рогу и саргону, возможности броситься на тех, кто вторгся в их ревниво охраняемые территории. Они были так высоки, что Элосса не могла сообразить, в какой стороне лежит притягивающий ее купол. На минуту она растерялась. Раски, покачиваясь, шел вперед, здесь он освободился от ее силы, которая держала его в темных переходах. Он не оглянулся и ничем не дал понять, что знает об Элоссе. За неимением лучшего гида, Элосса пошла за ним.

Могильных холмов больше не было. Они вышли туда, где только полосы земли указывали, что когда-то здесь был город. Затем и эти признаки исчезли, Впереди было открытое пространство.

Перед ними поднимался купол. Поверхность его в приглушенном свете пасмурного дня казалась тусклой. Раски резко остановился и быстро закрыл руками глаза. Видимо, он не хотел видеть купол, который заключал в себе непонятную ему угрозу.

Элосса взяла его за локоть. Он не опустил рук, не взглянул на нее, но когда она потянула его вперед, стал слабо сопротивляться. Раски так и

не открыл глаз, и Элосса вела его за собой, как слепого. Они дошли до подножья купола, и Элосса выпустила локоть своего спутника. Пора… Ей не сказали, что она найдет, но одна подмога в поисках у нее все-таки была. Ей назвали одно единственное слово и сказали, что когда наступит время, она должна вспомнить это слово.

И время настало.

Элосса подняла голову, и, глядя на купол, громко выкрикнула это слово. В нем не было смысла — по крайней мере Элосса его не знала. Звук прокатился в воздухе, и пришел ответ. Сначала резкий свист и скрежет, словно металл с трудом преодолевал наложенные временем оковы. В поверхности купола, прямо над Элоссой появилось отверстие, оно все увеличивалось, пока не стало достаточно большим, чтобы в него мог войти человек. Потом до них опять донеслась жалоба металла, и из двери высунулась изогнутая полоса, словно язык, готовый слизнуть стоящих перед ним людей.

Элосса осторожно отступила, потянув за собой Раски. Металлический язык, двигающийся с таким трудом, спустился вниз и коснулся земли рядом с Элоссой. Она увидела на нем ступеньки. Ее приглашали войти.

Она снова задумалась: как быть с Раски? Взять его с собой? То, что было в куполе, наверное, являлось великой Тайной Юртов. Но оставить его здесь, где он опять может стать жертвой безумия, было все равно что приставить себе нож к горлу.

Она положила руки на Раски и встретила более сильное сопротивление. Он чуть слышно произнес:

— Нет!

Она толкнула его к подножию лестницы, не зная, сможет ли заставить его подняться, если он будет сопротивляться. Он закричал:

— Небесный дьявол! Нет!

Тем не менее, он все еще находился под воздействием ее мысленного приказа, так что не мог бежать и волей-неволей начал подниматься по ступенькам. Все линии его напряженного тела показывали его борьбу за освобождение, но все же он медленно поднимался. Элосса ничего не видела в глубине отверстия, но мысле-поиск сказал ей, что их ждут.

Теперь она узнала еще кое-что: вокруг них собиралась и росла та безумная ненависть, с которой она уже дважды встречалась. Теперь это был третий приступ. Раски вдруг откинул голову, поднял лицо к небу и закричал. В этом вопле не

было ничего человеческого.

Она испугалась, что он разрушит мысленные оковы, повернется и кинется на нее с бессмысленной злобой саргона. Но хотя он закричал еще раз, и его страх и ярость окутали Элоссу, словно туман, ее воля все еще довлела над ним, и он продолжал подниматься.

Они подошли к двери. Раски схватился руками за обе стороны входа, удерживая тело, как бы в последнем приступе неслыханного страха и отчаяния.

— Нет! — закричал он.

Боясь, чтобы он не повернулся и не столкнул ее с лестницы, Элосса ударила его по спине руками. Возможно именно быстрота и внезапность этой физической атаки принесла успех: Раски споткнулся, голова его упала на грудь, он покачнулся еще раз и упал. Элосса протиснулась мимо его неподвижного тела внутрь купола, затем повернулась, схватила его за пояс, из последних сил втащила Раски в холл и инстинктивно выпрямилась, готовая защищаться. Откуда-то послышался голос — не в мозгу, а наяву, очень громкий, Элосса поняла слова, хотя акцепт несколько отличался от речи Юртов:

— Добро пожаловать, кровь Юртов. Возьми

бремя нашего греха и стыда и научись носить его. Иди вперед к месту познания.

— Кто ты? — спросила она тонким дрожащим голосом. Ответа не было. Что-то сказало ей, что его не должно быть.

Раски покатился по полу, пристально глядя на Элоссу. Глаза его не были больше затуманены, в них светился разум. Он сел и оглянулся вокруг, как пойманное животное, которое ищет выхода из клетки. Со стороны двери опять послышался скрежет металла. Раски рванулся, но не успел он вскочить, как дверь закрылась. Они были заперты.

— Где мы? — спросил он на общем языке, принятом между Раски и Юртами.

— Не знаю, — искренне созналась она. — Там был город… развалины… ты это знаешь… — она осторожно следила за Раски. Иногда какая-то внутренняя охрана может вычеркнуть из памяти все следы недавнего прошлого, если эти воспоминания угрожают благополучию мозга. Растерянность Раски вроде бы показала, что именно это и случилось с ним.

Он не сразу ответил, а внимательно посмотрел вокруг на гладкие стены, образующие узкий зал, а затем его хмурый взгляд обратился к Элоссе.

— Город, — сказал он. — Не уверяй меня, что мы в Королевском Кол да те.

— Другой город, старше, гораздо старше, — она не думала, что столица Верховного Правителя, которую он назвал, могла погибнуть в этом месте, когда оно служило домом для людей.

Он поднес руку к голове.

— Я — Стэнс из Дома Филбура, — сказал он скорее себе, чем ей. — Я охотился и… — Он вскинул голову, — видел, как ты прошла мимо. Меня предупреждали, что если какой-нибудь Юрт ищет горы, я должен идти за ним…

— Зачем? — спросила она, удивленная и потрясенная, поскольку это было нарушением всех традиций и звучало зловеще.

— Открыть, откуда идет ваша дьявольская сила, — без колебаний ответил он. — И там… ну да, там был саргон… — Он ощупал бок, где все еще оставался наложенный ею пластырь. — Значит это был не сон!

— Да, там был саргон, — сказала Элосса.

— Ты вылечила меня, — он продолжал ощупывать бок. — Почему? Наши народы никогда не дружили.

— Мы не такие недруги, чтобы смотреть, как человек умирает и не помочь ему. — Она не стала

объяснять, что сама в какой-то мере виновата в его ранении.

— Нет, вы убийцы, — его слова были, как плевок в лицо.

— Убийцы? — повторила она. — Почему ты называешь нас так, Стэнс из Дома Филбура? Когда было, чтобы кто-то из Юртов принес смерть твоим людям? Когда ваш Верховный Правитель стал охотиться на нас, поклявшись убить всех мужчин, женщин и детей, мы защищались не сталью, а только иллюзиями, которые на время затуманивают мозг, но не убивают.

— Вы Небесные Дьяволы. — Он встал и прислонился к стене, глядя на Элоссу, как безоружный смотрит на великую опасность.

— Я не знаю ваших небесных дьяволов, — ответила она, — и не собиралась причинять тебе никакого вреда, Стэнс. Я пошла в горы по обычаю Юртов, а не для того, чтобы делать зло тебе и твоему народу. — Она жаждала повиноваться голосу, который приветствовал ее здесь. Принуждение, что вело ее в горы к куполу, стало непреодолимым, оно тянуло ее куда-то во внутреннее помещение, где ей будет показано то, что она должна узнать.

— Обычай Юртов! — Его рот скривился, словно

он хотел плюнуть на Элоссу, как та девушка в городке. В нем кипела злоба, но естественная, а не навязанная безумием, что завладело им в развалинах.

— Да, обычай Юртов, — быстро ответила она. — Я должна выполнить свое Паломничество. Могу я уйти спокойно или должна наложить оковы на твой мозг?

Сама-то она понимала, что вряд ли сможет это сделать, поскольку потратила слишком много энергии на свое освобождение, но ей не хотелось, чтобы он это понял. К тому же она знала, что Раски по каким-то причинам боятся мысленного прикосновения. Однако сейчас, почувствовала Элосса, она не вызывала в нем никакого страха. Неужели он понимал, что ее угроза пустой звук?

— Иди, — он отошел от стены. — И я тоже пойду.

Отказать ему — означало вступить с ним в борьбу либо на мысленном уровне, где сейчас она сомневалась в успехе, либо на уровне физическом. И хотя ее худощавое тело было достаточно крепким, одна мысль о подобном контакте возмутила бы любого Юрта. Юрт не мог долго вытерпеть прикосновение, если на то не было особых причин или если прикоснуться нужно

было к существу, полностью расслабленному.

Элосса не знала, что ждет ее впереди, но не сомневалась, что это испытание для людей породы Юртов. Как же оно подействует на вторгшегося Раски? Она представила себе ловушку, защиту против человека другой расы, которые могут убить либо мозг, либо тело, либо и то, и другое. Но она могла только предупредить:

— Это священное место моего народа, — она употребила выражение, которое он должен был понять. У самих Юртов не было храмов, где поклонялись богам. Они признавали силы добра и зла, но считали их слишком далекими от человеческого рода, трудностей, дел и желаний человечества, чтобы можно было им поклоняться. А у Раски были гробницы, но каких богов и богинь — этого Юрты не знали. — В ваших храмах нет мест, закрытых для неверующих?

Он покачал головой.

— Залы Рендэма открыты для всех, даже для Юртов, если они захотят прийти.

Она вздохнула.

— Я не знаю, есть ли тут барьеры для Раски. Я только предупреждаю.

Он гордо поднял голову.

— Не предупреждай меня, женщина-Юрт! Не

думай, что я побоюсь пойти с тобой. Мои предки жили в Кал-Хат-Тане, — он сделал жест в сторону двери, через которую они вошли. — В Кал-Хат-Тане, который небесные дьяволы сожгли своим огнем и ветром смерти. В Центральной комнате дома моего клана рассказывали, что мы когда-то сидели на тронах этого города, и всякий человек поднимал меч и щит, когда называлось наше имя. Возможно, что я попал в самое сердце небесных дьяволов по воле самого Рендэма. Многие люди клана искали это место. Да, мы тайно следовали за Юртами. Одного человека из каждого поколения специально тренировали для этого. — Он выпрямился, гордость за свой род покрывала его, как плащ Верховного Правителя. — Этот долг возложен на меня кровью, что течет в моих жилах. Галдор правит на равнинах. Он сидит в грязной деревне из скверного камня, и его Дом Мтайтера даже не указан в гробнице Кал-Хат-Тана. Я не щитоносец Галдора. Мы, из рода Филбура, не поднимаем голоса в его покоях. Но в книге Ка-Нат, нашем сокровище, сказано, что в будущем появится новый народ и заново отстроит город. Поэтому каждое поколение клана Филбура посылает своего сына, чтобы он проверил справедливость этого пророчества.

Странно, но Раски как бы вырос в глазах Элоссы — не телом, а той эманацией духа, к которой были восприимчивы Юрты. Это не охотник, обычный житель равнины. Она распознала в нем качество, которым, как ей говорили, не обладает ни один Раски. Он был уверен, что говорит правду, — в этом она не сомневалась. Но правда ли это? Вполне возможно. И то, что его так крепко захватили ненависть и жажда мести, заполнившие все вокруг, как болотный туман, могло произойти от какой-то древней кровной связи с тем, что давно умерло.

— Я не сомневаюсь в твоей храбрости и в том, что в тебе кровь тех, кто жил когда-то здесь, но это место Юртов, — она обвела рукой вокруг, — и Юрты могли поставить защиту…

— Которая может действовать против меня, — быстро закончил он ее мысль. — Это правильно. Однако, на меня возложен ДОЛГ, как я уже сказал, и я обязан идти туда, куда приходят Юрты. Никому из нас еще не удавалось проникнуть сюда. Юрты умирали, люди Дома Филбура тоже, но никто из моего клана не зашел так далеко, как я. И ты не можешь запретить мне идти дальше.

— Могу, — подумала Элосса. Раски просто не знает размаха и глубины мысленного контроля

Юртов. Но в ней сейчас не было достаточно силы, чтобы сделать его неподвижным против его воли. Она запретила себе всякое беспокойство о нем. Он поклялся, что пойдет, прекрасно, в таком случае дурные последствия его глупости падут на его голову, Ей не за что порицать себя.

Она повернулась и пошла, Элосса, не оглядываясь, знала, что он идет за ней. Но сейчас не время думать о нем. Надо сконцентрировать все, что осталось от ее почти истощенного Высшего Сознания на том, что ждет впереди.

Она полностью открыла свой мозг, ожидая знака от голоса и твердо надеясь получить его, но ничто не приходило. Может, купол бесплоден и мертв, как развалины Кал-Хат-Тана? Похоже, зал кончался гладкой стеной. Однако, другого пути не было, и она пойдет до конца. Когда Элоссе осталось пройти еще шаг или два, часть стены вдруг отошла в сторону и перед ней открылся проход.

Внутри был свет, но не от ламп или факелов, а как бы от самих стен. Элосса стояла у винтовой лестницы, идущей вокруг центральной колонны. Одни ее ступеньки уходили вниз, другие исчезали в отверстии наверху. Куда идти? После недолгих колебаний Элосса выбрала путь наверх.

Подъем был недолгим и привел ее в комнату.

Элосса огляделась, и сердце ее забилось сильнее. Это помещение совершенно не походило ни на голые пещеры Юртов, где они жили зимой, ни на их летние, сплетенные из ветвей хижины. Столь же резко отличалось оно от унылых, приземистых жилищ Раски. Вдоль круглых стен шли полки, покрытые непрозрачными пластинами. Перед ними кое-где стояли стулья. Часть стены тоже покрывала пластина, но она была выше и намного шире остальных пластин. Перед ней стояли два стула, а позади них высокое кресло, приковавшее к себе внимание Элоссы.

Почти не сознавая своих действий, Элосса подошла и положила руку на его спинку. И ее прикосновение к нему вызвало к жизни то, что она искала — голос, который приветствовал их при входе.

— Ты Юрт, ты пришел за знанием, садись и смотри, — снова зазвучал глубокий голос, — ты больше не увидишь звезд, которые были когда-то твоим наследием, ты будешь сейчас смотреть на то, что было сделано в этом мире, и в чем принимали участие люди твоей крови. Это было записано в памяти компьютеров, затем извлечено из них, и теперь ты обо всем этом узнаешь…

Элосса села на это похожее на трон кресло.

Перед ней был широкий экран. Она собралась с мыслями.

— Я готова.

На самом деле она не была готова: в ней поднялось что-то куда более сильное, чем беспокойство, это была первая волна страха.

В центре экрана вспыхнул свет, пробежал по его поверхности, а затем исчез. Элосса смотрела в темноту, где гроздьями светились крошечные блестящие точки.

— Год 7052 А. Ф. Звездный корабль «Фантом» колониальной службы Империи, — произнес безликий голос, в котором не было ничего человеческого, — возвращающийся из колониальной группы на третьей планете солнца Хагнуп, в трех месяцах полета от базы.

Звездный корабль! Да, здесь были видны звезды. Элосса знала, что они выглядят в ночном небе маленькими, потому что они очень далеко, а на самом деле это солнце, возможно, даже с планетами, которые кружатся по орбите вокруг этих солнц и которые, может быть, похожи на ее собственную планету. Но никто и никогда не говорил ей о том, что человек мог пересечь огромное пространство и побывать на этих планетах. И даже не намекали об этом.

— На пятом временном цикле, — продолжал голос, — радар заметил незнакомый объект и определил его как искусственный неизвестного происхождения.

На поверхности экрана перед Элоссой появился небольшой предмет, который так быстро увеличивался, что ей показалось, будто он летит прямо на нее, так что девушка невольно отпрянула в сторону.

— Уклониться оказалось невозможным. Произошло столкновение. Четверть команды «Фантома» была убита, многие были ранены. Необходимо было сесть на ближайшую планету, поскольку передатчики полностью вышли из строя. Как раз здесь была планета, которая могла послужить нам убежищем.

На экране появился шар, он рос, пока не заполнил весь экран. Тогда начала увеличиваться часть шара, и Элосса увидела на ней горы и равнины.

— Место посадки было выбрано далеко от обитаемого сектора. К несчастью, в компьютер были введены ошибочные данные…

Появилось другое изображение: перед глазами Элоссы стремительно пронеслись горы, окружающие ровное пространство, на котором

располагался город! Конечно, это был город, хотя странно было видеть его сверху и не в фокусе. Этот город она видела во сне. На экране мелькали детали, их становилось все больше. Корабль спускался на город.

Элосса громко вскрикнула. Широким веером вырвался огонь и упал на дома, пламя охватило все вокруг, и в это мгновение экран погас.

— Большая часть оставшегося экипажа погибла при посадке, — продолжал голос. — Корабль разбился. Город…

Экран снова ожил. Элосса смотрела с ужасом, но не могла заставить себя закрыть глаза. Она видела огонь — это был взрыв корабля, и смерть, исходящую от того места, где он упал.

— Город, — продолжал голос, — погиб. Те, кто выжил, были в шоке. Им осталось только ненавидеть тех, кто погубил их. Они были искалечены, сведены с ума взрывом, поражены болезнью.

Все, на что не в силах отвернуться, смотрела Элосса, было ужасно. Люди выходили из корабля, пытаясь оказать помощь местным жителям, но те, обезумев, убивали их.

Затем наступило вырождение туземцев, так как те, кому удалось бежать из погибшего города, заражали смертью или болезнями все, к чему

прикасались. Цивилизация погибла.

Из команды корабля уцелела только горстка людей. Они приняли на себя всю тяжесть совершенной ошибки. Хотя виноват был один, ответственность за катастрофу легла на всех.

Девушка смотрела на экран и видела, как они с помощью приборов, бывших на корабле, подвергали себя действию непонятной силы. Это было наказание, которое они придумали себе сами. Обработанные таким образом, они навсегда теряли надежду подняться к звездам и накрепко привязывали себя к миру, который по нелепой случайности разрушили, к народу, который, не желая того, погубили. Однако, воздействие приборов, кроме запретов полетов, неожиданно дало им еще кое-что. В них пробудилось Высшее Сознание, которое как бы милосердно осветило тяжесть изгнания.

— В этом причина всего, — продолжал голос. — И пока потомки Юртов не нашли последней тропы, они должны идти, никогда не останавливаясь. Может быть, тебе, совершившей Паломничество, суждено найти эту тропу и вывести к свету тех, кто бьется в темноте. Ищи — и когда-нибудь найдешь.

Голос умолк. Элосса каким-то образом знала,

что больше она его не услышит. И на нее нахлынуло такое ощущение утраты и одиночества, что она зарыдала, склонив голову и спрятав лицо в ладонях. Это была такая огромная утрата, с которой не могла сравниться даже смерть родственника, потому что у Юртов не было близких связей, каждый замыкался в себе. Раньше Элосса не понимала этого, а теперь увидела со всей ясностью. До сих пор она жила в таком одиночестве, не сознавая этого. Машина, пробудившая Высшее Сознание, оставила им его, как суровое наказание.

Теперь она чувствовала в глубине души ростки какого-то нового желания, новой потребности. В чем? Почему наказание должно накладываться на все поколения? Что должны они найти для полного освобождения? Если это не звезды, с которых они были изгнаны, значит есть что-то здесь, что они должны отыскать, но для этого Юрты не должны обособляться. Элосса опустила руки и уставилась на темный безжизненный экран.

— Что же мы должны делать? — спросила она вслух, и ее голос громко прозвучал в мертвой тишине комнаты.

На ответ она не надеялась. Она была уверена, что никогда больше не услышит этого голоса.

Решение должно было прийти из ее расширившегося знания, или, может быть, родиться от ее мыслей и действий. Она медленно поднялась с кресла. Как Высшее Сознание было высушено ее упорными поисками цели ее Паломничества, так теперь в ней угасала надежда и вера в будущее.

Что же осталось Юртам? Те, чьи предки когда-то летали к звездам, теперь навечно прикованы к миру, ненавидящему их, обречены быть отверженными бродягами. Есть ли у них какая-то цель? Не лучше ли им вообще перестать существовать?

Горькие мысли затопили ее мозг, сделали мир серым и холодным.

— Небесный дьявол!

Элосса повернулась и встретилась взглядом с Раски. Она совсем забыла о нем. Видел ли он то, чему она вынуждена была стать свидетельницей, — картину уничтожения счастливого мира его предков? Она протянула руку ладонью кверху.

— Ты видел?

Может быть, изображение на экране было только для нее я вызвано мысленной силой, недоступной Раски?

Он шагнул вперед. Безумия в его глазах не было,

он был обычным человеком. Никакие мысли и чувства мертвых его не захватили, но лицо его было суровым и застывшим, и Элосса не могла больше пользоваться мысленным зондом, чтобы прочесть его мысли, словно в нем был барьер, какой ставили себе Юрты.

— Видел… — помолчав, ответил он. — Этот… — он крепко ухватился за спинку кресла. — Этот ваш корабль… принес смерть городу. — Он сделал паузу, как бы подыскивая более точные слова. — Мы были великим народом, ты же видела! Мы не жили в дрянных хижинах! Кем мы стали бы, если бы не вы?

Девушка не ответила. Да, город, который она видела во сне и на экране, был более великим, чем какой-либо из существующих сейчас в этом мире. И так же — теперь она видела это — Стэнс отличался от других Раски. В нем осталось что-то от способностей тех, кто строил Кал-Хат-Тан.

— Вы были великим народом, — согласилась она. — Город погиб, народ остался в шоке и отчаянии. Но… Что произошло потом? — Ее мозг начал сбрасывать тяжкое бремя печали и отчаяния, туманившее ее мысли. — То, что случилось здесь, было очень и очень давно. За несколько лет природа не закрыла бы так развалины, и

звездный корабль не погрузился бы так глубоко в землю. Почему твой народ не нашел сил снова подняться? Вы живете в грязных хижинах, боитесь всего, что отличается от вас, и не пытаетесь стать другими.

Лицо его потемнело, губы раскрылись, как будто он хотел обругать ее, и она чувствовала поднимающуюся в нем злобу. Затем его рука, сжимавшая спинку кресла, слегка разжалась.

— Почему? — повторил он, как бы спрашивая себя самого.

Последовало долгое молчание. Его напряженный взгляд переходил от Элоссы к умершему теперь экрану за ее спиной.

— Я никогда не задумывался, — тихо заговорил он уже без злобы. — Почему? — теперь он спрашивал экран. — Почему мы погрузились в грязь и остались в ней? Почему наш народ преклонил колени перед таким Верховным Правителем, как Галдор, который только и умеет, что набивать брюхо да бегать за женщинами? Почему? — Его глаза снова обратились к Элоссе. В них загорелся неистовый жар, как будто он хотел силой своей воли вырвать у нее ответ.

— Спроси Раски, а не Юртов, — ответила Элосса.

— Нет! Юртов!

Она сделала ошибку, сфокусировав его внимание на себе. В нем еще была злоба, но уже не такая сильная.

— Что вы имеете, Юрты? — он внимательно следил за ней, как бы предполагая, что она в любой момент может воспользоваться каким-то оружием, — что вы имеете, чего нет у нас? Вы живете в пещерах и шалашах и устроены не лучше, чем рог и саргон. Вы носите грубые одежды, в каких ходят наши полевые рабочие! У вас нет решительно ничего! Однако, вы можете ходить среди нас, и никто, даже переполненный ненавистью, не поднимет на вас руки. Вы умеете плести чары. Значит, вы живете среди этих чар, Юрт?

— Могли бы, но мы этого не делаем. Если кто-то один обманет себя, он погубит все, — Элосса еще никогда не разговаривала с Раски, если не считать самых необходимых слов, например, при покупке пищи на каком-нибудь рынке, и теперь его слова смутили ее. Она оглянулась вокруг.

Здесь вес было сделано Юртами, теми Юртами, что жили, как сказал Стэнс, в пещерах и хижинах гораздо более примитивных, чем жилища Раски. Одежда на ней была выткана ею самой, грубая, почти бесцветная. Элосса в сущности никогда

не глядела на себя и других, она принимала все, как часть жизни. Теперь же, увидев все как бы со стороны, она впервые задумалась. Их жизнь была нарочито суровой и унылой. Часть наказания?

Те же годы прошли и для Юртов, и для Раски. Как Раски не вернули себе то, что потеряли, так и Юрты пальцем не шевельнули, чтобы облегчить кару, наложенную на них. И обе расы будут жить так всегда?

— Обманывать себя? — Стэнс прервал ее мысли. — Что это за обман, Юрт? Если мы, Раски, говорим про себя о великих вещах, отнятых у нас, и о том, что нам нечего и думать вновь подняться на такую высоту — разве мы обманываем себя? Мы видим правду и не отмахиваемся от нее. А вы, Юрты, пришедшие со звезд, из-за ошибки, сделанной давным-давно человеком вашей крови, так и будете вечно под наказанием?

Элосса глубоко вздохнула. Он бросал ей вызов. Возможно, Юрты выиграли больше, получив Высшее Сознание. Но возможно также, что они приняли это как неожиданное благо. Теперь она в свою очередь задала вопрос:

— Задавался ли ты таким вопросом, Стэнс из Дома Филбура?

Он все еще хмурился, но это не относилось к

ней, как она догадывалась. Он рассматривал какую-то мысль, которой раньше у него не было.

— Нет, Юрт.

Странно раздраженная формой его обращения, девушка перебила его:

— Меня зовут Элосса. А роды не входят в наш счет.

Он изумленно посмотрел на нее.

— Я думал… у нас всегда считали… что Юрты никогда не называют своих имен.

Настал ее черед удивляться. Ведь он сказал правду! Она не знала случая, когда Юрт так свободно разговаривал с Раски, и они называли бы себя друг другу. — Впрочем, Раски всегда были готовы назвать себя и основателя их рода. Но сейчас ей казалось необходимым, чтобы он перестал называть ее «Юрт», она знала, что у Раски это слово почти ругательное.

— Да, — ответила она, — они не говорят своего имени постороннему.

— Но ведь я не из ваших кланов, — настаивал Стэнс.

— Я знаю. — Она прижала пальцы к вискам. — Я сбита с толку. Ты — дело другое.

Он кивнул.

— Да. По правилам Юрт и Раски должны

враждовать… Я… раньше так и думал. А теперь — нет. — Его удивление было очень занятным. — В Кал-Хат-Тане был ужас, он вошел в меня, и я делал то, что он заставлял. Это был не я, однако, какая-то часть меня приветствовала это. Теперь я могу только удивляться и смотреть на это, как на часть тьмы, которая всегда лежала здесь. Я не прошу у тебя прощенья, Элосса, — он чуть запнулся, произнося ее имя, — потому что мужчина, воспитанный для определенного задания, должен представлять его себе как можно лучше. Я частично не выполнил его, но я стоял там, где никто из моего рода не был. Я видел там, — он указал на экран, — истоки нашей ненависти, а также впервые увидел то, чего еще не могу понять — наш недостаток, заставляющий нас оставаться теми, что мы есть — грязными корчевщиками, у которых нет никакой мечты. А ведь есть иллюзорные мечты, Элосса? Ваш народ плетет их в помощь себе. Но мне кажется, мечта может служить человеку лучше. Он должен иметь что-то еще кроме тупых мыслей, сошедшихся только на нем самом и его земле под его ногами… Вы, Юрты, завоевали звезды. Вы не небесные дьяволы, как мы думали. Теперь я это знаю. Вы такие же люди, как и мы. Но вы видели сны о дальних путеше-

ствиях и жили, чтобы сделать их правдой. Где же теперь эта ваша мечта, Элосса? Неужели убита из-за вашего чувства греха и вины? А ты думала о чем-то, кроме себя и земли под собой?

— Мало, — быстро ответила она. — Правда, мы ищем цели во всех снах и мечтаниях, но ре пользуемся ими, чтобы изменить нашу жизнь. На нас такие же цепи древнего страха и нависшего над нами рока, как и на вас. Мы пользуемся нашим мозгом для накопления знаний, но в очень узких рамках. Раски для нас чужие. А почему? Почему так должно быть? Сначала — потому, что вы гнали и убивали нас, обезумев от катастрофы. Позднее, когда ваша мысленная сила изменилась, вы думали о нас не больше, чем о лесных зверях. Мы оба сейчас говорим правду. Разве это не правда?

— По сравнению с вами мы были детьми. Мы двигались то туда, то сюда по вашему приказу, когда пересекли вашу тропу или каким-то образом привлекали ваше внимание. Разве вы не видели, что, думая таким образом о нас, вы укрепляете тени, рожденные в Кал-Хат-Тане?

Элосса признала, что слова его звучат логично. Боль за разрушение города, появление из космоса такой расы, как Юрт, разрушило их

мышление и воссоздало его по новому образцу. Каким же образом Юрты стали надменными? Почему замкнулись в своем высокомерии и свою добровольную ссылку считали искуплением? Ведь дела их были бесплодными и не создавали ценностей.

Допустим, что сначала они не могли жить в мире с Раски, допустим, что действие машин совершенно изменило их, но с течением времени они могли завязать контакты, повернуть свои таланты на пользу Раски, вместо того, чтобы ревниво охранять их и пользоваться Высшим Сознанием для бесплодного учения. Их гордое мученичество было ошибкой. Элосса впервые увидела жизнь Юртов такой, какой она была, впервые скорбела о том, что жизнь эта не пошла по-другому.

— Все это так, — печально сказала она Раски. — Мы осуждали вас, и вы были, вправе осуждать нас. Пусть наказание необходимо, но ведь есть и другие возможности исправить свои ошибки. Выбрав нашу эгоистичную форму существования, мы лишь многократно повторяли первоначальный акт. Как мы не видели этого? — горячо закончила она.

— А почему мы тоже не видели, что лежим в

пыли из-за того, что позволили прошлому похоронить нас? — подхватил он. — Мы не нуждаемся в Юртах, чтобы строиться заново. Однако, не нашлось человека, который заложил бы в основание первый камень. Мы тоже замкнулись в своей гордости, мы, из Дома Филбура, все время оглядывались в прошлое и думали лишь о мести тем, кто скинул нас с нашего трона. Мы были слепы и шли ощупью.

— А мы были слепы и даже не шли ощупью, — поддержала Элосса. — Да, у нас есть таланты, но мы почти не пользуемся ими. Что могло бы вырасти здесь, если бы мы пустили их в ход ради дела жизни? — Она как бы проснулась от наркотического сна, в котором провела всю жизнь, и вдруг увидела новые возможности и пути, лежащие впереди. Но она была одна, а против нее стояла сила традиций и обычаев, и эту стену она и надеялась сломать. Элосса растерялась, видя, что прозрение ляжет на них еще большим грузом.

— Куда мы пойдем и что будем делать?

— Это вопрос для нас обоих, — сказал он. Напряжение ушло из его тела. — Слепой не всегда приветствует зрячего, столкнувшись с ним. Конечно, они будут бояться. А страх рождает злобу и недоверие. Пропасть между нами слишком

велика.

— И через нее никогда не будет моста? — В ней родилось ощущение, похожее на то, какое она испытала, когда видела прощание со звездами. Неужели она будет всегда в плену своей неправильно понятой ответственности?

— Я думаю, будет, когда Юрт и Раски встретятся и поговорят, выбросив из сердца и разума прошлое.

— Как мы здесь?

Стэнс кивнул.

— Как мы здесь.

— Если я вернусь в свой клан, — медленно произнесла она, — и расскажу, что случилось, я не уверена, что меня выслушают с открытым мозгом. Здесь есть иллюзии. Мы оба имели с ними дело, оба пострадали от них. Те, кто выполнял Паломничество до меня, наверняка тоже встречались с ними, и теперь скажут, что я пострадала от более искусной и опасной иллюзии, она была честна не только по отношению к Стэнсу, но и к себе. — И я думаю, что именно так и скажут, по крайней мере, те, кто совершал Паломничество и знает природу этого места.

— А если я вернусь к своему народу и предложу соединиться с Юртами, — меня убьют. — Он гово-

рил правду. Элосса в этом не сомневалась.

— Но если я вернусь и не поделюсь тем, что узнала, — продолжала Элосса, — я изменю самой себе, своей лучшей части, потому что я стану лгать, боясь правды. Мы не можем лгать и оставаться Юртами — это вторая часть бремени, наложенная на нас Высшим Сознанием.

— А если я вернусь и буду убит за то, что скажу правду, — он слабо улыбнулся, — какая от этого польза моему народу? Итак, похоже, что мы должны стать лжецами помимо своей воли, леди Элосса. А если ты и в самом деле не можешь лгать, то тебе предстоит даже худшее.

— Здесь есть горы, — сказала Элосса, — и я могу жить одна. Я ведь Юрт, мы не приучены спать на мягком и есть много. Кто знает будущее? Еще кто-нибудь придет сюда в Паломничество и увидит все так же ясно. Пусть таких будет горсточка — из маленького семечка вырастают большие деревья.

— Тебе вовсе не обязательно быть одной. Наше просветление еще слишком молодо. Может стоит подумать о путях и средствах, которые покажут нам, что мы можем делать? Это лучше, чем оставаться в постоянном изгнании. Я знаю, что Юрты предпочитают жить в стороне от всего. И ты все

еще держишься за это, миледи.

Он обратился к ней, как высокородный Раски обращается к ровне. Она удивленно посмотрела на него, когда он протянул ей руку. Этим он предлагал ей перечеркнуть все, чему ее учили всю жизнь. Но не это ли учение наложило оковы на нее и на весь ее род? Не лучше ли разрушить их?

— Я не держусь за то, что может направить мой мозг по фальшивому пути мысли, — ответила она и медленно протянула свою руку, борясь с отвращением, потому, что ее плоть должна была коснуться чужой плоти. В будущем ей придется со многим бороться и многое узнать. Наступило новое время.

Ветер стонал и жаловался, пролетая над последними остатками Кал-Хат-Тана, он поднимал песок и бросал его на холмы, которые и так уже почти скрыли от неба мертвый корабль. Хотя Элосса, живя в суровых высотах, хорошо была знакома с дыханием зимы, она вздрогнула, спустившись по тропе вниз. Ее тревожил не только этот холодный ветер, но и холод внутренний. Она пришла сюда по обычаю своего народа, чтобы открыть тайну Юртов, и твердо сделала выбор. Узнав о сущности бремени, наложенного смертью на ее род, она сознательно решила не

следовать установленному веками правилу, которое предписывало ей вернуться в свой клан. Она хотела думать и поступать по-новому, чтобы найти ту середину, где Юрты и Раски смогут жить в мире и согласии, а прошлое будет похоронено вместе с Кал-Хат-Таном и кораблем.

— Наступает дурная погода, — ноздри Раски шевельнулись, словно он, как дикие обитатели горных высот, мог почуять малейшую перемену ветра, служившую предвестием перемен. — Нам понадобится укрытие.

Элосса все еще не могла поверить, что она и Раски могут беседовать, как люди одной крови и клана. Она держала в тугой узде свой мысленный поиск, понимая, что она бессознательно станет общаться без слов или, по крайней мере, попытается сделать это. А для Раски такое общение было страшным отвратительным вторжением. Она должна быть осторожной в этой еще не прочной дружбе. Стэнс уверял, что его Дом некогда правил в Кал-Хат-Тане, и он был рожден и воспитан для мести Юртам. Но он первый из своего рода вошел в полузасыпанный корабль и узнал правду о том, что произошло в давние времена. Узнав это, он откинул свою давнюю ненависть, поскольку был достаточно разумен, чтобы понять, что город был

разрушен из-за прискорбной ошибки, и что на его народе тоже лежит какая-то вина: его народ позволил себе отбросить цивилизацию и стать ниже, чем он мог быть.

Юрт и Раски… Все нутро Элоссы протестовало против какого-либо близкого контакта с ним, и он тоже, наверное, находил в ней много неестественного, а может быть, и отталкивающего.

Сейчас Раски не смотрел на нее, он оглядывал развалины города и далекие холмы за долиной, на которой стоял Кал-Хат-Тан. Он был одного роста с Элоссой, его более темная кожа и коротко остриженные волосы казались ей странными. Он носил кожаную с мехом одежду охотника, а оружием ему служил лук. Привыкшая к оценкам Юртов, Элосса не могла правильно судить о нем и не могла решить, красив ли он. Но его решительность, силу разума и смелость она приняла как неоспоримый факт.

— Еще есть время… — медленно начала она, и Стэнс ответил, прежде чем она облекла полностью в слова свою мысль:

— …забыть то, что мы видели и слышали, леди? Вернуться к тем, кто не хочет прозревать, кто противится всему, чему его могли бы научить? — Он покачал головой. — Для меня такой проблемы

нет. Там, — он махнул рукой в сторону холмов, — мы найдем кров, и это лучшее, что мы сможем сделать. В этих местах зима приходит рано, и бури налетают иной раз без предупреждения.

Стэнс не предложил укрыться в корабле или в подземелье, где он связал Элоссу, и она считала, что он прав. Они оба должны быть свободными от прошлого, грязным налетом лежавшего здесь на всем. Только уйдя от него, они смогут по-настоящему встретить будущее. Юрт и Раски поспешно пошли прочь от развалин и корабля, вход в который закрылся за ними, скрыв тайну до следующего появления какого-нибудь Юрта. Может быть, другой паломник тоже поймет истину, что не нужно держаться за прошлое и пора повернуться к будущему.

Над ними собирались тучи, ветер усилился и толкал их в спину, как бы отгоняя их от развалин и корабля. Стэнс шел осторожно, все время оглядывая пространство впереди, словно ждал нападения. Элосса позволила себе немного мысленного поиска. Здесь не было ничего живого. Но она чувствовала, что лучше не привлекать внимание ее спутника к тому дару, которого так страшился весь его род.

Она легко подстроилась под шаг Стэнса, потому

что Юрты были вечными скитальцами. Он молчал, и у нее не было причин прервать это хрупкое молчание. Их сотрудничество было таким новым, таким еще непроверенным, а проверять его на прочность у нее не было желания.

Сумерки поглотили их, прежде чем они дошли до холмов, но те были теперь отчетливо видны и казались такими же суровыми и голыми, как и равнина. Наконец, Стэнс остановился и указал на несколько высоких камней, как бы растущих из земли.

— Они могут укрыть нас от ветра, если он не переменится, — заговорил он впервые с тех пор, как они оставили руины. — Это лучшее убежище, которое можно найти поблизости.

Элосса с сомнением смотрела на камни. У нее были основания предполагать, что это тоже развалины. В таком месте могли зацепиться иллюзии. Хотя такие их проявления были всего лишь галлюцинациями, и тренированный Юрт мог контролировать их, но живой вид, который они принимали, мог напугать, а страх действовал на состояние даже очень дисциплинированного мозга. Но Стэнс был совершенно прав: идти дальше нельзя, поскольку надвигалась ночь. И нужна была хоть какая-то защита от ветра. Если камни

вобрали в себя какие-то эмоции, отпечаток которых достаточно силен, чтобы вызвать иллюзии, Элосса должна вооружиться истиной и сделать эти видения тем, чем они и были на самом деле.

Как говорил Раски, камни и вправду хорошо укрывали от ветра. Элосса открыла свою дорожную котомку. Теперь перед ними возникла проблема пищи и воды. Запасы Элоссы были весьма скудными. Она разделила со Стэнсом лепешки из грубой муки, и во фляге ее было немного воды, но ее нужно было экономить, пока они не найдут в горах какой-нибудь источник.

Стэнс не отказался от угощения и ел неторопливо и аккуратно, чтобы ни одна крошка не пропала даром. К воде он едва прикоснулся. Затем он кивнул в сторону холмов.

— Там есть вода и дичь… — он сделал паузу и нахмурился, словно мысли его путались. Он стукнул себя по лбу и продолжал: — Там пещера Рот Атторна…

— Рот Атторна? — повторила она. — Ты знаешь эти места?

Традиции Дома делали Стэнса в этом поколении стражем Кал-Хат-Тана. Значит, он знает также и о том, что находится вокруг города?

Он нахмурился еще сильнее.

— Знаю, — сказал он с резкостью, исключающей дальнейшие вопросы.

Завернувшись в плащи, они легли на камни. Внезапно Элосса была разбужена каким-то внутренним предупреждением, которое было включено талантом Юрта. Над ней склонился Раски, едва видимый в ночной темноте. Что-то слабо блеснуло в его руке… Лезвие ножа.

Элосса откатилась в сторону, и нож с силой вонзился в землю, там, где она только что лежала. Стэнс потерял равновесие. Элосса снова откатилась за камень. Вскочив, она схватила свой посох и притаилась, но сердце ее билось так сильно, что вздрагивало тело. Элосса послала мысленное прикосновение и наткнулась в мозгу Раски на дикие мысли, почти столь же нелепые и хаотичные, как и его нападение на нее. Ужас объял мозг Раски. Она увидела там образ чудовища: он принимал ее за чудовище.

— Стэнс! — громко крикнула она, пытаясь разбудить его, потому что, по ее мнению, человек может быть так дезориентирован только в кошмарном сне.

Она услышала ответный крик, дикий, звериный, и увидела, что Стэнс бежит от камней в темноту ночи, бежит, как преследуемый кем-то

совершенно ужасным.

Элосса, дрожа, ухватилась за камень. Что произошло? Наверное, то, чего она опасалась: в этих камнях скопились чувства, которые влияли, видимо, только на мозг Раски — сказывалось его происхождение.

Бежать за ним не имело смысла. Если источником ужаса его были камни, он придет в себя, как только выйдет из-под их влияния. Она широко раскрыла мозг, чтобы не привлечь никакого их внимания, и послала короткую мысль-поиск.

Стэнс все еще был в бегах. Элосса не пыталась вернуть его. Такая попытка могла только усилить искажение его мозга. Она снова устроилась под защитой каменной груды. Все ее осторожные пробы показывали, что это только камни. Похоже было, что если они и излучали какие-то иллюзии, то эти призраки угрожали только Раски.

Она хотела оставаться настороже, но все-таки погрузилась в сон и снова проснулась с ощущением страшной опасности. Открыв глаза, она несколько секунд думала, что все еще спит и видит какой-то особенно живой сон.

Она не лежала на равнине у камней, а стояла, опираясь на посох, в узком ущелье между двумя высокими холмами. Вокруг был высохший

кустарник, а прямо перед ней сидел саргон, его рычание, эхом отражавшееся от холмов, таило в себе страшную угрозу.

Животное было молодым, возможно, родившимся в этом сезоне, но даже с таким детенышем саргона ни один человек не мог справиться, а зверь каким-то образом знал, что она совершенно беззащитна.

Элосса отчаянно призывала мысленный контроль, но ее тренированная мысль шла почему-то очень медленно и не могла удержать рычащего зверя. Сейчас он разорвет ее своими когтями…

В воздухе послышался пронзительный поющий звук. Бока саргона вздрогнули, словно он собирал силы для прыжка, но не прыгнул, а взвыл: из его горла торчал конец стрелы.

Элосса пришла в себя и направила на животное всю свою силу, данную ей талантом Юртов, одновременно с этим она метнулась в сторону.

Саргон завизжал, царапая лапой рану в горле, из которой лилась темная кровь. Элосса из всех сил прижалась к каменной стене ущелья. Между ней и раненым зверем был только хилый кустарник, через который животное могло легко перебраться. Она, как могла, давила на зверя своей мыслью. Саргон тяжело двинулся вперед,

ломая кусты. Кровь его теперь лилась сильнее. В воздухе снова раздался свистящий звук, и в тело разъяренного зверя вонзилась вторая стрела. Саргон завертелся на месте, все еще глядя на Элоссу. Он все еще хотел напасть на нее, а она не могла повлиять на объятый злобой чужой мозг. Ничто не могло заставить саргона отказаться от его намерений, кроме…

Видимо, близость смерти ускорила мышление Элоссы. Она отбросила тщетные попытки отвлечь внимание зверя и со взрывом энергии, собравшейся только под хлыстом страха, создала иллюзию. Вторая Элосса, изображенная, может быть, не слишком тщательно, но все равно достаточно похожая на намеченную зверем жертву, стояла теперь рядом с ним. Иллюзорная девушка повернулась и побежала прочь. Саргон, громко воя от боли и потери крови, повернулся всем своим тяжелым телом, чтобы прыгнуть за ней. Видимо, теперь он стал более удобной целью для невидимого стрелка, потому что пропела третья стрела. Саргон поднял голову, разинул пасть, чтобы зареветь, но ни единого звука не вылетело из его горла, только фонтаном хлынула кровь. Животное сделало шаг, второй — и упало.

Элосса не выдержала, она еле держалась на

ногах. Этот последний бросок истощил ее так, как не случалось со времени первых дней ее ученичества. Нужен был основательный отдых, прежде чем ей удастся собрать даже самую малую часть своей мысленной силы. Она подняла голову: посыпались мелкие камни и земля, это спускался Стэнс.

В своем теперешнем состоянии Элосса не могла определить его настроения. Впрочем, если бы он желал ей вреда, ему стоило только не трогать саргона. Но, может быть, какая-то частичка врожденной жажды мести все еще толкала его к действию, и он хотел взять жизнь Юрта своими руками? Элосса стояла спокойно. Все равно она не могла убежать, потому что из нее ушла вся энергия. Стэнс остановился над телом саргона и посмотрел на Элоссу. Затем опустился на колени и принялся вытаскивать стрелы из туши зверя. Он тщательно очистил их о землю и сложил в колчан. На Элоссу он больше не смотрел, словно ее тут не было, и ничего не говорил. Что же теперь будет? В ней снова проснулось отвращение ко всем Раски. Видимо, слишком велика была бездна между двумя расами, чтобы можно было перекинуть через нее мост.

Стэнс встал, и на его темном лице было выра-

жение, которого она не понимала.

— Жизнь за жизнь, — сказал он как бы против своей воли.

Что это означало? Расплата за помощь, которую она ему оказала, когда он был ранен таким же зверем? Или он спас ее теперь из-за своей попытки убить ее ночью? Она чувствовала себя словно бы слепой, так как не могла выяснить, правду с помощью мысле-поиска.

— Ну, — сказала она наконец, — зачем ты поднял на меня нож? Неужели древняя ненависть все еще так сильна в тебе, Стэнс из Дома Филбура?

Он открыл рот для ответа, но тут же закрыл. Вокруг него была аура осторожности, словно он стоял перед возможным врагом.

— Почему ты хотел взять мою жизнь, Стэнс? — снова спросила она.

Он медленно покачал головой.

— Я не убил… — начал он, поднял голову и взглянул ей в глаза. — Это не я. Здесь такое место. Такие тайны, о которых мы, Раски, давно забыли, а вы, Юрты, при всей вашей власти никогда не знали. Здесь на мое тело действует чужая воля. Если ее желание не срабатывает, она оставляет меня. Я… — он нахмурился, — я подумал, это что-то другое, не от Раски и не от Юртов… и это

очень опасно, может быть, для нас обоих. Этот мир мог иметь свои тайны, в этом не было ничего невозможного.

Элосса повернула голову и взглянула на холмы, возвышавшиеся над ними. Можно уйти обратно, замуровать в дальнем уголке мозга все, что случилось с ними, все, что они узнали насчет себя и своих народов. Но она не думала, что это возможно. Идти же наверх — значит рисковать, так как там их ждет встреча с неведомым. И все-таки в ней росла уверенность что это единственный ее путь.

— Мы должны подняться, — сказал Стэнс. — Здесь притягивает как в Кал-Хат-Тане. Это притяжение не коснулось тебя, леди? Я знаю, что ты не можешь теперь доверять мне, но в какой-то мере мы связаны.

Элосса решительно отошла от стены, служившей ей поддержкой.

— Я нашел воду и тропу ко Рту, — сказал он. — Это недалеко.

— Пошли.

Так она во второй раз выбрала новый путь.

Итак, это Рот. Элосса смотрела на отверстие. Без сомнения, сначала это был естественный вход в пещеру, но затем над ним поработал человек. По-

верхность скалы над отверстием была сглажена, и на ней были глубоко вырезаны странные маскоподобные лица. Разные? Нет, похоже, что это было одно и то же лицо, но с разными выражениями, в основном, как показалось Элоссе, злыми. Теперь она нарушила молчание, которое царило между ней и ее спутником во время подъема.

— Ты назвал это «Рот Атторна». Кто такой Атторн?

Стэнс не взглянул на нее. Он зачарованно смотрел на темное отверстие Рта, куда дневной свет проникал как бы с неохотой, и ответил не сразу, словно ее слова доносились до него издалека и он их почти не слышал.

— Атторн? — он медленно, неохотно повернул голову. — Не знаю, леди. Но это было местом Власти правящего Дома Кал-Хат-Тана. — Он провел рукой по лбу.

— Одна из ваших легенд? Но здесь, пожалуй, нечто большее.

Прежде чем идти в такое место, она хотела узнать о нем побольше. Ее опыт со Стэнсом в подземелье не очень вдохновлял ее на новый риск в темноте и неизвестности.

— Я… я ничего не слышал об этом месте. Но как это могло быть? — спросил Стэнс не Элоссу, а се-

бя. — Я знал путь в это место, знал, что оно здесь, что это убежище. Но откуда же я это узнал? — последний вопрос относился уже к Элоссе.

— Иногда услышанное так глубоко погружается в память, что только случай может вызвать его на поверхность. Поскольку Дом Филбура, как ты говорил, был назначен хранителем Кал-Хат-Тана, вполне могло быть, что те или иные обрывки знаний ты воспринял и забыл.

— Возможно, — судя по выражению его лица, он совсем не был в этом убежден. — Я знал только, что мне необходимо прийти сюда, — и он, как по приказу, шагнул вперед и вошел в Рот под полосой с изображением лиц.

Но Элосса решила сделать последнее испытание. Хотя ее запасы энергии были почти истощены, она все же собрала все, что смогла, и послала мысль-поиск в пещеру. Мимоходом она задела Стэнса, но не собиралась контактировать с ним — он просто был зарегистрирован сознанием. Но там была вспышка света жизни, далеко, ниже отверстия, возможно, насекомые или другие существа, для которых Рот был охотничьей территорией. Но не было ничего, равного по объему животному или человеку. Успокоившись, она пошла за Стэнсом в темноту — не в пещеру вовсе,

а в туннель.

— Стэнс! — крикнула она, не собираясь идти вслепую. В этих высотах должны быть и другие пещеры, которыми с древности не пользовались. Элосса так мало знала о верованиях Раски. Все Юрты признавали, что у них были места, предназначенные для эмоциональных опытов, — храмы и древние поселения. В них годами собиралась мысленная сила и притягивала тех Юртов, которые обладали достаточными талантами, и могла даже влиять на них. Вспомнив об этом, Элосса тут же закрыла мозг. До тех пор, пока она не удостоверится, что здесь такого влияния нет, она может рассчитывать только на свои телесные чувства.

— Стэнс! — крикнула она снова.

— Хобо! — звук был так искажен, что Элосса даже не была уверена, что это голос Раски. — Идиии!

Элосса медленно и осторожно ушла. Когда ее глаза привыкли к темноте, она увидела впереди бледные проблески. Один из них двинулся, и Элосса испуганно остановилась. Мотылек или похожее на него крылатое создание билось в паутине. Нити этой паутины как раз и давали слабый свет. Затем прямо на мотылька свалился черный шар. Элосса вздрогнула. Теперь она ви-

дела и другие пятна бледного света, все это была паутина. Возможно ее свет и привлекал жертву.

Элосса медленно шла, стараясь держаться подальше от затянутых паутиной стен. Помощником ей служил посох, которым она ощупывала путь впереди и по сторонам. Воображение рисовало ей, как такая же паутина, только в тысячу раз длинней и толще, перегораживает туннель.

— Стэнс ушел, — говорила она себе, однако разум гнал страх. Каким образом он оказался так далеко впереди? Видимо, когда он остался один, то пошел намного скорей. Элоссе хотелось услышать его голос, но что-то удерживало ее от повторного оклика. Она зашагала чуть быстрее. Теперь светящаяся паутина исчезла. Может, она висела только там, где летающие создания могли попасть в пещеру из внешнего мира?

Мрак был полным, Элоссе казалось, что его можно коснуться рукой, собрать в складки, как занавес. Но воздух был достаточно чист, и она чувствовала по временам легкое дуновение.

И вдруг — внезапная вспышка оранжевого пламени. После полной темноты он казался ярким как солнечный свет, так что Элосса зажмурилась, оберегая глаза.

Там, впереди, стоял Стэнс и держал в руке пы-

лающий факел. Он воткнул его в кольцо на стене так, словно делал это не впервые. Его недавние слова о том, что он совершенно не знает этого места, вызывали у Элоссы неприятные сомнения.

Свет факела освещал комнату, которая когда-то, наверное, была пещерой, но человеческие руки сгладили и обработали ее.

Сильнее всего свет озарял гигантское лицо, оно занимало почти всю переднюю стену. Его рот был широко раскрыт, и свет факела глубоко проникал в него. Глаза, изображенные на уровне плеча Элоссы, тоже были широко распахнуты и не казались слепыми, как у всех статуй, они были сделаны из чего-то такого, что давало им блеск жизни, так что изображение не только видело Элоссу, но и злобно радовалось ее присутствию. Стэнс зажег второй факел, взяв его из высокого кувшина, стоявшего слева от лица. Когда он воткнул факел в кольцо на противоположной стороне, света стало достаточно, чтобы видеть все помещение. Две другие стены были голыми, так что все внимание сосредотачивалось целиком на злобном, презрительном лице.

Такие вещи сами по себе почти не имеют собственного зла, оно идет извне. Сказать, что каменная резьба на стене была злом — значит

приписывать камню не принадлежащие ему свойства, но сказать, что изображение было сделано теми, кто желал впустить в мир зло, — это не противоречило бы истине.

Кто бы ни вырезал лицо на стене, он имел искаженный мозг и душу. Элосса сделала всего один шаг в комнату и сразу остановилась. Иллюзии на дороге в Кал-Хат-Тане были ужасны, они родились от человека, старавшегося оставить след на самой земле. Это было сделано хитро и тщательно, и не от великой боли тела и шока души, а от глубокого желания обнять весь мрак, от которого человеческое естество в страхе сжимается.

Стэнс стоял перед этим лицом, опустив руки, и сосредоточенно вглядывался в эти знающие глаза. Похоже, подумала Элосса, он и в самом деле общался с какой-то силой, так грубо выраженной в резьбе. Она крепко удерживала здесь свой талант Юрта, потому что чувствовала: если она выпустит его хоть немного, пошлет самую незначительную пробу-поиск — ей могут ответить.

Элосса покачала головой. Нет, нельзя позволить своему воображению внушать ужасы, которые не могут существовать. Вероятно, это был бог какой-нибудь страшной и злобной религии, притягивающий энергию от верующих, а может

быть, даже от ужасов жертвоприношений, что было вполне возможно. Но сам по себе он был никто, просто искусно обработанный камень.

— Это Атторн? — спросила она, чувствуя необходимость прервать молчание, отвлечь Стэнса от его сосредоточенности. Он не ответил. Она рискнула шагнуть вперед и, преодолевая отвращение Юрта к физическому контакту, положила руку на плечо Стэнса. — Это Атторн? — повторила она громче.

— Что? — Стэнс повернул голову и взглянул на Эллосу, но она чувствовала, что он, в сущности, не видит ее. Но затем в его лице мелькнула искра перемены. Глубокая сосредоточенность нарушилась. Он вернулся к жизни — вот единственное объяснение, которое Элосса могла дать этой перемене.

— Что? — он снова повернулся к лицу на стене, ярко освещенному факелами. — В чем дело?

— Я спросила… это… Атторн? — Она указала на лицо. — Рот у него явно есть.

Стэнс прикрыл рукой глаза.

— Не знаю… Не могу вспомнить.

Элосса глубоко вздохнула. Прошлой ночью Раски хотел убить ее, пока она спала. Утром, после того, как она в свою очередь была околдована

(что же, кроме колдовства, послало ее, спящую, на тропу саргона?), этот же самый Раски спас ей жизнь. Он привел ее сюда через темный туннель, будто знал, что здесь находится, и зажег факелы, точно зная, где их найти.

— Ты и в самом деле хорошо знаешь это место, — продолжала Элосса, решив слегка уколоть Раски, — иначе ты не нашел бы этого, — она указала на факелы. — Тайный храм вашей древней мести, и ты привел меня в него, чтобы убить.

Она и сама не знала, почему высказала это обвинение, но оно могло быть и правдой.

— Нет! — он вытянул вперед руки, как бы отталкивая это лицо с разинутым ртом, отгоняя все, что оно могло означать.

— Я же сказал тебе — я не знаю! — Его голос дрожал от злости. — Это не мое… Это… что-то другое, и оно делает меня своим слугой. А я… я не хочу служить ему! — сказал он медленно и с паузами. И он верил в то, что говорил, в этом Элосса не сомневалась. Но мог ли он как-то защищаться против принуждения, уже дважды овладевшего им, — в этом она отнюдь не была уверена.

Раски повернулся к лицу, полному зла, спиной. Его собственное лицо выражало решимость.

— Поскольку я не могу управлять тем, что дви-

жет мной, нам лучше уйти. Я пойду один, пока не удостоверюсь, что я не просто орудие…

Это было разумно — с небольшой поправкой. В прошлую ночь на нее тоже действовало нечто неизвестное, пославшее ее навстречу смерти. Но ведь ее раса умела ставить мысленный барьер против такого вмешательства. Юрт не мог овладеть мозгом своего товарища, не мог контролировать даже Раски, у которых не было такой защиты, он мог только создавать недолговечную иллюзию. Но тут дело было не в галлюцинациях, а в мысленной власти на том уровне, который был совершенно чужд Элоссе, и это вызвало в ней болезненный страх. Талант Юртов всегда считался высшим, и может быть, поэтому в них росла бессознательная надменность. Возможно даже, подумала она, бремя старого греха вызвало необходимость сохранить правила, диктующие, где можно пользоваться этим талантом, а где нельзя. Может, из-за того, что она скинула бремя Юрта, она и попала под власть неизвестной ей и враждебной силы, о которой Раски знал, и в существование которой она должна теперь поверить? Если это ее вина, тогда она, как и Раски, приняла на себя новое бремя — или, может быть, проклятие, и должна научиться либо тому, как

его скинуть, либо тому, как нести его.

— Это движет и мной тоже, — сказала она. — Я чуть не попала в зубы саргона, даже не зная, что делаю.

— Это не от Юртов, — покачал головой Стэнс. — Это что-то от Раски… от этого мира. Но я клянусь тебе Кровью и Честью своего Дома, что не знаю даже легенд об этом месте, не знаю, что привело меня сюда и зачем. Я не поклоняюсь злу, а это — вещь Зла. Ты сама чувствуешь, как в воздухе пахнет Злом. Я не знаю Атторна, если это Атторн.

Она снова должна была признать, что он говорит правду. Цивилизация Раски закончилась потрясением от разрушения Кал-Хат-Тана, как она сама видела на экране. Хотя народ выжил, какой-то источник храбрости, гордости и честолюбия иссяк. Многое из того, что они знали, в прошлые времена, теперь пропало.

Однако, сейчас они стояли в центре Власти. Элосса могла определить ее силу, как бы водящую пальцем по ее мысленному щиту и осторожно пытающуюся проникнуть внутрь, чтобы уяснить, что представляет собой Элосса. Надо уходить отсюда как можно скорее.

Элосса покачнулась: сквозь мысленный ее

щит и как бы сквозь все ее тело пронесся крик о помощи. Где-то неподалеку был Юрт, которому грозила смертельная опасность, такая мольба вырывается только тогда, когда смерть неминуема. Не раздумывая, Элосса тут же опустила барьер и послала поисковый зов. Пришел другой, но намного слабей.

Откуда? Она повернулась к отверстию туннеля. Куда идти? Она послала незнакомцу настоятельную просьбу вести ее. В третий раз прозвучал зов, но не с той стороны, куда она смотрела, а позади. Элосса снова обернулась к лицу на стене. Его глаза светились злобой. А зов шел из-за лица! Может, в каком-то древнем жертвоприношении здесь пролилась кровь Юрта и остались сильные эмоции, которые мог уловить другой Юрт? Нет, первый зов был слишком живым. Не могла же она не чувствовать разницы между напоминанием о мертвом и мольбой, исходящей от живого! Где-то здесь был Юрт, и ему грозила опасность. Позади стены с открытым ртом полного злобы Атторна.

Стэнс схватил ее за руку.

— Что это?

— Юрт, — рассеянно ответила Элосса, она так сосредоточилась на попытке проследить источник зова, что даже не стала освобождаться от

неприятного ей прикосновения Раски. — Где-то здесь Юрт в беде.

Девушка опустилась на колени перед раскрытым ртом в стене, безрассудно посылая мысле-поиск.

Юрт! Но… что-то еще… худшее… Раски? Трудно сказать. Она ткнула концом посоха в отверстие рта. Посох не встретил препятствия, рот был как бы вторым входом — но куда? Возможно, к другому пути через страшные, пещеры. Надо узнать… Она закрыла глаза, собирая вернувшуюся к ней энергию. Где Юрт?

Мысль ее не нашла его мозга, но Элосса все еще была уверена, что тот самый первый крик не был ошибкой. Но где же он тогда?

Ее сосредоточенность была нарушена каким-то звуком, она в испуге оглянулась. Стэнс покачивался, его руки вцепились в куртку на груди, а лицо выражало такую смесь ярости и страха, что Элосса вскочила и выдернула посох из отверстия, готовая защищаться.

Стэнс качался из стороны в сторону, и у Элоссы было странное впечатление, что он сражается с кем-то, кого она не видит, с кем-то, кто, может быть, находится в нем самом. В уголках его искривленного рта показалась пена. Сначала Стэнс

издавал хриплые звуки, потом сказал:

— Он убьет меня! Смерть небесным дьяволам! Смерть!

Он упал на колени, его руки со скрюченными пальцами, как бы не поддаваясь его контролю, тянулись к горлу Элоссы.

— Нет, — почти взвизгнул он, страшным усилием повернулся к стене и ударил кулаком по верхней губе разинутого рта. Раздался треск. На пальцах Стэнса выступила кровь, а лицо на стене осыпалось, как высохшая на солнце глина. Отвалилась не только часть губы, на которую обрушился удар Стэнса, из этой точки пошли вверх и вниз трещины. То, что казалось массивным камнем, крошками посыпалось на пол. Даже глаза разлетелись со звоном разбитого стекла и упали на пол блестящей пылью. Страшного лица больше не было, лишь темное отверстие, куда не проникал свет факелов, отмечало место, где был рот бога или дьявола.

С исчезновением этой маски изменилась и комната. Элосса выпрямилась с ощущением, что с плеч упал тяжелый груз, о существовании которого она до сих пор не подозревала. Это ушло зло, исчезло вместе с разрушенным лицом.

Стэнс, все еще стоя на коленях, дрожал всем

телом. Но он поднял голову, борьба чувств, искажающая его лицо, улеглась. По нему прошла тень замешательства, а затем пришла воля.

— Оно хотело заставить меня убивать, — тихо сказал он. — Оно хотело пить кровь.

Элосса подняла осколок губы. Как странно, что единственный удар Стэнса вызвал такое полное разрушение. Осколок был тверд и крепок как камень. Как Элосса ни старалась, она не смогла раздавить его.

Она не понимала, что случилось, но все было явно к лучшему: отвечая на зов Юрта, она должна была войти в Рот Атторна, а все ее инстинкты восставали против такого действия.

— Но ты не убил. Оно не смогло заставить тебя, как ни старалось.

Она не представляла себе, что такое это «оно». В этом месте она готова была признать какую-то силу, вероятно, нематериальную, связанную с изображением лица, но не могла понять, почему хватило одного удара, чтобы все обратилось в прах. Может, это освобождение временное?

Стэнс снова смотрел на нее и хмурился.

— Я этого не понимаю. Но я — Стэнс из Дома Филбура, я не отвечаю на приказы призраков — злых призраков! — в его словах слышались

гордость и вызов.

— Прекрасно, — охотно согласилась она, — но здесь дорога, по которой мы теперь пойдем.

У Элоссы не было ни малейшего желания ползти в это отверстие, но на ее расе лежало древнее принуждение — ни один крик о помощи, посланный от мозга к мозгу, не может остаться без внимания, и поэтому она не могла отсюда уйти.

Стэнс снял один из факелов на стене и полез с ним в отверстие. Элосса, поколебавшись, взяла факел из груды в углу и последовала за Стэнсом.

Здесь он светил более тускло, чем в пещере, потому что проход был узким, они пробирались по нему ползком, и Стэнс загораживал свет своим телом. Но и видеть тут было нечего — гладкие закругленные стены и чистый, даже без пыли, каменный пол.

Элосса боролась с нарастающим беспокойством. Возможно, сейчас оно не было беспричинным, как в пещере, здесь ее со всех сторон окружал, давил на нее камень, и вес его пугал ее. Из памяти не выходило случившееся с каменным лицом: что, если какой-нибудь неловкий толчок вызовет то же самое и здесь, и тогда на них обрушится потолок или стены? Затем темная фигура Стэнса вдруг исчезла, но свет его факела,

скрывшись на миг, тут же вернулся и вывел Элоссу из этого червячного прохода в более широкое пространство.

В нем не было ни ровных стен, ни гладкого пола, по-видимому, это была природная пещера. Девушка стояла рядом с Раски. Под их ногами были наносы песка и гравия. Наверное, когда-то здесь, бежал подземный поток. Стэнс покачал факелом, но свет не дошел до какого-либо потолка. Возможно, они находились на дне глубокой пропасти, стены которой были сильно повреждены и теперь в них не было и следов какого-либо выхода.

Элосса еще раз закрыла глаза и послала мысле-поиск. Ответа не было. Но вряд ли кричавший Юрт умер: его конец дошел бы до нее, как шок, поскольку она держала свой мозг открытым в ожидании даже самого слабого ответа.

Стэнс медленно пошел вдоль стены, освещая факелом каждую трещину. А Элосса кое-что заметила: песок на полу лежал неровно и не во всех местах. Хотя он был слишком мягким, чтобы удержать какой-нибудь отпечаток, она заметила следы чьих-то ног.

— Посмотри, — сказала она Раски, — как ты думаешь, куда они ведут?

Он поднес к следам факел и пошел вдоль них. Они вели прямо к трещине, с виду ничем не отличавшейся от остальных.

— Она глубже, — сказал он, — и, кажется, может быть путем вверх или наружу.

Тут, по крайней мере, не пришлось ползти на коленях, но путь был очень узким. В некоторых местах они с трудом протискивались, обдирая тело о грубый камень. И тропа шла не прямо, как те две, по которым они прошли. Несколько раз они поднимались вверх по ступеням или скользили вниз, как по трубе. И, наконец, дошли до резкого поворота направо, а потом налево. Последнее усилие вывело их в другую глубокую пещеру.

Пещера была маленькой, по одну ее сторону, словно барельеф поднималась стена. И хотя составлявшие ее камни не были скреплены раствором, стена казалась неразрушимой, так плотно прилегали они друг к другу.

Стэнс воткнул факел в нишу в конце стены и провел руками по грубой поверхности.

— Прочно, — пробормотал он. — Но… — Раски достал свой охотничий нож и осторожно воткнул его в зазор между двумя камнями. Он долго раскачивал его, а затем резко толкнул камни, и они с грохотом выпали из кладки. — Они казались

крепче, чем на самом деле, — сказал он. — Я думаю, что мы расчистим ход.

Пещера была тесной, так что они работали по очереди: один выламывал камни, другой бросал их назад, в проход. У Элоссы болели руки и спина, и она была голодна, как в полузимний период, когда юрты постились. Но ей не хотелось намекать на перерыв в работе: самое главное сейчас — выйти отсюда.

Когда они расчистили пространство, достаточно широкое, чтобы протиснуться, Стэнс взял факел, просунул его в отверстие и удивленно вскрикнул.

— Что там? — спросила Элосса, но он не ответил и пролез туда сам, а она быстро последовала за ним. Они снова оказались в проходе, сделанном человеком. Стены были не просто гладкие, а облицованные чем-то вроде полированного металла. При свете факела был виден узор, сиявший, как драгоценные камни самых разных цветов. Определенного рисунка не было, просто переплетение полос и линий, и цвет их все время менялся: желтый становился зеленым, голубой переходил в красный. После унылого серого камня Элоссу радовала эта перемена, но потом она стала щуриться. Что-то пугающе-чуждое было в

этих полосах. Как цвет может пугать? Она вспомнила цветные башни дворца, стены Кал-Хат-Тана. Город казался гигантской сокровищницей. Эти полосы блестели так же, но чем-то они все же отличались.

Стэнс провел факелом рядом со стеной. Узор вспыхнул сначала зеленым, потом ярко-алым, затем перешел в оранжевый, который сменился желтым. Стэнс коснулся ногтем цветной полосы. В тишине коридора послышалось слабое пощелкивание.

— Это из Кал-Хат-Тана? — спросила Элосса и прикрыла глаза рукой. Ей показалось, что цветные полосы удерживают свет факела и усиливают его. И, конечно, это было не только ее воображение, потому что глаза болели так, словно она долго смотрела на источник света куда более яркий, чем факел.

— Не знаю. Я никогда такого не видел. Похоже, это должно иметь важное значение, однако, не имеет. Только ощущение…

Она не знала, как может повлиять на человека его расы изображенное его же собственным народом. Но сама она испытывала здесь все большее и большее неудобство. Скорее бы уйти отсюда!

Коридор был достаточно широк, они шли без

затруднений. И шли молча. Элосса старалась смотреть только перед собой, чтобы не видеть цветных полос. Здесь было какое-то притяжение, похожее на начало иллюзии.

Чем дальше они шли, тем шире становились цветные полосы. Те, что в начале их пути были шириной в палец, теперь стали шире ладони. Цвета не могли стать ярче, но смена их стала происходить все резче и все сильнее слепила глаза, Элосса закрыла лицо руками. Видимо, на Стэнса это тоже действовало неприятно, он ничего не говорил, но ускорил шаг, так что они почти бежали. Но в стенах не было никаких проходов, и путь их казался бесконечным.

Элосса слабо вскрикнула и качнулась к стене, потому что вдруг раздался зов Юрта, громкий и ясный, будто Юрт стоял прямо перед ними. Но здесь никого не было.

— Кто это? — с ноткой нетерпения спросил Стэнс.

— Юрт. Где-то близко. В опасности! — Элосса позвала, на этот раз не мысле-поиском, но полным зовом, каким ее народ пользовался в горах, там у каждого был свой сигнал.

Впереди возникло какое-то движение. Стэнс поднял факел повыше, чтобы лучше видеть.

Да, к ним шел человек. Элосса подняла руку в приветствии Юртов.

По виду это был Юрт, но одежда была другая: вместо длинного грубого тускло-коричневого дорожного плаща, который носили все Юрты, на незнакомце была плотно прилегающая темно-зеленая одежда, оставляющая открытыми только кисти рук и голову. Элосса видела такую одежду на экране в небесном корабле. На этом Юрте была одежда людей корабля, словно он шагнул сюда через поколения.

— Привет, брат, — сказала она на языке своего народа, а не на общем с Раски.

На лице пришельца не отразилось ничего, никакого признака, что он увидел в ней что-то общее с собой. Блеск его широко раскрытых глаз, неподвижный рот пробудили в Элоссе какую-то тревогу. Она послала мысленную речь.

Ничего! Барьера не было, но она не коснулась ничего вообще. Ее изумление было так велико, что она на миг застыла, а в это время рука Юрта, державшая черную трубку, поднялась на уровень груди Элоссы.

Стэнс всем телом навалился на Элоссу, оттолкнул ее в сторону, и оба они покатились по каменному полу. Там, где она только что стояла,

блеснул яркий световой луч. Элосса даже лежа в стороне и через одежду почувствовала его палящий жар.

Ее ошеломила не столько эта неожиданная атака, сколько сознание, что против нее никто не стоял. Никакого Юрта здесь не было, мысле-поиск ясно подтвердил это. А как же оружие? Ведь оно было частью галлюцинации?!

Юрта не было, не могло быть! Она огляделась вокруг. Коридор был пуст. Но на полу чуть подальше от того места, где ее все еще закрывало тело Стэнса, лежало оружие — черная трубка.

— Он… исчез! — сказал Стэнс, поднимаясь. — Что это?

— Галлюцинация, — сказала она. — Страж…

Стэнс наклонился над трубкой, не прикасаясь к ней.

— Но он ведь был вооружен, он стрелял огнем из этой штуки! Разве галлюцинации могут делать такое?

— Могут и убить, если те, кто видит иллюзию, верят в ее реальность.

— И у иллюзии настоящее оружие? — допытывался Стэнс.

Элосса покачала головой.

— Я не знаю. И мой народ ничего не знает о том,

что иллюзия может так действовать.

Она смотрела на трубку, которая не исчезла со своим хозяином, а все еще лежала тут, свидетельствуя, что в Элоссу и Стэнса действительно стреляли.

Взять ее? Прекрасная защита для Элоссы. Однако, она не могла заставить себя прикоснуться к трубке. Стэнс потянулся к оружию.

— Нет! — резко крикнула Элосса. — Мы не знаем природы этой вещи. Может, она и вообще не из нашего мира!

Стэнс слегка нахмурился.

— Не понимаю я этой истории с галлюцинациями. Я не могу поверить, что человек стоял здесь, стрелял в нас, а затем исчез. Как Юрт прошел через Рот Атторна и что он здесь делал, помимо того, что собирался убить нас?

Элосса снова покачала головой.

— Не могу тебе ответить. Скажу только, что нам лучше не связываться с этим, — она указала концом посоха на трубку, потом бросила случайный взгляд на стену. Рисунок изменился. Там было пятно, и на противоположной стене тоже. Элосса вытянула посох и, не касаясь самих стен, очертила на обеих сторонах на уровне груди четырехугольник шириной в две ладо-

ни. — Смотри!

Стэнс повернулся и посмотрел на стены.

— Юрт стоял здесь? — спросила она.

— Да, пожалуй. Но что это?

— Возможно, что он не галлюцинация. — Она попыталась вспомнить обрывки старых сказаний ее народа. Хотя те, кто совершал Паломничество, наложившее на них печать ответственности и зрелости, никогда не говорили о Кал-Хат-Тане и Бремени Юрта, у них были рассказы о старых временах. Элосса всегда знала, что между ними и миром, в котором они оказались пленниками, очень мало общего. У них было славное прошлое, которое они не надеялись достичь снова. На захороненном небесном корабле она узнала, каким образом маги Юртов получили свою необычную власть. И вполне могло статься, что Юрт, которого они видели сейчас, был не иллюзорным, а реальным, перенесенным сюда непонятным способом для защиты тайного места от вторжения Раски. Если Юрт, находящийся в таком тайном укрытии, не имел контакта с остальными, он мог видеть врага, как в Стэнсе, так и в ней. Могла ли она общаться с таким тайным Юртом?

Но почему же мысленное прикосновение отметило пустоту? Можно ли представить, что люди с

корабля имели в свое время знание, а те, кто нес тяжкое бремя греха, утратили его?

— Если это не галлюцинации, — прервал Стэнс ее мысли, — то кого же мы видели? Призрак мертвого? Призрак, носящий оружие и умеющий им пользоваться? Этот огонь едва не зажарил нас!

— Не знаю я! — раздраженная своим неведением, ответила Элосса. — Я ничего не понимаю, кроме этих плит на стенах, — она снова указала на них концом посоха, — и того, что он стоял между ними.

Теперь она рискнула повернуть трубку на полу. Они увидели, что во второй раз трубка уже не может послать смертельный луч: на нижней стороне цилиндра виднелось оплавленное отверстие.

— Наверное, очень старое оружие, — сделал вывод Стэнс, — слишком старое, чтобы им пользоваться. Такое же древнее, как и небесный корабль.

— Возможно.

Но важным было не бесполезное оружие, а появление Юрта и крик о помощи, который привел сюда Элоссу. Уж в этом-то она не ошибалась. Где-то был Юрт, живой и все еще в опасности.

— Ты должен знать больше, — повернулась она

к Стэнсу. — Из вашей истории видно, что представители твоего Дома следили за Кал-Хат-Таном и искали приходивших туда Юртов, чтобы мстить им за гибель города. Мы остановились, как ты сказал, у Рта Атторна. Кто такой Атторн? Что делать Юрту в таком месте? Если это был храм… — она глубоко вздохнула, вспоминая что-то, проносящееся как призрак по курганам Кал-Хат-Тана, — то была страшная смертельная охота за людьми с корабля, пытавшимися помочь случайно разрушенному городу. Возможно, Юрта привели сюда, чтобы принести в жертву какому-нибудь богу Раски. И может быть, зов умирающего, прозвучавший много лет назад, теперь послан, чтобы завлечь в ловушку и ее, Элоссу. — Проливалась ли здесь кровь Юрта? — резко докончила она.

Стэнс держался от плит на некотором расстоянии, явно не выказывая желания пройти между ними.

— Не знаю, — ответил он. — Возможно, и было такое. Люди из Кал-Хат-Тана сошли с ума и внесли в свое безумие ненависть. Я ничего не могу вспомнить об Атторне и о том, как я очутился у его Рта. Я говорю тебе истинную правду. Войди в мой мозг, девушка-Юрт, если хочешь, и увидишь сама.

Она отметила, что он назвал ее «Юрт», видимо, их скороспелое товарищество долго не просуществует. Но она не собиралась исследовать его мозг: он не предложил бы ей этого, если бы ему было что скрывать. Раски ненавидели и боялись этой силы Юртов.

Коридор все еще простирался вдаль. Может, безопаснее было вернуться, но зов Юрта, все еще остававшийся в мозгу Элоссы, не давал ей сделать первый шаг к отступлению. Слишком давно люди ее крови условились поддерживать друг друга, откликаться на подобные просьбы и помогать попавшим в беду всем, чем только можно.

— Я должна идти вперед, — сказала она скорее себе, чем Стэнсу, и тут же добавила. — Ты не обязан отвечать на этот зов. Ты спас меня от огненной смерти, которая была направлена на меня каким-то проявлением моего же народа. Если ты умен, Стэнс из Дома Филбура, ты согласишься, что этот поиск не для тебя.

— Нет! — перебил он. — Я, как и ты, не могу свернуть с этой тропы. Во мне все еще действует то, что притянуло меня ко Рту. — Он помолчал и продолжал с гневным жаром. — Я попал во что-то, что не из моего времени. Я не знаю, какая сила держит меня, но я больший пленник, чем

если бы на мне были цепи!

— Наверное, лучше не проходить между этими плитами, — посоветовала она и, опустившись на колени, проползла ниже уровня четырехугольников. Стэнс без колебаний последовал за ней.

Дальше они шли более осторожно, и Элосса не спускала глаз со стен, боясь появления таких же вставок. Она едва сдерживала мозг, чтобы укрыть его от эманаций, которыми кто-то мог ударить ее с помощью широко брошенного мысле-поиска.

Судя по сообщению, оставленному в корабле, развитие таланта Юртов произошло после великой катастрофы. Возможно, некоторые Юрты ушли до того, как этот план воздействия был приведен в исполнение, и таким образом остались без таланта. Однако, зов шел на мысленном уровне.

Даже если бы группа с корабля скрывалась здесь, сколько поколений прошло с тех пор? Человек, которого они видели, был в корабельной одежде, нетронутой временем… Нет, это наверняка была иллюзия.

Они шли осторожно, все время вглядываясь вдаль. Коридор шел прямо, цветные линии на стенах становились все шире, пока наконец их краски не слились. У Элоссы болели глаза, по-

тому что она настороженно следила за этими переливами цветов. Время от времени она останавливалась и закрывала глаза, чтобы дать им отдых. Стэнс вдруг прервал молчание:

— Здесь что-то… — Он не успел закончить: в воздухе возник вихрь из тумана, середина его стала расширяться, пока не заполнила весь коридор от стены до стены и от пола до потолка. Затем туман сгустился, окреп и превратился в чудовищную маску с громадным ртом-проходом. Глаза маски сверкали злобой, даже более сознательной, отметила Элосса, чем вырезанные в камне. Через разинутый рот не было видно продолжения коридора, только непроницаемый мрак.

— Атторн! — сказал Стэнс. — Рот хочет поглотить нас!

— Иллюзия! — твердо сказала Элосса, хотя была в этом не вполне уверена.

В отверстии что-то зашевелилось. Лицо теперь казалось очень прочным, и туман, создавший его, больше не двигался. Изо рта выползло черное щупальце, как ищущий язык.

Элосса не раздумывая, реагировала на чисто физическом уровне — ударила по языку посохом и тут же поняла свою ошибку: с таким надо бороться не руками, а силой разума. Посох прошел

сквозь язык без всякого видимого эффекта. Черное щупальце протянулось к Стэнсу и туго оплело его. Несмотря на то, что Раски силился вырваться, оно тащило его к дрожащим, жаждущим крови губам маски. В злых глазах вспыхнуло жадное возбуждение: Атторн хотел есть, и пища была теперь в его власти.

Элосса крепко схватила Стэнса за плечо. Это не было противодействие той силе, что тащила его — даже объединившись вместе они не могли бы справиться с ней — просто девушка нуждалась в этом контакте, чтобы ответить.

— Тебя нет! — мысленно прокричала она. — Ты не существуешь! Нет тебя! — Она бросала эти слова, как стрелы из охотничьего лука, в страшное лицо маски. Ах, если бы Стэнс мог помочь ей. Ведь это явление было от Раски, как предыдущее — от Юртов.

— Этого здесь нет! — закричала она ему громко. — Это всего только иллюзия, думай об этом, Стэнс! Отрицай его! — и она снова стала яростно отрицать галлюцинацию силой мысли.

Мощь языка была безграничной. Стэнс был уже у самых губ, и Элоссу тащило туда тоже, поскольку она не выпускала Стэнса.

— Тебя нет! — кричала она и голосом, и мыслью

изо всех сил.

Показалось ли ей это? Или же и вправду сознание в этих громадных глазах потускнело?

— Тебя нет! — тихо, полузадушенно вскрикнул Стэнс. Он перестал бороться с охватывающей его петлей, поднял голову и вызывающе взглянул в глаза маске. — Тебя нет! — повторил он.

Лицо, язык, державший Стэнса, вообще вся иллюзия, мигом исчезли. И как только не стало силы, против которой они боролись, оба они упали, увлекаемые силой своего сопротивления.

Исчезло не только лицо, преграждавшее им путь, но и сам коридор. Гладкие стены с цветными полосами скрылись в глубокой тьме. Пока они шли по освещенному цветными полосами коридору, они забыли про факелы, и теперь не могли определить, как долго тянется этот мрак.

У Элоссы было ощущение, что они уже не в коридоре, что вокруг них широкое пространство, возможно, скрывающее смертоносные ловушки. Врожденный страх к полной неизвестности темноте чуть не поверг ее в панику, и Элоссе понадобились все силы разума, чтобы овладеть собой и положиться на слух и обоняние там, где бессильно зрение.

— Элосса, — окликнул ее спутник, и она испу-

галась, потому что голос шел как бы издалека.

— Я здесь, — ответила она. — Где мы? — и чуть не вскрикнула: в темноте на ее плечо легла рука, скользнула вниз и крепко сжала ее запястье.

— Подожди, у меня осталось огниво.

Пальцы, сжимавшие ее руку для того, чтобы придать им обоим уверенности, разжались. Элосса услышала щелканье, и увидела огонек. Она с облегчением заметила, что Стэнс не бросил факела, хотя она вроде бы не видела, чтобы он нес его по коридору. И вот теперь факел снова горел, освещая их лица, и в какой-то мере защищал от давящей темноты. Стэнс покачал им на уровне плеча. Пламя замигало и отклонилось. Элосса снова почувствовала на щеке дуновение ветра, которое вскоре исчезло. Но свет не коснулся никаких стен, видимо, они находились в открытом месте. Под ногами была скалистая поверхность, единственная стабильная здесь вещь. Может, светящийся коридор тоже был иллюзией? При всем своем знании манипуляций над мозгом, Элосса с трудом могла поверить в это. Если же коридор не был полностью иллюзорным, как они попали в этот участок вечной ночи?

— Здесь поток воздуха, — сказал Стэнс, — посмотри на факел.

И пламя заметно отклонилось в сторону.

Они медленно пошли дальше. Время от времени Стэнс останавливался и водил факелом по сторонам. Стен по-прежнему не было видно.

Наконец, факел осветил край провала. Раски лег на живот и осторожно пополз по этому краю, опустив факел вниз. Но внизу ничего не было видно — видимо, пропасть была слишком глубока. Но поток воздуха шел как раз с другой ее стороны.

Стэнс встал. В его лице не было и намека на усталость или нерешительность, когда он оглядывал края бездны.

— Будь у нас веревка, — сказал Раски как бы самому себе, — мы могли бы спуститься. А без нее не выйдет.

— Значит, идти по краю? — спросила Элосса, хотя сама она очень сомневалась, что они найдут какую-либо возможность перебраться через расщелину, но с другой стороны, расщелина могла где-то сужаться, и тогда можно было бы просто перескочить через нее.

— Направо или налево? — спросил Стэнс.

Это уж зависело от удачи. Пока они тут стояли, Элосса послала быстрый мысле-поиск — нет ли какой-нибудь жизни, у которой проложены свои

тропы на поверхность земли. Ее зонд ничего не обнаружил, и она отвернулась от пустоты.

— Мне все равно.

— Пошли влево. — Раски повернулся и пошел с факелом близко к краю, так, чтобы не выпускать его из вида.

Оба они устали, Элосса вдруг обнаружила, что считает шаги, причин для этого не было никаких, разве что этот счет успокаивал терзающий ее страх. Она боялась, что они не выйдут отсюда.

Вдруг Стэнс что-то воскликнул и метнулся вперед: свет факела выхватил из темноты выступ у края бездны, такой же скалистый, как и поверхность, по которой они шли. Это не обработанный камень моста, — подумала Элосса, — но…

Стэнс наклонил факел поближе к этому выступающему каменному языку. Его явно никто не сглаживал инструментами, но зато тут было кое-что другое: в полу виднелось глубоко вырезанное изображение того же злого и страшного лица, и высунутый язык как раз и составлял выступ. Элосса остановилась, ей совсем не хотелось наступить на широкие губы чудища, но Стэнс, видимо, не испытывал такого отвращения: он шагнул на язык, опустился на колени и пополз по этому мосту — если, конечно, это был мост.

Элоссе не очень хотелось следовать его примеру: постоянное появление лица Атторна тревожило ее. Он был полностью от Раски, хотя Стэнс и уверял, что ничего не знает о нем. Но было ясно: кто бы ни делал эти изображения — в них всегда подчеркивалось коварство и злоба. Атторн — бог, правитель или сила — не сулил ничего хорошего ее роду. Элосса смотрела, как Стэнс лезет через пропасть, ей хотелось бы позвать его обратно, но она понимала, что нельзя нарушать его сосредоточенность, которая легко угадывалась по его напряженной фигуре. А язык-мост хоть и сужался вдали, казался достаточно прочным.

Стэнс остановился и в первый раз оглянулся.

— Я думаю, мы пройдем, — крикнул он, и эхо усилило его слова до звериного рева. — Мост, похоже, продолжается. Подожди, пока я доберусь до другого конца.

— Ладно, — Элосса села у края каменного лица и смотрела, как Стэнс медленно и неуклюже движется вперед. Факел уходил все дальше, и вокруг Элоссы сгущались тени. Ей казалось, что мост очень сужается, и неизвестно, хватит ли Стэнсу места, чтобы поставить на него оба колена сразу.

Раски полз очень медленно, в одной руке он держал перед собой факел, а другой цеплялся

за край моста. Наконец, он сел верхом: видимо, теперь его тело было шире моста.

Злоба в каменном лице явно обещала бедствие тому, кто ему доверится. Элоссе опять захотелось позвать Раски, но она боялась, что ее крик может нарушить его равновесие, и он упадет. Стэнс передвигался толчками, ноги его болтались в пустоте. В свете факела все еще не было видно никаких признаков другого края пропасти. Что, если язык кончается раньше, и Стэнс соскользнет вниз?

Элосса встала и принялась напряженно вглядываться в слабое мерцание огня, который был уже так далеко.

Стэнс сделал судорожное движение. Упал? У нее перехватило дух. Нет! Он стоял на ногах и размахивал факелом, как победным флагом.

Вот он снова вернулся на каменную нить, держа факел перед собой. Тело Элоссы болело от напряжения, когда она следила за его медленным возвращением. Она в первый раз глубоко вздохнула, когда он сделал последние несколько шагов и встал на губы вырезанного в камне лица, из которых выходил этот невероятный мост.

— В конце он очень узок… — Стэнс часто дышал и лицо его блестело от пота. Это путешествие далось ему нелегко. — И он самую малость не

доходит до края пропасти. Можно перешагнуть.

— И ты доказал это, — Элосса старалась выглядеть спокойной. Другого пути, кроме этого опасного моста, не было. Она с детства узнала узкие горные тропки, по которым надо было идти с величайшей осторожностью, потому что все зависело от твоей ловкости и способности сохранять равновесие. Однако, путь по самой худшей из них — ничто по сравнению с тем испытанием, что предстояло ей сейчас. Элоссе приходилось отгонять страх и отвращение к форме этого единственного пути. Лицо на камне источало такое ощущение зла, что ступить на этот язык было почти выше ее сил. Этот камень может погубить того, кто боится… И в ней росло глубокое отвращение. Ее преследовало видение языка, обвившего Раски. Каменный язык тоже может схватить ее и бросить в зияющий рот…

Элосса затрясла головой. Дать этому видению хоть какое-то место в мозгу — значит позволить осуществиться целям Атторна, кто бы он ни был. Она высоко подняла голову и спросила ровным голосом:

— Как пойдем?

Стэнс поглядел на только что пройденный путь.

— Я думаю, что пойду первым. Эх, кабы у нас была веревка!

Элосса невесело усмехнулась. Связаться? В случае несчастья это означало бы гибель обоих.

— Не думаю, что у каждого из нас хватит сил удержать другого, если тот упадет. Но раз уж надо идти — пошли!

Этими последними словами она, возможно, выдала свою тревогу, но он ничем не показал, что знает о грызущем ее страхе. Стэнс поднял факел, чтобы свет падал над его плечом, я уверенно шагнул на язык. Запахнув плащ и крепко сжав посох, Элосса пошла следом.

Очень скоро им пришлось встать на колени и ползти. Элосса не сводила глаз с камня, боясь глядеть по краям языка. Но скоро эти края так сблизились, что нельзя было не видеть их, и это было пыткой. К счастью, пропасть была полна мрака. По крайней мере, только воображение могло рисовать то, чего не видели глаза.

— Здесь только верхом, — послышался голос Стэнса.

Элосса подобрала платье. Грубый холодный камень царапал внутреннюю поверхность ее бедер, она передвигалась медленно, а насест становился все уже. Болтающиеся ноги отяжелели.

Она боялась потерять равновесие.

Затем Стэнс сделал прыжок, если можно так назвать его быстрое движение вперед из сидячего положения. Он положил факел на край пропасти, так что пламя освещало мост, и, стоя на коленях, протянул руки Элоссе. Девушка выпустила камень, за который крепко держалась, взяла посох, завернутый в подол платья, и протянула его Стэнсу. Стэнс взялся за посох и стал подтягивать Элоссу к себе через треснувший конец арки. Она с трудом проволоклась вперед и упала прямо на Стэнса, оттолкнув его назад. Несколько минут она вообще не могла двигаться, как будто ее силы и мужество истощились разом.

Руки Стэнса обвились вокруг нее. Элосса почти забыла о брезгливой неприязни к чужому прикосновению, унаследованной ею от клана Юртов. Она сознавала только, что тепло его тела отогнало в темноту бездны весь ее страх. Они перешли пропасть. Под ними был обычный камень.

Раски выпустил ее и занялся готовым погаснуть факелом. Он помахал им, раздувая огонь. Элосса встала, опираясь на посох, но чувствовала себя вне времени и пространства, по щекам ее катились слезы, а крепкий камень под ней качался.

Стэнс поднял факел. Пламя явно отклонялось

назад. Поток воздуха, свежий, как ветер с гор, шел откуда-то спереди. Значит, тут был какой-то путь для них. Элосса была голодна, всё ее тело болело от усталости, но она не хотела отдыхать здесь. Появилась надежда наконец-то вырваться отсюда, а это самое главное.

В стене перед ними было отверстие — естественный, необработанный камень, и из него шел поток воздуха. Стэнс просунул туда голову и глубоко вздохнул.

— Мы, наверное, близко к выходу, — сказал он. — Этот ветер не пахнет подземельем.

Наверное, Стэнс почувствовал, что его слова подбодрили ее, потому что он рванулся вперед, и она поспешила за ним.

Они вышли в ночь, почти такую же темную, как проход, по которому только что шли. Небо заволокло тучами, которые закрыли луну и звезды. Ветер обещал приближение зимы. Они нашли дверь в мир, но сначала надо было кое-что узнать о нем. По молчаливому согласию они вернулись в проход, нашли нишу, укрывшую их от ветра, и сели там, решив переждать ночь.

Элосса достала последнюю лепешку. И у них была вода во фляжке. Поев, они решили спать по очереди. Стэнс вызвался первым нести вахту,

и Элосса не возражала. Она так была измучена переходом по мосту, что сейчас рада была завернуться в плащ и хоть немного отдохнуть. Уснула она мгновенно.

Элосса очнулась от того, что Стэнс прикоснулся рукой к ее плечу. Он проворчал что-то неразборчивое и улегся в темноте, а она стала смотреть на необычную высокогорную местность.

Сначала Элосса стала настраивать свой затуманенный сном разум на определение места, где они сейчас находились. Они шли через равнину в основном с востока на запад. Но когда Стэнс нашел Рот, он шел явно на север. А куда они шли подземельем? Тоже на север? Она была в этом уверена. Когда ее глаза привыкли к темноте, она заметила, что горные пики значительно выше холмов, по которым они шли раньше. Она всю жизнь прожила в горах и безошибочно чувствовала высоту.

Давление, преследовавшее их, необходимость убежать от него, исчезли, и она старалась выстроить то немногое, что знала, в логической последовательности, чтобы представить себе, что ждет их в будущем.

В пути, по которому они прошли, бросались в глаза два наследия: Раски и Юртов — Атторн

и таинственная фигура, пытавшаяся убить их древним оружием ее народа. Но как раз из-за этого наследия и не было причин для такой согласованной угрозы. Насколько Элосса знала, мирных встреч между Раски и Юртами никогда не существовало.

Она порылась в складках одежды и извлекла зеркальце Лунного света не было, чтобы дать ему жизнь, она видела только диск, и он был тусклым. Пользоваться им в таких условиях — значило остаться беззащитной перед чьим-нибудь мысленным взором. Она без устали вертела зеркальце, мечтая привести его в действие, но делала это осторожно, притормаживая свои желания.

Тот зов Юрта не был ошибкой. Если бы то была только мысленная иллюзия, под пару зрительной, тогда Элосса действительно пропала. Холод страха пробежал по ее телу. Мозг должен контролировать иллюзию, но если он захвачен тем, чему не может противостоять даже самый сильный Юрт, что тогда? А ведь она не обладает полной властью, как старшие.

Она поднесла к губам зеркало, подула на него и затем, держа его на уровне глаз, сосредоточилась. Если здесь был Юрт, ее зов достигнет его.

Элосса никогда еще не пользовалась диском, когда не было света. Но теперь… Нет, она не ошиблась: диск стал нагреваться. Он включился!

Она настоятельно звала. Ответа не было. Если Юрт и был здесь, то теперь уже исчез. Рискнуть попытаться с Раски? Элосса заколебалась. Воспоминание о Рте было очень свежо.

Лучше не играть с силами, которых не понимаешь. Тот темный язык, что обвился вокруг Стэнса, был за пределами ее знания. Она с сожалением сжала зеркальце в ладонях, отпустила сосредоточенность и спрятала диск.

Небо стало светлеть. Похоже, что они действительно шли на север. Скоро ли начнутся зимние бури? Зима всегда была нелегка для Юртов, а у нее со Стэнсом не было ни припасов, ни крова, и об этом они должны первым делом позаботиться.

Занялась заря, и Элосса увидела внизу новую страну. Проход, в котором они провели ночь, выходил на склон, под которым лежала долина. По сравнению с обширным пространством разрушенного города, эта долина была относительно узкой, но шла с востока на запад, и Элосса была уверена, что видит блеск водного потока. На нижних склонах была растительность, поднимались низкорослые деревья. Но во всем этом было

что-то нездоровое.

Тем не менее, источник воды был важен, хотя вблизи потока могла быть жизнь, а значит и опасность. Там могут странствовать саргон и родственные ему хищники. У Стэнса было охотничье ружье, а у нее только посох. Даже защищаться нечем.

— Мрачно… — сказал Стэнс, подойдя к ней. — Эта местность не располагает к путешествию. Но там есть вода, и, вероятно, хорошая охотничья территория.

Они пошли вниз по склону. Не сговариваясь, они пользовались по пути всеми возможными укрытиями, а Элосса приоткрыла мозг, улавливая намек на жизнь.

— Двурогие… — прошептала она. Стэнс бросил на нее удивленный взгляд. — На западе, — указала она движением подбородка. — Их четверо. Пасутся.

Он быстро кивнул и повернулся в указанном направлении, уже держа лук наготове. Элосса почувствовала легкую тошноту. Правда, она не заманивала беззащитное животное подойти поближе, но от этого ее предательство было ненамного меньше. Справедливо ли это — убивать, чтобы жить. Если бы она защищалась от напа-

дения… но двурогие не нападают. Да, она стоит перед необходимостью нарушить собственное кредо. Голодать, потому что нельзя убивать… Сильный человек может принять это, а у нее не было такой силы. А раз так, она должна принудить себя смотреть.

Животные почти скрылись в высокой траве. Их было четверо. Элосса правильно уловила излучение жизненных сил. Там была самка с полу взрослым детенышем и два самца.

Стэнс выстрелил. Младший самец конвульсивно подскочил, из его горла хлынула кровь. Другой самец громко закричал и погнал самку с детенышем пред собой, спасаясь бегством. Стэнс бросился вперед с ножом в руке и быстро прикончил раненого зверя.

Элоссу снова затошнило, когда она подошла к месту убийства. Она сунула палец в лужу крови и сделала на лбу алый знак своего греха. Она должна носить его, пока не сможет каким-нибудь образом искупить этот грех. Раски поглядел на нее с явным изумлением.

— По моей вине погибло невинное существо, — сказала она. Ей не хотелось объяснять свой позор, но она должна была это сделать. — Теперь я должна носить кровавый знак убийцы.

Его удивление не уменьшилось.

— Это же мясо, без него мы умрем. Здесь нет полей, чтобы взять урожай, нет спелых фруктов, которые можно сорвать. Разве Юрты не едят мяса? Как же они живут?

— Мы живем, — мрачно ответила она, — и мы убиваем, но никогда не забываем, что убивая, берем бремя смерти на себя, будь то человек или животное.

— Но ты не мазалась кровью саргона, — заметил он.

— Нет, потому что там была борьба на равных, обе жизни рисковали, и это остается на весах Первого Принципа.

Стэнс покачал головой в замешательстве.

— Ладно, пусть пути Юртов остаются, — он пожал плечами, — а нам нужно есть.

— Мы рискнем развести костер? — девушка смотрела на дальний конец луга, где бежал поток. Течение было быстрым и несло массу водорослей, веток, прутьев, как будто где-то наверху был шторм, и вода захватывала по пути обломки. На берегу был песок, высокие скалы и никакой растительности.

— А что говорит твой талант Юрта? — спросил он. — Если ты могла найти животное для нашего

пропитания, не делая никаких долгих поисков, то можешь, наверное, сказать, одни ли мы здесь.

Элосса не была убеждена, что вопрос был задан без скрытой враждебности. У них такое разное наследие — как знать, нет ли за его словами какой-нибудь другой цели? Она замялась. Выдать свою слабость Раски — не будет ли это страшной глупостью? С другой стороны, нечего хвалиться своей силой, если она не может призвать ее в нужное время. Это может оказаться хуже, чем если она признается, что для ее действия тоже есть границы.

— Если я пошлю мысле-поиск, — тихо сказала она, — а здесь есть равно тренированный мозг, он тут же узнает о нашем присутствии.

— Но ведь это может быть только мозг Юрта, — сказал Стэнс. — Разве ты боишься собственного народа?

— Я путешествую с Раски. У нас нет ненависти или страха к твоему народу, но я покажусь странной.

— Ну да, как и я в компании Юрта! — согласился он. — Большинство моих родственников содрало бы с меня эту повязку, — он показал на свою забинтованную руку, — не спрашивая моего согласия.

Элосса приняла решение, в основном, из-за мучившего ее голода: она не могла и подумать поднести ко рту сырое мясо. Жалкая причина, по которой тело пересиливает все остальное, но тело должно питаться, иначе погибнет и мозг.

Когда Стэнс снова занялся своим мясницким делом, она встала на колени и достала зеркальце. Поверхность диска засияла на солнце. Она посмотрела на диск и послала в него резкую мысль.

— Покажи мне Юрта!

Поверхность диска покрылась рябью. Затем там появилась туманная, еле различимая фигура — возможно, та, что стояла против них в коридоре. Ее мысле-поиск достиг фигуры. Жизнь… далеко… но Юрт ли это? Она не уловила ответной вспышки мозга. Этот мозг больше походил на мозг Раски — закрытый, незнающий…

— Поблизости никого нет, — сказала она, пряча зеркальце.

— Прекрасно. По реке плывет много топлива для костра, и дыма будет мало.

Элосса пошла собирать топливо.

Они насадили куски мяса на прутья и поджарили над огнем. Элосса ела, борясь с отвращением, а Стэнс, облизывая пальцы, сказал:

— Зажарим, сколько можно, и возьмем с собой.

Не успел он это произнести, как Элосса вскочила и уставилась через поток на другой берег. Там вдруг возникла фигура. Элосса задохнулась. Это был не Юрт, а темнокожий темноволосый мужчина, похожий на Стэнса, но лицо… Это было лицо Атторна, только во плоти. Человек не носил ни меховой одежды охотника, ни грубо тканого плаща горожан, ни примитивной брони солдат Раски, его тело плотно обтягивал черный комбинезон, вроде того, что носили Юрты в своем корабле, только этот комбинезон был расписан красными узорами, как будто сквозь него проступала свежая кровь. Узор вспыхивал и угасал и снова загорался. На плечах висел короткий кроваво-красный плащ с черным узором. Голова увенчивалась гребнем густо-черных волос, то ли чем-то связанных, то ли просто растущих вверх. Более варварской фигуры Элосса еще не видела. Она инстинктивно послала мысле-зонд, но ничего не встретила.

Незнакомец вытянул руку вперед. Его губы — толстые, презрительно улыбающиеся губы Рта Атторна — выщелкивали слова, тяжело пролетавшие в воздухе, словно пули из какого-то диковинного оружия, чтобы сбить с ног двоих на

этом берегу.

— Раски!

Стэнс вскрикнул. Появление человека застало его на коленях, но теперь он уже стоял, пригнувшись и крепко сжимая рукоятку ножа.

— Филбур! — выкрикнул он родовое имя, как боевой клич.

Не раздумывая, Элосса выхватила зеркальце, сорвала с шеи шнурок, на котором оно держалось, и раскрутила в воздухе.

Была ли то случайность или вмешательство сил, которые она вызвала неожиданно для себя самой? Из вытянутого пальца фигуры с лицом Атторна вылетел огненный луч и ударил прямо в зеркальце, многократно усилившееся отражение луча вернулось обратно. Черно-красная фигура исчезла.

— Кто это был? — спросила Элосса.

— Этого не может быть! — махнул рукой Стэнс. Он взглянул на девушку, и вид у него был ошеломленный. — Время не стоит на месте… Человек, умерший полтысячи лет назад, не может ходить!

— Ходит, — она бросила на зеркальце взгляд. Так случайно, почти невообразимо отразило оно то, чем незнакомец хотел уничтожить Стэнса. Диск треснул, потемнел. Элосса тщетно терла

его о плащ, хотя и так была уверена, что отныне зеркальце уже действовать не будет. — Ходит, — повторила она со вспышкой гнева, — чтобы убивать!

— Это был Керн из Дома Филбура. Он правил в Кал-Хат-Тане. Он… он моей крови… вернее я его крови. Но он же погиб вместе с городом! Это точно — все об этом знают! Однако, ты видела его, правда? Скажи, видела?

— Я видела мужчину, похожего на Раски, в черном и красном, но у него лицо Атторна, а ты говорил, что не знаешь его.

Стэнс провел рукой по лбу. Он, видимо, был потрясен больше, чем она думала.

— Я знаю… Что я знаю или не знаю? — выкрикнул он ей, не ей, а окружающему миру. — Я уже ни в чем не уверен! — он прыгнул к ней, схватил ее за плечи и изо всех сил тряхнул. — Не твоих ли рук это дело, Юрт? Всем известно, что вы можете играть чужими мозгами, как настоящий человек мышками. Ты запутала мои мысли, навела чары на мои глаза, чтобы я видел то, чего нет?

Девушка яростно вырвалась из его рук и отступила, подняв к его глазам почерневшее и почти разбитое зеркало видения.

— Это сделал он — лучом, который послал в

тебя. Подумай сам, Раски, что сделал бы с тобой этот луч, если бы эта сила не отразила его!

Стэнс, по-прежнему хмурый, быстро взглянул на диск.

— Я не знаю, что он хотел сделать, — угрюмо сказал он, — но здесь злая страна и... — Он не договорил: через реку перебирались, перепрыгивая с камня на камень, не Юрты и не Раски...

Элосса в страхе закричала, так чужды были эти создания всякой нормальной жизни. Искривленные тела, слишком длинные или слишком короткие руки и ноги, страшно деформированные лица... кошмарные существа, отдаленно напоминающие людей, но совершенно чудовищные. Они волной хлынули на берег и без звука напали на них.

Элосса схватилась за посох. У Стэнса все еще был в руках нож, но у них не было никакой возможности спастись. Вонючие тела окружили их со всех сторон. Четырех- и шестипалые руки, бескостные щупальца хватались за них и валили наземь. Страшное отвращение, с которым Элосса смотрела на изуродованные тела и лица, ослабляло ее, убивало силу мысли.

Чудовища повалили их на землю. Элосса содрогалась от прикосновения этих ужасных рук. Ей

трудно было дышать от зловония, она с трудом сохраняла сознание. Ей крепко стянули руки и ноги, пока одно из созданий прижимало ее к земле. Хуже всего, что держала ее женщина. Нападавшие были голыми, если не считать грязных обрывков ткани вокруг бедер. И женщины были так же агрессивны, как и мужчины.

Молчание, с которым они напали, теперь нарушилось: раздался хор хрюканья, свиста и ещё каких-то звериных звуков.

Омерзительные существа окружили Элоссу со всех сторон и она не видела Раски. Теперь чудища разрешили себе некоторое развлечение: они дергали ее за волосы, царапали ногтями — у кого они были, оставляя на ее теле кровавые полосы.

Элосса стала понимать, что между ними идет какой-то спор. Дважды группа их оттаскивала ее от воды, а другая с бормотаньем и визгом отнимала ее у них и приносила обратно. Она ожидала появления Керна, поскольку была уверена, что это он выпустил на них эту ужасную свору. Но никого, кроме этих существ, не было.

Один сунул в костер прут, покрутил его в воздухе, чтобы конец загорелся, и заковылял к Элоссе, с явным намерением выжечь ей глаза, но более рослый и тяжелый мужчина схватил пальцами-

щупальцами своего щуплого соратника за горло и швырнул на землю. Стоявшие у самого края воды пронзительно закричали. Крупный мужчина бросился на тех, кто окружал Элоссу, разогнал их кулаками и пинками беспалых ног, схватил Элоссу за волосы и потащил к самому берегу. Там он взял ее поперек тела, поднял и бросил в воду.

Она упала, но не в воду, а в подобие лодки, которая угрожающе накренилась, но не перевернулась. А в следующую минуту в лодку свалился Стэнс, брошенный тем же манером.

Раски лежал неподвижно, и Элосса испугалась, что он мертв. Его тело упало поперек Элоссы и придавило ее ко дну лодки, где плескалась грязная вода. Она старалась поднять голову, чтобы ей не захлестнуло лицо.

Лодка дернулась и поплыла, однако, никто из кошмарных существ не присоединился к ним, пленников просто пустили по течению связанных и беспомощных.

Подхваченная быстрым потоком, лодка, крутясь, понеслась по реке. Поле зрения Элоссы было закрыто телом Стэнса, так что она видела только небо. Но затем с каждой стороны поднялись стены и закрыли большую часть неба. Скоро Элосса могла видеть только узкий просвет между двумя

отвесными темными скалами.

Время от времени лодка ударялась о какие-то препятствия, и Элосса напряженно ожидала, что их суденышко перевернется или разобьется о скалы. Все это время она старалась освободить руки. Они были в воде, и Элосса надеялась, что это ослабит узлы, но боялась делать резкие движения, чтобы не нарушить равновесие в утлой посудине. Она обрадовалась, услышав стон Стэнса. Может, он придет в себя, и тогда у них будет чуть больше шансов. Затем она увидела на его плече кровь: почти зажившая рана, видимо, была снова растревожена.

— Стэнс! — окликнула она. Он снова застонал и что-то слабо пробормотал, но грохот воды заглушил эти звуки. Воображение Элоссы понемногу расклеивало захват, в котором она держала свои эмоции. Что ждет их впереди? При такой скорости течения нельзя надеяться выплыть в протекающей лодке, а возможно, их ждет падение с водопадом в бездну.

— Стэнс! — впрочем, может быть она напрасно старается привести его в чувство? Неосторожным движением он может перевернуть лодку. Вода в лодке прибывала и плескалась уже у подбородка Элоссы. Если бы можно было сдвинуть Стэнса,

она подняла бы голову повыше.

Его тело дернулось, и вода плеснула Элоссе в лицо.

— Осторожнее! — почти крикнула она.

— Где?.. — слабо, но осознанно произнес он.

— Мы в лодке. Я под тобой. Здесь вода, и я стараюсь поднять голову над ней.

Понял ли он? Ответил Стэнс не сразу. Она старалась вывернуться из-под него, поднимая голову. Шея ее болела, и двигать ею становилось все труднее.

— Я постараюсь сползти вниз, — сказал он вполне отчетливо. — Будь готова.

Она глубоко вздохнула. Он немного сдвинулся в сторону кормы. Лодка дико завертелась. Вода прокатилась по лицу Элоссы, но каким-то чудом они не перевернулись. Он двинулся еще раз, и Элосса, наконец, освободилась от его тяжести. Настала ее очередь.

— Приготовься, — предупредила она. — Я постараюсь подняться повыше.

Теперь ее подбородок упирался в грудь, но зато лицо было над водой. Она увидела, что Стэнс повернулся и лег поперек лодки. Течение было по-прежнему быстрым, но лодка, казалось, стала более устойчивой. Элосса почти ничего не

знала о лодках — Юрты не пользовались ими, но поняла, что смена их положения каким-то образом улучшила ход лодки. Теперь она видела, что поток мчится по узкому ущелью между очень высокими берегами. Даже если бы им удалось выбраться из воды, вряд ли они смогли бы влезть на эти природные стены.

Она опять стала осторожно дергать связанными руками, и к ее величайшему удивлению узлы чуть-чуть ослабели. Видимо, вода помогла. Элосса поделилась своим открытием со Стэнсом. Он кивнул, но, кажется, не слишком заинтересовался. Глаза его были закрыты, он лежал неподвижно. Похоже, вся его энергия ушла на то, чтобы сдвинуться и освободить Элоссу.

Но ее решимость и воля росли. Впечатление, произведенное напавшими на них чудовищами, потускнело. Брошенная на произвол судьбы, связанная, Элосса все-таки на что-то надеялась. Первым делом надо освободить руки. Несмотря на боль в запястьях, она, напрягаясь и расслабляясь, растягивала ремни, которыми они были связаны.

Стэнс по-прежнему не открывал глаз, и Элосса подумала, что он снова потерял сознание. Сколько времени еще продлится стремительное

плавание, их бег по воде? Она еще немного приподняла голову и увидела, что стены становятся ниже.

Последнее усилие — и руки свободны. Затекшие пальцы потеряли чувствительность, но когда циркуляция крови начала восстанавливаться? Элосса чуть не закричала от боли. Несмотря на это, она заставляла себя сгибать и разгибать непослушные пальцы. Наконец, она смогла ухватиться за узлы на лодыжках. Ремни глубоко врезались в тело. Когда девушка вспомнила, что существа, захватившие их, не обыскивали ее, она пошарила за пазухой и достала из потайного кармана небольшой нож. Он чуть не выпал из ее затекших пальцев, но все же Элосса сумела разрезать ремни. Затем она осторожно повернулась и посмотрела, что можно сделать для Стэнса. Поток воды еще больше сузился, и течение стало быстрее. Лодка была тупоносая, с высокими бортами. Похоже, у нее был деревянный каркас, обтянутый такой толстой кожей, что непонятно, какому животному она принадлежала. Кожа была чешуйчатой снаружи и гладкой внутри и, вероятно, была крепче всякого дерева. Чувствовалось, что лодка очень старая, она как бы вообще была не из этого времени.

Элосса чуть-чуть придвинулась к Стэнсу и увидела, как глубоко врезались ремни в его руки. Ноги пострадали меньше, поскольку он был в охотничьих сапогах. Она освободила его от пут и устроила поудобнее, насколько это было возможно.

Но что они могли сделать без руля, без весел, лишенные всякой возможности управлять лодкой? Элосса глубоко вздохнула и задумалась, глядя на воду.

Ей не пришлось долго размышлять, потому что конец их путешествия был близок. Каменные стены вдоль берегов становились все ниже, и вот они вырвались из каньона в долину — если это была долина, а не равнинная страна за горами. Во всяком случае, ровная поверхность, покрытая пожухлой травой, тянулась, как море, насколько хватало глаз.

Поток, несший их, уже не бежал так быстро, и на пути его встречались то кустарник, росший прямо из воды, то мелкие деревца. Только они и возвышались над густой травой. Долина выглядела пустынной. Близился вечер, и вокруг не было ни птиц, ни пасущихся животных. Тусклый цвет травы и по-осеннему окрашенные листья деревьев создавали впечатление заброшенной

страны, будто вся жизнь вытекла из нее. Оглядевшись, Элосса вздрогнула от внутреннего холода.

Стон Стэнса снова привлек внимание Элоссы к спутнику. Он открыл глаза и посмотрел на Элоссу вполне осмысленным взглядом. Стэнс дотронулся до раненого плеча и вздрогнул, а затем оглядел равнину.

— Мы за горами, — сказал он.

— Да, — ответила Элосса, — но где, не имею понятия.

Он нахмурился и потер лоб.

— Это был сон, или мы действительно видели там Керна?

— Мы видели человека… с лицом Атторна, — осторожно ответила Элосса. — И ты назвал его Керном.

— Значит, это не сон, — тяжело произнес Стэнс. — Но Керн давно умер. Хотя… он был и королем, и жрецом, и в его время люди шептались… я слышал только обрывки этой легенды. Керн имел дело с силами, о существовании которых большинство людей не подозревает — по крайней мере, так говорили. Я плохо помню. — Он снова покачал головой. — Чувствую, что мог бы вспомнить, но между мной и правдой стоит какая-то стена. Керн… — его голос упал.

— Если это был ваш давно умерший король, — резко сказала Элосса, — он создал себе злых последователей. Чудовища, которые схватили нас, не человеческого рода.

Элосса, глядевшая вдаль, вдруг вскрикнула: то, что казалось стеной кустарника, теперь стояло прямо над водой, и вода беспрепятственно проходила под ним. Совершенно очевидно, что это барьер, и лодка должна столкнуться с ним.

Осторожно балансируя, Элосса встала на колени, но поняла, что даже встав на ноги, не достанет до вершины барьера. Лодка снова завертелась, когда встал Стэнс.

— Доплывем? — спросил он.

Хотя Элосса плавала в горных озерах, но здесь ее пугало быстрое течение. Может, лучше взобраться на барьер, когда они столкнутся с ним? Однако, само его присутствие здесь таило в себе угрозу. Это не было каким-то капризом природы, в этом Элосса была уверена, барьер был сделан — но кем и с какой целью?

Но оказалось, что выбора у них нет вовсе: как только лодка подошла к барьеру, откуда-то прямо из воздуха упала сеть и накрыла лодку. Элосса и Стэнс пытались освободиться от сети, но из-за кустов и деревьев с обеих сторон потока появи-

лись люди.

Они не были чудовищами. У них были прямые, красивые тела. И… это были Юрты! Элосса позвала на помощь. Ведь они были одной с ней крови! На некоторых была грубая одежда горных кланов, такая же, как на ней, на других — плотно облегающие комбинезоны, как на изображениях, которые она видела на корабле, и какой был на Юрте, встреченном ими в коридоре в горах.

Элосса послала настоятельный мысленный зов и вскрикнула от испуга: они были закрыты от ее прикосновения. Они были Юртами только по виду, но не по мозгу.

Теперь она отчетливо видела их лица, пустые, без всякого выражения глаз. И они не разговаривали друг с другом, как и те, что были на другом берегу, и подтаскивали сеть к себе.

— Это Юрты, — сказал Стэнс, — твой народ. Что они хотят с нами делать?

Элосса покачала головой. Она чувствовала себя чужой и потерянной — встретить закрытый мозг, пустые лица, когда она имела право надеяться на совершенно противоположное… Ей казалось, что эти люди охвачены каким-то кошмаром или столь сильной галлюцинацией, что все попытки Элоссы разрушить ее, бесплодны.

— Они выглядят, как Юрты, — высказала она свою растерянность, — но это не Юрты, не такие, каких я знаю.

Кто бы они ни были, они прекрасно сумели воспользоваться водой и своей странной сетью, чтобы захватить пленников. И их было слишком много, чтобы Элосса и Стэнс, истощенный открывшейся раной, могли защищаться. Хотя ее первая попытка общения провалилась, девушка вторично послала мысль своим пленителям, но, похоже, никто из них ее не воспринял.

Им связали руки за спиной и повели прочь от потока по пустой равнине. После захода солнца они остановились там, где, как видно, было место для лагеря, на это указали остатки костров.

Юрты шли молча, не разговаривая ни с пленниками, ни между собой. Элоссу бросало в дрожь от контакта с ними. Они казались пустыми оболочками, повинующимися чьей-то воле и не имеющими собственного разума. Но эти тела нуждались в пище и воде. Они достали свои припасы и разделили их с пленниками. Пленников развязали, но внимательно следили за ними, пока те жевали полоски сушеного мяса, твердого, как дерево, и пили из фляжек. Даже вода была какая-то странная, с металлическим привкусом,

как будто долго находилась в контейнере.

— Куда вы нас ведете? — спросил Стэнс, и его голос прозвучал неожиданно громко в полной тишине. Он обратился к Юрту, который снова связал ему руки.

Видимо, человек был глух, потому что он даже не взглянул на Стэнса, а затянув последний узел, с довольной усмешкой отошел. Раски посмотрел на Элоссу.

— Они твоей породы, тебе-то они должны ответить, — сказал он со странной нотой в голосе. Элоссе даже показалось, что он полностью объединил ее со своими врагами, несмотря на то, что ее тоже взяли в плен.

Она облизала губы и бросила призыв, о котором думала во время их путешествия в этот лагерь. Делать это перед Раски — значило идти против всего, что внушалось ей с рождения: дела Юртов касались их одних. Но она должна была пробиться. Это было сейчас самым важным.

Рот ее так пересох от волнения, что она, казалось, не сможет произнести ни одного слова. Но она должна была это сделать — она знала. И она запела. Слова песни были такими древними, что даже значение их было забыто. Они шли из туманного прошлого и, вероятно, когда-то были

исключительно важными, и каждый Юрт заучивал их наизусть.

— Вначале… — начала она на забытом ныне языке, — были созданы Небо и Юрт (последнее слово было единственным понятным) — и вот человек получил жизнь и…

Слова слетали теперь быстрее, отчетливее, произносились с большой энергией и силой. И… Да, один из Юртов, одетый как она, повернулся к ней. Легкое замешательство мелькнуло на его пустом лице, губы дрогнули, и его голос присоединился к песне, слабый, тихий, прерывистый. Но когда она замолчала, он увидел ее, по-настоящему увидел! Как будто она разбудила, если не всех, то этого одного. Его глаза перешли от ее лица к связанным рукам, к концу веревки, захлестнутой вокруг руки другого стражника. Внимание на его лице сменилось беспомощностью.

— На Юртах бремя греха! — сказал он хрипло, словно очень давно не пользовался своим голосом. — Мы платим, Юрт, мы платим!

Никто, видимо, не обращал внимания на этого вдруг заговорившего Юрта.

Элосса шагнула вперед.

— Кому Юрты должны платить? — спокойно спросила она.

— Атторну, — последние слова вместе со следами интереса слетели с его лица, он повернулся и отошел.

Она послала зонд со всей силой, на какую была способна, решив сломать обнаруженный ею барьер, отыскать в пустой скорлупе человека. Видимо, она нашла брешь, потому что стражник снова повернул голову, но затем впал в прежнее сумеречное состояние.

— Итак, Юрты платят, — комментировал Стэнс.

— Атторну, — резко ответила Элосса, обескураженная неудачей, она надеялась узнать побольше. — Может быть, твоему Керну, — и добавила, сама не веря своим словам. — Но если здесь правит Атторн, почему Раски идет связанный?

— Вероятно, нам скоро представится случай узнать это, — столь же раздраженно сказал Стэнс.

С наступлением темноты Юрты улеглись спать, заботливо положив каждого пленника между двумя стражами. Концы веревок, которыми связали Элоссу и Стэнса, были обмотаны вокруг стражников, так что при малейшем движении пленников страж, а то и оба просыпались. Тот,

что говорил с Элоссой, сел с другой стороны костра и закрыл глаза, явно не желая видеть ее.

Наконец, она уснула. Проснувшись, увидела, как один из Юртов подкладывает в костер хворост, сложенный здесь в ожидании их появления. Стэнса едва можно было разглядеть в темноте, и девушка не знала, спит он или нет. Ее беспокоила неудача мысле-поиска. Единственное объяснение всему этому то, что эти Юрты скованы чужой волей. «Бремя», от которого корабль освободил ее, и в самом деле давило многие поколения ее народа. Но Юрты оставались нормальными людьми.

Может быть, те, кто одет подобно Элоссе, это не вернувшиеся паломники? Они не погибли в горах, а оказались здесь, не живые и не мертвые. Однако, здесь были и другие, в космической одежде. Слишком много лет прошло с падения корабля и гибели Кал-Хат-Тана, чтобы кто-нибудь из экипажа мог жить сейчас — разве что нашли способ продления жизни свыше того летоисчисления, которое знала Элосса. Или сюда позднее пришел другой корабль?

Эта мысль привела ее в такое возбуждение, что она с трудом заставила себя лежать спокойно. Такое же состояние было у нее, когда она видела в полузасыпанном землей корабле сцены, проис-

ходившие до падения корабля.

Другой корабль мог быть послан за Юртами, чтобы увезти их домой. Домой? А где их дом? Может, одна из звезд, рассыпавшихся сейчас по небу — солнце, согревающее поля и холмы родины Юртов?

Она глубоко вздохнула, и с таким же волнением стала думать о другом.

Она знала, что люди, окружающие ее сейчас, не свободны. Если они и в самом деле пришли спасать, то вместо этого сами попали в западню и стали пленниками. Но они не были физически улучшены машинами корабля, как те Юрты, от которых произошла она. Ей захотелось немедленно доползти до Стэнса, разбудить его и заставить рассказать об Атторне, о Керне, имевшем лицо Атторна. Слишком много она не знала и не могла узнать, поскольку мысле-поиск отказался служить ей.

Перед зарей они закусили и снова пошли по равнине. Стэнс шел довольно далеко впереди Элоссы. Он, казалось, нетвердо держался на ногах, и время от времени стражник протягивал руку и поддерживал его с безразличием машины, выполняющей свою работу.

Иногда они останавливались на отдых. На каж-

дой остановке пленникам предлагались пища и вода. Сухая трава была здесь по колено, и Элосса не видела никакой тропы. Но отряд шел уверенно и явно не боялся сбиться с пути.

Впереди на горизонте виднелось что-то неясное. Незадолго до полудня Элосса наконец поняла, что это: равнина неожиданно заканчивалась утесом. Видимо, эта ровная поверхность, по которой они шли, была широким плато, и теперь им предстоит спуститься вниз. Несмотря на то, что зима была на носу, растительность, которую они видели там, была пышной, с густой листвой, как в середине лета. Сверху видны были только вершины деревьев.

Стражник, идущий впереди, повернул чуть влево и шагнул на ступени лестницы, начинавшейся прямо от утеса. Все стали гуськом спускаться в ожидавшую их низину.

Такой роскошной растительности, как в этой низинной стране, Элосса никогда еще не видела. Долины и равнины на востоке, которые Раски обрабатывали, как умели, казались пустыней в сравнении с этой землей. Лестница привела их отряд на широкую дорогу, и там стражники снова окружили пленников. Элосса продолжала удивляться, насколько же эта страна отличалась

от знакомых ей гор и долин.

Кроны деревьев смыкались над головой зеленой аркой, нависали над дорогой, словно полог. Да и сами деревья были совсем другими. По их стволам, по нижним веткам вились толстые виноградные лозы, почти ломавшиеся под тяжестью ярко-алых гроздьев.

Вокруг них летало и ползало множество пирующих — и пернатых, и покрытых мехом. Их крики сливались в один утомительный гул. Однако, ни один из стражей ни разу не глянул вверх и, кажется, вообще не замечал ничего. Воздух был влажный, опьяняющий, тяжелый приторный аромат забивал ноздри, дыхание становилось учащенным.

Дорога была очень хорошей. Элосса обратила внимание, что густой подлесок тоже нависал над дорогой. Возможно, сами плиты шоссе и генерировали какое-то предостережение, не позволявшее лесу вторгаться в работу строителей, так изменивших природу.

Но дорога шла не прямо. Попадались деревья такой толщины, и с такими кронами, что дорога обходила их, убегала от них то на восток, то на запад. Если оглянуться назад, то она как бы исчезала с каждым поворотом.

Пот катился по лицу Элоссы. Жар проникал сквозь ее толстую одежду, и грубая ткань натирала и царапала кожу. Юрты не останавливались и не сбавляли шаг.

Но все дороги когда-нибудь кончаются, кончилась и эта, когда они обогнули три гигантских дерева, так густо обросшие лианами и папоротником, что казались крепкой, как камень, стеной.

Перед ними была площадка, вымощенная каменными плитами. В ее центре Элосса увидела квадратное отверстие. Теперь они снова стали спускаться по лестнице, на этот раз под землю. Лестница шла по спирали вокруг колодца. Чем ниже они спускались, тем слабее становился приторный запах леса, и откуда-то шел поток свежего воздуха.

Элосса Пыталась считать ступени, чтобы иметь представление, на какую глубину они спускаются, но сбилась со счета. Ей все больше и больше не нравилось это место. Юрты всегда жили под открытым небом, дышали свежим ветром. Подножие лестницы упиралось в проход. Вдоль него были расставлены в стенных кольцах факелы, пахло дымом и копотью.

Проход закончился аркой, и Элосса чуть не упала: они опять оказались перед каменным лицом

Атторна. Его широко раскрытый рот ждал их.

Двое Юртов опустились на колени и проползли через него. Нажим на плечи заставил Элоссу принять такую же унизительную позу и последовать за ними. Она со злостью повиновалась, вздрагивая всякий раз, когда касалась стенок этого рта.

За ним была большая комната с каменными стенами и полом. В дальнем его конце на возвышении стояло огромное кресло с высокой спинкой и широкими подлокотниками. Но как ни велик был этот трон, сидевший на нем человек не казался маленьким.

В черном и красном, с высоко зачесанным гребнем волос… Это был тот, кого они видели перед нападением уродов. Он улыбнулся, когда стражи вытащили Элоссу вперед, и следил за ней, как следил бы саргон, имей он чуть больше разума, за своей беспомощной добычей.

Девушка высоко подняла голову. Что-то в ней тут же бросило вызов этой высокомерной улыбке, хотя Элосса ничего не могла сделать, разве что помериться взглядом с хозяином этих мест.

У Юрта, тащившего ее, было такое же пустое лицо, как и у остальных. Видимо, они полностью находились во власти Керна, были его вещами, поистине проглоченными Атторном.

— Лорд… — прервал молчание Стэнс. Он прошел мимо Элоссы, как бы не видя ее., и встал на нижнюю ступеньку помоста. — Великий Король…

Темные глаза Керна повернулись от Элоссы к Раски, так похожему на него телом. Улыбка его погасла.

— Ты был вместе с Юртом… — последовало оскорбительно-унизительное слово.

— Я — Стэнс из Дома Филбура, — он не встал на колени и говорил, как с равным, — из Дома Филбура, — повторил он эти три слова, как талисман, в какой-то мере равняющий его с Керном. — Так ли правитель Кал-Хан-Тана встречает своего родственника? — он дернул плечами, как бы указывая, что пришел связанным.

— Ты запятнал себя общением с Юртом.

— Я привел тебе Юрта, делай с ним, что хочешь. Твои слуги не потрудились спросить.

Значит, вот как! Смутное недоверие Элоссы к Раски оказалось правильным! Ложь шла за ним с той минуты на борту корабля, когда Стэнс внешне признал, что у них общее дело.

Керн взглянул резко, испытующе. Элосса почувствовала зонд — не чистый и ясный контакт Юрта — совсем другой. Это было беглое пощи-

пывание внешней защиты ее мозга, оно желало проникнуть внутрь, но сила его для этого была слишком мала.

— Интересно, — заметил Керн. — А как ты узнал о Кал-Хат-Тане, Раски?

— Это… это было возложено на Дом Филбура. Мы брали цену крови за Кал-Хат-Тан. Мы брали ее с каждого поколения.

— Цена крови за Кал-Хат-Тан может быть и другого сорта, Раски. — Керн слегка махнул в сторону стоявшего рядом пустоглазого Юрта. — Грязный Юрт здесь раб. Это хуже смерти, не так ли, Юрт? — обратился он к Элоссе.

Она не ответила. Керн, или какая-то чуждая сила в этом месте все еще искала путь через ее мозговой щит. Попытки были очень слабыми, но это вовсе не значило, что они не могут усилиться, и, возможно, без предупреждения.

Губы Керна, так похожие на рот Атторна, двинулись в легкой усмешке. Его взгляд, устремленный на нее, был хуже любого бича.

— Юрт сломлен, да, сломлен, и очень хорошо, родственник, что ты привел мне в дар самку. Наши рабы плохо множатся. У нас большой недостаток в самках. Да, твой дар хорош. — Он поднял руку, и Юрт, стоявший рядом со Стэнсом, быстро

шагнул назад и освободил руки Стэнса. — Ты уверяешь, что ты от крови Филбура, родич. Это мне тоже интересно. Я думал, наша кровь исчезла. А что касается Юрта — увести в загон!

Элоссу не надо было дергать за веревку, чтобы увести ее отсюда. Скрытое зло этого места поднималось вокруг ее ног, как зловонная грязь, и старалось затянуть ее. И к тому же она была сыта лицемерием Керна и его «родственника».

Ее вывели из зала через другую дверь, повели по лабиринту узких коротких коридоров и, наконец, втолкнули в комнату, где были женщины. Никто не взглянул на нее, когда она едва не упала, поскольку рук ей не развязали. Полдюжины женщин ее собственной расы тупо смотрели перед собой. Элосса увидела двух беременных и с ужасом вспомнила угрозы Керна. У всех были пустые лица и, вероятно, пустой мозг. Ни на ком из них не было космических комбинезонов, их платья походили на дорожную одежду паломников. Но среди этих женщин Элосса не нашла никого из пропавших членов ее клана и потому не могла спросить, давно ли они здесь. Затем одна женщина медленно повернула голову к Элоссе. Ее взгляд был таким пустым и бессмысленным, что девушка отступила. Женщина лениво встала, обошла

Элоссу и подергала веревку, связывающую руки девушки. Веревка упала на пол. Женщина вернулась на свое отвратительное ложе из грязных подушек и снова застыла в прежней позе. Элосса, растирая руки, отступала назад, пока не уперлась в стену, и села там, скрестив ноги. Ее взгляд снова вернулся к освободившей ее женщине. Та ничем не отличалась от остальных пленниц, но что-то заставило ее помочь Элоссе. Откинув голову к стене, Элосса закрыла глаза. Ощущение беспокойства, неприятного пощипывания на краю мозгового барьера исчезло. И она очень осторожно направила тонкую нить поиска — недалеко, на расстояние вытянутой руки. Если Юрты, одетые как она, были захвачены во время паломничества, их сила равна ее силе. Но, похоже, эту силу вытянули из них, оставив лишь пустую бесполезную скорлупу.

Но у Расков нет такой силы, по крайней мере, там, во внешнем мире. На них можно воздействовать галлюцинациями Юртов, чтобы привести в состояние отупения. Кто же такой Керн, если он сумел обратить в рабство людей с талантом, какого не было ни у кого из его расы?

— Керн — это Атторн…

Только дисциплина ума заставила Элоссу

остаться спокойной. Кто послал эту мысль?

— Где? — спросила она.

— Здесь. Но имей в виду, у Керна есть способы…

— Откуда?

— Атторн был богом. Керн — это Атторн, — пришел неясный ответ. — У него есть способы ломать мозг… но не всем. Кое-кто из нас был вовремя предупрежден… отступили…

Элосса открыла глаза и посмотрела на ту, что освободила ее от оков. Наверняка, это она.

— Спасибо. Но что мы можем сделать?

— Я не Дэнна, — быстро поправили ее. — Она сломлена, но все-таки немного реагирует. Мы — те, кто еще остался настоящими Юртами, работаем на исправлении поломки. Но нас очень мало. Нет, не ищи меня глазами, мы ведем мысленный разговор, но мы не знаем друг друга, потому что иначе может случиться, что из нас вырвут правду. Смерть, постигшая Кал-Хат-Тан, имела странные, злые последствия. Ты видела деформированные существа, повинующиеся Керну? Они ловят всех, кто появляется во внутренних землях. Так вот, они от крови Кал-Хат-Тана, но остатка от взрыва запятнали их. Время qt времени они рождают детей, таких же чудовищ,

как они сами. Керн обработан иначе: он знал тайны, известные только верховным жрецам и правителям. Несколько их человек было в тайном месте, когда городу пришел конец. Керн стал бессмертным, воплощенным — как считают он и его народ — Атторном, который никогда не знал ни добра, ни милосердия. Керн пережил тех, кто остался тогда в живых вместе с ним. Они уже знали, что сила Юрта в мозге, но искали эту силу своими средствами — убивая разум других. За долгие годы они узнали многое. Теперь…

Между говорившей и Элоссой как бы захлопнулась дверь: вдруг наступило молчание. Элосса закрыла глаза, но больше не посылала мысль. Обрыв связи был достаточным предупреждением.

Затем прямо в нее, как брошенное в ярости копье, влетела мысль-прикосновение.

— Сестра. — Это прозвучало резко, как и внутренний толчок, принесший это слово. В нем не было ни уклончивости, ни предупреждения.

Рискнуть ответить? То, что Элоссе удалось узнать здесь, говорило о том, что у Керна есть способы собирать силу Юртов. Может, он умеет имитировать и этот зов?

— Войди, — услышала она опять.

Любезное приглашение или ловушка? Элосса все еще колебалась. Кто знает, насколько глубоко проникла гниль в порабощенных Керном Юртов? Может, кто-то из них служит ему, выдавая новичка для настоящего захвата? Элосса чувствовала, что не может полагаться на собственное суждение. Взять хотя бы Стэнса: она была почти уверена, что он хочет отойти от предрассудков своего народа, как хотела сделать это и она. А оказалось, что Стэнс привел ее сюда, к Керну. Возможно, он с самого начала знал, где их схватят и зачем. Может, он так же предал и других паломников до нее.

— Войди, — потребовал другой мозг, открывая дверь в тот путь, которым редко пользовались даже Юрты, разве только когда встречались с теми, кому верили больше всего. Это была такая интимность, такое вторжение во внутренний мир, что к нему прибегали только во время великой опасности или желая честно разделить эмоции.

— Войди, — в третий раз сказал мозг, требовательно, даже раздраженно.

Элосса собрала всю свою энергию. Может, это будет величайшей ошибкой в ее жизни, а может быть, окажется защитой от самого худшего, того, на что гнусно намекал Атторн.

Она оформила мысле-зонд, надеясь, что сумеет вовремя отпрянуть, если ее доверие будет обмануто, и с этим зондом вошла, как приказывали.

Когда же ее встретило чужое прикосновение, она была так ошеломлена, что чуть не нарушила контакт: с ней требовал связи не один мозг, а объединение нескольких личностей! Элосса еще никогда не участвовала в такого рода контакте. Ее клан действовал сообща только для создания особо сильной и продолжительной иллюзии. Но Элоссу, как еще не совершившую Паломничество, никогда не приглашали приложить свою силу для общего блага.

Ее минутное сопротивление исчезло, она стала частью мысленного сообщества Юртов, в ней росла экзальтация, ощущение такого доверия, какого, пожалуй, никогда не бывало.

— Мы вместе! — сказал кто-то, кого, по-видимому, тоже захватила волна близкой победы. — Ну, сестренка, теперь мы достаточно сильны для дела!

— Что вы хотите делать? — спросила она всех, поскольку не могла разделить их на отдельных личностей.

— Действовать! — твердо ответили ей. — Мы уже давно начали объединяться. Мы прячемся

под личиной рабов, которую надел на нас Керн. Но мы должны накопить больше силы, чтобы выступить против него. Он сотворил такой барьер, который мы пока не могли пробить. Но теперь, сестра, с добавлением твоей силы мы можем дать ему последнюю битву. Скоро тебя поведут к Керну, чтобы сделать тебя такой, какими, он думает, стали мы. Иди с ними, но жди. Когда понадобится — мы будем готовы.

У Юртов в крови осторожность, недоверие к своему «я». Недоверие на миг охватило Элоссу. Однако, на нее успокаивающе подействовала полная уверенность этих голосов. И в аргументах чувствовалась логика. Если Юрты, захваченные в Паломничестве или еще где-то, и в самом деле объединили свои силы, то кто знает, что может сделать такое накопление. И в этом, конечно, ее единственная надежда на свободу, только так можно избежать грозящей ей ужасной участи. Глядя на сломленных женщин, она на секунду задумалась, кто же из них входит в этот общий голос.

— Мы не будем действовать до тех пор, пока Керн не воспользуется своей властью, — продолжал голос. — Мы не знаем, есть ли у него методы узнать, что мы хотим сделать. Поэтому не поль-

зуйся мысленным прикосновением, сестра, пока мы не придем к тебе сами.

Голос замолк. Элосса вздрогнула. Пока он был с ней, ей было тепло и спокойно, а теперь ею опять овладела печаль от сознания, что все пути ведут к гибели. Она закрыла глаза и занялась техникой сохранения и усиления энергии, какой долго и тщательно училась у своего клана.

Но ей не дали возможности вооружиться таким образом: дверь открылась, но вошел не стражник, а Стэнс. Он закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной, как бы ставя дополнительный барьер. Никто из женщин даже не взглянул на него. Лица их оставались пустыми.

Стэнс смотрел прямо на Элоссу. Губы его двигались, словно он посылал ей какое-то сообщение, которое нельзя было передать вслух. Она поняла только с третьего раза, когда он послал мысль:

— Войди!

Такое же приглашение, как и недавно. Но ведь он — орудие Керна! Если она станет повиноваться приказу Раски, не означает ли это рабство? Мульти-мозг не предупреждал ее против Раски, но это не значит, что тут не таится великая опасность, беда, какая постигла ее сестер здесь. И каким образом Раски мог послать мысль? Ведь это против

всех обычаев его расы?

Она просто не могла поверить. Но он в четвертый раз повторил то же и выглядел напряженным. Он чуть повернул голову к двери, как бы прислушиваясь к возможной опасности снаружи.

Стэнс требовал. Элосса взвесила свое теперешнее чувства к Раски и все, что случилось с ними в путешествии. Они спасли друг другу жизнь, это да. Но что это против его слов, сказанных Керну?

Ее врожденная настороженность воевала с другим чувством, которое она не была готова принять и которое хотела бы выдавить из мозга, но не могла. Доверие…

В конце концов, Элосса сделала то, что он хотел: послала мысленный зонд. Как она пыталась отпрянуть от встречи с мульти-мозгом, так и в нем на миг шевельнулось отвращение к ее вторжению. Но он тут же выпрямился, как будто это касалось его чести, бывшей для него дороже жизни. И она прочитала…

Да, ее инстинктивное чувство оказалось верным. То, что он сказал Керну, было единственным, что он мог сделать в ту минуту.

Она читала и узнавала.

Керн, как она уже знала, продолжал жить по-

сле разрушения города столетия спустя, потому что научился манипулировать мозгом и телом у темных жрецов. Они работали над такими изменениями, но не собственными внутренними условиями, а с помощью наркотиков и необычной практики контроля, которые держали галлюцинации до тех пор, пока нереальное становилось реальностью.

Спасаясь от разрушения в Кал-Хат-Тане кучка жрецов с Керном добралась до своего другого святилища, которое они считали очень древним, и куда время от времени удалялись и раньше с жертвами для своих несущих зло исследований. Керн жил или это была галлюцинация жизни? Как бы то ни было, здесь он правил.

Несколько Юртов из команды корабля были пленены, привезены сюда и подвергнуты процессу подчинения Керну. Они тоже остались живы, но это были лишь пустые оболочки прежних людей, поскольку они не успели пройти тех изменений, которые прошли остальные и не получили Высшего Сознания Юртов.

Когда новые поколения совершали Паломничество, некоторые из Юртов попали в сети Керна благодаря той же ловушке, в которую попала Элосса, — это был настоятельный зов, посланный

попавшим в беду Юртом. Таким образом тайный мастер из-за гор пополнял свою армию.

У него не было поражений, и он стал в собственных глазах бессмертным, всемогущим, самим Атторном — именно это и было главной целью его изысканий. Жрецы один за другим умерли — может, Керн помог им в этом… И он остался у власти один. Теперь Керн задумал собрать армию и расширить свои владения.

Он допрашивал Стэнса, желая узнать, что можно легко захватить на равнинных землях востока.

— Он читал твой мозг? — спросила Элосса. Ведь если Стэнс открыл свой мозг Керну, как сейчас Элоссе, то разве мог кто-нибудь из них надеяться на сопротивление?

— Он не мог, — ответил Стэнс. — Он был зол, я надеюсь, встревожен. Я не объединился с ним в Атторне. Однако, факт нашего родства не помешал ему попробовать сломить меня. У него есть многое, что долгие годы работало на него — наркотики и прочее, но все это требует времени, а я недостаточно долго был в его руках.

Элосса приняла решение.

— Продолжай в том же духе, разыгрывай его вассала.

— Но он скоро возьмется за тебя, чтобы ты стала такой же, как они, — Стэнс указал на женщин вокруг, которые, казалось, даже не заметили его присутствия.

Она верила Стэнсу, поскольку читала его мысли, но не решилась рассказать ему о своем контакте, о мысленной связи с сообществом юртов, только намекнула, что у нее есть какая-то защита, которой она еще не пользовалась.

— Возможно, мне удастся устоять. Если он держит в рабстве других Юртов, то он в какой-то мере истощает свою силу. А я приду со свежими силами и…

Стэнс напрягся и повернулся к ней, сжимая кулаки:

— Идут!

— Они не должны увидеть тебя здесь. Лезь туда! — она указала на низкий лежак, где сидела одна из женщин. Между этим грубым ложем и стеной было небольшое пространство — тайник, конечно, никудышный, но если ее заберут быстро, то он сослужит свою службу.

Стэнс покачал головой, но Элосса быстро подошла к нему и схватила его за рукав.

— Если люди Керна найдут тебя здесь, что хорошего в этом для нас обоих? — резко спросила

она. — Пока спрячься, потом будешь решать, что можно сделать. Раз ты человек Керна, он, возможно, позовет тебя посмотреть, как он обращает меня в рабыню. Тогда у нас будет шанс действовать сообща.

Стэнс неохотно полез за лежак. Неподвижно сидящая женщина не подняла глаз, когда он протиснулся в щель и спрятался там.

Элосса вздрогнула, вздернула подбородок и встала недалеко от двери, как будто ходила взад и вперед по комнате, как это обычно делают пленники.

За ней пришли не Юрты, а два высоких волочащих ноги чудовища. Из их ртов текла слюна. От полуголых немытых и больных тел исходило зловоние. Они взяли Элоссу за руки и потащили.

По сторонам они не смотрели, так что Стэнс, по-видимому был спасен.

Чудовищные стражи, крепко держа Элоссу, провели ее по бесчисленным коридорам и, наконец, втолкнули в зал, немногим уступающий по величине прежнему залу Керна. Здесь его трон стоял сбоку и не так поражал входящего. Середину комнаты занимало высокое изображение лица Атторна. Из открытого рта временами вырывались клубы дыма, но не поднимались вверх,

а обвивались вокруг маски-лица. Элосса уловила странный запах. Может, этот дым был сковывающим мозг наркотиком, о котором упоминал Стэнс. В таком случае, у нее нет никакой возможности избежать дьявольской хитрости Керна.

Перед хозяином подземелья стояла курильница из блестящего металла, по краю которой бежали световые полосы, как на стенах коридора, начинавшегося за первым Ртом Атторна. В курильнице тоже горело что-то дающее дым, и Керн, наклонившись, вдыхал его, как некий жизненный флюид.

И вдруг лицо его изменилось. Элосса была уверена, что он видит какую-то галлюцинацию, вызванную тайными средствами жрецов Раски. Когда она вошла в зал, лицо Керна не было ликом Атторна, а теперь на ее глазах плоть его растягивалась, изменялась, он снова становился похожим на своего бога.

Керн выпрямился, не открывая глаз. Дым в курильнице исчез — видимо, все выгорело. Его рот раскрылся в злобной усмешке Атторна. Кончик языка показался на нижней губе. Керн стал точной копией лица, перед которым стражники поставили Элоссу.

Керн заговорил, по-прежнему не открывая глаз.

Незнакомые ей слова поднимались и опускались в ритме заклинания. Элосса хорошо знала, что слова и ритм служат для создания галлюцинации, и включила свою защиту. Она не хотела смотреть ни на Керна, ни на маску-лицо перед собой, поэтому закрыла глаза и всю свою волю употребила на то, чтобы не открывать их, хотя ее терзало желание взглянуть на лицо Атторна.

Оно двигалось, она знала это! Язык вытягивался, чтобы схватить ее. Нет! Это неправда, это только то, что Керн старается внушить ей.

Она подумала о Стэнсе и построила в мозгу его изображение поверх изображения Атторна. Стэнс позволил ей читать его мысли, несмотря на ужас, какой испытывал к этому действию его народ… Стэнс…

К ее великому изумлению его лицо стало оживать, оно уже не было частью щита против магии Керна: его губы зашевелились, и в ее мысли вошел слабый звук, совершенно не похожий на мысленное прикосновение Юрта.

— Я… иду…

Фокус Керна? Нет, она чувствовала, что если бы хозяин этого логова сумел проскользнуть за ее барьер, его вторжение было бы сильнее. Но ведь у Раски не было таланта Юртов, к тому же

он, возможно, еще находился под влиянием наркотиков и галлюцинаций Керна. Как же он сумел добраться до нее?

Элосса чувствовала ритмическое биение произносимых Керном слов и сжимала пальцы, изменяя ритм дыхания, делая все возможное, чтобы не попасть в коварную ловушку, которая заставляла ее собственное тело предать ее.

Ритм неожиданно прекратился, Элосса открыла глаза. Стэнс и в самом деле был здесь, рядом с Керном. Человек с лицом Атторна не смотрел на него, лицо его вновь начало изменяться. Холодная злоба сменилась растущей яростью. Глаза его открылись.

Стэнс покачнулся, как будто эти глаза были оружием, поразившим его. И в это время в мозгу Элоссы раздалось громкое:

— Пора!

Элосса тоже покачнулась, но твердо шагнула к лицу. Она уже не ощущала своего тела — все ее внимание было обращено на лицо Атторна, все еще окутанное дымом.

Ее воля, ее талант соединились с волей и талантами других, она не была больше личностью, живым существом, ее тело стало только вместилищем для растущего могущества нового

существа. Ей хотелось кричать, бороться, чтобы прогнать это страшное создание, что смяло ее, но вместо этого она стала его частью и уже не препятствовала его вхождению. Ей казалось, что она взорвется, что человеческая плоть и кровь не в силах вместить то, что собралось в ней и теперь усиливалось, готовилось к атаке. Ее рот бессознательно открылся в беззвучном крике. Она, казалось, не могла больше выдержать это. Но оно собралось, достигло величайшей силы и… ударило!!!

Элоссе казалось, что она действительно видела острие копья той чистой энергии, что вылетела из нее. Видели ли этот свет ее глаза или только сознание Юрта?

Копье полетело прямо в Керна. Его руки мгновенным движением закрыли от нее лицо Атторна. Они поднялись настолько быстро, что Элосса едва уловила этот жест. Она качалась на своем Месте, потому что все ее тело сотрясала сила Юртов, которая собралась и укрепилась в ней и затем вылетела из ее тела.

Керн исчез. Но на том месте, где он был, металось черно-красное пламя, вытягивая огненные языки. Волосы Элоссы трещали от жара, все тело жгло. Пламя поглощало копье энергии, пытаясь

полностью уничтожить его.

Однако Элосса не сгорела. Только ее сознание отступало все дальше и дальше.

Она уже почти исчезла, то тело, что дрожало и качалось здесь, было всего лишь сосудом для сбора и распространения энергии.

Пламя Керна взметнулось над ней. Из него шло‘биение звуков, они ударяли по ней, и она физически чувствовала эти удары. Та сила, что собралась в ней, двинулась вперед, но она уже ослабела, ее волна была недостаточно полной. А Элосса не могла больше выносить сжигающий огонь Керна.

Углом глаза она увидела какое-то движение. Элосса не могла повернуть голову и посмотреть, что там такое: она должна держаться, пока может.

— Аххххх…

Звук удара, каким топор срубает молодое деревце. Элосса выпрямилась, бросила призыв и в какой-то мере освободилась. В ней поднялась новая волна силы — она знала, что в последний раз.

Элосса держала ее до тех пор, пока не почувствовала, что ее избитый мозг не способен больше удерживать энергию. Тогда, как воин с отчаян-

ным ревом обрушивает свой меч, она выпустила на Керна этот последний поток таланта Юртов, метнула его вперед…

Пламя яростно полыхнуло и взвилось вверх, но теперь она увидела, как световое копье пронзило его, ударило по рукам, показавшимся в центре пламени.

— Аххххх…

Был ли этот крик частью галлюцинации или его вызвали реальные боль и страх? У Элоссы подогнулись колени. Она была опустошена. Энергия вышла из нее так стремительно, что как бы унесла с собой и кости, поддерживающие плоть. Элосса вытянула руки и уперлась ими в пол.

Пламя погасло. Но Керн все еще стоял, прямо, невредимый. Позади него пригнулся Стэнс. Вот он бросился к Керну, вытянув руки с согнутыми, как когти пальцами. Он двигался скачками, словно был калекой и только одной волей заставил свое тело повиноваться ему в этой последней атаке. Король не обращал внимания на своего родственника и стоял, как статуя, в той же позе, закрыв руками лицо.

Но вот руки его упали, как будто у него не было больше сил так держать их. Они были мертвенно-бледные, дрожащие. Керн шагнул вперед,

споткнулся, упал на колени со ступенек помоста. Теперь он был почти рядом с Элоссой.

Глянув на него, она испугалась. Глаза его были открыты, но видны были только белки. Ужасное лицо отвратительно изменялось, становилось то лицом Керна, то Атторна, словно эти двое сошлись в последней схватке за обладание этим телом.

Керн полз вперед, а Элосса отступала, не сводя с него глаз. Он хоть и казался слепым, но полз прямо ко Рту Атторна.

— Нет! — Стэнс упал и пополз за королем, казалось он делает это из последних сил. — Он не должен… войти… в Атторн! — задыхаясь, кричал он, повернув искаженное лицо к жаждущему Рту. — Не должен…

Элосса попыталась собрать хоть какую-нибудь энергию. Она открыла мозг, послала мольбу к тем, кто был с ней, но ответа не было. Неужели мульти-мозг навеки раскололся?

Керн слепо продвигался вперед. И Раски еще раз бросился в атаку: он полз наперерез, упал перед Керном и загородил ему дорогу. Они схватились, и Элосса видела, что Стэнс крепко держит короля, а тот не сражается, а лишь пытается освободиться.

Слепые глаза Керна были обращены к каменному изображению. Он вытягивал шею, пока голова его не согнулась под странным углом.

Стэнс не выпускал бьющегося в его руках короля, но Керн все-таки ухитрялся продвигаться вперед, выигрывая по два-три дюйма.

Стэнс поднял кулак и обрушил его на лицо Керна. Элосса услышала звук удара, видела, как затряслась голова Керна, но пустое выражение лица не изменилось, глаза по-прежнему оставались открытыми, слепыми.

— Нет! — пронзительно закричал Стэнс. — Не пройдешь… ко Рту!

Элосса подползла к ним. Видимо, у Стэнса были основательные причины не подпускать Керна к богу, если богом был Рот.

Она схватила Керна за локоть. Ей показалось, что под черно-красной тканью рукава был металл, таким негнущимся и твердым было напряженное тело. Ее усилия, пусть незначительные, помогли Стэнсу на миг остановить продвижение Керна. И тут король как бы сошел с ума: он дико завертел головой и вцепился зубами в руку Элоссы. Девушка выпустила его и он в последнем мощном усилии рванулся вперед, отбросив Стэнса. Рука его тянулась вперед, к высунутому

языку Атторна, чтобы с его помощью войти в Рот. Стэнс встал на колени, сжал кулаки и опустил их, как молот, на шею Керна, в то время как тот уже ухватился за язык и собирался подняться ко Рту.

Керн упал, ударившись лбом о язык. Тело короля, только что бывшее твердым и напряженным, обмякло, скатилось вниз.

Стэнс отшатнулся. В глазах его был ужас.

— Если бы… он прошел… через… — сказал он дрожащим голосом, — он… продолжал бы жить, — голос его сорвался, тело тряслось так, что он не мог управлять своими руками, только вытянул их перед собой и смотрел на них, как на что-то незнакомое.

Раздался треск. Элосса подняла глаза, вскрикнула и, вцепившись в Стэнса, оттащила его от Рта. Изображение Атторна развалилось. Большие куски камня разлетались по полу, падали на голову и плечи Керна, почти наполовину засыпали его тело.

Элосса прижала руку к губам, чтобы удержать крик: за изображением Атторна не было ничего!

Только занавес темноты, нейтрализующий всякий нормальный свет. Он не доходил до стен комнаты и казался сгустком абсолютного мрака, имеющего собственную внутреннюю структуру.

Лицо и Рот исчезли. Тьма треснула поперек. Смутно виднелись какие-то предметы, но по мере того, как рвалась и исчезала темнота, они исчезали тоже. Теперь впереди была только голая стена.

Тени уменьшались, уходили в камень, на котором корчились Элосса и Стэнс. Осталось только полусгоревшее тело Керна. Элосса не сводила с него взгляда.

Стэнс потянул Элоссу.

— Пошли отсюда! — прошептал он и толкнул ее к двери, через которую ее ввели сюда. Приказ его прозвучал как-то очень весомо, и она поползла на коленях. Его рука нетерпеливо тащила ее, если она замедляла движение.

Наконец они ушли от тошнотворных запахов, смерти и таких иллюзий, с какими она не могла больше бороться.

— Свободны… — раздался голос в ее мозгу, но не громкий, а как шепот почти полного истощения.

Стэнс повернул к ней голову. Он прислонился к стене и только поэтому мс падал.

— Свободны, — сказал он вслух. Значит другой голос был мульти-голосом.

Да, они были свободны. Но Юрты не могли освободиться без Раски. Основную победу принесли

действия Раски в комнате Керна.

— Юрт и Раски… — тихо сказала Элосса.

Он вздохнул.

— Это… — он смотрел мимо нее вдаль, словно глядел на все подземные норы. — Это было зло Раски, мы тоже в конце концов не невиновные. Раски и Юрт… Теперь, наверное, мы сумеем добиться того, о чем говорили с тобой в Кал-Хат-Тане.

Она так устала, что ей трудно было понять его, поднять руку, вяло лежавшую на коленях, но она все же подняла ее и протянула к нему вверх ладонью — жестом союза. И уже не содрогнулась, даже мысленно, когда он крепко сжал ее пальцы.

— Раски и Юрт — свобода обоим!

— Правильно! — сказал голос в ее мозгу. Теперь он прозвучал сильнее и радостней. Жизнь возвращалась.

На перекрестках времени

Ларец стоял на середине стола. Джессон Робинс повернул его к свету: 18 дюймов пожелтевшей от времени слоновой кости сверкали, как полированное дерево.

— Может быть, это только воображение, — подумала Талахасси, — но этот предмет имеет какое-то… — Она подыскивала правильное слово и тут же поняла, что не скажет его вслух, — …очарование. Ларец раскрывался с четырех сторон. Даже не дотрагиваясь, Талахасси видела, что в слоновую кость вкраплено чистое мягкое золото древних времен.

— Ну, — сказал, наклоняясь вперед, седой мужчина, по-видимому, работающий здесь, — можете вы разъяснить нам, что это такое, мисс Митфорд?

Талахасси с трудом оторвала взгляд от ларца.

— Не знаю, — призналась она, — здесь есть элементы африканского рисунка. Смотрите. — Она показала пальцем на изогнутую золотую полосу на крышке, похожую на извивающуюся змею. Правда, у нее не было змеиной головы — полоса

драгоценного металла напоминала также стилизованный охотничий нож. — Это действительно составляет две известные эмблемы древнего королевства. Эмблема на верхней части — «плуг», который, как мы полагаем, носили правители Мерсе. А эта отметина скорее всего позднейшего периода, — символизирующая лезвие меча в форме змеи. Однако, никогда я не видела, чтобы меч и змея были соединены. Династия Мерсе многое заимствовала у Египта, а там змея была знаком королевского достоинства и обычно составляла часть короны.

— Здесь, — ее палец двигался по кругам, изображенным на стенах ларца, — опять символы. Они очень близки к золотым значкам, которые носили «омывающие» Ашанти — королевские слуги, обязанные оберегать от осквернения злом. Тут представлены символы двух, а может, и трех народов африканской истории, и, несомненно, это очень древняя вещь.

— Значит, вы считаете, что это достойно музея? — настаивал человек, представившийся Джессону как Роджер Ней. Он говорил нетерпеливо, словно хотел во что бы то ни стало добиться у нее ответа. Эта его манера говорить вызывала у Талахасси желание спорить.

— Мистер Ней, я студентка, присланная сюда помочь в составлении каталога коллекции Девиса Брука. Есть множество тестов, чтобы установить время изготовления этой вещи, но прежде всего необходимо определенное оборудование. Я могу сказать только, что это произведение искусства… — Помолчав, она спросила: — Вы видели жезл в коллекции Брука?

— При чем тут он? Или вы хотите сказать, — Ней указал на ларец, — что это может быть частью той коллекции?

— Даже если и так, — осторожно ответила Талахасси, — он не был включен в официальные таможенные списки. Но… — Талахасси покачала головой, — вам не нужны догадки, вы ждете определенного ответа. Сегодня вечером приезжает доктор Румэн Кэри изучать коллекцию. Я советую вам встретиться с ним и показать ларец. Он крупнейший специалист по искусству Судана.

— Ты уверена, что это суданское искусство? — спросил Джессон.

Талахасси пожала плечами.

— Я ни в чем не могу быть уверенной. Я могу сказать только, что вещь эта очень древняя. Родиной ее я считаю Африку. Но такого сочетания символов я никогда не видела. Если бы я мог-

ла… — Она протянула руку к ларцу, но руки Нея метнулись с быстротой молнии и крепко схватили ее за запястье.

Талахасси изумленно взглянула на Нея.

— Ты не знаешь, — быстро заговорил Джессон, боясь, что она взорвется, как это случилось, когда они были еще детьми, — эта штука горячая!

— Горячая?

— Она излучает какую-то форму энергии. В сущности, поэтому ее и нашли. Это была чистая случайность. — Он отпустил ее руку.

— Один из наших рабочих поехал в аэропорт, чтобы положить в камеру хранения инструменты. У него был счетчик Гейгера, который вдруг начал щелкать. Рабочий быстро установил, что источник радиации находится в соседней камере. Он вызвал меня. Мы взяли в порту ключ от этой камеры. Внутри была только эта вещь.

— Радиоактивная… — пробормотала Талахасси. — Но каким образом…

Ней покачал головой.

— Это не энергия расщепленного атома, хотя счетчик и указал на нее. Это что-то новое. Парни из лаборатории не замедлят узнать, в чем тут дело. Они разберут ларец.

— Я не позволю! — Талахасси возмутил ванда-

лизм экспериментаторов. — Ларец уникален. Его хоть открывали?

Ней покачал головой.

— Здесь нет запора. И, похоже, лучше эту шкатулку не трогать до тех пор, пока не узнаем, с чем имеем дело. Лучше скажите-ка, что это за жезл, о котором вы упомянули? Что это такое и где его нашли?

— В древних африканских королевствах твердо верили, что дух нации может быть заключен в какой-нибудь драгоценный предмет. Сто лет назад война между Ашанти и Англией началась из-за того, что английское правительство потребовало трон древних королей. Но на нем не смели сидеть новоявленные короли: они сидели на мате и могли только слегка прислониться к трону предплечьем, когда составляли какой-нибудь важный закон.

Для народа Ашанти трон заключал в себе силу всех предков и был святыней: он обладал, как религиозным, так и политическим значением. Англичане этого не учли, когда выставили свои требования.

У других племен также были символы контакта с предками и богами. Иногда после смерти короля такие символы отправляли в специальный дом,

откуда их приносили, когда нужно было сделать серьезное изменение в законе или требовалось решение судьбы народа в целом, и в некоторых племенах их вообще никто больше не видел, кроме жрецов и жриц.

Жезл власти, найденный Девисом Бруком, явно был одним из таких знаков. И он был найден в месте, о котором рассказывают древние легенды, так что он имеет двойную ценность.

— Значит, его нашли в Судане?

— Нет, гораздо западнее. Недалеко от озера Чад. Есть древняя легенда о том, что когда арабо-эфиопское королевство Аксума опустошило Мерсе и изгнало оттуда королевский клан, потомки египетских фараонов, ревниво соблюдавшие большую часть древних верований, бежали на запад и обосновались близ озера Чад. Реальных доказательств этому не было до тех пор, пока доктор Брук не нашел неразграбленную гробницу, в которой тысячелетиями хранился саркофаг. Было совершенно очевидно, что в этом саркофаге покойника никогда не было, вместо него там лежал жезл власти.

— Дух исчезнувшей нации? — тихо спросил Джессон.

Талахасси кивнула.

— Там сохранились надписи. Хотя они были начертаны египетскими иероглифами, их так никто и не расшифровал, потому что поздний язык Мерсе уже не знал никто на земле. Внезапная смерть доктора Брука в прошлом году совсем приостановила работу.

— Я удивляюсь, — воскликнул Ней, — что он сумел вывезти что-то оттуда. Молодые народы ревниво следят за тем, чтобы не упустить ничего из своих сокровищ, особенно в наши дни.

— Мы тоже удивлялись, — согласилась Талахасси, — но ему было дано разрешение. — Она было усомнилась, но добавила: — Во всем этом деле было что-то странное: по каким-то непонятным для нас причинам они словно хотели избавиться от этих находок.

Джессон прищурился.

— Может быть, использование жезла власти в густонаселенном месте чем-то опасно?

Внимание Нея переключилось от девушки к молодому человеку:

— Вы так думаете?

Джессон пожал плечами.

— Восстания начинались и по более незначительным поводам. Вспомните Ашанти и их трон.

— Но вы же сами сказали, что это было сто лет

назад! — возразил Ней.

— Африка очень стара. У нее были взлеты и падения трех волн цивилизаций. Может, этих волн было больше. Точно не установлено, кто правил в Зимбабве или в запутанных укреплениях Луанды. У африканцев хорошая память. Поздние короли могли не иметь никаких писцов, однако они, как кельтские лорды в Европе, не имевшие письменности, хранили банки памяти в головах людей своего рода. Хранители могли встать на совете и рассказывать о том, что когда-то было, о генеалогии, о законах, принятых триста-четыреста лет назад. Такая память нелегко умирает в народе.

Талахасси была готова рассмеяться — Джессон выступал теперь с собственными доводами, хотя и пожимал плечами в ответ на ее комментарии, как будто все время в чем-то сомневался.

— Зачем заботиться, — говорил он, — о том, что случилось две тысячи лет назад? Самое лучшее — здесь и сейчас!

— Хм-м… — Ней откинулся на стуле. Он не смотрел на молодых людей, не видел и ларца. Закрыв глаза, он размышлял.

Талахасси прервала молчание. В конце концов никто не заставлял ее считаться с авторитетом

Нея, хотя, судя по торопливости, с какой Джессон привез ее сюда, можно было предположить, что Ней — какое-то начальство, о котором не упоминают, если оно не хочет этого.

— Я посоветовала бы вам, — сказала она уверенно, — поставить это, — она указала на ларец, — в сейф музея. Возможно, только один доктор Кэри способен определить, что это такое. Если вам вообще нужно знать, что это такое.

Ней раскрыл глаза и долго смотрел на девушку, как будто надеялся узнать ее истинные намерения. Она вздернула подбородок и твердо встретила взгляд Нея.

— Ладно, — решил он, — я хочу посмотреть на этот ваш жезл. Только не сейчас. Нам надо подумать о том, кто принес эту вещь. Робинс, пойдите с Талахасси… — Он взглянул на часы. — Музей скоро закроют, так что лучше поторопиться. Мы хотели бы избежать действий, которые могут рассматриваться как экстраординарные. Я чувствую, что эта вещь имеет какое-то политическое значение.

Он взял кожаный чемоданчик и открыл его.

Талахасси удивилась, увидев, что чемодан внутри выложен металлом. Ней достал из него щипцы и с их помощью уложил ларец в чемодан-

чик. Талахасси встала. Ней протянул чемоданчик Робинсу.

— Да, он выложен свинцом, мисс Митфорд. Мы приняли меры против радиации, ведь этот неизвестный вид излучения тоже может быть опасен для человека. Робинс отнесет его, когда приедет Кэри.

— Возможно, он уже здесь.

— Отлично. Попросите его позвонить мне. — Ней протянул девушке карточку с несколькими цифрами. — Как можно скорее. И спасибо, мисс Митфорд. Поставьте чемоданчик вместе с его содержимым в сейф. Робинс проводит вас.

И он переключился на телефон, словно Талахасси уже растворилась в воздухе. Когда они вышли, девушка спросила:

— Кто этот человек, разыгрывающий из себя Джеймса Бонда?

Джессон покачал головой.

— Не спрашивай меня, девочка. Я знаю только, что появись в этих местах сам Главный Шеф, он не смог бы работать лучше. Я здесь никто, но меня попросили, когда нашли эту штуку, вызвать кого-то, кто может сказать: «О, господи, конечно, это из Африки!» И я догадываюсь, что это может сделать и компьютер. Но компьютер болтун. Он

может выдать тайну другим, а это нежелательно. Я понял, что эта вещь древняя, вот и вызвал тебя.

— Джессон, а ты и в самом деле думаешь, что ЭТО имеет политическое значение? Я знаю, что жезл, найденный в саркофаге, очень древний. Когда глядишь на него, кажется, что это захоронен дух. Но ларец…

— Милая Талли, ты же сама связала эту штуку с жезлом. Помнишь?

— Потому что у них есть какое-то сходство. — Она смотрела, как он ставит тяжелый чемодан в машину. — Только не могу сказать, какое именно. Тут не ткнешь пальцем, это скорее неуловимое ощущение. — Она прикусила губу. Опять эти ее предчувствия! Не раз ей доказывали, что она ошибается, но она была уверена, что…

— Одно из тех твоих ощущений, а? — Джессон поднял брови. — У тебя они все еще бывают?

— Ладно, когда-нибудь они исчезнут! — ответила Талахасси. — Ты же знаешь, что они у меня пока еще есть.

— Тебе повезло! — заметил Джессон, вливаясь в напряженное уличное движение начинающегося часа «пик». — Успеем ли мы до закрытия склада мертвых знаний?

— Для всех он закрывается в четыре, но сзади

есть дверь для служебного пользования, от которой у меня ключ. Сигнализация не включается до тех пор, пока Хойс не удостоверится, что никого из служащих нет и все закрыто на ночь. Там может быть доктор Кэри.

Джессон сосредоточенно вел автомобиль, а Талахасси молчала. Она пыталась разобраться в странном чувстве, овладевшем ею, как только они сели в машину. Она даже два раза обернулась, чтобы взглянуть на заднее сиденье. Там никого не было, однако ощущение присутствия кого-то было таким острым и так действовало на нервы, что она с трудом сдерживалась, чтобы не оглянуться еще и еще.

В ней росла уверенность, что они везут что-то очень важное. И важность шкатулки состояла совсем не в том, что приписывал ей таинственный мистер Ней. По всей вероятности, ее «предчувствие» работало сверхурочно, и она пыталась отогнать свои мысли. К черту музей, куда они едут, и то, что они туда везут. В следующий понедельник начнутся ее каникулы. Она только дождется приезда доктора Кэри…

Это не настоящие каникулы, когда полностью оставляешь свою работу. Она полетит в Египет и присоединится к поисковой партии Матраки!

Египет — Мерсе… Но о каникулах думать надоело. Мешало изводящее ощущение чьего-то присутствия и важности происходящего. Надо не поддаваться своим чувствам.

Уличное движение уменьшилось, когда Джессон свернул со скоростной трассы и поехал по тихим проулкам к музею. Было темнее обычного: собирались тучи. Наверное, будет гроза.

Когда машина въехала в узкий проход и остановилась, Талахасси быстро выскочила, достала ключ и открыла дверь. Джессон шел за ней, неся тяжелый чемодан.

Свет горел только в дальнем конце холла и поэтому у дверей казалось темнее обычного.

— Кто там?

Вспыхнул верхний свет. Талахасси увидела главного сторожа.

— О, это вы, мисс Митфорд. Как раз пора закрывать.

— Нам надо положить кое-что в сейф, мистер Хойс. Это мой кузен, мистер Робинс. Он здесь от ФБР.

— Я видел ваш портрет, мистер Робинс. В газете на прошлой неделе. Это вы здорово сделали, захватив всех этих контрабандистов с наркотиками.

Джессон улыбнулся.

— Босс сказал бы, что дело обычное. Но я рад, что публика время от времени оценивает наши усилия.

— Доктор Кэри приехал? — Талахасси хотелось скорее избавиться от чемодана, покинуть здание музея и выкинуть этот день из жизни.

— Да, мэм. Он в личном кабинете доктора Гривли, на пятом этаже. Вызовите лифт, это быстрее, чем идти по лестнице.

— Я оставил машину как раз напротив, — сказал Джессон. — Постараюсь вернуться как можно скорее.

— Не беспокойтесь, мистер Робинс, никто ее здесь не тронет.

Талахасси побежала к лифту. Джессон большими шагами шел рядом с ней.

— Что-то ты вдруг заторопилась, — начал он.

— Я хочу сунуть это в сейф, — сказала она выразительно и тут же пожалела об этом, увидев вопросительно вздернувшуюся бровь Джессона. — Ну, — добавила она в свою защиту, — я ничего не могу поделать со своими ощущениями. Тут что-то не так.

Глаза Джессона сразу стали спокойными.

— Ладно. Я доверюсь твоим предчувствиям. Все

было странно с самого начала. Где этот сейф?

— В кабинете доктора Гривли.

— Не забудь сказать этому Кэри, что Ней хотел поговорить с ним.

Она почти забыла о Нее. Теперь, вспомнив о нем, Талахасси стала рыться в своей сумочке, пытаясь найти его визитку. Ее ощущения не имели никакого отношения к реальности, но тем не менее она чувствовала, что если не избавится от этого чемодана, с ней случится что-то ужасное. И это предчувствие было таким острым, что она побоялась даже сказать о его силе Джессону. Он подумает, что она спятила.

Холл на пятом этаже еще заливал свет, и их шаги по мраморному полу были отчетливо слышны. Талахасси поймала себя на том, что напряженно вслушивается в другой звук — словно следом за ними шел кто-то третий. Такого не могло быть! Но шаги невидимого спутника становились все слышнее. Талахасси закусила губу и призвала на, помощь всю свою волю, чтобы не оглянуться. Ведь там никого не могло быть!

Дойдя до директорского кабинета, она облегченно вздохнула, толкнула дверь и, слегка вскрикнув, протянула руку к выключателю. Свет, заливший комнату, показал ей, насколько она

была глупа. Конечно, позади никого не было. Здесь были только она и Джессон, который теперь закрывал дверь.

— В чем дело? — спросил он.

Талахасси неестественно засмеялась.

— Наверное, воображение. Мне показалось, что я увидела движущуюся тень…

— Ты сегодня не в себе, Талли. Закончим нашу работу, и я повезу тебя ужинать.

— В какое-нибудь веселое место, — услышала она свой собственный голос, — где много света…

— Прошу прощения…

Задохнувшись, Талахасси обернулась. Внутренняя дверь между этим и соседними кабинетами была открыта. Перед ней стоял мужчина, по крайней мере на дюйм ниже ее, что само по себе уже было необычно, так как девушка в пять с половиной футов без каблуков не часто смотрит на мужчину сверху вниз. Незнакомец глядел на нее с явным неодобрением.

У него были тонкие черты лица, крючковатый нос, зло искривленный рот. Песочного цвета волосы были тщательно зачесаны назад. Розовая кожа достаточно заметно просвечивала сквозь тонкие пряди, которые сзади касались воротничка.

— Это кабинет доктора Гривли?.. — Его тонкие губы отчетливо выговаривали каждое слово.

— Я Талахасси Митфорд, ассистент доктора Гривли в африканском отделе.

Он смотрел на нее с явным отвращением; и она чувствовала его негодование. Наверное, он из тех, кто ненавидел и принижал всякую женщину, претендующую на знания в его области. Она нередко встречала таких.

— Хотя вы и молоды, — продолжал он тоном, в котором было что-то смутно-оскорбительное, — но, по всей вероятности, знаете, что здесь не личная комната для общественных контактов.

Он смотрел мимо нее на Джессона.

Талахасси укротила свой вспыльчивый характер. В конце концов с этим человеком придется работать, нравится ей это или нет, пока коллекция Брука не будет классифицирована.

— . Нам нужно положить кое-что в сейф, — она ненавидела себя за то, что даже объяснять такую простую вещь ей не под силу, но она знала, что должна сделать это. И еще… Она открыла сумочку. На этот раз ей повезло: карточка Ней лежала на самом верху, так что не пришлось перерыть все содержимое сумки. — Я получила это для вас. Вы должны позвонить по телефону, который

здесь записан, как можно скорее.

Она положила карточку на край заваленного бумагами стола доктора Гривли и, не глядя на мужчину, пошла к сейфу. Поскольку Хойс еще не выключил сигнализацию, она смогла открыть его.

Джессон, поджав губы, в знакомой ей манере (у него тоже был свой норов, хотя он долго учился держать его при себе), обошел стол с другой стороны, держа чемодан наготове. Она не заметила, взял ли доктор Кэри драгоценный номер телефона. Дверца сейфа открылась, и Джессон сунул туда чемодан. Талахасси закрыла дверцу и повернула диск. Все еще не глядя на доктора Кэри, она подошла к телефону и набрала домашний номер доктора Гривли.

— Доктор Джо дома? — спросила она, услышав низкий, приятный голос миссис Гривли. — Да, это Талли. Ох! Ну, хорошо, когда он вернется, скажите ему, что в сейфе кое-что лежит. Это было взято работниками ФБР.

Кивок Джессона дал ей понять, что она может продолжать.

— Да, они хотят узнать его мнение кое о чем. Они позвонят ему завтра. Нет, я мало что знаю. Но это страшно важно. Нет, я не сразу пойду домой

— мы с Джессоном поужинаем в городе. (Спасибо. Я ему скажу. До свидания, — она повесила трубку и улыбнулась Джессону. — Миссис Гривли сказала, чтобы ты заглянул к ней перед отъездом, если будет время. Теперь, — она повернулась к мужчине, — вы знаете причину моего появления здесь, доктор Кэри. Если хотите проверить, вам стоит только позвонить супругам Гривли.

— Не спешите, — сказал он, когда она повернулась к двери. — Поскольку вы работаете по линии Брука, я хочу, чтобы вы были завтра с утра здесь. Все должно быть полностью перепроверено. Вы согласны?

— Конечно, — ответила она спокойно, — у вас, я вижу, свои методы работы…

— Безусловно, свои, — огрызнулся он.

Она чувствовала, что он смотрит на нее брезгливо, как будто то, что она существует и должна будет стать частью его ежедневного окружения, для него трудно переносимо. И его враждебность была так очевидна, что Талахасси начала терять контроль над собой. Ей хотелось бы знать, на чем основана эта нескрываемая неприязнь к ней.

Опускаясь с Джессоном в лифте, она узнала еще кое-что: то ощущение присутствия кого-то третьего исчезло, и даже странное предчувствие

Талахасси погасло. Может, все-таки он существует — этот эффект присутствия? Однако пусть он уже волнует доктора Кэри. Теперь это его дело.

Талахасси облегченно вздохнула, а Джессон рассмеялся.

— Ты с таким аппетитом ешь китайские блюда, как будто родилась в Пекине, — начал он.

— Мне нравится Фу-Конг, я люблю кисло-сладкую свинину.

— Булочки судьбы? — Он разломил одну из них, развернул положенную внутрь бумажку и с видом судьи, произносящего приговор, сказал:

— Ну, ну, это вполне подходит: «Пища лечит голод, ученье лечит незнанье». Какая глубокая мысль!

Талахасси тоже разломила булочку.

— Странно…

— Что странно? В твою булочку вложено меню, не так ли, Талли?

— Нет, — ответила она рассеянно и прочитала: «Дракон родит дракона, феникс родит феникса».

— Не вижу ничего странного. Иначе говоря, каждый родит себе подобного.

— Тут может быть и другой смысл. Дракон был символом императора, больше никто не смел пользоваться им. А феникс — символ императри-

цы. Это может означать, что царственная особа родит только цесаревича.

— Как раз это я и сказал, так ведь? — спросил Джессон, внимательно наблюдая за ней.

— Не знаю…

Но почему у нее появилось ощущение, что эта записка в булочке судьбы, содержащая всего лишь старую пословицу, имеет к ней отношение?

— Ладно, не будем об этом. Чувствую, что тебе надоела чертовщина. Но что ты будешь делать с этим Кэри? Он явно ведет себя, как скотина, удивляюсь, с чего бы это.

Талахасси все время пыталась выбросить из головы их стычку с доктором Кэри, и это могло быть сделано сейчас, когда Джессон открыто заговорил о докторе.

— Может быть, — ответила она, — потому, что я черная. Но скорее всего потому, что я женщина. Есть множество докторов философии, и не только белых, которые выходят из себя, как только женщина посмеет заняться тем, чем занимаются они. И, может быть, мы в этом сами виноваты, потому что много говорим о матриархате, не щадя вашего самолюбия. Странно, что как раз в Африке дольше, чем где бы то ни было, суще-

ствовал матриархат. В то время как европейской королевой всегда вертели какие-то заговорщики, словно шахматной фигурой, королевы Экватора имели собственные армии и обладали таким влиянием, какое не снилось белым. В каждом королевском роду были три, а то и больше, главных женщины, — королева-мать, не обязательно мать правящего короля, чаще наиболее близкая к трону женщина; сестра короля, поскольку только она могла произвести на свет наследника престола (сыновья короля, как правило, в счет не шли) и первая жена короля.

Вот почему в Ашанти королевские жены обязаны были собирать все налоги и иметь для этого собственных очень деятельных стражников, слуг и обширную прислугу.

— Таким образом, если Кэри — знаток африканской истории, как он себя сам считает, — продолжил Джессон, — он должен все это знать. Возможно, поэтому он и хотел бы избавиться от тебя до того, как ты вступишь в должность в его ведомстве. Но, — Джессон стал серьезным, — берегись его, Талли. Я думаю, он может быть опасным, если захочет.

Она кивнула.

— Я знаю. Кроме того, я знаю, что нет ничего

опаснее политических ведомств. К счастью, доктор Гривли достаточно долго видел меня в работе и знает, что я могу делать. Джессон, уже почти половина десятого!

— Нож, убивающий слона, не обязательно должен быть большим, но непременно острым!

Она посмотрела на Джессона.

— А это что означает?

— У нас есть мудрость востока, — он показал на остатки булочек. — Я просто выдал кое-что из нашего собственного запаса. Другими словами — следи за каждым своим шагом. Словом, не замахивайся большим ножом.

— Вероятно, я буду делать это так старательно, что споткнусь о собственные ноги, — согласилась она и встала. — Я люблю обоих Гривли и не стану раскачивать лодку, чтобы не причинить неприятностей доктору Джо.

Джессон проводил ее до самой двери. Она услышала, что звонит телефон и, толкнув дверь, бросилась в темную гостиную и схватила трубку.

— Талахасси?

Это был доктор Джо. Голос его звучал необычно напряженно.

— Да…

— Слава богу, что я вас застал. Можете ли вы

приехать в музей прямо сейчас? Я бы не стал просить, если бы это не было крайне важно. — Связь прервалась неожиданно. Талахасси застыла на месте. Это было так непохоже на доктора Гривли…

— Что случилось? — спросил Джессон.

— Это доктор Гривли. Он просил меня сейчас же приехать в музей. В такой час! И повесил трубку. Что-то случилось! Должно было случиться!

— Я отвезу тебя.

Джессон вышел за ней и, взяв из ее рук ключ, запер дверь. Талахасси чувствовала себя ошеломленной. За два года ее работы такого никогда не случалось. Она была встревожена, как и тогда, когда чувствовала присутствие невидимого третьего, сопровождающего ее в музей.

— Тут какая-то ужасная ошибка, — бормотала она, пока Джессон усаживался рядом и потом вел машину по городу.

— Наверняка это Кэри, — ответил он.

Но что мог сказать такого доктор Кэри, чтобы Джо вызвал ее среди ночи в музей? Она не могла догадаться, что произошло, и была в растерянности. Джессон подрулил к той же самой двери, откуда они вышли несколько часов назад. В холле горел свет. Хойс тут же распахнул дверь.

— Идите прямо наверх, мисс Митфорд. Лифт ждет.

Джессон собирался выйти из машины, но Талахасси остановила его.

— Нет, останься здесь, Джесс. Если это дело для департамента, я сделаю еще большую ошибку, впутывая в него постороннего.

— Ты уверена, что поступаешь правильно? — Он смотрел на нее недоумевающе и подозрительно.

Она кивнула, стараясь сделать это достаточно энергично, чтобы успокоить его.

— Уверена. А если разговор затянется, я позвоню вниз, и мистер Хойс тебе скажет. Верно, мистер Хойс?

— Ясное дело, мисс.

Входя в лифт, Талахасси уже ожидала ощущения присутствия того другого. Но ничего, кроме усталости, которая всегда приходит, когда музей закрыт и большая часть служащих ушла, она не почувствовала. Было странновато и непривычно находиться здесь ночью. Гроза, собиравшаяся раньше, так и не разразилась, но небо было затянуто тучами, и Талахасси даже через толстые стены слышала отдаленные раскаты грома.

Гром барабанов — почему-то мелькнуло в ее

мозгу, когда она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу в лифте, подымавшемся на пятый этаж. Барабаны много значат в Африке. Их удары — это слова. Говорящие барабаны — это язык племени. Его понимают.

Лифт открылся. За матовым стеклом двери кабинета доктора Гривли был свет. Талахасси заставила себя идти медленно. Она не хотела врываться в кабинет доктора Джо.

Когда Талахасси постучала и услышала в ответ приглушенный голос, она уже полностью овладела собой. В следующий момент ей это очень пригодилось. Она вошла и увидела, что стол не завален бумагами, как обычно, все было сметено на пол. Словно буря сбросила на пол листы бумаги, книги, журналы… Кабинет был в таком диком беспорядке, что девушка остановилась в дверях, раскрыв рот от изумления. Даже если бы здесь поработал небольшой циклон, — подумала она, — такого беспорядка не было бы.

— Что… что случилось?

— Как раз это мы и пытаемся установить, Талахасси, — ответил доктор Джо. — Тут явно кто-то за чем-то охотился. Насколько я знаю, здесь не было ничего такого, что стоило бы подобных усилий.

— Нет? — раздался высокомерный голос. Доктор

Кэри сидел на стуле. Смотрел вокруг с удовлетворением. И это не укрылось от прищуренных глаз Талахасси. — Спросите вашу мисс Митфорд, что это она и ее дружок так кстати заперли в ваш сейф сегодня.

Доктор Джо даже не взглянул на него.

— Талахасси, если у вас есть какое-нибудь объяснение всему этому, я был бы вам очень признателен…

Талахасси постаралась коротко все объяснить.

— Сегодня вечером меня вызвали в аэропорт. За мной прислали Джессона. В одной из камер хранения обнаружили что-то странное и хотели установить, что это. Я… ну, я поду мала, что этот предмет чем-то напоминает жезл власти из коллекции Брука. Шеф, кстати, — обернулась она к Кэри, — вы позвонили по тому номеру, который он послал вам? Это могло бы все объяснить…

— Какой номер? — ошеломленно взглянул на нее доктор Джо.

— Я сказала мистеру Нею, что к нам приехал доктор Кэри для оценки коллекции Брука. Он написал на карточке номер телефона и просил, чтобы доктор Кэри позвонил ему как можно скорее.

— Кэри? — Доктор Джо повернулся к коллеге.

Тот, не смутившись, ответил:

— Я не знаю этого человека. Если он нуждается в моих услугах, пусть обращается ко мне сам, а он этого не сделал. Нет, я не звонил.

— Почему? — удивилась Талахасси.

— Ладно. Скажите-ка лучше, это вы положили находку в сейф? — спросил доктор Джо.

— Да. Она в чемодане, выложенном свинцом.

— Свинцом? — Доктор Джо окончательно растерялся.

— Сказали, что артефакт выделяет неустановленный тип излучения, поэтому были приняты меры предосторожности.

— Он вправду африканский?

— Посмотрите. — Талахасси начала чувствовать раздражение. Она протянула руку к диску сейфа, но тут же вспомнила о сигнализации. Доктор Джо, поняв это, уже звонил Хойсу, чтобы тот отключил сигнализацию. Когда дверца сейфа открылась, девушка вытащила тяжелый чемодан и поставила его на стол. Щелкнув замком, она откинула крышку. Там лежал ларец.

Доктор Гривли жадно подался вперед.

Талахасси взяла с крышки щипцы и осторожно вынула находку. К удивлению девушки доктор Кэри не подошел к столу. Она посмотрела на него

и увидела, что он спокойно сидит, насмешливо скривив тонкие губы, и наблюдает за ними, будто они собираются впутаться в какую-то авантюру, а он не имеет намерения предупредить их об опасности. Его поведение было более чем странным. Талахасси почувствовала что-то неладное.

Доктор Джо выхватил из ее рук щипцы и медленно повернул ларец кругом.

— Да, да! Как же так? Смешанный стиль, однако древний, бесспорно древний. И оставлен в камере хранения! Надо это проверить! Кэри, что вы думаете об этом?.. Об этой культуре?

Доктор Кэри поднялся и удивительно быстро двинулся вперед. Его глаза были теперь прикованы к ларцу, а злобная усмешка исчезла. В два прыжка он очутился у стола, грубо оттолкнув Талахасси. Прежде чем она или доктор Джо успели что-то предпринять, он протянул руку к ларцу.

Крышка его бесшумно открылась. Внутри лежал небольшой сверток.

— Не трогайте! — Талахасси схватила Кэри за локоть. — Радиация!

Не глядя на нее, он с грохотом уронил на стол крышку ларца и схватил сверток. Доктор Джо, совершенно ошеломленный, попытался выхватить его у него из рук, но Кэри уклонился, одновремен-

но вырвавшись и от Талахасси. Он яростно рвал ткань, в которую было что-то завернуто.

Ткань, изношенная временем, расползлась на куски, и у Кэри в руках оказался предмет длиной в фут. Форма его была всем хорошо знакома: это был анк, древний ключ жизни, который держал в руке жрец, представлявший какого-либо египетского бога или богиню. Анк был вырезан из какого-то прозрачного материала, и его совершенно не тронули ни эрозия, ни порча.

Доктор Кэри уронил анк на стол.

— Что это? Почему? — Он тер руки о пиджак, будто к ним пристало что-то страшное и противное. Его лицо сморщилось. — Почему? — повторил он громче, как бы требуя от них ответа.

В этот момент ударил гром, такой близкий, что, казалось, потолок рухнет на них. Талахасси съежилась и вскрикнула — это уже было чересчур. Тут же погас свет. Непроглядная тьма окутала мир.

— Нет! Нет! Нет! — вскрикнул кто-то. Голос кричащего слабел.

— Доктор Джо! — позвала Талахасси. — Доктор Джо!

Она хотела обойти стол и упасть в кресло, так как теряла равновесие, но застыла в неподвиж-

ности.

В комнате появился свет, но он шел не от лампы. Сияние исходило от анка, лежащего на столе. Анк пылал, и это пламя притягивало Талахасси. Она знала, что ПРИСУТСТВИЕ, которое она ощущала раньше, вернулось и стало сильнее.

Анк поднялся над столом, поплыл и потянул Талахасси за собой. Она хотела позвать на помощь, схватиться за кресло, за стену, за что-нибудь, что послужило бы ей якорем, но ничего не могла сделать.

— Доктор Джо! — На этот раз ее мольба прозвучала, как слабый шепот. У нее не было сил говорить громко. Присутствие посторонней силы она уже ощущала физически. Кто-то невидимый толкал ее вперед.

Затаив дыхание, Талахасси шла за плывущим призрачным анком против своей воли. Теперь они были в другом зале, она и дух, которого она не видела, но знала, что он с ней рядом и чего-то от нее хочет. Этого не могло быть. Не могло… Однако было!

Они спустились на четвертый этаж. Анк свернул в зал. Смутно Талахасси осознала, куда они идут, — к трем комнатам, содержащим коллекцию Брука. Она уже не сопротивлялась, воля ее

была сломлена. Это случилось внезапно и ничего уже нельзя было поделать.

— Талахасси!

Ее имя донеслось с лестничного проема позади и эхом прокатилось по пустоте. Доктор Джо! Слишком поздно, слишком поздно. Для чего слишком поздно? — тупо спрашивала та часть ее мозга, которая еще могла что-то спрашивать.

Снова загрохотал гром, и сквозь его грохот послышалось что-то еще, и это что-то пульсировало даже после того, как, гром замер.

Барабаны, призыв барабанов. Талахасси зажала уши, но не смогла избавиться от требовательных звуков. Теперь к барабанному бою прибавился звон, словно металл ударялся о металл. И она снова узнала — это систрум храмовых жриц. Древнего Египта привлекает внимание древних богов.

Она сошла с ума!

Нет, она не сумасшедшая. Надо собраться с силами. Всему этому есть какое-то логическое объяснение. Оно должно быть! Она не может управлять своим телом. Какая-то сила ведет ее, направляет неизвестно куда. Но ее разум пока свободен.

Сила, неизвестно кому принадлежащая, напра-

вила ее к двери в третью, последнюю комнату. Там горел свет, но не обычный, электрический. Луч, выходивший из витрины, освещал комнату. Источник этого света не удивил ее — прозрачная головка жезла власти пылала тем же огнем, только, может, чуть слабее, что и плывущий впереди нее анк.

Затем анк остановился и повис в воздухе, словно девушка сама держала его на уровне груди. Принуждение изменилось. Ей было дано новое повеление, и она не могла противиться, как не противилась беззвучному приказу, приведшему ее сюда.

Чужая воля заставила ее протянуть руки к замку витрины, но он не отпирался. Принуждение усилилось, стало чуть ли не физическим.

Чужая воля требовала освободить жезл. Но она не могла этого сделать, он был заперт, а ключа у нее не было. Она подчинялась приказам, но воля ее спорила с невидимым повелителем.

Из темноты донесся голос. У Талахасси появилась надежда, что доктор Хойс или Джо идут к ней на выручку, но затем она поняла, что язык, на котором с ней так страстно говорят, ей неизвестен. В ней бушевали ненависть и злоба, и эти чувства были так же сильны, как довлеющая над

ней воля. Талахасси чувствовала, что эта воля исходила не от ПРИСУТСТВИЯ, которое привело ее сюда.

Контроль над ней посторонней силы немного ослаб. Когда чужая воля отступила, она поняла, что ярость, охватившая ее, относится к голосу, обратившемуся к ней. Если бы она и могла ему отвечать, она этого не сделала хотя бы из протеста.

Слова теперь произносились в ритме песни, и этот ритм подчеркивался гулом далеких барабанов. Талахасси больше не задумывалась над тем, что она слышит, что делает и откуда это появилось. Она съежилась перед витриной, где лежал светоносный жезл, и хотела отползти от этого места, потому что оно стало местом сражения — воля, приведшая ее сюда, теперь встретилась с другой, вступила с ней в бой.

Талахасси внезапно кто-то схватил и с силой швырнул на витрину. Она закричала и закрыла лицо руками, боясь, что стекло порежет ее. Хотя она больно ушиблась, удар был недостаточно силен, чтобы разбить витрину.

Она отступила и снова ввязалась в борьбу с невидимым противником.

Теперь уже пел не один голос, а много голосов. Она вцепилась в витрину, чтобы не упасть. У

девушки закружилась голова, к горлу подступила тошнота, когда вихри, природу которых она не знала, завертелись в сумасшедшем водовороте вокруг нее. Анк вылетел из-за ее плеча и остановился прямо перед витриной.

Широко раскрыв глаза, Талахасси смотрела на поднимающийся сам по себе жезл. Он встал вертикально, подскочил вверх. Его пылающая головка стукнулась изнутри о стекло витрины, в то время как анк метнулся снаружи к той же самой точке.

Стекло разлетелось вдребезги, и освобожденный жезл взвился в воздух. Призраки закружились вокруг него в лихорадочном танце, когда он упал на пол. Анк парил над ним, как бы пытаясь подтолкнуть жезл к дальнейшим усилиям.

Девушка увидела не руку, управляющую всем этим движением, а тень ее, едва заметные очертания ладони были в призрачном свете анка. Талахасси была уверена: прозрачная рука дотянулась до жезла, он увернулся, вырвался, пополз, как змея.

Снова чужая воля завладела Талахасси, закружила ее и злобно толкнула к извивающемуся по полу жезлу. Анк плыл над ней, как будто хотел осветить что-то, чего она не видела.

Он парил и лучился над нею, пока чужая воля заставляла ее повиноваться странным приказам. Она должна была взять жезл в руки — этот приказ теперь был ей ясен, он заполнял ее всю.

Талахасси снова услышала зов и смутно осознала, что пение прекратилось. Анк отлетел от нее, заскользил по воздуху и повис в углу комнаты, куда двигался жезл и, спотыкаясь, шла Талахасси. С тех пор, как чужая воля двигала ею, она стала неуклюжей, медлительной, может, потому, что пыталась разрушить власть над собой.

Но воля была неумолима в своей горячей ненависти. И эта ненависть была направлена не на Талахасси — инструменту, которым надо пользоваться, а в основном на старого и, видимо, непримиримого врага. Девушка увидела, что жезл остановился.

Призрачная тень прошла через пламя, выходящее из головки жезла. Но воля по-прежнему толкала к нему Талахасси. Она заторопилась и почувствовала, как ее рука схватила конец жезла как раз тогда, когда он хотел подняться вверх. Талахасси держала его, как ей приказывали, как ее заставляли. Призрак сжал руку, если это была рука, но в ней не было силы удержать жезл. Анк опустился и коснулся пылавшей верхушки

жезла.

Это было похоже на взрыв. Свет, удар, боль и такой грохот, что Талахасси оглохла. Она почувствовала, что ее закрутило и бросило в пустоту небытия. Чье-то ПРИСУТСТВИЕ, которое она все время ощущала, осталось где-то позади. Ее руки держали теперь жезл не по его приказу, а для спасения жизни. Она твердо знала, что если выпустит его, это будет означать смерть — смерть совершенно неестественную, страшную и непонятную, никем еще не изведанную.

Талахасси собрала оставшиеся силы. Вокруг не было ничего — полное небытие, разрывающее здравый смысл. Держать… Держаться!

Затем небытие сомкнулось над ней в ужасном вращении и наступила абсолютная темнота. Она потеряла сознание.

Было жарко, как будто Талахасси лежала в печи и дышала ее удушливым зноем. Она попыталась отодвинуться от этого жара, еще ничего не понимая, и открыла глаза.

Над ней сияло яркое, ослепляющее солнце. Вскрикнув, Талахасси прикрыла глаза руками. Она лежала на солнцепеке… Где? Мысли текли медленно, с трудом освобождаясь от оцепенения, оставшегося после пережитого.

Она больно стукнулась локтями о твердую поверхность, на которой лежала, села и оглянулась вокруг.

Прямо против нее была голая скала. На ее поверхности Талахасси заметила рисунок, состоявший из выветрившихся от времени тонких линий. Она поползла к той скале, царапая руки о песчаную корку, затем повернулась, чувствуя головокружение и тошноту и, опасаясь, что это усилие опять бросит ее в темную и ужасную пустоту, о которой ее мозг отказывался вспоминать. Было страшно даже подумать о том, что все это может повториться.

Вокруг, сколько видели глаза, тянулись скалы. Пожалуй, они были когда-то частью обвалившейся стены. Но у их подножия…

Талахасси сдержала готовый вырваться крик и несколько раз протерла глаза, чтобы удостовериться, что она действительно видит тело, вытянувшееся на песке и камнях. Незнакомка лежала лицом вниз, раскинув руки над головой. В одной ее руке был зажат анк, в другой — жезл. Теперь они не светились. А может, в этом слепящем солнечном свете их аура просто не была заметна.

Талахасси двинулась вдоль скалы, держась за

нее. Может, незнакомка без сознания? И кто это? И где? Видимо, Талахасси сошла с ума, когда жезл унес ее.

Тонкое, как паутинка, платье, сквозь которое просвечивало большое темное тело, было сшито просто. Снежно-белая ткань падала свободно от самых плеч, где ее удерживали сверкающие пряжки. Также ярко сверкал и усеянный драгоценными камнями пояс. Волосы незнакомки доставали плеч и были заплетены во множество тонких косичек. На конце каждой сверкала золотая бусинка, узкая диадема из драгоценного металла оттягивала косички.

Талахасси что-то вспомнила. Она ближе придвинулась к обломку скалы. Голова ее кружилась, и она боялась, что вот-вот упадет на незнакомку. Затем она встала на колени и протянула руку к коричневому плечу, которое было гораздо темнее ее собственного.

Она с трудом перевернула тело, вялое и безвольное. Теперь ей было ясно, что девушка, лежащая перед ней, мертва. Но взглянув на ее лицо, Талахасси вскрикнула и отшатнулась. Песок покрыл губы, набился в брови, зачерненные и удлиненные грубой косметикой. Но само лицо… нет!

Талахасси увидела, как в зеркале, собственное

лицо! Было, конечно, кое-что не то: искусственно удлиненные к вискам крашеные брови, толстые линии, проведенные под закрытыми теперь глазами, более темная кожа, повязка на лбу, напоминающая нападающую змею.

— Египет! — прошептала Талахасси. — Египет и королевское… украшение. Эту диадему в виде змеи могла носить только женщина из Рода, близкого к трону.

Талахасси отползла назад и теперь дико озиралась. В этом месте песок был нанесен, может, ветром, а может, и человеком. Кругом простирались руины. Но Талахасси знала, что она все-таки на Земле! Дрожа от страха, она скорчилась у скалы и попыталась понять, что произошло. Тут не было разумного объяснения, да и вообще никакого объяснения не было!

Она все еще была в панике, когда услышала звуки — сначала слабые, они все усиливались. Такое же пение она слышала перед невероятным событием, происшедшим с нею.

И оно приближалось! Талахасси постаралась встать, но силы оставили ее, и она только плотнее прижалась к скале. Кошмар продолжался.

Слов песни она не могла понять, но догадалась, что поет ее не один человек. Она сделала еще од-

но отчаянное усилие. Надо спрятаться! Но здесь под палящим солнцем в этой пустыне, где не было ничего, кроме песка и камня, она не видела подходящего места.

Голоса внезапно смолкли. Послышалось звяканье систрума. Талахасси слабо улыбнулась. Египет! Но почему ее в бессознательном состоянии переправили в Египет?

И было так жарко, и так хотелось пить. Может, она больна, лежит в жару у себя дома и бредит? Или — вдруг мелькнуло воспоминание — это радиация. А что если высокая доза неизвестного излучения от анка вызвала галлюцинацию?

Она услышала резкий крик и повернула голову. Среди обломков стены появилась фигура и побежала к Талахасси. Это был человек, женщина в таком же белом одеянии, что и мертвая девушка. Но голова у нее была львиная, а на ней сияла золотая диадема из двух сверкающих перьев.

Существо бросилось к телу мертвой девушки, но затем увидело Талахасси и остановилось. Выражение львиной морды не изменилось, но из неподвижных губ полились слова. По интонации Талахасси догадалась, что ее о чем-то спрашивают.

Талахасси медленно покачала головой. Когда

львиная морда приблизилась, Талахасси увидела, что это маска. Вместо глаз были отверстия, сквозь которые женщина в маске смотрела.

Женщина быстро повернулась к мертвой девушке и упала перед ней на колени. Львиная голова медленно раскачивалась то к мертвому телу на песке, то к Талахасси. Затем женщина нехотя протянула руку, взяла анк, но жезл не тронула. Она дважды протягивала к нему руку, как бы желая взять, но так и не решилась. Затем — Талахасси вздрогнула — вдруг подул такой холодный ветер, что в этом пропитанном солнцем месте он показался взрывом. Женщина встала и посмотрела в ту сторону, откуда пришел порыв ветра. Талахасси увидала в воздухе странное движение, как будто там кружились призраки.

Женщина в львиной маске поднялась. Из-под маски послышались слова, звучащие как проклятия. Она медленно водила анком в воздухе крест-накрест, как бы возводя защитную стену против чего-то, что силой врывалось в то место, где они находились.

Слабый толчок воли поддержал Талахасси, и она снова попыталась овладеть своим разумом. На этот раз она смогла встать. Издалека донесся слабый крик ярости, но было неясно — кричал ли

кто на самом деле или ей это только показалось.

Однако движение в воздухе исчезло. Женщина некоторое время продолжала сквозь прорези маски вглядываться туда, откуда недавно грозила опасность. Однако то, что грозило им, уже ушло.

Маска снова повернулась к Талахасси. Женщина сделала резкий повелительный жест.

Повинуясь этому знаку, Талахасси помимо своей воли отошла от камня и пошла к жезлу. Ее пальцы еще раз охватили гладкую поверхность жезла и подняли его вверх. Незнакомка в маске стояла неподвижно, как статуя богини в древнем храме.

В знойном воздухе еще раз прозвучал ее голос. На ее повелительный зов прибежали еще две женщины в такой же простой белой одежде, как у мертвой девушки, с такими же косичками у плеч. На середину лба каждой из них свешивался золотой медальон в виде львиной головы, похожей на маску их повелительницы.

Они были явно поражены тем, что увидели, но по властному приказу хозяйки подняли мертвое тело. Талахасси было предложено идти за ними.

От этой страшной жары длинная юбка и блузка Талахасси плотно прилипли к телу. Она плелась за женщиной, не зная, что делать. Где она?

Как она сюда попала? Она должна немедленно узнать, что все это значит, иначе она попросту спятит, если еще не спятила.

Когда процессия обогнула скалу, где разыгралась вся эта сцена, Талахасси увидела, что развалины находились на ее вершине. Внизу виднелись маленькие остроконечные пирамиды. Почти у всех у них вершины разрушились, сухая мертвая страна тянулась к единственному зданию с колоннами, в котором, казалось, сейчас шел ремонт.

Вид маленьких пирамид захватил внимание Талахасси. Она вспомнила изображения на хорошо знакомых ей фотографиях.

Не сам Египет, а Мерсе, земля, долго хранившая культуру Древнего Египта, земля, которая помогла трем фараонам завоевать север и возродить уже угасающую было страну Кема, что дало им право гордо носить двойную корону, Мерсе, о котором так мало было известно, и так много делалось догадок. Неужели перед Талахасси лежал теперь Мерсе? Возможно ли это? И как она попала сюда?

Две женщины, за которыми она шла, внесли свой груз в это единственное большое здание. Талахасси не поворачивала головы, но знала, что

позади нее идет женщина в маске. Она, конечно, должна быть жрицей.

Мерсе поклонялся богу-льву Апедемеку. Львиц в религии древних африканцев не было, если не считать похожую на львицу Шектет, богиню войны в более северных странах.

Талахасси снова шла под принуждением, хотя и не таким сильным, какое давило на нее в коридорах музея. Талахасси казалось, что при желании она могла бы сопротивляться. Но делать этого ей не хотелось. Зачем?

Гораздо лучше было остаться с этими людьми, пока она каким-нибудь образом не узнает, что случилось. Жезл власти был в ее ладони, и она старалась держать его крепче. Почему жрица отдала его ей? Ведь он, наверное, имеет большое значение для этих людей, кто бы они ни были. Почему же нести его приказали ей?

Талахасси могла только предположить, что они почему-то его боялись. Если это он привел ее сюда, видимо, он может и разрушить этот странный сон и вернуть Талахасси в ее собственные место и время. Она интуитивно почувствовала, что должна держаться за этот символ, наделенный тайной властью.

Они вошли в храм. Перед ними стоял Апе-

демек под двойной короной. В одной руке он держал символический плуг королей и королев Мерсе. Каменное изваяние было древним. Лицо пересекали трещины. Оно дышало не только высокомерием властителя, но и подлинным величием тайной власти.

Женщины положили тело девушки у ног десятифутовой статуи, разгладили платье на ее стройных ногах, скрестили ей руки на неподвижной груди ладонями вниз. Затем одна из женщин опустилась на колени у головы мертвой, а другая — в ногах, и обе начали причитать.

Но жрица заставила их замолчать. Она повела Талахасси за статую. Чувствовалось, что здесь живут, хотя Талахасси показалось, что это временное жилище. Четыре мягких свертка могли служить постелью, а на циновках лежали подушки в ярких наволочках.

Один угол комнаты занимали корзины и два ярких высоких кувшина. Но внимание Талахасси привлекло то, что находилось в противоположном углу. Три пластинки из блестящего черного металла, на поверхности которых играло сияние бледной радуги, составляли маленькую пирамиду с плоской вершиной. На ней вертикально стоял предмет, явно оказавшийся случайным

здесь, где царила старина. Это был прямоугольник из непрозрачного, молочно-белого стекла. По трем поверхностям, которые были ей видны, переливались блики, затмевающие радугу пирамиды. Прямоугольник имел два фута в высоту, и из него доносилось слабое гудение, которое Талахасси могла бы сравнить с гулом ровно работающей машины. Это было невозможно и воспринималось как анахронизм. Девушка смотрела и удивлялась.

Она вошла сюда, повинуясь приказам жрицы. За ними никто не последовал. Жрица осторожно положила анк на порог, сделала знак Талахасси, чтобы та оставалась тут, и вернулась в главную часть храма.

Девушка прошлась по комнате, заглянула в закрытый кувшин и увидела там воду. Рядом на стопке тарелок стояла чаша, она взяла ее. Отпив воды, девушка вышла из того оцепенения, в котором она была все это время, очнувшись в другой жизни. Увидев на тарелке под прозрачной крышкой финик, она почувствовала, что голодна. Финик был очень липким и очень сладким, потому что лежал в меду, так что она запила его тепловатой водой. Вода в кувшине, циновки для постели — и вдруг этот предмет, гудевший

в углу, которого, конечно, не было ни в Мерсе, ни в Египте.

Ровный гул исчез. Что-то вспыхнуло, но свет остался. Он извивался спиралью по передней плоскости. Одновременно раздался треск, усиливающийся с каждой секундой.

Талахасси осторожно подошла к непонятному прямоугольнику. Ей стало жутко главным образом потому, что он был совершенно чужим всему остальному в комнате и за ее пределами, настолько чужим, что невольно вызывал настороженность. Однако, блестящая спираль исчезла так же быстро, как и появилась, остался только вибрирующий гул.

В комнате была только одна дверь, но в верхней части стен несколько камней выпали, и в отверстие пробивались солнечные лучи. Талахасси отвернулась от прямоугольного предмета и подошла к двери. Откуда-то, видимо, из внешней гробницы, снова послышались звяканье систрума, голоса людей, поющих чуть ли не шепотом.

Может ли она выйти? Она посмотрела на анк. Он лежал в тени на пороге и снова был виден слабый свет его излучения. Когда Талахасси попыталась обойти его, она будто встретилась с препятствием. Не твердым и постоянным, как

стена, а барьером, слегка прогибающимся, а затем отталкивающим ее.

Отойдя к одной из подушек, лежащих на полу, девушка села, скрестив ноги. И постаралась оценить свое положение. Теперь она неторопливо по прежней своей привычке пыталась проанализировать все, что с ней произошло с самого начала.

Она действительно была вынуждена идти за анком в комнату с коллекцией Брука. Там происходило что-то вроде спора между двумя невидимыми волями и, возможно, личностями. Затем после того, как ее заставили взять жезл, она очнулась на песке в развалинах древнего города.

Это было слишком живо и слишком долго продолжалось, чтобы быть сном или бредом. Наркотиков Талахасси никогда не принимала, но, возможно, тут было что-то, что превосходило возможности и наркотического опьянения, и простой игры воображения.

Видимость известного ей прошлого могла появиться из ее собственной памяти. Но эта штука в углу просто не могла быть в том Мерсе, который она знала по книгам. Если она не спит и не одурманена, что произошло с ней? И почему у мертвой девушки ее лицо? Лицо, которое не изменила ни экзотическая раскраска, ни более

темный цвет кожи?

Где она в конце концов?

На вопрос, что с ней случилось, не было никакого приемлемого ответа. Ничего, что хотя бы как-нибудь объяснило происходящее.

Было страшно жарко, несмотря на толстые каменные стены. Что-то мелькнуло там, где из стены вывалился камень. Видимо, ящерица быстро пробежала и исчезла. За дверью послышались чьи-то шаги, и девушка быстро повернулась. Жрица открыла дверь и подняла анк, который сторожил пленницу.

Следом за жрицей вошла одна из женщин и, не обращая внимания на Талахасси, подошла к плетеным корзинам в углу.

Она достала из корзины такое же, как у всех у них, белое платье, и Талахасси уловила исходивший от него пряный запах. Женщина отложила платье в сторону, еще раз запустила руку в корзину, извлекла пару сандалий с ремешками между большими пальцами и остальными и, наконец, парик со множеством маленьких косичек с золотыми бусинками на концах, точь-в-точь как у мертвой девушки. На парике она осторожно укрепила то, что протянула ей жрица, — обруч со змеей.

Осмотрев весь этот наряд, жрица повернулась к Талахасси, недвусмысленно показывая, что та должна снять свою одежду.

Девушка отказалась. Тогда жрица подняла анк, явно угрожая. Если бы Талахасси не повиновалась, видимо, прибегли бы к магии.

Талахасси медленно выполнила приказ. Когда она разделась, младшая жрица уже стояла за ней с маленьким горшочком в руках. В нем было что-то жирное и пряное. И женщина начала мазать этой мазью руки и плечи Талахасси.

Работала она быстро и со знанием дела. Когда все было закончено, Талахасси увидела, что ее кожа стала такого же цвета, что и у женщины, стоявшей перед ней. Затем ее одели в новую одежду и застегнули на талии драгоценный пояс. Талахасси была уверена, что видела его на мертвой. Затем ей предложили встать на колени, и младшая жрица обрезала ножом волосы Талахасси почти у самой шеи.

Обмакнув кисточку в другой косметический горшочек, она подвела ей черной краской глаза, затем на нее осторожно надели парик с диадемой.

Младшая жрица отошла в сторону, а жрица в маске критически осмотрела ее работу. Талахасси

не сомневалась, что ее переодели не напрасно, — она должна заменить умершую.

Замешательство опять отступило. На этот раз Талахасси почувствовала некоторое возбуждение. Что бы это ни было — сон или галлюцинация, — но ее крепко захватило любопытство. Страна Мерсе всегда интересовала Талахасси, и теперь ей хотелось знать, долго ли продлится иллюзия и как далеко заведет она ее. Странно, но ей почему-то захотелось продолжать эту игру, пока возможно.

Когда Талахасси поднялась с колен, жрица жестом приказала ей взять жезл. Девушке очень хотелось знать, как она теперь выглядит. Жрица стояла неподвижно. Талахасси не видела ее глаз за маской, но не сомневалась, что ее оглядывают с головы до ног, и только треск в светящемся блоке прервал этот осмотр.

Жрицу явно что-то удивило. Минуту она стояла в замешательстве, потом бросилась к прямоугольнику, на передней панели которого опять появилась цветная спираль, и упала на колени. Талахасси решила, что жрица принимает какое-то сообщение. Вторая женщина с приглушенным вздохом выскочила из комнаты.

Талахасси сжигало любопытство. Только бы

понять, что все это значит!

Треск прекратился. Жрица протянула руку, сделала быстрое стирающее движение поперек блока. Спираль преобразилась в символ, знакомый Талахасси, — Глаз Гора. Когда изображение стало устойчивым, жрица приблизила свою маску ближе к поверхности блока и заговорила — полились мягкие, шипящие звуки, совсем не похожие на звуки песни, которую Талахасси недавно слышала.

Свет резал глаза. Опять осталась только игра бесформенных красок и гул тишины. Жрица встала и подошла к Талахасси так близко, что девушка увидела в отверстиях маски темные человеческие глаза и почувствовала, что жрица хочет что-то сказать, но не может.

— Что вы от меня хотите? — спросила Талахасси.

Та указала на дверь, потом на себя и на Талахасси, затем сняла со своего пояса длинный нож, направила сначала на свою грудь, потом на Талахасси и снова на дверь, на этот раз с явной угрозой протыкая воздух.

Девушка поняла и подумала, что это не так уж фантастично.

— Опасность для нас обеих, — сказала она

вслух.

Жрица еще раз твердо и испытующе посмотрела на нее.

Затем львиная маска слегка кивнула.

Жрица показала на нож, на жезл и опять на нож, давая понять, что жезл — лучшее оружие, чем нож, но как пользоваться этим оружием и против кого?

Талахасси вздрогнула, услышав над головой звук, становящийся все громче и громче. Он показался ей знакомым. Но его не могло быть в мире Мерсе. Она не ошиблась: это был самолет, и, судя по звуку, он явно шел на посадку.

Жрица не двинулась с места, только чуть-чуть повернула голову к двери, словно все ее внимание было обращено на то, что происходило снаружи. Через несколько секунд Талахасси услышала мужские голоса, как ей показалось. Жрица встала рядом с Талахасси, и они обе уставились на дверь.

Раздался резкий щелчок, и Талахасси вздрогнула: это очень походило на выстрел! Так же, как и прямоугольник в углу, огнестрельное оружие было здесь анахронизмом. Жрица коснулась руки Талахасси, и девушка поняла, что нужно поднять жезл перед собой. Талахасси вспомнила позу

египетских статуй с анком, цепом и жезлом.

Женщины, сопровождавшие жрицу, спиной вперед вошли в комнату, в их голосах звучал протест. Они что-то беспокойно обсуждали. Жриц теснили трое мужчин. При виде их Талахасси не испытывала чувства, что она каким-то образом попала в далекое прошлое: эти люди должны были бы носить юбки, как у шотландцев, держать мечи или луки, а вместо того они были одеты почти так же, как в мире Талахасси, только рубахи и брюки были обрезаны на локтях и коленях. Форма была тускло-зеленого цвета, на плече виднелась маска Апедемека, но на головах красовался полный старинный головной убор египетских воинов. В руках у каждого было оружие — нечто среднее между винтовкой и револьвером. Короткие стволы на уровне предплечий могли выстрелить в любую минуту.

Увидев Талахасси, они остановились, широко раскрыв глаза, и было непонятно — испуг или удивление остановили их. Жрица заговорила. Двое мужчин позади предводителя попятились, они явно растерялись. Было ясно, что они увидели здесь совсем не то, чего ждали.

Жрица подняла анк и что-то повелительно сказала. Вождь хмуро смотрел на нее. Шрам, пе-

ресекавший его лицо от виска до подбородка, не добавлял мягкости к выражению его лица. Он не двигался, только сердито смотрел на женщину в львиной маске.

Жезл! Талахасси решила произвести небольшой эксперимент. Она чуть-чуть наклонила жезл, так что его хрустальная верхушка была теперь направленной на грудь мужчины. Он быстро перевел взгляд со жрицы на девушку, и она увидела перемену в его глазах.

Он испугался. Ее или жезла? Она решила, что последнее вернее. Чувство внезапного испуга искривило его искалеченное лицо. Талахасси сделала шаг вперед, потом другой. Человек отступил, но не так быстро, как его товарищи, которые пустились наутек, как только девушка подошла к ним.

Вождь сдался не так легко. Талахасси чувствовала, что человек этот опасный. Она всегда умела каким-то образом улавливать эмоциональные реакции других по отношению к себе и знала, кто хорошо к ней относится, кто только терпит ее, а кто и терпеть не может. Но этот человек излучал не неприязнь, а ненависть. В этом она была совершенно уверена.

Выгонять его таким способом, может быть,

было худшим вариантом, однако обе женщины быстро расступились, и Талахасси знала, что жрица идет за ней. Они хотели, чтобы она поступила именно так!

Вождь, что-то враждебно бормоча, отступал шаг за шагом. Они прошли через зал со статуей Апедемека, дальше и дальше, в белый свет пустыни, в пылающее пекло.

Она бросила быстрый взгляд на что-то, стоявшее неподалеку, но не могла разглядеть как следует, что это такое, потому что нельзя было спускать глаз с человека, которого она заставляла отступать. Наконец, они дошли до края каменной площадки. Мужчина внезапно перекинул свое оружие через плечо, сказал напоследок фразу, в которой Талахасси уловила угрозу, хотя и не поняла ни слова.

Ему явно не хотелось поворачиваться к ней спиной, и он шел боком, как краб, косясь на нее, но затем повернулся и пошел широкими шагами к флайеру. Вся его фигура выражала злобное бессилие.

На взгляд Талахасси, этот флайер имел что-то от вертолета, но у него не было крутящихся лопастей наверху. Как только человек влез в боковое отверстие, машина взлетела, но что ее

поднимало, Талахасси не поняла. На боку флайера были какие-то обозначения, но девушке они ни о чем не говорили. Незаметно подойдя, жрица коснулась ее руки и кивнула головой в сторону храма. Девушка поняла, что ее просят вернуться туда. Одна из женщин что-то сказала и плюнула вслед исчезнувшему флайеру. Рев его двигателя уже затихал.

Жрица явно торопилась. Она почти бежала, и Талахасси едва поспевала за ней. Они вошли во внутреннюю комнату. Там жрица в маске еще раз встала на колени перед светящимся блоком, и заговорила быстро и повелительно. Талахасси подошла к женщине, которая плюнула вслед отступившим солдатам.

— Кто этот человек? — спросила она, стараясь, чтобы незнакомка поняла, что это вопрос, и показала в сторону, где недавно стоял исчезнувший солдат.

Женщина молчала. Было неясно, поняла ли она вопрос. Потом она медленно и внятно произнесла всего одно слово:

— Узеркоф.

Талахасси в этом слове почудилось нечто смутно знакомое, она вспомнила, что когда-то слышала это слово. Узеркоф, видимо, имя древне-

го нубийца или египтянина. Она была уверена, что это мужское имя. Но чье? Воина, которого она только что видела, или того человека, который его послал. Если бы только она знала! Она готова была бросить жезл на пол, досадуя на свое неведение. Когда же она узнает, что случилось, где она и зачем?

Ее заставили участвовать в какой-то игре. По-видимому, только она, владея жезлом, могла прогнать вооруженных людей, пришедших сюда. И ей назвали только единственное имя — Узеркоф.

Имя? Это очень важно. У некоторых народов личное имя имеет такое большое значение, что его никогда не называют при чужих, чтобы не дать тому власть над словом. Она могла начать с имен — это первый шаг в любом языке.

Она энергично ткнула себя пальцем в грудь и спросила:

— Кто я?

Замешательство женщины на этот раз было более заметно: она сначала взглянула на жрицу, все еще занятую прямоугольным блоком, а потом ответила:

— Ашок.

— Ашок, — повторила Талахасси, стараясь

правильно произнести имя. Потом указала на жрицу: — Кто?

— Джейта.

Тут паузы почти не было. Видимо, женщина решила, что если небо не обрушилось в первый раз, оно выдержит и дальше.

— Джейта, — повторила девушка и показала на женщин: — Кто?

— Маки да.

Другая женщина была Идией. Талахасси слегка приободрилась. При правильном обращении с ними она, может быть, кое-что узнает.

— Где мы? — Она обвела рукой вокруг в надежде, что этот жест будет понятен той, которая пристально смотрела на нее, но три слова, произнесенные в ответ, вообще ничего не означали. Досадно было промахнуться как раз тогда, когда она добилась пусть небольшого, пусть маленького, но успеха.

Жрица отвернулась от блока и что-то произнесла, что могло быть опять-таки только приказом, потому что обе женщины поспешно подняли с пола тюфяки и сложили их в углу. Ни на что другое они не обращали внимания, но корзину, из которой достали одежду для Талахасси, они вынесли.

Джейта работала с прямоугольным блоком, осторожно нажимая пальцами на нижний из трех блоков, на которых стояла плита. Она повернула его, как бы выключая установку, и свет с поверхности прямоугольника исчез.

Затем она кивком показала Талахасси на дверь. Было ясно, что они готовятся покинуть храм. Куда они пойдут? Жаль, что Талахасси не видела лица жрицы. По его выражению можно было бы понять гораздо больше, чем слушая только слова незнакомого языка. Она показала рукой в направлении выхода и спросила:

— Куда?

Снова несколько слов, опять ничего не означающих. Однако Талахасси показалось, что это не те слова, что произнесла Маки да.

Ответ пришел достаточно быстро — в воздухе опять раздался рев мотора. Враги вернулись со свежими силами? Талахасси крепче сжала жезл. Второй отряд, может быть, не так просто будет прогнать.

Флайер снова сел, подняв густое облако пыли, песка и гравия. Какое-то время ничего не было видно. Из машины выскочили люди и побежали к храму. На людях была военная форма, но на этот раз не тускло-зеленая, а темно-рыжая, цве-

та ржавчины. И носившие ее были, бесспорно, женщинами.

Увидев Талахасси, три женщины упали на колени и подняли одну руку ладонью вверх, в то время как в другой сжимали оружие того же типа, что было у мужчин. Их начальница встала на колени, протянула одну руку к Талахасси и стала быстро что-то говорить.

Жрица резко ответила и махнула рукой в сторону флайера. Талахасси пошла туда без особого желания, понимая, что ей приказано сделать это. Она попала в чужой мир, в чужое время. Если она уйдет отсюда — найдет ли она путь назад, в свое собственное время, в свой мир? Теперь она знала, что это не сон, и у нее не было оснований считать, что у нее галлюцинации, если только неизвестное излучение анка не навеяло их.

Они кое-как втиснулись во флайер. Жрицу и Талахасси усадили на двойное сиденье, а храмовые женщины и амазонки устроились на полу, держась за плетеные ремни, висящие между ними. Еще одна женщина в форме управляла флайером. Талахасси не успела оглянуться, как флайер взлетел. Ощущение было таким, как будто поднимаешься на скоростном лифте.

Талахасси сидела далеко от маленького окош-

ка, так что не могла увидеть землю, над которой они летели, но тело ее стало тяжелым от скорости, значительно большей, чем в мире Талахасси мог развить самолет.

Все, что случилось, окончательно сбило ее с толку. Нельзя было предположить, что произойдет дальше. Одно действие никак не связывалось с другим. Жрица в маске, развалины. Они Талахасси казались естественнее в этом мире, чем флайер. Она видела сходство с прошлым, которое она изучала. Но как могли быть в Нубии или в Древнем Египте совершенное оружие и машины?

У нее болела голова от тяжести парика, который ее заставили надеть. Ей хотелось сбросить его, но она знала, что даже такое малое проявление независимости может иметь серьезные последствия. Начальница амазонок открыла маленькое отделение напротив пилотской кабины и достала оттуда металлическую флягу и две чашки. Несмотря на неровный ход флайера, она налила полчашки какого-то напитка и осторожно протянула его жрице, которая, в свою очередь, с церемонной медлительностью подала чашку Талахасси.

Девушка поблагодарила жрицу. Напиток был

вкусным и таким холодным, что дух — захватывало. Талахасси жадно выпила, осознав, как ее тело нуждалось в нем.

Жрице поднесли другую чашку, но она отказалась. Талахасси подумала: как женщине, наверное, тяжело носить маску. И зачем? В храме еще понятно, но зачем здесь?

Флайер пошел вниз по крутой спирали и приземлился. Амазонка-офицер поспешно открыла дверцу, выбралась со своими тремя подругами, как бы опасаясь какой-либо провокации, которую они должны были предотвратить. Джейта мягко коснулась руки Талахасси, сделала ей знак выходить следом за амазонками.

Девушка вышла довольно-таки неуклюже. Жрица и амазонка-офицер были одного с ней роста, другие же девушки — по крайней мере на четыре или пять дюймов ниже, а флайер был рассчитан на их рост.

Талахасси ожидала опять увидеть пустыню, но не было под трапом серых камней, песка, голых скал и развалин. Здесь росла буйная, радующая глаз зелень. Неподалеку проходила каменная мозаичная дорожка, которая вела в туннель из сомкнутых веток пальм и цветущих кустов. Талахасси почуяла тяжелый, почти одуряющий запах

цветов и увидела утопающие в зелени строения по крайней мере в три этажа.

Амазонки стояли вдоль тропы в напряженном ожидании по две с каждой стороны. Когда Талахасси медленно вышла на тропу, они пошли позади, на шаг или два отставая от жрицы.

Игра продолжалась вслепую. Талахасси не имела никакого представления о том, куда ее ведут и что она здесь делает, но было легко идти в тени пальм и высокого кустарника. Что-то мелькнуло на тропе впереди. Талахасси вздрогнула, но тут же улыбнулась, потому что это были два котенка. У каждого был ошейник с маленькими колокольчиками, а в правом ухе — золотое кольцо.

Котята остановились, склонили набок головки и уставились на Талахасси немигающими глазами. Так обычно смотрят кошки, чтобы смутить человека. И вдруг Талахасси стало ясно, что это котята мертвой девушки, похожей на нее. Она остановилась и протянула руку. Теперь все зависело от котят. Если они не признают ее как свою, то что на это скажут амазонки.

Ашок, судя по диадеме, была принцессой. Как накажут самозванку? Котенок побольше осторожно подошел, обнюхал пальцы Талахасси и слегка лизнул их шершавым язычком. Котенок

поменьше мяукнул и набросился на брата. Ударив его лапкой, он помчался по тропинке, другой же пустился за ним вдогонку.

Талахасси облегченно вздохнула. Она не собиралась притворяться принцессой, но, конечно, не хотела быть разоблаченной в самое опасное для нее время.

Джейта что-то сказала Талахасси с почтительностью, которой раньше не проявляла, и показала на утопающее в зелени здание, приглашая девушку идти туда.

Они прошли сквозь густую поросль, отделяющую посадочную площадку от сада. Теперь здание было хорошо видно. Его окружали цветочные клумбы. Массивные столбы по бокам фасада поддерживали выдающуюся вперед крышу. Столбы, как и руины, были знакомы Талахасси. Это не были колонны западного мира, унаследованные от греков, они, скорее, напоминали толстые стебли цветов, увенчанные полураскрытыми бутонами.

Очень широкие дверцы между ними вели не в холл или в комнату, а во внутренний двор, в середине которого был большой бассейн с живыми лотосами по краям. У входа стояла стража. Это были тоже амазонки. Вдали толпились женщины.

На них были белые одеяния. По приказу жрицы они разбежались, хотя и неохотно, несколько раз оглянулись на Талахасси, как будто надеясь, что она отменит приказ Джейты.

Потом жрица велела двум женщинам, приехавшим из храма, идти с корзиной для одежд впереди. Женщины вошли в одну из дверей, расположенных по четырем сторонам внутреннего двора. Талахасси поняла намек. Джейта была мудра — теперь Талахасси точно знала, куда она попала, и не боялась ошибиться в выборе двери в свои комнаты. Когда вышитая занавесь на дверях была откинута, Талахасси с любопытством оглядела свое новое жилище.

Стены были расписаны стилизованными цветами лотоса, окаймляющими голову львицы, похожей на маску Джейты. Узкая кровать стояла на ножках, напоминающих лапы леопарда. Рядом со складными столиками стояли два кресла на кошачьих лапах с прямыми спинками.

Мягкая скамья находилась перед чем-то вроде шкафа, массивного, состоящего из двух секций с выдвижными ящиками. Пустое пространство между ними было занято деревянной мозаичной плитой с зеркалом и множеством резных инкрустаций и горшочков.

Талахасси увидела себя во весь рост в зеркале и ахнула: на нее смотрело чужое лицо. Черные линии шли вокруг глаз до краев парика, делая ее лицо похожим на маску. Потемневшую кожу оттенял парик. Она будто сошла с фрески какой-нибудь гробницы Фив или Мемфиса!

— Ашок! — она нечаянно произнесла это имя вслух.

Трудно было отвести взгляд от этого чужого лица в зеркале. Ведь она не Ашок! У нее ослабели руки, и она уронила бы жезл, если бы не властные слова жрицы, заставившие ее отвернуться от своего отражения.

Одна из храмовых женщин внесла длинный ларец, украшенный выпуклым золотым рисунком двух защищающих медальонов, которые она где-то видела. Но где? Когда жрица прижала пальцы к двум пластинкам, крышка поднялась. Внутри в мягкой обивке было длинное узкое углубление, без сомнений, предназначенное для жезла. Талахасси сунула туда жезл, довольная тем, что избавилась от него. Ларец был закрыт и поставлен на кровать. Затем Джейта подняла руки к затылку. Маска разделилась на две половины и жрица сняла их.

Талахасси уставилась на женщину. Она не от-

личалась красотой. У нее был крючковатый нос, как клюв ястреба, острый, загибающийся вверх подбородок, коротко остриженные волосы серебрились. Глаза женщины не подкрашивались. Полные губы были бледны. Лицо ее было лицом человека, приказам которого повинуются. Однако эта властность, подумала Талахасси, не имеет ни капли жестокости. Если рисовать человека, олицетворяющего справедливость, позировать должна была бы Джейта.

Жрица в свою очередь изучала Талахасси, как мастер, тщательно осматривающий изделия своих рук, отыскивающий мельчайшую погрешность. Одна из женщин подошла к двери, подняла руки в прощальном приветствии и вышла. Талахасси глубоко вздохнула и села в кресло…

Джейта продолжала стоять, пока девушка, догадавшись, что она должна сделать, не указала ей на другое кресло. Хотя в этой комнате было гораздо прохладней, чем в разрушенном храме, ей очень хотелось снять парик, смыть песок, прилипший к ее коже. Но больше всего она нуждалась в общении.

Дверь приоткрылась, и Идия снова скользнула в комнату. В руке ее была корзина, она подала ее Джейте. Жрица достала оттуда ящичек с двумя

шнурами. Идия поспешно пододвинула к ней один из столиков, и Джейта поставила на него ящичек. Затем она вставила в ухо твердый наконечник одного из шнуров и знаком предложила Талахасси сделать то же самое с другим.

Девушка подскочила, когда почувствовала действие этого ящичка. Телепатия? Нет, это было нечто другое. Но она действительно приняла сообщение не от губ к ушам, а от разума к разуму.

— Не бойся ничего, леди.

Талахасси хотела было выдернуть шнур, но взяла себя в руки. Ведь это было то, чего она больше всего хотела, — общение, объяснение.

— Кто ты? Где я? Как я сюда попала? — быстро прошептала Талахасси.

— Ни о чем не спрашивай, пока не узнаешь наш язык, леди. Здесь множество теней, имеющих рты и уши, чтобы шептать где не надо то, что они случайно услышали. Я — дочь Апедемека, хотя многие из нашего народа, к сожалению, отвернулись от истинного учения. Насчет того, где ты, я могу сказать, что это Империя Амона. А год сейчас двухтысячный после раздела Севера и Юга. Это не ваш мир. А как ты попала сюда, я сейчас расскажу вкратце, потому что у нас с тобой мало времени. Здесь лежит, — жрица указала

на ларец, — дух нашей нации. Многие из людей сейчас не верят в Учение, которое создавал великий Амон под нашим господином Солнцем. Они учатся работать руками, говорят то, что родится в их мыслях, а не исходит от учения того, кто выше их. Однако, даже эти распущенные умы знают, что без жезла в руках Кандис не отдает приказы. Без него она ничто, потому, что в жезле вся сила ее Рода, и только член Рода может держать его.

— Кандис! — Талахасси забыла предупреждение жрицы. — Это же титул древних королей Мерсе!

Сузившиеся глаза повернулись к ней.

— Кто ты, что говоришь о Месте Мертвых?

Вопрос болью отозвался в голове Талахасси, болью такой острой, что она приложила руки ко лбу. Но в вопросе этом не было и тёни враждебности…

Талахасси была в замешательстве. У нее появилось еще больше вопросов. «Империя Амона» — это еще ни о чем ей не говорило. Однако Джейта как-то странно отреагировала на упоминание о Мерсе. Значит, надо быть поосторожнее и вопрос поставить иначе.

— Я не знаю Империи Амона. Я знаю, что очень давно, может, две тысячи лет назад, здесь было

королевство Мерсе, народ которого захватил на короткое время даже Египет. Но государство это исчезло давно, остались только развалины да несколько имен королев и королей, о которых мы сегодня почти ничего не знаем. И я прошу тебя, будь милосердна, дочь Апедемека, расскажи мне поподробнее, где я сейчас?

Теперь настала очередь Джейты помолчать, и молчание это показалось Талахасси очень долгим. Наконец, Джейта медленно сказала:

— Я не знаю, имеешь ли ты понятие о том, что может быть сделано властью, которая была дана древним. В наши времена мало кто обучался Дальнему Зрению и Владению Высшим путем. Немногие могли понять то, что я тебе сейчас расскажу. Но те, кто знал тайну забытых времен, конечно же, общались с людьми иных эпох. И то, что ты здесь, — доказательство этому.

Мы непрерывно общались через столетия с некоторыми из человеческих разумов. Это очень древняя работа. Ты сказала о Египте. Ты имела в виду страну Кем, Царство двух Корон?

Талахасси кивнула.

— Но тогда ты должна знать и о Внутреннем Учении — науке, в которой гении намного опередили обычных людей. Когда захватчики разбили

Кем, посвященные вместе с несколькими членами Рода бежали на юг в страну Куш, где даже люди Лука признали их и дали убежище. Им более или менее удалось использовать свои знания на пользу Внутренних путей. Затем на них напал сам Куш. Это были новые варвары с севера, алчные торговцы Аксума, которые хотели свести на нет нашу власть и захватить в свои руки все богатства, которые текли через Мерсе.

И снова ядро Учителей и члены Рода должны были бежать — на этот раз на запад, в страну, которая никогда не была связана с Кемом, и где они были совершенно чужими. Но в то время они уже имели достаточно опыта, чтобы взять власть над местными жителями — непросвещенными, считающими Талант магией, с которой они боролись, но так и не могли справиться.

Поиски знания продолжались долго. Бывали годы, когда наше правление оспаривалось, иногда оставалась лишь горсточка людей, хранивших тайны, которые мы так долго собирали. Мир вокруг нас менялся, иногда медленно, а порой, когда появлялся выдающийся вождь, быстро. Некоторые из вождей добивались могущества, и тогда мы выходили из укрытия и работали, как могли. Другие же считали, что человек должен

зависеть от своих рук и работать в поте лица своего, а не заниматься духом и контролем над ним, и тогда нас не слушали.

Недавно мы открыли, что время движется слишком быстро, чтобы мы могли удержаться. Оно захватывает гораздо больше, чем мир, в котором мы движемся, и наш мир соседствует с другими мирами, существующими в том же пространстве, но отделенными от нас стенами этого другого рода времени.

Есть миры, где Амон не существует. Ты же сказала, что в твоем мире его не было.

— Пространственно-временной континиум! — Талахасси уставилась на Джейту. — Но эта теория всего лишь фикция и в моем времени используется только в фантастических романах!

— Что бы ты ни думала об этой теории, мы доказали ее справедливость! Ты находишься в Амоне? Значит, должна признать ее.

Талахасси облизнула пересохшие губы. Фантастика, безумие? Какие еще слова можно найти для объяснения? Однако Джейта говорила абсолютно серьезно.

— Прими это за факт, — продолжала жрица, — и знай, что год тому назад некто Касти нашел способ пробить брешь в стене времени, чтобы

разрушить Амон. — Ее глубоко сидящие глаза загорелись, и даже в мысленной речи она словно выплеснула имя «Касти» как нечто отвратительное, чуждое древнему народу. — Он нашел его раньше, чем мы бежали в Куш, в нем так долго фокусировалась власть, что он стал резервуаром силы, такой могучей, что только обученные члены Рода могли коснуться ее и остаться в живых.

— Жезл? — Талахасси указала на ларец.

— Жезл, в который столетиями собиралась сила-мысль членов Рода. Даже я, контролирующая Ключ Жизни, не могу положить руку на жезл.

— Но почему же могу я? — спросила Талахасси.

— Этого я не знаю. У меня есть два предположения. Первое — в своем мире ты была принцессой Ашок, которая отдала свою жизнь, чтобы вернуть похищенное. Второе — ты из того мира, где твоя внутренняя сила имеет другую природу и скорее отталкивает, чем притягивает власть, заключенную в жезле. Но это не главное. Сейчас я должна сказать тебе что-то поважнее и чем быстрее, тем лучше, потому что у нас совсем нет времени. Кое-кто поторопится приехать сюда, как только узнает, что жезл вернулся. Он был украден одним из созданий Касти, потому что сам Касти стоит за последним сыном фараона Узеркофом. У нас

было много королев, и они правили по своему усмотрению, а не по воле мужчин. Если они брали кого-то в мужья, он находился в стороне и не имел власти. Не властен и Узеркоф, который не может с этим смириться. Ему мешает наша Кандис — младшая дочь сестры короля Пахфора. Она и есть наследница трона.

Среди нас появились новые люди, беспокойные, желающие уничтожить наследие нашего прошлого. Они хотят идти чужими путями. Айдис, старшая жена Узеркофа, хочет быть королевой. Ради этого она пользуется силой Касти и его знаниями.

Создание Касти было послано за стену времени, чтобы спрятать там жезл. Его притянула сила тех, кто мыслит одинаково с Касти, то есть ненавидит правление женщин.

Таким образом, Кандис не могла бы выступить перед народом на Полугодовом празднике с жезлом в руке. Другими словами — она могла бы потерять трон.

Когда Жезл исчез, оказалось невозможным узнать, что сделал Касти и почему, так как он не открыл своих мыслей. Он раньше нас сумел открыть дверь во времени. В последнюю минуту был украден и ключ. А стражников, охранявших

его, умертвили, чтобы никто не узнал имя вора.

Стало ясно, что кто-то из нас, имеющий власть держать жезл и читать мысли, должен тоже пробить дверь параллельного времени, хотя это трудно и смертельно опасно. И принцесса Ашок поклялась, что она это сделает, поскольку Кандис не могла рисковать, а других с Полной Кровью в этом поколении уже нет. Так скудны стали теперь наши ряды. И вот мы пошли на то самое святое место, где вибрация Власти больше. Там она и бросилась в неведомое, где должна была встретиться с полной силой такой же ненависти, как у Касти.

— Кэри, — мысль Талахасси задержалась на человеке, который так явно выражал ей свою неприязнь… — Вполне может быть, что Кэри, независимо от своих знаний или верований, сфокусировал враждебность.

— Когда она возвращалась, — продолжала Джейта, — случилось так — может потому, что ты тоже положила руку на жезл, — что ей пришлось взять тебя с собой. А это потребовало такой силы Таланта, какую мы не смогли собрать. И вот она ушла от нас, выполнив великую задачу, которую она на себя взяла. Создание Касти, видимо, последовало за ней. Оно решило воспользоваться ею,

чтобы вернуться в свое время. — В мыслях Джейты чувствовалось полное удовлетворение. — Я сумела спрятать его с той стороны времени. Ключ и жезл вернулись. Не знаю, удалось ли его хозяину вернуть его каким-нибудь своим способом. Но, думаю, Касти знает, что мы сделали. Знает об этом и Узеркоф, потому что это создание раньше было в его личной охране, той самой охране, которую ты видела в Мерсе. Она вынуждена была признать, что не имеет права вторгаться к Дочери Рода.

В объяснениях Джейты была логика, хоть и фантастическая, как могло показаться Талахасси. Но если поверить этой женщине, то ее внезапная телепортация становилась понятной.

— Чего же вы от меня хотите? — спросила Талахасси.

— Ты еще спрашиваешь? Кандис, которая знает обо всем, кроме смерти Ашок, сейчас находится на севере с визитом у Народа Океана. Она вернется к Полугодовому празднику. Жезл должен быть в ее руке. Она, конечно, узнает о смерти сестры. Но для всех остальных ты — Ашок. Те, кто были с нами в Мерсе, поднялись до второго круга верующих и служащих. Они поклялись молчать обо всем, что видели. Их сила, объединенная с

моей, освещала путь для возвращения Ашок. В Амоне ты — принцесса-наследница, и должна быть ею…

— А если я откажусь помогать вам? Меня ведь втянули в это дело не по моей воле…

— А кто тебя втянул? — спросила Джейта.

Талахасси рассказала о работе ночью в музее, о том, как она была вынуждена следовать за анком к жезлу, о ПРИСУТСТВИИ, которое она ощущала во время этой странной борьбы влияний.

— Это работа Касти. Он украл ключ и спрятал его. Он надеялся добраться до ключа раньше, чем принцесса прорвется сквозь время и потребует его. Он положил на него твою руку и таким образом умертвил Ашок. Сделал это не он, а его создание.

— Ты говоришь «создание». Что это значит? — спросила Талахасси.

Ей показалось, что Джейта не ответит на этот вопрос, но она все-таки ответила, хотя и с явной неохотой.

— Мы не знаем, каким образом Касти забросил своего слугу с жезлом в ваш мир и послал следом ключ. Он установил защиту вокруг своей работы, и мы не можем ее пробить. Те, у кого есть наш Талант, боятся шпионить за ним, потому что

он может тут же их обнаружить какой-то своей властью. Но мы узнали, куда исчез жезл.

Если Касти обнаруживал слежку, он жестоко расправлялся с нашими людьми. Никто из тех, кого мы посылали, не вернулся. Они просто исчезли. Мы теряли их из виду, хотя следили за всеми их передвижениями в пространстве.

Но его слуга не имеет Таланта, иначе это тоже было бы зарегистрировано нашими приспособлениями, которые помогают нам в телепатической передаче. Мы узнали только, что вор был как-то изменен. Ты сказала, что видела принцессу только как тень, и другой тоже был тенью-духом в вашем времени. Ну, что ж, этот другой так и остался духом с тех пор, как ключ не пожелал, чтобы он вернулся.

— Допустим, я сыграю эту роль, как ты желаешь. — Талахасси пристально смотрела в глаза женщины, чтобы как можно точнее передать ей свою мысль. — Когда это будет сделано и ваша королева снова будет дома, можешь ли ты вернуть меня в мое время?

— Говоря по совести, я не уверена. Но если Узеркоф будет побежден и все кончится хорошо, наверное, сама Кандис сможет это сделать. Если так — ее поддержит сила всех, кто обладает

Талантом.

— Но ты не уверена?

— Не уверена, — согласилась жрица. — Мы постараемся. А сейчас мы должны кое-что сделать, иначе пропадет все, что мы до сих пор совершили.

Это было сказано так решительно, что Талахасси снова согласилась.

— Что сделать?

— Ты должна стать Ашок не только внешне, как сейчас, но и внутренне — получить ее память и знания.

Но потребуется немало времени, чтобы хорошо изучить язык и все мелкие детали жизни девушки, которую она замещает здесь. Сколько недель?

— Это займет какое-то время…

Джейта покачала головой.

— Мы не можем дать тебе Талант, если ты не родилась с ним. Но все остальное можно взять в наших архивах и вложить в твой мозг.

— А что именно?

— У нас есть кладовая знания. Она в распоряжении тех, кто следует по пути Власти, а также членов Рода. Но все же она не обогащает их память. Те, кто имеет Талант, приходят дважды в

год в гробницу и оставляют свою память в лоне Великой Власти. Таким образом, если мне надо узнать, о чем размышляла дочь Апедемека, которая была до меня, я иду в это хранилище и достаю память той, что жила, может быть, Два века назад и носила Золотую маску. Ты должна знать то, что знала принцесса Ашок…

— Компьютер памяти! — перебила Талахасси, радуясь, что смогла сделать такое сопоставление старины и своего времени.

— Я не понимаю, — ответила Джейта, — изображение в твоем мозгу очень странное, похожее на те вещи, с которыми работал Касти. Но в разных временах-мирах знание может принимать разные формы. Есть еще один человек, которого мы должны посвятить в тайну, поскольку он один имеет достаточно власти, чтобы с помощью моей печати открыть записи Ашок. Я уже послала за ним, и если судьба к нам благосклонна, он к вечеру будет здесь.

Теперь, пожалуйста, ешь, спи, отдохни хорошенько, потому что перед нами нелегкая задача. Мы пользуемся такими энергиями лишь в редких случаях. Тебе придется впитать очень много и в кратчайший срок.

Джейта вытащила наконечник из уха, пред-

ложила сделать то же самое Талахасси, смотала провода, аккуратно уложила их в ящичек и хлопнула в ладоши. Вошла Идия и поклонилась.

Наконец Талахасси могла снять парик, и ее голова как бы просветлела без этой давящей тяжести. Но взглянув в зеркало на свою остриженную голову, она испугалась: неужели она так безобразно выглядит без волос? Как жаль, что дамы Амона так чтят традиции Египта.

Одна из занавешенных дверей вела в ванную, где она с удовольствием вымылась, обратив внимание, что краска, которую нанесли на ее кожу, не смывается. Когда она, завернувшись в широкое длинное и мягкое полотенце, вернулась в комнату, Идия уже ставила на столик поднос с блюдами. Аппетитно выглядели жареная птица, ломтики дыни, красноватые бананы, хлеб, намазанный вареньем из фиников.

Начинало темнеть, и в комнате были зажжены две светящиеся палочки в форме свеч с неподвижным пламенем, широко рассеивающим свет. Идия ушла, и у Талахасси, пока она ела, было время все обдумать.

Если поверить этой версии о путешествии во времени, тогда все становится на свои места. Но мысль о том, что она должна получить сведения

о чьей-то чужой жизни, была ей неприятна. Хотя таким образом можно узнать чужой язык.

Кроме того, если уж она будет играть роль принцессы, надо как следует знать людей, с которыми была связана Ашок, места, где она бывала. Но надо еще посмотреть, как именно она пройдет этот курс и как он повлияет на ее собственную психику. Рискует ли она чем-нибудь при таком вмешательстве? Надо спросить у Джейты, чем грозит ей это перевоплощение.

Покончив с едой, Талахасси медленно прошлась по комнате, разглядывая убранство туалетного столика. Она протянула было руку, чтобы выдвинуть один из ящиков, но тут же отдернула ее. Вправе ли она таким образом удовлетворять любопытство, узнавать о девушке, судьбу которой будет продолжать отныне.

Раздалось мягкое мурлыканье, и из-под края дверного занавеса появились один за другим котята, которых она видела в саду. Здесь они были дома. Они прыгнули на кровать и стали гоняться друг за другом, затем соскочили с кровати на туалетный столик и, наконец, вернулись на кровать и остались там, поглядывая на Талахасси, как будто спрашивали, почему она не ложится тоже.

Но ей не хотелось ложиться. Она с трудом наде-

ла длинную одежду, которую нашла на скамейке возле кровати, и теперь ей не хотелось ее снимать. Как не хотелось снова напяливать парик, висевший сейчас на стойке перед зеркалом. Поднятая голова кобры на диадеме, казалось, следила за Талахасси осмысленным взглядом маленьких глаз.

Когда Идия пришла, чтобы забрать поднос, она ободряюще улыбнулась Талахасси и протянула руку к свече-лампе, но ее пальцы не коснулись светящейся поверхности, а только провели по воздуху вдоль лампы, и свет погас. Уже в темноте Талахасси улыбнулась в ответ и кивнула, понимая, чего от нее хотят.

Теперь ее и в самом деле начало клонить ко сну. День был долгий, а может, и не один день? Когда она разделась и легла в постель, стараясь не потревожить котят, то впервые задумалась над тем, что сейчас происходило там, в ее времени и месте. Как они объяснили ее исчезновение? Может, они подумали, что она украла и жезл, и их таинственную находку? Доктор Кэри, конечно, никогда не поверит тому, что случилось. Может, для нее и лучше, что она попала сюда, а не осталась там, когда настоящая Ашок унесла ключ и жезл.

Один из котят положил голову на ногу Талахасси, как на подушку. Это было реальностью, это было здесь и сейчас — отрицать реальность чужого мира она больше не могла. И сон окутал ее быстрее, чем она ждала его.

Проснулась она от тяжести на груди. Ее глаза с легким недоумением уставились на кошачью мордочку. Маленький рот нетерпеливо мяукнул, и Талахасси увидела, что из-за занавесей пробивается солнечный свет. Тут вошла Макида, явно встревоженная, и сказала шепотом, что нужно скорее вставать.

Котенок зашипел, когда Талахасси ласково отодвинула его. Макида жестом показала на дверь ванной. Там Талахасси уже ждала вода, на этот раз с плавающими на поверхности лепестками цветов, а рядом стояли два открытых горшочка, откуда исходил аромат, сладкий и странный. Талахасси вымылась, а затем, по указанию Макиды, зачерпнула пальцами жирный, душистый крем из горшочка и натерла свою потемневшую кожу.

Платье, которое Макида держала наготове, на этот раз не было строгим белым одеянием жриц, а скорее напоминало народную одежду из родного мира Талахасси. Оно было светло-розового цвета, по краю широких рукавов шла вышивка золоты-

ми нитками, пояс из золотых звеньев оттягивал его складки.

Макида проворно подрисовала ей глаза, но, к радости Талахасси, не взяла толстый, душный парик, а достала из ящика туалетного стола маленькую, похожую на тюрбан, шапочку из золотой сетки. Широкий воротник платья закрывал плечи и опускался на грудь: он состоял из ряда мелких цветочков розового кварца, хрусталя и эмалированного металла. Все было оправлено в золото.

Талахасси осмотрела результат их совместных трудов по созданию превосходного туалета принцессы, пока Макида стояла сзади и застегивала ожерелье. Варварский туалет? Не совсем так. Больше похоже на утонченную подделку под варваров, что-то родственное тем причудливым нарядам, что были модны в ее мире и делались по рисункам африканских племен и южноамериканских майя. Ожерелье было тяжелым, и Талахасси повела плечами, стараясь привыкнуть к нему.

— Ашок! — раздался мужской голос за дверным занавесом. Рука Макиды метнулась к губам, лицо выразило растерянность.

— Ашок!

В оклике слышалось нетерпение, и Талахасси решила, что тот, кто стоял там, не намерен ждать. Кто мог столь фамильярно окликать принцессу крови? Кузен, который имеет виды на трон?

Талахасси встала. Медлить нечего — рано или поздно придется встретиться с тем, кто так нетерпеливо требует этой встречи.

Она пошла к двери. Макида в отчаянии всплеснула руками. Однако Талахасси, проходя мимо младшей жрицы, не уловила в ней страха. Макида сначала решила, что это пришел Узеркоф. Теперь она, видимо, согласившись с Талахасси, что незнакомца надо принять, бросилась к двери и откинула занавес.

Талахасси, увидев вошедшего, застыла на месте и ошеломленно воскликнула:

— Джессон?!

Хотя Талахасси назвала это имя, она знала, что пришел к ней не тот Джессон, который был ее приятелем там, в другом времени. У человека было лицо Джессона, но он не мог быть Джессоном.

— Ашок?

Теперь он назвал ее имя не требовательно, а удивленно и вопросительно, и пока он смотрел на нее, выражение радости на его лице сменилось недоумением.

Трудно было поверить, что это не Джессон, хотя одежда его напоминала одежду тех солдат, что вторглись в храм, только была другого цвета — ржаво-коричневая, украшенная золотом по воротнику и львиной головой на груди, и никак не могла быть на ее Джессоне, как не могло быть на нем золотых браслетов на запястьях, золотого пояса и кинжала с рукояткой из драгоценного металла.

— Хериор!

Из прохода под аркой появилась Джейта. На ее голове был небольшой тюрбан, но платье она носила то же, что и раньше.

Он повернулся, поклонился, как полагается кланяться старшей женщине, и хотел заговорить, но Джейта знаком призвала его к молчанию. Потом она огляделась, хотя подслушивать было некому, кроме стоявшей поблизости Макиды. Затем она повелительно кивнула, и Джессон — нет, Хериор с Талахасси пошли за ней.

Они прошли мимо бассейна в другую комнату, где стоял стол, заваленный листами толстой бумаги и свитками. А на стенах…

В других обстоятельствах Талахасси бросилась бы все осматривать. Нигде, кроме музея, она не видела такой выставки древних предметов,

которые лежали и стояли на полках от пола до потолка.

Джейта указала Талахасси на кресло, а напротив поставила два стула.

Жрица заговорила быстро и отрывисто. А Талахасси угадала по меняющемуся выражению лица мужчины, что речь Шла о недавних событиях.

Сначала девушке казалось, что он отказывается принять то, что ему сказали. Затем он вгляделся в нее так внимательно, что она была уверена — он не верит объяснениям жрицы. Видимо, в этом мире такое случалось нечасто. Потом выражение его лица изменилось, и он стал все меньше и меньше походить на Джессона. Что-то мрачное появилось в изгибе его рта, чего она никогда не видела у своего кузена.

Раз или два он инстинктивно хватался за рукоятку кинжала, как будто с трудом удерживался, чтобы не выхватить его. С кем он собирался сражаться? С нею, что ли? Когда он в первый раз окликнул ее, его голос был согрет чувством, связанным с той Ашок. Теперь он слушал Джейту так напряженно, словно ее слова звучали для него, как приговор.

Когда жрица кончила, он холодно ответил, не взглянув более на Талахасси, затем встал

и вышел, снова вызвав в ней воспоминание о Джессоне, который так выразительно поводил плечами, когда что-то раздражало его, даже если в голосе это раздражение не проявлялось.

Джейта проводила его взглядом, приподняв руку, будто хотела остановить уходящего. Затем она покачала головой, видимо, в ответ на собственные мысли, и еще раз кивнула Талахасси.

Они вернулись в комнату, где Макида и Идия придвинули к кровати два столика и доставили на них ящик, из которого тянулись провода. Это было оборудование, осуществляющее связь, только на этот раз его провода были прикреплены к одному кольцу. Джейта указала Талахасси на кровать и сняла с ее головы тюрбан, прежде чем девушка поняла, что ей надо делать.

Талахасси настороженно рассматривала кольцо. Ей не нравилось подчиняться чужой воле и то, что ее собираются использовать в своих целях, но жрица, по-видимому, была убеждена в необходимости этого. Впрочем, был ли у Талахасси выбор? Она не могла действовать в этом мире вслепую. А если это устройство подарит ей чужую память, даст ей нужные знания, надо ли сопротивляться. Но все-таки ей было страшновато, когда Джейта укрепила кольца над ее лбом и уложила ее на

узкую кровать.

Жрица взяла у Макиды флакончик, закрытый туго натянутой кожей, проткнула кожу булавкой и, прежде чем Талахасси успела что-нибудь понять, сунула флакончик к ее носу. Странный аромат действовал убаюкивающе.

Талахасси не сразу обрела ясность ума после необычного сна. Она открыла глаза и увидела стоявшую у ее постели Идию. Кажется, что-то было надето на ее голову? Индуктор памяти?

— Сон ушел, Великая Леди?

— Да. — Талахасси осознала, что ответила на чужом языке. Поняла вопрос и ответила на него.

Она — Ашок из Рода. Но она и еще кто-то. Талахасси нахмурилась и попыталась соединить две памяти. Идия бросилась за занавесь. Аппарата уже не было.

Талахасси встала с кровати со странной усталостью во всем теле, как после тяжелой болезни. Это была ее комната. Она смотрела на каждый предмет, как на давно и хорошо знакомый, дорогой по прошлым воспоминаниям. Но они были в памяти Ашок, а не Талахасси — поспешила доложить другая часть ее мозга. В конце концов, она зря боялась — она не потеряла своего «я», как бы ясны ни были теперь в ней воспоминания

умершей девушки.

Только… она сжала голову, сколько нужно времени, чтобы разобраться во всем, что лежит в ней? С чужой памятью пришел чужой страх — тот, что был у принцессы. Этот страх заставил принцессу совершить смелый поступок, который привел ее к смерти.

— Получилось? — спросила Джейта, входя в комнату своим быстрым, скользящим шагом.

— Я помню… так много… — ответила Талахасси.

— Чересчур много не может быть, Великая Леди. Ты участвуешь в игре не только с теми, кто любит тебя и желает тебе добра, но также и с теми, кто ищет, что можно сделать, чтобы вторично убить тебя. У нас меньше времени, чем мы думали. На нас был направлен шпионский луч, оборвавший нам контакт с Храмом в Новой Напате, в то время как привезенные Принцем-Генералом известия… — Джейта ходила взад и вперед, как львица в клетке, и не только от нетерпения, но и от значительности приближающегося бедствия. — Ты должна выслушать Принца. — Она круто повернулась к Талахасси. — Его шпионы принесли ему известия более скверные, чем могли вообразить.

«Хериор» — это имя из памяти Ашок. Не Джессон, а Хериор, принц из Рода. Он командовал пограничными войсками на севере. И он был помолвлен с Ашок с детских лет, хотя они не могли пожениться, пока Великие Учителя не позволят принцессе уйти со службы.

— У меня в голове туман, — воскликнула Талахасси, потирая лоб ладонями, как будто от этого головная боль могла пройти.

— Макида принесет лекарство. Выпей его, Великая Леди. Я хотела, чтобы ты по-настоящему отдохнула сегодня, но время торопит, и мы не знаем, что может случиться, пока мы здесь. Есть сообщение, что Кандис застиг в пустыне шторм, и она не может вылететь обратно. Она может настолько задержаться, что опоздает к Полугодовому празднику. Принц-Генерал направил к ней с посланием двух самых доверенных офицеров. Никакого ответа пока нет. Мы думаем, что этот шторм вывел из строя все пути и средства сообщения. Но, возможно, дело тут в другом. Вероятно, те, кто подавал сигналы, были ставленниками Узеркофа, да поглотит его Сет!

Младшая жрица вернулась с чашей и, преклонив колено, протянула лекарство Талахасси. Девушка с сомнением понюхала бесцветную

жидкость, но память Ашок подсказала ей, что это должно помочь.

Джессон-Хериор появился, когда она принимала горькое лекарство. Он смотрел мимо нее. Если он действительно любил Ашок, а память говорила, что это было именно так, он, вероятно, негодует на Талахасси за то, что она заняла место принцессы. Чувствовалось, что ему не терпелось сказать то, что необходимо, и как можно скорее уйти отсюда.

— Я не мог перехватить шпионский луч, — начал он кратко, — но ошибки быть не может: он пришел с юго-запада. И четвертая армия Ашанти находится между нами и Напатой.

В памяти всплыло имя. Талахасси спросила:

— Айтуа?

Хериор кивнул.

— Айтуа и, может быть, Окайя. Я не знаю, насколько далеко зашло разложение. Достоверно известно, что Касти встречался с обоими нашими уважаемыми родственниками и помог армии. Разведка доложила, что они не приглашали генерала Шабеку или маршала Настазека, и полковник Намлия ничего не знал до тех пор, пока уже и стражу ставить было бесполезно. Они осмелились войти в Южный Дворец без разрешения.

И, — он пожал плечами, — у них было что-то, что отталкивало наши приспособления. Касти обещал им оружие и, видимо, теперь выполнил обещание. Двое моих лучших людей были посланы во вражеский стан, но исчезли. И хотя у них был свой особый знак, сейчас невозможно определить, где они…

— Умерли? — Талахасси нашла в собственной памяти соответствующее тому, о чем он рассказал.

— Нет, их знак не стерт. А у меня есть прекрасный наблюдатель для поисков такого рода.

Наблюдатель, подсказала память Ашок, — это человек, обученный странному и, с точки зрения Талахасси, непонятному храмовому знанию, где психометрия, едва понимаемая в ее мире, по-видимому, точно и конкретно использовалась для беспроволочной связи.

— Я был у Зилаза, — теперь Хериор тоже расхаживал взад и вперед, как раньше жрица. — Он сказал, что Касти пользуется приспособлением, которое не похоже ни на одно из тех, что известно Высшим Знаниям. И те, кто снабжен им, прочно защищены от Власти. Даже Зилаз не может читать мысли тех, кого хотел бы проверить. Совершенно неизвестно, о чем думают подозре-

ваемые офицеры и советники.

— Что же изобрел этот слуга Сета, если он мог выстоять против Высшего Знания? — воскликнула Джейта.

— Это уже не моя область, Дочь Апедемека, а твоя, — огрызнулся Хериор. — Я знаю только, что три флайера, парившие над Южным Дворцом, разбились. Их пилоты погибли. Я сделал все. Хотя, правда, не вызвал отряды. Они в основном в личной охране Кандис и в северной армии.

Может быть, мы решились бы до того, как погибли эти люди, взять ворота приступом, но это вызвало бы недовольство, и мы боялись этого. Налдамак должна вернуться. Я предупредил Стража об опасности. Но Касти, — Хериор пожал плечами, — он может сбить флайер вместе с Кандис, хотя мы испытывали флайеры и, казалось бы, обезопасили их. Похоже, что они влияют на управление полетом. Однако их сила пока ограничена.

Мы сделали глупость, что недостаточно наблюдали за ним с самого начала. Идиоты! — Он ударил кулаком по ладони. — Это произошло, — он повернулся к Джейте, словно обвиняя именно ее, — потому что мы верим в один Путь Власти. Касти далеко обогнал Высшее Знание, клянусь!

— Он зависит от того, что придумано человеком и сделано его руками, — Джейта взглянула на принца также сердито. — Человек не может выстоять один без поддержки того, кто находится выше.

— Не может? Скажи это моим умершим людям, Дочь Апедемека. Они были вытянуты его приспособлением с помощью воздуха. Казалось, их закружил вихрь. Зилаз, с которым никто не сравнится в вашем знании, не мог объяснить этого даже самому себе. Касти надо остановить, но кто мне скажет, как? Я не могу больше посылать людей в западню.

Джейта подавила вспышку раздражения.

— Мы сделали то, что намеревались. Жезл и ключ в наших руках…

— Ценой смерти! — бросил он.

— Если бы это грозило смертью всему Кругу Таланта, мы отдали бы наши жизни, — спокойно ответила Джейта.

— Я знаю, — тихо сказал он. — Я знаю, почему она пошла. Но от этого не легче. А что, если ключ и жезл не помогут? Что, если Касти откроет большее?..

— Нет! — гордо зазвенел голос жрицы. — Мы работали над собой тысячи лет, чтобы достичь

наших знаний. Я не верю, чтобы какая-то металлическая вещь могла соперничать с Высшим Знанием, над которым мы трудимся тысячи лет. Если этот человек пытается…

— Мы не в Храме, Дочь Апедемека, — ответил Хериор. — Я хорошо знаю, что может сделать Вера Избранных. Не она ли заставила пустыню цвести и плодоносить, не она ли укрепила нашу расу, пока мы не встали твердо против варваров Севера и Юга? Не отрицаю — что было, то было. Однако, если Касти смастерил что-то, мы должны понять, что даже Высшее Знание может оказаться под угрозой.

Высшее Знание. Талахасси начала ворошить память Ашок. Она захотела узнать все, что касается природы этого Высшего Знания. Однако на поверхность ясно всплыла жизнь Амона, а не то, что она хотела вспомнить. Нет, это все равно, что ловить рукой тени. Возможно, принцесса не записала даже в воспоминаниях того, что считала великой тайной.

Может быть, надо порыться в исторической, а не в личной памяти? Египет, который в ее мире славился множеством культов, был первоисточником оккультного учения и в этом плане действительно открыл и развил тип мысленного

контроля. Главным образом, эсперизма, сосредоточенного в жреческой верхушке и королевской семье. Он сблизил это дарование с культами.

В памяти ее Египет был захвачен сначала греками, а потом римлянами, но не исчез. Отступив на юг, в Куш, где сейчас находится Судан, люди высшего ранга, которые выжили, возродили цивилизацию с помощью своего учения.

Арабы из современной Эфиопии пытались разгромить их, но были втянуты в длительную войну, которая снова обескровила твердое ядро жреческой верхушки. Страшное напряжение было их платой за пользование Властью. Оно не проходило бесследно и для многих кончилось смертью или болезнью мозга. Так пал Мерсе, в то время как горстка беженцев — королевская семья и оставшиеся из тех, кто обладал Высшим Знанием, снова бежала теперь уже на Запад.

В последующих поколениях было очень мало способных к обучению тому, что хранил тайный круг Талантливых. Его ряды истощались, хотя через поколение после их бегства к Западу на трон взошел король необыкновенных способностей.

По древнему обычаю он женился на двоюродной сестре, которая прошла три из четырех стадий, ведущих к высшему обладанию Властью.

Эти супруги и заложили основание Империи. Похоже, что это был благоприятный период, который теперь считается золотым веком, потому что тогда за короткое время родилось множество тех, кто обладал Талантом. Многие из них были даже правителями в провинциях, оккупированных расширяющейся Империей.

Вершина процветания и успеха протянулась почти на два столетия. Им ничего не грозило потому, что в этом мире не было Магомета и в центральных государствах Африки не зародился ислам, как случилось в той истории, которую знала Талахасси.

Коптское христианство медленно распространялось в низших классах, но крепкое ядро правителей и администрации оставалось почти фанатически приверженным Великому Знанию. И в королевской семье не прерывалась порода тех, кто обладал Талантом.

Европа, как узнала Талахасси из своей новой памяти, не вмешивалась в дела Африки, хотя торговые корабли Португалии, Испании и Англии посещали порты Империи. Северяне не решались воевать с народами этой земли. Их устраивала торговля с ними. Ко времени появления европейцев Империя имела тесные контакты и торговые

связи с Индией, Китаем и Дальним Востоком. С тех пор ничто не препятствовало развитию Мерса — египетской цивилизации. Их изобретения позволили им создать мощную оборону на всякий случай.

Искусные работники по металлу здесь были давно. Под руководством Великого Знания в Амоне развилась новая цивилизация. Она была стабильней других из-за веры.

Теперь же эта цивилизация оказалась под угрозой, но не с внешней стороны, а изнутри. Снова снизилось рождение Талантливых. Ашок была единственной обладательницей Власти по королевской линии в двух поколениях. Потеряв силу, правительство Амона вынуждено было искать другие средства защиты.

Власть сама по себе была традиционна, так что сначала очень немногие слушали Касти. Зависть Узеркофа и ненависть его старшей жены к королевским кузинам дали шанс Касти. Его происхождение было темным. О нем заговорили всего несколько лет назад. Он избегал Храма и добивался поддержки Узеркофа.

Джейта гордо выпрямилась:

— Никакой мозг не работает без благословения Высочайшего, иначе порвались бы связи между

нами и землей. Посмотри на жителей севера с их вечными войнами, голодом, мором… Разве народу Амона за сотни лет своей истории приходилось испытать такое? Мы открываем сердце всякой жизни, кипящей вокруг нас, и дух жизни через нас проходит в руки земледельца, сеющего зерно, скотовода с его стадами. Наш народ мечтает о красоте, и она оживает под его пальцами. Если мы сажаем дерево, мы не оставляем его на произвол судьбы. Мы вкладываем в него душу жизни, выводим наружу помогаем росту корней. Мы строители, а не разрушители, и если мы отвернемся от истины, то погибнем, а значит, гибнет и Великое Знание.

— Много ли осталось людей Великого Знания? — спросил Хериор. — Много ли родилось в эти дни детей, которых можно взять в Храм, чтобы развивать и воспитывать Талант? А что, если мы становимся слишком старыми и наша кровь слабеет? Что, если наступит время, когда этот дух жизни нельзя будет призвать?

— Есть приливы и отливы, — возразила Джейта. — Если сейчас у нас отлив, значит, должен наступить прилив. Конечно, есть и такие, кто считает, что мы потерпели поражение, потому что, как ты сказал, нас мало. Тем не менее, мы

должны напасть первыми, искоренить и Касти, и то отвратительное, что он делает.

— Коли сможем, — сумрачно ответил Хериор.

— Взгляни на то, что мы уже сделали, — продолжала Джейта. — Разве мы были уверены, что найдем место, где спрятан жезл? Однако, нашли, хотя ключ также был украден. Они вернулись к нам. Я скажу тебе, принц, что жезл гораздо сильнее, чем мы предполагали до сих пор.

— Что именно ты имеешь в виду? Это — символ власти и, кажется, его в самом деле нельзя держать никому, кроме людей по линии Крови. Что еще?

— Мы пока не знаем, — спокойно ответила Джейта. Но когда мы его вернули, в нем была сила, которой мы еще не понимаем. Или, может быть, — она взглянула на Талахасси, молча сидевшую в кресле, — это было сделано кем-то.

— У меня нет вашего Таланта, — быстро возразила девушка, — но вы дали мне достаточно ее памяти, и я знаю, чего мне не хватает.

Хериор смотрел на нее, на Джейту, его глаза вглядывались теперь в раскрашенное лицо Талахасси, как будто искали правду под этой маской.

— Да, Дочь Апедемека, число ваших сторонников уменьшилось теперь еще на ту, которая,

по-моему, считалась самой главной. Это большая потеря.

В его голосе слышалась горечь, лицо стало замкнутым, взгляд — холодным. Неужели он действительно ненавидит ее? Талахасси была уверена, что это так и есть.

— Мы не знаем, что перед нами, — казалось, жрица выжидала, — ясно только, что мы должны беречь жезл и ключ и молиться, чтобы Кандис скорее вернулась домой. Шпионский луч сделал нас немыми, может быть, лучше послать кого-нибудь в Храм к Зилазу? А стража…

— Я знаю свое дело. Меня сопровождает Айбикс-Полк. И два посланца были отправлены к тем офицерам, которым я полностью доверяю. Один из них ответил, когда я был еще в воздухе. Он двигался по суше и следил за северной дорогой, ведь если Касти распространит свою власть на него, кто знает, с какими сюрпризами нам придется встретиться.

Он быстро поклонился и вышел, причем жрица ничего не успела сказать. Талахасси нарушила молчание вопросом, которому сама удивилась:

— Он очень любил ее?

Некоторое время Джейта молчала, погруженная в свои мысли, а затем так быстро и

пристально посмотрела на Талахасси, что девушка почувствовала себя неловко, будто ее вопрос переходил всякие границы приличия.

— Принц Хериор был выбран в мужья принцессе, — тон Джейты говорил о том, что такие разговоры запрещены, — хотя он не полной крови. Предполагалось, что такая смесь снова усилит линию будущего поколения. И… ребенок Ашок наденет в будущем корону.

Намечался брак по государственным интересам. Однако Талахасси подумала, что тот приветственный оклик из-за двери ее спальни говорил о теплых чувствах.

— Могу ли я судить об этих людях? — спросила она себя. В ней жила память Ашок, просеянная через компьютер, но она не знала ничего о Хериоре. Видимо, это было от нее специально скрыто.

В сущности, сейчас она была поглощена только что сделанным открытием — в той памяти, которую она получила, не было никаких эмоциональных оттенков. Она даже не заметила, что Джейта, внимательно поглядев на нее, молча вышла из комнаты. Талахасси вспомнила, как она всегда чувствовала в окружающих ее людях то, как они относятся к ней, — с симпатией или антипатией. Даже очень слабые оттенки этих

чувств улавливала ее душа. А здесь она ничего не могла определить.

Головная боль Талахасси притупилась. Она смогла поесть и почувствовала, что к ней вернулись силы. Невероятная легкость наполнила ее тело, что вызвало у нее подозрения. Может быть, лекарство, которое она приняла, было своего рода наркотиком, и дали ей его для того, чтобы подчинить ее воле Джейты? В памяти Ашок, пробудившейся в ней, она не обнаружила оснований для такого подозрения, но это еще ничего не означало.

Она вышла к бассейну и села на скамью, глядя, как цветы лотоса распускают на воде свои остроконечные лепестки. Она знала теперь, что ее дворец — это место, где принцесса проводила много времени, изучая и обдумывая прошлое. Здесь Талахасси была в безопасности, пока она была Ашок, насколько она вообще могла быть в безопасности в этом мире.

Откуда-то выпрыгнули котята и уселись рядом с ней. Один мурлыкал и смотрел ей в лицо, будто передавая что-то важное, а другой зевнул и свернулся клубком.

Здесь было спокойно. Она почти отогнала чувство нереальности. Может, Ашок здесь побеждает

Талахасси? Талахасси встревожилась. Зачем она позволила открыть свой мозг для пересадки чужой памяти?

Котята встали, повернулись, уставились на что-то позади Талахасси и сморщили носы в беззвучном шипении. Талахасси насторожилась, ее рука потянулась к кинжалу на поясе. Сзади была… Она это чувствовала, была опасность.

Она медленно встала, как бы ничего не зная. Можно позвать амазонку из стражи. Только здесь было что-то другое. Она почувствовала бы это и раньше, когда была не принцессой Ашок, а только собой, Талахасси Митфорд.

Она медленно повернулась к тому, что пряталось сзади. Сейчас был день, а не тьма в коридоре музея, как в другом времени и мире, но здесь снова было то же ПРИСУТСТВИЕ — другого слова она не могла подобрать. Только она перед собой ничего не видела…

Ничего? Неправда! В дверном проеме комнаты, где она говорила с Джейтой, таилась тень. И эта тень…

Талахасси не была уверена. Может быть, ей показалось, но тень двигалась. Собрав всю свою храбрость, девушка пошла к двери. Руки ее поднялись не по собственной воле, а по велению

памяти Ашок в жесте, изображавшем в воздухе рисунок ключа.

Страх отступил. Тень коснулась Талахасси и исчезла. Угрозы больше не было, словно дверь закрылась. Какая дверь? Так что же это такое? Неужели тот самый призрак принцессы, который привел ее в этот мир, появился снова. Обе памяти утверждали, что это невозможно.

Но здесь все-таки кто-то был. Не он ли парил в воздухе у развалин, когда Джейта почувствовала такое ПРИСУТСТВИЕ. Тот, кого Касти послал украсть и спрятать главную защиту Амона, мог ли он прятаться тут в засаде? Если так, она сейчас встретится с опасностью, с которой даже хваленое Древнее Знание не может совладать. Когда враг невидим, это еще страшнее.

Талахасси подошла к входу и заглянула в комнату, хотя знала, что призрака там уже нет. Страх стал таять. Однако, то, что привидение ушло, еще не означало, что оно не вернется.

— Великая Леди!

Голос прозвучал так неожиданно, что Талахасси чуть не вскрикнула, но овладела собой и повернулась. Перед ней стояла полковник амазонок Намлия.

— Да, воин льва? — Старое-старое обращение

дворцового этикета непрошено явилось из второй памяти.

— Пришла принцесса Айдис. Хочет поговорить с Великой Леди.

Айдис — жена Узеркофа, та, чья ненависть принесла сюда все беды. Зачем она пришла?

— Можешь пригласить ее сюда, но позови также Дочь Апедемека и Принца-Генерала Хериора.

— Как приказано, так и будет сделано, — ответила амазонка, как велел обычай.

Талахасси вернулась к скамье и неторопливо села. Конечно же, Айдис решила нанести этот визит, чтобы все разведать. Она хитра и высокомерна, и это как раз в ее духе. В памяти Ашок было много встреч с Айдис, но каждая из них отбрасывала недобрую тень.

Неожиданно у дальнего конца бассейна появилась стройная женщина в шафранно-желтом наряде и маленьком дорожном парике. Она пошла прямо вперед, а ее свита задержалась в воротах. Талахасси не встала, чтобы приветствовать ее: ранг Ашок был значительно выше, чем у этой выскочки. В прежние времена до смягчения придворного этикета эта особа должна была подползать на коленях и целовать ремешки на сандалии Принцессы. В ее жилах нет ни капли

настоящей Крови.

Даже если бы чувства, пробившиеся из памяти Ашок, не были столь определенными, Талахасси все равно знала бы, что перед ней враг, потому что при первом взгляде на гладкое раскрашенное лицо Айдис в ней вспыхнула ненависть.

Женщина была очень красива: приятные черты лица, изящный рисунок губ. При малом росте у нее была великолепная осанка, и она держалась с той врожденной уверенностью, какую дает женщине красота. Как не презирала ее Ашок, она понимала, как привлекала Айдис ее слабого кузена, да и вообще любого мужчину.

— Я вижу тебя, Айдис.

Талахасси-Ашок подчеркнуто приветствовала Айдис не как родственницу, не как равную, а как низшую по сословию. Она увидела, как сверкнули глаза Айдис, и почувствовала радость минутного торжества.

— Великая Леди принимает свою служанку.

В мягком голосе Айдис не было и намека на злобу. Талахасси не могла не признать, что ее гостья — прекрасная актриса.

Позади послышались чьи-то шаги. Девушке не нужно было оглядываться, она знала, что Намлия выполнила приказ. Подошли Джейта и Хериор.

Она не хотела встречаться с этой… этой змеей без свидетелей, которым могла доверять.

— Приветствую тебя, Дочь Апедемека, — продолжала Айдис, — и тебя, генерал севера. — Она мило улыбнулась. — Видимо, случилось что — то важное, раз ты вызван со своего поста в то время, как Солнце Славы Налдамак не с нами?

— Я не думал, леди, что ты так интересуешься военным делом, — холодно сказал Хериор.

Она опять тепло и приветливо улыбнулась.

— Разве мой лорд не так же защищает страну? — сладко спросила она. — Как его жена, я многому научилась.

Правильнее было бы сказать, подумала Талахасси, что он научился от тебя.

Ею начало овладевать нетерпение. Айдис не зря пришла сюда, у нее была цель. Так пусть побыстрее выкладывает. Хотя Талахасси могла доверять своей второй памяти, но в этой особе была какая-то угроза, и Талахасси следовало бы как можно скорее избавиться от гостьи. Может, это было не по правилам этикета и обычая, но она решила наплевать на все.

— Ты искала меня, Айдис, — прямо сказала она. — Для этого должны быть причины.

— Узнать о твоем благополучии, Великая Ле-

ди. В Новой Напате говорили, что ты тяжело больна…

— Вот как? — Талахасси поняла тот испытывающий взгляд, который бросила на нее Айдис, и подумала о том, что в действительности сказали Айдис, как отразилось на вражеской стороне вторжение в чужой мир? Подозревают ли они, что произошло на самом деле, знают ли о смерти Ашок? Если так, Айдис теперь в замешательстве, хотя и умело скрывает свое удивление. — Слухи, — неторопливо продолжала она, — часто лживы. Как видишь, я вполне здорова. Как Обладающая Талантом, я удалилась для обновления своего духа — всем известно, что время от времени это полагается делать.

— Когда Милость Солнца и ее сестра по Крови уходят и никому не поручают держать жезл, это всегда тревожит.

Айдис улыбалась, опустив глаза, говорила тихо и ласково, а Талахасси хотелось бы прочитать по этим глазам притворщицы, что она думает на самом деле.

— А кому можно было передать? — спросила Талахасси, надеясь, что голос ее такой же обманчивый и нежный, как и у Айдис. — Ведь больше нет никого чистой Крови, чтобы держать его.

Улыбка Айдис исчезла, губы сжались, как будто у Айдис был наготове ответ, но она только из стыдливости не произносит его вслух.

— Однако, — Талахасси была вынуждена продолжать, потому что память Ашок предупреждала, что нельзя переходить границы вражеских полей при дворе, — поскольку ты пришла с заботой, добро пожаловать. Путь до Новой Напаты долог, а скоро вечер. Предлагаю тебе и твоим людям пообедать и заночевать в этих стенах.

Это звучало не очень вежливо, но она и не намеревалась быть вежливой. За собой она услышала легкое движение Хериора и поняла, что он не доволен ее действиями. Но отослать сейчас Айдис означало бы открытый разрыв, чего они не могли себе позволить. Талахасси хлопнула в ладоши и две служанки вошли и застыли в ожидании приказа.

— Всех людей леди Айдис — в комнаты для гостей. Присмотрите, чтобы те, кто ей служит, были довольны.

Айдис опять улыбнулась, и эта улыбка вызвала сомнения Талахасси. Женщина хотела остаться, именно затем она и пришла. Но зачем ей это? Теперь Айдис грациозно и почтительно поклонилась Талахасси и пошла, обогнув бассейн, к

комнатам в задней части виллы, а ее свита отошла от ворот и последовала за своей госпожой. Две девушки-служанки шли за пожилой женщиной, сгорбленной и хромой, опирающейся на трость. Ну да, эта старая карга всегда была возле Айдис. Одни говорили, что она была нянькой Айдис и до сих пор ухаживает за ней, как за ребенком, другие высказывали фантастические предположения.

Хериор был поражен тем, что принцесса привечает Айдис. Когда Талахасси встала, он заговорил:

— Она пришла с недоброй целью!

— Лучше, чтобы она сейчас была у нас на глазах, — напомнила Джейта. — Наша леди не могла выгнать ее за дверь, хотя между ними и вражда. Может быть, удастся узнать, что привело ее сюда.

— От кого? — резко засмеялся Хериор. — Она, как скорпион, прячущийся под камнем, ее жало наготове, даже если тень камня скрывает ее. Мне это не нравится.

— Мне тоже, — откровенно призналась Талахасси. — Но, как сказала Джейта, что можно сделать? Мы же еще не дошли до открытого разрыва с ее партией. Пусть Дочь Апедемека займется этим

делом: здесь что-то кроется, а что — может быть, удастся узнать с помощью Таланта.

Джейта кивнула.

— Да. Придется пока смириться с обстоятельствами. Неплохо было бы намекнуть полковнику Намлие, чтобы почетная стража была удвоена…

— И особенно охранять комнаты для гостей, — сказал Хериор, приподняв левую бровь в точности, как Джессон. У Талахасси сердце подскочило. Ах, если бы он был Джессон. Если бы она могла быть уверена, что он не сердится на нее, что он служит ей не только по обязанности!

— Вы должны сделать все, что можно, — только и сказала она и, не глядя на него, пошла в ночь, туда, где ей придется фехтовать словами с Айдис за едой, а ей этого очень не хотелось.

В сущности, они сидели не за одним столом, их разделяла почти вся ширина комнаты. По-видимому, на вилле придерживались обычаев Древнего Египта и еда подавалась на отдельные столики. Талахасси, Хериор и Джейта с Айдис были в одном конце комнаты, прочие домочадцы достаточно высокого ранга сидели поодаль. Они могли негромко разговаривать, но среди высших царило молчание, будто каждый был занят своими мыслями.

Один или два раза Талахасси вздрогнула от ощущения, что за ней наблюдают сверху. Она заметила, что Джейта бросила взгляд через плечо на окрашенную стену позади них. Значит, жрица тоже почувствовала, что над ними что-то парит. Девушка мечтала скорее покончить с едой, чтобы Айдис ушла и можно было бы рассказать Дочери Апедемека о чьем-то присутствии, которое она почувствовала у бассейна.

Но Айдис не выражала никакого желания уходить. Она закончила обед и велела служанке, стоявшей у стены, подать резной ларчик. Достав из него тонкую коричневую палочку, она сунула ее в рот и подождала, чтобы служанка поднесла огонь. Тонкая струйка розового дыма заклубилась из палочки, когда Айдис глубоко затянулась.

— Жаль, что ты следуешь Высшему Пути, Великая Леди, — сказала она, — тебе запрещено очень многое, украшающее жизнь. Эта палочка приятных грез — лучшее лекарство для нервов.

Струйка дыма тянулась прямо к Талахасси, запах был тошнотворно-сладкий, и она, не раздумывая, отогнала его.

— Леди, — сказала Джейта, — здесь дом для тех, кто следует Высшему Пути, так что…

— Так что его нельзя осквернять моей палоч-

кой грез? — Айдис улыбнулась. — Я принимаю замечание. — Она ткнула пылающий кончик в остатки вина в стакане. — Прости меня, Дочь Апедемека. Мы у себя не так строги к жизни. Древние Пути, — она жеманно повела плечами. — накладывают на человека цепи, а это вовсе не нужно. Гораздо лучше устроиться, открыв волю и мозг.

Она ведет себя намеренно нагло, поняла Талахасси. И почему Айдис чувствует себя так свободно и говорит здесь такое?

Хериор оставил свою чашу и смотрел на Айдис сузившимися глазами — ну, точно Джессон, когда он чем-то встревожен. Талахасси была уверена, что ему тоже не давала покоя мысль об опасности и настоящей цели прихода сюда Айдис.

Айдис как будто прочитала их мысли. Ее ленивая улыбка сползла с лица. Она слегка наклонилась вперед.

— Великая Леди, есть одно дело, о котором надо поговорить, но секретно… — Ее глаза скользнули по людям в другом конце комнаты.

— Я так и думала, — ответила Талахасси. — Пойдем к бассейну.

Хериор тут же очутился рядом с Талахасси и протянул руку, чтобы она могла положить пальцы на его запястье Встав, Талахасси поклонилась

Джейте, но не проявила подобной любезности по отношению к Айдис. Чем скорее Айдис выплюнет принесенный с собой яд, тем лучше, думала Талахасси, так как память Ашок говорила совершенно отчетливо, что Айдис может это сделать.

Полковник Намлия была у двери, когда к ней подошли Талахасси и Хериор. Талахасси приказала:

— У нас секретный разговор у бассейна. Смотри, чтобы нам не помешали.

— Клянусь своей головой, Великая Леди! — Полковник подняла руку к эмблеме льва на головной повязке.

Две амазонки подвинули скамью поближе к той, на которой раньше сидела Талахасси, и отошли подальше, повернувшись спиной к тем, кто сел здесь. Талахасси расположилась между Хериором и Джейтой, а Айдис — напротив них, на меньшей скамье, так что она видела открытую враждебность этих троих.

— Ты хотела говорить, я слушаю тебя, — сказала Талахасси.

— Принцесса, жрица, генерал. — Айдис, не торопясь, оглядела их по очереди. — И все так боятся невооруженной женщины — меня! Ты приписываешь мне то, чего у меня нет, Великая Леди!

— Радуйся, что нет, потому что с гневом члена Рода встретиться опасно.

Эти слова пришли из памяти Ашок. Айдис негромко и сладко рассмеялась.

— Какой высокопарный язык, Великая Леди! Можно подумать, что Род собирается произнести одно из Семи Проклятий, которые, как говорят, могут высушить тело и сломать кости. Я не для того спешила сюда, но, по правде говоря, дело касается как раз Рода.

Род держит власть очень давно, и такими древними способами, что Знание теперь превратилось в прах. Все приходит к концу. Думала ли ты об этом, Великая Леди? Людей крови Высшего Пути осталось теперь очень мало, какая-то горсточка против всего народа. Это не спасет мозг от ограниченности, а лишь приведет к застою и поражению. Конец вашего пути очень близок, Великая Леди, и если не позаботиться о другом пути, может наступить крах.

Никто из нас не хочет, чтобы Амон раздирала братоубийственная война. Но ветвь дерева, которая не сгибается под ветром, может сломаться.

— Это предупреждение, леди? — оборвала Талахасси этот поток метафор. — Ты считаешь себя достаточно сильной, чтобы предупреждать?

Интересно!

Улыбка Айдис застыла.

— Я думаю, за последние несколько часов ты не получала известий из Новой Напаты. Там многое может измениться даже за такое короткое время, Великая Леди!

— И что важного случилось в Новой Напате за эти часы?

— Перемены, Великая Леди, — сказала Айдис. — Не всем нравится прошлое. Говорят, что Храм Света теперь закрыт, так что никто не входит и не выходит из него. Слухи могут подхлестнуть народ к насилию. Повсюду говорят, что сам Сын Апедемека Зилаз впал в безумие, воет, как шакал пустыни, и выпускает, пользуясь Знанием, смерть на своих же людей. Со слухами нельзя не считаться, Великая Леди. В них часто бывает зерно истины. И не скидывай со счетов то, что я предложила. Поворот в пути не долго будет открыт.

— Этот поворот — путь для Узеркофа? — спросила Талахасси. — От такой перемены может произойти только несчастье. Он не прямой потомок, и его дети не могут сидеть на троне Льва.

— Значит, нет наследников, кроме тебя, королевская дочь? Но тебе тоже закрыт теперь путь к

трону, поскольку ты исповедуешь безбрачие тех, кто следует Высшему Пути. И этот храбрый лорд, что так долго ждал тебя, уже смотрит в сторону.

Она кивнула на Хериора. Ее черты заострились и стали угрожающими. Талахасси не сомневалась, что Айдис готова была сказать что-то такое, что приоткрыло бы ее истинные намерения.

— В прежние времена, Принц-Генерал, — продолжала Айдис, — наши мужчины брали не одну жену. Дошли ли до Великой Леди, обрученной с тобой, слухи о белокожей северянке, которая втайне надеется носить драгоценности, подаренные тобой?

Хериор сделал слабое движение, но его лицо не выразило никаких чувств.

— Твои слуги крепко поработали, леди, но будь я на твоем месте, я бы как следует проверил их донесения. Тот, кто шпионит по приказу, часто сообщает то, что желает слышать хозяйка.

— Возможно, милорд принц. — Айдис лукаво стрельнула взглядом в Талахасси, как бы проверяя эффект своих разоблачений. Подумать только, она надеялась разжечь этим пламя!

Хотя Хериор не счел нужным отрицать ядовитые обвинения Айдис, Талахасси презирала любые сообщения из этого источника. Хериор мог

быть в хороших, даже дружеских отношениях с северянкой, через которую могла идти ценная информация. Неужели принцесса считает, что имеет дело с круглыми дураками? Когда Талахасси смотрела на Принца-Генерала, она видела Джессона, а у Джессона были свои секреты, в которые она никогда не совалась.

— Меня никогда не интересовала болтовня слуг, — сказала она. — Но свое предупреждение ты произнесла. Я видела тебя, Айдис.

Талахасси намеренно употребила выражение, которым высшая особа отпускала низших, и почему-то обрадовалась, увидев, как Айдис скривила губы. Талахасси встала, и Айдис тоже пришлось подняться. По придворному обычаю она больше не имела права говорить. Когда она ушла, Талахасси приказала Хериору, надеясь выразить этим свое доверие к нему:

— Смотри, чтобы за ней следили. Я желаю, чтобы она и ее слуги-шпионы убрались отсюда как можно скорее. Она пришла не только предупредить. По крайней мере, мне так кажется.

— У нее мозговой заслон, — тихо сказала Джейта. — Это не ее Талант. И она не посмела бы так говорить о делах Храма, не будь это правдой.

— Но Зилаз… — возразил Хериор.

— Да, Зилаз в наше время Сын Апедемека, — повысила голос Джейта и посмотрела вслед Айдис, почти исчезнувшей в темноте у другого конца бассейна. — Это хуже всего. Великая Леди, мы должны узнать все!

— Хериор, — обратилась к нему Талахасси.

— Будь уверена, если есть хоть какая-нибудь возможность, мы узнаем, и скоро. Со мной есть офицер. Я пошлю его с поручением в другую часть. Он выполнял такую работу в прошлом, выполнит и теперь. Ты разрешишь попытаться?

— Я хочу этого.

Хериор ушел. Талахасси протянула руку жрице.

— Тут было что-то еще. Было ПРИСУТСТВИЕ, такое, какое я ощущала в другом мире. — Она не спеша рассказала о том, что было перед приходом Айдис.

— Да, это, может, был дух того, кто украл жезл и ключ. Он устремился следом за тобой через коридор, который открыла Ашок, чтобы достичь вашего мира. Мы его запечатали, но, видимо, дух имел достаточно силы, чтобы следовать за тобой! Мы снова поставим охрану!

Было уже поздно, когда Талахасси, наконец, добралась до постели. Перед этим она еще раз

поговорила с Джейтой и Хериором, который отправил своего офицера. И было доложено, что Айдис и ее свита сидят в своих комнатах и стража следит за ними.

Когда она вытянулась на кровати, рядом послышалось тихое мурлыканье. Она так устала, что, казалось, не способна была что-то чувствовать. Айдис надеялась, что сплетни насчет варварской женщины Хериора произведут разрушение, но она не знала, что Хериор похож на… Джессона… на товарища и брата… на…

В этой мысли было что-то тревожное, но Талахасси слишком устала, чтобы добираться до источника своих беспокойств…

Она проснулась от того, что котята недовольно мяукали. В комнате было темно. Только край дверного занавеса слабо светился. И… здесь был снова чужой. Талахасси и без кошачьего мяуканья знала, что возле ее кровати кто-то стоит.

Талахасси открыла рот, чтобы позвать стражу, но струя ударила по ее лицу, обожгла рот, губы, глаза. Она откинулась назад. Тошнота, головокружение… и мрак небытия.

Талахасси тонула. Вокруг была вода, и не за что было ухватиться. Волны перекатывались через ее голову, и она боролась с ними, чтобы вдохнуть

воздух. Она тонула! Шторм успокаивался, хотя она все еще ощущала, как подхватывает ее тело разбушевавшаяся стихия. Но уже не море, не вода были вокруг, теперь она чувствовала движение воздуха и слышала гул машины!

Мозг ее работал лениво, но искра осторожности проснулась. Она постаралась вспомнить, что же произошло. Это началось в спальне. Она лежала. Потом ее ударила по лицу струя воды.

Конечно, сейчас она не в постели и не на вилле. Но где же?

Она давно уже находилась вне времени и подумала, что пора привыкнуть к невероятным сменам мест.

Не открывая глаз (пусть тот, кто поблизости, считает, что она все еще без сознания), Талахасси пошевелила рукой и поняла, что они связаны. Ноги, почувствовала она, тоже несвободны. Не то, чтобы ее связали, ее, скорее, запеленали, как Джон, только голова осталась на свободе.

Итак, она пленница на флайере. Каким образом ее унесли из хорошо охраняемой виллы, это вопрос. Разве что они — кто бы это ни был — усыпили всех, включая и стражу, той же жидкостью, которой брызнули ей в лицо. Айдис, бесспорно. Это ее рук дело. Какую же глупость они сделали,

оставив ее ночевать на вилле.

Когда мысли Талахасси коснулись памяти Ашок, девушка не смогла найти даже намека на то, что подобное нападение когда-нибудь совершалось. Айдис сидела перед ними и нагло предупреждала… Талахасси не на шутку рассердилась: да как она посмела? Память Ашок обжигала мыслью, что Айдис подняла руку на члена Рода! Они должны знать, что за такое оскорбление придется расплачиваться!

Но кто «они», кроме Айдис, разумеется, и ее слуг? Наверное, Узеркоф, за которым стоит этот таинственный Касти. Подумав о Касти, Талахасси поняла, что осмотрительность приглушила, но не погасила гнева. Она должна узнать все, что можно.

Сначала она прислушалась. Гудели моторы. Она, видимо, лежала на полу кабины, потому что пол был очень жестким. Там, конечно, был пилот… Она попыталась вспомнить, сколько человек сопровождало Айдис. Кажется, две девушки и ведьма-нянька. Но жена Узеркофа никогда не выезжала без отряда личной стражи.

Никто из ее охраны не показывался на вилле. Естественно, амазонки не допустили бы этого. Даже людям Хериора отводились бараки за пре-

делами виллы. С ним мог войти только один воин из личной охраны.

Вилла была домом женщин, жильем незамужней дочери Великого Солнца.

Здесь, возле Талахасси, надо полагать, было человек шесть врагов. Чем дольше они будут считать, что она без сознания, тем лучше. Кроме звука мотора, она слышала и голоса людей, но не могла полностью разобрать слова. На помощь пришло обоняние: она уловила слева от себя запах духов, конечно, Айдис. И… да, этот тошнотворно-сладкий дым палочки, которую принцесса закурила на вилле.

Откуда-то издалека доносился другой запах, тоже неприятный. Она была поймана, как мышь в мышеловку, а в углу сидел на страже ленивый кот.

Сила гула изменилась. Талахасси показалось, что скорость полета уменьшилась. Затем началась посадка со страшным скрежетом. Моторы смолкли. В лицо ей пахнуло воздухом. Но не свежим ветерком виллы, а сложной смесью запахов, которые пробудили в Талахасси воспоминания о доме. Запахи города.

Кто-то прошел, слегка отодвинув ее в сторону. О ней словно забыли. Она чуть-чуть приоткрыла

глаза. Поле зрения было очень ограничено, но тем не менее она увидела солдата в тускло-зеленой форме. И в его руках был ларец с жезлом!

Она чуть не выдала себя. Как же им удалось снова завладеть им? Может, они убили всех обитателей виллы? Ей стало страшно от такой мысли. Если они привели других в такое же беспомощное состояние и так же легко, как ее, то могли убить всех, и только она одна попала в руки тех, кому мало пользы от ее смерти.

Собственно в том, что ей сохранили жизнь, только одно могло иметь значение: никто, кроме нее, не мог дотронуться до жезла в отсутствие Императрицы. Интересно, взяли ли они также и ключ? Она содрогнулась, когда, сложив все предположения, пришла к окончательному выводу — случилось непоправимое. Какое оружие есть у нее? Неполная память умершей девушки, память, но не сила, какой управляла эта девушка, храбрость и решительность, что были у Талахасси врожденными. Жезл… Она могла держать его и уже воспользовалась этим однажды. Но могла ли она управлять силами, которые он символизировал? Талахасси не знала, проверялась ли запись памяти Ашок, прежде чем была передана ей. Девушке казалось, что над памятью хорошо

поработали. И, естественно, они должны были это сделать для собственной защиты. Что знала Джейта о Талахасси Митфорд, чтобы вложить в нее полную память ее предшественницы? Таким образом, Талахасси не могла сражаться так, как это смогла бы делать Ашок, она могла только блефовать. А всякий блеф легко обнаруживается.

Снова послышались тяжелые шаги. Талахасси закрыла глаза. Ее подняли в том же положении, как она лежала. Как видно, она лежала на носилках, потому что к ней не прикоснулись. Затем носилки наклонили так, что она могла бы соскользнуть с них, не будь она привязана.

Она чуть-чуть приоткрыла веки и увидела свет, а за ним кусочек ночного неба и опять широкие спины людей в зеленой форме, которые исчезли, как только носилки втолкнули в темное тесное помещение. Она услышала шум закрывающейся двери.

Заработал мотор, и она снова поехала. Но здесь не было никаких отверстий, чтобы увидеть, куда ее везут. Странно, но эту часть путешествия она проделала одна. Затем что-то скользнуло по полу, на котором стояли носилки, и ударилось об стену. Может быть, это ларец с жезлом! Талахасси подумала, что из-за рожденного страха, с кото-

рым большинство жителей Империи смотрят на этот предмет, вряд ли они хотят видеть его около себя.

Она попыталась собрать воедино все факты. Не было сомнений, что ее похитили, бесстыдно унесли из ее собственного дома. Никто не решился бы исполнить приказ, если бы тот, кто отдал его, не был уверен, что избежит возмездия. Особа Наследницы священна. Этот закон нерушим и сейчас, несмотря на то, что в последние годы большинство древних верований ослабло.

Надежды на помощь Джейты или Хериора не было. Трудно поверить, что те, кто увез ее, оставили в живых таких сильных противников. Значит, она теперь одна и поддержку может черпать только в урезанной памяти Ашок.

Однако, страха она не чувствовала. Стал проявляться собственный характер Талахасси. Когда-то она училась самоконтролю. Никогда в ее жизни не было ситуации более подходящей для того, чтобы проверить, чему она научилась. Теперь надо было заставить гнев работать для своей же пользы. Она несколько раз уже делала это в прошлом. Поддерживала с его помощью свои мужество и решимость.

Айдис, Узеркоф, Касти… Она методично собира-

ла все, что было в памяти Ашок, касающееся этих людей. Узеркоф был, вероятно, слабым звеном. В монархии, твердо обоснованной на матриархальном наследии, у сына короля было, видимо, очень мало власти. Если бы он женился на Ашок, он мог бы надеяться на корону, но в этом ему не повезло.

Члены Рода женились по обязанности, а не по своему выбору, по крайней мере, таким бывал их первый и официальный брак. Зачастую у королей были наложницы, а у королев фавориты. В этом поколении все было направлено на то, чтобы обновить кровь, создать нового человека, который, возможно, будет наделен Талантом.

Императрица Налдамак была выдана в ранней юности за очень дальнего родственника, который через два года погиб при крушении флайера. Толку из этого брака не вышло, не было бы его и от любого другого, поскольку императрица оказалась бесплодной. Если бы Ашок была жива, то надежды на продолжение рода связывались бы с ней.

А поскольку она умерла? Может быть, Узеркоф?

Айдис была всего лишь дочерью провинциального правителя, и вдобавок кровь ее предков

смешалась с кровью заморских варваров. Этому способствовало то, что провинция находилась на берегу моря, где шла бойкая торговля с иноземцами. Будь Узеркоф на троне, она была бы просто женой короля, а не настоящей императрицей.

Талахасси стала неохотно вспоминать о Касти. Было управление, и была Власть, и иногда одно не было частью другого. Кто-то может стоять за спиной Императора и через него вершить свою власть. Как раз в этом подозревали Касти, и, похоже, не напрасно.

Если Налдамак вернется к Полугодовому празднику и взойдет на трон в ритуальной церемонии без жезла в руках… Именно этого они первым делом и добивались. Теперь у них и жезл, и Ашок… или ее подобие.

Из полученной памяти Талахасси выяснила, что о Касти почти ничего не известно, и это было самым подозрительным. Зачем понадобилось вычеркивать его?

Айдис говорила, что Верховный Жрец Зилаз был в плену в своем храме. Это было предупреждением о том, что его нельзя вызвать. Нет, Талахасси придется рассчитывать только на себя, а не на чью-то помощь или память мертвой. Но уверенности в успехе у нее было очень мало.

Машина, в которой ее заперли, остановилась. Талахасси закрыла глаза и напрягла слух.

Она услышала щелканье задвижки на задней стенке. Затем ее овеял свежий воздух. Носилки подняли. Несли ее быстро, носильщики периодически менялись. Затем — свет, который она увидела, слегка приоткрыв веки.

— В Красную комнату, — раздалась команда. — И пригласите моего лорда. — Это говорила Айдис.

Красная комната? Да, это же в южном дворце-центре, куда люди Хериора не сумели проникнуть и где собирались вожди, подозревающиеся в мятеже. Эта комната вообще имела достаточно жуткую историю: сто лет назад в ней брат убил брата в борьбе за трон.

Даже Талант не уберег королевскую линию от налета честолюбия и алчности. Возможно, поэтому он так ослабел в этом поколении. И теперь Род силы погибал. Эта сила, если ее неправильно применить, могла обернуться против того, кто пытался сделать ее злым оружием. Вероятно, Айдис не случайно выбрала гробницу этого позора. В местах, где бурные страсти вылились в отчаянное и кровавое действие, даже через поколения мог задержаться остаток зла. В таком месте

даже Талант слабел, и зло могло воспользоваться этим. Здесь он был открыт для вторжения самого страшного. Но она не Ашок, значит, такого вторжения ей нечего бояться.

Носильщики свернули, затем коридор сделал еще один поворот. Наконец, носилки были поставлены, но не на пол, а, по-видимому, на ложе, потому что под Талахасси слегка прогнулась поверхность. Она слышала, как носильщики ушли, но была уверена, что она в комнате не одна. Она насторожилась.

— Ашок!

Уже больше не Великая Леди! Айдис! Она, вероятно, обращалась к кокону.

Почти сразу же последовала жестокая пощечина, которой Талахасси не ожидала, и поэтому открыла глаза. Над ней наклонилась Айдис. Глаза ее сверкали.

— Так я и думала, — сказала она. — Касти говорил, что сонная жидкость не будет действовать слишком долго. Ты пыталась играть со мной, но время для игр прошло, сестра. — Она подчеркнула последнее слово. — Ты ни разу не соблаговолила назвать меня этим словом, не так ли, Ашок? Из вас не вытянешь доброго слова. Ты снизошла ко мне, когда я пришла к тебе. Теперь я снизойду

к тебе!

Она скорее ощерилась, чем улыбнулась, показывая мелкие острые зубы. Их белизну подчеркивали накрашенные губы.

— Я вижу тебя, — ответила Талахасси, придавая этим словам особое значение и растягивая их для того, чтобы продлить удовольствие. — Но долго ли кто-нибудь будет видеть тебя? Подумай об этом, сестра!

Талахасси постаралась придать своему лицу совершенно бесстрастное выражение. Злоба Айдис могла быть слабостью ее характера, а любую слабость следовало отметить и использовать.

Айдис повернулась и подошла к столу. Талахасси стала осматриваться. Да, она не ошиблась — с ней вместе привезли и жезл. На столе стоял ларец, в который она положила жезл по приказу Джейты. Пальцы Айдис прикоснулись к крышке, но не сделали попытку открыть ее. Она оглянулась через плечо на свою пленницу.

— Это тоже у нас, несмотря на все ваши старания сохранить его в своих руках! Не удивляешься, что мы так легко взяли и тебя, и его? Я слышала много болтовни о власти и Таланте. Всю жизнь я видела, как люди боятся этой вещи, силу которой нельзя доказать. Понимаешь, как просто мы тебя

победили? — Она засмеялась. — Я говорила тебе о другом пути, сестра. Теперь мы идем по нему. И ты никак не сможешь повернуть время или помешать нам.

Она провела рукой по ларцу. Талахасси подумала, что несмотря на все, что она сказала, оскорбляя Талант, Айдис все-таки достаточно осторожна и не трогает жезл — внутренне она не так уж уверена в безопасности другого пути, как пытается убедить всех. Талахасси чувствовала болезненное желание взять символ, обуздать эту силу, чтобы не действовать больше через Узеркофа.

Пока Талахасси мысленно рисовала себе образ кузена Ашок, он сам явился. Ростом он был ниже Хериора. Вялое тело и раздраженное выражение лица Узеркофа делали его старше. Он не носил формы; на нем были свободные шаровары, белая безрукавка, расшитая замысловатой вышивкой.

На голове не было принятого при дворе парика; вместо него он закрутил вокруг головы огненно-красный шарф, который только подчеркивал отвисшие щеки и безвольный рот Узеркофа.

— Маскак сказал…

Тут он увидел Талахасси позади Айдис. Глаза его расширились, как будто он и в самом деле

удивился. Затем он негромко захихикал.

— Значит, тебе удалось?

Талахасси отметила тень удовлетворения на лице Айдис, когда та ответила:

— Господин мой, разве ты сомневался в успехе нашего плана?

— Очень уж много было препятствий, ведь она была в своем дворце, а там есть охрана. — Он шагнул к Талахасси, оглядел ее и снова засмеялся. — Привет, кузина!

Айдис встала рядом с ним.

— Она не отвечает на родственные приветствия. Но мы ее научим, не так ли, милорд?

Тот облизнул отвисшую нижнюю губу, будто добирался до лакомого блюда.

— О, да, она будет отвечать! — согласился он, протянув толстые пальцы и потрепав Талахасси за подбородок. В нем было что-то от мальчика, который решился на какое-то действие и теперь — страшно или нет — должен его выполнить. В этот момент Айдис торжествовала, но Узеркоф при всей его кипящей злобе все еще сомневался в успехе.

— Милорд, — Айдис оттянула его от пленницы и повела к столу, — посмотри, что здесь лежит.

Его пальцы потянулись к ларцу. Айдис выпу-

стила его локоть и откинула крышку, показывая жезл. Злобная радость увяла на лице ее мужа, когда он заглянул в ларец. Узеркоф так глубоко вздохнул, что даже Талахасси услышала.

— Он твой, возьми его! — на лице Айдис появилось теперь презрение, которого Узеркоф не заметил, поскольку его внимание было поглощено жезлом.

— У меня… у меня нет Таланта… — сказал он. Казалось, он говорил это не жене, а самому себе, потому что чувствовал тайное предупреждение.

— Талант! — произнесла Айдис. — Зачем он тебе, милорд? Разве Касти не дал нам и не даст снова гораздо большей силы, чем эти суеверия, которые насаждают жрецы, чтобы управлять народом? Ты из Рода, тебе стоит только взять эту вещь, и ты сможешь управлять Империей. Неужели ты такое ничтожество, — голос ее стал презрительным, резким, — что не можешь сделать такого пустяка, и тут же получить трон? Ты считаешь себя мужчиной, так докажи это!

Он облизал толстые губы и вытер руки о безрукавку.

— Сейчас придет Касти. — Айдис повернулась и подвинула открытый ларец Узеркофу. — Встреть его с жезлом. Ты понимаешь, что это будет озна-

чать? Он чересчур высокого мнения о себе, хотя его план добыть жезл провалился. Ты должен показать ему, что ты из Рода.

Узеркоф снова вытер руки о бедра, неуверенно посмотрел на Айдис, затем на ларец и его содержимое.

— Покажи ему, — шипела она, — ты должен это сделать, иначе он не станет для нас тем оружием, в котором мы нуждаемся, а будет думать только о себе! Его план провалился, а нам все удалось! Докажи ему, муж, тогда мы зажмем его в кулак. Потому что, когда ты придешь к власти, не понадобится две головы и две воли — хватит одной!

— Да, действительно, одной твоей, — подумала Талахасси — Пожалуй, чем больше Айдис настаивает, тем больше Узеркоф боится. Да и как может быть иначе? — подсказала память Ашок.

Никто, даже член Рода, не мог подчинить себе жезл, если не имел в себе той непреодолимой силы, которую древняя вера пронесла через столетия, изучая ее и воспитывая.

Узеркоф протянул руку, и Талахасси заметила, что рука дрожит. Его побудила к действию воля Айдис. Талахасси не знала, каков будет результат, но была уверена, что это не пройдет ему даром.

Видимо, он собрал все немногие запасы своего

мужества, потому что вдруг сунул правую руку в ларец, сжал в кулак жезл ниже львиной пасти и вытащил его.

Мгновение Узеркоф держал жезл перед собой, как держала его Талахасси, когда солдаты вторглись в развалины храма. Затем он завизжал громко и пронзительно, как женщина. Жезл выпал из его руки и покатился по полу. А Узеркоф все еще держал руку перед собой… Кожа на пальцах покраснела, затем медленно приняла пепельно-серый цвет. Узеркоф снова завизжал. Пальцы его съежились в когти и оплавились, он даже не мог их согнуть.

Айдис отскочила, с ужасом глядя на обезображенную руку, а визг Узеркофа превратился в бессмысленный агонизирующий вой. Его жена хотела отшвырнуть жезл ногой, но остановилась, потому что теперь ее охватил смертельный ужас. Узеркоф упал на колени, все его тело сотрясалось. Затем он растянулся на полу, продолжая вопить.

Сбежались люди. Сначала стража с оружием наготове. Но увидев то, что лежало рядом с хозяином, и изуродованную руку, в ужасе отступили и этим освободили дорогу другому человеку.

Касти!

Он был худощав и такого же роста, как Джессон.

Черты лица казались тоньше, чем у Узеркофа. Он вполне мог сойти за члена Рода. Но кто он был, оставалось неразрешимой загадкой.

Десять лет назад патруль нашел его в пустыне еле живого рядом с мертвым верблюдом. Он был похож на людей Империи, а не на северных варваров, и его вылечили. Он произвел неплохое впечатление. Его послали в Новую Напату с рекомендацией к генералу Немучу.

С самого начала фортуна, казалось, благоволила к нему. Несмотря на то, что он не заводил друзей и ни с кем не откровенничал, он нравился людям, когда хотел. Никто не отрицал удивительных способностей Касти. Даже Зилаз не мог не оценить глубину его ума.

С самого первого дня своего появления в Новой Напате он избегал всего, что относилось к Храму. Иногда он давал понять, что презирает суеверие и не считает нужным относиться к нему всерьез. Это льстило тем, кто не мог войти в правящий центр Империи.

Теперь он опустился на колени перед Узеркофом и, сжав ему запястье, осмотрел ужасную рану, потрогал пальцы пострадавшего. Это было похоже на врачебный осмотр. Потом он обратил внимание на самого Узеркофа, который уже не

визжал, а скулил. Нагнувшись, Касти уставился прямо в его расширенные от ужаса глаза и пробормотал что-то так тихо, что услышать его мог только принц. Остальные, включая Айдис, держались на значительном расстоянии, будто Узеркоф был действительно проклят и это проклятие могло обрушиться на всех.

Узеркоф медленно закрыл глаза. Голова его безвольно откинулась, из открытого рта потекли слюни. Касти быстро скомандовал:

— Отнести его в спальню! — и щелкнул пальцами стражникам, которые были явно не склонны приближаться, но и ослушаться не могли. Когда они унесли принца в комнаты, Касти оглянулся и посмотрел на Айдис, на жезл и, наконец, с большим вниманием на Талахасси.

Когда он обернулся к ней, она увидела бесстрастные глаза, которые абсолютно ничего не выражали. Талахасси испугалась. Касти не выказывал никаких эмоций, она не могла угадать его мыслей. Он смотрел на нее, как на неодушевленный предмет. Ашок более всего пугала в Касти эта его манера смотреть, не замечая, и теперь Талахасси обнаружила, что ей тоже страшно.

— Итак, принцесса, — обратился он к Айдис, продолжая смотреть на Талахасси, — похоже, вы

неплохо поработали.

Возможно, эта холодная нота превосходства в голосе Касти вывела Айдис из состояния шока. Губы ее сжались, а сама она подтянулась, овладев собой.

— Мы добились успеха, — ответила она. — Здесь лежит то, за чем ты напрасно посылал своего помощника. — Она кивнула на жезл.

— И, кажется, с неудачным результатом: принц не смог справиться с ним.

Касти снова встал на одно колено, посмотрел на жезл и достал из своей длинной серой мантии что-то маленькое, настолько маленькое, что оно уместилось в его ладони. Он провел этим предметом вдоль жезла, стараясь, как отметила Талахасси, не коснуться его. Он проделал это дважды в обе стороны, а затем раскрыл ладонь, чтобы осмотреть металлический предмет размером не более спичечного коробка.

Пока Касти изучал его, между бровями у него появилась глубокая складка.

— Излучение, — сказал он скорее для себя, чем для слушателей. — Но какое?

Гибким движением Касти встал, шагнул к Талахасси и развязал стягивающие ее веревки.

— Что ты делаешь? — метнулась к нему Ай-

дис. — Она…

— Если расчеты верны, — на этот раз его высокомерное презрение к Айдис было весьма заметным, — похоже, что принцесса Ашок может держать этот символ могущества без вреда для себя. Я немедленно проверю это. Или ты, принцесса, не рискнешь поднять его с пола?

Когда последняя из обертывающих тело Талахасси пелен была снята, она осталась в одной тонкой ночной сорочке. Ее тело одеревенело, спина болела от долгого пребывания в одной позе. Однако она встала, стараясь не показывать своих чувств.

— Можешь поднять это? — Касти показал на жезл.

— Я из Рода Высшего Пути, — ответила Талахасси уклончиво. Она не знала, могут ли они подействовать на нее своими методами контроля. А вдруг она возьмет жезл в руки и сможет затем оказать давление на них? Память Ашок дала ей только смутный и неполный намек, каким образом можно пользоваться этим символом власти.

— Не надо! Она проклянет нас, и мы умрем! — Айдис схватила Касти за локоть. — Ты освободил ее, но ты не знаешь, что она сделает с жезлом

в руках!

— Она сделает очень немногое, — спокойно ответил Касти. — Я присмотрю за этим. Ну!

В одной руке он все еще держал предмет, которым пользовался при осмотре жезла, но другой с быстротой фокусника достал блестящий диск, который раскрутил в воздухе за цепочку. Глаза Талахасси против воли уставились на диск. На нее упало то же самое ПРИНУЖДЕНИЕ, в каком держала ее чужая воля в музее.

Под этим ПРИНУЖДЕНИЕМ она послушно двинулась, уже не владея своим телом, и протянула руку к жезлу. Он был теплым, почти живым в руке. Что-то ей сейчас нужно было совершить, чтобы завладеть положением, но память Ашок не была достаточно сильной, чтобы подсказать ей… Нет, как пленница Касти она должна взять жезл, пронести его три-четыре шага и положить в ларец. Так она и сделала.

— Хорошо, Великая Леди, — с насмешкой произнес он ее титул, когда она закрыла крышку. — Значит, это правда, и у тебя есть какой-то контроль над этой штуковиной.

Теперь он покачивал перед Талахасси ларец на уровне ее груди, внимательно разглядывая его поверхность. Он еще раз нахмурился и покачал

головой, как бы не соглашаясь с собственными мыслями.

— Видишь, принцесса, — сказал он Айдис, — как новое знание сталкивается со старым и побеждает его? Теперь она полностью в моей власти, как леопард, окруженный сворой собак.

— Все равно она опасна. Она может умертвить всех нас, — возразила Айдис.

— Именно. Но ведь ты сама привезла ее сюда, принцесса.

— Потому что нам нужен заложник, иначе наш план полностью провалится. Они считают ее наследницей и не захотят потерять ее.

— Ты так думаешь? — Касти холодно улыбнулся. — Тут не нужны старые методы: заложники, торги. Разве мы не договорились, принцесса, что настало время смахнуть прошлое и начать все сначала, не обременяя себя старомодными предрассудками и обычаями?

— Но у нас нет еще силы…

— У нас есть все, что нужно на данный момент. Если понадобится еще что-нибудь, мы знаем, где найти.

Айдис злобно посмотрела на него.

Возможно, она начала понимать, подумала Талахасси, что властвовать за спиной Императора

Узеркофа будет не его жена, а кто-то другой.

— Тогда что же нам с ней делать? — Айдис ткнула пальцем в пленницу, как бы желая заколоть ее.

— Она будет в сохранности, принцесса, у меня. — Как бы подчеркивая свои слова, Касти перестал крутить диск и сунул его в складки одежды. Но прежде чем Талахасси, освобожденная от ПРИНУЖДЕНИЯ, смогла двинуться по своей воле, в его руке оказался цилиндрик, из которого в лицо Талахасси брызнул уже знакомый ей наркотик.

Она медленно просыпалась, теперь уже ничего не разыгрывая и не пытаясь скрыть от похитителей свое состояние, потому что знала: на этот раз она этим ничего не достигнет. Вокруг был ослепительный свет и слышались странные звуки, природу которых она не могла определить.

Пол под ней был ровный и жесткий. Она поняла это, когда приподнялась на локтях, чтобы оглядеться. Она была в клетке! Проволочная сетка, натянутая на четырех крепких копьях, отгораживала часть громадной комнаты.

Талахасси не представляло труда определить предметы, которые показались бы Ашок совершенно незнакомыми. Это была лаборатория, но

она резко отличалась от тех, в которых бывала Талахасси, когда училась. Слева от нее стоял щелкающий ящик высотой почти до потолка, в стороне от него — два длинных стола с ретортами, колбами, инструментами, воздух был кисловатым от химикалий.

На ближайшем столе стояла небольшая клетка, такая же, как и та, в которой находилась Талахасси, но несколько иной формы. В ней лежал жезл, снова вынутый из ларца. Даже в этом ярком свете Талахасси показалось, что она видит мерцание излучения над драгоценным камнем на его верхушке. А рядом лежал ключ или, по крайней мере, анк, очень похожий на тот, что был у Джейты. Однако Айдис не похвалялась им, как своей добычей.

Что-то это все означало. Крошечная искорка памяти Ашок внезапно вспыхнула при виде ключа, но быстро угасла, прежде чем Талахасси смогла уловить ее. Осталось только ощущение, что с жезлом и ключом вместе можно что-то сделать для ее защиты и, возможно, атаковать тех, кто держал ее здесь.

Клетка была без двери. Когда Талахасси протянула руку к сетке, предупреждающий рефлекс заставил ее отказаться от попытки прикоснуться

к ней. Она не могла пожертвовать своей одеждой, но ткань, обертывающая ее голову, могла пойти в дело. Талахасси осторожно свернула ее в плотный узел и чуть-чуть коснулась его краем решетчатой стены, держа пальцы как можно дальше.

Произошла вспышка. Талахасси похолодела: что, если бы она прикоснулась к решетке рукой? Она села, скрестив ноги, на середине клетки и стала размышлять. Хотя что тут размышлять. Будущее было более чем непредсказуемым.

Мысли ее были безрадостны и уходили куда-то, словно проваливаясь. Но еще раньше она поняла, что в комнате кто-то есть. Она встала и медленно повернулась, вглядываясь в каждый угол. Никого не было видно.

Но все-таки она была не одна!

Какое-нибудь подглядывающее устройство? Талахасси считала, что такое могло быть. Но она не видела ни отверстий, ни проводов. Следовательно, здесь дело в чем-то другом. Да, это было то же ощущение, что в ее — или Ашок — доме, та же неопределенная личность, невидимая, возможно, недоступная общению, присутствовала здесь.

Талахасси уселась на пол. На нее покушалось что-то. Но что? Она терялась в догадках. Как определить существо невидимое, но явно нахо-

дящееся поблизости? В предыдущих случаях ей казалось, что она видит призрак, но рядом не было и намека на него.

Она снова тщательно осмотрела комнату, изучая каждую ее часть. Здесь нет… здесь тоже… и здесь… Она верила своим ощущениям. И, наконец, она нашла! ЭТО висело над другой клеткой, где лежали жезл и ключ.

Что это? Айдис говорила о ней, как о заложнице. И можно было понять, что ее заточение продлится до тех пор, пока не явятся сюда те, кто предложит за нее выкуп. Может быть, она имела в виду Налдамак? Кто же может ее выкупить? Последователи Высшего Пути, запертые теперь в их храме? Джейта с Хериором? Но в таком случае их не убили. Она вспомнила, что Касти не принял идею о заложниках. А здесь была цитадель Касти — в этом Талахасси была уверена.

Последователи Высшего Пути всегда искали во всем то, что можно назвать духом, потому что контроль над собственным мозгом обострял и наставлял их Талант. Касти же явно пришел к тем же результатам другим способом. И несомненно он достиг многого.

Гипноз — вот, вероятно, его основной козырь. И этот вертящийся диск, который покорил ее

волю, тоже гипнотического свойства. Использует и химию. Как иначе объяснить струю воды и насильственный сон? А первое похищение ключа и жезла в иной плоскости сознания — в ее собственной? Значит, он изобрел другое оружие и инструменты, управляющие сознанием.

Призрачное существо все еще было здесь. Снова и снова Талахасси проверяла свое странное ощущение. И всякий раз убеждалась, что оно не обманывает ее. Был ли это тот самый посланец, что, по воле Касти, перенес ключ и жезл в другое время и который был затем «закрыт» действиями Джейты? Могла ли Джейта общаться с ним? Пыталась ли она сделать это? Теперь у Касти были оба символа власти, и он мог освободить посланца. Или все же не мог сделать этого?

Талахасси сжала кулаки. Многое хотелось бы ей узнать. Но обо всем этом она могла только догадываться.

В дальнем конце комнаты раздался резкий звук. Здесь не было занавесок, как на вилле, но была дверь, такая же, как в ее мире. Касти, сменивший свою серую мантию на белую безрукавку до колен, важно прошел между двумя столами с оборудованием.

Он сразу заметил обгоревший край головной

повязки, которую она сбросила на пол, и улыбнулся.

— Ты уже поняла безумие всякой попытки сбежать? Ты очень проворна, — начал он. — Теперь ты знаешь, какая опасность окружает тебя в этих стенах?

— Знаю, — ответила она. — И знаю также, — почему-то добавила она, — что мы здесь не одни.

Он быстро оглянулся с некоторым беспокойством, которого Талахасси не ожидала увидеть, и отметила как трещину в фасаде его безоговорочного авторитета.

Он засмеялся.

— Духи витают в воздухе, Великая Леди? Или призрак святого Апедемека, набирающего силу для освобождения избранной?

— Здесь, варвар, — она намеренно придала этому слову оскорбительный оттенок, — не Апедемек и не кто-либо из Пути, а твое изделие. Оно висит теперь над Вещами Власти. — Она указала на плененные жезл и ключ, как будто она действительно видела там какую-то тень. — Ты послал его, и оно вернулось к тебе.

Он повернул голову, взглянул в указанном направлении и снова засмеялся.

— Не думаешь ли ты запугать меня своими

вечными глупостями? Я знаю обо всем на свете лучше тебя и в сказки не верю.

Талахасси пожала плечами.

— Веришь или нет, но Акини здесь.

Откуда это имя? Она не знала, но назвала его вслух, как будто в этот момент кто-то шепнул его на ухо или отчаянно крикнул издалека.

Он повернулся к ней.

— Ты многое знаешь, Великая Леди, но, называя имя мертвого, не спасешь себя. Я все равно не поверю в вашу «Власть». Это имя могло быть известно тем, кто служил вашему делу. Я считаю, что дело это умерло, как умрешь и ты, когда я захочу и если я захочу. Ты веришь мне? Да, в глубине души веришь. Хорошо. Значит, мы понимаем друг друга. А я еще не встречал человека — мужчину или женщину, — который не торговался бы за свою жизнь. Если ты расскажешь мне, например, как ты сожгла этого дурака Узеркофа, не прикасаясь к нему, энергией, содержащейся в этой штуке, — он показал на клетку с жезлом, — тогда мы сможем сотрудничать. Надеюсь, ты не думаешь, что я заключу какой-то постоянный договор с Узеркофом и этой тигрицей, которая вертит им, как хочет? Они были мне полезны, но теперь больше не нужны. Их можно стряхнуть,

как пыль с рук.

— Ты хочешь иметь древнее Знание, хотя только что сказал, что оно ничего не стоит, — ответила Талахасси. — Ты сам себе противоречишь.

— Я? Нет, Великая Леди. Я допускаю, что в вашем знании есть кое-что необъяснимое и, возможно, полезное. Амон образовался давно, задолго до Мерсе и даже до Египта. То, чем ты теперь обладаешь, вероятно, только жалкие крохи обширной древней науки. И есть другие Пути, чтобы вернуть те времена, — более короткие, чем те, которые остались за спиной человечества, и знающие Пути, более действенные, чем ваш. Научи меня секрету вашей Власти, чтобы управлять этим, — он снова указал на маленькую клетку, — и тогда не будет ничего, чего бы я не смог добиться! Ты же хочешь побывать на других планетах, Великая Леди? Кто знает, что можно будет сделать, если мы соединим свои усилия.

Хотя его голос был бодрым, она чувствовала фальшь. Вот так он уговаривал и тех, кого не удовлетворяло прошлое, присоединиться к его мечтам о будущем. Неужели он думал, что человек с Талантом не видит его насквозь, не понимает, что это человек, желающий править миром, взять в руки власть?

Девушка не ответила ему, а отвела глаза. Что-то говорило ей, что тот, кто парил над пленным талисманом, теперь подобрался к Касти.

— Не собирается ли Акини шепнуть тебе что-то, Касти. Он стоит теперь настолько близко, что может дотронуться до твоего плеча.

— Значит, ты применила свое колдовство? Ладно, будь уверена, что оно обернется против тебя! Я умею читать чужую тайну, Великая Леди. Не думай, что я позволю тебе совершать здесь то, что умею делать сам.

Он подошел к щелкающему ящику и прижал палец к какому-то месту на нем. Талахасси вздрогнула. Голову стянуло, как ремнем, вдавило внутрь, сжало. От страха во рту стало кисло.

Затем на помощь пришла память Ашок. Она включилась сама без каких-либо усилий со стороны Талахасси. Именно этого он и желал, этого и добивался. Вся жизнь есть состояние мозга, им можно пользоваться, как оружием…

Талахасси словно бы видела себя со стороны, словно бы быстро пробегала по хорошо знакомым тропинкам к тому месту, где не достанут ни боль, ни страх, в замок, где ядро ее сущности может оборонять стены от любого штурма.

Она была уверена, что не найдет в памяти Ашок

подробностей, касающихся Власти, однако это оружие само пришло ей на помощь. Кое-что она все же нащупала. Возможно, страх повернул ручку двери и впустил Талахасси в неприступную крепость.

Она видела тени, клетка, окружавшая ее, стала тонкой, как паутина, ее можно было разрушить, если бы она захотела. И Касти превратился из человека в пучок света, пульсирующий мрачным пурпуром, цветом высокомерия и самоуверенности. Знания идут из источника жизни, а такие, как Касти, отрицают этот источник и считают его за ничто.

Щелчок, резкий поворот к нормальному фокусу. Касти снова стал самим собой и, нахмурившись, изучал Талахасси. Затем он медленно улыбнулся той же сладкой улыбкой, что и Айдис.

— Ты, оказывается, сильнее, чем я думал, — сказал он. — Однако, в конце концов мы договоримся. Ты примешь мои условия. Между прочим, из-за твоего упрямства эти условия будут становиться все более жесткими. Чем дольше ты будешь упорствовать.

Он повернулся и пошел, словно начисто выкинул ее из своих мыслей. Талахасси глубоко вздохнула, но все ее внимание было приковано

к спине Касти. Хотя освещение было прямым, никаких теней не было, за ним тянулось тонкое, разреженное НЕЧТО, которое висело раньше над жезлом и теперь, слегка материализовавшись, тянулось за Касти, как изорванный плащ.

Касти остановился на другом конце комнаты и нагнулся над столом. Талахасси показалось, что она видит бумаги, на которые он внимательно смотрит. Дух висел рядом с ним, он — так показалось Талахасси — толкнул локтем сначала одно незащищенное плечо Касти, затем другое, стараясь привлечь к себе его внимание. Однако Касти не подавал вида, что знает о его присутствии. И девушка подумала, что, наверное, он и в самом деле не знает этого.

Она ожидала, что призрак вернется к клетке с жезлом, когда Касти отложил бумаги, сел за стол и занялся стоящим там аппаратом. Но призрак взмыл вверх и исчез, так что Талахасси больше не ощущала его ПРИСУТСТВИЯ. Но она знала его имя — Акини, а в этом случае, по очень древнему закону, она имеет над ним хоть и очень небольшую, но власть, или будет иметь ее, если вспомнит надлежащий ритуал.

Теперь ей оставалось подумать, что произошло за то время, когда Касти взял ее под опеку своей

машины. Он не получил того, чего желал. Но она все еще была пленницей, и жезл и ключ тоже. Талахасси не надеялась на помощь извне, хотя и продолжала сомневаться, что у Касти все под контролем, как он уверял.

В одном он признался, что больше не собирается (даже если и хотел раньше) сажать Узеркофа на трон Императора. Талахасси не знала, как настроен народ, — примет ли правителя не из Рода? По-видимому, люди приняли закрытие Храма, которое было сделано вопреки всем законам и правилам. А одно это богохульство могло бы заставить толпу подняться на борьбу.

Касти предложил ей торг, однако, правильнее было бы сказать, что он собирался торговаться с Императрицей Налдамак. Женщина, носящая тройную корону, совсем не то, что девушка Ашок, которую Императрица называла сестрой.

Печаль и потери иссушили в Налдамак все женские чувства. Теперь ее интересовало только правление, и она так отдалилась от обычной жизни, что производила впечатление человека, который мыслит абстракциями и только в последнюю очередь вспоминает о человеческих чувствах — любви, ненависти, страхе.

Может ли Касти использовать против Налда-

мак свое оружие гипнотизма, ведь крутящийся диск явно служил для этого, и сделать ее своей игрушкой? Тогда внешний их мир будет выглядеть прежним, но изнутри, овладев древней жизнью, Касти создаст совсем другую жизнь.

Налдамак, вероятно, будет отстранена. Память Ашок могла предложить только догадки. Такое вполне могло случиться, это было бы логично. Но тогда зачем Касти намекал на торг, упирал на то, что Ашок наследница?

А она действительно была ею!

Налдамак принесла торжественную клятву не выходить больше замуж, да она и не могла выйти, коль скоро официально признана бесплодной. А ее наследница…

Талахасси кивнула. Даже в своем теперешнем положении она все-таки не могла не улыбнуться тому, что надежды Айдис рухнули. Вместо того, чтобы помочь своему делу, она сыграла на руку Касти, захватив наследницу. Интересно, поняла ли это сама Айдис? Она не так глупа, чтобы поверить, что сможет когда-нибудь командовать своим бывшим союзником.

Касти налил зеленоватую жидкость из одной мензурки в другую, а затем стал осторожно капать ее в чашу, стоящую на столе позади клетки

с жезлом. Из чащи пошел отвратительный запах, такой едкий, что Талахасси закашлялась, несмотря на все свои старания удержаться от этого.

Закончив свое дело, Касти поднял голову и посмотрел на Талахасси. Он поднял чашу так, чтобы Талахасси видела ее.

— Возможно, есть шанс предупредить неминуемую смерть нашего доброго принца. Правда, слабый шанс. Но так как меня призывают творить чудеса, я сделаю все, что могу. Принцесса Айдис… — Он насмешливо покачал головой. — Увы, Великая Леди, поскольку она не может открыто требовать твоей крови, я думаю, она попытается получить ее другими, тайными способами. Не потому, что так уж любит своего драгоценного лорда, а потому, что она твердо рассчитывала надеть на себя корону, хоть и невидимую. А теперь корона разбилась.

Но надежда все-таки есть. А ты, Великая Леди, тоже подумай хотя бы о том, долго ли проживет храмовый наставник в заключении без воды и пищи. Без пищи, может быть, и долго, говорят, что имеющие Талант питаются, а не изнуряют себя постом. Но вода — дело другое.

Его слова оказались ключом, открывшим дверь нуждам ее тела — во рту Талахасси внезапно

пересохло. Образ воды вызвал страшную жажду.

Жажда, вызванная упоминанием Касти о воде, стала пыткой. Талахасси сгорбилась в клетке, сложив руки на коленях и опустив на них голову. Касти захватил ее одним лишь вращением диска, которое подчинило ее чужой воле; разве не мог не сделать это более тонко, одними словами? Она пыталась взять под контроль свои мысли, отогнать образы текущей воды.

Значит, Касти решил подвергнуть ее мукам жажды и таким образом взять над ней верх? Кап… кап… Звук капающей воды упорно нарушал ее сосредоточенность, необходимую для того, чтобы достигнуть контроля над собой. Она медленно подняла голову и оглядела лабораторию. Там была каменная раковина с трубкой, из которой капала вода. Раньше Талахасси не слышала этого звука. Видимо, Касти для утонченности пытки слегка открутил кран.

Она снова закрыла глаза, пытаясь не слушать этот монотонный звук, убивающий всякую возможность контроля. Именно этого Касти и добивался: воспользоваться слабостью тела, чтобы взять в плен ее мозг.

Ее охватила паника. Она зажала руками рот, чтобы не завизжать от страха. Страх был его

оружием, а ее защитой — ярость, что поднялась в ней, как стена, против ее собственного отчаяния.

Кап… кап…

Талахасси дико затрясла головой, как будто могла этим избавиться от звука. Нет, это не способ борьбы. Но единственное оружие, в котором она была уверена, — это память Ашок. Как и раньше, она начала вытягивать оттуда по частичкам знания, заполняя ими пустоту. Если пустота заполнится, это может помочь ей.

Ашок прошла через долгие испытания в Храме, научилась контролировать естественные процессы собственного тела, что в мире Талахасси считалось возможным лишь теоретически. Где-то здесь должен быть ответ…

Ладони Талахасси вспотели, словно клетка стала нагреваться, однако проволочная сетка оставалась тусклой, не накалялась. Талахасси заставила себя дышать медленно и ровно. Вот так… Вот так…

Она словно пробивалась сквозь стену к какому-то новому состоянию и наконец почувствовала, как включился новый резерв сил, о которых она и не подозревала. Но удержать его было непросто. Она как бы ползла по скользкой тропе, старалась удержаться на ней с помощью этого обрывка

памяти. Жажда отпустила. Она, конечно, не исчезла совсем, но уже не превращала Талахасси в обезумевшее животное.

Талахасси открыла глаза и проверила себя, прислушиваясь к капанию из крана. Да, она может держаться!

Дверь медленно, словно украдкой, открылась, пропустила кого-то и снова захлопнулась. Между столами торопливо пробежала Айдис и остановилась перед клеткой.

Она постояла, разглядывая Талахасси. Теперь в ее глазах не было насмешливой улыбки при виде плененного врага.

— Послушай, — она подошла к клетке почти вплотную, — ты имеешь власть. Хотя тебя и заперли в клетку, он не смеет и пальцем коснуться этого. — Она указала на стол. — Он рассчитывает, что ты выполнишь его желание…

— То есть, — уточнила Талахасси, — он хочет править Амоном.

— Да, — Айдис поджала губы. — Он сказал, что постарается вылечить моего лорда, думаю, что он лжет.

— А тебе он больше не нужен?

В глазах Айдис вспыхнула ярость.

— Он… он варвар, даже хуже, чем варвар. Он

даже не человек, он не из этого мира! О, он думает, что это надежно скрыто, но знание Зилаза сработало, он пробрался в наш мир через какую-то открытую демоном дверь. Как ты думаешь, где он научился этому? — она обвела рукой лабораторию.

— Однако, ты очень хотела принять его помощь, независимо от того, от демона она или нет, — кольнула ее Талахасси.

Айдис засмеялась.

— А почему бы и нет? Мы думали тогда, что он живет только нашими милостями. Мы могли бы разоблачить его, как существо, не имеющее права на жизнь. Он обещал нам, показывал нам…

— Достаточно, чтобы убедить тебя, но не предостеречь, — подумала Талахасси. — Это была его идея — спрятать жезл и ключ во времени?

Айдис провела рукой по лбу, сдвинув официальный парик и даже не поправив его.

— Да. Но это ни к чему не привело, поскольку вы их вернули. Однако если он сможет открыть такую дверь еще раз, тогда это повторится с помощью тех, кто ему служит.

— Ты не ребенок, Айдис, и не из тех, чей мозг опустошен Великим Злом. Ты точно знаешь, что те придут?

Айдис хрустнула пальцами. Талахасси хотелось рассмеяться. Неужели Айдис думает, что может обмануть имеющую Талант. (Талант? — недоверчиво переспросила другая часть ее мозга, ее другое «я», но ей некогда было ответить). Повороту на 180 градусов в тактике этой женщины, конечно, нельзя доверять. Это хитрость, задуманная Касти, чтобы ослабить волю Талахасси. Но если он думает, что ее можно побудить к действию таким способом, он слишком низко ее ценит.

— О! — Айдис не ответила на вопрос, а перескочила на другое. — Он считает, что у женщин слабая воля и нет целеустремленности. Он втайне презирает наш народ за то, что он слушает женщин и управляется ими!

— Однако ты была уверена, что он станет слушать тебя, — возразила Талахасси. — И я снова спрашиваю: почему?

— Потому что я не знала! — голос Айдис стал высоким, в нем зазвучало раздражение. Видно, этот вопрос задел ее за живое. — Это было до того, как мой лорд узнал правду…

— Ты противоречишь себе. Не ты ли говорила, что вы уже знали о том, что он не вашей породы?

— Я уже и сама не знаю, что говорю, — Айдис подняла кулаки, как бы желая ударить по сетке, а, может быть, и по Талахасси. — Мы знали, что он похож на нас, но не знали, до какой степени. Он разговаривает со мной — со мной! — как с рабыней. Раньше он не осмеливался показывать мне свою настоящую сущность.

— Не осмеливался или не считал нужным? — спросила Талахасси. — А зачем ты сейчас пришла ко мне? Ты же видишь, что я надежно заперта. Что я могу сделать?

Айдис покачала головой.

— Не знаю. Ты изучала Высший Путь и, конечно, что-нибудь можешь сделать.

— Возможно. Достань и принеси мне ключ и жезл, тогда посмотрим.

Айдис повернулась и сделала шаг к талисманам, но тут же отступила.

— Если я коснусь их клетки, я умру.

— Так я и думала, — сухо сказала Талахасси. — А что с теми, кто в Храме? А ведь ты попала в собственную ловушку. Ты обращалась к Зилазу?

— У Крама стража, но не люди, а какие-то его Штуки. Уже три дня никто не выходит оттуда.

— А моя стража? Ты, наверное, усыпила их, а потом перерезала им глотки? — Талахасси стара-

лась говорить ровным голосом.

— Нет! — Айдис уставилась на нее. — Только усыпила, когда мы взяли тебя. Может, до следующего дня. Но они не могут прийти. Касти поставил свою охрану вокруг города, так что входить в него могут только его приверженцы, а выйти не может никто. Он хочет поймать в ловушку Императрицу.

— Захватив таким образом Новую Напату, он сможет все…

— Нет, есть одна вещь, которую он не может сделать! — перебила Айдис. — Он не может взять жезл. Он пытался это сделать раньше, когда жезл попал в его руки, но ничего не вышло. Поэтому он решил спрятать его там, где, как он думал, его никто не найдет. Он не может взять жезл, не может держать его, как не смог сделать это и Узеркоф.

— Ты видела, как он пытался взять его? — спросила Талахасси.

— Да. Он держал в руке коробочку — маленькую такую. Потом провел ею над жезлом. В ней защелкало, и он быстро отдернул ее. Но у него есть существо, которое Касти держит в подчинении силой глаз и волей. Оно ему служит. И вот это существо взяло жезл и исчезло!

— Но оно не пострадало от жезла?

— Касти надел ему на руки рукавицы, очень тяжелые, и существо взяло ими жезл без вреда для себя.

— Но ведь он снова может изгнать жезл? И к тому же если он может делать так много страшных и удивительных вещей, почему бы ему не править без жезла?

Айдис снова уставилась на нее.

— Но ты же знаешь, для чего создан жезл! Он сердце нашего народа! Без него мы пропали. Как ты можешь говорить, что жезл ничто и Касти может править без него?

Талахасси сразу поняла, что сделала грубую ошибку. Народ Амона веками воспитывался в этой вере. И если отнять у них жезл, они рассыпятся как государство, умрут как народ, потому что они верят, что так будет.

— Однако он взял и спрятал его, — заметила она.

— Только на время. Только четверо знали бы, что он исчез, если бы ты и Джейта не угадали этого!

— Но ты взяла его и меня!

Айдис стукнула кулаком о кулак.

— Узеркоф из Рода, никто этого не отрицает. Императрица не замужем, она почти ушла от

мира. А ты… Ты на Высшем Пути. Зачем тебе правление? Узеркоф — родной сын Императора, почему бы ему не править? У других народов родные сыновья королей наследуют им…

— У варваров, — уточнила Талахасси, — у тех, с кем ты ближе знакома, чем я. Ты говоришь, что жезл — сердце нашего народа. Да, и он тесно связан с нашими обычаями. Мы не пойдем путями варваров.

— Можешь попрекать меня моей кровью, если Хочется! Да, моя бабушка происходила из западного морского народа, но она не стала от этого хуже. Она была дочерью короля, как и ты.

Итак, подозрения о смешанной крови Айдис подтвердились. Но Талахасси до этого не было дела.

— Сейчас неважно, чья кровь в наших жилах. Достаточно того, что Касти делает, что хочет. А поскольку ты знаешь его лучше, чем я, что ты предлагаешь?

Айдис замялась. Талахасси задала другой вопрос.

— Как контролируется клетка, в которой я нахожусь? Я знаю, что в ее стенках энергия, так что я не могу надеяться пробить себе путь из нее.

Айдис покачала головой.

— Не знаю. Я была в этой комнате всего один раз. И Касти сказал тогда, что вокруг лежит смерть, так что ничего здесь нельзя касаться.

— Тогда зачем ты пришла? — настаивала Талахасси. — Сказать мне, что бесполезно бороться против этого варвара, которого вы надеялись использовать как орудие, который ловко вывернулся из ваших рук и теперь угрожает вам?

— Я пришла, потому что… потому что Касти сказал: «Талант существует». И если есть на Высшем Пути что-то сильнее его машин, то я тебя прошу: воспользуйся этим против Касти, пока не поздно!

Талахасси, прищурившись, смотрела на нее. Она начала эту беседу, считая, что Айдис пришла для хитрой атаки по приказу Касти. Но сейчас поняла, что она действительно испугана и говорит то, что думает. Хотя раньше в этой женщине не было и грана правды, теперь страх заставил ее быть искренней.

— Я понимаю, на что ты рассчитывала, но сейчас, пожалуй, слишком поздно, — заметила Талахасси. — Но вот что ты можешь сделать: извести тех, кто может раздавить Касти, чтобы они открыли путь для Джейты и Хериора…

Айдис снова покачала головой.

— Я не сказала тебе — у него своя охрана в Напате.

— Стражники не могут быть… — начала Талахасси, но Айдис перебила ее:

— Только не такие стражники, потому что это не люди, а существа, которых он сделал в этом месте. Мы не знаем, как он управляет ими, и я не могу освободить тебя из этой клетки. Его пути — не наши.

— Возможно, это и не так, — Талахасси взглянула на блок, откуда доносилось ровное пощелкивание и с помощью которого Касти предпринял неудачную попытку подчинить ее мозг себе. — Вот там, я думаю, контроль над этой клеткой. Посмотри, что в передней части этого блока.

Предмет стоял боком к Талахасси, так что ей плохо была видна его передняя часть.

Айдис подошла к блоку, отведя руки назад, как бы опасаясь даже случайно прикоснуться к нему.

— Здесь панель. Над ней горит красный огонек. Ниже — ряд кнопок.

— Сколько их?

— Четыре.

Четыре и дальняя управляет той агонией, которую навел на нее Касти. Может, какая-нибудь из

трех остальных освободит ее? Слабый шанс, но Талахасси не хотела упускать его.

— Не трогай крайнюю направо от себя, но попробуй нажать крайнюю слева.

— Он говорил, что дотронуться до чего-нибудь здесь — значит умереть. — Айдис не пошевелила рукой.

— Если ты не хочешь помочь мне, зачем ты пришла?

— Используй собственную власть, — ответила Айдис. — Вы, с Высшего Пути, не раз говорили, как много можно сделать с его помощью. Я тебя предупредила, но трогать это порождение демонов не стану.

Айдис повернулась и убежала, словно ее преследовало нечто ужасное. Талахасси проводила ее взглядом. Да, в самом деле, пользуйся собственной властью. Действительно ли Айдис бежала в панике, или все, что она говорила, было обманом, желанием выведать, что предпримет в этой ситуации Талахасси с ее хваленым Талантом? Теперь уверенность девушки в том, что страх Айдис был искренним, несколько поколебалась. Правда и ложь могли быть так ловко смешаны, что их невозможно было разделить.

Талахасси преследовала мысль об этих четырех

кнопках. Ах, если бы она могла заставить Айдис нажать на них! Она смотрела на блок, словно могла одной своей волей овладеть его секретами и освободиться.

Одной волей! Память Ашок ответила на силу этого желания фрагментом воспоминаний. Неудачным, потому что она никак не могла его применить, использовать. Зато она узнала, что сама Ашок однажды была свидетельницей такого телекинеза. Но это сумели сделать несколько адептов, соединивших для этого свои силы. И это был исключительный случай.

Она закрыла глаза, чтобы отключиться от всего и постараться найти какой-нибудь намек на избавление в этой второй и урезанной памяти. Некоторые детали были такими отчетливыми, что можно было подумать, будто все это происходило с ней самой, другие же расплывались, тускнели, когда она пыталась закрепить их. Существовала возможность коснуться мозга животного, взять его под контроль, заставить выполнять какую-то задачу, которая была ему по силам. Правда, такие манипуляции с другими формами жизни не одобрялись, потому что всякую жизнь нужно уважать и человек не должен обращать в рабство другие виды. Но где же в

этой комнате можно найти что-то, на что можно оказать влияние, даже если у нее была такая сила влияния?

Где?

Талахасси напряглась. Это… это… дух, имя которого Акини. Он вернулся, она это чувствовала. Девушка открыла глаза и взглянула на клетку с жезлом. Он снова парил над ней.

Только Акини… тут не один.

Она не видела, но чувствовала теперь не одно ПРИСУТСТВИЕ. Она смотрела, старалась ровно и глубоко дышать.

— Акини! — Талахасси облизнула губы, произнося это имя вслух.

Возникла какая-то странная неподвижность, как будто невидимое остановилось и напряженно вслушивалось.

— Акини, — снова сказала она, уверенная, что ее слышат.

Волна эмоций внезапно толкнула ее с той же силой, как морская волна ударяет о скалу. Это были злоба, страх, но они относились к ней. Нет, эти чувства изливались на нее только потому, что она была здесь и в какой-то мере установила контакт с тем, кто их испытывал.

Но контакт был явно односторонним. Если

Акини знал ее или был, как она полагала, виновником всего, что случилось, он, конечно, мог и не ответить ей.

Кроме него, здесь колыхало воздух еще одно ПРИСУТСТВИЕ, некий призрак, дух, туманное очертание с шариком вместо головы, ручками-палочками, такими же ногами, с цилиндрическим телом… Он корчился, словно изо всех сил старался поставить это подобие конечностей на пол, но они колыхались и расплывались. Каким-то образом ему все же удалось направить их движение к клетке Талахасси.

Опять поток чувств — мольба, немой крик о помощи. Это опять он, Акини…

— Акини! — она собрала всю свою волю, потому что колыхающийся рядом с клеткой призрак вызывал в ней ужас, она заставила себя смотреть на него. — Я пленница, я не могу помочь тебе сейчас.

Понял ли он? Трудно было удержать в поле зрения его слабые расплывающиеся очертания. Одна из рук-палочек призрака стала вытягиваться, тянуть из себя паутину материи, из которой он был создан, пока в воздухе не поплыло что-то вроде большой змеи, тонкой, но длинной. Змея обнаружила клетку, из которой с ужасом смотре-

ла Талахасси. Девушка уже частично смирилась с призраком, который видела вначале, но тут было что-то другое, и оно все еще пряло свою субстанцию, утончаясь до нити.

Конец этой нити поднялся перед сеткой клетки. Талахасси закрыла лицо руками. Она знала, что произойдет. Нить вошла между проволокой смертельной клетки! Она добирается до Талахасси! Ее самоконтроль выключился. Она села, уткнув лицо в колени и закрыв руками голову. Конечно, это не было защитой, но ей казалось, что так она сможет устоять против того, кто охотится теперь за ней.

Холодное прикосновение к ее запястью — и вся рука запульсировала. Талахасси еще сильнее сжалась и застонала, не думая теперь ни о чем, кроме желания скрыться, спрятаться.

И вдруг ЭТО исчезло!

Чтобы убедиться в этом, Талахасси не надо было осматривать лабораторию, она и так знала. Его сдуло мысленным, а не физическим воздействием. В этот момент она только радовалась его исчезновению, своему освобождению, хотя не понимала, почему страх не проходит.

Скрипнула дверь. Вернулась Айдис? Она ни в коем случае не должна видеть Талахасси в таком

состоянии. Девушка пыталась овладеть своим дрожащим телом, справиться с растерянностью и, собрав остатки энергии, подняла голову.

— Как ты тут поживаешь, Великая Леди?

Талахасси вгляделась. Касти! Но сейчас Касти, хоть он и держал ее в клетке, был все-таки лучше того, что висело в воздухе и пыталось добраться до нее через решетку ее тюрьмы.

— Хочешь пить? — со злой насмешкой спросил он, затем подошел к раковине и потянул за конец трубки. Вода хлынула сильной струей.

— Вода, Великая Леди! Сейчас, я думаю, она показалась бы тебе слаще редчайшего вина. Разве не так?

Она потрясла головой, не столько отвечая ему, сколько пытаясь таким образом прояснить свои мысли. Касти был человеком, а тот, другой… Она вздрогнула.

Не хочешь? Здорово же тебя натренировали, — он отвернулся от трубки и снова начал крутить диск на цепочке. Но на этот раз Талахасси была предупреждена и закрыла глаза. Второй раз он ее не загипнотизирует…

— Глупая баба..

— Акини тоже был глуп? — спросила она.

Акини! Откуда ты взяла это имя? Работа твоих

шпионов?

В голосе его теперь была грубость. Он подошел ближе к клетке.

На ее губы как будто легла предупреждающая рука. Потому что за секунду до этого она почувствовала — Акини был снова здесь. И опять восприняла его злобу, которая была направлена на Касти, и отчаянный призыв к ней. Это была мольба о молчании, он просил ее молчать.

— Как и ваши работали в свою очередь, — ответила она, не открывая глаз, хотя ей казалось, что она больше не слышит свиста цепочки.

— Неважно. — Он снова овладел собой. — Ты, может быть, хочешь узнать об Узеркофе, поскольку он тебе родня. Так вот, он не «отправился на запад», как выражается ваш народ. Он будет жить, правда, калекой, и не испытывая к тебе никакой благодарности. А что касается тебя, Великая Леди, то я оставлю тебя твоим снам, но не думаю, что в эту ночь они будут приятными!

Талахасси услышала его шаги: он отошел от клетки, подошел к блоку с кнопками. Новое наступление на ее мозг? Она так измучена сейчас, что не сможет устоять, не сможет…

Слышала она или нет щелчок кнопки? Гул, мягкий и непрерывный, шел к ней, словно прово-

лочная сетка превратилась в струны арфы. Они пели, убаюкивали… Ее голова склонилась ниже, уперлась лбом в колени. Талахасси напрягала всю свою волю, чтобы не уснуть, но не смогла удержаться.

Клетки не было. Она шла по коридору и знала, что подходит к его концу. Это испытание новичка, который должен встретить смерть и возродиться снова, или никогда больше не вступать на Высший Путь. Страх крался за ней, за ее спиной, шагая в такт с ней, но Талахасси не оглядывалась, чтобы посмотреть, какую форму он принял. Она старалась идти размеренным шагом и дышать ровно, медленно, как дышат, чтобы лучше расслабиться. Позади остались годы храмовой тренировки, осталось только это последнее испытание, и тогда она докажет свое право на Власть, которая билась теперь в ней, ища выхода, а выход этот даст только посвящение.

Там висел темный занавес смерти — в жизни, а за ним надо будет встретиться с жизнью — в смерти. Ашок высоко держала голову, как будто уже несла на ней победную корону посвящения. Рука протянулась и отодвинула занавес. С мужеством воина она шагнула в глубокую тьму.

Это было последнее испытание. Годы занятий

и тренировки для познания самой себя и глубин своих мыслей, даже когда их неприятно было осознавать, подготовили ее к этой минуте, которая требовала очищения от страхов, породивших эти мысли. Никто не может обладать Властью, пока не научится полностью владеть собой.

Она была готова.

И все-таки какая-то борьба шла в ней. Нет, не с ее страхом. Это было что-то очень важное, предупреждающее. Но о чем? Ашок остановилась в этой всеобъемлющей тьме и попыталась понять.

Это… это же все было с ней раньше! Какая-то сила, действующая извне, вернула ее в прошлое. И у этой силы была лишь одна цель — через нее узнать тайны, которые никто из знающих не смеет выдать.

Что же было правдой, а что — сном? Может, предупреждение это фальшивое и послано ей как испытание? Она, в сущности, не знала, в чем заключалось посвящение, кроме того, что оно потребует от нее всех ее сил. И вдруг с самого начала такое ощущение, что сейчас это ложь?

Она подняла руки к голове, чувствуя, как они дрожат от напряжения.

Так что здесь правда и что ложь? О, как же это понять?

Паника… Нет, нельзя поддаваться панике! Она, Ашок из Рода, с самого рождения назначенная идти этим путем. Однако, правду можно проверить только одним способом, и Талахасси его знала. Она дисциплинировала свой мозг, отогнала панику и призвала тех гидов, что стояли наготове в ожидании ее зова.

Она ясно представила их себе. Но их не было! Она попыталась позвать еще раз. Нет. Здесь вообще ничего нет, она даже не чувствовала той собранности Власти, которая должка была быть вокруг нее.

Значит, все не так, как должно быть. Но… что случилось? Она качалась, борясь с силой, которая толкала ее вперед. Это принуждение шло извне, оно не было рождено ее волей!

Она была Ашок. Кто посмел вести такую опасную игру с одной из Рода? Кто посмел бросить вызов жезлу и ключу?

Она была Ашок… она была… она была… если нет, то кто? Ей показалось, что она застонала, но в этом абсолютном мраке не услышала своего стона.

Она была Ашок! Она должна быть ею, потому что, если она отодвинет Ашок, здесь останется чужая, а она не выживет. Нет, этот натиск был

делом шпиона: он хотел через нее узнать тайны Высшего Пути. И настойчиво вытягивал их из ослабевшего мозга. Кто смеет таким образом пользоваться ею? Только один Касти!

Это имя, мысленно произнесенное ею, смахнуло чары: исчезла тьма ритуального зала. Теперь Талахасси стояла на открытом пространстве под палящим солнцем северной пустыни. Перед ней лежали развалившиеся стены древней гробницы.

Она торопилась к ним, вернее, скользила по песку, больше летела над ним, чем шла.

Тут был Храм, разрушенный временем и вражескими набегами в древности, но все-таки еще стоящий. Перед Талахасси была большая статуя Апедемека, кому поклонялись она и ее клан. Статуя стояла, как напоминание о чем-то таком, чего ни один художник не может ухватить и воплотить в камне.

Слепые глаза смотрели поверх Талахасси, руки, сжимающие жезл и ключ, тоже были выше ее. Но талисманы не были каменными: они пылали жизнью, пульсировали мощью. Ей оставалось только подойти и взять их. Все погрузилось во мрак. Она подошла и стала тянуться к ним все выше и выше, но не могла даже кончиками

пальцев коснуться жезла. Она яростно продолжала попытки, совершенно точно зная, как при помощи посвящения власть жезла должна соединиться с властью ключа и что произойдет от такого союза.

Она была Ашок, она одна имела право коснуться Вещей прошлого. В ней росла Власть, она знала, как поднять ее, чтобы воспользоваться ею, заставив ее усилиться и излиться, когда это будет необходимо. Она была Ашок.

Гробница заколыхалась перед ее глазами, как нарисованная на ткани. В ней появились обширные дыры. Она расползлась на куски и, наконец, исчезла. Перед Талахасси было ничто, пустота, что хотела вторгнуться в ее мозг, вымыть из него все знания, даже саму ее личность… Нет!

Она собрала Власть, притянула ее к себе. Пустота не добралась до нее, потому что она была Ашок.

Она видела, как пустота в свою очередь рушится не медленно, как распадалась гробница, а сразу. Перед ней возникли предметы. Она была уже не в храме, не в северной пустыне, она была…

В клетке!

За решеткой стоял Касти, глядя на Талахасси прищуренными глазами.

В первую минуту девушка была удивлена и озадачена, но тут же поняла, что произошло и что он пытался сделать с ней. Касти хотел узнать священное, запретное и потому заставлял Талахасси-Ашок пережить во сне ее посвящение. Так страшно и так опасно то, что он сумел послать ее далеко в прошлое, но она победила!

— Ты сильнее, чем я думал, — медленно произнес он. — И все-таки недостаточно сильна. В этот раз я сумел довести тебя только до порога, но в следующий раз ты его переступишь. Голод и жажда истощат твое тело, и ты не выстоишь против меня. Талахасси не ответила. Зачем? Он установил рамки их борьбы и то, что она должна вынести.

— Удивляюсь, — задумчиво продолжал он, — в тебе есть что-то, чего я не понимаю, и это не в твоей природе, потому что это регистрируется, несмотря на твое упрямство. Послушай, Великая Леди, у меня есть такие ресурсы, о которых вы в этом мире представления не имеете…

— В это мире? — наконец, заговорила она. — Значит, ты из другого мира, Касти?

Наверное, он понял, что проговорился, потому что нахмурился. Но потом, видимо, решил, что это не имеет значения, поскольку ответил:

— Есть много миров, Великая Леди. Разве в вашем «учении», — он с насмешкой произнес это слово, — не намекается на такое?

— Мы знаем, что есть дальние миры. Достаточно взглянуть на звезды, которые являются солнцами. Многие из горячих миров мы не можем видеть, — спокойно ответила она, хотя внутренне тревожилась, не подобрался ли он чересчур близко к Талахасси, которая спала в то время, как Ашок старалась победить ее сон. Но теперь-то она бодрствует.

А что говорят о таких мирах ваши легенды? — продолжал Касти.

Талахасси пожала плечами.

— Зачем ты спрашиваешь, Касти? Ты наверняка знаком с ними с давних пор. Может, ты скажешь теперь, что пришел из Такого мира? Не надеешься ли ты, что я стану смотреть на тебя, как на бога, потому что у тебя есть знания, которых нет у нас? Знания бывают разные, их много видов, и приходят они из разных источников. Твое знание построено на том, что находится вокруг нас в этой комнате. Это не наше, ни один человек из нас не приспособлен к пользованию им. Я могу повторить, что оно, возможно, неземное…

Он еще больше нахмурился.

— Значит, подобная мысль тебя не тревожит?

— С какой стати? — ответила Талахасси. — Ты хочешь, чтобы я видела в тебе демона, как те, неученые? Ты не нашей породы, а то, что мы слышали о варварах, к тебе тоже не подходит. Значит, ты пришел из таких мест, которых мы не знаем. Доказательством этому служит то, что, ты здесь и вмешиваешься в наши дела, — она снова пожала плечами.

— Вмешиваюсь в ваши дела, — повторил он. — Теперь ты это увидишь, я полагаю. А что, если я предложу тебе…

— Купцы не предлагают торговлю на острие меча, — отрезала она и с удовольствием увидела в его глазах ответное пламя Ей так хотелось уколоть его! — Ты не торговать хочешь снами, ты хочешь Империю. Так что я еще не знаю, есть ли в тебе такое желание править, что ты готов захватить все, что можешь, как жадный нищий, набивающий рот обеими руками, чтобы съесть как можно больше и быстрее. Почему ты сегодня так откровенен со мной, Касти? Или это потому, что ты не сломал меня так быстро, как рассчитывал? Разве твое время для вмешательства в чужую жизнь ограничено?

Он молчал, и на нее нахлынула волна торже-

ства. Значит, ее догадки были правильными! Кто и с какой целью поставил этот лимит времени? На этот вопрос пока нет ответа. Однако, считала Талахасси, в этом обмене сведениями она получила больше, чем Касти, который хотел хоть что-нибудь выведать у нее о науке Амона. Она была зла на него, но страха перед ним не испытывала.

— Для женщины ты очень быстра и смела на слова.

— Значит, в вашей породе, Касти, женщин считают низшими? Варварское понятие. Я слышала, что женщины варваров, живущих на севере, когда выходят за них замуж, становятся имуществом мужчин. У нас не так. Тебя это злит?

— Нет, меня это вовсе не злит, просто я удивляюсь, что ваши мужчины настолько безмозглы, что допускают это, — спокойно и холодно сказал он, но Талахасси чувствовала затаившуюся в нем злобу. — Всем известно, что женский мозг примитивней…

— Примитивней чего, Касти?

Он не ответил, повернулся и вышел. Пока за ним не захлопнулась дверь, она тревожно ждала, не сделает ли он чего-нибудь еще, проходя мимо блока. Он мог опять заставить ее вспоминать

свое посвящение и дать ему почти все то знание, которого он так добивался.

Талахасси опять была одна. Вода по-прежнему капала в раковину. Касти специально оставил ее. У девушки пересохло во рту. И пустой желудок тоже начал настойчиво напоминать о себе. Талахасси прижала к нему руки, как будто одним прикосновением могла убедить его, что не так уж он и голоден.

Ах, если бы Айдис попробовала нажать кнопку! Одна из четырех должна была открыть клетку! И вот она должна сидеть здесь взаперти для удовольствия Касти. Талахасси попыталась занять свой мозг теми случайными намеками, которые он обронил. Действительно ли он из другого мира? В памяти Ашок сохранились старинные сказания о «Небесных лордах» с их удивительными знаниями, посетивших Кем тысячелетия назад. Память Талахасси готова была неразумно болтать о летающих тарелках и о предположениях насчет древних космонавтов, давших толчок к развитию цивилизации в этом времени и мире.

Но мог ли Касти проскользнуть через щель в пространстве-времени, как случилось с самой Талахасси, просто шагнуть из другого мира, похожего на этот, но шедшего по другим путям

истории? Это, в сущности, неважно. Главное состоит в том, что он не только здесь, но и готовится привить Амону собственный стиль жизни.

Как хочется пить! Вода капает… Талахасси до того голодна, что чувствует, как к ней подступает дурнота. Долго ли она сможет продержаться? Она даже не знает, давно ли сидит здесь. Внушенное Касти беспамятство могло быть и долгим.

У нее разболелась голова и от сильного света, и от сосущего голода. Похоже, что ее мужественное сражение с потребностями тела будет проиграно. Талахасси снова опустила голову на колени. Она готова была уснуть в полном изнеможении.

Что-то холодное дотронулось до ее локтя, и из этой точки по руке разлилась пульсация. Похоже было и раньше. Мозг, казалось, стал медлительным, мысли ворочались с трудом. Что это?

Она едва разлепила веки. На этот раз ее экстрасенсорность притупилась и не тревожила ее. По ту сторону клетки в воздухе извивался тот самый призрачный змей, который так напугал ее перед приходом Касти. И сейчас он снова просочился через сетку, чтобы дотронуться до Талахасси.

Даже страх пробуждался в ней сейчас медленно. Она не сделала ни единого усилия, чтобы избежать этого жуткого прикосновения. Суще-

ство впилось в ее плоть. Теперь оно больше не было таким тонким, таким разреженным. В тупом ужасе Талахасси смотрела, как нить становится молочной и непрозрачной. В то же время она понимала, что таким путем у нее отнимают силу. Под этой нитью двигалось что-то темное, оно наливалось жизнью, становилось крепче. Талахасси отчаянно старалась оторвать от себя эту нить, но не могла: она прилепилась к руке и сосала, сосала…

Талахасси слабо вскрикнула. Как ни храбро она разговаривала с Касти, как ни старалась остаться сама собой, бороться с этим она больше не могла. Она слишком устала, чтобы защищаться.

Девушка со стоном упала на пол; существо все еще питалось, если только этот вампиризм можно было назвать питанием. Затем, прежде чем она полностью была опустошена, существо отпустило ее. Она с удивлением увидела, что в воздухе появилось что-то еще, и решила, что это Акини. Теперь он был молочно-белый и у него была рука с гибкими пальцами.

Открыв от изумления рот, Талахасси поднялась на колени. Рука махала в воздухе, как бы собираясь выполнить какое-то действие. Очертание фигуры изменилось, будто ей было не по силам

держать форму.

Теперь она повисла перед ящиком с кнопками. Опять сон? Может, это существо послано Касти, чтобы продолжить ее мучения и превратить ее в послушное орудие?

Рука метнулась вперед. Талахасси не могла видеть, что она там делает. Конечно, в сетке вокруг нее не произошло никаких перемен. На минуту ее охватило горькое разочарование. Если рука призрачного существа не намеревалась ее убить, то, может быть, она поможет ей? Нет, ничего не случилось. Она как была, так и осталась пленницей.

Талахасси видела, как рука увядает, как пальцы теряют форму и становятся пучками материи, из которых были составлены. Существо, опять ставшее бесформенным, снова двинулось, но не к клетке, а к столу. Талахасси и оглянуться не успела, как оно уже повисло над клеткой с жезлом и ключом.

Может быть, оно…

Сердце Талахасси подскочило. Пусть она не свободна, но тот, другой… Она следила за меняющей свою форму каплей, в которую оплавилась рука призрака. Капля прошла сквозь сетку клетки, дотронулась до острия жезла и, быстро отпрянув,

рассеялась, исчезла.

В воздухе почувствовалось напряжение. Акини исчез, откинутый силой, которой хотел воспользоваться. Но что он делал у контрольного ящика? Может, вывернул какой-нибудь невидимый защитный механизм, который Касти поставил для охраны украденного?

Ашок… Ашок знала, что могло быть сделано. Если бы Талахасси полностью растворилась в Ашок, это, конечно, дало бы шанс на спасение. Но если она растворится, то сможет ли когда-нибудь опять стать собой?

Только… только она считала, что за возможность победы можно заплатить даже такую цену, как потеря самой себя. Она закрыла глаза, настойчиво вызывая память Ашок, и открыла свой мозг, уступая его…

Талахасси села. Тело ее, по правде говоря, ослабело, но она все еще могла собрать какое-то количество внутренней энергии и молилась, чтобы ее оказалось достаточно для того, что предстояло сделать. Она пристально уставилась на драгоценную головку жезла.

— Иди ко мне! — приказала она со всей силой, какая у нее осталась. — Иди ко мне!

Жезл медленно поднялся с поверхности, на

которой лежал, своим более легким концом. Его тяжелая, украшенная драгоценным камнем верхушка стремилась к проволочной сетке клетки.

— Иди ко мне!

Верхушка жезла все сильнее давила на стенку клетки. Талахасси собрала всю силу, что была в ней. Клетка покачнулась и упала набок. Она была без дна и жезл оказался на свободе. Он взвился в воздух, понесся к Талахасси, которая звала его, и, как копье, ударился в клетку. Брызнуло ослепительное пламя, заставившее Талахасси вскрикнуть, но она успела защитить глаза. Когда же девушка рискнула снова взглянуть, то увидела, что жезл лежит на полу. Там, где он пробился через сетку, чернело пятно, быстро расползавшееся дырами. Металл гнил на глазах, как испорченный гриб.

За увеличивающимся отверстием она увидела ключ и слабо подняла руку.

— Иди! — еще раз приказала она.

Ключ поднялся медленно, лениво, потому что она звала его из последних сил. Но он повиновался ей, двигаясь по воздуху толчками, и, наконец, опустился на ее дрожащую ладонь.

Дыра в сетке была уже достаточно большой, чтобы выйти через нее из клетки. Прикосновение

ключа влило в Талахасси новые силы. Она вышла на волю, подняла жезл и встала в полной своей силе со своим оружием в руках.

Такое использование власти произвело возмущение во всей атмосфере.

Если в этом здании был кто-нибудь, обладающий хоть крохой Таланта, он предупрежден. Она ждала и прислушивалась, включив для этого не слух, а мозг. Талахасси пользовалась для этого новой силой, пришедшей к ней из талисмана ее, Ашок, народа.

Она не могла сразу уловить ответ по волнам энергии, которые послала. Но у нее был долг по отношению к тому, кто хотел спасти ее или хотя бы помог освободить жезл. А долги тяжело ложились на идущего по Высшему Пути.

— Акини! — крикнула она мысленно тому, кто пришел ей на помощь. Она не знала, чего он хотел от жезла или ключа. Но было совершенно очевидно, что он не собирался отдавать их в руки Касти, поскольку он сделал все возможное, чтобы освободить их.

Но здесь была мысленная тишина. Не сгорел ли Акини, когда хотел коснуться жезла? Почему-то Талахасси в это не верила.

Она шагнула к раковине, где капала из трубки

вода. Взяв жезл и ключ в одну руку, она подставила вторую под тонкую струйку, набрала в ладонь воды, поднесла ее к губам и осторожно выпила. Она повторяла это до тех пор, пока не напилась досыта.

Голод, конечно, тоже донимал ее, но с этим, по крайней мере, можно подождать. И Талахасси пошла к двери. Сначала она покачивалась от слабости, но с каждой минутой слабость уменьшалась, поскольку ей помогали талисманы, и, наконец, она пошла совсем уверенно.

На двери не было ни ручки, ни кнопки. Конечно, можно было бы воспользоваться зарядом жезла и прожечь себе путь, но ей не хотелось зря тратить энергию. Девушка нажала на дверь ладонью, и та поддалась. Талахасси осторожно приоткрыла ее и прислушалась, затаив дыхание. За дверью было темно. Она подождала, убедилась, что ничего не слышно, и выскользнула из комнаты.

Жезл и ключ давали достаточно света. Талахасси увидела, что стоит в узком коридоре, разделяющемся на два рукава. Неизвестно, куда они вели, но надо было выбрать направление. Она почувствовала странную пустоту, словно вход здесь был закрыт для всего живого.

Налево? Направо? Она поворачивала голову, как бы спрашивая, какой путь приведет ее в знакомый мир. И в конце концов пошла направо, держа ключ и жезл прямо перед собой, чтобы как можно лучше освещать путь.

Кроме двери в лабораторию, других дверей здесь больше не было. Коридор сужался. Было очень темно и в воздухе чувствовалась непонятная тяжесть. Может быть, она приближалась к какой-нибудь древней гробнице, которую не тревожили очень долго?

Затем коридор неожиданно закончился лестницей вниз в такой густой мрак, что свет жезла и ключа туда не доходил.

Видимо, Талахасси ошиблась и надо было идти налево. Конечно, можно вернуться, но вдруг ее бегство уже обнаружили?

Несмотря на то, что Талахасси черпала энергию из талисманов, она страшно устала. К усталости добавился голод. Идти вниз, в эту темноту — безумие. Вернуться?

Она почему-то насторожилась и оглянулась. Вскоре до нее донеслось эхо чьих-то шагов. Кто-то шел в сандалиях, ее же босые ноги переступали бесшумно. Потом мелькнул свет, но очень слабый и далеко позади. Слышно было, как распахнулась

настежь дверь лаборатории. Касти! Ей ничего не оставалось, как спускаться в темноту, поскольку путь налево был отрезан.

Сердце Талахасси сильно колотилось. Да, у нее в руках было это странное оружие, но она не имела представления, как им управлять. Она не сомневалась, что Касти пустится за ней в погоню. Но кое-что можно сделать…

Талахасси повернулась лицом в ту сторону, где была дверь в лабораторию, подняла жезл и ключ и стала водить ими в воздухе, рисуя невидимые линии силы, одновременно произнося шепотом Слова Власти. Пусть себе Касти идет. Он встретится с чем-то, что, может быть, не окажется препятствием для его тела, но ударит в мозг, пусть даже этот мозг и чуждый.

Затем она стала спускаться. В коридоре наверху было сухо и холодно, а здесь, пока она осторожно ступала со ступеньки на ступеньку, становилось все холоднее, а воздух, хотя и казался странно-мертвым, был влажным.

Новая Напата стояла у реки. Может быть, эти переходы были поблизости от тех мест, где река была давно перекрыта?

Талахасси прислушалась к выкрику позади и к какому-то звуку внизу. Запечатывая этот

путь для своей защиты, она потратила энергию жезла и ключа. Теперь их излучение ослабело и освещало не более одной ступеньки впереди. В ноздри ударили запахи сырости, гниения, еще чего-то тошнотворного. А ступени все шли и шли вниз, в самую глубину мертво-черной шахты. Талахасси не могла представить себе, кто прорыл этот ход и кто пользовался им. Ведь и Ашок тоже не знала о нем.

Лестница вела все ниже и ниже. Талахасси так устала, что дрожала с головы до ног. Только разум ее оставался ясным. Достаточно ясным, чтобы…

Она остановилась на скользкой от сырости ступеньке и подняла голову. Здесь ощущалось ПРИСУТСТВИЕ.

— Акини?

Нет, их много. Они собирались вокруг жезла, как путники в необитаемой местности жмутся к костру на привале, чтобы согреться. А их притягивает к талисману.

Она оказалась права: один из них был Акини. Но кто другие? Если бы она могла общаться с ними, узнать, чего они хотят! Их чувства и желания касались ее мозга, врастали в ее мысли. Алчные устремления. Как ее глодал телесный голод, так какой-то еще более сильный голод,

еще более могучая потребность раздирали эти призрачные существа. Этот голод устремлялся к тому, что она несла. Им нужна была не она, а только талисман!

—

Акини! — снова окликнула она ПРИСУТСТВИЕ, чье имя она знала.

— Дай… нам… жизнь…

Вибрация мысли была такой слабой и далекой, что Талахасси с трудом уловила ее.

Жизнь? Разве жезл и ключ означали жизнь для этих клочков личностей?

— Жизнь! — на этот раз слово было произнесено, хотя не отчетливее, но более требовательно.

Талахасси крепче сжала талисманы. Ей казалось, что духи будут пытаться отнять их у нее. Но они были слишком слабы для этого.

Она глубоко вздохнула и сказала:

— Выведите меня отсюда, если можете, и я, обладающая Властью, постараюсь дать вам жизнь!

Можно ли договориться с этими погибшими душами? А если Талахасси решилась на такую сделку, как она сможет выполнить свою часть договора? Этого она не знала. Но были Зилаз, Джейта и другие, идущие по Высшему Пути, — они, безусловно, смогут дать духам либо жизнь,

либо вечный покой.

Слабое дерганье за талисманы прекратилось. Но духи не исчезли, как она надеялась. Возможно, они поняли. Если они порождение этого мрака, то наверняка знают все нижние переходы.

— Акини! — Она мысленно задала ему этот вопрос.

Что-то коснулось ее руки. Она взглянула. Нитевидный усик. И через него прошла мысль:

— Вперед!

Ей оставалось только поверить. Если этот их договор имеет силу, она выиграла. Но поскольку возврата нет, ей придется безропотно его принять, что бы ни случилось. Акини был здесь, другие тоже, правда, они держались в отдалении.

Лестница кончалась. Здесь скверно пахло, воздух был таким плотным, что Талахасси дышала с трудом. Но ей не пришлось идти далеко: нить, касавшаяся ее руки, указала на каменный блок в стене направо, едва заметный при слабом свете.

Талахасси крепче сжала ключ и жезл. Здесь когда-то была древняя арка, но сейчас она была заделана каменными плитами. Талахасси подняла жезл и потребовала его высшей энергии. Его верхушкой она провела по верху камня, тихо на-

певая древнюю песнь строителей. Ашок никогда еще этого не делала и даже не была уверена, что знает слова, высвобождающие такую энергию. А в те дни, когда работали строители с Талантом, она объединяла свою волю для одного усилия.

Однако камень шевельнулся. Талахасси медленно отвела жезл к себе, камень двинулся за ним и упал к ее ногам. Как много силы потребовалось, чтобы сдвинуть один камень! Сможет ли она столкнуть и другой? Во всяком случае она подняла жезл и снова зашептала слова песни.

И опять камень повиновался призыву ее Таланта.

Три больших блока были выбиты. Нет, больше она не может! Ее качало, все расплывалось перед глазами! Но ведь дыра теперь достаточно широка, чтобы в нее пролезть!

Единственная одежда Талахасси разорвалась, на руках и ногах появились кровавые ссадины, но она все-таки пролезла в дырку и теперь стояла в другом темном коридоре. Здесь было не так сыро и откуда-то шел поток воздуха.

Талахасси плелась вперед, с трудом держась на избитых и стертых ногах. В узком коридоре ее качало из стороны в сторону и она обдирала о камень то одно плечо, то другое. Но прямой путь

был очень коротким: снова лестница очень узкая, очень темная, но на этот раз ведущая наверх.

Талахасси еще тащилась по лестнице. Весь мир сузился до этих грубых ступенек. Наконец, появилась площадка. В стене направо, чуть ниже глаз Талахасси, было смотровое отверстие, откуда шел бледный свет. Она смогла увидеть лишь малую часть того, что было за стеной, но и этого оказалось достаточно, чтобы подбодрить ее: перед ней был внутренний двор, в который выходили окна личных комнат Налдамак во Внутреннем Дворце!

Тут не было никаких признаков двери, да Талахасси, конечно, и не хотела слепо лезть во двор — ведь она не знала, с чем ей придется там встретиться. Так что снова наверх…

Опять площадка. Нет, это конец лестницы. Она заглянула в другой глазок. Там было темно или отверстие было занавешено. Она ощупала стену перед собой. Наверняка есть какой-то способ открыть ее!

Ее пальцы обнаружили впадину в камне, и она навалилась на нее всем своим телом, чтобы скрытая щеколда отошла.

Талахасси упала через узкое отверстие и запуталась в занавесе, который она почти сорвала

при падении. Голова и плечи ее лежали на ковре. Она вдохнула свежий воздух с нежным ароматом духов, и он очистил ее легкие от вони темных коридоров внизу.

Талахасси так вымоталась, что даже не пыталась двинуться. Встань сейчас перед ней сам Касти — у нее не хватило бы сил взглянуть на него.

Чей-то испуганный крик привел ее в себя. Она чуть-чуть приподнялась на локтях и смутно увидела знакомое лицо.

— Сэла…

— Великая Леди!.. Где…

— Сэла! — с трудом заговорила Талахасси. — Никто… не должен… найти меня…

Старая няня Налдамак… Поймет ли она?

— Никто… Сэла… Кандис в опасности. Никто… не должен… знать… что я здесь…

— Великая Леди, никто не узнает! — в этом старом тонком слабом голосе звучала обычная уверенность. — Леди, я не могу нести тебя. Можешь ли ты идти?

Слова доносились до Талахасси словно бы издалека. Она постаралась подняться.

— Голодная… такая голодная… но… никто не должен… знать…

Ключ и жезл лежали там, где она их уронила при падении. Талахасси подтянула их к себе.

— Сэла, — сказала она склонившейся над ней женщине, — одежду для Драгоценных Вещей. Их надо спрятать.

— Да, Великая Леди, — этот голос нес утешение. Сгорбленная от старости фигура исчезла и тут же вернулась с длинной полоской тонкой расшитой ткани — покрывалом со стола. Она с трудом опустилась на колени перед Талахасси, расстелила перед ней ткань и присела у ног девушки, пока та медленно заворачивала талисманы в тугой сверток.

— Сэла… куда?

— Великая Леди, не беспокойся, они будут в безопасности!

Сэла встала, и Талахасси с благодарностью доверила сокровище ее протянутым рукам. Во всей Новой Напате не было более верной души, потому что весь мир для Сэлы был и оставался в Налдамак.

Талахасси не помнила, как она добралась до постели. Но когда она проснулась, в комнате было темно, горела лишь одна дальняя лампа. А рядом на стуле сидела Сэла и клевала носом.

— Сэла! — сказала Талахасси хриплым шепо-

том, и няня тут же наклонилась над ней.

— Ах, Леди, — она дотронулась до плеча Талахасси, где была повязка с мазью. — Ты пришла в себя?

— То есть?

— Ты говорила так странно, я не знаю этих слов. Я кормила тебя супом, поила вином, а ты как будто не узнавала меня. А твои бедные руки, твои ноги… Леди, что с тобой случилось?

— Я была пленницей… недолго…

Она говорила слова, которых Сэла не понимала. Стала действовать другая часть ее памяти. Она была Ашок… нет, еще кем-то. Кем? Талахасси! Значит, эта часть ее «я» не похоронена, как она опасалась.

— Как Кандис?

Лицо Сэлы омрачилось.

— Великая Леди, мне ничего не говорят. А с тех пор, как ты пришла, я не выходила отсюда. Тут есть девушка-служанка, она новенькая, поступила после того, как ты уехала из Напаты, но она из моей родной деревни и я могу доверять ей. Она принесла еду и сказала, что ходят слухи, будто Кандис погибла в пустыне, когда поднялся песчаный шторм. В городе об этом повсюду шепчутся. Но, — Сэла недоверчиво вздернула

подбородок, — я этому не верю. Моя дорогая Леди мудрая, очень мудрая, и у нее были серьезные причины остерегаться даже тени, так что с ней были ее Присягнувшие-на-Мече 12 человек, переодетые придворными дамами и служанками.

Решай сама, мог ли ее коснуться вред? Я не считаю, что она погибла в шторме, скорее она хочет, чтобы так думали ее враги. Но что могло случиться с тобой, Великая Леди? Ведь мы считали, что ты спокойно живешь в Гизане.

Талахасси коротко рассказала о происшедшем. Сэла прямо шипела от негодования.

— Значит, есть тайный путь, и он выходит в эту комнату! Это зло, Великая Леди! Но ты спасла от беды Драгоценные Вещи, и когда Кандис вернется, все будет учтено!

Талахасси села. Ее усталое и разбитое тело протестовало против малейшего движения. Она не чувствовала себя в состоянии сражаться в одиночку с таким сильным врагом, как Касти.

— Не может ли та девушка, о которой ты говорила, добраться до виллы? Я не знаю, живы ли Джейта и Хериор…

— Живы, Великая Леди. Ты спала два дня и три ночи. Ты, похоже, не просыпалась даже тогда, когда я тебя кормила Так что ты не знаешь.

Принц-Генерал со своей армией на северных дорогах. Он собрал все полки, в верности которых уверен. Я думаю, что он охраняет путь для Кандис.

А дочь Апедемека пришла к стенам Напаты и официально принесла пропуск. Ее видели многие. Но Храм закрыт каким-то подлым колдовством этого демона из пустыни, и никто ничего не знает о тех, кто внутри Храма.

Говорят, что принц Узеркоф тяжело болен, так что всем домом командует его жена. И никто не знает, где скрывается Касти и какое зло он замышляет.

Сэла с трудом отдышалась после этого потока слов.

— Нельзя ли послать письмо Принцу-Генералу?

— Великая Леди, на воротах какое-то удивительное колдовство. Они открыты, но никто не может в них пройти. И народ очень испуган. Но вот что странно, Леди… Я видела это собственными глазами, когда выходила на балкон посмотреть, не летит ли флайер Кандис…

— Что видела?

— Человек не может перейти через барьер, который поставил на ворота этот подлец, а жи-

вотное может Ослик фруктовщика вырвался от своего хозяина, пока тот спорил со стражей, и прошел через ворота как ни в чем не бывало. Но когда хозяин хотел бежать за ним, у него это не вышло. А ослик ходил себе туда и обратно!

— Животное может пройти, — вслух размышляла Талахасси, — а птица?

— Птица летает высоко, — ответила Сэла. — Но разве животное может служить твоим планам, Великая Леди?

Голуби могли бы, подумала Талахасси, будь это в моем времени и под рукой нашлась бы подходящая клетка с тренированными птицами. Но ни ослик, ни даже лошадь, хоть и пройдут через ворота, не отвезут послания. Это была глупая и бесперспективная идея, однако мозг Талахасси цеплялся за нее.

Если бы можно было добраться до Храма, никакой проблемы не существовало бы. Там скрывалось несколько человек, настолько тренированных в Таланте, что они могли путешествовать вне тела. Один из таких людей мог бы дойти до Джейты и передать послание, тем более что их тренировка частично и предназначалась для таких случаев. Но, видимо, Касти предвидел это и поставил такой же барьер, как у клетки, в

которой держал ее, и если бы не дух…

Дух… Акини!

Она повернулась к Сэле.

— Сэла, ты хорошо знаешь дворец и тех, кто в нем живет? Ты слышала такое имя — Акини?

Это имя подействовало на Сэлу, как неожиданный удар гонга.

— Акини! Великая Леди, ты знаешь об Акини? Его мать каждый день сидит во внутреннем дворе и ждет его. Она выплакала все глаза, но все еще не верит, что он исчез, не сказав ей ни слова. Он был носителем опахала при принце Узеркофе и в один прекрасный день пропал! Никто не знает куда, но только одна его мать не хочет верить, что он сбежал с варваром.

— С каким варваром?

— Один варвар пришел в Новую Напату с посланием к Кандис, но та уже уехала на север. По нашим законам, как тебе известно, он не мог оставаться в городе после трех закатов. Но принц Узеркоф принял его. Говорят, что варвару очень понравился Акини. Он предложил хорошую плату за то, чтобы Акини пошел с ним на побережье и разговаривал за него с теми народами, через чьи страны они должны проезжать. Но мать клянется, что Акини и не думал ехать с ним. Она

умаляла офицеров Кандис узнать, что случилось с ее сыном.

— А что за человек этот варвар?

— Великая Леди, ты знаешь, что северные варвары не похожи на нас — у них волосы другого цвета и кожа очень светлая. Но этот человек не походил на них. Он мог быть одним из древних Кема, потому что выглядел сродни тем древним статуям, что хранятся во дворце Дальней Памяти, Он плохо говорил по-нашему и так осматривался вокруг, как будто все было для него чужим.

— Он не искал Касти?

— Нет, Великая Леди. Пока он был в Новой Напате, Поклявшиеся-на-Мече не спускали с него глаз, потому что варварам не полагается бродить свободно по нашим городам. Нет, он мечтал увидеть Кандис, а когда попросил отвести его к той, кто правит вместо нее, то она (Талахасси поняла, что это относится к Айдис) велела передать ему, что ее муж из Рода.

Не знаю, поверил ли он этому или нет, но была только одна официальная аудиенция. Больше они с принцем Узеркофом не встречались. И варвар в конце концов уехал…

Другой Касти? Им и одного более чем достаточно, подумала печально Талахасси. Значит, Акини

реально существовал. Сэла лично его знала. Но чем был Акини теперь? И каким образом его так изменили, что он существует только как дух, витающий в воздухе? Бесспорно, это дело рук Касти. Ах, если бы увидеться с Зил азом! Ведь даже память Ашок не могла дать ответа на эту загадку.

Было и множество других вопросов. Как ей связаться с Джейтой и Хериором? Как успокоить их, сказать, что талисманы уже не в руках врага? Животное может выйти, но ненаправленно. А что оно сделает потом? Ненаправленно… Талахасси стала рассматривать это. Собака бежит к хозяевам издалека, нюхая след. Кошки, как было известно в ее времени и мире, преодолевают большие расстояния, чтобы вернуться домой, если их увезли или потеряли из машины во время экскурсии.

Хериор с начала своей службы жил в Новой Напате, но в доме бывал редко. Вряд ли он оставил бы здесь любимое животное. Но… надо подумать. Есть шанс, очень слабый и довольно-таки невероятный шанс…

— Сэла, кто живет сейчас в помещении Принца-Генерала? Не можешь узнать?

— Могу, только для этого понадобится время, Великая Леди. Я здесь доверяю очень немно-

гим. Тут есть одна Поклявшаяся-на-Мече, она была больна, когда Кандис уезжала, но теперь поправилась. Я ухаживаю за ней. Я приведу ее к тебе, она будет тебе полезна и, возможно, сумеет разнюхать, что делается в городе. Но сначала, Великая Леди, ты должна поесть. Ты так исхудала, словно очень долго болела.

— Ладно.

Сэла повиновалась, извинилась, что еда немного остыла, но служанка тайком принесла на подносе обычную порцию, якобы для самой Сэлы, которая добавила сушеные финики, сыр и булочки — то, что было спрятано у нее лично.

Сэла одела Талахасси в одно из самых простых платьев Кандис, повязала ее стриженую голову льняной головной повязкой. Поглядев в зеркало, девушка согласилась, что она похожа на восставшую из гроба.

Она все еще испытывала жажду и все время пила воду или фруктовый сок. Наконец, она была готова встретиться с амазонкой из гвардии Налдамак, от которой зависел ее в общем-то смутный план.

Когда Сэла привела в дом девушку-воина, Талахасси все еще сомневалась, удастся ли выполнить задуманное.

— Великая Леди!

В глазах амазонки ясно читалось изумление, но она тут же склонилась в приветливом поклоне. А память Ашок признала в ней девушку, призванную из одного из северных владений. Ее семья служила трону много поколений.

— Приветствую, Манита. Сейчас у нас мрачное время. — Талахасси решила сразу перейти к делу.

— Правда, Великая Леди У тебя есть поручение для меня? — Девушка была умна и тоже пошла прямо к цели.

— Если сможешь, пойди в жилище Принца-Генерала Хериора и принеси какую-нибудь вещь, которая была близка к его телу. Может быть, что-нибудь из одежды, которую он носил, но только не стиранную. Хотя, наверное, это вряд ли удастся найти. В крайнем случае, какую-нибудь вещь, которую он недавно держал в руках.

— Великая Леди, сходить туда можно, но принести оттуда то, что ты желаешь, будет трудно. Но я постараюсь.

— Да, вот еще что: если тебе удастся добыть вещь, которая сохранила запах Принца-Генерала, тогда приведи ко мне из псарни Ассара.

— Леди, сказано — значит, будет сделано, —

амазонка повернулась к няне. — Мне нужны перо, чернила и бумага. Наверняка их можно найти в кабинете Кандис.

— Я сама принесу все Великой Леди. Тебе лучше не выходить из этой комнаты. Во внутренних коридорах тебя могут принять за служанку из покоев Узеркофа и тогда тебе трудно будет объяснить, чего ты тут расхаживаешь.

Талахасси невольно взглянула на стену, где висела драпировка, закрывающая тайный ход. Сэла слегка улыбнулась, хотя лицо ее все еще было печальным.

— Никто не пройдет этим путем, Великая Леди. Я поставила там сигнализацию, ту самую, которую Кандис ставила у своей двери, когда не хотела, чтобы ее беспокоили. Ты можешь быть спокойна.

Как могла Талахасси быть спокойной? Задержит ли эта защита Касти, если он доберется сюда? Нет, она все время должна быть настороже. Ее внимание будет делиться между этой занавешенной стеной и сундуком, куда Сэла положила узел с ключом и жезлом.

Талахасси положила перед собой на стол «сестры» лист толстой бумаги. Глядя на него, она рассеянно крутила в руках ручку. На миг ей стало

страшно. Конечно, она могла написать письмо на своем языке, но кто его прочтет?

Но память Ашок и тут пришла ей на помощь. В мозгу тут же словно открылась потайная дверца. И перед ее мысленным взором медленно возникли буквы. Талахасси писала и рвала бумагу, потому что делала множество ошибок. А ведь она надеялась, что это послание найдет Хериора, где бы он ни был.

С бесконечной осторожностью она писала буквы беглого письма, которое развилось из древних иероглифов севера.

«Ашок спасена. Драгоценные вещи — тоже. Город запечатан. Предупредить Кандис».

Она прочитала это дважды, чтобы удостовериться, что ошибок нет. Затем сложила маленьким квадратиком и сказала Сэле:

— Мне нужен кусочек ткани золотого цвета, а также иголка с самой крепкой ниткой.

Старушка, не задавая вопросов, подошла к сундуку с платьями, вытащила ворох одежды, а Талахасси показала на один из плащей:

— Вот это отлично подойдет.

Плащ был богато вышит по низу, но верхняя часть его была гладкой. Сэла безжалостно отрезала кусочек. Это был очень плотный шелк:

девушка потянула лоскут, чтобы убедиться в его прочности. Она завернула в него записку, сделав маленький квадратик, который можно было спрятать в ладони. Сэла вышла и вернулась с костяным веретеном, на котором была намотана льняная нитка, прочная, как веревка. Тут же была воткнута игла.

Теперь оставалось только узнать, выполнит ли Манига свою задачу и сколько времени это займет. Талахасси не сиделось на месте. Несмотря на забинтованные ноги, она ходила взад и вперед по комнате, держась подальше от занавешенных окон. Правда, они выходили в личный сад Кандис, и света в комнату пропускали совсем мало, но тем не менее кто-нибудь мог заметить, что в покоях Кандис кто-то есть.

— Сэла, — она взглянула на старушку, сидевшую в углу, — что в храме? Известно что-нибудь про сына Апедемека и его жрецов?

— Нет, Великая Леди. Но… — Сэла сделала паузу и опустила глаза.

— Что, Сэла?

— Великая Леди, в городе слухи, которые повторяют даже те, кто служит дочери Амона. Они говорят, что сын Апедемека скорее всего уже умер вместе со всеми, кто шел по Высшему Пути,

что они убиты, потому что вызвали демонов, а те обернулись против них.

— Слухи могут причинить много неприятностей, Сэла. Никакое оружие не совладает с языком врага.

Она должна уйти отсюда, даже если не может выйти из города. Талахасси показалось, что она снова в клетке — не в таких тяжелых условиях, как под властью Касти, но почти так же беспомощна, как тогда.

— Сэла, можно привести ко мне ту девушку, о которой ты говорила?

— Великая Леди, сейчас она в спальне, где их шесть человек. Ее не вызовешь незаметно.

— А можешь ты достать мне одежду, какую носят служанки днем, на работе?

— Великая Леди… — Сэла встала со стула и подошла к Талахасси. Она была маленькой и когда-то полной, но теперь плоть на руках обвисла и вся полнота осталась только на животе. Лицо ее было покрыто сетью морщин, так что сильно подведенные глаза казались посаженными на голый череп. Но она держалась с авторитетом важной в хозяйстве особы. И теперь она спросила, как человек, имеющий право задавать такие вопросы:

— Великая Леди, что делается в твоем мозгу?

— Мне нужно выйти из этой комнаты. Я не могу прятаться здесь вечно, Сэла.

— Может быть, и не надо прятаться, Великая Леди? Вызови Поклявшихся-на-Мече, они встанут перед дверью и кто тогда сможет до тебя добраться?

— Касти и его приближенные смогут, — хмуро ответила Талахасси. — Взял же он меня в моих покоях, где у дверей стояла моя стража! У него хитростей, что блох на паршивом верблюде. А мы до сих пор не знаем, какими силами он владеет. Даже сам Зилаз со своими жрицами не мог открыть двери Храма, закрытые этим неизвестно откуда взявшимся чужаком. Касти, наверное, знает, что я здесь, но прежде, чем он доберется сюда, я уйду.

Она подошла к большому зеркалу на туалетном столике.

— Я высокого роста и не могу этого скрыть. — Память Ашок напомнила ей, что высокий рост был частью наследства Рода. — Но все остальное, — продолжала Талахасси, — я думаю, удастся устранить. Принеси мне, Сэла, одежду, какую носят служанки.

Старая няня колебалась.

— Великая Леди, умоляю тебя, подумай! Что ты будешь делать, куда ты пойдешь?

— Не могу ответить, потому что сама еще не знаю, но не сделаю ничего безрассудного. Клянусь, Сэла!

Та покачала головой, но вышла. Талахасси села на скамейку перед зеркалом. На ее лице сейчас не было косметики. Она наклонилась ближе к зеркалу и пристально вгляделась в свое отражение. Даже при слабом свете она не могла ошибиться: краска, которую наложили на ее тело, когда она приняла роль Ашок, начала выцветать. Сейчас Талахасси была явно светлее, чем раньше, когда в последний раз смотрелась в зеркало на вилле.

Просить Сэлу… Нет! Она не собиралась вдобавок к своим затруднениям дать понять преданной Кандис женщине, что она, Талахасси, не настоящая сестра королевы. Постой-постой! Она видела на вилле служанок с куда более темной кожей, чем у Джейты, Хериора или двух жриц. Это и послужит оправданием ее просьбы к старой няньке. И все ее поступки будут выглядеть вполне разумно.

Она стала открывать кувшинчики и коробочки, стоявшие перед зеркалом. В них были душистые масла, запах которых, скопившись

под крышкой, тяжело поднимался в воздух. Была здесь и знакомая краска для век, в двух изящных кувшинчиках Талахасси обнаружила пахучие кремы, а в маленькой бутылочке что-то красное, наверное, краску для губ. Но все это в основном не для служанок.

Девушка испуганно прислушалась. На ее вилле в дверных проемах висели занавеси, здесь же вход в личные покои Кандис закрывали хорошо пригнанные двери. И в ночной тишине из-за них послышался какой-то царапающий звук.

Талахасси бесшумно прокралась в другую комнату, но затем услышала, как царапанье сменилось повизгиванием и успокоилась. Значит, Маниге удалось сделать все, о чем она просила.

Но все-таки Талахасси очень осторожно приоткрыла дверь: там стояла амазонка, держа на поводке Ассара.

— Входите! — махнула им Талахасси и тут же закрыла за ними дверь. Ассар снова заскулил и, подняв голову, принюхался. Из всех собак-селуки на псарне он был самым лучшим бегуном и самым умным в своем очень древнем роду. И теперь нужны были эти его таланты. Был и еще один, может быть, самый главный — умение понять приказ, данный таким способом, каким

даже Ашок никогда не пользовалась. Люди из Храма работали в этом направлении с кошками большими и маленькими, потому что кошки всегда были священными животными Апедемека. И только одна из хорошо выдрессированных дворцовых собак могла бежать по запаху на большое расстояние.

— Ты принесла?

— Вот, Великая Леди. — Амазонка подала один из широких церемониальных браслетов, которые носили древние лучники для стрельбы из боевых луков.

— Его Высочество оставил этот браслет в городе месяц назад, потому что из него выпал камень. Кроме браслета, нет ничего, что он недавно носил.

— Подойдет. Ты расторопна и умна, Манига.

— Великая Леди пожелала, ее желание — закон, — как положено по дворцовому этикету, ответила амазонка, но ее лицо просияло.

— Ассар, хороший Ассар! — Талахасси положила руку на голову собаки и погладила гладкую, мягкую, как шелк, золотистую шерсть. Приветственно помахивая хвостом, Ассар пошел за Талахасси в спальню.

Ассар спокойно стоял, пока она пришивала

маленький матерчатый квадратик с запиской внутри к его ошейнику, смотрел ей в глаза и тихонько поскуливал, как бы спрашивая, что надо сделать. Талахасси удачно подобрала цвет: материя, в которую она зашила записку, по цвету не отличалась от шерсти Ассара. Затем Талахасси взяла принесенный Манигой браслет и повернула его так, чтобы собака могла обнюхать внутреннюю его сторону, где, по счастью, мог сохраниться запах Хериора.

Талахасси ждала, чтобы Ассар внюхался в знакомый запах. Затем встала перед ним на колени глаза к глазам, положила руки на высоко поднятую голову пса и стала внушать ему изображение Хериора, затем северной дороги и опять Хериора. Она терпеливо выполняла эту задачу, повторяя одно и то же десятки раз. Труднее всего было коснуться чуждого ей мозга, поймет ли Ассар, что от него требуется. Наконец, она истощила свои силы сосредоточенности, и теперь ей оставалось только ожидать успеха или провала.

Тяжело поднявшись, Талахасси протянула собаке поводок.

— Который час?

— Два часа до зари, Великая Леди.

— Вот что ты должна сделать, Мани га. Только

не привлекай внимания. Выпусти Ассара недалеко от ворот. Если он побежит через них, тогда у нас будет надежда, что он сумеет добраться до Принца-Генерала. Если мне не удалось внушить ему, что я от него хочу, он наверняка повернет за тобой. Но постарайся, чтобы тебя никто не видел.

— У ворот стражники принца Узеркофа, но они не встревожатся. — Амазонка презрительно сморщила нос. — Они полностью уверены в барьере.

— Но все-таки будь осторожна.

— Будет сделано, Великая Леди.

Амазонка поклонилась, и Талахасси проводила женщину с собакой до двери, а затем устало поплелась в спальню. Там она бессильно свалилась на постель и лежала, уставившись в расписной потолок, но беспокойные мысли не покидали ее.

— Великая Леди! — Сэла, проворная старушка, неожиданно появилась у постели, словно заранее знала, что Талахасси будет именно там. — Ты должна отдохнуть, иначе заболеешь. Не знаю, что ты задумала, но все равно у тебя нет возможности выполнить свои планы сейчас.

Ее морщинистая рука ласково гладила лоб Талахасси, и девушке показалось, что от этих

пальцев исходит прохлада и распространяется по всему ее напряженному телу.

— Выпей, Леди.

Не успела Талахасси оглянуться, как ее голову приподняли и к губам поднесли чашу. Она выпила, и ее усталость стала сильней стремления к действию.

— Спи… — Рука Сэлы опять коснулась лба Талахасси, и этот нежный, полный любви жест источал мир и покой. — Спи…

Глаза Талахасси закрылись. Казалось, веки были так тяжелы, что их никогда не удастся поднять снова. И она заснула спокойно и без сновидений.

Когда Талахасси проснулась, солнечный свет касался оконных занавесок. В комнате было жарко: поскольку Кандис отсутствовала, вентиляторы, конечно, не работали. Талахасси почувствовала, что тело ее стало влажным от пота. Она села в постели и потянулась к высокому стеклянному графину на прикроватном столике, налила из него воды в стоявший тут же стакан и выпила. Стул Сэлы в углу был пуст. Из жарких и душных комнат не доносилось ни звука.

На кресле лежала белая одежда. Но Талахасси прежде всего хотела вымыться, чтобы хоть ненадолго смыть пот и почувствовать себя осве-

женной.

Взяв одежду (как она и просила, это была одежда служанки), Талахасси пошла в роскошную ванную Кандис. Из раскрытой львиной пасти вода лилась в глубокий бассейн, в который можно было окунуться почти до плеч, а выливалась из него через щель в стене. Талахасси погрузила обе руки в нежно пахнущий крем, который пенился, как мыло. Да, кожа ее стала светлее, много светлее.

Хорошее ли зрение у Сэлы? От этого зависело многое. Талахасси вымылась и вытерлась одним из полотенец, висящих рядом на вешалке. Затем надела узкое белое одеяние, похожее на те, что носили жрицы, только в этом бретели на плечах были не белые, а красные, и на талии не было пояса.

— Великая Леди! — Сэла торопливо вошла в ванную.

— Послушай, Сэла, — мысли Талахасси были заняты тем, как сделать, чтобы Сэла не заметила, как посветлела ее кожа.

— Если я хочу выглядеть служанкой, мне надо иметь более темную кожу. Есть у тебя что-нибудь для этого?

Сэла затрясла руками, как в испуге.

— Леди, они пришли! — Она, казалось, не слышала вопроса Талахасси.

— Хериор? Джейта? Можно ли этому поверить? Кто пришел?

Она боролась с собственным возбуждением. Появление Сэлы ничуть не намекало на то, что прибыла помощь. Наоборот, морщинистое лицо было встревожено.

— Четыре главных номарха, Великая Леди. Они были приглашены на совет, хотя Кандис здесь нет. Они пришли по вызову принца Узеркофа, потому что, как говорят, за последние два дня о нашей леди ничего не слышно и вряд ли она вернется из пустыни! Великая Леди, неужели это правда?

Она так дрожала, что Талахасси обняла ее сгорбленные плечи, подвела к креслу, усадила, взяла ее дрожащие руки в свои и ласково сказала:

— Сэла, милая, если бы наша Леди умерла, неужели я бы не знала этого? У меня Талант, и у нее тоже. Как же мы можем не почувствовать, что смерть открывает Далекие ворота для тех, кого мы любим? Клянусь тебе, что этого не случилось. Будь уверена, Принц-Генерал использует свои пограничные войска, чтобы найти Налдамак, и никто лучше него не знает те места. А теперь

скажи, кто из номархов пришел в Новую Напату по такому фальшивому вызову?

Сэла подняла на нее заплаканные глаза.

— Это правда? Она не ушла в Далекое Путешествие?

— Неужели я не сказала бы тебе, Сэла? Ты любишь ее и служишь ей всю жизнь, ты держала ее у своей груди, когда ей было всего год от роду, ты ей как мать. Я первым делом сказала бы тебе, если бы узнала о таком несчастье.

— Она мое солнце, моя самая дорогая…

— Я знаю, Сэла.

— Когда она была маленькой, я ухаживала и заботилась о ней, когда она стала Кандис, она платила мне уважением, поставила меня первой среди своих личных слуг, несмотря на то, что я стара и иной раз беспамятна. Она ни разу не сказала мне плохого слова. А теперь… а теперь они говорят, что она умерла…

— Но поскольку она жива, мы должны предупредить распространение подобных слухов, пока совет не состоялся. Какие номархи, Сэла?

Сэла еще раз всхлипнула.

— От Слона и от Речной Лошади…

Оба с Юга, напомнила память Ашок, из тех провинций, что восстали сто лет назад.

— От Леопарда и от Каменного Козла…

С Запада, где идет торговля с варварами. Понятно. А Лев, Гепард, Бабуин — они не приехали? Север против юга, запад против востока.

— Великая Леди, у Слона много сильных воинов. Когда они в давние времена поднялись против Чаки, было много убийств, пока Возлюбленный Апедемека Фараон Единый, который тогда правил, не восстановил закон в стране. И ходят разговоры о новом варварском оружии.

— Да, и, стало быть, нам надо знать об их плане. И они посмели войти в Большой Зал Совета?

— Именно так.

— Отлично. Есть секреты, о которых не знают даже такие близкие родственники Кандис, как Узеркоф, — Талахасси встала. — Их можно будет подслушать, и они ничего не заподозрят. Вот что ты должна сделать, Сэла: мне нужно кой-куда пойти, но так, чтобы никто не обратил на меня внимания. Можешь ли ты мне дать что-нибудь для потемнения кожи, чтобы я сошла за женщину с юга?

К Сэле вернулись ее страхи. Она смотрела на Талахасси, покачивая головой, и девушка надеялась, что свою собственную тревогу ей удалось скрыть. Затем старая няня улыбнулась.

— Думаю, что это можно сделать, Великая Леди. Ты, может быть, не знаешь, что леди Айдис имеет в себе варварскую кровь. Она по природе белая, как рыбье брюхо, но не показывает этого даже своему лорду. У нее есть масло, делающее кожу темной, и она хранит его втайне от всех. Только напрасно она думает, что это секрет. Сейчас она собирается встречать номархов, так что в ее комнатах, наверное, никого нет. Мы этим и воспользуемся.

— Только не рискуй, Сэла.

— Какой риск, Великая Леди? Разве Кандис не дала мне права наблюдать за всем ее домом? Если я проверяю старательность служанок и смотрю, как они выполняют свою работу, то это всего лишь мои законные обязанности. — Она засмеялась, и Талахасси с ней вместе.

— Сэла, ты очень мудрая женщина.

— Великая Леди, если бы я служила тебе и тебя не послали бы в Храм до возмужания, ты знала бы обо всем, что тебя окружает, гораздо больше. Для этого надо просто слушать и смотреть.

Когда няня ушла, Талахасси села и впустила в сознание память Ашок. Она могла вспомнить тот день, когда пришла из храмового училища и последний фараон взял с собой Налдамак и

ее в некий коридор, чтобы показать им тайну, которую могли знать только Правительница и ее Наследница. Они дали клятву молчать. И сейчас, воспользовавшись секретом, она не нарушит клятвы, потому что эта тайна предназначена для помощи, когда не будет другого выхода.

Совет был созван от имени Узеркофа. Значит, правители провинций считали, что Ашок умерла тоже? Или они просто были готовы к мятежу, на который деньги и оружие были получены либо от Касти, либо от западных варваров, которые всегда были недовольны тем, как обращался с ними Амон, и тем, что Империя отказалась выступать союзником провинций в их вечных ссорах, поскольку они делились на множество народов, и каждый навязывал другим свой взгляд на политическую, военную или какую-либо другую борьбу.

Две южные провинции были малоцивилизованные по стандартам Амона.

Три Императора в прошлом протянули свои границы так далеко к югу, что оказались среди народов различных рас, верований, обычаев, чуждых Древнему Знанию. Они были источником постоянных смут, вспыхивающих то тут, то там. Западные же провинции имели торговые го-

рода, где варвары варили собственный яд, чтобы отравлять мир.

Все это тревожило. Талахасси встала и прошлась по комнате. Она правильно сказала Сэле, что узнала бы о смерти Налдамак. Предупреждение от родственника к родственнику было врожденной способностью в их семье.

Но из того, что Императрица жива, еще не явствует, что она вне опасности. Она вполне могла быть в руках той опасности, с которой она сама столкнулась в лице Касти. А что за иноземец, пришедший неизвестно откуда, как и Касти, и который хотел видеть Кандис? Какую опасность он представляет?

То, что Хериор командовал лояльными силами на севере, где предположительно находилась Кандис, было довольно слабым, очком и их пользу, но все-таки и это, и то, что талисманы вырваны из вражеских рук, давало некоторую надежду. Кроме того, Талахасси надеялась подслушать, какое зло затеяли здесь Узеркоф или Айдис.

Скорее бы пришла Сэла.

Талахасси не хотелось пропустить ни слова из того, что будет сказано на Совете. Да, есть кое-что, что она не должна оставлять здесь. Она подошла к сундуку и вынула сверток с жезлом и ключом.

Она боялась за них. В этой комнате не было места, чтобы надежно их спрятать, а ведь здесь могут сделать тщательный обыск.

Талахасси не забыла о проходе в бездны. Сэла считает, что он надежно охраняется той сигнализацией, которую она поставила, но чего стоит эта сигнализация против атаки Касти с его невидимыми силами?

Талахасси положила сверток на кровать и потуже завернула его. Да, она возьмет его с собой.

Она все еще увязывала сверток, когда скрипнула дверь и вошла Сэла с кучей полотенец и высоким кувшином.

— Посмотрим, Великая Леди, разве это не то, что ты хотела? Кто узнает принцессу Ашок в этом обличье?

Талахасси снова стояла перед зеркалом Кандис. Сэла была совершенно права: ее кожа снова стала темной, темнее, чем в первый раз, когда ее мазала жрица. Талахасси осторожно наложила косметику, стараясь, чтобы ее лицо выглядело полнее.

Она повязала на голову льняную сфинксовую повязку и концы ее выпустила вперед, оттеняя ее белизной темное лицо. Теперь ее мог выдать только рост. Но она не собиралась долго ходить по тем коридорам, где много народу, и надеялась,

что не привлечет к себе внимания — кто смотрит на служанку, занятую своей обычной работой?

Сэла достала из шкафа корзинку для переноски выстиранного постельного белья, и Талахасси уложила в нее сверток с талисманами.

Но все эти приготовления заняли очень много времени — такого драгоценного времени. Ведь Совет мог уже начаться. Талахасси прикоснулась губами к морщинистой щеке Сэлы.

— Приемная мать моей сестры, — сказала она ласково, — я благодарю Великие Силы за то, что ты пришла ко мне на помощь. Такой услуги не мог бы оказать мне даже Род. Да будет на тебе благословение того, кто защищает всех нас!

— Великая Леди, — Сэла подняла руку и коснулась кончиками пальцев щеки Талахасси, — да будет благословение и удача тебе в твоем деле. Только бы наша дорогая Леди вышла благополучно из беды, больше нам ничего не нужно. Подожди, я посмотрю, пуст ли коридор. Пусть никто не видит, что ты выходишь отсюда…

Талахасси была уже у порога, когда услышала, что кто-то царапается в дверь. Кто это? Она прижала корзинку к сильно забившемуся сердцу. Сэла прислушалась, наклонив голову, а затем быстро открыла дверь.

Вошла Манига. Но теперь амазонка, как и Талахасси, была в одежде служанки.

Тяжело дыша, она быстро захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, как бы защищая ее своим телом от любого вторжения.

— В чем дело? — спросила Талахасси, видя, что Манига смотрит на нее с изумлением.

— Великая Леди… ты… — замялась она.

— Я переоделась. Но что ты хочешь нам сказать?

— Великая Леди, Ассар прошел через ворота. Легко прошел. Никто его в темноте не видел. Он хоть и пес, а знает, когда не надо попадаться на глаза. Но… когда я возвращалась, Великая Леди, стража у дворца сменилась по приказу Принца Узеркофа…

Талахасси услышала хриплое дыхание Сэлы.

— А Поклявшиеся-на-Мече?

— Великая Леди, они были окружены, пока я ходила по твоему приказу. Теперь их заперли в бараках, а капитана разоружили и увели. У дверей бараков поставлен тот же барьер, что и у городских ворот.

— Кто стоит на страже? Южане?

Манига кивнула.

— Да, Великая Леди. Я видела эмблемы слона на

их одежде. И теперь дворец в их руках. Я думаю, что они сменили стражу и у ворот. Это варварские воины, Великая Леди, у некоторых даже рубцы на лицах, как у диких племен.

— Ты очень хорошо все сделала, — тихо сказала Талахасси. — Теперь оставайся здесь с Сэлой и будь уверена, что никто не узнает, где ты скрываешься. Придет время и, может быть, очень скоро, когда мне понадобятся Поклявшиеся-на Мече, чтобы ничей нож не воткнулся мне в спину…

— Великая Леди, что ты хочешь сделать? Во дворце чужие, да еще стража воинов-южан…

— Я знаю. Но я должна узнать больше, ради спасения Кандис и, возможно, самой Империи. Не печалься, я сделаю все, что смогу, потому что сделать это необходимо.

Казалось, Манига не отойдет от двери, но Талахасси посмотрела на нее так твердо, что амазонка отступила.

— Великая Леди, — умоляла она, — возьми меня с собой! У меня есть… — Она поднесла руку к груди и вынула из-за пазухи ручное оружие.

— Это понадобится позднее. А сейчас я пойду одна. Секрет Кандис, который, кроме нее, знаю только я, может быть, нам поможет. Сэла, держи дверь на запоре, не открывай никому, даже

той служанке, о которой ты говорила. У Касти есть оружие выше нашего понимания, он может подчинить себе, своей воле любого. Он воспользовался этим оружием, чтобы взять меня в свои руки. Не открывай дверь!

— Твоя воля высказана, так и будет! — ответила Сэла по дворцовому этикету.

Манига собиралась что-то сказать, может быть, даже возразить, но Талахасси уже вышла, и Сэла закрыла за ней дверь.

К счастью, идти было недалеко. Тот, кто задумал секрет при строительстве «нового» дворца каких-нибудь триста лет назад, позаботился о том, чтобы правитель мог быстро дойти до него. Талахасси остановилась и внимательно прислушалась.

Налево от нее — серия открытых арок, ведущих в личный сад Кандис. Через них лился солнечный свет. Она слышала пение птиц, крик павлинов, выводок которых был подарен индийским правителем два или три поколения назад. Это был тревожный крик, заставивший Талахасси насторожиться.

Но коридор был пуст. Поскольку было известно, что Кандис нет, здесь не выставили стражу. Талахасси поспешила вперед, держась правой стены,

как можно дальше от арок.

Коридор вел в зал правителей, использовавшийся в прошлом для больших частых приемов. Там стоял небольшой невыразительный трон-кресло и несколько почетных стульев для посетителей — членов Рода, больше ничего.

Через зал за другой дверью слышалось бормотанье голосов. Да, Совет уже собирался! Надо было действовать быстро и осторожно.

Талахасси обогнула стену зала для малых приемов и подошла к южному углу, где были резные деревянные панели, заботливо отполированные и пропитанные для сохранности маслом.

Поставив корзину, она подняла руки и положила их так, как учили Ашок много лет назад. Она, вернее Ашок, ничего не забыла. Ее пальцы легко двигались во впадинах, которые никто другой не мог бы обнаружить из-за высокого и глубокого рельефа резьбы. Теперь она налегла на них всем своим весом.

Раздался скрип, заставивший ее поспешно оглянуться. Но упорные задвижки, бездействовавшие много лет, сработали: две панели отошли. Она пролезла в отверстие, взяла корзинку и снова закрыла проход.

Здесь не было темно. С одной стороны проби-

вался свет и там она присела, чтобы видеть и слышать все, что происходило в Зале Совета. Талахасси в нем никогда не была, но память Ашок знала его. Из шести сидевших мужчин она узнала только двоих — генерала Айтуа из Южной Армии и номарха Слона Нума. Касти не было, хотя она была уверена, что увидит его там. Не было также ни Узеркофа, ни Айдис.

Едва она успела, согнувшись, устроиться в своем тесном укрытии, как дверь открылась и в зал вплыла Айдис с носителем опахала, который почтительно следовал за ней.

— Бессовестная! — Память Ашок вспыхнула от ярости. — Эта дрянь смеет присваивать себе почести Налдамак, которые никогда не были ей дарованы! Видимо, она полностью уверена, что и Кандис, и Ашок заточены, а, может, даже убиты. Разве Касти не сообщил ей, что его пленница сбежала?

Касти считал, что эта женщина и ее муж были отслужившими инструментами, которые можно выбросить за ненадобностью. Сама Айдис приходила к Ашок поторговаться, а, может, только делала вид, что пришла за этим. Что же изменилось с тех пор, если принцесса считает, что можно созвать Совет и он будет повиноваться ей?

— Пора заняться серьезными делами, — резко произнесла Айдис, оборвав бормотанье церемониальных приветствий, и сделала знак, чтобы мужчины сели. — Вы собрались, милорды, по зову моего мужа, принца Узеркофа. Хотя в настоящее время принц болен, он знает, что безопасность Империи превыше всего, и это зависит от вашей силы, тех, кто верен принцу.

Она сделала паузу и быстро обвела глазами все лица, вглядываясь в глаза каждого, словно предупреждая о чем-то или прося подтверждения их лояльности. Видимо, она была удовлетворена, потому что продолжала свою речь:

— Теперь уже известно, что Кандис погибла в пустыне. Никто из пилотов флайера не мог остаться в живых, попав в такой шторм. А принцесса Ашок по собственной воле отошла от правления, принеся окончательную клятву Храму в том, что станет служить ему до конца жизни.

Вот как? Умный ход, согласилась Талахасси. Связанная храмовыми обязанностями, Ашок долго не была в Новой Напате, и теперь мало кто знал ее лично. А тех, кто мог бы стать ее главными защитниками на пути к трону, — Зилаза, Джейты, Хериора — на этом Совете не было. Те же, кто сидел здесь, могли поверить тому, что

услышали, только потому, что хотели этого.

— Наследница должна сделать такие заявления перед Советом, а затем у Высшего Алтаря перед всеми представителями Гильдии и мастеров, также номархов, — сказал человек со знаками Леопарда, не выказав обычного почтения, которые в этой ситуации полагалось бы оказывать Айдис.

Ашок знала только, что его зовут Такарка, потому что он недавно унаследовал управление этой западной провинцией после смерти своего дальнего родственника. Но он большей частью имел дело с белокожими варварами севера, и поэтому Ашок причисляла его к тем, кто мог быть подкуплен Касти. Речь Такарки была для нее сюрпризом.

— Она сделает это в ближайшее время, — мягко ответила Айдис, — хотя, возможно, с этим стоит подождать до тех пор, пока не будет установлена точно смерть вашей Солнца-Славы. Наследница уже удалилась в место дальней медитации. Но Империя не может оставаться без управления.

— Конечно, конечно, — немедленно забормотал Айтуа.

— Если наследница не принесла еще присяги открыто, — настаивал Такарка, — ее должны

были позвать..., — теперь он оглядел по очереди каждого, кто был в зале, словно удивляясь тому, что никто из них его не поддерживает. — Таков закон, — коротко и резко заключил он.

— Во время кризиса, — ответил номарх Слона, — закон не всегда надежен. Племена за пределами опеки моей страны все время растут. Нужна твердая рука, чтобы держать их в страхе. Если они узнают, что у нас нет правителя, то это может стать для них сигналом к нападению. Так было сто лет назад, и нам потребовалось два года, чтобы усмирить их. Сейчас есть все основания считать, что они торговали с северными варварами. Прошел слух, что они получили оружие, равное нашему, а, может, даже и превосходящее его. Мне кажется, что это не просто слух.

Генерал Айтуа заворчал:

— Нечего обращать внимание на эти вечные нападки на нашу боеспособность. Может, мы тоже имеем кое-что, что удивит их — и не только их. Как насчет северных армий, Леди? — обратился он непосредственно к Айдис. — Как будут действовать они? За или против твоего королевского супруга? Говорят, что между ним и Принцем-Генералом старые счеты. А Принц-Генерал не только из Рода, но все еще считается

обрученным с наследницей. Не думаешь ли ты, что он спокойно отойдет в сторону, если в этой стране будет такой раздел?

Айдис сжала губы:

— Ты говорил, что у нашей армии могут быть секреты, неизвестные непосвященным. Теперь я скажу тебе, что и здесь есть кое-какие секреты. Если принц Хериор собирается, вопреки обычаям, занять трон, он никогда не войдет в Новую Напату живым.

Номарх Леопарда чуть наклонился вперед:

— Я слышал, что в Напате появился иноземец — человек с новыми знаниями. Он и есть тот секрет, о котором ты говоришь, Леди? Если так, то почему его нет здесь, чтобы мы могли посмотреть и послушать его? Мы сохранили нашу страну, потому что не отбрасывали в сторону то, что являлось нашим величайшим даром и в Кеме и позже. Варвары зависят от того, что они делают своими руками, взгляни на историю их стран. Чем могут они похваляться? Смерть королей, ревнивые соперники свергают друг друга с сидений почета, бесконечные убийства, иногда короткий, неустойчивый мир, за время которого готовятся пролить новые потоки крови в своих же странах. Я слышал, как они хвастают этим. Сомнительная

доблесть, потому что честь — в победе, а не в уничтожении. Но они убеждены в своей правоте. А много ли войн было у нас в Амоне? — Он стал считать по пальцам. — В далеком прошлом мы были изгнаны гиксосами, которые завоевали Кем; позднее мы сражались с ними на севере. Три раза. В конце концов мы были разбиты, потому что нас была горсточка, а их — орды, пал последний из тех, кто составляет Род, но не нашлось никого, кто бы занял его место. И тогда нас изгнали с юга — из Мерсе. Однако, наше оружие становится сильнее. Люди могут сражаться разумом и духом — не убивать захватчиков, не покорять их, но отсылать обратно на их собственные земли. Мы держали Мерсе против людей с востока до тех пор, пока наша религия не ослабела и мы не лишились нашей самой сильной защиты. Тогда мы снова отправились в путь, на этот раз на запад. И здесь под звездами Льва мы построили Новую Напату и не ушли отсюда! Здесь наши огни загорались ярче, мы учились и росли — так родился Амон. Всего пять войн и один мятеж на юге за восемь тысяч лет. Никакие варварские государства не могут сказать то же самое о себе.

— Милорд, — убежденно сказала Айдис, — ты сказал сущую правду. Но правда и то, что мы

снова пришли к временам, когда Талант слабеет, все меньше рождается детей с зародившем Власти. Даже линия Рода истощается. Разве не так? Значит' опять начинается время, о котором ты упоминал. Время, когда мы утратили свою защиту. И чтобы Амон не погиб и нам не пришлось бы снова бежать, нужно другое оружие. Не потому, что мы этого желаем. Просто надо трезво смотреть на происходящее. И главное наше спасение в безопасности трона. Как можем мы без этого править народом?

— Умно, умно, — Ашок готова была шипеть, как разъяренная кошка. Логика Айдис была неопровержима.

— Значит, Узеркоф может держать Власть? — впервые заговорил номарх Речной Лошади. Он был еще не стар и пользовался славой пройдохи, предпочитающий интриги открытым действиям. Его тучному телу было очень неудобно на стуле. Глаза его были, как всегда, полузакрыты, что придавало лицу глуповатый вид, хотя он был далеко не глуп.

— Он из Рода! — резко ответила Айдис.

— И имеет Власть?

— Конечно, — ответила она, может быть, чересчур поспешно.

Уж кого-кого, а номарха Речной Лошади не стоило бы обманывать, не позаботившись придать лжи видимость правды. Но Айдис, вероятно, не могла отвечать по-иному — ее подгоняле время. А ведь они могут потребовать, чтобы им предъявили жезл и ключ!

— Где Зилаз? — снова задал вопрос Такарка. — И северные номархи? Совет не в полном составе. Мы не вправе принимать решения.

— Север… — Айдис замялась. — Милорды, я должна сказать вам очень неприятную вещь: северная армия изменила нам, она стоит за Хериора. И кто, вы думаете, пошел искать нашу Солнце-Славу? Кто? — Она произнесла это, как обвинение.

— У тебя есть доказательства? — Такарка посмотрел ей в лицо.

— А почему, по-вашему, здесь нет Зилаза? Храм закрыт для оплакивания Кандис. Но мы не можем доказать того, что слышали. Только разве посмел бы Принц-Генерал тянуться к шлему Льва, если бы наша Леди была жива? Если он и нашел ее, то ничего не сказал, а решил воспользоваться временем, договориться с Наследницей и править от ее имени, как ее королевский супруг…

— Без полного состава Совета мы не можем

принять решение, — твердо сказал Такарка. — Пусть Узеркоф встанет перед нами с Властью, и мы поверим в то, что Кандис действительно умерла, а Наследница отказывается от своих прав. Ведь только настоящий Правитель может так появиться перед нами.

— Хорошо сказано, — одобрил номарх Речной Лошади.

Номарх Слона поколебался было, но тоже кивнул. Генерал Айтуа уставился в пол с таким видом, словно унесся мыслями куда-то далеко от зала. Он не произнес ни слова. Но его сосед, маленький, нервный, с дергающимся веком быстро кивал.

Айдис встала. Ее лицо казалось равнодушной маской, но Талахасси чувствовала кипящую в Айдис злобу, и под этой злобой таился страх.

— Значит, это была отчаянная попытка заручиться поддержкой тех, в ком Айдис была уверена и считала, что они пойдут за ней даже против иноземца? И, значит, эта попытка была предпринята без ведома Касти? — подумала Талахасси, когда принцесса выскочила из зала, ни с кем не простившись.

— Узеркоф… — Номарх Слона произнес только одно слово, и тогда его южный собрат, широко

раскрыв глаза, взглянул прямо на него.

— Да, не здесь и не теперь, — загадочно произнес генерал Айтуа и неуклюже встал, как будто был столь же тяжелым и бесформенным, как его сосед слева.

Сначала вышли южане, почти следом за ними генерал Айтуа, по-прежнему выглядевший озабоченным, словно хотел убедиться, что его отряды и вправду имеют оружие, о котором он говорил на Совете. Два оставшихся номарха тоже вышли не одновременно — сначала номарх Леопарда, а оставшийся смотрел ему вслед с выражением, которое Талахасси не могла разгадать.

Ей было жарко в своем укрытии. А мозг ее просто пылал оттого, что хитрость, на которую она пустилась, не удалась. Проследить за номархами за пределами этого зала было невозможно. Они, наверное, помещены в крыле для благородных посетителей и, скорее всего, с собственной охраной, поскольку их хозяева были явно в расстроенных чувствах. Там Талахасси не могла появиться даже в роли дворцовой служанки, так как ее легко могли разоблачить.

А она узнала так мало! Большую часть того, что она услышала, можно было угадать. Похоже, что в рядах врагов есть один ее союзник — номарх

Леопарда, но она не могла доверять ему только на основании подслушанного. Тем не менее, приятно было убедиться, что там были сомневающиеся и что советники не готовы по призыву Айдис начать какие-нибудь внезапные и рискованные действия. Столько лет они были верны.

Из кого теперь состоят королевские силы в Новой Напате? Из старой женщины, переодетой амазонки, вооруженной лишь ручным оружием служанки, на которую то ли можно положиться, то ли нет. И самой Талахасси, принимавшей в этих событиях участие независимо от своего желания. Она втянута в это дело и должна сражаться в битве Ашок, если не за Ашок, то хотя бы за свою жизнь.

Талахасси вернулась в апартаменты Кандис. Она заметила, что пол галереи сильнее освещен солнцем, чем раньше, когда она проходила здесь. Пылающее солнце пустыни… Как долго сможет выдержать его Налдамак, если ее флайер действительно погиб во время шторма? Даже если она осталась жива при падении флайера, в пустыне ей не прожить больше двух дней.

Однако она не умерла. Ашок знала об этом. Почему-то Талахасси была в этом уверена. Она дошла до двери и постучала условным стуком,

оглянувшись сначала по сторонам. Корзинка с талисманом небрежно болталась у ее бедра.

Видимо, они ждали ее под дверью, потому что сразу же открыли. Амазонка так волновалась за Талахасси, что, забыв о рангах, схватила ее своей крепкой рукой и мгновенно втащила в комнату.

— Они не совсем пришли к согласию, — сказала им Талахасси. — Номарх Леопарда воспротивился требованиям Айдис. Однако, она рассказала им две басни — что Кандис умерла или, возможно, пленница Хериора и что он возглавляет мятеж против трона!

— Лгунья! — прошипела Сэла.

— Мы всегда это знали. Но ясно другое — Касти там не было! Видимо, она созвала Совет без его ведома. Ах, если бы мы могли воспользоваться этим и расколоть их ряды! Имей я поддержку сына Апедемека и хотя бы еще двух-трех человек из Храма, я сыграла бы на их зависти и страхе.

Талахасси стояла, держа в руках корзинку с жезлом и ключом, а душа ее была полна горечью поражения. Сэла подошла к ней:

— Великая Леди, ты держишь в руках сердце и дух Амона, разве ты не можешь призвать их силу?

Талахасси вздрогнула. Будь она настоящая

Ашок — да, но этот пробел в полученной памяти был очень велик. Она могла призвать к себе жезл и ключ, как сделала это в лаборатории, но как еще пользоваться ими? Эта часть знания не была записана. Однако… она может попытаться…

Храм! Пусть он закрыт для входа физического тела, но закрыт ли он для энергии? Если ей удастся войти в контакт с Зилазом, в чьем мозгу лежат глубочайшие слои мудрости многих поколений…

Она повернулась к обеим женщинам.

— Кое-что я хочу попробовать. Вы должны хорошенько охранять меня, потому что мне, может быть, действительно придется выйти из моей телесной оболочки.

— Будь спокойна, Великая Леди, — сказала амазонка, — мы сделаем все, что в наших силах. Но куда?

— Если повезет, то к Зилазу.

— Если женщины будут знать правду, то они проявят больше рвения, — подумала Талахасси и вслух добавила. — А теперь дайте мне приготовиться.

Она парила в пространстве, которое не существовало ни в том, ни в другом из известных ей миров. Перед ней была высокая темная стена,

отделявшая ее от того, кого она искала. Зилаз и другие с Высшего Пути находились по ту сторону стены. Но путь к ним был закрыт — по крайней мере, тот, который знала Ашок.

Расстроенная Талахасси снова и снова старалась пройти через стену, преследуемая мыслью, что причина неудачи кроется в ней самой, в несовершенстве полученной ею памяти. Ей не хватало глубинных тайн их школы. И она не знала, что это за стена — вражеское изобретение или вынужденная защита, к которой они прибегали сами.

Хотя Касти не мог поставить такой барьер в этом межпространстве, были люди с далекого юга (врачи из диких племен), которые пользовались извращениями, темными силами, и их боялись все, кроме тех, кто входил в Совет Храма… Вот эти ведуны со своим темным искусством вполне могли прийти на помощь мятежным силам.

Стена стояла. Талахасси устала пробиваться сквозь нее и пришла в отчаяние. Со своим полусознанием она не могла надолго задерживаться здесь, но все еще цеплялась за крохи надежды.

Затем…

Перед стеной мелькнул столб света, золотого, как маска Джейты. Из этого света перед бестелес-

ной Талахасси появилась та же маска.

— Дочь Апедемека?

В этом месте не было речи, существовало только ощущение Образа.

— Я пришла… — ответил образ маски.

— Великая нужда…

— Ты добилась большего, чем мы, сестра-в-свете.

— Как я могу преодолеть это? — спросила Талахасси.

— Найди еще раз нижние пути. Там есть тайные ходы, которыми можешь пройти. Ты сделала все очень хорошо, и счастье сопутствовало те…

В воздухе пронесся крик, и призрачный мир распался. Талахасси отшвырнуло от стены, от света Джейты, и она не могла устоять против этой всесокрушающей силы. Затем пришло ощущение остановки, возврата в тело. Девушка открыла испуганные глаза.

Две лампы бросали на потолок странные тени. Она услышала слабый стон. Несмотря на страшную слабость, Талахасси повернула голову.

В углу кто-то скорчился, в ужасе закрыв лицо руками. Когда Талахасси встала, на полу она увидела другое тело. Маленькая смятая фигурка… Сэла! А другая — амазонка Манига. Что здесь

случилось? Нападение Касти?

Она шагнула к амазонке, хотя ее качало, а ноги подгибались.

— Спокойно! — сказала она тихо, но властным тоном Великой Леди.

Амазонка не подняла головы и застонала еще громче. Талахасси подошла ближе, наклонилась над ней, рискуя потерять равновесие и ударила Манигу по щеке, потому что та подняла голову, и лицо ее было бессмысленным от страха. Зная о спартанском воспитании амазонок, Талахасси подумала, что, видимо, то, что так напугало девушку, было уж очень необычным.

— Спокойно! — жестко повторила Талахасси.

Наконец, блуждающие глаза амазонки остановились на ней, паническая пустота исчезла с лица.

Талахасси встала на колени и протянула руку Сэле. Сначала ей показалось, что старушка умерла, но пальцы нащупали слабый пульс.

— Помоги мне! — приказала она Маниге.

Амазонка двинулась, как человек, слышавший приказ, но не понимающий его. Они вдвоем положили старушку на кровать. Маленькое сморщенное лицо Сэлы было очень бледным, даже зеленоватым.

— Принеси вина, — приказала Талахасси.

Тело Сэлы было совсем холодным. Она была еще в шоке. Талахасси укрыла ее покрывалом. Когда Манига всё еще дрожащими руками подала ей чашу, Талахасси приподняла голову старой няни, влила ей в рот немного вина.

Сэла поперхнулась, но проглотила жидкость. Пульс ее забился сильнее. Талахасси опять положила ее на постель и повернулась к амазонке:

— Что случилось, Манига?

К счастью, девушка пришла в себя, к ней, кажется, вернулись и разум, и мужество. Теперь, когда Талахасси смотрела на нее, амазонка покраснела от стыда.

— Великая Леди, здесь были духи… — она запнулась. — Я сражалась вместе с другими Поклявшимися-на-Мече в Ленкани, когда люди пустыни ворвались в форт и мы выкинули их.

Я многое видела, Великая Леди, много ужасов. Но это не из нашего мира!

— В каком смысле? — быстро спросила Талахасси, понимая, что надо проявить терпение.

— Они пришли, когда ты уснула, и были похожи на тени. Словно что-то колыхалось в воздухе… Где мне взять слова для описания того, что я никогда не видела? Но они были злые, в них чувствова-

лась ненависть!

Опять духи…

— Я сама видела эти призраки, Манига. Они действительно существуют. И, мне кажется, я знаю, чего они хотят. Только у меня нет власти дать им это.

— Великая Леди, они собрались над тобой, когда ты лежала. А когда мы хотели защитить тебя… — Манига схватилась за голову, — они послали в наш мозг ужасные мысли, которые чуть не убили меня. Но я устояла, Великая Леди. Затем они послали боль, и леди Сэла закричала. Я решила, что она умирает. Она повернулась ко мне… Великая Леди, я не уверена, что могла бы долго выдержать это! Я, кажется, визжала…

— Ты ничего не смогла бы сделать, Поклявшаяся-на-Мече. Эти призраки не боятся никакого оружия, которое можно держать в руке. Ты сопротивлялась их усилиям — это твоя почетная битва.

Наконец, она получила указание Джейты, что ей делать, хотя дочери Апедемека не дали договорить до конца. Но искать снова нижние проходы, где раньше были духи… Она была уверена, что на этот раз ее ждет их враждебность, и это было действительно опасно. Она села на край постели и

стала размышлять. Сэла, похоже, спала нормальным сном. С ее лица исчезла печать нестерпимого страха. А Манига окончательно пришла в себя.

— Теперь слушай внимательно, — Талахасси понимала, что иного выхода у нее нет. Сообщение Джейты было совершенно ясным. Она может свободно вырваться из Новой Напаты, но путь только один — тот, что ведет сквозь болотистые проходы внизу. — Мне нужны кое-какие вещи, потому что я получила послание от дочери Апедемека через путь Таланта. Ты можешь найти и принести сюда их тайно?

— Великая Леди, приказано — значит будет сделано, — ответила Манига с обычным для ее ранга поклоном.

— Тогда положи в заплечный мешок продукты, которые армия берет на маневры, их должно хватить на несколько дней. И ночной фонарь, который недавно придумали в армии. Принеси все это как можно скорее. И, кроме того, хлеба и мяса, чтобы я поела сейчас.

— Это я могу достать, Великая Леди. — Манига была уже у двери.

Когда она вышла, Талахасси принялась за дело. Она уже немного оправилась и считала, что нельзя заглядывать вперед и думать о том, что

может случиться в подземной темноте, где витают духи. Все думы должны быть только о том, что необходимо сделать.

Талахасси порылась в сундуке Налдамык и нашла то, что искала: наряд Императрицы, в котором она появлялась в торжественных случаях перед армией. Талахасси срезала ножницами все знаки различия. Этот наряд напоминал девушке одежду ее родного мира. Он был тесноват ей в груди, но она сумела застегнуть все пряжки. Сапоги, к счастью, оказались впору, хотя их трудно было натягивать после свободных сандалий. Сэла все еще спала.

Жезл и ключ Талахасси решила унести с собой. Обматывать их тканью она больше не хотела. Чтобы нечаянно не уронить талисманы, она сделала веревочные петли, чтобы привязать их к запястью. Голову она покрыла шарфом. Когда все было закончено, Талахасси услышала условный стук и открыла Маниге.

На плече амазонки висела хорошо пригнанная сумка, а в руках был поднос с едой. Талахасси поела, напилась и дала Маниге последние указания:

— Я уйду, Поклявшаяся-на-Мече, через тайный ход. Держи стражу и не оставляй без внимания

леди Сэлу. Не говори никому, что я была здесь, если тебя обнаружат. И хорошенько следи за тем ходом, которым я уйду, чтобы никто не прошел через него без твоего ведома.

— Великая Леди, я хотела бы пойти с тобой, — Манига была уже в походной одежде амазонок с оружием у пояса.

— Нельзя. По этому пути меня может вести только же.

— Ты окажешь мне гораздо большую услугу, если будешь охранять эту дверь. Может случиться, что я вернусь этим же путем и, возможно, приведу с собой помощь, но я должна быть уверена, что не попаду в засаду.

— Великая Леди, не сомневайся, я буду на страже!

Талахасси повесила на плечо сумку с едой, надела петли с ключом и жезлом на левую руку, а в правую взяла фонарь. По ее знаку Манига отодвинула занавес на стене, и она вошла в тайный ход. Раздался звон. Талахасси вспомнила о сигнализации Сэлы, рассказала о ней амазонке и двинулась вниз во мрак.

Фонарь давал гораздо больше света, чем жезл, которым Талахасси освещала себе путь в прошлый раз. Ступеньки и стены были хорошо

видны. Она быстро дошла до древней замурованной двери и пролезла сквозь пролом в вонючее и опасное место.

Представив себе расположение дворца на верху над подземельем, Талахасси свернула налево в неизвестный ход. Лестница была одним из секретов прошлого века, и, наверное, строилась для того, чтобы королевская семья могла незаметно бежать, если враги займут город, как это когда-то и случилось в Мерсе. Значит, должен существовать и выход за пределы города. Талахасси надеялась, что уже его-то не охраняют барьеры Касти.

Влажность и вонь становились все сильнее. Талахасси шла очень осторожно, потому что ноги скользили. Свет фонаря на секунду выхватил из мрака голову не то большой ящерицы, не то змеи, но животное мгновенно скрылось, видимо, испугавшись света. Талахасси ожидала нападения духов. И все время была настороже — они могли устроить тут засаду. Но время шло, и ничего не происходило.

Появились липкие зловонные лужи, через которые Талахасси старалась перепрыгивать. Затем она вышла к бурному потоку, который перерезал ее путь по подземному коридору. Из него

поднималась такая вонь, что Талахасси боялась задохнуться. Она на минуту сунула фонарь за пояс, сняла шарф с головы и завязала им рот и нос, тщетно пытаясь спастись от зловония.

Ясно было, что она вышла к одной из канализационных магистралей города. Какова была глубина этого полного ручья отбросов, Талахасси не знала и остановилась в нерешительности. Мостика нигде не было. И, значит, нужно было перейти его вброд. Но пускаться в такую авантюру, не имея представления о глубине потока… А вдруг он собьет ее с ног и потащит в этой мерзости вниз… Нет, надо искать другой путь.

Зловонный ручей резко сворачивал направо Прижавшись плечом к стене, Талахасси наклонилась и посветила фонариком в уходящую темноту. Вдоль ручья шла узкая дорожка, и была она едва шире ее поставленных рядом ступней. Хотя поток бежал чуть ниже тропинки, она была густо залеплена Плывущими по воде отбросами.

Риск и тут был, но выбора не было. А долго ли она сможет дышать этими испарениями? Не потеряет ли сознание? Как бы то ни было, долго раздумывать не приходилось — раз дорога есть, значит, надо по ней идти.

Она протиснулась за угол, где сходились про-

ход и поток, и быстро шагнула на запачканный выступ. Ее догадка оказалась верной: грязь внутреннего коридора здесь превратилась в трясину, в которой вязли ноги. Девушка шла так медленно, а путь был таким долгим, что она могла просто задохнуться в этом смрадном воздухе.

Талахасси утратила всякое представление о времени. У нее болела и кружилась голова, ее тошнило. Один раз из потока высунулась чешуйчатая голова и раскрыла хищную пасть, но Талахасси направила луч света прямо в маленькие злые глаза. Животное, к счастью, недостаточно большое, чтобы напасть, видимо, не любило света. Здесь могли быть и другие, больше и опасней.

Талахасси увидела в стене нишу с замурованной дверью и посветила на нее. Низкая арка, похожая на ту, в которой Талахасси пробивала проход. Девушка остановилась в этом более широком пространстве и постаралась обдумать положение.

Если ее расчеты верны, то эта заложенная дверь не может вести за городские стены. Кроме того, в своем теперешнем положении Талахасси не была уверена, что сумеет воспользоваться силой жезла и расшатать хотя бы один камень. Так что лучше идти дальше, должен же поток где-то кончаться.

Талахасси подольше отдохнула бы в этой нише, будь, воздух тут хоть немного чище, но он здесь был таким же зловонным. Она неохотно двинулась дальше. Похоже, что уровень сточных вод стал понижаться. Так ли это? Тропа была ровной и не поднималась вверх. Но и воздух стал как будто чище. Талахасси с трудом верилось в это. Она подняла фонарь над головой и увидела на стене что-то вроде круглого отверстия. Но куда оно ведет — в город или из города.

Талахасси боялась, что это все еще город. Но зачем делать такие отверстия с внешней стороны стены? Однако, если последние силы уйдут на то, чтобы перелезть и при этом она по-прежнему останется пленницей… Талахасси подумала, что вряд ли сможет вернуться в это зловонное место.

А зачем отверстия внутри города? Что-то шевельнулось глубоко в мозгу девушки, но мысль была нечеткой и тут же исчезла. Это была не догадка, а только тень догадки.

Талахасси неуверенно двинулась по тропе. Теперь уже не было сомнений в том, что вода спадала. И выступ, по которому она шла, стал менее грязным, кое-где уже просвечивал камень. И дышать теперь было легче.

И в этот момент они напали, как раз тогда, ко-

гда Талахасси успокоилась и забыла о них. Духи атаковали не ее тело, а мозг. Она покачнулась, но не упала и не выронила фонарь. Она прижалась к стене, как бы защищая спину, и покачивала лучом света над водой. Там что-то двигалось, не духи, а, видимо, какое-то животное, которое они вызвали, чтобы столкнуть ее вниз.

— Если я умру здесь, — сказала она сквозь зубы в пространство, пустое для ее глаз, но населенное для ее ощущений, — то все ваши надежды рухнут. У меня нет силы помочь вам, но есть другие люди, больше и сильнее меня, и я их ищу. Хотите ли вы, чтобы вместе со мной погибла и ваша надежда на спасение?

Существо в воде подплыло ближе, но движения в воздухе она не заметила.

— Акини! — позвала Талахасси единственное знакомое ей имя. — Я сказала вам сущую правду.

Они все еще угрожающе висели, и она не могла различить того, к кому обращалась. Из вонючей жижи показалась бронированная голова: в разинутой пасти виднелись окрашенные чем-то темным острые зубы. Это чудовище было куда больше того, что она видела раньше. Оно, видимо, было старым и так давно плавало в этом отвратительном месте, что стало средоточием

накопленного за долгие годы зла.

Талахасси крепче сжала жезл. Только он был защитой против этого монстра из вековых отбросов. Как она своей волей заставила жезл подняться из клетки Касти, так и теперь она наклонила его острие по направлению к животному, поднявшемуся из отбросов на своем чешуйчатом хвосте. Огромные когтистые лапы потянулись к выступу, на котором стояла Талахасси.

Власть…

Свет, который Талахасси направила на эту страшную голову, не испугал чудище. Зверя заставляла атаковать воля тех, кто теперь жадно следил за нею из темноты.

Власть!

Талахасси едва удерживалась, чтобы не закричать. Житель канализации воплощал в себе все самое кошмарное.

— Власть! — требовала она от памяти Ашок. — Дай мне Власть, которую ты знала и которой пользовалась. Дай мне ее, или я умру!

Из вершины жезла брызнул сноп пламени, сиявшего неизмеримо ярче фонаря, и ударил животное между глаз. Существо издало дикий вопль, эхом отразившийся в узком туннеле. Ом все еще звенел в ушах Талахасси, а жуткого чудо-

вища уже не было, оно отпрыгнуло назад, и поток скрыл его. Девушка следила за его исчезновением, твердо веря, что это память Ашок ответила ей и спасла ее.

Но есть ли у памяти личность? Но может быть, это то, что было записано и вложено в ее мозг, с помощью технологии древнего народа. Ашок умерла, значит, она не поддерживала Талахасси больше. Может, память приняла другую форму?

Духи все еще были здесь, но они больше не пытались напасть на нее. Талахасси чувствовала их замешательство. Их притягивали ключ и жезл, которые она несла, но в основе этого, лежал страх.

Некоторое время Талахасси ждала их нового нападения, какого-нибудь удара от тех, кого невозможно увидеть. Но ничего не последовало, и она заговорила снова:

— Я заключила договор с тобой, Акини, но я не могу выполнить его, если ты не дашь мне дойти до тех, кто знает, где ты и что тебя держит. Я не забыла об уговоре и не забуду.

Они по-прежнему были здесь, но не отвечали. Она немного подождала и решительно двинулась дальше, зная, что духи следуют за ней. Пусть, если им хочется!

Туннель опять повернул, и порыв свежего воздуха дохнул ей в лицо. Где-то поблизости был выход. Талахасси выключила фонарь и несколько секунд постояла на месте, пока ее глаза привыкли к излучению жезла и ключа. Затем она снова пошла вперед, осторожно, шаг за шагом.

Да, там было забранное решеткой отверстие. Канализационный поток выливался сквозь его нижнюю часть. Талахасси ускорила шаг, потому что тропа стала почти чистой. Затем она отбросила шарф, прикрывающий нос и рот, и стала жадно вдыхать чистый воздух.

Девушка повесила фонарь на пояс. По ту сторону была ночь, и, видно, сильный порывистый ветер. Песок и гравий летели сквозь решетку.

Она ощупала прутья решетки, места, где они соединялись с рамой, но не обнаружила никакого запора. Решетка не сдвинулась ни на дюйм, как Талахасси ни тянула ее. Жезл… он прорежет для нее путь…

Снаружи донесся какой-то звук. Она насторожилась, прислушалась. Это было тихое поскуливание. За решеткой что-то чернело. Талахасси уловила собачий запах. Ассар? Неужели собака вышла из ворот и до сих пор бродит вокруг города?

— Ассар! — шепнула она.

Раздался возбужденный лай, и Талахасси поняла, что сделала глупость. Это лай переполошит всех в окрестности. А за стеной вполне может оказаться Касти или южные номархи со своими людьми. И как раз этой встречи ей хотелось бы избежать.

— Ашок? — раздался ответный шепот.

— Кто это?

— Ашок!.. Джейта сказала, что ты придешь этим путем. Ты здесь?

— Хериор! — Она чуть не сказала «Джессон»!

— Да. Сейчас ты отсюда выйдешь. Отойди немного назад.

Она отодвинулась. Перед решеткой возникла другая тень, послышался скрежет металла и решетка выпала наружу.

Еще секунда — и Хериор позвал:

— Иди, Леди, путь открыт.

Он шагнул вперед и вывел Талахасси на свежий ночной воздух.

В палатке находилась смешанная группа. На этом военном совете они все держались почти как равные. Джейта сидела сразу за Талахасси, за ней — Хериор, направо — Кандис Налдамак. Тут же были два северных генерала и полковник

Поклявшийся-на-Мече.

У Талахасси пересохли рот и горло. Когда Хериор привез ее сюда, она четко рассказала обо всем, детально описала лабораторию Касти, где он занимался своими таинственными делами, о проходе, который она нашла. На листке бумаги она набросала план подземных путей, как она их помнила, положила в руки Налдамак жезл и ключ.

Кандис была худощава и тонка и казалась старше, чем память Ашок рисовала ее для Талахасси. Но ошибиться было невозможно: быстрый свет ума в ее темных глазах, манера, с которой она уверенно схватывала главное в повествовании Талахасси, расспрашивая о подробностях.

— Касти! — сказала Кандис, когда Талахасси закончила. — Все время Касти! — Она повернула голову к генералу. — Настазен, что узнали ваши разведчики в пустынных землях?

— Солнце-Славы, рапорт тех лет говорил, что этого чужеземца нашли рядом с мертвым верблюдом и передали одному из наших патрулей, потому что он был очень похож на жителя Амона. Они подумали, что он вне закона и скрывается от правосудия.

Но есть еще один рапорт, совсем недавний, о

том, что из того же места в пустыне пришел другой человек, похожий на Касти. Однако он сказал, что пришел не к Касти, а к нашей Солнце-Славе.

Его послали в Новую Напату ждать твоего разрешения. О нем и слышала Наследница. Сумки на его верблюде были тайно обысканы, там был малый запас еды, словно путь ему предстоял недалекий. Поэтому капитан сотни этого форта послал по его следам другой патруль, чтобы узнать, откуда он явился. Они пришли к долине в скалах и, хотя там не было никакой стены, наткнулись на барьер, через который ни один человек не мог пробраться.

— А человек, что пришел в Новую Напату?

— Видели, как он вышел из ворот — из тех запечатанных ворот, Солнце-Слава, и затем исчез.

— Так что этот барьер для нас, но не для иноземца, — сказал Хериор.

— Как вам известно, — снова заговорила Кандис, — я и мои люди были найдены патрулем в пустыне. Но мы не выжили бы, если бы не появились неизвестно откуда два иноземца. Они дали нам пищи и воды и указали, куда нам идти. Я начинаю думать, что у Касти есть враги в его собственном племени, кто бы они ни были.

Но центр его силы в Новой Напате, и там мы

должны встретиться с ним. Сестра, — обратилась она к Талахасси, — ты очень хорошо поработала в городе и вне его. Мы обязаны тебе возвращением этого. — Она указала на талисманы. — Благодаря тебе мы теперь можем атаковать Касти в его собственном логове. Узеркоф и его игра в государственную измену пока не так важны. Главное — этот иноземец, который поддерживает таких мятежников. Ты, Хериор, распоряжаешься своими войсками. Могут ли они пройти через этот опасный туннель так, чтобы напасть не только на дворец, но и на город, и, самое главное, на гнездо Касти?

— Солнце-Слава, дай только команду, — быстро ответил Хериор. — Как только в городе узнают, что ты жива, большая его часть поднимется на твою защиту.

— Пусть будет так, — сказала Кандис. — Только не разоряй гнездо, а просто сторожи его, пока мы не подойдем. — Она кивнула Джейте и Талахасси. — Дело в том, что пока Храм закрыт, только мы трое имеем Высшее Знание и сможем использовать его против Касти…

Джейта внезапно подняла голову, но посмотрела не на Налдамак, а поверх ее плеча.

Эта палатка для Совета хорошо охранялась: на

страже стояли Поклявшиеся-на-Мече и личная охрана Хериора. А собравшиеся в палатке говорили тихо, чтобы никто не мог их подслушать. Но сейчас рука жрицы взметнулась вверх, требуя молчания, даже от Кандис, которая смотрела на нее, сузив глаза.

— Там кто-то пришел, — чуть слышно прошептала Джейта. — Чужой…

Налдамак сделала знак, жрица встала и заглянула в щель между полотнищами. Затем она кивнула Кандис:

— Это не Касти. Но один из его племени.

На лице Хериора выразилась ярость.

— Каким образом он прошел мимо внешней стражи? — гневно спросил он. Вопрос относился, конечно, не к собравшимся, а к страже.

— Бывает, — задумчиво сказала Кандис, — что такие, как он, могут это сделать. Тех, кто пришел к нам на помощь в пустыне, мы увидели только тогда, когда они уже стояли перед нами. Приведите его ко мне.

— Солнце-Слава, — запротестовал один из генералов, но Налдамак покачала головой.

— Если я обязана такому человеку своей жизнью и жизнью своих людей, я не могу думать, что он хочет повредить мне сейчас. Приведи его,

Дочь Апедемека!

Жрица поклонилась и вышла. Но Хериор и два генерала упрямо взяли наизготовку ручное оружие. Талахасси поднялась со складного стула, чтобы лучше видеть вошедшего.

Он уже просунул голову под полотнище, которое Джейта откинула для него, поскольку был высоким мужчиной. Талахасси была уверена, что это какой-нибудь трюк Касти, и хотела вовремя предупредить всех, но увидела, что если вошедший и был одной породы с Касти, — то чем-то и отличался от него.

Он был в одежде всадников пустыни, однако она чувствовала, что это не обычная его одежда. Он был старше Касти, в нем угадывалась врожденная властность, какая могла быть у члена Рода.

Увидев Налдамак, он поднял руку ладонью вверх в приветствии, которого они не знали, но поняли, что так достойный встречает достойного, равный — равного.

— Ты Кандис Налдамак.

Это был полувопрос, полуутверждение.

— Да. — Хериор чуть наклонился вперед, на его открытом лице ясно читалось недоверие. — А кто ты, иноземец?

— Неважно, кто я, — ответил мужчина с той же властностью, с какой он вошел. — Ваша Императрица обязана нам жизнью. Теперь мы просим кое-что взамен.

— Я знаю тебя, — медленно заговорила Налдамак, — ты был третьим человеком в пустыне, ты стоял в стороне и не подходил к нам. Да, вы спасли жизнь многим моим людям, самым преданным слугам. Что ты хочешь от нас взамен?

— В городе есть человек нашего рода и племени. Он преступил законы и ваши обычаи, придя сюда. Мы тоже преступили их, когда пришли искать его. Но мы должны были это сделать, какую цену нам ни пришлось бы платить впоследствии.

Он захватил ваш город, он желает править здесь. Не думай, что он не слишком опасный враг, Кандис, потому что, когда Касти сбежал оттуда, откуда он родом, он взял с собой изобретения, далеко превосходящие понимание вашего мира. Но мы связаны клятвой, что не применим к нему нашего собственного оружия…

Джейта спокойно вернулась к группе, но не села, а стояла и пристально глядела на чужеземца. Талахасси охватило замешательство, а затем удивление, смешанное со страхом: жрица внезапно подняла руку и начертила в воздухе

символ, чуждый даже памяти Ашок.

Человек, стоящий перед Налдамак, повернул голову, встретил взгляд Джейты и повернулся к ней. В глазах у него блеснуло что-то похожее на угрозу.

— Что ты делаешь? — спросил он.

Джейта начертила вторично тот же символ.

— Ты не можешь знать… — в первый раз его самоуверенность дала трещину. — Неужели такое знание сохранилось? — быстро добавил он.

— После стольких веков? — докончила за него Джейта. — Я Дочь Апедемека по прямой духовной линии… О, дальний странник, из тех, кто…

— Нет! — Он сделал запрещающий жест. — То, что ты знаешь, вообще противоречит всему, во что мы верим. Но уж если ты это знаешь, то поймешь, что такое Касти, и что ему здесь не место. Это великий самый тяжелый грех, что он сюда пришел.

Налдамак переводила взгляд с иноземца на Джейту и обратно, а затем решительно сказала:

— Не будем сейчас спорить о том, откуда пришел Касти, а поговорим, каким образом его можно укротить. Ты говоришь, человек из пустыни, что у него есть приспособления, далекие от нашего понимания. Однако, ты сам не хочешь выступить

против него. Как же, по-твоему, мы можем управиться с ним? — с вызовом спросила она.

— Только изгнав его из его места, из того места, которое он сделал своим. И тогда мы его возьмем.

Хериор весело рассмеялся.

— По-твоему, это пустяковое дело? А почему бы тебе самому не добыть свою рыбу, иноземец? Мы узнали, что есть внутренние пути в его конуру, и рады будем показать их тебе.

— Я не могу принимать участие в ваших сражениях, Принц-Генерал. Как и у ваших жрецов, у меня есть некоторые ограничения, я не могу их преступить. Но я предупреждаю вас: если вы тайно войдете в его место, разрушайте его полностью. Там есть механизмы, которые при неосторожном обращении с ними могут стереть с лица Земли всю Новую Напату и даже весь наш мир. Касти был достаточно хорошо подготовлен, чтобы сделать это.

— Захватить древнее наследство? — Талахасси не знала, как вырвались у нее эти слова и зачем она их произнесла. Она как бы повторила то, что родилось где-то, но не в той или в другой ее памяти.

Снова испытующий, почти угрожающий

взгляд, теперь уже обращенный на нее. У Талахасси было странное ощущение проверки ее мыслей. Она инстинктивно загородила от него то, что знала Ашок, и силой защитила собственные знания.

— Ты! — Он сделал шаг к ней, угроза сменилась растерянностью. — Ты не… — начал он и запнулся. — Кто ты — не имеет значения, поскольку ты не служишь ему. Но, вероятно, из всей этой компании ты лучше всех можешь противостоять ему. В тебе есть естественный барьер против тех сил, которыми он властвует. Я хочу сказать, Кандис Налдамак, что она, — он показал на Талахасси, — из всего твоего народа более всего подходит для борьбы с Касти.

Хериор вскочил.

— Кто командует здесь, иноземец? Кто ты такой, чтобы указывать нам, кем рисковать? Ты говоришь с нами, как генерал с новобранцами, а мы не в подчинении у тебя…

— Твои манеры, — вмешалась Кандис, — не производят хорошего впечатления на моих офицеров. Я принимаю твои предостережения, но план битвы мы составим сами!

И иноземец исчез.

— Как? — Хериор поднял оружие, но увидел перед собой пустое место.

— Куда он девался? — обратился генерал к Джейте, как будто она могла дать ответ на эту загадку. — Ты знаешь его или ему подобных, Дочь Апедемека. Кто они такие, он и тот, другой демон, что творит зло в самой Напате? Или это слишком большой секрет?

— Это древний секрет, Настазен, и я не имею права выдавать его. Могу сказать только, что эта порода людей была известна еще первым людям Кема. Несколько поколений наших предков общались с ними. Затем эти люди исчезли, но оставили нам знание, на котором основаны вся наша долгая история и учение. Ты спрашиваешь, куда он ушел, но, возможно, иноземец сюда и не приходил, поскольку он вообще мог быть здесь не во плоти. Если верить легендам, эти люди способны посылать свои изображения на далекое расстояние…

— Духи? — спросила Талахасси.

Джейта нахмурилась.

— Нет, те духи, что помогали и одновременно теснили тебя, рождены злом — Касти. Когда-то они были людьми нашей породы. Но Касти послал их в межпространство ради каких-то своих, полных зла, целей. Они заключены там не полностью, потому их мысли и желания можно

прочесть, если направить энергию соответствующим образом. Но могут ли они вернуться в свой облик после ухода Касти, я не знаю.

— Если Касти может исчезать таким же манером, — заметил генерал Набен, — похоже, что наша задача становится много трудней. Чем раньше мы начнем, тем лучше.

— Прошел почти день, с тех пор, как Ашок пришла из Новой Напаты, — сказала Налдамак. — Мы не уверены, знает ли Касти, где она сейчас. Похоже, что, несмотря на свое хваленое влияние, он не смог обыскать дворец или преследовать тебя до этого места, сестра. Вероятно, у его власти есть какие-то пределы. Я думаю, что номархи, созванные Айдис, еще не провозгласили Узеркофа Императором, но все равно нам лучше поторопиться.

— Милорды, — обратилась она к генералам, — маршала вооруженных сил вы выбрали. Надеюсь, что вы подберете людей, которые не слишком боятся этих духов. Скажите им, что Ашок уверена в том, что невидимки имеют все основания ненавидеть Касти. Один из них, во всяком случае, помог принцессе, когда ей пришлось туго. Ашок, Джейта… — Налдамак сделала паузу. — Я не посылаю других туда, куда иду сама. Мы направляемся

прямо во внутренний дворец. Я и половина моей охраны поднимемся по тайной лестнице в мои покои. Эту лестницу я могу показать сама, а…

— Я пойду в лабораторию, — сказала Талахасси, опять-таки без всякого намерения сказать это; слова сами слетали с ее губ. — Да, — отклонила она протест, отразившийся на лице Хериора, — этот иноземец сказал, что я могу лучше всех противостоять Касти, так и будет…

Рука Налдамак простерлась над ключом и жезлом и пододвинула ключ к Талахасси.

— Тогда возьми это, сестра. Это символ всего нашего учения. В этот час он может тебе пригодиться.

— Я пойду с ней. — Джейта взяла львиную маску, лежавшую рядом с ней. — Как Дочь Апедемека, я имею некоторую собственную власть и Касти об этом узнает!

— Пусть будет так! — кивнула Кандис. — Мы выйдем, как только стемнеет.

Талахасси очень не хотелось идти снова страшными путями канализации, однако в этот раз она шла во главе немалой компании — Налдамак с частью охраны чуть позади и Джейта плечом к плечу с ней. Хотя девушка настороженно вглядывалась в каждое завихрение воздуха, которое

могло означать присутствие духов, те, похоже, прекратили свою охоту.

Генералы повели своих людей к стене, чтобы попытаться перелезть через нее и тайно прийти в Напату. Если это удастся, им останется только пробраться ко дворцу. Они планировали двойную атаку — изнутри дворца и снаружи.

— Странная дорога, — гулко прозвучал голос Джейты из-под маски.

Талахасси задумалась, защитит ли маска хоть немного от ужасной вони. Они шли медленно, осторожно. Но с дополнительным светом и в окружении близких людей Талахасси было гораздо легче идти.

Наконец, они добрались до лестницы, ведущей в покои Кандис. Двое стражей взялись за работу — разобрали камни и полностью открыли путь. Рука Налдамак легла на плечо Талахасси.

— Да будет с тобой удача, сестра. Мы поставили на карту не только наши жизни, но и весь Амон… Если мы погибнем, погибнет и Амон… Пользуйся ключом, когда понадобится, а я буду пользоваться жезлом.

— Да придет и к тебе удача, — только и могла ответить Талахасси. Даже память Ашок не давала ей ощущения родства с этой решительной

женщиной. Они жили врозь с самого детства. Но Ашок доверяла Налдамак, это Талахасси знала твердо. Придет время, когда ей придется доверить Налдамак последнюю тайну — что Ашок больше НЕТ.

С Джейтой, тремя амазонками и двумя людьми Хериора — он настоял, чтобы она их взяла — Талахасси пошла к цитадели Касти. Как раз на этом пути она встретила духов.

Она услышала слабое восклицание Джейты, которая подняла руку, скрестив особым образом пальцы. Талахасси подняла ключ выше. Его естественное излучение пропало в свете фонаря, но она чувствовала в руке жар от испускаемой им энергии, природы которой она не понимала даже со знаниями Ашок.

Движения не было, только ощущалось, как будто невидимые пальцы касались их одежды, тянули за волосы, пытаясь любым способом привлечь внимание. Не поворачивая головы, Талахасси тихо сказала:

— Здесь те, о которых я вам говорила. Они не повредят нам. Они, может быть, даже помогут.

Те, кто шли сзади, не ответили, но она чувствовала, что им не по себе в таком обществе. И она высоко оценила их храбрость, когда они тихо

постукивали сапогами по древним камням с твердым намерением добраться до цели, как бы не пытались духи отпугнуть их.

К несчастью, впереди могло быть нечто более определенное. Есть ли здесь, в самом центре деятельности Касти, его телохранители, Талахасси не знала, но он сам мог вооружиться после ее побега.

Подойдя к лестнице, она приказала погасить фонари. Теперь они шли очень осторожно, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Духи составляли часть их группы, но пока не выказывали никакого желания общаться. Возможно, они тоже ждали, не приготовил ли Касти засаду.

Шаг за шагом обе женщины поднимались по лестнице. За ними следовали остальные. Без фонарей ключ светился своим собственным светом.

Когда Талахасси вошла в зал, Джейта чуть отстала в надежде увидеть свет из-под двери лаборатории. Но если там и был кто-то, дверь, видимо, была плотно закрыта.

Шепнув, чтобы все остановились подальше, Талахасси подошла вперед, прижимаясь плечом к стене.

Дверь должна быть уже близко. Нет — при све-

те ключа она увидела гладкую стену. Может, ее заложили, как раньше городской путь?

Талахасси водила по поверхности стены ладонью вверх, вниз и в стороны. Не было ничего, за что можно было бы уцепиться. И когда она толкнула стену сначала слабо, а потом изо всех сил, та осталась неподвижной.

Теперь вся надежда на ключ. Талахасси не знала, как с ним обращаться, она ведь пользовалась только жезлом. Но если это действительно ключ, то как лучше всего употребить его?

Сосредоточившись, она взяла ключ за головку, приложила его к стене, как сделала бы с обычным ключом, желая открыть дверь.

В ту же минуту рука Джейты коснулась ее руки, державшей ключ, и от этого прикосновения появилась сила, дополняющая ее собственную.

Не пламя, как из жезла, когда он освобождал Талахасси из клетки, а вспышка… Но защитный барьер, державший дверь, тут же исчез. От прикосновения Талахасси дверь распахнулась настежь, так что два стражника бросились вперед, чтобы защитить своими телами Талахасси и жрицу от возможного нападения.

Но внутри никого не было. Талахасси увидела, что клетка с прожженным отверстием все еще

тут. И все остальное было на месте. Однако чего-то не хватало.

Талахасси попыталась вспомнить, что же изменилось. И тут же поняла: все замерло. Здесь больше ничего не булькало, не бурлило, не щелкало. Означало ли это, что Касти, узнав об их приближении, бежал? Вряд ли. Скорее всего, он перенес свою деятельность в другое место.

То, что оставалось здесь, может быть, было теперь не опасно, но все равно они должны были уничтожить лабораторию.

— Не торопись, принцесса, — сказала Джейта, как будто читая ее мысли. — Здесь все еще может быть что-то для нас опасное. Надо действовать осторожно, пока не поймем, что к чему.

Талахасси согласилась, что это разумно. Но как остерегаться опасности, которой никогда не видел? В ее времени и мире она имела очень поверхностное представление о химии и физике.

— Ключ скажет нам, — опять подсказала Джейта.

Талахасси прошла к ближайшему столу, вытянув перед собой ключ, а стража в это время стояла в дверях. Ключ дважды двинулся в ее руке сам, как палочка предсказателя. Один раз он указал на металлический ящик, затем на пустую пузатую

колбу с желтой жидкостью.

Каждый раз Джейта брала указанный предмет и относила в клетку, в которой когда-то сидела Талахасси. Еще два ящика и жезл, похожий на талисман, но только короче и без львиной маски, тоже были отнесены в клетку.

Затем Талахасси подозвала двух стражников.

— Уничтожить! — приказала она, указывая на столы.

Стражники разбили и разломали все на мелкие куски. У стены стоял ящик с бумагами. Талахасси сама изорвала листы плотной бумаги с чуждыми чертежами и диаграммами, и швырнула все это в клетку, навалив кучей на предметы, указанные ключом как опасные. Теперь она знала, как уничтожить это, а, может быть, и вообще все в этой проклятой комнате.

— Уходите все отсюда! Бегите к лестнице! Не задерживайтесь!

— Что ты хочешь сделать? — спросила Джейта.

— Я хочу, чтобы никто и никогда больше не воспользовался этим местом! Уходи тоже, Дочь Апедемека, потому что я могу разбудить здесь очень опасную силу. И возьми это. — Она сунула ключ в руку жрицы.

Джейта пошла назад. Она была в дверях, ко-

гда руки Талахасси протянулись к тем четырем кнопкам на передней панели блока, контролировавшего клетку. Сокрушая эту тюрьму, она могла погибнуть и сама, но все равно решила попытаться.

Кончики ее пальцев нажали на кнопки.

Прутья клетки вспыхнули жаром. Талахасси бросилась за дверь, толкая перед собой Джейту.

— Скорее к лестнице, — крикнула она, крепко схватив жрицу за руку, и потащила ее вперед.

Они были почти у лестницы, ведущей на нижний уровень, слышали перед собой топот сапог стражников, видели свет их фонарей, когда пришел ответ на дерзкий поступок Талахасси: сзади раздался грохот, и страшная вспышка света осветила все вокруг. Взрыв…

Обе женщины помчались вниз так, как никогда раньше не бегали.

Звук оглушил их. Талахасси махнула страже, и солдаты бросились вперед, к лестнице, которая вела в покои Кандис. Тут они могли подниматься только гуськом, и Талахасси шла последней. Голова у нее кружилась, она едва держалась на ногах.

Наверху их ждали Налдамак и Манига. Сэла была у входной двери и прислушивалась к тому,

что делается в коридоре.

Талахасси увидела, как шевелятся губы Налдамак, но покачала головой.

— Шум… я оглохла, — сказала она. — Но мы, кажется, уничтожили большую часть того, что Касти использовал против нас.

Тяжело дыша, она повалилась на край постели Кандис. Сэла подала ей чашу с водой и она с жадностью ее выпила.

Занавеси на окнах были подняты, окна раскрыты в сад, так что ночной ветерок, насыщенный запахом цветов, обвевал ее лицо и руки.

Слух медленно возвращался к ней. Талахасси услышала доносящийся из города шум. Налдамак стояла у окна, наклонив голову, как бы прислушиваясь к волне звуков и пытаясь понять, что случилось. Талахасси опять увидела, что губы ее шевелятся, и на этот раз услышала шепот Кандис:

— Храм открыт… Зилаз говорил с нами…

Из другой комнаты быстро вошла амазонка и поклонилась Кандис:

— Солнце-Слава, барьер на воротах исчез. Но люди Слона…

— Если я покажусь, — быстро ответила Налдамак, — они будут выглядеть открытыми мятеж-

никами, а я не думаю, что у них есть какая-либо причина для мятежа.

— Солнце-Слава, — амазонка пыталась загородить ей дорогу, — не ходи. Один единственный выстрел может унести Великую Леди. А нас слишком мало, чтобы защитить тебя.

— Мы пойдем в Храм по внутреннему проходу, — ответила Кандис.

Львиная маска Джейты согласно кивнула, и Талахасси неохотно встала. Сделать это ее заставила Ашок, но ее память так заполнила теперь Талахасси, что девушка не могла ей противостоять.

Амазонки окружили Налдамак и ее двух спутниц. Они пробирались по коридорам, дважды видели скорчившихся у стен мертвецов, их военные силы встретили сопротивление даже в самом дворце Налдамак.

Под лестничным пролетом раздавались выстрелы. Затем они вышли в коридор Храма, который еще недавно был закрыт Касти.

Кандис теперь уже бежала, и Талахасси старалась не отставать от нее, что было нелегко, потому что она устала и после взрыва лаборатории у нее все еще кружилась голова.

Когда они добежали до конца коридора, оказалось, что враги опередили их.

Амазонки-стражи встали вокруг Налдамак стеной, приготовив оружие, чтобы сразить тех, кто никак не ожидал встретить их здесь.

Когда невидимый барьер рухнул, Касти, видимо, послал сюда людей с дальнего юга, не признававших веры Амона и не поддерживающих его жрецов.

За этими бойцами Талахасси увидела Чье-то тело, закутанное в белое покрывало — правда, оно было теперь в красных пятнах. Но и амазонки нашли себе мишени. Талахасси, движимая ужасом Ашок перед тем, что может случиться, бросилась на Кандис, прижала ее к полу, пока стрелы света летели над их Головами. Это оружие было им незнакомо.

Амазонки ныряли под эти стрелы, их боевой клич заглушал гром выстрелов. В этих женщинах было столько ярости, столько беспощадной силы, что все это потрясло варваров. До сих пор они слышали об этом только в легендах. И как ни жаждали они битвы, но под натиском обезумевших женщин стали отступать.

Схватка закончилась, едва начавшись, но три амазонки были убиты. Кандис и Талахасси поднялись.

— Кровь в Храме! — закричала Джейта. — Они

учинили святотатство в Храме!

— Зло, — выдохнула Налдамак и посмотрела на амазонок. — Поклявшиеся-на-Мече, что я скажу вам, служившим мне жизнью и смертью? Вы мои сестры по оружию.

— Солнце-Слава, — ответила капитан амазонок, прижимая к себе руку, из которой хлестала кровь, — наше право желать твой путь гладким. Нет никакой доблести в том, чтобы выполнять свою обязанность. Но, как видно, — она кивнула на мертвого жреца поодаль, — эти адские создания уже побывали там. Умоляю тебя, будь осторожна…

— Чтобы не испортить всю вашу работу? Да. Жизнь, купленная ценой крови друзей, не должна пропасть. Но внутри есть то, что может положить конец этому кровопролитию.

Они осторожно спустились в нижний этаж Храма — амазонки впереди, как разведчицы. Налдамак сказала Талахасси и Джейте:

— Здесь не все благополучно. Вы не чувствуете? Здесь тишина, а должна быть сила.

Да, вспомнила Талахасси, члены Рода с Талантом должны были бы тут же почувствовать общение, как только вошли сюда.

Неужели Касти и сюда принес смерть? Ни мя-

тежники, ни даже самые южные варвары не посмели бы сделать такое. У них были свои боги и колдуны, у этих южан, но они слишком боялись власти и силы Храма, пусть даже чуждого им.

Джейта подняла руку.

— Не искать! — скомандовала она. — Мысленный оклик может быть предупреждением для врага. Мы должны идти вперед, только телом закрыв мозг.

Они подошли к подножью лестницы, которая вела в большой центральный зал, в самое сердце Храма. Теперь Талахасси увидела, что жезл в руке Налдамак стал жезлом сияющей славы, загоревшись ярким светом, а ключ в руках Джейты вспыхнул в ответ.

Кандис повернулась к амазонкам:

— Сестры, здесь мы расстанемся, потому что никто, кроме обладающих Властью, не может войти во внутренний, дуть — не потому, что у нас от вас секреты, а потому, что вы сами можете сгореть в огне, живущем здесь. Только посвященные могут пройти через него.

— Солнце-Слава, — протестовала капитан, — а если варвары прошли этим путем перед тобой?..

— Тогда они уже мертвы или лишены разума, — ответила Кандис, — здесь Власть. Я запрещаю

вам вашей же клятвой следовать за мной.

Капитан, казалось, хотела возразить, но Налдамак уже поднималась по ступеням. Талахасси, чуть поотстав, шла слева, Джейта — справа.

Они втроем поднялись, все время прислушиваясь к тому, что происходит в Храме, пользуясь для этого не столько данным простому смертному слухом, сколько мозгом и всем своим существом. Возможно, они войдут в обитель мертвых. Кандис сказала правду — неподготовленный не мог находиться в этом месте, не мог выжить под давлением Силы, которую призывали сюда из поколения в поколение люди Таланта. Так же, как жезл и ключ, это было много больше их, поскольку сюда стягивалась вся Власть.

Они вошли в большую комнату. Стены ее освещались волнами энергии, которые пробегали по ним одна за другой. И в этом свете они увидели тех, кого искали, — двенадцать мужчин и женщин в белых одеждах, почти все они были старыми. Впереди сидел сам Зилаз. Его темное лицо исхудало, заострилось, но по-прежнему было властным.

А напротив него сидел Касти!

И в эту минуту Талахасси почувствовала, что происходит молчаливая дуэль. Иноземец экра-

низировал свой мозг каким-то тайным образом, а в руках держал обруч из сияющего металла, стараясь так сфокусировать его, чтобы сломать защиту жрецов Храма.

Они были настолько погружены в это состязание силы, что казались почти мертвыми. Ни одно лицо в молчаливом собрании не изменилось, когда Налдамак и ее спутницы быстро вошли за спиной Касти.

Кандис держала пылающий жезл над плечом, как охотник копье. Она встала справа от неподвижного Касти. Обе ее спутницы встали рядом с ней. Джейта, подняв одной рукой горящий ключ, другой коснулась плеча Налдамак. Память Ашок заставила Талахасси сделать то же самое, встав с левой стороны Кандис.

По рукам как будто пробежал огонь. Плечо Кандис было таким горячим, что Талахасси чуть не отдернула пальцы. Теперь силы Талахасси переходили в тело Налдамак.

Хотя они подошли бесшумно, Касти оглянулся. Глаза его расширились, но сам он даже не шевельнулся.

Налдамак метнула жезл. Это был хорошо нацеленный бросок, и талисман прошел через обручи в руках Касти.

Касти откинул голову назад и расхохотался.

— Тебя нелегко победить, Госпожа Магия!

— Чужеземец, твое время здесь кончилось, выбирай — смерть или уход…

— Чью смерть, Кандис? Посмотри на свой жезл — он умер.

И в самом деле, жезл на полу Храма утратил свой блеск и посерел, как теряет его и покрывается пеплом остывающий уголь. Но лицо Налдамак не дрогнуло.

— Дух Амона не умрет, чужеземец!

Она протянула ладони: жезл поднялся с пола и вернулся к ней. В ее руке он снова засиял. Талахасси почувствовала, что чем больше поток энергии, льющейся от нее к Налдамак, тем ярче его сияние.

— Этим, — Касти поднял выше свой обруч, как бы привлекая к себе внимание, — я смогу отнимать силу у вашего духа снова и снова, и он не принесет мне вреда.

— Дочь Апедемека, — прозвучал голос Зилаза, обрывая надменные слова Касти, — кого ты привела с собой сюда?

Он указал в пространство между Касти и Кандис. Талахасси увидела завихрение воздуха еще до того, как почувствовала здесь ПРИСУТСТВИЕ.

— Спроси их, кто и что они, Сын Апедемека, — ответила Джейта. — Они нашли нас в темноте, но другого нашли раньше.

Касти снова засмеялся.

— Это бывшие мои инструменты, жрец. И они больше не нужны мне. Я могу уменьшить людей до такого состояния. Они служили мне, но недостаточно прилежно. Они слишком слабы, чтобы повредить мне.

— Открыватель Запретных Ворот, — ответил ему Зилаз, — не чересчур ли сильно ты распахнул их?

В воздухе клубились трое. Они двинулись к Касти с трех сторон, но он пожал плечами и улыбнулся.

— Я не из тех, кто может отказаться от цели, испугавшись призраков или же тех со «знаниями», за которых ты цепляешься, старик. Талант истощается, не так ли? И мои машины в конце концов оказываются лучше и сильней.

— Акини! — позвала Талахасси. — Я называю твое имя и даю тебе то, что могу… — Она протянула бледную руку к тому, что повисло в воздухе рядом с ней, не прерывая контакта с Кандис, а через нее с Джейтой. Одно из существ, бывших позади Касти, устремилось к ней.

— Она назвала имя! — пронесся через весь зал голос Зилаза. — Да будет ее Власть!

Так же, как энергия выкачивалась из нее в Налдамак, когда та управляла жезлом, так теперь она стала возвращаться обратно к Талахасси.

Плоть ее пульсировала, этой пульсацией было охвачено все ее длинное стройное тело. Талахасси чувствовала, как шевелятся ее волосы, и каждый волосок, поднимаясь, разряжался той же силой.

Что-то коснулось ее открытой ладони — такое холодное, что стало больно, как от удара ножом. Но Талахасси держалась твердо. Вскоре она почувствовала, что от этого прикосновения, как и тогда в клетке, из нее словно бы вытекала некая субстанция, а существо в воздухе жадно поглощало ее.

Она видела, что Касти полуобернулся к ней и направил свой обруч, но между ней и Касти тут же проскользнули два других призрака и, насколько это было возможно, заслонили от нее его лицо. Талахасси не отпустила руку, и существо продолжало впитывать ее силу.

Вопреки ожиданиям Талахасси, то, что сформировалось в воздухе, ничуть не походило на человека: это была толстая змея, которая все еще тянула силу из Талахасси не только для себя, но

и для других духов. Талахасси, как сквозь сон, услышала пение Джейты, увидела уголком глаза, что жрица рисует в воздухе пылающим ключом какие-то линии. Они загорелись тусклым светом и оставались висеть в воздухе даже тогда, когда Джейта опускала ключ.

Талахасси кольнул страх — а вдруг ее истраченная сила больше не вернется к ней. Однако существо, которое она укрепляла собой, продолжало высасывать ее из девушки. Может, ничего и не получится?

— Акини! — сказал Зилаз. — Дверь открыта — иди через нее.

Змей, наконец, отпустил руку девушки, и она бесцельно повисла вдоль тела. У Талахасси кружилась голова, но она видела в воздухе рисунок двери.

Касти с полубезумными глазами оскалился и поднял обруч, больше не нацеливаясь им на жрецов и жриц, которых он так долго держал в своей власти. Теперь он безумно старался сфокусировать его силу на двери в воздухе.

— Акини! — снова позвал Зилаз, и его голос стал тонким и слабым, как бы доносясь издалека.

Змей закружился в воздухе, свиваясь в кольца, словно радуясь, тому что обрел себя, пусть даже в

такой форме. Однако ни он, ни другие духи не делали попытки уйти через дверь, которую открыла для них Джейта. Дверь отсюда — куда-то туда.

Призраки держались между Касти и тремя женщинами, которым он угрожал. Змей метнул в него свои кольца, как набрасывают лассо на дикого быка в родном мире Талахасси. Они охватили руки Касти и обруч, потом поползли к его голове. Касти уронил обруч и попытался высвободиться. Но усилия были напрасны: кольцо вокруг головы медленно сжалось и полностью закрыло его лицо. Касти безуспешно пытался сорвать с себя петлю.

Призраки окружили его со всех сторон. Когда чужеземец спотыкался, они заставляли его выпрямляться и толкали ослепленного, полузадушенного к двери, открытой Джейтой.

Он сделал шаг, другой… и исчез, его не стало.

Дверь исчезла тоже, оставив жуткое ощущение пустоты в зале, как будто что-то унесло часть жизни всех, кто был здесь, Как? Талахасси не могла бы объяснить этого даже самой себе.

— Ну, я уже думала, что они хотят идти сквозь нас, — слабо сказала она. Жрецы поспешили к ней. — Почему они не ушли сразу?

— Наверное, не могли, — ответила Джейта. — Они слишком давно высланы в это существова-

ние. А больше всего они хотели, — добавила она медленно, — добраться до того, кто сделал их призраками.

— Значит… он тоже будет духом… — Талахасси чудилась в этом опасность. Она чувствовала, что такая опасность исходит от Акини и других духов, хотя, по сравнению с иноземцем из пустыни, у них не было никакой силы.

— Они закрыли дверь, Дочь, — подошел к ней Зилаз. — Ты имела мужество обращаться с ними, как положено по обычаю, и теперь они удалили того, кто один имел силу разрушить все, что мы сделали.

— Он был… — начала Джейта, но Зилаз предупреждающе, поднял руку.

— Не будем говорить вслух о том, кто он был. Такое знание было похоронено в прошлом и основательно похоронено. Достаточно того, что он не нашей плоти и не из нашего мира.

— А те, кто пришел с ним? — спросила Налдамак.

— Они узнают своими методами, что он исчез. А к такому путешествию даже они не готовы. Человек, может быть, и победил время и пространство, но остаются другие измерения, и мы не рискуем путешествовать по ним, если хотим

оставаться людьми.

Талахасси сидела в саду Кандис. Перепуганный город теперь патрулировался верной Кандис и Амону стражей. Храм был открыт, и оттуда истекал мир. Мир, который не возбуждал ум, но успокаивал встревоженный дух.

Встревоженный дух? С исчезновением Касти Талахасси ловила себя на том, что она время от времени вглядывается в воздух, прислушивается к окружающему с помощью того внутреннего чувства, которым Ашок так хорошо улавливала чужую мысль чужого духа.

Правда ли, что когда Касти был унесен своими «ненужными инструментами», ему был преграждён вход в этот мир? Окончательно ли он вытолкнут в другое пространство-время, как она сама была вытащена из своего мира в развалины древнего Мерсе?

Другое пространство-время…

Сегодня вечером она была Талахасси, когда сидела здесь одна в сумерках. Хотя ее запыленная накидка сменилась шелковым платьем той, чье место она занимала, и ее голову покрывал церемониальный парик Королевской Леди, она не была Ашок!

Талахасси подумала о том, на что намекала

Джейта на последнем Совете несколько часов назад, говоря, что Касти пришел не из времени, а из пространства. Этот продукт самого Кема в его самые ранние дни. Он родился в результате эксперимента ученых другого мира, а кровь и способности этих ученых продолжались в некоторых потомках, которые повернули на другой путь познания, вглубь. Таким образом, те дальние предки, знавшие звезды, предпочли познать самих себя, и, возможно, преуспели в этом больше, чем кто-либо из их племени.

Второй иноземец так больше и не появился. Возможно, что он и те, кого он представлял, узнали о судьбе их «дичи» и отправились восвояси.

Но Талахасси Митфорд осталась. Она тоже была не из этого мира и тоже хотела теперь уйти. Она видела, как Джейта открыла дверь, через которую исчез Касти. Но ей совсем не хотелось обратиться в нежить, в дух. Была же дверь между ее миром и этим, и значит…

— В тебе странная мысль, Королевская Леди.

Талахасси подняла голову. Джейта, Налдамак, Хериор с рукой на перевязи и, наконец, Зилаз. Этим четверым она должна сказать правду, чего бы это ей ни стоило.

— Я не Королевская Леди, — обратилась она

к Джейте. — Ты знаешь, кто я. И теперь, когда я послужила вашим целям, я прошу вас отпустить меня.

Видимо, Джейта поделилась секретом с остальными, потому что Талахасси не заметила на их лицах никакого удивления.

— Дочь моя, — начал Зилаз, но она перебила его:

— Лорд Жрец, я не ваша дочь, я не из вашего рода!

— Нет, ты и меньше, и больше…

— Как это — и меньше, и больше?

— Каждый из нас формируется с рождения, но не только кровью и наследственностью, заложенной в нас, и теми, кого мы любим и кто в свою очередь любит нас, а еще знанием, что вкладывается в наш мозг, обучением. Ты не Ашок, но частично ты стала Ашок, и ты не можешь вырвать ее из своих памяти и мыслей. Но ты также и сама по себе с другими качествами, присущими тебе одной.

— Вы можете послать меня обратно? — прямо спросила она.

— Нет, — сказала Джейта. На ней не было ее львиной маски, и в сумерках ее лицо выглядело уставшим и осунувшимся.

— Почему? У тебя есть ключ, у Налдамак — жезл, а у тебя, — обратилась она к Зилазу, — все учение Высшего Пути.

— Должен быть якорь, чтобы притянуть человека, — сказала Джейта. — Когда был послан Акини и другие безымянные существа, они были притянуты силой жезла, унесенного и спрятанного раньше. Жезл был принесен в такое место, где были подобные ему предметы. Украденный ключ должен был быть перенесен туда, куда его притягивал жезл.

Но когда Ашок пошла за ними, ее рука, положенная на жезл и ключ, и ее право держать и вызывать их были так сильны, что потянули и тебя тоже. Потому что ты в своем мире была той, кем была бы она, если бы жила в твоем времени и мире. Вы были равны по своей сути.

В противном случае разве можно было бы дать память Ашок тебе? Но теперь там нет якоря. Когда Аки ни и другие не были притянуты вовремя обратно — ты видела, что с ними стало. В нашем мире у них, видимо, не было аналогов — вот они и потерялись в межвременье. Возможно, что подобные ему не существуют в других местах.

Ашок погибла, поскольку не могла вытянуть свой аналог, не отдав энергию своего тела. А у тебя

нет двери, потому что ничто не притянет тебя.

— Ты Ашок, и ты больше… — заговорил Хериор.

Налдамак протянула Талахасси обе руки:

— Принц-Генерал сказал правду, Сестра. Есть ли в том твоем мире что-то такое любимое, без чего ты не сможешь жить? Будь у тебя любовь, может быть, она поняла бы тебя. Но ее нет. Иначе Сын Апедемека знал бы об этом. Поэтому я говорю тебе, Сестра: ты ничуть не меньше Ашок в наших глазах. Посмотри на нас и прочти правду!

Талахасси быстро обежала глазами лица тех, кто знал ее секрет. Ашок, только Ашок, больше или, может быть, меньше, но, во всяком случае, не дух времени.

Здесь, в этом мире она реальна и желанна. Она взяла протянутые руки Налдамак и приняла все остальное, что было написано на их лицах и в их сердцах.

Поиск на пересечении времен

Вселенная вариантных временных линий, контролируемая цивилизацией Брума, была разнообразна и таинственна. Здесь были миры, где человеческий род вымер в результате атомной войны; миры, где Северной Америкой все еще правили ацтеки, а потомки викингов только начинали обживать новые пространства. Были даже такие миры, где вообще не существовало человечества. Никогда. Люди, патрулирующие эти параллельные миры, были сильны своей технологией и мощью телепатического мыслеконтроля.

Патрульный Блейк Валкер не был уроженцем Брума и не обладал силой мысленной власти, но от него зависела судьба целой вселенной временных линий!..

Что-то отталкивающее было во всем, что его окружало. Не потому, что вокруг этой скалистой пустыни бушевали ветры и грозы. И не потому, что серые, красно-коричневые, известково-белые скалы были только голым камнем и больше ничем. На всем лежал мертвящий тусклый отблеск.

Даже на морских волнах, которые с неумолимым гулом омывали подножье утеса. Под низкими грозовыми тучами они казались свинцовыми. Этот мир был абсолютно чужд зеленым чашам речной долины внизу, Сюда не было доступа ни людям, ни животным, ни птицам, ни рептилиям, ни даже простейшим формам клеточной жизни. Это был бесплодный камень. Но человек в своем неустанном стремлении к переменам потревожил его аскетическое безмолвие.

Гроза, вероятно, будет скверной. Мэрфи Роган посмотрела на тучи, отметила, что становится все темней. Как глупо было задерживаться здесь! Но…

Мэрфи выглянула из ниши, в которой сидела, и ее легкое беспокойство переросло в страх.

— Марва! — беззвучно пошевелила она губами. И над этим безжизненным миром пронесся ее мысленный зов, обращенный к сестре. Такому зову этот мир не мог помешать. Он шел от одного разума к другому.

Но ответом было молчание. И оно пугало Мэрфи, хотя маленький диск, укрепленный на поясе ее комбинезона, тихонько тикал, сообщая, что все в порядке, что Марва, на чье тело он был или должен был быть настроен, занимается своими

обычными делами. Но БЫЛ ли он настроен?

Любое изменение в этой личной настройке говорило о том, что сделано оно не случайно. Но кто мог сделать это безумие? Естественно, что люди в дальней экскурсии при надвигающейся грозе ищут какое-либо укрытие, а не пытаются вернуться в штаб-квартиру. Но расстояние — в разумных пределах, конечно, — не было барьером для связи между сестрами-двойняшками. А коптер не создан для долгого путешествия по безграничной каменной пустыне.

Личный диск Марвы сообщал, что с ней все в порядке, но разум и внутреннее чувство Мэрфи горячо отрицали это. А она больше полагалась на собственные ощущения. Однако диск не соглашался с нею.

Будь в лагере кто-нибудь другой, а не Айзен Котор, Мэрфи высказала бы свои тревоги еще час назад. Но Котор ясно показал, что недоволен их появлением. Он с радостью ухватился бы за любой предлог, чтобы спровадить их обратно на челнок. Поэтому она и не пошла туда. Струсила, потому что, если ее подозрения справедливы…

Мэрфи подняла голову. Густые красивые волосы были забраны в сетку от ветра, лицо ее теперь утратило обычное светское выражение. Она за-

крыла глаза, чтобы лучше видеть внутренним зрением свой отчаянный посыл…

На ее изящном лице цвета слоновой кости был отпечаток той изысканности, который дается воспитанием, основанным на вековых традициях. Здесь эта женщина выглядела столь же фантастично, как и цветок, выросший из камня.

— Марва! — беззвучно кричала она, но ответа так и не было.

Порывы ветра становились все сильнее. Мэрфи открыла глаза как раз в тот момент, когда первые капли дождя с невероятной силой ударили по камням. Она не могла спуститься с утеса и вернуться в лагерь. У нее не хватило бы сил противостоять этой буре и начинающемуся ливню. Чтобы уйти от наблюдения в лагере, она выбрала хорошее место. Спрятавшись в нишу, она теперь укроется от дождя' и ветра. Плохо только, что она вдруг исчезла и о ней станут беспокоиться.

Итак, забившись в расщелину, Мэрфи не видела волн исхлестанного ветром океана, узкую полосу потемневшего неба, перечеркнутого молниями. Судя по прошлым встречам с грозами, ей придется просидеть здесь не меньше часа.

— Марва! — в последний раз послала она свой зов, теряя надежду.

Марва, противница всего, что «правильно», была вне контакта. А диск утверждает, что она недалеко, и все в порядке. Значит, диск врет. Но этого не может быть!

Когда они приехали по перекрестку времени на этот Проект, им дали самое надежное снаряжение, в котором было все необходимое для защиты. А Марва, хотя способная в иной раз пренебречь контролем, никогда не была по-настоящему безрассудной. И она не могла пуститься на поиски новых приключений без Мэрфи: они всегда действовали сообща в любом важном деле. Таким образом, не было решительно никаких причин в мире, этом или любом другом из миров, открытых Сообществом, чтобы заставить лгать личный диск. Как бы Котор ни злился на сестер, в его интересах смотреть на них, как принадлежащих к Сотне. Они были дочерьми Рогана и путешествовали с его официального разрешения по тщательно нанесенному на карту перекрестку времени в поисках знаний.

Если только не… Мэрфи вздрогнула от внезапной мысли: если только не Ограничители… Марва часто обвиняла ее в подозрительности. Как близнецы, они были очень похожи. Они были индивидуальными, а не просто разделен-

ными пополам. Ограничители — это партия, требующая, чтобы путешествия по перекрестку времени были поставлены под строгий контроль. Контролировать и наблюдать должен, конечно, предложенный Сором Ту'Кикропсом комитет — иначе говоря, сам Ту'Кикропс и преданные ему люди. Поэтому мм на руку, если бы случилась какая-нибудь катастрофа, о которой узнало бы Сообщество. Это доказало бы, что проводить исследования, пользуясь перекрестком времени, опасно, и поэтому нужен их строгий контроль: Так что несчастный случай с членом Сотни или с кем-то из его семьи… У Мэрфи перехватило дух. Нет, Ту'Кикропс не посмеет! Да и как он мог бы вмешаться?

Станция приема в этом параллельном мире находилась в самом центре лагеря. И не было другого транспортного средства, кроме официального челнока. Таким образом, персонал Проекта не мог чувствовать и не чувствовал симпатии к Ограничителям. Потому что эти эксперименты были бы в первую очередь вычеркнуты под их управлением.

Марва…

Гроза яростно бушевала вокруг тесного убежища Мэрфи. Она видела почти такую же грозу в

записи в библиотеке штаб-квартиры перекрестного времени. Прошло четыреста, нет, пятьсот лет с тех пор, как перед Мэрфи открыл ворота времени Брума и ушел. Но не в прошлое или будущее, а через материю просчитанных лет, в другие параллельные миры, чья история шла вариантными путями и отходила все дальше и дальше от Брума. Из-за решений, когда-то принятых, иногда даже из-за смерти одного-единственного человека, миры разделяются, дробятся еще и еще. Создается беспорядочная путаница путей времени, и некоторые миры настолько отклоняются, что их обитатели уже не совсем люди. Однако она, Мэрфи, и ее народ остались людьми.

А этот мир был одним из самых удивительных: в нем Никогда не зарождалась жизнь. Вода, камень, дождь, солнце, но никакой жизни, даже растительной. И появился Проект создать здесь жизнь или попытаться это сделать в контрольных условиях. Эксперимент вели двадцать известных ученых, избранных правящей Сотней. Нет, конечно, персонал Проекта не стал бы подвергать опасности то, что он пытался здесь сделать.

Последние несколько дней Марва была беспокойной. Она любила людей. Путешествие по

перекрестному времени давало ей надежды на шанс изучить другие уровни, которые не были голой пустыней. Сестры сделали две такие экскурсии, поклявшись слушаться приказов. И оба раза Марва была разочарована узкими рамками, в которые они были поставлены. На Проекте им давали больше свободы просто потому, что здесь не было туземцев, которым они по неосторожности могли бы выдать себя.

Пользы от размышлений не было, хотя Мэрфи придумывала объяснения одно невероятней другого, перебирая в памяти то немногое, что ей было известно. Но решение было однозначным: как только кончится гроза, Мэрфи отправится к Котору. Она придет и потребует то, чего из осторожности не просила, так как узнала, что, когда они сюда прибыли, Котор дал Эрку Рогану согласие на их приезд очень неохотно. Она потребует немедленно сообщить… Но кому?

Эрк Роган был в полете по уровням. Он инспектировал параллельные базы, заверяя Ограничителей в отсутствии пренебрежения правилами, чтобы на следующей конференции у них не было предлога найти «противоречия». Мэрфи придется искать его на полусотне станций. Можно, конечно, на каждой из них оставить вызов. Но это

переполнит всю систему перекрестка времени, потому что по линии Мэрфи смела с ним связываться не иначе как по очень важному делу.

Кому же тогда? Может, Каму Валту? Она знала Кама, когда он только что закончил обучение в Патруле и их, шестилетних, взяли на Лесной уровень смотреть животных. Владения семьи Кама Валта граничили с владениями Рогана. К тому же в не столь отдаленном прошлом их семьи дважды роднились. И Валт в этом месяце был занят делами на родине.

Да, сообщение Валту, хотя этому тоже удивятся. Только бы Марва… Мэрфи тряхнула головой, желая отогнать чувство страха. Она переждет грозу и за это время обдумает, как составить сообщение Валту. А затем вернется в лагерь, предстанет перед Котором и потребует своего права на связь.

Челнок был маленький, но компактный. Без новейших приспособлений, конечно, но вполне пригодный для такой рутинной поездки. Блейк Валкер оглядел небольшую кабину. Перед контрольной панелью стояли два мягких кресла, за ними — шкафчик с необходимыми припасами, записывающей аппаратурой, Инструментами. Это был самый безопасный способ путешествия по перекрестному времени, какой только могли

придумать эксперты. Достаточно большой стаж позволял Блейку делать такой обычный рейс в одиночку.

В свертке, засунутом за кресло, находилось специальное научное оборудование для проекта посева жизни в бесплодном мире. Это было официальным объяснением его путешествия. О другой его миссии ему сообщил устно Мастер Патруля Кам Валт: приглядеть за двойняшками Рогана.

Не так давно — до того, как Ограничители подняли голос и их реакционная партия, благодаря быстрому росту своих рядов, внезапно стала приобретать влияние — путешествие по перекрестку было обыденностью, праздничным развлечением для ответственных групп, обязательными экскурсиями для студентов и обычной работой для торговцев. Но разрешения на них очень сократились с тех пор, как Ограничители начали резко сопротивляться этому: никаких развлекательных посадок, кроме как в «пустые» лесные миры, ничего такого, что могло бы вызвать инциденты. Но все-таки движение не прекращалось, иначе это опять сыграло бы на руку Ту'Кикропсу: он стал бы спрашивать, почему отказывают в разрешении, если путешествия по перекрестку так

безопасны? Роган боролся против сокращений разрешений. Он уверял, что это неправильный ответ на происки Ту'Кикропса. Чтобы убедить в своей правоте, Роган бросил вызов, послав дочерей на Проект по студенческому разрешению. Блейк выпрямился. Он разработал собственный дорожный код и проверил его. Теперь он собирался включить систему. Даже опытный Мастер Патруля никогда не торопится с кодированием: требуется сделать три проверки до того, как система будет включена, и тут уж ни один пилот челнока не проявляет нетерпения. Отклонение на долю дюйма может не только посадить челнок не на тот уровень, но и грозит пилоту смертью. Если челнок материализуется в месте, уже занятом каким-либо массивным объектом, пилоту несдобровать.

Поэтому Блейк не спешил. Он включил систему лишь после того, как сделал три проверки. Жужжание, головокружительный крен резкого освобождения от стабильного времени уровня Брума и — путешествие по параллельным мирам.

Закрытый в кабине, Блейк не мог видеть эти миры даже в виде теней, проплывающих мимо челнока. Хотя в первое свое путешествие, когда

он преследовал тайный челнок прыгающего по уровням преступника, видел, как миры лопались, снова возникали и менялись за пустынным краем платформы. Он сам пришел из одного из тайных миров и был вовлечен в деятельность бригады охотников Кама Валта не по своей воле. Блейк обладал пси-талантом, и это все решило. Они тогда разыграли захватывающую игру, и в конце концов бригаде ничего не оставалось, как взять Блейка на Брум, поскольку его врожденный защитный мысле-блок делал невозможным установку фальшивой памяти.

Еще не достигнув совершеннолетия, Блейк потерял тех, кто подобрал его младенцем в переулке и воспитал. Чужой всем, он обрадовался дружелюбию Брума и предложенной ему профессии патрульного. Кам Валт был уверен, хотя это и не было никогда полностью доказано, что он, Блейк, родился в другом, более близком к Бруму, мире как раз перед самым открытием перекрестка времени. Тогда тот мир был полностью уничтожен цепной атомной реакцией. Неужели он выжил только один? Возможно, его отцом был какой-нибудь исследователь, который в слабой надежде спасти ребенка пустил его в еще непроверенную «дверь». Это было весьма вероятно. Но для Блейка

происхождение не имело большого значения. Он был вполне доволен тем, что ему предложили на Бруме.

Введенная в ход кодовая система действовала независимо от пилота челнока. Он мог рассчитывать примерно на час такого режима и спокойно размышлять.

На Бруме патрульные одевали форму только в особо официальных случаях. Короткой бордовой куртки, узких брюк и сапог на молнии могло хватить на все время службы, потому что появлялись в этой одежде всего три-четыре раза. Сейчас шесть футов тощего тела Блейка были втиснуты в такой же серо-коричневый комбинезон, какой он увидит на людях Проекта, когда челнок достигнет места назначения. В этом комбинезоне его гладкая коричневая кожа — коричневая от природы, а не от загара — казалась еще темнее. Темно-рыжие волосы резко выделялись на фоне светлых панелей кабины. Костюм пилота завершал пояс разведчика со всевозможными приспособлениями как для защиты, так и для других нужд. На шее Блейка висел опознавательный знак.

С тех пор как пилот окончил учебу, он, будучи пока в темпоральной команде второстепенным человеком, совершил три обычные поездки с

поручениями. Он также служил и связным для контакта с командами, более или менее постоянно живущими в резиденции на каком-нибудь чужом уровне. Иногда дело требовало от бригады пластической хирургии и технической обработки. Это неузнаваемо изменяло людей, так что по окончании работы требовалась полнейшая перестройка. Но эти люди должны были быть по крайней мере двумя ступенями выше остальных, и они проходили основательную проверку. Они были по-настоящему одаренными. Все те чудесные способности, о которых рассказывали сказки родного мира Блейка, были известны патрульным. Некоторые из них имели по два И больше из таких талантов. Левитация, телепатия, телекинез, предвидение — все это Блейк видел в действии и в проверке. По сравнению с большинством своих товарищей по службе и обучению он обладал весьма скудным природным «снаряжением».

Он был наделен двумя талантами. Один, если это можно так определить, — предчувствие опасности, которое помогало Блейку всю жизнь. Другой проявился во время преследования вместе с патрульными сбежавшего преступника. И в этом втором Блейк был не только равен своим

новым товарищам, но и превосходил их: без обучения помимо своей воли он развил мысленный блок до такой степени, что даже опытнейшие офицеры командования не могли пробить его, чтобы прочесть мысли Блейка или повлиять на него. Его природная защита, полагали телепаты, была лучше любой, созданной механическими средствами.

Блейк пытался развивать другие способности, надеясь, что в нем, вероятно, скрыты возможности эсперта. Но все его усилия оказались тщетными. По этой причине ему могли запретить полеты, когда дело касалось регулярных рейсов по поручениям на перекрестке времени. Эта мысль, как боль в плохо зажившей ране, постоянно тлела в глубине мозга Блейка.

Но на Проекте не было потребности в таланте эсперта.

Блейку следовало передать груз, понаблюдать, как складывается ситуация вокруг дочерей Рогана, и вернуться обратно. Бестолковое задание. Следующим, вероятно, будет Лесной уровень: это лучше. Мир без людей, где животные свободны и непуганы, был любимым местом экскурсий детских и семейных групп. Каждую группу сопровождали трое патрульных, и там всегда были все

защитные «волны». Ограничители не протестовали, потому что это вызвало бы слишком много шума: Лесной мир очень популярен, и партия Ту'Кикропса не хотела рисковать.

На приборной доске вспыхнул свет. Рука Блейка легла на ключ. Он сосчитал до десяти и обратно до единицы, давая двойное время для большей уверенности, а затем дернул рукоятку люка. Челнок перестал дрожать. Часть стенки отошла и Блейк выглянул в голубоватый свет конечного уровня.

Пилот заморгал, увидев стоявшего перед ним Турка Сайласа, помощника командующего всем Проектом. Видимо, он, Блейк, привез нечто более важное, чем предполагал. Он вытащил упаковку из ее гнезда и поднял со всей осторожностью. Однако Сайлас небрежно принял груз, продолжая смотреть на Блейка.

— Вы новичок, — сказал он утвердительно.

В этой поездке, да, — ответил Блейк, не собираясь позволять этому человеку считать его новичком. Во рту его появился металлический вкус, между лопатками закололо. Опасность! Здесь, или очень близко!

Его первый талант сработал — подал предупреждающий сигнал, и он тут же, почти бессознательно, поднял мозговой щит. Во время занятий

Блейк научился поддерживать перед этим щитом камуфляжную поверхностную мысль.

Он вышел из люка. Его сапоги загремели на каменистом полу. Ах, как хотелось ему иметь телепатическую силу, чтобы извлечь из Сайласа намек на грозящую опасность!

— Рапорты! — Помощник командира Проекта выхватил из поданного ему ящичка два свертка пленок. Он не отступил ни на шаг перед Блейком, как будто с трудом удерживаясь, чтобы не загнать патрульного обратно в машину. Затем, как видно, сам понял двусмысленность своей позы, потому что не возражал, когда Блейк поставил ящичек на люк и снова вернулся к Сайласу.

— Все в порядке? — официально спросил Блейк.

— Вполне, — ответил Сайлас и резко добавил. — Поедете с нами! Через полчаса.

— Отлично. Спасибо. Заодно пошлю сообщение.

Сайлас предостерегающим движением загородил Блейку дорогу к выходу и повел его в туннель, связывающий станцию с другими частями лагеря.

— Гроза, — нехотя сказал он. — Вам не дойти до антенны по поверхности.

Опасность… опасность… — напряженно билось в голове Блейка. Не гроза, нет. Может быть, антенны… Но с чего бы? Ни лидер, ни другие участники проекта не допустят никаких происшествий с антеннами! Если они повреждены, нельзя будет послать сообщение. Но что с Сайласом? Он явно на пределе. И здесь опасность… все плохо… Блейк это чувствовал.

Может быть, из-за отсутствия растительности, сдерживающей ветер, шторм здесь казался куда более жестоким, чем в нормальном мире. Блейк смотрел в окно на сильный, гонимый ветром дождь, секущий лагерные жилища. Они все были собраны в долине и отделялись от остальной территории лишь скалами утесов. Блейку стоило только повернуть голову, чтобы увидеть карту Проекта, висевшую на изогнутой стене. Долину пересекала река с необычно медленным течением. Ее наносы образовывали при впадении реки в море дельту. А в само море вдавался волнорез изогнутых рифов, превращающий берег реки в прикрытую бухту.

Вдоль ближнего берега реки стояла цистерна с культурами, заботливо посеянными и теперь прижившимися морскими водорослями и другой примитивной жизнью, привезенной из лабора-

торий Брума. Это было только начало Проекта, но Блейк знал, как фантастически много работы и денег уже вложили сюда.

Путешествия по перекрестку времени были фундаментом торговли, основой всей экономики Брума. Торговля одного параллельного мира с другим, ввоз природных ресурсов из слабо развитых и примитивных уровней, предметов роскоши из миров с более утонченными цивилизациями никогда не становились предметом местных обсуждений или расследований. И если новые бесполезные уровни, вроде этого, в дальнейшем могут быть урожайными, Брум станет богаче и устойчивее, не говоря уже о знаниях, полученных в результате экспериментирования.

Дождь за окном падал плотным занавесом, так что Блейк не мог как следует разглядеть лаже соседнюю крышу. Он с некоторым интересом повернулся к карте, а затем прошел вдоль серии цветных изображений: скалы, море, реки и озера в каменистых берегах. Цвет скал варьировал — то более светлые тона, то яркие, но нигде никакого намека на зеленую жизнь. Пока Блейк рассматривал снимки, неприятное чувство, охватившее его как только он высадился из челнока, усилилось и обострилось. Теперь Блейк настороженно

прислушивался ко всякому звуку.

Пока он еще не видел никого из персонала. Он стал вспоминать, что знал о группе Проекта. Управлял ею Айзен Котор. У него была репутация целеустремленного руководителя, который пойдет напролом ради дела, расталкивая по пути друзей и знакомых. Занимал высокое положение в Сотне. Дважды вытягивал из труднейших положений или спасал дорогостоящие проекты, которые считались пропавшими. Блейк видел его по телевизору — бесстрастный, плотный мужчина с копной преждевременной седины нетерпеливо и односложно отвечал на вопросы корреспондента.

Айзен Котор… Сайлас… Блейк порылся в памяти и обнаружил, что, кроме них, никого из персонала не знает. Ну, конечно, если не считать двойняшек Рогана, но и тех он знает только со слов Валта. Девушки из старинной семьи Сотни. Валт показывал ему фотографии, и теперь Блейк никак не мог связать увиденное с жесткой утилитарностью здешнего образа жизни.

— Патрульный? — В дверях стояла женщина. Но не дочь Рогана. Она была по крайней мере на двадцать лет старше, с резкой складкой на лбу от постоянно нахмуренных бровей. — Если

вы соизволите идти, то мы готовы к приему пищи, — сказала она напыщенно. Женщина явно была не в духе.

Блейк пошел за ней в большое помещение, в котором пахло пищей, в основном синтетической. Но собравшиеся за столом, видимо, имели спартанские вкусы.

Котор сидел, положив под локоть блокнот. Время от времени он что-то быстро записывал в это архаическое приспособление, не обращая внимания на окружающих.

Кроме него здесь находилось еще пятеро: женщина, которая привела его сюда, Сайлас, еще одна женщина и двое других мужчин. Но девочек Рогана не было. Поскольку за столом никто, казалось, не был расположен к разговору, патрульный не решался прервать тишину. Котор даже не взглянул на него. Блейк потягивал горячее питье и ждал. Тревожное предчувствие уже билось набатом. К сожалению, его талант не указывал род опасности или ее источник. Но, что опасность подстерегает — в этом Блейк был уверен. Но ему пришлось подавить свое беспокойство, оставаться за столом, жевать невкусную пищу и ждать разъяснений.

Котор отложил блокнот, поднял голову и огля-

дел всех. Когда его взгляд остановился на Блейке, он резко кивнул. Это могло быть и коротким приветствием, и просто фиксацией места, занятого молодым человеком в общей схеме.

— Где девушки? — Вместо рева или сиплого хрипа, что было естественно ожидать при такой могучей, бычьей грудной клетке и широкой шее, Блейк услышал отработанный, почти мелодичный голос. Ему приходилось слышать актеров и ораторов с куда гораздо меньшей способностью к ритмичной речи.

— Мэрфи? — Женщина, которая привела Блейка, быстро взглянули влево, будто надеялась кого-то увидеть. Морщина между бровями углубилась, губы дрогнули. Она выронила вафлю, которую подносила ко рту, быстро сияла с пояса диск и поднесла к уху. — Поднялась на утес как раз перед грозой, шеф. Но сигнал в порядке. Мы все слышали предупреждение. Она тоже должна была слышать!

Котор снова оглядел всех, начиная с Сайласа. Он даже снизошел до Блейка.

— Видимо, не слышала или не обратила внимания. Подобным глупостям здесь не место. Я это уже говорил и снова повторяю, и достаточно громко, чтобы дошло до каждого дурака: на

перекрестке времени не место глупостям! У нас нет времени на поиск потерявшихся! — Его толстые пальцы полезли за пояс и достали такой же, похожий на монету, предмет, какой держала женщина. Он подцепил его ногтем и приложил к уху. — Она вне опасности, — констатировал Котор. — Может, мокрый нос и перенесенные неудобства заставят ее в следующий раз подумать. Мы не можем следить за детьми, которые не подчиняются элементарным правилам. Так и заявите, Турма, начальству сегодня вечером. Я не намерен больше терпеть эти визиты, кто бы официально ни стоял за ними.

Одна из дочурок Рогана, заключил Блейк, попала в грозу. Но, похоже, все носят при себе какой-то контрольный прибор, который успокоил Котора. А как насчет ее сестры? О ней вообще помалкивают!

Они сидели за длинным столом, за которым было полно свободных мест. Блейк пытался прикинуть, кто, кроме этих девушек, отсутствует. Может, спросить?

Судьба, кажется, помогла ему, потому что Котор заговорил снова:

— Коптер, я надеюсь, надежно укрыт? Больше ничего не натворили?

Сайлас кивнул.

— Да, они приземлились перед началом грозы. Карлгсон сказал, что отвел коптер под выступ, достаточно большой, чтобы укрыть его.

Котор, кивнув, хмыкнул:

— За всякий проблеск разума приходится благодарить! Чрезмерно, как мне кажется. Патрульный, вы привезли мне еще приказы? Дополнительные ограничения, что мы можем и чего не можем делать, чтобы в будущем, не дай бог, не повлиять на эти безжизненные скалы дурно?

Возможно, он шутил таким образом, но Блейка тяжеловесность этих слов неприятно задела.

— Обычная проверка антенн, шеф, — коротко ответил он.

Котор кивнул.

— Прекрасно. Выполняйте ваше поручение, патрульный. Но перед отъездом загляните ко мне. У меня будет письмо, личное письмо для передачи члену Сотни Рогану. Я не желаю, — он ткнул ручкой в блокнот, — не желаю возиться со школьницами. Я решил это раз и навсегда! — Он снова оглядел всех по очереди, словно ожидая возражений против этого явного ультиматума. Но никто не возражал.

Кашлянув, чтобы привлечь внимание, кто-то

сказал:

— Гроза кончилась.

На мгновение Блейк удивился, откуда это известно здесь, в комнате без окон, но затем сообразил, что шум дождя, который он слышал все время, пока был в штаб-квартире Проекта, прекратился. Котор уже встал, готовый к действиям.

— Улан, Кейгл, со мной на отмель! Нам повезет, если вода не уничтожила половину нашей двадцатилетней работы.

— А Мэрфи? — подавшись вперед, спросила женщина.

Котор свирепо взглянул на нее. Он тяжело повернул голову, как будто пересчитывая сотрудников. Затем указал пальцем на Блейка.

— Ваша обязанность присматривать за путешественниками, так? Так вот, найдите эту дуру-девчонку и приведите ее обратно, даже если вам придется силой тащить ее.

Шагнув к двери, он исчез с другими, оставив Блейка с женщиной. Вообще-то он был прав: патрульные в основном занимались защитой людей Брума в рабочей сети параллельных мирон. Но с чего начать? Не относилась ли ощущаемая им опасность к Мэрфи Роган?

— Она… она и в самом деле сделала большую

глупость, — сказала женщина. — Здешние грозы очень сильны, и мы всегда даем звуковой сигнал до их начала. Мы все носим такой диск, настроенный на каждого лично, — она показала на круглую пластинку на поясе. — Если окажемся в беде, он передаст зов о помощи, и его уловят все другие диски. Это у нас самая надежная защита при несчастном случае. Мэрфи не подверглась никакой опасности. Здесь есть локатор, настроенный на диски, он поведет вас. Подождите, я сейчас принесу его из кабинета шефа.

Женщина вышла. Блейк двинулся за нею, но она Захлопнула дверь перед самым его носом. Через несколько секунд женщина вернулось с диском чуть большего размера.

— Я настроила его. Не думаю, что шеф будет не доволен моим самоуправством: он сам приказал бы дать вам локатор, будь у него время. Но ведь дождь. Если река снова разольется, то она смоет большую часть нашей работы. Три ливня за одну неделю — такого еще не бывало. Не хватает еще проблемы с избытком воды! Мэрфи выбрала самое что ни есть неподходящее время, чтобы обозлить шефа. У него и так голова кругом идет! Смотрите, стрелка уже качается. Следуйте ее указаниям и найдете девушку. Да,

возьмите и это, — она открыла другую дверь и вытащила штормовки с капюшоном. Нагрузив двумя Блейка, она сунула свои длинные руки в рукава третьей штормовки, подняла капюшон и выскочила наружу. Защитившись от непогоды штормовкой и взяв вторую штормовку под мышку, с приводным устройством в руках Блейк двинулся в ее кильватере.

Страшная сила шторма, может, и ослабела, но дождь пошел опять, хлеща по скалам и сбегая с них ручьями. Капюшон ограничивал Блейку поле зрения. Стрелка шкалы отклонилась от группы укрытий у реки и указывала на утес направо.

Утопая в грязи, Блейк с угрюмой решительностью направился к утесу, стараясь найти хотя бы какое-нибудь оправдание девицам Рога на. Если они так ведут себя в полевых условиях постоянно, неудивительно, что Котор потерял терпение.

Тучи на западе разошлись. Стал пробиваться слабый солнечный свет. Блейк откинул капюшон. Несмотря на посветлевшее небо, суровый ландшафт угнетал. Пробившийся росток показался бы чудом в этой унылой местности. Если эксперименты проекта будут удачны, растения оживят речную долину. Но такую победу человека над сопротивляющейся природой можно

ожидать лишь в далеком будущем.

В долине раздалось урчание моторов. Блейк оглянулся. Машины выезжали из укрытий, направляясь к вздувшейся реке и к барьерам, которые оказались почти скрытыми под водой. Вне всякого сомнения, именно над этими заграждениями работали Котор и его люди.

Перед Блейком появилась тропа, похожая на лестницу. Но прежде, чем он сделал шаг, наверху что-то зашевелилось. Блейк увидел фигуру в тускло-коричневой полевой одежде. Темные пятна на плечах свидетельствовали, что ткань промокла. Фигура спускалась торопливо и, по мнению Блейка, весьма рискованно.

— Эй! — негромко крикнула девушка и замахала рукой, чтобы Блейк остановился. Чувствовалось, что этот путь ей хорошо известен. Она уверенно и в то же время грациозно спускалась по мокрой и, вероятно, опасной тропе. Девушка была еще довольно далеко, когда он увидел широко раскрытые глаза, пристально смотрящие на него. Затем она сделала последний прыжок.

Эта девушка в мокрой одежде настолько отличалась от изображения, показанного Кам Валтом, что при других обстоятельствах Блейк не узнал бы ее. Волосы были заплетены в косы и плотно

уложены вокруг головы, на щеках и на лбу отсутствовали рисунки — последняя новинка моды Брума. И, несмотря на это, она выглядела старше, чем думал Блейк.

— Вы… вы ведь не с Проекта! — девушка остановилась. Ее левая рука схватилась за каменный выступ, в глазах вспыхнуло подозрение.

— Валкер, АП-В-7105,— официально ответил он.

— Валкер, — повторила она, словно незнакомое имя само по себе уже вызывало сомнение. — Валкер! — неожиданно для Блейка она узнала его. — Блейк Валкер! Клянусь зубами Фиарсис! Вас послал Кам Валт? Как он узнал? Или… что-то случилось с отцом? — Она выпустила свой каменный якорь, поскользнулась на грязной тропинке и с такой силой схватилась за руку Блейка, что он чуть не потерял равновесие.

— Нет, я в обычной поездке, — успокоил ее патрульный. — Вас хватились в лагере, попросили меня отыскать. Похоже, собирается новый ливень, так что вам лучше надеть это. — Он встряхнул запасную штормовку и накинул ее на мокрые плечи девушки.

Было совершенно ясно, что его успокаивающие слова не подействовали на нее. Девушка все

еще цеплялась за его руку, и он чувствовал ее напряжение.

— В чем дело? — спросил Блейк. Казалось, что все в порядке, но он знал, что Мэрфи Роган попала в беду, а не просто в грозу.

— Сегодня утром Марва отправилась в полевую поездку на коптере… и пропала!

Блейк вспомнил разговор за столом.

— Было сообщение, что коптер поставлен в укрытие до грозы… — начал он, но девушка решительно тряхнула головой.

— Она не в безопасности, во всяком случае, здесь ее нет.

— Но с этой штукой, — он коснулся диска на ее поясе, разве вы не узнали бы?..

Мэрфи сорвала с пояса диск и прижала его к уху Блейка:

— Слушайте! — сказала она повелительно. — И скажите, что вы слышите.

— Биение, такое же ровное, как стук моего сердца, — ответил он.

— Да. И это должно означать, что все в порядке, что Марва где-то здесь. — Она взмахнула рукой. — Позавтракав, сидит под скалой и ждет конца шторма, чтобы вернуться вовремя к ужину. Но это неправда! Здесь нет даже доли правды!

Вот, значит, о чем говорила Блейку его интуиция, вот что означала его внутренняя тревога! Не сомневаясь в обоснованности своих опасений, он все-таки хотел бы услышать что-нибудь более весомое. Может, она приведет конкретные факты?

— Откуда вы это знаете?

Мэрфи Роган нахмурилась. В ее лице было что-то от непоколебимой самоуверенности Котора и надменность.

— Потому что мы близнецы и можем вести мысленный разговор. Всегда. Сегодня утром я была в лагере, и мы с Марвой установили полуконтакт. А потом — ничего! — Она щелкнула пальцами. — Вот ироде этого, как будто выключилось! Такого еще никогда не случалось и… ну, я подумала, что я, возможно, экранирована. У Котора куча всяких экспериментальных устройств, ему присылают разные штуки для проверки их в атмосфере этого уровня. Вот почему я сбежала из лагеря и поднялась туда, — она показала на утес, — выше уровня радиопередач. Но это не помогло. Даже когда я послала направленный луч…

Сам Блейк не мог посылать направленный луч, но в прошлом принимал такие зовы и знал их силу. А между близнецами эта направленная связь, наверное, была еще сильнее.

— А он, — Мэрфи снова потрясла диском перед глазами Блейка, — все время уверяет, что все отлично. Голубое небо и вообще все в порядке. Эта штука врала и продолжает врать! А с Марвой что-то случилось!

— Может, диск сломался? Или у нее испорчен?

— Непонятно, как это может случиться. Они гарантированы от повреждений. Подождите-ка! — Мэрфи схватила локатор, который вел Блейка из лагеря. — Дам Ате посмотрим. — Она повернула прибор в ладони и несколько раз нажала маленькую кнопку на дне коробочки, а затем снова повернула, чтобы можно было вдвоем взглянуть на шкалу.

Стрелка, четко указывающая на утес, теперь свободно качнулась, остановилась и снова закружилась.

— Марва! — со страхом крикнула Мэрфи.

— В чем дело? — Блейк осторожно взял девушку за плечо. Мэрфи не сводила глаз со шкалы.

— Ее нигде нет! — девушка снова лихорадочно затрясла прибор, на шкале которого лихорадочно металась стрелка. — Но не могла же она…

— Что не могла?

— Уйти с уровня! Я была рядом с дорожным помещением станции, когда мысленный контакт

прервался. Наш челнок на Бруме, значит, у нее не было возможности уехать. Да она и не уехала бы, не сказав мне…

«Может быть еще одно объяснение, — подумал, но не сказал вслух Блейк. — Где-нибудь среди камней лежит мертвая девушка. Но ведь он сам слышал ровный пульс диска, свидетельствующий, что человек вне опасности.» В любом случае здесь было явное ЧП, и дело Блейка установить, что произошло.

— Надо сообщить… Я хочу послать сообщение Каму Валту. С Марвой что-то случилось.

Она побежала по склону долины к лагерю, и Блейк поспешил за нею.

Однако им не удалось сделать этого важного шага. Когда они спустились к лагерю, Блейк неожиданно остановился. На этом уровне не было необходимости укрываться от посторонних жителей, поэтому оборудование стояло открытым. Энергетические антенны, через которые осуществлялась связь между Проектом и Брумом, поднимались к нему, как маяки. Поднимались раньше… а теперь… одни из них наклонились под острым углом, а другие, в дальнем конце лагеря, вовсе не были видны!

— Что же произошло? Эти антенны были так

важны для жизни лагеря, что их устанавливали очень прочно. Они могли выдержать любые бури. И вот случилось невероятное.

Блейк прошлепал по грязной воде к наклонившемуся столбу. Он был аккуратно укреплен в камне, но теперь это надежное основание разрушилось. Блейк нахмурился. Он не техник, но люди в лагере не глупцы или беспечные. Они не могли выбрать слабое основание дли антенны. Когда об этом будет доложено, начнется расследование. И он лично…

— Антенна… — Мэрфи Роган подошла к нему, разбрызгивая воду.

— Испорчена. И я не вижу других. Наверное, они в таком же состоянии. Но как можно было так ошибиться с установкой?

— Спросите, — ответила Мэрфи, — и вы наверняка узнаете правду. Точь в точь как с личными дисками, которые тоже неисправны.

Звук работающего механизма заставил Блейка оглянуться. Один из экскаваторов, которые он видел на затопленной отмели, теперь с грохотом шел к ним, и водитель махал рукой, чтобы посторонились с дороги. Блейк потянул Мэрфи назад, и машина начала высыпать землю, чтобы сберечь опору. Даже если антенну выпрямить, исправить

поломки на других, потребуется немало времени, чтобы снова выверить и синхронизировать цепи связи. К тому же Блейк сомневался, что на Проекте есть техники, способные на такую работу. Нет, ему придется сделать рапорт лично, а затем вернуться со специалистами. Все еще держа Мэрфи за руку, он повернулся к помещению штаб-квартиры.

— Вы поедете обратно? — спросила она. — Тогда я с вами.

— Это по усмотрению начальства, не так ли?

Даже временные посетители такого Проекта подчинялись приказам руководителя и должны были получить его разрешение на выезд. Только патрульный мог приезжать и уезжать без какого бы то ни было разрешения местных властей, действуя по приказу своих офицеров.

Блейк в первый раз увидел ее едва уловимую улыбку.

— Не думаю, чтобы Айзен Котор стал возражать. Он рад избавиться от меня. Если только… — Она засмеялась.

— Если что?

— Если он не пожелает выслушать мое сообщение о Марве.

Она повернулась к нему. Его несообразитель-

ность раздражала ее:

— В интересах Ограничителей воспользоваться этим происшествием. Марва пропала ко времени…

— Но как вы можете быть уверены в этом?

Ее категорическое утверждение показалось Блейку таким же шатким, как фундаменты антенн в лагере.

— Ее нет в этом мире! Нет нигде!

— Но вы сами сказали, что в лагере нет челнока.

— Значит, был другой, — быстро и уверенно ответила она — Вы думаете, что это невозможно? Но вы же знаете, что так бывало и раньше!

Да, Блейк это знал.

Незаконные челноки прыгали с одного уровня на другой, и он, Блейк, едва включившись в деятельность Брума на перекрестке времени, совершил за одним из них кошмарное путешествие по параллельным мирам. Но с тех пор за этим начали строго следить, и Блейк сомневался, чтобы какой-то преступник или легкомысленный турист смог бы провернуть такую незаконную операцию.

— Я хочу поехать к Каму Валту, — сказала Мэрфи. — Он знает, что делать и как добраться до

отца.

— Но кто… — начал Блейк, уже прикидывая самые невероятные версии. — Сами Ограничители, чтобы спровоцировать инцидент, незаконные торговцы — хотя что им делать в этом мире, разве что скрыться. А может, просто исследователь, не имеющий разрешения. Допустим, Марва и пилот натолкнулись на такое, что им не полагалось видеть, и были увезены, чтобы не разгласили о своем открытии? Но ведь пилот коптера сообщил, что он укрылся от грозы. Значит, это подозрение отпадало.

Тем не менее нельзя было сбросить со счетов тревогу Мэрфи об исчезновении мысленного контакта с сестрой: его невозможно портить, как диск. И ее утверждение, что контакт нарушился до бури, до сообщения пилота… И его личное предчувствие… Блейк был уверен, что они не обманывают, даже если это было всего лишь общее предупреждение. Если бы он мог сфокусировать, выделить это предчувствие, было бы больше пользы.

— Кто? — повторила Мэрфи. — Могу сразу же дать вам несколько ответов, но я хочу начать поиски Марвы… — У нее перехватило голос.

— Правильно, мы вернемся и…

— Патрульный! — Котор сошел с другой машины и тяжело направлялся им навстречу от входа в штаб-квартиру. Коренастый начальник был весь в грязи, даже лицо забрызгано. — Видите, что случилось с антеннами? Некомпетентность! Полнейшая некомпетентность! Я сообщу об этом. Возьмите с собой мою катушку с записью. Я был уверен в полном сотрудничестве, а что получил? Некомпетентность в тех вещах, от которых зависит наша безопасность. И, — он повернулся к Мэрфи, как будто только что увидел ее, — безрассудное пренебрежение правилами со стороны глупых молодых женщин, как будто им нечего делать на своем первом месте работы! Хотите или не хотите, девушка, но вы вернетесь на Брум!

— А Марва?! — спросила Мэрфи дрожащим голосом.

— И Марва тоже. Как только Карлгсон вернется с нею в лагерь, она отправится вслед за вами. Я не потерплю глупостей!

— Когда Карлгсон и Марва вернутся, — повторила Мэрфи. — А когда это будет, шеф Котор, и откуда они вернутся?

Он посмотрел на нее так, будто она несла полную бессмыслицу.

— Они вернутся из последнего полета. И очень

скоро, если Карлгсон следует приказам, которые я ему дал. А приедут из сектора Точка Один, как вам хорошо известно, девушка.

Мэрфи покачала головой:

— Марва исчезла с уровня сегодня утром, перед грозой, за полную единицу времени раньше.

— Что за вздор! — возмутился Котор. — Вы сами видели, как ваша сестра улетела в коптере. Прыжок с уровня? Чушь! Он постучал по диску на поясе. — Он говорит нам, что с ней все в порядке. Чего ради вы рассказываете эти нелепости?

— Мне плевать на то, что говорит диск, — возразила Мэрфи. — Я потеряла мысленный контакт. И в этом я не сомневаюсь. Марвы нет на уровне, а если ваш прибор говорит другое, значит, он врет.

Котор побагровел и поднял руки:

— Патрульный! Заберите ее, увезите прочь отсюда! Две отмели полностью погибли, антенны упали, а я еще должен слушать этот бред! Это слишком! Увезите ее с собой. Я не прошу — я приказываю! Ничего больше не хочу слушать! Когда вернется ее сестра, она тоже будет отправлена на Брум.

— Когда возвратится коптер? — спросил Блейк. — Челнок маленький, он только для беспосадочного полета. Я могу подождать и взять

их обоих.

— Ждать? — выкрикнул Котор одновременно с выдохом. — Нечего ждать, если я приказываю уезжать! Мне нужны техники, чтобы поднять заново антенны, и мы не знаем, сколько еще бурь нас ждет. Надо спасать то, что можно. Улетайте немедленно!

— Шеф! — В дверях позади Котора показался Сайлас. — Феркас сообщает, что не получил сигналов от коптера. Он посылал и длинный, и короткий.

Сначала показалось, что Котор не слышал своего подчиненного, и Блейк подумал, что тот подойдет ближе. Если шеф и ожидал подобных новостей, то по его реакции нельзя было этого угадать: Котор развил бурную деятельность.

Под градом приказов быстро подкатили второй маленький исследовательский флайер Проекта. Блейк швырнул мешавшую штормовку и бросился к двери кабины вслед за Котором, ставшим сейчас пилотом. Шеф злобно взглянул на патрульного.

— А вы что?

— Я отвечаю за…

Шеф фыркнул.

— Лезьте, лезьте! Не тратьте времени — не

распространяйтесь о своих обязанностях и добродетелях.

Они поднялись в воздух, едва Блейк захлопнул дверцу. Котор положил тяжелую руку на управление. Рывок легкой машины чуть не скинул Блейка с сиденья. Затем они развили максимальную скорость.

Котор, по-видимому, точно знал, куда он летит. Долина осталась позади. Под ними замелькали растрескавшиеся утесы. В прошлом здесь явно действовали вулканы, и Блейк подумал, что эта территория почти непроходима. А сейчас на коптере они покрыли большое пространство.

Теперь они снова летели над плато с далекими вершинами на востоке. Котор снизил скорость, покружился и в конце концов резко коснулся относительно ровной поверхности.

Аппарат остановился. Но Котор явно не желал покидать кабину. Наклонившись вперед, он всматривался в склоны гор. Блейк положил руку на ручку двери, но решил не выходить без Котора. Предчувствие по-прежнему предупреждало его, правда, приглушенно. Если бы опасность грозила немедленно, сигнал был бы резким.

— Ну? — прервал он молчание, поскольку шеф продолжал сидеть. — Теперь куда?

— Сюда! — указал тот. — Он, наверное, под тем нависшим гребнем.

Гребень, действительно, образовывал укрытие, вполне пригодное даже для двух коптеров. Но если коптер и был там, то не теперь. Под скалой было пусто, как и повсюду.

— Я… я не могу поверить. Посмотрите, — Котор вытянул руку, зажав двумя пальцами личный диск. — Прибор говорит, что они в безопасности, что все в порядке. Локатор привел нас сюда по лучу. Однако же здесь никого нет!

— Может, они летят обратно в лагерь? — предположил Блейк.

— Нет, конечно же, нет! — Котор стукнул кулаком по колену. — У них не могло быть причин лететь не в лагерь, а в воздухе мы их обязательно бы увидели. К тому же они не могли не ответить на сигналы. Не вдавились же они в скалу? Это невозможно!

— Мы летели над дикой местностью. Потерпеть здесь аварию… — начал Блейк, обращаясь к самому себе.

— По радио не было автоматического сигнала бедствия, — покачал головой Котор. — Это, — он взмахнул диском, — не должно лгать. За все время моего пребывания на Проекте, на многих

Проектах, в местах, где опасность всегда крадется по пятам, диски были стражами. А теперь он твердит одно, а глаза видят другое. Непостижимо. Уму непостижимо! — Он был в полном замешательстве и потерял все свое высокомерие и самоуверенность.

Не зная, что искать, но надеясь, что остался хоть какой-то след пропавшего коптера, Блейк вылез из машины и медленно пошел под гребень. Буря оставила лужи в скальных карманах, но жаркое солнце почти высушило их. Никакой надежды найти следы. Блейк даже засомневался, что здесь вообще кто-нибудь был, несмотря на все уверения Котора.

Предположим, Мэрфи права, и незаконный челнок был. Ему не обязательно нужна станция. Если его хозяин имеет дорожный код и уверен, что есть открытое пространство для пролома, он может сесть в любом месте.

Пространство под гребнем было даже шире, чем казалось из флайера. Коптер без труда мог укрыться там от бури. И… Блейк опустился на колени и ощупал пальцами рваную линию. Это не природная. И свежая. Итак… Разумно предположить, что коптер здесь был. Но где же он теперь? Никакой незаконный челнок — мысли Блейка

все время возвращались к этому предположению — не мог быть таких размеров, чтобы взять на борт коптер. А может быть, — мелькнула еще одна догадка, — здесь был внешний торговец с челноком, предназначенным дли перевозки груза. Он мог действовать на параллельных мирах и быть вовсе не с Брума?

— Что это? — Котор остановился рядом с Блейком и стал рассматривать царапину.

— Всего лишь знак, что они могли здесь находиться.

— Они были здесь, это я знаю! Но куда они исчезли, вот что вы мне объясните. Карлгсон не мальчишка, он не станет играть... Такого еще не было, чтобы он сказал — сделаю то-то, пойду туда-то, а потом переменил решение. На Карлгсона можно положиться, я его знаю. Он работал со мной много лет. Но почему он пропал? И почему эта штука лжет и уверяет, что с ним все нормально? — Котор снова выхватил диск и яростно потряс им. — Но, — он овладел собой, — нам здесь нечего делать. Из этих скал когтями ответа не выцарапаешь.

— У вас есть детекторы персональных лучей? — перебил его Блейк. — Поищите в воздухе.

Котор кивнул.

— Здесь больше нечего делать, — повторил он. — Похоже, мы теперь не должны надеяться на приборы, которые всегда служили нам в подобных случаях. Вернемся к общей системе тревоги. Но у нас нет высокомощных детекторов. Их надо будет снять со складов Патруля. А без антенн…

— Кто-то должен сообщить лично, — докончил за него Блейк. — Ладно, отвезите меня обратно в лагерь, и я это сделаю.

Во время обратного пути в штаб-квартиру Проекта Котор погрузился в свои мысли, которые, судя по выражению его лица, были самыми что ни на есть мрачными. Он заговорил лишь тогда, когда они вышли из флайера.

— Мы что-нибудь придумаем и будем искать, как можно эффективнее. Но и вы тоже поторопитесь, патрульный. Вы видите местность: это мертвый мир. Вода, правда, есть, и пригодная для питья. Она на некоторое время может сохранить им жизнь. Но больше нет ничего, чтобы человек выжил. У них очень мало шансов.

Видимо, у Котора не было никаких подозрений насчет незаконного челнока. Теперь он упрямо верил в аварию, которую недавно отрицал! Но, на взгляд Блейка, было слишком много неувязок. Сообщение от Карлгсона, что он с машиной в

укрытии. Предположение, что с ним пассажир, Марва Роган. Однако это сообщение пришло после того, как прервался контакт между сестрами. И, наконец, сигнал тревоги у самого Блейка. Необходимо как можно быстрее довести все до Кама Валта.

— Вы не нашли их, — констатировала, а не спросила Мэрфи, ожидавшая за дверью штаб-квартиры.

Котор покачал головой и прошел мимо девушки к переговорнику.

— Уклад, возьми из краулера детектор и установи на коптер…

Мэрфи схватила Блейка за руку.

— Детектор? — почти шепотом спросила она. — Неужели она разбилась? Здесь?

Блейк не мог скрыть того, о чем она уже догадалась из слов Котора.

— Возможно.

Но она затрясла головой.

— Я уверена, что Марва не в этом мире. Я узнала об этом вскоре после ее вылета. Если бы она умерла или покалечилась, я почувствовала бы это! — Голос ее звучал так тихо, будто она говорила одному Блейку. — Вы не нашли никаких признаков еще чего-нибудь?

— Челнока? — так же тихо спросил Блейк. — Нет, но незаконный прыгун по уровням не имеет постоянной базы, вроде этой.

Предположение Мэрфи насчет исчезновения сестры казалось Блейку тем достовернее, чем больше он размышлял над ее доводами. Мысленная связь, оборванная смертью одной стороны, непременно отразилась бы на другой. У Блейка не было личного опыта телепатического союза. Но когда такой союз усилен близкими дружескими и эмоциональными связями, коммуникации очень глубоки и крепки. Это Блейк знал.

— Если уж ее увезли на другой уровень, Кам Валт должен узнать об этом как можно быстрее!

Блейк был полностью с ней согласен. Всем остальным на Проекте займется Котор. Его обязанность — доложить лично об упавших антеннах. Мэрфи торопилась и торопила его.

— Поехали, — нетерпеливо повторяла она.

Они пошли к челноку. Никто, по-видимому, не обратил на них внимания. Обратный курс был задан автоматически еще до того, как челнок вылетел с Брума. Так было заведено. Иногда приходилось возвращаться внезапно из-за нападения или несчастного случая, либо для перевозки патрульного, не способного действовать потому, что

были повреждены тело или мозг. Тем не менее Блейк, следуя правилам, проверил код, пока Мэрфи пристегивалась к креслу. Как он и предполагал, шкалы были откорректированы. Он нажал высвобождающий рычаг. Их охватили водоворот исчезновения времени и чувство дезориентации при переходе.

— Долго это будет? — спросила Мэрфи, когда Блейк повернул голову, чтобы взглянуть на нее.

— Час с небольшим.

Не успел он это сказать, как в глазах потемнело. Вращение еще сильнее вжало его в подушки кресла. Но ведь поездка еще не закончилась!

Кабина накренилась и заскользила вниз. Если бы не страховочные ремни, они бы вылетели, когда челнок покатился, как сани с горы.

Когда они, наконец, остановились, кабина наклонилась под острым углом. При движении Блейка она угрожающе закачалась. Он первым делом взглянул на панель управления. Слабый свет указывал, что они в параллельном мире, а не в переходе. И был отчетливо виден код Брума.

— Что случилось?

— Не шевелитесь! — приказал Блейк. Челнок под ним дергался, словно балансировал на краю пропасти.

С безмерной осторожностью Блейк отпустил страховочный ремень, наклонился и нажал кнопку аварийного иллюминатора, чтобы посмотреть, что находится перед нестабильной кабиной.

Зелень! Густая зелень такого ослепительного цвета, что Блейк не сразу различил отдельные листья, сломанные ветки, землю. Он не мог понять, где он и как сюда попал, но было ясно, что это не патрульная станция и не лагерь Проекта.

Блейк ударил ладонью по лживому коду курса, но тот не изменил свои показания. А челнок трясся.

— Мы снова поехали!

Мэрфи была права: кабина накренилась и заскользила в другую сторону. Движение ускорялось, и Блейк схватился за сиденье.

— Наклоните голову! — крикнул он своей спутнице. — Посадка может быть жесткой.

Сам он сжался, насколько мог, в мягком сиденье. Девушка последовала его примеру, и он решил, что, пожалуй, обойдется без истерики. Но еще больше он уверился в том, что они приземлились не на регулярную стоянку.

Удар о край этого склона был не так уж силен, но испугал Блейка. Угол наклона кабины стал менее острым. Чувствовалось покачивание, словно

челнок сел на мягкую эластичную поверхность. Блейк еще раз посмотрел в иллюминатор.

По-прежнему зелень, но на этот раз сквозь листву просвечивало голубое небо… Блейк вздрогнул и повернулся к Мэрфи. Она сняла защитный ремень.

— Мы… мы не на станции? Не на настоящей станции? — спросила она тусклым голосом, с трудом подавляя волнение. Ее лицо, все в грязных пятнах, посуровело и застыло.

— В этом можно не сомневаться. — Блейк зашевелился для проверки. Ответной дрожи в кабине не было: по-видимому, они достигли какой-то формы стабильности.

— Как… — начала она.

Блейк нетерпеливо качнул головой.

— Понятия не имею. А это, — он снова ударил по локационному прибору, — все еще показывает Брум. — Он осторожно встал, нажал две кнопки на приборе, чтобы открылась панель, и остолбенел. Такой катастрофы он не ожидал. Проводка расплавилась, сложное устройство так вышло из строя, что починить его мог только первоклассный техник. Кто-то основательно поработал, чтобы лишить челнок самого главного — направляющего устройства.

— Вы не можете это исправить? — скорее взмолилась, чем спросила Мэрфи.

— Нет, — ответил Блейк резче, чем ему хотелось бы. — И не думаю, чтобы здесь была какая-нибудь мастерская.

— Тогда мы пропали. — Мэрфи все еще сидела, крепко вцепившись в подлокотники своего кресла.

— У нас есть аварийный сигнал, — сказал Блейк, отвернувшись от разоренного прибора. — «Если его тоже не испортили, — добавил он про себя».

Правда, сигнал был ближнего действия и, возможно, достигнет только Проекта, а это совершенно бесполезно — без антенны и второго челнока Проект ничем не мог помочь. К тому же, они, похоже, приземлились в неисследованном мире, для которого нет кода. Единственная маловероятная возможность — если на каком-нибудь ближайшем параллельном мире случайно окажется патрульный и уловит сигнал бедствия… Если аппаратура сигнала цела.

Блейк подошел к панели передающего устройства, осмотрел его, но не стал открывать. На первый взгляд, все было в порядке, никаких поломок. Слегка успокоившись, он включил сигнал бедствия.

— Если этот уровень имеет код, — сказала напряженно Мэрфи, — то…

— То мы сможем дать кое-какое описание, — ответил он.

Они были недалеко от уровня Проекта: об этом говорил временный элемент их прервавшегося путешествия. На этом повороте перекрестка времени до самого Лесного уровня была целая серия последовательных миров, недостаточно изученных. Но, может быть, это как раз и хорошо для них, потому что в этом направлении шел поток транспорта и кто-нибудь мог услышать их сигнал.

Но контакт — это всего лишь первый шаг. Если они не дадут координаты уровня — а с таким изуродованным аппаратом это невозможно определить, — то они должны дать точное описание, чтобы эксперты определили их приблизительное местонахождение на главных картах штаб-квартиры перекрестка. На все это потребуется значительно больше времени, чем они смогут прожить здесь.

Конечно, когда Блейк не вернется по графику из своей поездки на Проект, их станут искать. Отсутствие сообщений от него вызовет общую тревогу. Но надо иметь правильное описание мира.

— А что мы им расскажем? — видимо, у Мэрфи был тот же ход мыслей.

— Тип растительности, ориентиры — все, что может дать эксперту возможность установить место, — ответил Блейк. Это означало, что он должен заняться исследованиями вне безопасной кабины. После осмотра, если они получат ответ на сигнал, сообщит все, что увидит. А пока и у Мэрфи будет занятие.

Блейк послал сигнал бедствия на самой широкой полосе, какую мог дать прибор, и объяснил девушке, что надо делать.

— Значит, вы уйдете?

— Мы должны иметь описание, чтобы послать его, если вы получите ответ.

ЕСЛИ сигнал услышат, ЕСЛИ он найдет что-то полезное для определения мира — если... если... если!.. Блейк открыл один из аварийных шкафчиков и развернул исследовательское снаряжение.

Там были тонкий, но плотный костюм, шлем, маска. Всё это защитит его от насекомых, болезнетворных микробов, радиации. Повесив бинокль на шнуре на грудь, Блейк взял еще игольчатое ружье, стрелы которого оглушают и наркотизируют, но не наносят серьезного вреда.

Мэрфи молча смотрела на него. Когда он кос-

нулся защелки люка, девушка сказала:

— А если с вами что-нибудь случится?

Блейк указал на диск, вделанный в шлем.

— Я буду все время сообщаться с вами. А вы здесь слушайте и ждите контакта. С этим, — он указал на ружье, — мне нечего бояться. Пока!

Он поднял руку.

— Удачи вам!

— Нам и так здорово повезло, — улыбнулся Блейк. — Мы могли разбиться на скалах, однако сели благополучно. Будем надеяться и на дальнейшую удачу.

Блейк решил воспользоваться запасным люком со шлюзом. Осторожно открыв внутреннюю дверь, он протиснулся наружу. Отсек был очень тесным, но зато обеспечивал безопасность в таких мирах, где челнок попадал в ядовитую атмосферу или подвергался опасной радиации и патрульные не могли рисковать.

За наружной дверью по красной земле шла глубокая свежая борозда, окаймленная сломанной и помятой растительностью — след их торможения. Блейк осмотрел его и начал диктовать в записывающее устройство приблизительное расстояние между теперешним местонахождением челнока и тем местом, куда они вломились.

Это могло стать жизненно важным ориентиром для кода, и это полагалось сообщать в первую очередь.

Увязая руками и ногами в скользкой почве, Блейк нашел возвышение, на котором они, по-видимому, возникли в этом уровне. Они материализовались на самом краю склона и съехали в небольшой овраг. Густой кустарник послужил амортизатором.

Проект обосновался на голых камнях, а здесь было изобилие зелени, влажной, теплой, полной жизни. Громадные насекомые жужжали над сломанными кустами. Бабочки с шести-и восьмидюймовыми крыльями изумляли переливами буйных красок. Были и другие, похожие на слизняков. Блейк сообщил о том, что видел, делая описание окружающей жизни. Кустарники в основном напоминали папоротники, но некоторые могли бы сойти за деревья. Что-то ярко-алое мелькало на уровне пояса Блейка, проносясь от одних зарослей к другим. От быстрого мелькания рябило в глазах, и Блейк не мог определить природу этих существ. Он замечал только, что они прыгали в двух шагах от него.

За гребнем, с которого они упали, был относительно ровный лесной участок. Затем снова

громоздились скалы, не слишком отличающиеся от скал Проекта. В сущности, если убрать зелень, местность походила по контурам на тот бесплодный мир. Овраг, в котором остановился челнок, видимо, был частью русла реки. Только шума моря не было слышно и, глядя на запад, Блейк не находил никаких признаков беспокойного океана, если только желтая линия на самом горизонте не была далекой песчаной отмелью.

Блейк уголком глаза опять заметил быстрое движение и резко повернулся, надеясь обнаружить искорку. Но ни один листок не дрогнул. Однако чувство опасности нарастало. Блейк был уверен, что за ним наблюдают. Кто-то подкрадывается к нему. Но кто?

С вершины скалы обзор лучше, но тогда ему придется идти по густой траве, а там наверняка кто-то есть. Он внимательно оглядел заросли, а потом стал подниматься, стараясь выбирать путь полегче.

Он продолжал диктовать, время от времени останавливаясь и внимательно вглядываясь в папоротник, который достигал ему почти до пояса. Он энергично размахивал руками, держа в одной из них исследовательский инструмент — длинный и острый нож. Прорубая им проход,

Блейк аккуратно откладывал срубленные ветки в одну сторону, чтобы видеть очищенную им тропу. И он все время чувствовал, что в этом папоротниковом лесу с него не спускают глаз. То, что моментально исчезало с его дороги, держалось всего на шаг от него.

Блейк знал, что животные так себя вести не могут, и это не прекращающееся наблюдение тревожило его. Он дважды поднимал слуховые пластины шлема, чтобы уловить какой-нибудь звук тайного преследования, но не слышал ничего, кроме жужжания насекомых, резких криков, доносившихся откуда-то издалека, и регулярного стука своего мачете.

Переход неожиданно занял много времени. Блейк не так уж много поработал физически, но вспотел, пока добрался до утеса. Он высился неприступно. Здесь не было похожей на лестницу тропы, как на Проекте, по которой можно было взобраться на вершину, и Блейк пошел вдоль, ища хоть какую-нибудь возможность для подъема. Наконец, нашел. Поднявшись, он посмотрел вокруг в бинокль. Челнок лежал в овраге, как серебряная монета. В нижней части оврага действительно был источник, потому что Блейк видел теперь извилистый поток. И он

оказался прав насчет океана: на западе темнели валы дюн.

На юге он увидел другую долину. Ее пересекала река, похожая на ту, что затопила отмели Котора. Берега были низкие, илистые, но… Блейк насторожился: берег делился на участки низкими каменными стенами. Совершенно ясно — это сделано кем-то с разумной целью. И насколько Блейк мог видеть в бинокль, поперечными стенами были расчерчены оба берега.

Была и другая странность: все отсеки были трехсторонние, со свободным выходом в воду. И у каждого выхода высился широкий камень с отметками. Причем, отметки на каждом камне были разные. Блейк, как ни старался, из-за расстояния не мог разглядеть их толком.

Отделения, отмеченные камни, река — и больше ничего. Никакой растительности на всем протяжении берега. Если эти огороженные поля предназначались для посадок, то либо сейчас был неподходящий сезон, либо фермы опустели и более не использовались.

На двух ближних полях у воды были ровные платформы, сооруженные из камня и земли. От них к воде тянулись утрамбованные земляные скаты.

Пока Блейк разглядывал платформу, вода зарябила, заволновалась. Из нее появилась большая голова и панцирь черепахи.

Как прикинул Блейк, черепаха была футов пять в диаметре. Щит ее был искусно разрисован рельефными кольцами. Общий цвет был темно-коричневый, но чешуйчатые лапы и голова оказались ярко-желтыми с красноватыми отметинами. Однако более всего поражала голова. Она была слишком хороша, чтобы прятаться под панцирем. На голове выделялось что-то вроде шлема с нависшим над мордой острием. Поднявшись по склону, создание взобралось на платформу и повернулось к утесу, на котором стоял Блейк. Поскольку поле зрения гиганта было огорожено шлемом, Блейк решил, что его не увидят, и продолжал смотреть в бинокль.

Чем больше он наблюдал, тем четче отмечал различия между этим бронированным чудовищем и известными ему черепа хами. Движения животного удивили его не меньше; оно поднесло сначала одну громадную ногу с отчетливо видимыми когтями ко рту, затем другую. Проделав это дважды, гигант успокоился.

Черепаха недолго оставалась в одиночестве. От самого подножия утеса под наблюдательным

пунктом Блейка стремглав вылетели какие-то огненные существа и понеслись к платформе. Они не устроились на плитах, а собрались внизу, подняв к черепахе головы с раскрытыми ртами.

Это были ящерицы, но их ярко-красные тела, казалось, покрывала кожа, а не чешуя. Головы венчал ряд колючих наростов. И… Блейк даже присвистнул. Его записи вряд ли кто-нибудь поверит, но в бинокль было отчетливо видно, что каждый из этих алых воинов тащил блестящее копье с опасным на вид наконечником!

Зачем они ящерицам? Нападать на черепаху? Нет! Они оставались у платформы, а черепаха, словно генерал, делала осмотр своим войскам, хотя ящерицы не обладали сносной военной выправкой. В сущности, насколько мог судить Блейк, они ничего не делали, только припали к земле и смотрели на платформу.

Затем одна ящерица отделилась от остальных и начала медленно петлять вокруг стен по речной долине. Можно было подумать, что ее послали за подкреплением. Но остальные явно не собирались ни забираться на платформу, ни осаждать скат, по которому черепаха могла убежать в реку.

Опять мелькнула красная искорка на этот раз

перед утесом. Затем еще, еще и еще, а черепаха по-прежнему оставалась неподвижной и спокойной.

Обостренная интуиция Блейка предупредила его.

Он уложил бинокль в футляр и повернулся как раз в то мгновение, когда маленькое копье сверкнуло в воздухе и отскочило от его защитного костюма. Затем копья посыпались градом: они ударялись о Блейка и падали к его ногам. Было ясно, что пока он следил за действиями ящериц-копьеносцев, другие напали с тыла. Хотя костюм и отражал оружие, Блейку не улыбалось спускаться к челноку под обстрелом. Он не мог использовать игольчатое ружье, потому что нападающие появлялись на миг, бросали копья и тут же исчезали.

Блейку не под силу было состязаться с ними в скорости.

— Блейк! — Мэрфи в первый раз прервала молчание. — Челнок двигается!

Блейк бросился к краю утеса. Неужели, пока он был здесь, машина внезапно ожила? Может, сломанный путеводитель выбросит челнок в другой мир… Нет, вряд ли! После того, как произошла так называемая аварийно-страховочная посадка,

Блейк уже ни на что не надеялся.

— Подскакивает? — спросил он.

— Нет, едет по земле, — ответила Мэрфи, и это несколько успокоило его. Он поглядел в сторону челнока.

Мэрфи была права: челнок двигался. Медленно, толчками, но двигался на запад, к далекому океанскому берегу. Копье ударило и чуть не задело его правую руку. Блейк заторопился вниз. Он слышал шелест в кустах, откуда нападающие все еще вели атаку. Но их копья уже не достигали цели: Блейк был теперь далеко.

Блейк бежал со всех ног по прорубленной им тропе и чуть не упал, потому что едва успел заметить баррикаду в самом узком месте дорожки. Он зацепился ногой, но сумел перепрыгнуть заграждение. И снова в него полетели копья. Теперь он слышал злобное свистящее шипение — боевой клич его врагов.

Патрульный вырвался из зарослей и побежал по колее, продавленной челноком. Серебряный овал машины медленно подпрыгивал к западу, но Блейк не видел источника этого движения. Как будто под челноком двигалась сама земля. Однако прямо перед машиной трещали и ломались ветки, освобождая ей путь.

— Блейк! — прозвучал в наушниках голос Мэрфи.

— Я здесь, рядом!

— Блейк, они телепаты!

— Кто? — спросил он, огибая склон, чтобы обогнать наводящих ужас невидимок, расчищающих дорогу и тянущих челнок.

— Я не могу читать их мысли, потому что у них слишком низкая частота. Но они рассматривают нас как врагов. От них исходят страх и ненависть.

Если бы здесь были вооружены только копьями, с которыми Блейк уже имел дело, им с Мэрфи нечего было бы бояться. Но быть отвезенным далеко от точки входа челнока на этот уровень — потенциально опасно. Блейк подобрался к носу ползущего челнока, надеясь рассмотреть, что же движет машину. И увидел… черепах или черепахоподобных. Они ползли решительно и сосредоточенно, ломая и расплющивая своим весом кусты. Их было не меньше шести — массивные панцирные создания, чуть меньше той, которую Блейк видел у реки. Они немного отличались от нее. Их панцири не были такими рифлеными, а лапы и голова были желтовато-коричневыми без ярких полос.

Когда челнок подпрыгнул еще на фут вперед, Блейк заметил высунувшуюся из-под низа голову. Он понял, что машина стоит на спинах черепах, которые везут ее на себе.

Таким групповым усилием могло быть только два объяснения: отличная дрессировка или разумные команды. Образование подготовило Блейка к свободному восприятию самых необычных зрелищ и действий в любых параллельных мирах. В тысячах чередующихся времен человек имел слуг, орудия и друзей самых различных видов. Трудно ли смириться с тем, что здесь таким образом использовались черепахи и ящерицы? Однако…

Ящерицы были вооружены, а Мэрфи обнаружила чуждый телепатический строй. Любой человеческий мозг был или мог быть открытым для нее. Здесь тоже не было барьера, закрывающего общение. Просто слишком большое различие мысле-ряда.

Когда челнок выполз в относительно открытое пространство, Блейк присел на корточки. Да, совершенно правильно: машина держалась на спинах множества черепахоподобных. Время от времени одно животное выползало. Тогда другое, расчищавшее дорогу, становилось на его место.

Эти действия были явно целенаправленными.

Копье ударилось в плечо Блейка и отскочило на землю. Его эскорт все еще не прекращал военных действий, но оказался теперь на открытом месте. Блейк выстрелил в алую фигурку, выскочившую прямо перед, его оружием. Ему повезло, потому что игла попала в поднятую лапу рептилии. Ящерица конвульсивно подпрыгнула, запищала и упала. Блейк поднял ее, и на него тотчас же обрушился град копий. Не обращая внимания, он прицелился в медленно двигающиеся черепашьи ноги. Челнок затрясся, лапы спрятались под панцирь. Эти ползуны так же, как и речная черепаха, не прятали свои широкие головы, поэтому Блейк стал целиться им в шеи. Он не знал, много ли черепах участвует в этой перевозке, но продолжал стрелять, пока все не затихло. Взяв одну из пораженных ящериц, — он мог бы прихватить и черепаху, но у него не было ни сил, ни снаряжения, чтобы тащить ее, — Блейк вошел в кабину.

Он и Мэрфи осмотрели изящное создание. Поставленное на задние лапы, — а ящерицы, по-видимому, предпочитали именно такой способ передвижения — оно было высотой около четырех футов. Чешуи на теле не было. Его покрывала мягкая красная узорчатая кожа. Шиповые наро-

сты были твердыми на ощупь, будто костяные, вместо зубов виднелись только твердые пластины, так что ящерица явно не была плотоядной.

— Смотрите! — Мэрфи коснулась того, что висело на шее ящерицы. Плетенный то ли из травы, то ли из полосок кожи шнурок, а на нем маленький костяной овал с двумя глубоко вырезанными линиями вроде тех, что Блейк видел на поставленном у реки камне.

— Черепахи! — повторила Мэрфи, когда Блейк рассказал ей о том, что двигало челнок.

— Черепахи и вооруженные ящерицы. А кто или что стоит за ними — неизвестно, — продолжал Блейк. — А как с сигналами бедствия?.

— На самой широкой амплитуде. Но, Блейк, вы отдаете себе отчет в том, что мы нарушили Первый Закон?

Первый Закон перекрестного времени — не выдавать своего присутствия жителям любого временного уровня или, в крайнем случае, дать этим жителям фальшивую память.

— У нас не было выбора, — ответил Блейк. — Вы совсем не можете контактировать с ними? Попробуйте.

Мэрфи закрыла глаза и сосредоточилась. Если бы удалось установить телепатический контакт

с высшим разумом, это было бы удачей. Они могли бы найти помощь или, по крайней мере, приобрели бы уверенность, что на них не станут больше нападать и куда-то тащить.

Блейк следил за девушкой. Хотя лицо ее ничего не выражало, он чувствовал ее напряжение. Затем она открыла глаза.

— Ничего, ну, просто совершенно ничего!

— Вы хотите сказать, что они за пределами вашей чувствительности?

— Нет! Я уловила бы их волну и вне моей частоты, самой низкой, хотя не смогла бы ничего понять или разобрать. Но сейчас там полное молчание. Они вообще ничего не передают!

Блейк повернулся к иллюминатору. На холме собрались ящерицы и метали в челнок копья. Но машина была неподвижна. Черепахи лежали в наркотическом сне и пролежат так еще несколько часов. Может, они как раз и обладали разумом, волны которого раньше уловила Мэрфи?

— Разумные черепахи? — усомнился он вслух.

Однако Мэрфи ничему не удивлялась.

— А почему нет? В этом мире человеческий род, видимо, не развился. Таких неисследованных и неуправляемых нами миров много. Так что же странного, если здесь другие формы жизни

развили разум и управляют природой? Черепахи живут долго. У здешних необычно крупные головы. Возможно, что и мозг у них мощнее, чем у черепах, обитающих в мирах, заселенных людьми. Они очень стары, как вид. Ведь они жили еще до того, как первые млекопитающие появились на Земле. Блейк, это удивительное открытие, оно может стать великим!

Да, если у пае будет шанс сообщить о нем, — подумал Блейк. Что-то неуловимо изменилось в ее лице. Заметив это, он понял, что она тоже об этом подумала.

— Вы сказали, что черепахи сочли нас врагами?

— Возможно, челнок по своей форме показался им гигантской черепахой, и они взяли его в плен, — предположила Мэрфи.

— А эти? — Блейк поднял спящую ящерицу. Кожа ее была не холодная, как обычно у рептилий, а теплая и бархатистая.

Обладающие замедленными движениями должны иметь помощников с быстрой реакцией. Может, это прирученные любимцы, может, слуги или соратники. Что вы с ней сделаете?

— Осмотрю и выпущу к друзьям. Что же еще?

Блейк осторожно уложил ящерицу на выдви-

нутую полку и навел объектив. Сведения будут не такими полными, какие получили бы в лаборатории, но достаточными, чтобы дать ученым представление об обитателях этого, до сих пор неизвестного, мира.

Закончив, Блейк вынес неподвижную ящерицу и положил на кучу спящих черепах, заодно осмотрев их. Ни одна не шевелилась. Блейк надеялся, что они проспят еще некоторое время.

Вернувшись, он увидел, что Мэрфи открывает пакеты с рационом. Блейк снова закрыл половину из них.

— Простите… — начал он, но она быстро кивнула.

— Я знаю, мы должны быть осмотрительны. Я, наверное, и в самом деле глупа, как утверждает Котор. А пить? — Она взяла сосуд с саморазогревающимся стимулирующим питьем и с молчаливого разрешения Блейка сделала несколько глотков. — Я размышляла. — Теперь она откусывала неаппетитное, но очень питательное печенье.

— Насчет черепах? — подбодрил он, поскольку она замолчала. Про себя он удивлялся ее стойкости. Патрульный почти ничего не знал о женщинах ее класса на Бруме, но те, с которыми

приходилось сталкиваться по работе, всегда казались ему утопающими в роскоши, привыкшими к заботе мужей. После атомных бедствий, почти полностью уничтоживших население Брума, мужчин в этом мире всегда было больше, чем женщин. Выжили, в основном, военные в своих укреплениях, небольшие смешанные группы, спасавшиеся под землей, или те, кто успел удалиться в дальние районы Земли.

Радиация вызвала рост мутаций, но они почти не наследовались следующими поколениями. Многие вымерли. Но те, что остались, стали развивать пси-способности. Народ Брума пошел другими путями исследований как умственных, так и физических сил. Когда стали возможными путешествия во времени, этими поездками заинтересовались прежде всего из-за нужды в женщинах. Мужчины Брума начали привозить себе жен с других уровней. Затем это стало считаться преступлением, которое наказывалось полным стиранием разума.

Женщинами очень дорожили на Бруме. Лишь немногие из них путешествовали по перекрестку времени в безопасные миры во время отдыха с семьями или как члены исследовательских групп, вроде тех, что были на Проекте. Но Блейк

не знал ни одного случая, чтобы женщина посещала необитаемые миры в качестве патрульного или торговца, и поэтому удивлялся, что Мэрфи так быстро приспособилась к их теперешнему затруднительному положению.

— Я размышляла, — начала она снова, — о Марве. Каким образом она ушла от меня? На незаконном челноке? Как они с Карлгсоном нашли его? Среди наших скал его можно надежно укрыть.

— Коптер тоже исчез, — задумчиво сказал Блейк.

— Может, это только видимость? — перебила она. — Пассажиров похитили, а коптер спустили в реку или еще куда-нибудь. И, — неохотно добавила она, — Марву могли увлечь приключения.

— Что вы имеете в виду?

— Вы счастливец, Блейк Валкер. — Она смотрела на него, и ее глаза цвета океана родного мира Блейка сверкали. — Для вас нет закрытых дверей. Вас не заставят слушать описание чудес перекрестка времени, чтобы затем запретить вам увидеть их своими глазами. Всю жизнь я слушала записи, смотрела фильмы о параллельных мирах, слышала рассказы таких людей, как Кам Валт и мой отец. Но позволить мне видеть все это

самой? Нет! Нет!

— Зато вы делаете это сейчас, — сухо сказал Блейк, — и в таких обстоятельствах, от которых все, кроме патрульного, обычно защищены.

— Да, я знаю все, что заставляло составлять правила. Все это годами вбивалось мне в голову! Но предположите, что я не хочу быть сидящей дома дочерью семьи Сотни. Предположите, что я до боли хочу ходить по перекрестку времени. Так оно и есть. То же самое с Марвой. Она любит правила и распорядок еще меньше, чем я. Сколько раз я удерживала ее от дерзкого желания нарушить эти правила. И вот, допустим, когда меня не было рядом, ей представился случай нарушить их!

— Вы думаете, она добровольно ушла с уровня, когда появилась возможность испытать приключения?

Выражение лица Мэрфи направило размышления Блейка в новое русло. Если Марве предложили сделать тайно короткий прыжок, она могла согласиться. Возможно, затем она оказалась пленницей своих спутников, почти наверняка преступников. Ведь те, кто привезет женщину на законную станцию любого параллельного мира, охраняемую бригадой патрульных, будут немедленно замечены и арестованы.

А выслеживать преступников по перекрестку времени… Блейк нахмурился. Однажды он участвовал в такой охоте и знал, сколько времени, сил и удачи требуется на этот поиск. К тому же он может и не начаться, если им самим не посчастливиться сделать шаг из тьмы к свету.

— Если в интересах Марвы я перешла бы границу осторожности, — Мэрфи смотрела теперь в пространство мимо Блейка, — я назвала бы мир К 625.

Блейк покачал головой. Ни один патрульный не мог держать в памяти все патрулируемые миры. Перед тем, как ехать на какой-либо из них, патрульный получал о нем краткие сведения. Блейк помнил те миры, где ему приходилось действовать. На всю жизнь ему запомнились три, на которых крутился челнок захваченного им преступника Пранжа. Но за прочей информацией патрульный обращался в штаб-квартиру.

— В прошлом году мы видели специальный фильм тамошней торговой фирмы. Марва говорила о нем несколько месяцев. Уровень Е-625. Я сразу узнаю.

— Вы?

Мэрфи кивнула.

— Да. Вы не можете направиться прямо туда и

схватить беглецов, если они прячутся. Но если я приеду на тот уровень, где Марва, я могу послать ей луч и узнать, как до нее Добраться. Никакой машине это не по силам, так что я должна поехать.

Блейк не спорил. Как видно, ей и в голову не пришло усомниться в осуществимости этих планов. То, что они никогда не осуществятся, как видно, не огорчало ее. А вот Блейку это было совершенно ясно.

Он подошел к сигнальному устройству. Оно регулярно пульсировало, посылая сигнал о помощи. Правда, немного мешало то обстоятельство, что они сначала сами съехали с точки приземления, а затем были отвезены в сторону решительными черепахами. Блейк выглянул в иллюминатор. Алая масса ящериц исчезла. Делать теперь было абсолютно нечего. Только ждать. Потускневший свет и удлиненные тени показывали наступление вечера. Блейк откинул спинку кресла и выключил в кабине свет.

— Зачем? — спросила Мэрфи.

— Чтобы не привлекать ничьего внимания, — ответил он. — Из иллюминатора свет идет, как из маяка.

— Но если придет помощь, нас не увидят.

— Если придут, мы узнаем, тогда и включим свет.

Блейк сосредоточил свое внимание на сигнале. Но время шло, и шансы на спасение постепенно убывали. Конечно, начальство пошлет патруль на Проект. В конце концов доберутся и до их челнока — ЕСЛИ и второму патрульному не помешают.

Что же произошло на Проекте, коли кто-то из группы решился на такой немыслимый шаг? Или девицы Рогана были центром всех неприятностей?

Блейк мог предполагать сколько угодно причин, в основном, невероятных, но вряд ли когда-нибудь найдет правильную…

Кабина внезапно дернулась, и он услышал восклицание Мэрфи:

— Черепахи!?

Можно ли выйти в темноту только с факелом и успешно пользоваться игольчатым ружьем? Блейк вылез из кресла, решив, что надо попробовать.

Он вышел из люка. Земля дрожала. Над неподвижными черепахами шевелились новые. Их было еще больше. Бусинки глаз сверкали в свете факела. Чьи-то челюсти схватили Блейка за ногу

и разорвали упругий материал костюма. Хоть и беззубые, они с силой сжались на его теле. Он выстрелил прямо в желтую губу и пошатнулся: боль в ноге остро отдалась в бедре. Может, треснула кость? Он кое-как добрался до люка, открыл его и почти вполз в кабину.

— Блейк! Сигнал! Помощь идет!

Блейк проковылял к приборкой доске, нажал кнопку, повернул рычаг.

— Х-4–67 вызывает Х-4–39. Как слышите? Как слышите? — раздался металлический голос. Видимо, говорила машина, а не человек.

Блейк попытался разогнать туман охватившей его боли и с трудом прохрипел:

— Х-4–39 слушает. Незарегистрированный уровень… авария… нельзя взлететь…

— Х-4–39, контакт установлен хорошо. Пускай полный луч. Пойдем по нему.

— Трудная посадка. — Блейк старался передать предупреждения по порядку. — Под холмом скользко. Атакует местная живность. Следите за черепахами…

— Черепахи?! — Блейк услышал недоверчивые ноты, пока включал луч непрерывного зова.

— Блейк! — Мэрфи стояла на коленях, сдирая с его ноги обрывки спецкостюма. — Вы ранены!

Он увидел свою разорванную плоть. Кто сказал, что для укуса обязательно нужны зубы?

— Наши здешние друзья не хотят, чтобы их усыпляли. — Он старался скрыть боль, которую вызывало малейшее прикосновение Мэрфи. — Но, во всяком случае, худшее позади.

— А может быть, худшее только начинается? — пробилась мысль сквозь пелену боли.

Блейк оказался прав в своих опасениях, что худшее последует за их возвращением из некодированного мира. Он угрюмо лежал на узкой койке, с забинтованной левой ногой. Обычная пустота патрульной больницы, как эхо, усиливала его тревожные предчувствия. Конечно, оказанный ему на Бруме прием был малообещающим. Блейк прекрасно знал, что извинения не популярны в корпусе. А вдобавок ко всему, что складывается против него, он еще лежит.

Самым главным в списке грехов, вероятно, будет провоз неразрешенного пассажира. Ему еще повезло, что они сели в черепашьем мире, очень повезло. Иначе опасность за Мэрфи Роган легла бы целиком на него. Неважно, что падение антенн оправдывало просьбу взять пассажиров. Неважно, что челнок был намеренно испорчен: в любом случае осторожный патрульный должен

был отказаться везти с собой девушку. К тому же, взяв пассажира, он не проверил челнок, и это привело к враждебному столкновению с жителями неисследованного мира. Да, все это были серьезные проступки, и Блейку очень повезет, если он вообще останется в корпусе.

В дверь поскреблись, и вошел Кам Валт с записывающим прибором в руке. Его странные желтые глаза смотрели сурово и отчужденно, пока он усаживался в кресло и ставил готовую к работе машину на столик у изголовья кровати Блейка.

— Рапорт, — односложно приказал старший, включая прибор.

Блейк облизал губы и начал рапортовать по официально установленной форме.

— Обычный рапорт…

— Секретный рапорт, — резко поправил Кам Валт.

Блейк переварил это. Значит…

— Секретный рапорт, — поправился он. — Обычная посадка на Проект 64–71. Агент Блейк Валтер, патрульный 7105, челнок Х-4–39, под командованием…

Он говорил медленно, вспоминая каждую деталь, которая могла иметь значение для тех, кто

станет изучать рапорт. Это было долгое дело. Дважды Валт выключал прибору и Блейк принимал лекарство, появляющееся в желобке столика. Старший патрульный не задавал вопросов, пока Блейк нанизывал факт за фактом.

Блейк закончил финальной сценой в кабине челнока, когда он почти в бреду от боли ждал с Мэрфи прибытия спасателей, и выговорил последнюю официальную фразу:

— Клятвенно подтверждаю: Блейк Валкер, патрульный 7105.

Валт поставил печать на кнопку, закрывающую прибор, так что прослушать ленту мог лишь тот, кто имел на это право. Выражение его лица не изменилось.

— Вы взяли неразрешенного пассажира, — быстро проговорил он.

— Да.

— Вы вошли в контакт с разумной жизнью другого уровня, подверглись ее атаке.

— Да.

— Эти два пункта и могут отяготить ваш рапорт, — официальным тоном произнес Валт, все еще не вставая с кресла. — Вы собираетесь защищаться?

— Извиняться не буду, сэр, — Блейк хотел по-

жать плечами, но сделать это, лежа на спине в оковах перевязок, почти невозможно.

— Техники обнаружили обширную диверсию в Х-4–39, выполненную мастерски. Это примется во внимание, когда ваше дело будет рассматриваться. — Отчужденность Кама Валта дала трещину, он оживился. — Этот рапорт, — постучал Валт по аппарату, — полный, очень полный, набит фактами. А теперь давайте догадки.

Блейк хотел поднять голову, но Валт наклонился и снова уложил его.

— Либо заговор Ограничителей, либо действия незаконного прыгуна.

— А диверсия? Вы предполагаете связь между Проектом и таким прыгуном?

— Более вероятно, что Ограничители. Но с какой стати связываться Проекту? Если Ограничители все прикроют, что будет с нами?

— Да, это и ставит нас в тупик. Мы должны исходить из главного факта: Марва Роган исчезла, а Х-4–39 не должен был добриться до Брума. Вы понимаете, как вам повезло, что вас нашли? Только удача, мой мальчик, самый хвостик удачи!

— Я знаю. Удивлялся, почему не испортили и позывную систему.

— Такая попытка была. При осмотре техники

нашли метки на защитной крышке. Но то ли не хватило времени, чему я склонен верить, то ли не было специального инструмента, чтобы открыть внутреннюю панель. Теперь мы знаем: кто-то на Проекте сделал все, чтобы вы не вернулись. Значит? Чтобы отрезать Проект от Брума? Или и то, и другое? Может, мы что-нибудь узнаем, когда технически начнут работу над антеннами. Зачем их уронил#? Мы проверили по чертежам — антенны не должны и просто не могли упасть сами.

— Разве что их поставили намеренно неправильно, — устало сказал Блейк. Нога его тупо ныла, на глаза словно давил изнутри тяжелый груз. Хотя он и не причинял боли, но беспокоил. Сейчас Блейку Валкеру было безразлично все — и то, что случилось несколько часов назад в другом мире, и то, что может случиться здесь. Он закрыл глаза и когда снова открыл их, то увидел, что Валт пристально смотрит на него.

Старший патрульный встал и взял рекордер.

— Сейчас вам нужно спать, а не думать о разрешении всей этой путаницы. Забудьте на время обо всем.

Тяжесть в голове Блейка превратилась в боль. Он проглотил таблетку, оставленную врачом, и снова закрыл глаза, стараясь не видеть за закры-

тыми веками нависший утес, где скрывались предательские щиты алых ящериц с копьями и взвод черепах, уносящих челнок. Вскоре он уснул.

Следующие два дня Блейк дремал, переходя от сна к полузабытью, совсем не способствующему конструктивному мышлению. Однако на третье утро он окончательно проснулся отдохнувшим, со свежей головой. Врач уверил, что он пошел на поправку и должен упражнять ногу. Теперь Блейк добирался на костылях до холла и садился в кресло, глядя в широко распахнутое окно на фантастические сады этого уровня. Со всего перекрестка времени Брум создал удивительные ансамбли — странную архитектуру, растительность, украшения. Одним словом, все, что было магией для глаз, ушей и носа. Из параллельных миров Брум брал себе образцы растений, зданий, статуй. Сад перед глазами Блейка не был исключением.

Блейк видел папоротниковые деревья вроде тех, что в черепашьем мире. Они нависали над изображением крылатого человека, льющего воду из рога. По краям восьмиугольного бассейна росли розы и другие душистые цветы, незнакомые Блейку. Чуть подальше — беседка с

хрустальными стенами, похожими на замерзшее кружево.

Брум жил перекрестком. Если Ограничители возьмут, верх, его жизнь оскудеет. Так много уровней Брума сгорело в древ-, них атомных катастрофах, что их обитаемая часть была теперь просто цепью оазисов. Чего добивались Ограничители? Что они могли предложить взамен готового потока снабжения и торговли, который шел через челноки их родного мира? Строгий контроль над контактами был уже установлен. Уничтожение девяти десятых этих контактов, как добивались Ограничители, задушило бы Брум.

— Блейк!

Оторвавшись от своих мыслей, он оглянулся.

К нему шла Мэрфи Роган уже не в тускло-коричневом комбинезоне Проекта, а в сверкающем шелке, вуали на голове, с узорами на лице и прочими модными аксессуарами своего круга. За ней следовал высокий мужчина с красивыми волосами, голубыми глазами и самоуверенным выражением лица — мужская копия Мэрфи. На нем была небрежно накинута официальная мантия, но Блейку и не требовалось видеть символ Сотни на плече гостя, чтобы узнать, кто он. Он потянулся за костылями, чтобы встать, но Мэрфи

отодвинула их.

— Сидите спокойно, — приказала она, и нотки надменности, которые Блейк заметил при их первой встрече, сейчас проявились в полную силу. — Отец, это Блейк Валкер.

Эрк Роган сделал традиционный приветственный жест, скрестив руки ладонями вниз, и придвинул два кресла для себя и дочери.

В корпусе все видели Рогана время от времени, иногда в период экспедиций по-товарищески близко, а иной раз как официальное лицо, служившее связью между Патрульными и Сотней. Его нервные движения, отрывистая речь, манера держаться так, будто он появился только на минуту в перерыве между кипучей деятельностью где-то в другом месте, были знакомы всем.

Он и теперь лишь присел на самый краешек кресла, как бы собираясь мгновенно исчезнуть, и заговорил резко, отрывисто, нетерпеливо:

— У меня полный отчет о вашем приключении… — Он сделал короткую паузу, но Блейк молчал, не зная, надо ли отвечать. А Эрк Роган уже продолжал: — Мэрфи рассказала мне свою версию.

— Версию? — удивился Блейк. Это прозвучало, как намек на какое-то разногласие в их рассказах.

Он взглянул на девушку. В противоположность отцу она выглядела полностью расслабившейся, отдыхающей. На ее губах появилась тень улыбки, как будто она находила все это забавным.

— Я удовлетворен вашей ролью в этом деле, Валкер, поэтому просил, чтобы его поручили нам. Мне говорили, что у вас недостаток полного пси. Но комплект талантов не обязателен для члена бригады. Если вы пожелаете стать им…

— Эрк Роган! — спокойно сказала Мэрфи. — Ты же еще ничего не объяснил!

Роган на мгновение нахмурился, но тут же улыбнулся:

— Я, как обычно, забежал вперед, молодой человек. Ладно, сейчас объясню. Вы разговаривали с Камом. Вы знаете, как развязать этот узел. Моя дочь пропала. Я уверен, что она прыгает по уровням. Вероятно, вначале согласилась добровольно, но сейчас это уже не та ситуация: прошло слишком много времени. Не знаю, в чем дело. Объяснений, вполне логичных, может быть несколько. Но ее необходимо найти. Конечно, это равносильно поиску песчинки, брошенной в кучу песка. Мы имеем контакт с тысячью, если не больше, параллельных миров через регулярно действующие станции и случайные визиты. Мы

можем не сомневаться, что Марва не проходила ни через одну из официальных станций. Ко всему этому есть только один ключ, но он тоньше паутины. Мэрфи знает, что ее сестра бредила К-625. Есть надежда, но такая слабая, что ее увезли туда якобы с мимолетным визитом.

— Но эти люди, кто бы они ни были, — вставил Блейк, — могли пообещать ей такую возможность, а остановиться в другом месте.

— Совершенно справедливо. — Роган вздрогнул, и его мантия сползла с плеч. — Но это все, что у нас есть. И мы должны пойти этим путем.

— А как с теми, на Проекте, кто испортил челнок?

— Там сейчас бригада Патрульных проверяет все. Это необходимо сделать, так как, по всей вероятности, Марва в руках преступников. Если она на К-625, то Мэрфи об этом узнает. И как только это будет установлено, мы сделаем следующий шаг.

— Мэрфи? — Блейк снова взглянул на девушку.

На этот раз она наклонила голову.?

— Я узнаю, есть ли там Марва, следовательно, я необходима в отряде, Блейк Валкер. На этот раз все правила будут нарушены.

— Спора нет, Мэрфи действительно необхо-

дима, — прервал Роган дочь. — Мы не можем обыскать весь мир на всех уровнях, она же узнает о присутствии сестры за несколько часов. Поэтому мы нарушим одно из главных правил и позволим ей сопровождать поисковый отряд. За это меня призовут к ответу, и я готов ответить… после того, как вы уедете. Я не стану рисковать своей дочерью ради соблюдения правил. Мэрфи всю жизнь провела среди рапортов и отчетов патрульных и совершила все разрешенные женщинам экскурсии по перекрестку времени. Она хорошо разбирается во всем. Но до тех пор, пока она отсюда не уехала, никому ни слова.

— Я обещаю. — Блейк чувствовал, что на него давят, но у него и в мыслях не было отказаться от присоединения к бригаде. Роган, конечно, знает, какие обвинения лежат на Блейке. Эта поездка может изменить приговор касательно его будущей карьеры, разумеется, если поиск удастся.

Роган встал, уронив мантию на пол.

— Мэрфи, — сказал он, направляясь к двери, — по-моему распоряжению тебе даны предварительные инструктивные записи. Познакомь с ними Валкера. Врач сказал, что вы будете здесь три дня, Валкер. На полное обучение потребуется, вероятно, дней шесть. Но начните…

Мэрфи махнула рукой.

— Мы уже начали, отец. Не беспокойся?

Блейк не был уверен, что Роган услышал это утверждение: он исчез в дверях раньше, чем были произнесены последние слова.

— . Итак, вы своего добились! — Блейк еще не разобрался в своей реакции: раздражение, легкое удивление ее спокойствию, подозрение, что ее привлекает приключение само по себе, помимо надежды найти сестру.

— Я добилась своего? — переспросила девушка. — Отсутствие способностей и телепатии, Блейк Валкер, порой сгибает мозг, заставляет его страдать, как сейчас рана мучает ваше тела. Вы требуете объяснения там, где другим не нужны слова. Но и вы для меня — глухая стена. Я должна зависеть от ваших слов и догадываться по ним и по тону вашего голоса, что вы думаете и чувствуете. Я убеждена: вы думаете, что Мэрфи Роган смотрит на это дело больше как на приключение, чем как на возможность спасения сестры.

Блейк покраснел. Он мог блокировать свои мысли о том, что касалось ее, но она все равно читала их так же ясно, как если бы он был открыт ее самому слабому зонду.

— Вы не знаете нас — меня и Марву, поэтому я

и обижаюсь. Но без Марвы я, как хромая. Плакать или бесцельно злиться не в моих привычках. Может быть, в первые часы, когда я не могла добраться до нее, во мне был яд страха. Но если этот страх не плод воображения, он остается неизменным, с ним можно жить и даже пользоваться им, как тормозом в поступках. Если я останусь здесь, то не в силах буду вмешаться в поиск, тогда страх мной действительно завладеет. Под его давлением я могу сломаться. Но теперь я буду делать все, что в моих силах, для спасения Марвы, и это удваивает мою энергию. Не думаю, что буду помехой вам или другим членам отряда. Ну как, начнем?

Девушка достала из сумки маленький рекордер, дорогую игрушку, в которой Блейк признал одну из самых совершенных технических новинок. Придвинув кресло ближе к Блейку, она поставила прибор на колени и достала из-под крышки два проводка с маленькими наушниками. Один она подала Блейку, а другой пристроила под волны своей замысловатой прически. Когда Блейк кивнул, она коснулась клавиши, и лента закрутилась. Позднее появятся зрительные образы, основанные на глубоком и длительном излучении, большая часть которого пойдет под гипнозом. А теперь они просто скользили по

поверхности знаний о мире К-625.

В ранние времена К-625 был одним из тех времен и миров, который Блейк когда-то звал своим домом. Затем два критических изменения событий дали им совершенно разное будущее.

Первое произошло в 1485 году. Генри Тюдор не пришел к власти в Англии. Храбрость Ричарда III во время битвы при Босворте отдала ему в руки ланкастерского претендента, и Ричард навсегда положил конец Алой Розе.

Укрепившись на троне, Ричард развил способности, которые историки мира Блейка признавали за ним, сожалея, что он, наиболее способный из Плантагенетов, в прошлом не имел случая проявить свои достоинства. Брак с шотландской принцессой обеспечил ему как наследство, так и безопасность границ. И Плантагенеты правили Англией еще сто пятьдесят лет. Расцвет, отмечавший в мире Блейка правление Елизаветы Тюдор в К-625, пришелся на поколение раньше, был при Ричарде и его ближайших наследниках.

Понимая огромное значение торговли, Ричард поддерживал бристольских купцов, искавших новые рынки. Одна из торговых экспедиций, направляясь в Исландию, послала два корабля в сторону неведомого Запада, о котором слышала

от скандинавов, и в 1505 году на Американском континенте была открыта первая торговая стоянка.

Второй разрыв, изменивший историю мира Блейка, произошел 7 июля 1520 года. Кортес, вытесненный из Мехико-Сити восставшими ацтеками, вступил в последнее сражение близ города Отамба. На этом стрелка бесповоротно пошла вниз. Упрямый испанский вождь и его деморализованные воины, большая часть которых уже погибла при отступлении, закончили жизнь на кровавых алтарях чужих богов, оставив Квотемока править страной.

За английскими купцами, торговавшими с индейцами на Новом континенте, последовали рыбаки, чтобы грабить прибрежные рыбные богатства. Позднее по Атлантическому побережью распространились колонисты, постепенно основавшие Нью-Британию, оставшуюся лишь номинально под управлением их бывшей родины. Испания, не получив золота Мексики и Перу, удерживала лишь немногие колонии в Западной Индии. Глубоко увязнув в континентальных войнах за власть, она отказалась поддерживать своих заокеанских подданных, и Испанская империя в Новом Свете кончилась, не начавшись.

Отразив в К-625 испанское вторжение, ацтеки оказались перед собственными трудностями. Их исключительно кровожадная религия требовала все новых и новых жертв богам, и завоеванные ацтеками народы объединились в борьбе против них. Кроме того, ацтеки гибли в своих бесконечных раздорах. Часть уцелевших бежала на юго-запад Северной Америки. На этом уровне Соединенных Штатов здесь еще не было. Испанцы с островов, авантюристы из-за океана и новобранцы ловили рыбу в мутной воде, оказывая поддержку то одним, то другим.

В 1560 году эта нелегкая ситуация резко изменилась. Один из тех вождей, которые иногда рождаются во время национальных беспорядков, выдвинулся в Центральной Америке, возродив к жизни древние легенды о «белом боге». Прошлое его никому не было известно, но он так умело правил этим районом, что его два сына и их потомки объединили многочисленные провинции в мощную империю, о которой правители ацтеков и не мечтали. Под их властью торговцы майя потянулись на север. Колонии беженцев на юго-западе были взяты под контроль, а западная территория Миссисипи постепенно превратилась в часть новой империи.

Нью-Британия и Империя дважды воевали между собой, оба раза безрезультатно. Затем приблизительно пятьдесят лет сохранялся мир или вооруженный нейтралитет. У Империи бывали пограничные стычки и трудности с русскими колонистами на западе. Река Миссисипи стала естественной границей между двумя нациями, двумя совершенно разными культурами.

Все это — беглый набросок. Дальше, как понимал Блейк, придется усвоить многое, прежде чем он окажется на том уровне.

«Вильям Кэмпден, родившийся в Нью-Суссексе, в замке Гилденткорп, ученик Гоуфорна, западного купца из Порт-Акрона. Мой отец почтенный земледелец в Бредбери, и я его третий сын. Мой брат Руфус командир в британском флоте; брат Кадвалдер купец, ведущий торговлю в Китае; брат Ричард-старший управляет имением отца…»

Блейк мог не бормотать это вслух, когда разматывал ленту памяти, которая, казалось, была набита чужими знаниями, У патрульного создавалось странное ощущение, что он состоит из двух личностей, почти незнакомых друг с другом.

Применялись все процедуры, чтобы ввести

Блейка в эту композицию. Хотя Блейк плохо поддавался гипнозу, с ним терпеливо и беспрерывно работали, пока он, наконец, не «впечатал» в себя Вильяма Кэмпдена и его прошлое достаточно хорошо по жестким стандартам Брума. Это давало возможность поместить Блейка в общество, которое его безоговорочно примет.

— Многое пойдет вам на пользу, — говорил ему Валт. — Холодная война между Толпеком и Нью-Британией не позволяет гражданам обеих держав разгуливать по вражеской территории. В прежние времена ацтеки использовали своих купцов как агентов-провокаторов, посылая их в новые страны накануне завоевания со строгим приказом раздувать смуту, чтобы армия имела повод начать свой разбой. В сущности, все социальное положение ацтеков-купцов базировалось на признании факта, что они считались переодетыми солдатами. С другой стороны, в штатах майя вели торговый, а не военный образ жизни. Их аристократию составляли купцы, и каждый город ревниво охранял свои торговые права. После войны, объединившей империю, Кукулиан II укрепил купеческий класс обоих народов. Это подрывало власть военных вождей, среди которых, как он разумно рассуждал, могли найтись

мятежники, а также постепенно ослабляло класс жрецов. Кукулиан в начале своего правления уже дискредитировал их серией «чудес», совершенных им для захвата верховной власти.

В. наступившей затем борьбе между двумя силами Нью-Британия оказалась в таком критическом положении, что вынуждена была прекратить торговый договор с Толпеком. У последнего были конфликты с пограничными народами на севере и с русскими в Калифорнии. Пока император Майярин был несовершеннолетним, усиливались споры между купцами и остатками старой военной знати, которая могла обрести власть только с помощью ратных подвигов. Поговаривали также, что тайно возродился культ древнего ацтекского бога Хуцилопочит. Таким образом, — закончил Кам Валт, — мы пойдем по узкой тропе над пропастью, поэтому должны ставить ноги с величайшей осторожностью.

Бригада была готова к отправке на К-625, вдохновляемая слабой надеждой найти там Марву. Блейк смотрел на лежащее на столе изделие. Его красота и изящество привлекли бы внимание любого. Даже в родном мире Блейка до того, как Карл Испанский, нуждаясь в золоте для войны, приказал сложить все золотые украше-

ния Мексики в общий плавильный котел, люди восхищались этим украшением. В шкатулке с драгоценностями Марвы Роган в секретном отделении лежали старинные образцы этой работы — очищенные, облагороженные, но сохранившие оригинальный рисунок ожерелье и серьги. Но даже Мэрфи не видела их до того, как стала пересматривать вещи сестры. Украшения были бесспорно из Империи Толпека. В то время, как Эрк Роган осторожно прощупывал все контакты своей дочери за последние несколько месяцев, стараясь найти общий знаменатель между К-625 и своим домом, Мэрфи примолкла и отдалилась. Ей стало ясно, что ее связь с сестрой вовсе не была такой полной, как она полагала.

С каменного мира Проекта пришли леденящие известия: пропавший коптер был найден разломанным в реке. Это означало конец поисков на поверхности. Однако ни Роган, ни Мэрфи не верили в гибель Марвы.

Блейк раздраженно одергивал свою новую куртку. Граждане Нью-Британии не утратили вкуса к цвету, как сделали это люди мира Блейка, приняв в позднюю викторианскую эпоху темную униформу. И теперь на нем были узкие брюки богатого темно-зеленого цвета, сборчатая вышитая

темно-красная рубашка навыпуск и куртка с широкими рукавами, отделанная по вороту узкой полоской меха и застегивающаяся при желании золотой пряжкой у ворота.

При всей экзотичности своей одежды ньюбританцы были крепкими, практичными, работящими людьми. И они создали передовую индустрию. Широко использовался транспорт на электроэнергии. Конные экипажи остались, но только как символ. Воздушные путешествия ограничивались короткими перелетами на низко летающих «крыльях». Да и совершались они в основном для военных целей. Изобретенный лет двадцать назад звуковой барьер закрывал пересечение по воздуху границ обеих народов. «Крылья» не могли пройти через него.

Как купец Вильям Кэмпден не носил на боку оружие, хотя его братья, занимающиеся разнообразной деятельностью, имели церемониальные мечи. Они были более короткие, чем то оружие, которое знал Блейк под этим названием. Так что широкий ремень на талии имел только пряжку с семейным гербом, показывающим его ранг. Уменье разбираться в геральдических пряжках вошло в курс обучения, чтобы он не сделал какого-нибудь промаха в оказании знаков почтения.

— Валкер! — В дверях стоял Валт в такой же одежде, что и у Блейка. Только цвета были синие и желтые, меховой воротник пошире, вышивка наряднее, на поясе висел меч мастера купцов, а пряжка говорила о его принадлежности к благородному дому. — Мы готовы.

Часть отряда составляли старые соратники. Из других групп охотников, бродящих по параллельным мирам, был Пэг Ло Сайди, которого Блейк знал как Стэна Эрскина. Его снаряжение было более блеклым. Он выглядел хрупким в объемном плаще купца.

Мэрфи стояла чуть в стороне. На ней было короткое, едва прикрывавшее колени, обтягивающее серебристо-серое платье без украшений, кроме щита на поясе. Поверх платья — чуть длиннее его — безрукавка более темного серого цвета. В отличие от однотонного костюма ноги девушки казались ярко украшенными, потому что они были покрыты плотным черным узором, щедро отделанным серебром. Ради этого маскарада Мэрфи пришлось пожертвовать своими волосами: теперь они были коротко по-мужски подстрижены, кончики отдельных прядей выкрашены в красно-коричневый цвет, что придавало ее голове забавную пестроту — последняя мода

Нью-Британии.

Рядом с ней стоял Эрк Роган. Он крепко держал дочь выше локтя, словно в эти последние минуты думал о риске ее путешествия и не мог отделаться от тревожных мыслей. Однако он ничего не сказал, проводив Мэрфи с отрядом к челноку.

Брум имел станцию на К-625, так что неожиданностей не должно было быть. Челнок, перед тем как принять их, был очень тщательно проверен. Тем не менее Блейк весь напрягся, когда его охватило знакомое головокружение, он бессознательно ожидал какого-нибудь несчастья. Осознав свой страх, разозлился. Неужели он не избавится от подозрений?

В кабине не разговаривали. Возможно, остальные, как и Блейк, скользили мыслями по пунктам обучения, еще раз проверяя себя в новых ролях Вильяма Кэмпдена, Джорфи Варнстеда, его племянницы Энн Варнстед и Мэттью Лайтфута.

Сигнал, предупреждающий о прибытии, глубже вдавил их в кресла, как только началось вращение. Затем они оказались в неэкранированной секции склада. Управление рассчитало, что они войдут под покровом ночи, так что только очень слабый свет вел их по узкому проходу между ящиками и тюками. Свет исходил из щели под

дверью. Валт велел остановиться и осторожно открыл дверь.

За дверью был окруженный стенами двор, вымощенный каменными плитами. Там ждал грузовик для перевозки товаров. Валт и Блейк сели впереди, Мэрфи и Ло Сайди в крытый фургон. Можно было подумать, что Валт держит перед глазами карту и всю жизнь водил грузовик: он включил мотор, вывел машину через ворота, и они понеслись по лабиринту улиц, освещенных фонарями на столбах.

Сначала шли каменные или бетонные дома в четыре-пять этажей, а дальше возвышались многоэтажные, видимо, деревянные. Здесь не было вывесок, только причудливо украшенные фонари у некоторых строений позволяли догадываться о роде занятий хозяев.

— Здесь. — Валт ввел грузовик под арку во двор, столь же скудно освещенный, как и склад. За время своей быстрой поездки по улицам они видели очень мало людей, и то только мужчин. Это был пограничный город с точно соблюдаемым комендантским часом, и женщин здесь почти не было.

Они вошли в дом. Их ждал крепкий мужчина в плаще мастера-купца. Острая с рыжей ржавчиной серая борода придавала ему вид человека,

обладающего непререкаемым авторитетом. Роджер Эршельм, английский купец из Лондона. Конечно, он не был ни «английским купцом», ни «из Лондона», но все в Порт-Акроне считали его таковым.

В хорошо освещенной обшитой панелями комнате Эршельм скинул плащ и пригласил всех к столу, где стояло вино в кубках изумительной работы. Металлические блюда с ободком из эмали с драгоценными цветными камнями были наполнены фруктами, вафлями и ломтиками хлеба, намазанными разными аппетитно пахнущими смесями паст.

— Это безумие, — буркнул Эршельм. — Вы, леди, — он посмотрел на Мэрфи, — сильно рискуете. В городе так мало женщин, что они все наперечет со всей их родословной. Если здесь увидят вас, поднимется такой переполох, что может оказаться раскрытой вся наша станция. А вам, — он повернулся к мужчинам, — я сейчас объясню другое. Вдоль реки неспокойно. По прихоти какого-нибудь лорда вас могут выслать из Империи в одной рубашке.

— Что-нибудь случилось? — прервал его Валт. — Назревает мятеж?

— Случилось, да. Здесь всегда готовились мя-

тежи, но сейчас, я считаю, все по-настоящему кипит!

— Какие-нибудь особые причины?

— Причины? — всплеснул руками Эршельм. — Они прежние: купцы желают мира, а лорды, видя, как уменьшается их власть и доходы, — войны. Ходят слухи о жутких инцидентах на границах, да и ближе. Снова вспоминается пророчество о возвращении Хитцилопотли. Долгое правление малолетки никогда не укрепляет королевский дом. Не один лорд уже поглядывает, как бы облачиться в императорский зеленый цвет.

— Но все это не первый год…

— И создается отвратительная ситуация. Время идет, и лорды начинают проявлять такую смелость, какую не демонстрировали со времени подавления восстания. Они вытаскивают полузабытые законы и пользуются ими, когда выгодно. Самый последний: ограничение проживающих здесь иноземных купцов — Дозволенных. Им разрешается выходить из своих домов только по пропускам и под охраной для их же собственного блага, конечно. Население якобы ненавидит иноземцев. Было несколько умело направленных бунтов, чтобы в это поверили. Ряд тщательно спланированных инцидентов стал причиной

изгнания всех Дозволенных…

— И Нью-Британия согласна с этим?

— При теперешнем правительстве? — Эршельм пожал плечами. — Непосредственным будущим управлять нельзя. Но общественное понимание растет. Умеренные могут потерять власть и к ней придет королевская партия. Вице-король скользит по узенькой тропке, сохраняя мир. И он может только советовать, но не приказывать. Расхождение с законами правящего дома 1810 полное. Итак, если вы не найдете того, что ищете, в Нью-Британии… — Эршельм замолчал. Мэрфи непроизвольным жестом сбросила на пол стоявшую перед ней чашу с вином и, даже, не взглянув, повернула голову, как будто ее притянула какая-то сила. Все уставились на нее. Медленно повернув лицо с широко раскрытыми глазами, она встала и подошла, держась за стену, к окну. Руки ее отдернули занавески и потянулись к шпингалетам. Валт в два шага очутился возле нее, отвел ее руки и открыл окно. Холодный ночной воздух принес с собой звук струящейся воды. Вдали светились фонари. Валт бережно обнял Мэрфи за плечи и тихо назвал ее по имени. Девушка качнулась к нему, но головы не повернула: она все еще вглядывалась в ночь. Затем она

вздрогнула всем телом, повернулась к Валту и схватила его за куртку. Лицо ее было усталым и напряженным.

— Я не ошиблась, — сказала она тихо, но так отчетливо, что ее услышали все. — Марва здесь!

— Вы можете узнать, где? — спросил Валт.

Она ответила вопросом:

— Где находится Ксоматль?

Валт посмотрел поверх головы Мэрфи на офицера станции.

— Это на территории Империи, на юге, — ответил Эршельм. — Если она и в самом деле в Ксоматле… — Он покачал головой.

— Нью-Британия не имеет там контактов? — спросил Валт.

— Караван Дозволенных Купцов прибывает туда каждый второй месяц. По крайней мере, так было раньше, а будет ли впредь — кто знает? Но мандаты таких купцов достать невозможно. Эту торговлю ведут из рода в род одни и те же фамилии. Включить кого-то другого в подобную экспедицию немыслимо.

Валт взглянул на Мэрфи.

— Вы уверены?

— Да. Она взаперти, но не считается пленницей. Я попробую полный мысленный зонд, и,

может быть…

Валт оживленно кивнул.

— Давайте! Эршельм, у вас есть отдельное помещение? Мэрфи, вам понадобится усиливающий наркотик?

— Сначала я попробую так. Мы никогда не пользовались им. Раньше у нас всегда хорошо получалось.

Она вышла с Валтом и Эршельмом. Блейк представлял предстоящее ей испытание, хотя сам никогда ему не подвергался. Межмозговое общение на внешнем уровне вводит участников в подобие транса. Они должны находиться в отдельном помещении в полной тишине и покое. Мэрфи все это получит, но находится ли ее сестра в таких же условиях, чтобы иметь возможность ответить? Один шанс из тысячи. Догадка Мэрфи, что ее сестра на этом уровне, была верной, это вне всякого сомнения. Но куда им теперь идти и как?

Ло Сайди допил свое вино, улыбнулся Блейку и сказал, будто прочитав его мысли:

— Обдумываете следующий ход? Не тратьте мысленную энергию. Мы все равно не приступим к действиям, пока не будем уверены. Эршельм кричит: «Невозможно!», а сам уже пытается отыскать возможность. Нам придется потерпеть. А

непосредственное наше будущее — постель.

Блейк лег в кровать с пологом на тонкое, пахнувшее лавандой, свежее прохладное белье. В этой комнате чувствовалась рутина лет: казалось, время здесь течет медленнее, некоторые атрибуты другого, более величественного века задержались, чтобы дать ощущение спокойствия и отождествления с кем-то из предков, чего так недоставало в родном мире Блейка.

Перед тем, как лечь, он открыл окно, и в комнату проникли звуки реки. Одно хорошо было в Порт-Акроне: не доносились гудки судов, проходящих в ночи.

Река и то, что за ней — вражеская территория. Где-то на юго-западе есть другой город, еще древнее этого, и в нем, с неизвестными пока полями, содержится Марва. Невозможное оказалось возможным: они появились в том мире, где была Марва, хотя шанс на это был так мал, что казался невероятным. Будет ли удача по-прежнему благоволить к ним?

Бормотание реки успокаивало, и Блейк забылся, но вскоре проснулся. Где-то далеко смутной тенью кралась опасность. Предупреждение было очень слабым, но оно было. Не естественные неудобства, объясняемые обстоятельствами, а

настоящая опасность. Предупреждение еще не призывало к оружию — это пока только тень, призрак опасности. Откуда? С юго-запада?

— Безумие! — Эршельм поднялся из складских помещений и теперь расхаживал взад и вперед. Полы его куртки развевались, как крылья зловещей птицы. — Только что сообщили о высылке купцов из Топокаля и Манао.

— Но караван все-таки готовился идти в Ксоматль, не так ли? — Валт сгорбился за столом, вглядываясь в карту, прижатую по краям ложками и вилками. — Города, о которых вы упомянули, на севере. Есть какие-нибудь причины, почему Империя так поступила?

— Оба эти города в старых пограничных районах, — уклончиво ответил Эршельм.

— Купцы там всегда подозревались, — комментировал Ло Сайди. — Они явно воины. Два поколения назад купцы подняли восстание против Империи. Это изменило весь ход войны и спасло запад Нью-Британии от вторжения. Им не нравится правление Империи. И они всегда готовы вести интриги.

Эршельм остановился у стола.

— Это истинная правда. И все признаки, что вулкан вот-вот начнет действовать. Не дай бог

какому-нибудь британцу перейти границу! Если это случится — да поможет ему небо! На этой земле ничего не останется! Фанатики потребуют кровавых жертв по древним обычаям, а кровь иноземца для этого лучше всего.

В наступившем затем молчании раздался странно дрожащий голос Мэрфи:

— Марва там!

У нее под глазами темнели круги, как будто она встала после тяжелой болезни.

— Больше вы ничего не знаете? — спросил Эршельм.

— Я не могла… узнать больше. Не знаю, почему.

Старания Мэрфи к общению через мозговой зонд не помогли ей установить близкий контакт с сестрой. Это встревожило всех. Для Мэрфи же это было шоком, от которого она еще не оправилась.

— Мозговой блок? — спросил Ло Сайди, переводя взгляд с девушки на Валта, а затем на Эршельма.

— Возможно, — ответил Валт.

— На этом уровне никто на него не способен, — возразил Эршельм.

— Нельзя недооценивать местных жрецов, — заметил Ло Сайди. — Марва появилась в этом

мире не одна, ее привезли с определенной целью. С этим мы все согласны. Но эти люди должны были принять меры предосторожности.

— Мы должны найти ее! — почти истерически воскликнула Мэрфи. — Что, если она… если ее привезли… в дар?

Совесть Брума не была вполне чистой в этом отношении. Многие привозили когда-то подневольных невест, похищенных из параллельных миров, и они стали основательницами кланов. Роганы, наверное, в прошлом тоже имели хотя бы одну такую пленницу, и ее потомки должны были знать об этом. Так что предположение Мэрфи было вполне логичным.

Валт покачал головой.

— Нет, дело тут не в похищении жены. Будь это так, ей дали бы фальшивую память, а не тащили бы прямо на этот уровень, как пленницу. Больше того, подобный дар не принят в Империи Толпека. Женщина вашего типа не представляет интереса ни при дворе, ни у знати. Если только… — Он вдруг замолчал, крепко сжав губы.

Мэрфи вскрикнула. Вскочив, она прижала руки ко рту жестом ужаса, как будто губы ее готовы были произнести нечто настолько страшное, что это нельзя было выговорить вслух. Не в первый

раз Блейк пожалел, что не имеет телепатической силы. Какая-то мысль мелькнула в мозгу Валта, передалась девушке и, похоже, Ло Сайди, если судить по выражению его лица. Только Эршельм смотрел на них в недоумении. Блейк решил, что пси-сила купцов лежит в другой области.

— Итак, — Ло Сайди забарабанил пальцами по столу, — похоже, что сейчас самое важное скорость…

Валт прервал его, сказав Эршельму:

— Мы обязательно должны быть в караване, который уходит через два дня: Как это сделать?

Эршельм ударил кулаком по столу.

— Я же говорил, что это невозможно! Три британские семьи имеют наследственные права торговли в Ксоматле: Вильфорды, Фронтнамы, Трелейлы. Все они давно известны стражникам, пограничному патрулю, купцам в Ксоматле. Замена невозможна: это сразу будет заметно.

Ло Сайди устало улыбнулся и сказал с обманчивой мягкостью:

— Неразрешимых проблем нет. У вас есть полный список тех, кто едет, и снимки каждого?

Эршельм достал из внутреннего кармана куртки пакет и бросил на стол.

— Шесть человек, и каждого из них погранич-

ники знают, как своего родного брата.

Ло Сайди взял из пакета катушку пленки и маленький проектор, который навел на стену. Изображение было не такое ясное, как на настоящем экране, но каждого человека на нем можно было разглядеть. Шестеро мужчин. — от среднего возраста до юношеского. Самым старшим был Мастер Джеймс Фронтнам; остальные — два помощника, ученик и двое рабочих, стремящихся стать учениками.

— Все они либо Фронтнамы, либо Вильфорды, либо Трелейлы, даже рабочие! — заявил Эршельм. — Мы не можем подсунуть к ним ни одного новичка.

— Тогда, — мягко сказал Ло Сайди, — мы смахнем их всех и заменим всю компанию.

Блейк подумал, что Эршельм тут же запротестует, но купец ответил не сразу, а сначала оглядел всех по очереди.

— Знаете, это не просто безрассудство, — сказал он спокойно, — это крайняя степень безумия. Да, — он взмахнул рукой, как бы отметая возражения, — мы можем сделать из вас визуальные копии этих людей, можем дать вам кое-какой инструктаж. Но это не поможет вам, когда вы окажетесь на том берегу среди подозрительно

настроенных людей, много лет знающих Дозволенных Купцов и видящих в каждом чужеземце потенциального шпиона.

— Понятно, — сказал Валт. — Значит, вы считаете, что не стоит и пытаться. Но если то, чего я опасаюсь, правда — это сделать необходимо!

Мэрфи все еще прижимала пальцы к губам. Глаза ее были широко раскрыты и блестели, как у испуганного животного. Блейк еще не знал, чего они боятся, но понимал, что дело очень серьезное, если Валт переходит границы осторожности.

— А почему это так важно? — почти жалобно спросил Эршельм.

— Древние обычаи, — явно неохотно ответил Валт. — Очень древние. Подумайте сами, человече, зачем привезут иноземную девушку в некоторые районы за рекой?

Эршельм перестал нервно разглаживать полы своей куртки. Его глаза из-под седых бровей быстро взглянули на Валта, а затем его дыхание перешло в хрип.

— Не может быть! — запротестовал он, но сам уже против своей воли разделял опасения Валта.

Теперь дошло и до Блейка. В его мозгу вспыхнуло ужасающее воспоминание и вызвало тошноту, так что он конвульсивно сглотнул. Древняя исто-

рия, способная вывернуть человеку желудок.

Бежавшие ацтеки, ища себе новую родину, временно заключили союз с королевским городом, находившимся в плодородной долине, которая им очень приглянулась. Благодаря превосходству ацтекских воинов совместные военные действия были успешными, и ацтеки намекнули на дальнейший союз через брак их вождя с королевской дочерью. Король под впечатлением мощи и военной доблести северных дикарей согласился. Но когда он и его двор прибыли на свадебный пир, они увидели, что жрец танцует перед своим идолом, одетым в мантию из содранной кожи королевской дочери! Король и его приближенные бросились на своих недавних союзников и погнали их обратно в скудные дикие места. Ацтеки же, в сущности, не поняли, за что их преследуют: по их понятиям, они оказали честь как своему богу, так и принцессе.

Да, в прошлом там были мрак и кровь. И если теперь вернулись те ужасные дни…

— Но ведь это было шестьсот лет назад, — сказал Блейк. — Не могут же допускать это варварство сегодня!

— Старые верования умирают трудно и могут снова возродиться для отчаявшихся. Людьми,

объединенными общей виной, легче руководить. А в Империи всегда тлели угли древней религии. Люди были вынуждены идти другими путями, но кое-где власть жрецов все еще держалась. Величайший из прежних вождей Куатцелкоатль был изгнан за то, что хотел отменить кровавые жертвоприношения. Когда в 1624 году хаос гражданской войны привел к власти Кукулкана II, жрецы потеряли свое влияние, но старые боги никогда не были низвергнуты окончательно. О, я знаю, что сами вожди не верили в Хитцилопотли, в Ксипа и других, но кровавые церемонии еще устраивались и возбуждали тех, кем они правили. Церемонию можно почти открыто провести по всей Империи. Это способно вызвать волнения, в бурных волнах которых не прочь обрести власть честолюбцы.

— Вы правы… — со вздохом произнес Эршельм. — Да еще дата…

— Пятидесятидвухгодичный цикл разжигания нового огня, — уточнил Ло Сайди.

Валт взглянул на него, потом на Блейка. Блейк вздрогнул от его холодного взгляда, но только кивнул начальнику, как бы подтверждая получение молчаливого приказа.

Обучение Блейка позволило ему понять заме-

чание Ло Сайди. Древние южные королевства твердо следовали астрономии. Их счетная система основывалась на пятидесятидвухгодичном цикле. В конце этого витка лет был колоссальный «новогодний» период. Аннулировались все долги, прекращалась вражда, заканчивались соглашения и контракты. Хозяйки выбрасывали свои горшки и кастрюли, мебель, готовясь заменить новыми. Огонь, отмечавший начало эры, разжигался на груди приносимого в жертву человека…

— Конец и начало, — сказала Мэрфи. — У нас так мало времени… Ох, Кам!

Мастер патрульных не протянул ей через стол руки и не кивнул, но от него к девушке, видимо, прошла успокаивающая волна, потому что Мэрфи заметно расслабилась.

— Вы можете собрать всех членов каравана? — спросил он Эршельма.

— Да. Я могу пригласить их сюда на банкет. Принято приглашать коллег перед торговой поездкой. И постараюсь их убедить взять с собой дорожные документы. Поскольку я англичанин, они поверят в такой жест с моей стороны. Но… у нас только два дня…

— Мы очень благодарны вам, — сказал Валт.

Вечер, ночь, восход солнца, первый час нового

дня. Блейк смотрелся в зеркало. Он больше не был ни Блейком Валкером, ни Вильямом Кэмпденом: он стал Руфусом Трелейлом. Его купеческая куртка и другие знаки младшего по рангу исчезли. Только на поясе осталась геральдическая пряжка. Теперь на нем были грубые темные брюки, поверх надета тускло-зеленая рубашка. Такой костюм давал больше свободы рукам для тяжелой работы грузчика.

Валт стал Джеймсом Фронтнамом. Ло Сайди — Ричардом Вильфордом, а Мэрфи — Денисом Фронтнамом. К ним присоединились два патрульных, разделивших с Блейком ранг рабочих. Они были добровольцами из штаб-квартиры, а не из штаба Эршельма, иначе их отсутствие могло быть замечено.

Настоящие нью-британцы сначала подверглись мысленному контролю, а потом в наркотическом сне были отправлены на Брум. Когда они вернутся, им дадут фальшивую память на время их отсутствия.

Чуть позже Блейк смотрел вдоль пристани, следуя указывающему персту человека, толкающего две грузовые тележки. Такую же Блейк толкал сам. Речной бот, предназначенный в основном для груза, ожидал их. Его команда состояла из

темнокожих подданных Империи. На палубе расположились солдаты. Большая часть груза уже несколько дней была на борту. За груз на тележках отвечали Блейк и его напарники. Это был самый важный товар, так сказать, сливки — главным образом экзотические предметы роскоши, предназначавшиеся для знати, придворных, подарков.

Удастся ли обман? Инструктаж по их новой роли был очень краток. Он лишь скользил по поверхности. Блейк сомневался, что они пройдут не обнаруженными вражеской сверхподозрительностью.

— Эй, пошевеливайтесь! — Валт оглянулся с приличествующим случаю раздражением и махнул рукой рабочим. Блейк и его напарник бегом бросились на палубу.

Судно имело форму тупоугольного треугольника, расширенного к, корме. Видимых средств передвижения не было. Где-то скрыты, но где — не купеческому отряду интересоваться этим.

Как только они очутились на борту, всех согнали на корму. С шумом упали решетчатые перегородки, оставив таким образом их в тюрьме. Мало того, у решеток поставили двух часовых, которые сменялись каждые четыре часа. Но это

все было обычным делом. Съестное они взяли с собой.

— Ну вот мы и в пути, — сказал «По Сайди. — Что же дальше?

— Если все пойдет хорошо, — ответил Валт, — высадимся, как всегда, на Восточном молу в Ксоматле. Но поселимся не там. Нас поведут под стражей в южную часть города, в Дом Иноземцев. Правда, он больше напоминает тюрьму, чем дом. Затем мы поднесем подарки капитану порта, главе местной торговой гильдии и резиденту тональпульки. Он занимается предсказаниями и назовет нам хороший день для торговли. Это обычная процедура. Если дары будут приняты, мы объявим о торговом дне главе гильдии, который придет с инспекцией. До начала торговли у нас будет три дня, а то и больше. Можно продлить этот срок, немного задержавшись с подарками. Но не стоит — это вызовет подозрения.

— Они будут постоянно следить за нами! — сказал один из новых членов отряда.

— Будут! — согласился Валт.

Блейку казалось, что у них нет никаких шансов, но он верил в Валта и его опыт. Где-то Мастер патрульных наверняка видит лазейку, но пока не настолько уверен в ней, чтобы объяснить.

Личное предупреждение Блейка, дремавшее в мозгу, вдруг знобящей волной прошло вдоль позвоночника. Складывая остаток груза так, чтобы все в глазах стражников выглядело нормально, он в конце концов вышел на отведенную им часть палубы. В этом месте река была широкой, и они шли по диагонали к имперскому побережью. Та сторона казалась дикой и пустынной. Возможно, в этих местах людей вообще никогда не было.

Дважды в этой сплошной стене зелени показывались маленькие причалы, но к ним не приставала ни одна лодка. Вообще вокруг расчисток не было признаков жизни. Начало темнеть, и Блейк пошел в каюту ужинать. Там находились все, кроме Ло Сайди. Через минуту появился и он с искаженным лицом.

— На борту ягуар-офицер!

— Точно? — спросил Валт.

— Он только что поднялся на наблюдательную палубу и следит за нами. Ошибки не может быть: я видел его символ. Вы знаете правило, что никто не может носить этого знака, кроме тех, кому он был торжественно пожалован.

— Ягуар-офицер… — размышлял Валт.

Военная элита прежнего королевства ацтеков привела в Империю два рода воинов: Ягуаров

и Орлов. В каждой из этих групп приобретали положение только после многих побед в славных битвах. Хотя Империя официально давно уже не воевала, постоянные пограничные стычки давали честолюбцам возможность продвижения. Лишь очень немногие торговцы при всем своем положении и даже их сыновья добивались права носить знак оскаленной звериной морды или орла с распростертыми Крыльями. В основном это было привилегией старинных знатных родов.

— Может, он из пограничной инспекции и сел на этот корабль случайно или из любопытства?

— Я не верю в такое совпадение, — ответил Валт.

Мэрфи рано ушла в свою каюту, а Валт, Ло Сайди и старший из добровольцев продолжали сидеть за столом. Вся атмосфера подсказывала, что младшим лучше держаться в стороне. Блейк ушел обратно на палубу. Часовые мерно расхаживали. Оба были вооружены не только длинными поясными ножами, но и местными эквивалентами винтовки, стреляющей сжигающим лучом.

Блейк обнаружил перила на стороне, обращенной к берегу. Здесь тоже была решетка, поднимавшаяся над палубой футов на шесть, если не больше. Она ясно давала знать, что люди

на корме должны там и оставаться. Да и высадка на темном берегу не принесла бы пользы: любой беглец будет выслежен обученными свирепыми собаками или столь же жестокими людьми.

— Тейялуаниме! — донеслось со скрытой в темноте верхней палубы. Слово звучало, как змеиное шипение. Что-то упало с мягким шумом. Блейк протянул руку, и его пальцы нащупали веревочную лестницу.

— Лезь! — приказал голос сверху.

Раньше там был свет, но теперь вся секция была темной. Блейк видел только фигуру у вершины лестницы.

— Лезь! — снова приказал голос, еще более повелительно.

Кто-то назвал Блейка древним именем (так звали купца-шпиона на службе Империи) и теперь приказывал ему выбраться из тюрьмы, как если бы он, Блейк, ждал этого зова. Его отказ может подвергнуть опасности весь отряд. Но кто зовет? И зачем?

Блейк поднялся наверх, проклиная про себя офицеров стражи и судно.

— День девятый? Кто бегает по улицам с грязным лицом?

Слова произносились по-английски, но были

искажены шипящими интонациями. Блейк, не понявший этой тарабарщины, которая, по всей видимости, имела какое-то значение и для спрашивающего, и для подлинного Трелейла, не ответил.

— День девятый, — снова начал тот. Затем Блейк услышал тяжелые шаги, и в то же мгновение укрывшееся в дремотной тени чувство опасности огнем тревоги озарило мозг, требуя немедленно защищаться. Блейк отскочил от поручней, где висела лестница. Но человек, все еще казавшийся тенью, бросился следом, собираясь повалить Блейка. Тот ударился о боковые поручни и громко позвал на помощь.

Напали… Нет, шедший не собирался помогать! Грубые руки схватили Блейка за лодыжки, и он полетел через поручни вниз в воду…

Блейк распластался в вонючей грязи. Удушающе пахло гниющей растительностью. Слизь давно затопленного берегового камыша пристала к рукам и телу. Он не вполне представлял себе, каким образом добрался в темноте до отмели. Помнил только исполосованную огненными лучами воду, по которой он отчаянно молотил руками, стараясь удержаться на плаву. Видимо, на судне решили, что убили его, а может, просто

оставили для берегового патруля. Он выплыл, вернее сказать, вырвался из объятий воды на хрустящее камышовое ложе, сел и попытался разобраться в том, что случилось. Совершенно ясно, что его вызвали на тайное свидание и потребовали пароля, которого он не знал. Затем кто-то, может быть, и не участвующий в сговоре, прошел по палубе, и невидимый собеседник Блейка применил решительные меры для избавления от возможного изменника — выкинул Блейка за борт.

Теперь он был на территории, где легко можно стать добычей первого встречного. У него был выбор: либо снова плыть через реку в Нью-Британию, либо разработать способ спуститься вниз по течению и догнать купеческое судно. Блейк не был уверен, что это возможно. На левой руке от плеча до локтя тянулась опаленная полоса в три пальца шириной. При малейшем движении она причиняла мучительную боль. Переплывать в таком состоянии широкую быструю реку — нет.

Но на этой стороне вдоль всего берега были наносы. В родном мире Блейка такая река пользовалась дурной славой из-за постоянного изменения глубины. Наверное, и здесь то же самое. Если он найдет что-нибудь дрейфующее для

поддержки, он способен плыть и даже догнать судно, где, правда, его могут и подстрелить… и обнять те, кто был бы рад услышать о его встрече с неизвестным на верхней палубе. Блейк был уверен, что это армейский офицер. Но возможна ли связь между офицером и иноземным купцом? Ведь последних вечно проклинали и считали врагами?

Блейк с трудом поднялся на ноги. Ясно, что идти по затонувшему камышу не удастся — с первым шагом ноги глубоко увязли в гнили. Придется подняться выше.

Ночь была безлунной, и Блейк лишь смутно различал высокий обрывистый берег. Каким-то образом ему все же удалось подняться наверх. Там он лег, тяжело дыша и прижимая к груди обожженную руку.

За темными зарослями метались искры света. Костры. Блейк прислушался к ночным звукам: полет совы, всплеск — видимо, какое-то животное на водопое, а потом лай, заставивший его вздрогнуть. Патрульные собаки?

Идти наугад в темноте было не очень разумно, но чем больше он останется здесь, тем дальше уйдет судно и возрастет опасность попасться патрулю. Ну что ж, значит, надо идти!

Блейк встал. Река здесь поворачивала на юго-запад. Спотыкаясь, он поковылял вдоль берега. Что-то темное фыркнуло и с шумом бросилось от него в кусты. Еще два раза он услышал громкий лай. Он стал считать шаги: пятьсот, отдых до сотни, пятьсот, опять отдых. Было слишком темно, чтобы искать какое-то подобие плота: как только чуть-чуть рассветет, он спустится к воде и поищет.

Нью-Британия держала патрульные крейсеры на своей стороне реки, вспомнил Блейк. Найти бы что-нибудь плавучее для поддержки, чтобы переплыть реку. Уйти подальше от этого негостеприимного берега… Если его захватят нью-британские власти, он назовется беженцем с верховьев реки, спасающимся от вражды имперской знати… Едва ли это выйдет: Блейк устал, а рука, которую он засунул за пазуху, пульсировала болью, отзывающейся в плече и груди так сильно, что иной раз он не мог вздохнуть и приходилось останавливаться, чтобы отдышаться.

Ночь длилась бесконечно. Время перестало существовать, и Блейк был осужден вечно тащиться сквозь тьму, спотыкаясь о корни и низко стелящиеся ветки. Он шел, как в полусне. Сигнал опасности забил общей тревогой. Так было в

челноке, когда он сел на Проекте. Челнок… Валт… Мэрфи… Судно…

Недавнее прошлое тупо текло через его мозг, как будто все это ни с какой стороны не касалось Блейка. Важен был лишь следующий шаг… следующий и еще следующий… если он сможет шагнуть…

Блейк споткнулся и упал, как раз на поврежденную руку. Тьма перед глазами стала еще плотнее. Он не смог удержаться от стона. Он так и остался лежать там, где упал. Небо начало бледнеть.

Его разбудил дождь. Холодные струи пробились под ветви и снова намочили непросохшую одежду Блейка. Патрульный открыл глаза и заморгал, не понимая, где он. Дождь, ветки — значит, под открытым небом. Как он сюда попал? Вода, падавшая на лицо, несколько освежила память. Он в другом мире... Корабль… Река… Он шел вдоль реки. Теперь светло… Наносы на берегу… Надо уходить отсюда! Он встал, держась за куст, и замер: тихое рычание и… резкие позывные внутренней тревоги. Блейк медленно повернул голову к источнику звука. Яркие, отливающие зеленью глаза смотрели на него с явным интересом. Уши были прижаты к круглой кошачьей голове. Сквозь белые клыки вырвался предупреждаю-

щий рык. Пума? Нет, это был ягуар, пятнистый владыка джунглей на дальнем юге. Хотя здесь он был и не дома, однако оставался хозяином положения.

Ягуар вытянул лапу и продвинулся вперед, прижимая брюхо к земле. На нем был ошейник с зелеными камнями. Снова предупреждающее рычание. Блейк взвесил свои шансы. Позади, не очень далеко, обрывистый берег. Сумеет ли он добежать, прежде чем этот кот прыгнет? Сомнительно.

Ягуар поднял голову и издал визгливый вой. Ему ответило рычание позади Блейка. Ловушка! Не спуская глаз с ягуара, словно стараясь сдержать его своей волей, Блейк чуть отступил в сторону, чтобы взглянуть и в другом направлении. Шкала внутренней тревоги не поползла вверх до отметки смертельной опасности.

Появилась вторая голова, еле различимая в подлеске: мех был черным, выделялись только оскаленные белые клыки. Второй зверь не выходил на открытое место. Он рычал, стряхивая воду. Пятнистый кот теперь лежал, порыкивая на дождь, который явно раздражал его. Звери пока явно не собирались на него бросаться, но Блейк ничуть не сомневался, что они следят за

его малейшим движением.

Охотничьи коты! Блейка предупреждали насчет злобных собак речного патруля. От них невозможно было ни спрятаться, ни убежать. Встречи с ними оказывались роковыми для беглецов. Но о котах в инструктаже ничего не говорилось. Может, это любимцы какого-нибудь местного лорда? Ягуар считался священным животным: трон императора был сделан в виде ягуара, и привилегированная военная каста носила его имя.

Блейку не пришлось долго размышлять: внутренняя тревога вновь толкнула его. Он оглядел животных. Ни одно не напряглось для прыжка. Но издалека послышался глухой рокот, трижды повторенный. Черный кот мгновенно исчез. Затем последовали другие звуки, похожие на барабанный бой. Опасность… близкая опасность.

Блейк шевельнулся. Его движение было встречено громким рычанием. Пятнистый кот припал на лапы, готовясь прыгнуть. Блейк напрягся. Где-то поблизости на визгливый кошачий вой ответили криками. Да, Блейк был в ловушке, и хозяева котов шли взять его.

Появились люди в кожаных брюках и бумажных зеленых с коричневым рубашках без рукавов.

Они едва прикрывали мощные руки, груди и плечи. Волосы были зачесаны назад и туго связаны на затылке. Лбы разрисованы. Вероятно, это были вассалы какого-то лорда: у всех духовые ружья, а не изящное военное снаряжение. На рубашках символы.

Пятнистый кот поднялся и отошел на несколько шагов. Охотники молчали, но почтительно расступились, как перед высокородным лордом. Кот уселся и стал лизать переднюю лапу.

Тем временем предводитель щелкнул пальцами, и двое подошли к Блейку, снимая с пояса ремни. Они грубо завернули за спину его поврежденную руку и крепко связали запястья. Толчок в плечо заставил его идти. И он пошел в сопровождении всего отряда, включая кота.

Блейк так часто спотыкался и падал, что в конце концов вождь с раздражением велел одному из охотников идти рядом с пленником и поддерживать его.

Даже если бы Блейк был здоров и не связан, он не мог бы сравниться в ходьбе по лесу с этими людьми. Это были индейцы северных племен. Скитальцы равнин несколько поколений назад после многих сражений и партизанской войны объединились с Империей. Теперь они стали

пограничниками и разведчиками. Все они были рослыми, хорошо сложенными, подобно индейцам сиу, черноногим сородичам мира Блейка. В течение полувека они успешно задерживали передвижение европейцев, пока их, наконец, не победило стремительное наступление цивилизации, которой были не нужны добродетели и таланты индейцев. Империя поглотила их.

Это была как раз та сила, на которую могли положиться реакционные лорды, готовые, по слухам, восстать против механической цивилизации юга. Ясно, что у этих людей не было оснований благоволить к пленнику из Нью-Британии: они всегда ожидали лазутчиков из-за границы.

— Сюда иди, — сказал по-английски приставленный к Блейку страж и толкнул его влево.

Они оказались на узкой дороге напротив весьма внушительной группы. В нескольких ярдах от них находился широкий кар вроде фургонов Порт-Акрона. Он представлял из себя полувоенный, полуохотничий лагерь. На его крыше были установлены три орудия незнакомого Блейку типа. Сбоку находилась открытая дверь. Через нее виднелось комфортабельное жилище. В дверях на стуле сидел человек. Вероятно, он был круп-

ным военным начальником.

Большой нос, плоский лоб, удлиненный череп говорили о принадлежности его к древней и благородной фамилии. Здесь, в глуши, он носил кожаные штаны, сапоги и простую рубашку, как все его люди, с той лишь разницей, что герб был вышит золотыми нитками. У охотников были духовые ружья, а у него лазерный пистолет. Позади стояли два человека в униформе личной охраны. У них были не только лазеры, но и винтовки. У ног лорда лежал черный ягуар, сверкая золотым ошейником с рубином. Туда же прыгнул пятнистый кот и прижался к ногам. Лорд его приласкал, не обращая внимания на стоявшего между стражниками пленника.

Лица охранников безошибочно выдавали южан. Но несколько слов, услышанных Блейком, оказались ему непонятными.

Только после того, как оба кота получили чашки с едой и поели, человек обернулся к Блейку и внимательно оглядел его, не упуская ничего, ни следов речной грязи, ни прорехи, ни синяка. Согнув палец, он подозвал Блейка высокомерно и презрительно. Блейк на секунду удивился, каким образом у этого лорда лицо Айзена Котора, когда их разделяли цивилизации, временной поток

и миры.

— Откуда ты? — протянул лорд таким тоном, как будто это его совсем не интересовало. Один из котов поднял голову и зашипел.

— Порт-Акрон, Текутли, — ответил Блейк, обращаясь к нему, как к знатному. Нельзя притворяться, будто он не с той стороны реки. Самое разумное было говорить правду. Хотя кто знает, каким образом они добиваются полной правды от пленников, — невольно подумал он.

— Вот как? Это же на той стороне реки и на севере. Что же тогда ты делаешь здесь?

— Я был на судне, идущем в Ксоматль. Произошел несчастный случай, я упал за борт. Добрался до берега, но не знал, где я.

Стражник сделал неожиданное движение, к которому Блейк не был подготовлен: он повернул пленника и дернул его связанные руки, чтобы ожег на левой руке был виден спрашивающему.

— Несчастный случай? Тебя полоснули лучом, бледнолицый. Говорят, в людях твоей породы нет правды. Ваш язык крутит слова, а не посылает их прямо к слуху честного человека. Но у нас есть способы узнать правду, даже если душа твоя уйдет к Хитцилопотли. — Его пальцы сделали знак, повторенный остальными. — Ты пришел из реки,

в это я верю, потому что от тебя воняет грязью. Назови свое имя, чтобы мы могли послать его вниз по реке, если ты этого захочешь.

— Руфус Трелеил, из Дозволенных Купцов, едущих в Ксоматль.

— Ты слышал? — заметил лорд одному из стоящих позади него. Он сказал по-английски, как бы желая, чтобы Блейк понял.

— Я слышал, ах коч кабоб.

Советник — с титулом майя. Можно ли на этом что-нибудь построить? — задумался Блейк. Майя были первыми купцами, торговыми разведчиками. Может, так продолжается и поныне, и тогда навязанная Блейку профессия окажется здесь более приемлемой, чем у благородного ацтекского воинства.

Человек метнулся в переднюю часть лагеря на колесах, и Блейк подумал, что он, наверное, сейчас посылает по радио рапорт.

— Значит, ты из Дозволенных Купцов в Ксоматле, где ты, без сомнения, имел дело с Якабеком. Почтекафлатоке? — Теперь лорд пользовался ацтекскими терминами.

— Мой мастер действительно имеет соглашение с Почтекафлатоке. Я не Текуненепке. Имя главы купеческой гильдии Поальтцин.

Ах коч кабоб пожал плечами и отдал какой-то приказ на местном диалекте. Блейка повели к другим машинам, стоявшим неподалеку, видимо, к транспорту для остальных членов отряда.

На некоторых машинах были оборудованы клетки. В двух находились обитатели: в одной медведь, а в другой волк такой огромный, что, по мнению Блейка, он мог бы стать страшным соперником ягуара. В третью пустую клетку втолкнули Блейка. В ней стоял отвратительный запах прежнего обитателя. Стражник растянулся на грязном полу, стараясь удержаться, когда мотор ожил и фургон попятился, разворачиваясь. Они проехали мимо лагерного кара.

Лорд гладил уши ягуара, положившего голову на его колено, Он взглянул на Блейка с легкой улыбкой, весьма похожей на оскал его любимца.

Узкая лесная тропа вывела их на широкую дорогу, покрытую щебенкой, а та, в свою очередь, перешла в шоссе, вымощенное каменными плитами. Время от времени они обгоняли грузовики с продуктами. Но Блейк ни разу не увидел пассажирского транспорта.

Ему не давали ни есть, ни пить, хотя две женщины в водительской кабине, останавливаясь время от времени, чтобы поменяться местами,

делали себе сандвичи с какой-то темной пастой и пили из бутылок. Блейк просидел несколько часов. Но в конце концов уже не мог вынести этой напряженной позы и лег, стараясь только уберечь от тряски поврежденную руку.

Они проехали по единственной короткой улице маленькой деревушки. Блейк мельком увидел реку и пристань.

Их путь лежал на юг, но куда — Блейк не знал. Скоро он перестал интересоваться конечной целью, надеясь только, что будет, еще в сознании, когда достигнут ее.

Блейк боролся с бредом, который наступал все чаще и чаще и на более продолжительное время. Он начал приходить в себя от света, от сознания, что шоссе теперь стало улицей с рядами домов, которые соперничали с домами Порт-Акрона, если не превосходили их. Вспышки света позволяли увидеть причудливую резьбу, украшавшую дома. Было такое сильное движение, что у Блейка кружилась голова от шума колес, голосов, грохота большого города.

Его накрыла глубокая тьма. Затем снова возник свет, на этот раз приглушенный. Городские звуки ослабли. Фургон остановился, женщины вышли из него. Одна широко раскинула руки, другая

окликнула кого-то.

Больше голосов, больше света. Задребезжала дверка клетки. Блейка вытащили. Как ни желал патрульный встретить врагов стоя, он осел на землю. Удар сапога пришелся почти по ожогу, и Блейк потерял сознание.

Холод… влага… он беспомощен в реке… Плыть… двигать руками и ногами… Но он не может… не может бороться с течением…

Вода лилась в его пересохший рот. Вода, о которой он так долго мечтал. Река — это хорошо! Она погасит огонь внутри! Блейк открыл рот шире, но брызги попали на тело, а не освежили губ.

Блейк открыл глаза. Над ним нависли лица. Три… четыре... Все незнакомые. Он хотел попросить воды, но вместо голоса раздался хрип. Чьи-то руки схватили его, дернули вверх. Мир закружился в диком танце. Блейк закрыл глаза, чувствуя тошноту от кружения лиц, света, стен.

Идти он не мог, его тащили волоком. Кругом разговаривали, но он не понимал ни одного слова. Затем его толкнули вперед. Он упал ничком на твердую поверхность и лежал так, Задыхаясь, пока носок сапога не повернул его на спину.

С огромным трудом Блейк открыл глаза. Яркий свет над ним был притушен, полутьма спря-

тала от него лица находившихся здесь людей. Затем кто-то склонился над ним, темные глаза внимательно оглядели его. Рука дернула геральдическую пряжку его пояса. Послышались резкие слова. Похоже, приказы. Блейка снова подняли и бросили на мягкие циновки. Старое морщинистое лицо выплыло из тумана, окутавшего Блейка. Обожженное место сильно болело, но руки его были приподняты. К губам поднесли чашку с питьем. Горькая жидкость полилась в рот, прошла в горло. Затем голову патрульного опустили на циновки, и он уснул.

Блейк проснулся с обостренным ощущением не только своего мозга и тела, но и окружения. Предчувствие стало таким полным, что Блейк, как натянутая струна, чутко улавливал всевозможные впечатления. Такое случалось с ним всего раза два в жизни, и тогда он черпал внутреннюю силу из благодатного обострения своего дара. Пока Блейк лежал с закрытыми, глазами, не показывая вида, что пришел в себя, он чувствовал, что в его мозгу бьется чужая мысль, — не такой зонд, какой он испытывал среди людей Брума, а нечто вроде неумелого ощупывания поверхности разума, будто кто-то хотел постичь его тайны, но не был искушен в этом деле.

Блейк вызвал выученную память Руфуса Трелейла. Отобрать эти воспоминания и удовлетворить такой зонд было очень легко. Подозрение исследовало его, но он неизменно оставался Руфусом Трелейлом, пока неловкий искатель не удалился, оставив Блейка одного в собственном мозгу. Любой обладатель такого таланта на Бруме, где способности развивались и усовершенствовались многими поколениями, был в сравнении с этим неуклюжим типом лазерным пистолетом рядом с кремневым ножом. Но тому, кто даже в слабой пси-энергии видел чудо, читающий хотя бы поверхностные мысли человек кажется магом. Люди Империи надеялись на тональпульки прорицателей, и большая часть привилегий древнего жреческого ранга все еще сохранялась, особенно в глазах низших классов. Гороскоп, составленный при рождении, определял жизнь человека с первых часов. И пси-власть любого рода делала тональпульки таинственной и особо почитаемой силой.

Блейк прислушался. Никаких звуков, доказывающих, что тот человек еще в комнате. Блейк открыл глаза. Над ним белела поверхность, по которой скользил солнечный луч. Где-то поблизости находилась кухня — ноздри Блейка

щекотал приятный запах. Эти мирные знаки противоречили его внутренним предупреждениям. Он повернул голову влево и увидел стену с росписью из стилизованных листьев и цветов, которую прорезали три окна с непрозрачными стеклами. Они пропускали солнечный свет, но не позволяли ничего видеть за окнами. У стены стоял низкий стол. Сидели, вероятно, поджав ноги, на циновках, которые теперь были свалены в углу. Из этого Блейк заключил, что он не в доме родовитого человека, а в таком месте, где хозяин придерживался старых обычаев. Это теперь встречалось только среди крестьян.

Левая рука была перевязана. Правой рукой он ощупал свое ложе. Тоже куча циновок. Повернув голову вправо, он увидел не далее фута от себя вторую раскрашенную стену. Его рваная мокрая одежда исчезла. Теперь он был покрыт грубой рубашкой И тканым одеялом ярких цветов с замысловатым рисунком.

О пленнике явно заботились: его комната не походила на тюрьму. Это уже неплохо. А насчет всего остального — что ж, он был предупрежден и приготовился.

Пол вибрировал от размеренного топота. Блейк сел и сразу же оперся рукой о стену, потому что

комната невероятно закружилась. Когда в голове прояснилось, он обернулся к двери. Кто-то поворачивал ключ в замке.

Тяжелая дверь открылась внутрь. Блейк посмотрел на вошедшего. Высокий мужчина с грубым носатым лицом, характерным для выходцев из древних ацтеков. Его свободные штаны были сшиты из полос нарядной вышивки, красной с синим. Плечи желтой рубашки с длинными рукавами украшала вышивка, на плаще выделялась яркая бахрома из перьев. На ногах были невысокие, до икр, сапоги с застежками из бирюзы, свидетельствовавшими о благородном происхождении. Но открыл дверь не этот франт: в руке у него был только украшенный драгоценными камнями кувшин с пучком трав и цветов. Время от времени он нюхал букет.

Ключ держал человек в униформе личной охраны. Он был из равнинных жителей, вроде тех охотников-разведчиков, что захватили Блейка. Под мышкой охранник держал сверток, который бросил в сторону постели. Сверток упал, из него выпала нью-британская одежда Блейка.

— Встать! — Стражник сопроводил этот приказ жестом. — Одеться. Там суд.

Блейк не потянулся за рубашкой, лежащей

почти рядом с постелью. Дерзость иногда может послужить оружием в общении с воинственной расой.

— Ты говоришь о суде, — произнес он на самом официальном языке Нью-Британии. — Это значит, что было преступление. В чем я обвиняюсь? — Он подпустил в голос нетерпеливые нотки и повторил, обращаясь не к стражнику, а к его господину. — В чем я обвиняюсь, текутли? — Он заметил, что ноздри выступающего вперед ацтекского носа слегка расширились.

Этот лорд, кем бы он ни был, не ожидал такой реплики. Но чем скорее он поймет, что Блейк Валкер не обязан ему „ни древом, ни водой“, тем будет лучше. Люди древней крови всегда безропотно принимали судьбу. Любой отказ от предписания смущает их. Народ, чьи жертвы когда-то покорно в шеренге стояли сотнями и тысячами от восхода до захода солнца, тупо ожидая, чтобы их заживо вскрыли во славу богов, не привык даже спустя много поколений к неповиновению.

— Встать! — Офицер повторил приказ. — Теактли ждет! — Он свистнул, и в дверях появились два солдата. — Одевайся или они оденут тебя!

Блейк взял одежду. Все было в ужасном состоянии: вдобавок к тому, что она вся изорвалась в

тяжком путешествии по стране, кто-то обыскал все швы, распоров их там, где можно было что-то спрятать. Но что искали? Самые порванные места кое-как зашили крупными стежками, и Блейк надеялся, что одежда все-таки выдержит, и он сохранит на суде достойный вид. Он одевался как можно медленнее.

Один из солдат исчез, лишь только выяснилось, что его помощь в застегивании пуговиц на упрямом пленнике не понадобится. Он тут же вернулся и поставил на стол чашу и миску.

Офицер снова сделал жест.

— Ешь. Пей.

В чаше был излюбленный напиток Империи шоколад, только не приправленный ванилью. Но он был горячим и, как Блейк знал, подкрепляющим. В миске лежали маисовые лепешки, намазанные тонким слоем пасты, которая несколько смягчала их сухость. Блейк съел и выпил все. Если его действительно направят в суд, значит, повезут в город. Он продолжал строить планы, хотя здравый смысл говорил ему, что нет никакой надежды бежать в незнакомом городе, где его кожа, волосы, одежда заявят во весь голос: „Я сбежавший пленник!“

Видя, что Блейк оделся и поел, дворянин вы-

шел, неся свой букет, как официальный жезл. Офицер последовал за ним. Позади шел Блейк, сопровождаемый двумя солдатами. Они вошли в узкий и низкий проход. Через калитку Блейк увидел буйно цветущий сад, но он сосредоточил все внимание на человеке, сидевшем в конце прохода. За ним виднелся двор с несколькими машинами.

Вот этот самый человек и читал мысли! Предупреждение Блейка почуяло это, как собака чует естественного врага в крупной кошке. Человек был старше дворянина, но имел те же ацтекские черты, только еще более грубые. Его длинные с проседью волосы спутались, словно их не расчесывали годами. Он был в черном плаще, напоминающем мантию. Человек опирался на полированный посох с остатками резьбы, стершейся за столетия употребления.

Дворянин быстро шагнул в сторону, оказывая почтение старшему, так как его собственные люди оказывали ему. Офицер поспешно прижался к стене, махнув пленнику, чтобы тот остановился. Блейку, встретившемуся взглядом с глубоко сидящими глазами старика, показалось что-то безумное в них. Предупреждение усилилось внутренним отталкиванием, невольной дрожью.

Брум и его народ были чужды миру, в котором Блейк жил в детстве и юности. На других уровнях он видел людей, резко отличавшихся от его сородичей. Их жизненный путь не имел почти ничего общего с его путем. Иногда у него захватывало дух от глубины зла, которую постигли лишь очень немногие. Но здесь он увидел совсем другое: фанатизм, укоренившийся не только в этом человеке, но и во многих поколениях до него. Да он и не был человеком, как другие. Скорее, являлся воплощением темных возможностей и помыслов, сосудом нечеловеческих сил, желаний или волн. Он был могуч темной силой. И когда он смотрел на Блейка, в нем чувствовался давний неутоленный голод. Внутреннее предупреждение патрульного превратилось в зов борьбы, такой сильный, что Блейк не знал, сумеет ли управлять им. Ему показалось, что он и старик смотрели друг на друга вечность. Затем старик сделал шаг. Гладкий конец посоха коснулся груди Блейка. Очень легкое прикосновение, но Блейку показалось, что на него легла пылающая головня.

Не сказав ни слова, человек в черном повернулся, побрел через двор и с трудом влез в кар. Он и эти средства транспорта, и именно то, что старик сел в машину, разрушили чары, окутав-

шие Блейка.

Стражники быстро загнали пленника в кузов маленького фургона. Там были окна, но с решетками, так что Блейк не мог хорошо разглядеть улиц, по которым они проезжали. Фургон явно предназначался для пассажиров, потому что в нем были на удивление мягкие сиденья. На одно из них и сел Блейк с двумя солдатами по бокам. Ехали молча.

Империя имела высокий уровень правосудия: это Блейк знал из инструкции. В далеком прошлом суды были неподкупны: сколько-нибудь пристрастный судья карался смертью. Но Блейк не понимал, как будут судить его. Обычно в таких случаях человек объявлялся шпионом и выдавался армии для скорого суда, иногда со „слушанием“, что, по существу, являлось допросом, во время которого пленник мог и умереть, Избавив своих стражей от хлопот. А Блейк, судя по всему, направлялся в законный суд. Но почему?

Предупредить инцидент, могущий вызвать неприятности с Нью-Британией? Сомнительно. Обе стороны много лет вели торговлю через границу на свой страх и риск, и никто не мог надеяться на помощь, если этот риск заводил его в ловушку.

Кар завернул за угол и остановился. Задняя дверь открылась. Блейк сощурился от яркого света. Он стоял у величественной лестницы, ведущей тремя пролетами в здание с пирамидальным основанием. Величественные руины, найденные в джунглях мира Блейка и внушавшие ученым и путешественникам благоговейный трепет даже спустя много столетий после того, как в этих городах отшумела жизнь, были предшественниками этого гражданского здания. Крылатые змеи, ягуары и маски богов, в изобилии украшавшие когда-то такие строения, со временем превратились в неясные символы. Но изящная обработка камня сохранилась.

Блейк смотрел на здание, а ярко одетая толпа разглядывала его. На стражников посыпался град приказов очистить проход к лестнице. Можно было подумать, что Блейк принадлежит к штату Императора — так быстро выполнили эти приказы. Даже знатные попятились и освободили дорогу.

Ступени лестницы были очень узкими. Стражники шли рядом с Блейком, как для поддержки, так и для предупреждения каких-либо попыток к освобождению. Так они и вошли внутрь здания.

В зале тоже толпился народ. В Империи не было

суда присяжных: вердикт выносила судебная комиссия. Сейчас она сидела на платформе на циновках, по-старинному скрестив ноги. За нею был еще помост для верховной власти. В центре его находилось резное кресло с ножками в виде лап ягуара. Подлокотники его были украшены резьбой в виде оскаленных морд животных, на сиденье лежали подушки из орлиных перьев. Кресло ожидало, когда Император пожелает посетить суд.

Опять стали торопливо расчищать дорогу к судейским местам. Вдоль нее выстроились служители в униформах. Блейка провели и поставили прямо перед платформой. Стражники отступили на несколько шагов, оставив его одного на виду у всех. Судейский чиновник начал монотонную речь, время от времени сверяясь со свитком. Во время пауз кто-нибудь из судей кивал головой. Когда речь подошла к концу, все посмотрели на Блейка, как бы ожидая что-нибудь услышать от него. Ну что ж, он мог, по крайней мере, просить объяснений. Кто-то из них, надо полагать, понимает по-английски, хоть и не показывает этого.

— С разрешения суда, я не знаю, какое обвинение лежит на мне. Могу ли я узнать, за какое преступление меня судят?

После некоторого общего молчания один судья заговорил по-английски почти без акцента:

— Ты призван на суд Великого. Он ребро Весов. — Судья наклонил голову. — Ты обвиняешься перед этим судом и Троном Великого… Его прервало движение в зале позади Блейка.

— Перемена! — сказало патрульному предчувствие. Он пытался понять значение этого предупреждения и не оглядывался. Слева от него люди еще более подались назад. В строю прибавилось солдат. Они были в алых плащах с масками ягуаров на форменных шлемах элитарного корпуса. Офицер с перьями на шлеме шагнул на верхнюю платформу и разложил на подушках трона черный с белым плащ. Это был знак Соякоатля — вице-императора. Во всей Империи Тол пека выше его был только сам мальчик-Император. На помост неторопливой походкой вышел мужчина. Ему, вероятно, было около сорока, и он не был воином, как те, кто оказывал ему почтение. Он шел, припадая на укороченную левую ногу, а левая рука пряталась в складках плаща. Его лицо очень напоминало хрустальные черепа, какие ювелиры Империи вырезали с большой тщательностью.

Это был Соякоатль, старший брат Императора,

не получивший трон из-за своих физических недостатков. Однако его умственные способности были настолько признаны в кругу ближайших советников, что они, скрепя сердце, даровали ему вице-правление.

Усевшись на трон, он резко кивнул своему офицеру, который громко ударил церемониальным копьем о каменные плиты.

Блейк заметил, как вздрогнули сгорбленные плечи судьи, сидящего прямо перед особой этого искалеченного королевского сокола. Он снова начал свое обвинение.

— Ты приведен сюда, чужеземец, по обвинению в разведывании секретов императорского дома с намерением причинить неприятности…

Соякоатль смотрел вниз на Блейка. Когда судья сделал паузу, он резко спросил:

— Какую историю рассказал этот заречник в свое оправдание?

Судьи зашевелились: такое вмешательство в установленную процедуру суда запрещалось.

Тлакаклиль снова сделал жест, и копье еще раз стукнуло, призывая к тишине и вниманию. Вице-Император указал пальцем с длинным ногтем на Блейка.

— Говори. Каков твой рассказ?

Правда, насколько она допустима, — быстро решил Блейк. Он очень доверял своему новому предупреждению-сигналу: надежда на перемену, на нечто не столь опасное.

— Я из группы Дозволенных Купцов, плывших в Ксоматль, согласно закону. Великий… — начал он и коротко рассказал обо всем. Свое падение с борта он выдал за несчастный случай, но во всем остальном твердо придерживался фактов. Поняли его или нет, он не знал, но вообще-то большинство знати и купеческий класс понимали по-английски.

Пока Блейк рассказывал, ему пришел на ум один из многих фактов, которые он изучал на Бруме и которым сейчас решил воспользоваться. Закончив свое повествование, он коснулся пальцами пола, а затем поднес их к губам, прежде чем снова взглянул на Вице-Императора.

— Я клянусь в этом именем Хитцилопотли!

Пятьсот лет назад человека, сказавшего так, более не допрашивали, так как это означало, что он говорит правду. Тлакаклиль некоторое время молчал, глядя на Блейка.

— Поскольку Великая Набочка перестала даровать жизнь и смерть в этой стране, ты произнес поистине необычную клятву, иноземец. Но я все-

таки думаю, что твои слова следует проверить. Есть ли здесь кто-нибудь, кто мог бы говорить за тебя, подтвердить, что ты тот, кем себя называешь, что не собирался принести зло этой земле или ее жителям? Кто из слушающих суд скажет так?

Соякоатль больше не смотрел на Блейка. Его взгляд выискивал в толпе, стоявшей плотной стеной позади стражей и справа от пленника, того, кто выскажется.

— Есть, кто скажет?

Из толпы вышел офицер. Он не был носителем знака ягуара, его униформа была обычного цвета. И Блейк не понял символа на груди его куртки.

— Пусть будет записано, что достойный квокехетке с границы Тотцин говорит за пленника, зная, что клятва этого чужеземца правдива и что вина или невинность его равны! — медленно произнес Соякоатль. Судьи снова зашевелились, но никто открыто не возражал. Делая официальное заявление, Тотцин стоял на нижней платформе. Затем он прямо подошел к Блейку. Стражники с явной неохотой посторонились.

— Уходи быстрей!

Блейка не надо было подгонять. Он не понимал, в чем дело, но его судьба явно изменилась к луч-

шему, и он был намерен этим воспользоваться. Во всяком случае, он свободно выходит оттуда, куда вошел со стражей.

Пока они ехали в гавань (Блейк понял, что они направляются к реке), Тотцин ничего не объяснял, а патрульный считал разумным не задавать вопросов. Кар вел солдат в простой униформе, а на заднем сиденье были еще двое.

В гавани швартовался маленький крейсер. У его штурвала стоял человек, другой ждал, чтобы выбрать причальные канаты. Тотцин вторично приказал:

— Иди быстрее!

Он толкнул Блейка перед собой на судно и оглянулся назад, на причал, словно опасаясь преследования. Только после того, как они вошли в фарватер реки со скоростью, какой Блейк никогда не знал на водном транспорте, офицер облегченно вздохнул. Он коснулся плеча Блейка и повел его к штурвальной рубке, где сменил рулевого. Когда они остались одни, он слегка улыбнулся патрульному.

— Ты, как видно, отправился в путешествие на Великом Змее, или родился под счастливым знаком, Тейялуаними! Мы еще в пределах досягаемости стрел тех, кто хотел бы твоей встречи с

Ксили или Хитуилопотли по древнему обычаю. Только Великий мог так не посчитаться с их волей. Но, во имя Девяти, каким злым ветром занесло тебя сюда?

— Будь осторожен, — предупредил себя Блейк. Совершенно ясно, что его приняли за кого-то, кто имел основание требовать помощи приближенных Императора. Был ли это подлинный Руфус Трелейл?

— Все было так, как я рассказывал судьям, — ответил он. — Падение с судна…

— Которое оставило на тебе лучевой след? — Тотцин испытующе взглянул на него.

— Это случилось, когда я уже был в воде, — сказал Блейк. — Я не знаю, кто в меня стрелял и почему.

Видимо, ответ был удачным, потому что офицер кивнул.

— Да, так могло быть. Увидев тебя в воде, стражники обязаны были выполнить данные им приказы. Ах Кукум же не решился противодействовать, чтобы не навлечь подозрения на нас. Глаза и уши Пактитля работают на этих кораблях как открыто, так и тайно. Скажи, как идет торговля? У тебя есть хорошие новости?

Блейк смотрел на бурлящую воду, разрезаемую

носом крейсера.

— Последнее, что я слышал, — все идет гладко. Мой… мой начальник должен знать больше.

Такой неопределенный ответ, по-видимому, тоже удовлетворил спрашивающего.

— Настанет день… — Тотцин поднял руку над штурвалом и опустил ее, сжав в кулак. — Да, настанет день, когда мы снова поднимем знамена, услышим звуки труб! — Он сделал паузу и бросил на Блейка несколько смущенный взгляд. — Так говорили в старину… Мы не воюем, как наши предки.

— Доблесть Империи хорошо известна, так же как отвага и умение ее солдат, — ответил Блейк.

— Скоро это будет продемонстрировано! Новые законы, которые нас давят, не защищают, а ослабляют границы. Торговля — всегда только торговля…

Блейк не понимал, что имеет в виду его собеседник. В Порт-Акроне говорили об усилении контроля, о постоянных стычках, о возможном возобновлении вражды между двумя народами. А сейчас был сделан намек на стремление к большей самостоятельности пограничников.

— Скажи-ка, — обратился к нему Тотцин, — почему ты, англичанин, хочешь сделать людей

Нью-Британии мясом для Империи?

Такой вопрос хоть кого поставил бы в тупик. Однако Блейк нашелся:

— При каком правлении не бывает недовольных! Я всего лишь солдат в шеренге. Такие проблемы решает мое начальство.

Тотцин сменил тему разговора:

— Ты видел своими глазами новое оружие? О нем говорят, что оно разносит в пыль каменные стены. Люди бросаются из любой крепости без всякого оружия, лишь бы только убежать. И тот, кто дышит этим воздухом, лишается разума, и страх стоит у ворот, не понимая, что мимо него входят враги. Видел ты такое?

Блейк почувствовал удар, как от полного заряда лазерного луча. С той лишь разницей, что этот удар был холодным, а не обжигающим, хотя столь же смертельным.

— Да, — сказал он шепотом и постарался усилить голос. — Да, я видел такое оружие! — Он смотрел на воду, но не видел ни ее, ни крейсера, ни Тотцина. Перед его глазами развертывалась лента, которую показывали во время инструктажа на Бруме.

Мир имел темную и кровавую историю. На всех параллельных уровнях, исключая те, где

человеческий род никогда не возникал, войны, разговоры о войне, побеги и поражения были образом жизни. Более ранний, чем мир Блейка, Брум тянулся к механической всепланетной цивилизации. Механическая, потом атомная. Затем последний рубеж — ужасная война, ввергнувшая остатки человеческой расы, за исключением небольших групп, в варварство. Из этого хаоса мир вышел на три четверти мертвым, и, в конечном счете, был спасен перекрестком времени. В последние дни умирающей цивилизации было изобретено ужасное оружие. Но оно не использовалось. Однако о нем знали. Его возможное действие неизгладимо запечатлелось в потомках тех, кто был настолько безумен, что сотворил это оружие. Теперь Брум стал мирным уровнем, но велось постоянное наблюдение, чтобы какая-нибудь извращенная личность не стала угрожать миру и спокойствию. А здесь, на другом уровне, человек говорил об оружии из этого запредельного арсенала. Оно могло попасть только с Брума. Ни один из других миров не пользовался путешествиями по перекрестку времени, а уровень, на котором сейчас находился Блейк, не имел технологии для производства такого оружия.

— Это оружие действительно такое ужасное,

Тейялуаними?

— Оно от дьявола! — вырвалось у Блейка, и он тут же сообразил, что почти выдал себя.

— От дьявола?

— От великого зла.

— Возможно. Но иной раз человек принимает помощь от чиэкмиме, древних чудовищ мрака, и обращает ее на добро. Каков будет наш образ жизни, если Текуненепке, которые больше думают о своих богатствах, чем о своей чести и чести Великого Змея, отнимут у нас армию и тем превратят нас в рабов? Нам нет нужды пользоваться таким оружием. В крайнем случае, только один раз, чтобы показать, что мы имеем. Только те, кто хочет лить яд в воду, ‘которую мы пьем, побегут с лаем, как собаки, не зная, где спрятаться. Острый меч в руке и умение пользоваться им возвышают человека, не позволяют ему довольствоваться спокойной комнатой!

„Многие ли верят в это? И кто внушил им эти иллюзии?“ — думал Блейк. — Мы бы не дали такое оружие в руки экстремистов, — сказал он вслух.

— Экстремистов? — Улыбнулся Тотцин. — Ты говоришь теперь уверенно, как человек, встречавшийся с ними. Лорд Чаксиб, который привел тебя в суд, приютил у себя и более чем наполо-

вину выслушал Айтитииаля, бывшего когда-то квака-куилтин, одного из почтеннейших Древних, посвященных Хитцилопотли. Я слышал, как он говорил о своих Сокровенных желаниях. Квохехетке прежде не обладал титулом, даваемым тем, кто несет опасную службу на границе. Тогда это приравнивалось к воинствующему жрецу первого ранга. Возможно, ты не изучал нашу историю настолько, чтобы понять значение… — Он замолчал.

— Кое-что знаю, — ответил Блейк.

— Тогда тебе известно, что когда-то мы вели весьма кровавый, как сказал бы ты, образ жизни. Каждый воин должен был взять в плен живого врага, чтобы потом отдать его богам. А богов у нас было много, и все они жаждали человеческих внутренностей. Человек мог возвыситься только через пленение многих врагов, и этот путь на вершину почета был открыт для любого, а не только для тех, чьи отцы прославились в свое время.

Верующие в древних богов и в правильность своего пути не приняли предложения Кветпелькоатля заменить человеческие сердца на жертвенных камнях зерном, птицами и цветами. И когда Кукулкан II захотел добиться того же, они продолжали тайно жить древними традици-

ями. А теперь они приоткрыли тайный покров и примкнули к партии Возврата. Рады всякому, кто борется на их стороне. Когда произойдет сражение, экстремистам по придется долго искать живых для исполнения своей мечты о дымящихся кровью алтарях. А пока им удается не слишком много: суд над тобой провалился… — офицер снова сделал паузу и искоса взглянул на Блейка. Тот прервал затянувшееся молчание:

— Значит, случилось бы так?

— Тебя, вероятно, вернули бы лорду Чаксибу, на чьей земле взяли, чтобы оказать ему справедливость. А он отдал бы тебя в руки Айхитмималя и его последователей, чтобы они накормили своего бога.

Если Тотцин всерьез говорил об этом, то опасения Валта были справедливы.

— Значит, это делается?

— Делается, — с отвращением сказал Тотцин. — А нам говорят, что мы должны сблизиться с экстремистами, потому что они держат под контролем крестьян и дикарей. Воинство — вещь хорошая, это жизнь Империи, но нельзя возвращаться к прошлому. Не надо тревожить сон старых богов. Как только у нас будет новое оружие, никто — ни жрецы, ни купцы не посмеют

идти против нас. — Помолчав, он добавил: — На заре мы придем в гавань Ксоматля. Как только ты снова будешь среди своих, скажи начальнику, что мы не можем терять время. Девушка в безопасности, но долго ли ее смогут прятать? Как ни затыкай рты в женских кварталах, слухи да сплетни потоком льются в город. А уж такая важная новость повторится не один раз. Поэтому, пусть твой отряд двинется побыстрее, чтобы вы не оказались в дураках. Ругать будете только себя!

— Да, я так и сделаю.

Марва! Наверняка речь о ней. Но кто начальник Руфуса Трелейла? Валт, исполняющий теперь роль купца в Ксоматле? Конечно, если Дозволенные Купцы связаны с незаконной организацией, Эршельм должен знать или, по крайней мере, подозревать об этом. Разумеется, если он сам не участвует в заговоре. Это дело расширяется, как круги на воде от брошенного камня. Возможно, бригада патрульных затронула что-то слишком серьезное, чтобы справиться с этим своими силами.

Тотцин подозвал рулевого сменить его, а сам спустился с Блейком принять пищу повкуснее той, которую Блейк пробовал на этой стороне ре-

ки. Потом имперский офицер лег на застеленную циновкой койку и знаком предложил занять другую, напротив. Блейк улегся, но спал тревожно, часто просыпаясь.

С раннего утра над берегом висел густой туман. Скорость крейсера резко уменьшилась, как только стали приближаться к городу. Темные здания проступали неясными силуэтами на фоне неба. И ничего не шевелилось на пристани, когда они причалили с точностью, показывающей, что судно приходит сюда не впервые.

Если какому-нибудь наблюдателю и полагалось находиться в гавани, то сейчас его не было. Блейк заторопился за Тотцином. Они прошли по молу и затем по улице вдоль набережной к складу. Тусклый свет из маленькой двери в глубине широкого портала показал на проход.

Внутри все было забито товарами в ящиках и высоких корзинах. На высоком потолке с правильными интервалами висели светильники. Блейк и офицер пошли в среднее крыло между двумя рядами товаров. Они были уже в дальнем конце, когда Тотцин остановился и стал считать ряды. Коснувшись пальцами одной корзины, он начал считать снова, на этот раз с другого конца, как бы для проверки правильности своего выбо-

ра. Затем он снял крепление и открыл корзину.

— Лезь, — шепнул он, — и жди. Не издавай ни одного звука, если хочешь увидеть своих друзей.

На дне корзины были сложены ткани. Тотцин вытащил их и разложил вокруг Блейка, когда тот сел, обхватив руками согнутые колени. Через минуту крышка закрылась. Оставив Блейку несколько щелей для общения с внешним миром, Тотцин снова затянул крепления на корзине.

Наступила тишина. Руки и ноги Блейка начали неметь. Он задремал, прижав лоб к коленям, но его разбудили звуки: разговор, какие-то оклики, гул мотора.

Разговаривали на языке Империи как раз рядом с корзиной. Затем корзину подняли вверх, опустили, задвигали. Блейку не удалось что-либо рассмотреть, но он был уверен, что ее вытаскивают из склада наружу. Взмах — и корзина снова переместилась на другой уровень. Свет исчез. Блейка затрясло от вибрации мотора.

Он ничего не мог разобрать из множества приглушенных звуков. Корзина время от времени покачивалась, как будто фургон описывал кривые. Затем остановка. Взмах вверх, прижавший Блейка к жесткому боку корзины, что обещало синяки и ссадины, затем — вниз.

— Это последняя, — сказал голос по-английски. И принадлежал этот голос патрульному, вступившему в их отряд в последнюю минуту. Он один или с кем-то? Не рискнуть ли привлечь его внимание?

— Можно открыть и…

Это был голос Ло Сайди! Вовремя вспомнив имя-прикрытие, Блейк позвал:

— Ричард! Ричард Вильфорд!

Его осипший голос прозвучал не очень громко, но говорившие тотчас замолчали. Затем корзину развязали и открыли. Блейк схватился руками за край корзины. Она покачнулась, и он упал вместе с ней, наполовину оказавшись на каменном полу. Его подхватили за плечи и подняли. В первую минуту казалось, что его онемевшие ноги не выдержат веса тела. Да, тут был Ло Сайди и тот патрульный, что помогал Блейку грузить товар на судно. Сколько же дней назад это было?

— Доставлен целым, — нарушил молчание голос Ло Сайди, как всегда, холодный. — Груз слегка подпорчен, но, вроде бы, цел. Насколько подпорчен и насколько цел?

Блейк вдруг устыдился, что чуть не выдал свою радость, и опустил руку, которую протянул было к Ло Сайди. С этим последним он особенно

остерегался проявлять эмоции. Обычная отчужденность Ло Сайди не располагала к таким слабостям.

Блейк овладел собой.

— В смысле порчи — лазерный ожог, во всем остальном — цел. Где мастер Фронтнам?

— Наверху. Но, — сказал задумчиво Ло Сайди, — у нас есть свои постоянные глаза и уши, работающие на Императора: Тебе придется встретиться и с небольшой проблемой. О, хороший фокус можно сделать и дважды! Мы обнаружили довольно серьезные повреждения груза, Генри, — обратился он к другому патрульному. — Почти сознательную порчу. Совершенно ясно, что наш мастер должен проверить весь груз полностью. Залезай обратно в корзину, Руфус. Вот и посмотрим, как лучше обращаться с нашим грузом.

Не смея спорить, Блейк снова полез в тесную тюрьму. Затем последовали перемещения, награждающие синяками. Наконец, они поднялись наверх, и Блейк услышал негромкий голос Ло Сайди:

— Как я и говорил, Мастер Фронтнам, злостная порча, явно умышленная. Видимо, это было сделано, — когда мы распаковывались. Я уверен, что страховка покроет убыток. Но мы должны иметь

доказательства.

— Посмотрим, — солидно сказал Валт, уверенный в себе глава группы, не позволяющий никому решать за него или влиять на его суждения. Крышка корзины снова поднялась, и Блейк выбрался. — Совсем новое явление, — комментировал Валт. — Думаю, что это в порядке обмена знаниями. Садись, Ричард!

— Здесь. — Ло Сайди материализовался рядом с Блейком, подтаскивая табурет и протягивая Блейку чашу. Ароматный запах, исходивший от нее, был знаком патрульному еще с Брума: стимулятор, быстро восстанавливающий силы. Валт подождал, пока половина жидкости не исчезла в горле Блейка, и продолжал:

— Ну, давай послушаем, что с тобой случилось с тех пор, как мы были на палубе пять ночей назад.

Блейк тщательно отрапортовал. Здесь не было рекордера, как на Бруме, но он знал, что оба его слушателя потом смогут повторить главное из его рапорта слово в слово. Он торопился, но не упускал ни одной важной детали. Его не прерывали, даже когда он останавливался, чтобы сделать глоток.

— Лабиринт в лабиринте лабиринта, — заме-

тил Ло Сайди, когда Блейк закончил.

Валт пощипывал острую бородку — самая характерная привычка Мастера Фронтнама.

— Значит, они считают, что ты связан с контрабандистами, провозящими оружие, — сказал он, как бы думая вслух. — Но когда мы прочесывали память этих купцов, в ней не было и намека на что-либо, кроме законной торговли. А ведь никто из них не был экранирован.

— Ты не знал пароля, поэтому и угодил в реку, — сказал Ло Сайди. — Кто-то на борту рассчитывал на тебя или на твои контакты и не хотел рисковать, столкнувшись не с тем человеком. Следовательно, они надеялись встретить если не настоящего Руфуса Трейлела, то двойную подделку. Это и объясняет, почему от тебя избавились так быстро! Держу пари, что такая замена не исключительно наша выдумка. Просто мы успели первыми!

— И они не предполагали, что мы станем задавать каверзные вопросы, когда ты вернешься сюда снова. — Валт поглядел в пространство. — Об этом стоит подумать. Как ты говорил, Ричард, по мере нашего продвижения клубок все больше запутывается. Я вижу множество петель, но не вижу конца. Руфус, покажи свою руку Вороли, а

потом ложись отдыхать.

Это приказ, и Блейк не стал спорить. В сущности, он был рад, что отныне не он один принимает решения. Многолетний опыт Валта позволяет ему делать самые верные ходы.

Насколько мы могли узнать, Марва здесь, в имении некоего Оторонто, который находится в весьма щекотливом положении. Только в последние сто лет корону стал наследовать старший сын. В прежние времена братья или племянники Императора были более предпочтительными наследниками, чем сыновья. По существу, корона была выборной должностью, а не божественным правлением по праву или по наследству. Этот самый Оторонто — потомок одного из прежних императоров и таким образом обладает такими же неопределенными правами, каких могут требовать отпрыски всех боковых ветвей царствующего дома. Оторонто всегда считался дилетантом, не интересующимся политикой, известным покровителем ювелиров, людей искусства и устроителем ежегодных концертов в этой провинции. Сейчас, говорят, готовясь к пятьдесят второму году цикла, он планирует весьма сложную серию увеселений как частных, так и общественных.

— Он не связан с военной партией? — спросил Ло Сайди, когда Валт замолчал и стал водить пальцем по карте города, лежавшей на столе.

— Если вы черпаете информацию только из поверхностных разговоров и слухов, то вы ни в чем не можете быть уверены. Видимые его интересы те, о которых я говорил. Но чему он предается, так сказать, под покровом ночи — кто знает?

— Марва там. — Мэрфи смотрела на карту, — а мы здесь. — Она сдвинула палец меньше чем на дюйм от точки, указанной Валтом. Но этот дюйм представлял немалое расстояние по городу. — Мы должны забрать ее оттуда.

Валт не стал перечислять ей трудности предстоящего и не поднял глаз от карты.

— Послезавтра начало цикла. В Ксоматль собираются отовсюду, чтобы принять участие в церемонии зажжения огня и в последующих празднествах. Это единственный случай, когда нет слежки. Оторонто вполне может воспользоваться увеселениями как прикрытием для встреч, если захочет.

Блейк зашевелился.

— Тотцин и те, кто стоит за ним, уверены, что я могу их связать с поставщиком оружия другого уровня. Не сыграть ли на этом, чтобы добраться

до Марвы?

Валт поднял голову и долгим взглядом посмотрел на молодого человека.

— Мог бы быть шанс, если бы Тотцин дал тебе какую-нибудь точку контакта здесь, в Ксоматле. Если бы ты знал, где его найти! Но…

— Только и слышу „но“ и „но“, — взорвалась Мэрфи. — Я говорю вам, что знаю, где Марва. Я найду ее в течение часа. А когда она будет здесь, в безопасности…

— Здесь? В жилище Дозволенных Купцов? — холодно спросил Валт, подняв брови. — Здесь станут искать первым делом, и у нас не будет пути к отступлению. Есть только один шанс — воспользоваться суматохой этих дней, цикла для прикрытия наших передвижений. Но на воде за вами будут следить: стоит взять прогулочную лодку, чтобы убедиться в этом. Поэтому мы должны двинуться неожиданно, как только будем готовы. Может быть, нам повезет.

Блейк встал и подошел к дальней стене, где висело зеркало, отражавшее сидящих за столом. Но его интересовало собственное лицо.

Радикальные косметические процедуры техников Брума осветлили его кожу, и она останется светлой, пока он применяет специальный крем.

Но с тех пор, как Блейк появился в Ксоматле, он пренебрегает им, а в дни плена уже начался обратный процесс.

Лорды, приходившие осматривать товары, имели такой же цвет кожи, как у него. Правда, резкие черты ацтеков и правящей касты майя были совсем другими. Он был уверен, что патрульные техники могли бы быстро воспроизвести их.

Он встретился в зеркале со взглядом Валта и подумал, что старший патрульный вполне может читать если не мысли, то его намерения.

— Охотник с севера может быть в городе одним из чужих, посетителей? — спросил Блейк.

— Зачем тебе это?

— Попытаться найти Тотцина.

— Или Марву! — вскочила Мэрфи. — Забрать ее оттуда… может быть, спрятать на берегу…

— Тотцина? — задумчиво повторил Валт, не обращая внимания на девушку. — Если ты и найдешь его, то что? К тому же ты не обучен поведению северных охотников и выдашь себя в первые же пять минут одним из пятидесяти различных способов.

— Улицы полны народу, чужих множество. Можно выбрать для меня какую-нибудь далекую родину. — Блейк был спокоен. Бесцельное ожи-

дание тяготило его. И как только ему пришла в голову эта идея, предупреждающее предвидение затихло. По крайней мере сейчас опасности не было.

— Допустим, ты его нашел. — Ло Сайди теперь играл роль адвоката. — Что ты будешь делать?

— Приглашу сюда для встречи с моим начальником.

Палец Валта уже не водил по карте: он то сгибался, то разгибался, словно подзывал кого-то.

— Ты думаешь, что Тотцин имеет доступ не только к скоростному крейсеру, но и к информации, которой мы, возможно, обладаем?

— Да, что-то вроде этого.

— Тотцин… размышлял вслух Валт. — Хотел бы я знать о нем побольше. Окончание имени почетное, а само имя означает „сокол“. Он в ранге квохенте — жреца-воина. Правда, этот древний титул присваивается новичкам с совершенно различными дополнениями. Где же ты собираешься искать этого высоко летающего сокола?

— Там, где я видел его в последний раз, в доках. Если крейсер все еще там…

Ло Сайди усмехнулся.

— Мы люди, вроде бы, осторожные, скрытные и вдруг собираемся положиться на волю слепого

случая! Не смотри на меня так! Я не могу предложить ничего лучшего.

В час дня Блейк вышел из комнаты показа товара в нижнем этаже дока Дозволенных Купцов. В портале стояли стражники, но они не препятствовали богатым купцам и знати, жаждущим посмотреть на привозной товар, и не обращали особого внимания на входящих. Праздничное настроение уже сказывалось. Отряд из Нью-Британии не имел права торговать сам и действовал через посредников, поставляемых городскими гильдиями.

Выйдя на улицу, Блейк остановился сверить Ориентиры. Ему надо было пересечь добрую часть города, чтобы попасть на пристань. Наемный кар мог бы довезти его, но Блейк решил сначала пройтись.

Какой-то мужчина, пройдя мимо, задел Блейка и сунул ему что-то в руку. Блейк удержался от желания посмотреть сразу же и поднял руку, как бы поправляя свою широкополую охотничью шляпу. Перо, светлое, с темной полосой. И Блейк снова оказался в затруднении, не в силах понять то, что было явным сообщением. Но, во всяком случае, он не терял из виду прохожего. Тот шел в его направлении, и Блейк двинулся за ним.

Похоже, человек именно этого и хотел: он выбирал улицы и переулки, свободные от толпы, как бы желая все время оставаться на виду у Блейка. И шли они к пристани.

Проехала незанятая наемная машина. Блейк все время следил за красным тюрбаном человека, за которым шел. Такой головной убор носили все домашние слуги, но на алой одежде мужчины не было герба семьи. А неистово-яркий цвет, столь бросающийся в глаза, не казался необычным в этом городе, где яркие цвета были скорее правилом, нежели исключением.

Человек в тюрбане свернул в узкое пространство между двумя домами. Дойдя до поворота, Блейк заколебался. Его личный сигнал не давал никакого предупреждения, но осторожность советовала идти в гавань. У Блейка было только перо в руке и подозрение, что его, Блейка, куда-то завлекают. И этого вдруг оказалось достаточно, чтобы в нем вспыхнуло желание риска, о котором говорил Ло Сайди. И он вошел в переулок.

Стены без окон бросали узкую полосу тени. Красный тюрбан исчез. Но в стене было две двери: одна в конце прохода, другая в середине. Человек мог зайти в любую, и Блейк не собирался стучать, чтобы найти его. Он уже хотел повернуть

обратно, когда одна из темных дверей качнулась в молчаливом приглашении. Блейк подождал, что скажет его внутреннее чувство, но оно не загорелось огоньком тревоги. Осторожно ступая, он подошел к полуоткрытой двери.

Как только Блейк шагнул внутрь, он встретился с тем рулевым, который был на крейсере Тотцина.

— Квохехетке, — сказал рулевой. Сейчас он был в гражданской одежде, но по его выправке можно было безошибочно узнать солдата. Он прижался к стене и показал большим пальцем в глубину узкого коридора, в котором они находились. Блейк направился, слыша за собой звук задвигаемого засова. Если он идет в западню… Нет, его предупреждение молчало, и он не оглянулся.

Блейк вошел в кладовую, полную странных запахов незнакомой пищи. Они просачивались из-под другой двери, за которой слышался приглушенный шум: там что-то делали.

— Сюда!

Слабый свет не скрывал человека, поднявшегося со стула. Тотцин, но не такой, каким Блейк видел его в последний раз. Его щеголеватую униформу сменила одежда рядового солдата с севера. Лицо было раскрашено, как у некоторых

пограничных племен. Это неузнаваемо изменило черты лица. Вместо офицерского лазера на бедре покоился длинный нож в расшитых бисером ножнах. Некоторое время он изучающе смотрел на Блейка, а затем кивнул.

— Вполне разумно. Только не вздумай заговорить с кем-нибудь неподходящим. В эти дни в Ксоматле будет гораздо больше тех, кем ты одет, чем обычно. Да, пожалуй, это хорошо послужит.

— Чему? — спросил Блейк и засомневался в разумности своего вопроса.

— Смятению. На речном судне были глаза и уши. Один из них сообщил о твоем падении, но сказал, что ты утонул. С твоим возвращением — а об этом, без всякого сомнения, тоже доложено — начнутся вопросы. Но время работает против них так же, как и против нас. Эта лягушка с раздвоенным языком — Оторонто — снова квакает. Он экспериментировал со Священным Дымом. Священный Дым! — Тотцин словно выплюнул эти слова. — Мы больше не верим тому, что говорят наши жрецы. Человек пользуется собственным зрением, а не видениями, посылаемыми богами. Боги умирают, когда люди перестают верить в них. Но мозг Оторонто полон фантазий, и они, когда он выбалтывает все жрецам, могут быть

истолкованы как угодно, по выбору слушателей. Как только человек погрузится в эти темные „тайны“, он созревает для любых наемников, какие ему нашепчут в уши. Оторонто всегда искал новых ощущений или тех старых, которые еще не пробовал. С тех пор как он начал пить дым, он втянулся в то, что следовало бы забыть, и на него нельзя положиться.

— Итак? — спросил Блейк.

— Итак, лучше, чтобы девушка не была в его власти.

— Ты хочешь увезти ее?

Тотцин покачал головой.

— Нет. Это сделаешь ты.

— А почему я? И каким образом?

— Почему? Потому что она законно принадлежит тем, кто будет торговать за нас. Они нам так и сказали, когда впервые спрятали ее здесь. И поскольку ты говоришь за них, ты понимаешь, что она не должна подвергаться риску, пока полезна вам. А каким образом? Это уж твое дело… частично. Сегодня вечером Оторонто открывает свои сады для горожан. Поскольку сейчас конец ксиулуацили, он задумал сделать широкий жест, чтобы поразить людей сильнее, чем когда-либо раньше. Он позволит разрушить, опустошить

свой сад развлечений, внешний сад, а потом отстроит его заново. Весь город приглашен грабить собранные в нем сокровища. Ты будешь там за два часа до захода солнца. Перелезь через стену до того, как откроются ворота. Пересечешь дорогу, ведущую в сад развлечений, и выйдешь на тропу. Она выведет тебя к дому женщин. Ну, а дальше, — Тотцин мрачно усмехнулся, — твое дело. У прислуги, Следящей за девушкой, питье будет приправлено новыми трапами — вот и все, что я могу тебе обещать.

Блейк мог бы поверить в неожиданную удачу, но его смущала кажущаяся легкость дела. Однако…

— Вот еще что, — он пристально поглядел на Тотцина, — нам нужны средства для побега. Дом Купцов будет под подозрением.

— Ороонто не сможет обвинять кого-то, не продырявив собственный щит.

— Ты думаешь, он спокойно смирится с ее исчезновением?

Тотцин кивнул.

— Это зависит от его настроения, от того, как далеко он собирается зайти. Что ты хочешь?

— Судно. Скажем, что-то вроде твоего крейсера, чтобы удрать.

— Куда? — Усмешка Тотцина исчезла. Раскрашенный, он казался еще более угрюмым.

— Укажи место и, если хочешь, пошли своих стражников, — предложил Блейк. Он так уверовал в удачу, что не сомневался в умении патрульных воспользоваться удобным случаем.

— Я посоветуюсь со своим начальством.

— А как ты сам думаешь, пощадят ли стражники Оторонто его пленницу, когда у него ее не будет? И как отнесутся к чужаку, который собирается ее украсть?

— Правильно, — одобрил Тотцин. — Но ты забываешь, что девушка пока что нужна для наших планов. Не настолько необходима, чтобы мой начальник рискнул выдать себя и послать за ней своих людей, но достаточно, чтобы не оставлять ее прихотям Оторонто. Кое-кто будет ждать у наружных ворот и присмотрит, чтобы ты благополучно выбрался из владений Оторонто.

— А как насчет реки?

— Я ничего не обещаю, — твердо ответил Тотцин. — Поговорю с начальником. Если ты согласен на дело, через час отдай перо, которое держишь, стражнику склада.

— Согласен, — торопливо сказал Блейк.

Он вернулся обратно по переполненным на-

родом улицам. Подождал, пока новая компания войдет в склад смотреть товар, и вошел следом. Ло Сайди был занят показом. Пройдя во внутреннее помещение, он встретился с ним глазами, затем поднялся в жилые комнаты.

Мэрфи в своей купеческой одежде сидела за столом и прилежно печатала на нью-британской клавишной машинке под диктовку Валта.

— Что произошло? — нетерпеливо бросила она, едва увидев Блейка.

Блейк рассказал все, что узнал от Тотцина, опустив только его намеки на опасность для Марвы.

— Нам все удастся! — Мэрфи вскочила со стула. Глаза ее блестели. — Я позову ее, и она выйдет. Вам даже не понадобится заходить в ту часть дома. Ох, это будет так просто, Кам!

— Вы можете войти с ней в контакт и дать знать, что я пришел…

— Что МЫ пришли, — резко поправила она Блейка.

— Это невозможно! Женщины здесь не ходят свободно, кроме тех случаев, когда уезжают из города… — начал Блейк.

— Тогда я стану охотником, как вы… И скажу вам, Блейк: только я могу вывести Марву. Но… Ох, он не знает… — она посмотрела на Валта.

— Она не может добраться до сестры на расстоянии, — объяснил глава патрульных. — Мы подозреваем, что Марву держат под действием какого-то наркотика.

— Тогда чем поможет ваше путешествие к Оторонто? — поинтересовался Блейк.

— Чем ближе я подойду к ней, тем больше у меня шансов на контакт. А если я не смогу вызвать ее к воротам, я поведу вас прямо к ней. Не собираетесь же вы обыскать все женские комнаты!

Валт, понимая тревогу Блейка, кивнул, прежде чем тот запротестовал, и сказал:

— С вами пойдет Ло Сайди, Крэгэн и Лэффи последуют незаметно. Сейчас ты нагреешь это. — Он открыл тяжелую крышку дорожного сундука и начал что-то делать с ее нижней стороной. Панель отошла, и Блейк увидел в углублении четыре рукоятки оружия. По форме это были обычные игольчатые пистолеты, но гораздо меньше по размеру. Валт достал один и протянул его Блейку.

— Новый тип, стреляет не иглой, а лучом. Но у него только шесть зарядов. Возьми его в ладонь и сожми пальцами.

Вертя в пальцах крошечное оружие, Блейк почувствовал, как нагревается холодный ме-

талл. Через некоторое время он разжал ладонь и увидел, что серебристый блеск пистолета исчез. Теперь оружие» стало почти неразличимым.

— Положи на него печать. Если кто-нибудь другой коснется этого оружия, оно взорвется. Не забывай, что у него всего шесть зарядов. Перезарядить нельзя.

— Откуда это? — удивился Блейк, не подозревавший даже о существовании такого оружия.

— Экспериментальные, единственные в своем роде. Их добыл мне Роган — без разрешения, должен добавить. Каждое стоит целого состояния.

За спиной Валта протянулась рука и схватила второй пистолет. Ладонь девушки была маловата, чтобы полностью скрыть оружие, но Блейк видел, что оно меняет цвет и становится принадлежностью только одной Мэрфи.

— Я вам сказала, — бросила она с вызовом, — что без меня вы не увидите Марву.

— К несчастью, — холодно ответил Валт, — вы, видима, правы. Ваша мыслительная связь нам поможет. Но помни, девушка, что приказы в этой операции дает Валкер. Ты будешь в зависимости от решений его или Ло Сайди, и ты должна поклясться мне в этом.

Мэрфи переводила взгляд с мастера патруль-

ных на Блейка и обратно.

— Связывать человека, идущего на такое дело, опасная вещь, Кам Валт.

— Сейчас ты подчиняешься дисциплине патрульных, Мэрфи. Рассчитывают на Валкера — значит, он и должен появиться там. Была бы возможность, я пошел бы вместо него. Ло Сайди может укрыться, если его заподозрят те, кто пропускает Блейка. Итак, Валкер — старший, и ты его слушаешься. Понятно?

Она кивнула в знак своего согласия, но Блейк был уверен, что она осталась при своем мнении. Самому ему очень не хотелось быть с ней рядом в опасной ситуации.

Перо сокола вывело их из двери склада, и Блейк вздохнул чуточку свободнее, когда они, переодетые, оказались на улице. Крэгэн и Лэффи пользовались своими методами, чтобы следовать за ними.

Толпа стала еще многочисленнее, и трое держались вместе, чтобы не потерять друг друга. На транспорт нечего было надеяться: все наемные машины были полны, так что они пошли пешком до владений Оторонто.

Они нашли прогалину в скрывающем стену кустарнике, и Ло Сайди подставил Блейку спину.

Блейк поднялся по этой живой лестнице на стену и взглянул вниз в рай цветов и деревьев. Затем он помог подняться Мэрфи. Следом на стене оказался Сайди. Все спустились вниз по цветущим виноградным лозам.

— Неужели можно желать разрушить все это? — удивилась Мэрфи, когда они укрылись среди декоративных кустов, каменных изваяний и прочих украшений тщательно ухоженного сада.

— Вопрос престижа, — ответил Ло Сайди. — Разрешение сломать всю эту красоту во славу цикла ставит Оторонто в начало списка тех, кто делает широкие жесты. А он, видимо, падок на такое внимание…

Блейк замер. Он жестом предупредил остальных, а сам прислушался — не столько ушами, сколько внутренним чувством. Затем он отпрыгнул в сторону, одновременно поворачиваясь влево. Как раз в это время из-под стелющегося виноградника на него налетела мохнатая молния. Рычащая ярость ударилась о Блейка и сбила его с ног, но когти не тронули его: когда они оба покатились по земле, ягуар был уже вялым грузом, из-под которого Блейк старался выползти. Один из шести зарядов истрачен — об этом Блейк должен помнить.

Мэрфи вздрогнула, глядя на парализованное животное, и о еще большим страхом подумала о множестве тайников, где могут прятаться подобные же сюрпризы. Ло Сайди потянул Блейка за ноги.

— Интересно, много ли в этом доме свободно разгуливающих кошек? Вдруг мы не успеем сосчитать…

— Тихо! — прошептала Мэрфи, но ее предупреждение было излишним: они и сами услышали барабанный бой где-то внутри дворца.

Ло Сайди бросился вперед. Они все еще старались держаться под укрытием, только теперь проверяли, не скрываются ли там пятнистые охотники.

Перед ними выросла другая стена, из белого камня, обильно украшенная резьбой. Ее верх был в виде стилизованной змеи с тяжелым рельефом чешуи.

— Вот это они и есть. Теперь найти калитку. — Блейк коснулся рукой стены. Вправо или влево? Мэрфи подошла и тоже провела ладонями по камню, а затем резко повернула вправо. Ло Сайди поглядел вслед и дал знак Блейку идти за ней.

Они очутились в узком пространстве между стеной, вдоль которой шли, и другим сооружени-

ем из камня с замысловатой резьбой. Оно стояло, как экран, между садом и стеной. Местами резьба была сквозная, так что просвечивали листва и цветы. Пройдя несколько ярдов, они нашли вход. Это был круглый глубоко врезанный закрытый портал. Никаких щеколд не было. Чтобы открыть, Мэрфи повернулась и, закрыв глаза, плотно прижала ладони к двери. Блейк хотел было отвести ее в сторону и попробовать открыть дверь, но Ло Сайди схватил его за локоть и оттянул назад. Многозначительный кивок головы давал понять, что мешать Мэрфи сосредоточиться — большая ошибка.

Блейк подошел к стене. Ему хотелось заглянуть за нее, но требовалась поддержка. Ло Сайди снова нагнулся, и Блейк, цепляясь за резьбу, сумел подтянуться наверх. На белой стене он представлял собой отличную мишень, если бы из дома за ними кто-то наблюдал.

За стеной был второй сад, такой же ухоженный. Две длинные клетки из тонкой проволоки заключали пространство, в котором летало и распевало множество птиц с яркими оперениями. Но Блейк обратил внимание на дверь внизу. Она была запечатана. По-видимому, это был какой-то запасной выход, но им больше не пользовались.

В укромных уголках сада были расставлены скамьи для отдыха гуляющих.

Легкий свист заставил Блейка оглянуться на Ло Сайди: тот указывал на Мэрфи. Она уже не прижималась к двери, а шаг за шагом отступала от нее, прижав пальцы левой руки ко лбу. Глаза ее все еще были закрыты, все лицо выражало глубокую сосредоточенность. Правая рука медленно, почти томным жестом протянулась к закрытой двери.

Блейк снова поглядел в другой сад. Между птичьими клетками вилась тропа. Укрытий никаких не было. Оторонто мог отдать свой внешний сад на разграбление, но наверняка имел надежную защиту для внутреннего жилья своих домочадцев.

Перемахнув через верх, Блейк спрыгнул вниз. У них, надо полагать, остается очень мало времени до того, как сюда хлынут толпы народа. Если они успеют найти Марву и вывести ее из этого второго сада, можно будет спрятаться в толпе. Тропа раздваивалась вправо и влево. Здание внутреннего дворца находилось справа.

Опасность…

Блейк присел на корточки, держа станнер наготове. Шорох… Еще один ягуар?

Прислонившись спиной к холодному камню

стены, он вглядывался в каждую тень, в каждый намек на открытое место. Но к нему крался не зверь. Молниеносное движение почти на уровне земли — большая кошка не могла бы так распластаться. Блейк увидел бусинки безжалостных змеиных глаз на плоской голове и выстрелил, движимый свойственным его роду отвращением к змеям.

Голова несколько раз дернулась. Затем кольца застыли в неподвижности. Блёйк подождал, прежде чем рискнул посмотреть жертву поближе. Да, змея, и, вероятно, ядовитая. Но на узком теле прямо под головой было металлическое кольцо, сверкавшее драгоценными бусами, такими же холодными, как и глаза. Значит, змея была не дикой, а признанной обитательницей дворца.

Опять тихий свист. Блейк поднял голову. Ло Сайди лежал на животе на верху стены. Он резкими жестами указывал на дворец, а губы беззвучно, но так выразительно выговаривали слова, что Блейк сумел уловить смысл:

— Иди… Следи…

Кроме щебечущих птиц, в саду, вроде, никого больше не было. Блейк видел террасу, вернее, часть ее, потому что остальное скрывали деревья. Ни стражников у дверей, ни слуг — дворец

как вымер.

Птицы вдруг закричали и встревоженно забили крыльями. Секундой позже Блейк услышал далекий шум: толпа, пришедшая очищать растительное богатство Оторонто, собиралась у внешней стены.

— Смотри! — сказали губы Ло Сайди. Движение на террасе. Кто-то сбежал по ступенькам, затем побежал между клетками, всхлипывая.

Блейк ждал на скамье у запертой двери. Девушка выскочила на открытое место и бежала прямо к ней, широко раскрыв невидящие глаза. Если бы он не схватил ее, она ударилась бы о дверь. Она вырвалась из его рук. Можно было подумать, что он держит ягуара, потому что девушка раздирала его ногтями с яростью, далеко превосходящей человеческую. Ло Сайди спрыгнул, ухватил конец ее плаща и обмотал вокруг, прижав ее руки к телу. Ее глаза по-прежнему ничего не видели, но из них катились слезы. Она сотрясалась от рыданий. Они вдвоем перетащили девушку через стену. Блейк опасался, как бы ее отчаянная борьба не встревожила кого-нибудь из стражей находящихся поблизости. Но как только они спустились на ту сторону, девушка сразу успокоилась. Мэрфи подбежала к ней и крепко обняла, с ужасом смот-

ря на сестру, мягко оседавшую на землю.

— Она… она…

Ло Сайди взял Мэрфи за плечи и отвел от сестры.

— Наркотики или что-то вроде блокирующего внушения, — резко сказал он. — Снимите с нее юбку!

На Марве была длинная юбка с яркой вышивкой. Плащ, в который они замотали ее, был лилового оттенка. Его единственным украшением была полоса из голубых и золотых перьев. Ло Сайди отвел часть виноградной лозы, свисавшей со стены. Ее цветы одуряюще пахли.

— Подойди-ка! — Блейк понял его план. Он обошел куст, оторвал длинную плеть, выбрав самую цветущую. Любовь местных жителей к цветам, особенно тем, которые имели сильный запах, вполне могла оправдать такой поступок.

Шум за внешними воротами усилился. Теперь уже можно было различить отдельные выкрики, удары по воротам. Потом — рев! Значит, ворота открыли! Еще немного времени, совсем немного — и можно будет спокойно уйти.

Блейк снова обошел куст, чтобы помочь Ло Сайди. Марва, закутанная в лиловый плащ, лежала, не замечая никого. Она закрыла глаза и как будто

спала. Ло Сайди обвил вокруг нее множество лиан, а Мэрфи рвала другие цветы и втыкала их во все открытые места, оставшиеся после стараний Ло Сайди. Молоденькое деревце, пропущенное под лозы вдоль тела Марвы, послужило шестом, на котором охотники носят добычу, и мужчины понесли его вдвоем.

Шум и пение приближались. Показались первые любители цветов. Тут были и мужчины, и женщины, в основном, крестьяне. Они несли корзины, кувшины, чаши, потому что шли не только за цветами, но и за корнями. Одна компания пришла с лопатами и принялась выкапывать деревца и кусты.

Мэрфи вывернула юбку сестры наизнанку, чтобы скрыть богатую вышивку, и сделала из нее подобие мешка, в который положила цветочные луковицы, корни и самые редкие цветы. Перекинув его через плечо, она слегка согнулась под грузом, чтобы скрыть лицо.

— Пора идти! — сказал Ло Сайди.

Работающие вокруг были слишком заняты грабежом, чтобы обращать на них внимание. Один или двое мельком взглянули и опять занялись своим делом.

Они должны были двигаться очень медленно,

если хотели выйти через внешние ворота. Если какие-нибудь стражники задержались там, то встретив их, могут удивиться, как эта компания собрала так много растений за столь короткий срок..

Время от времени они останавливались и опускали свой груз. Раза два к ним обращались другие добытчики, но Ло Сайди отвечал им заплетающимся языком. Спрашивающие пожимали плечами или смеялись.

— Посмотрите за ворота! — тихо сказала Мэрфи, догоняя Ло Сайди.

Вот это да! Похоже, Оторонто наслаждался новым ощущением полной мерой. Он не только собирался сам стать свидетелем расхищения своих знаменитых садов, но еще пригласил гостей, по крайней мере, своих домочадцев в качестве зрителей. У главных ворот, через которые все еще шли расхитители, была воздвигнута платформа с балдахином наверху и с сиденьями. Там были сполохи алой форменной одежды и яркие цвета гражданской. Слуги разносили вино и закуски. Гости с интересом смотрели на грабителей, уже возвращавшихся обратно. Иногда им приказывали остановиться и показать добычу.

— Мы не можем… — начала Мэрфи.

— Должны! — ответил Ло Сайди. — Разыграем подвыпивших, но не слишком пьяных. А вы, — обратился он к Мэрфи, — идите впереди. В случае чего — бегите!

Блейк внимательно оглядел человека, который, по его мнению, должен был быть Оторонто. Высокий и худой, в нарядной рубашке, наполовину укрытый плащом из перьев. Сапоги застегнуты на благородную бирюзу, головной убор увенчивался кольцом из перьев. По старинной моде он носил тяжелые серьги, оттягивающие мочки ушей. Грубое ацтекское лицо выражало презрительное любопытство и слегка оживлялось только в тех случаях, когда человек слева от него делал какое-то замечание. На этом человеке был тускло-черный плащ жреца. Но его волосы не были длинны и лохматы и лицо не сжигал фанатический аскетизм, как у жрецов в доме у реки.

— Ну, пошли, — тихо сказал Ло Сайди.

Блейк ждал, что скажет его чуткое предупреждение. Пока оно молчало. По всей вероятности, их нехитрая игра удастся. И он направился, покачивась, за Ло Сайди к воротам. Люди на платформе сейчас были заняты выбором фруктов и печений с подносов. Слуги наполняли чаши.

— Ай-ай-ай, — пел Ло Сайди. Лицо его выражало

радость реализованной мечты.

Блейк не решался петь, но во всем остальном старался быть под пару своему компаньону. А Мэрфи хохотала, потряхивая импровизированным мешком с цветами. Они были уже у платформы. Они почти подошли…

— Хоу! — раздался повелительный окрик. За ним последовали слова, которых Блейк не понял.

— Валкер! — тихо приказал Ло Сайди. — Отвлекай! Быстро!

Блейк поднял голову. Один их армейских офицеров перегнулся через балюстраду платформы, делая повелительный подзывающий жест. За ним стоял Оторонто.

Отвлечь? Блейк положил шест, который нес, на плечо, а правую руку вскинул в приветствии, подмеченном им у низших классов. Но из этой руки выстрелил станнер. Оторонто в эту минуту повернулся ответить на какой-то вопрос жреца и теперь упал прямо на балюстраду. Испуганный офицер едва успел подхватить его.

— Пошли!

Блейк не успел оглянуться, как они уже были за воротами и проталкивались через толпу. Похоже, что желающих грабить в сад пускали не сразу, а

определенными группами, и следующая стояла у входа.

Как раз в это время вышла другая толпа с цветами, и Ло Сайди с Блейком поспешили к ней пристроиться. Тотцин обещал помощь за воротами, и Блейк, при всем его недоверии к имперскому офицеру, вдруг горячо захотел увидеть его. Но пока они шли за толпой, прислушиваясь, нет ли погони. На платформе кто-нибудь из догадливых может понять связь между ними и коллапсом Оторонто.

У обочины стоял маленький фургончик. Блейк знал, что такие закрытые машины перевозили женщин из благородных семей. Но на этом обшарпанном и запыленном пустом фургоне не было семейного герба. Задняя дверь открылась, и солдат-посыльный Тотцина поманил их. На мгновение они заколебались. Принять от другой стороны помощь — значит лишь ненадолго отсрочить беду… А, может быть, нет? Но брести по улицам с их бессознательным грузом — значит привлечь нежелательное внимание. Так что они подошли вместе с Мэрфи и положили свой обернутый виноградными лозами тюк внутри фургона.

— Куда поедем? — спросил Блейк.

— Куда желаете, — ответил солдат, — но влезайте побыстрее! Мы не можем ждать. Многие видели, и кто-нибудь может запомнить. Нам придется проложить фальшивый след…

Ло Сайди кивнул и посадил Мэрфи в фургон. Следом забрался Блейк. Дверь тут же закрылась с выразительным щелчком. Валкер прислонился к ней спиной и заметил, что закрыта она снаружи.

— Крэгана здесь не было, — тихо прошептал Ло Сайди. — А солдат прав насчет того, что нас многие видели. Нас могут выследить. Пустят за нами свору собак — что тогда? Давайте-ка вытащим куколку из ее кокона.

В закрытом каре запах цветов дурманил голову. Они оборвали лозы и листья, вытащили Марву и посадили на сиденье возле узкого окошка, откуда шло немного свежего воздуха. Мэрфи села рядом, поддерживая сестру.

— Как она? — спросил Ло Сайди.

Мэрфи покачала головой.

— Я добралась до нее настолько, чтобы привести ее к нам, к стене. Но теперь она как бы ушла. Что с ней сделали?

— Тотцин говорил, что даст наркотик тем, кто сторожит ее. Может, и ей досталось немного? — предположил Блейк.

— Продолжайте попытки, — сказал Ло Сайди Мэрфи. Ее необходимо разбудить. Марве может понадобиться собственная помощь.

— А что я могу сделать? — огрызнулась Мэрфи. — Куда нас везут?

Блейк наклонился, чтобы взглянуть в узкое оконце, но оно было закрыто ставнем. Они ехали медленно, как полагается на оживленных улицах. Дважды свернули и вскоре увеличили скорость. Дорога стала неровной.

— Мы едем не в город, — уверенно сказал Блейк.

Ло Сайди прошел в перед фургона. В стене между внутренним помещением и местом водителя было окошечко, через которое пассажиры отдавали приказы. Патрульный пытался открыть его, но оно не поддавалось.

Стон привлек их внимание к Марве. Рыдания, потрясавшие ее раньше, сменились тяжелым вздохом, как будто ей было трудно дышать. Ло Сайди быстро подошел и приподнял ее голову к узкой щели ставня.

Блейк нашел среди обрывков лоз крепкий корень, протолкнул его в щель и откинул ставень. Он передал свой инструмент Ло Сайди, чтобы и тот проделал то же самое на другой стороне

фургона.

Зелень, густая зелень быстро проносилась мимо. Из-за ограниченности поля зрения мало что удавалось увидеть. Блейк с трудом мог поверить, что так близко от города есть такой густой лес. Казалось, что они пробиваются через совершенно дикие места.

— Охотничья зона… — определил Ло Сайди.

— Что это такое? — спросил Блейк.

— Участок дикой местности, сохраняемый для церемониальной охоты. Он отмечен на карте города. Но это значит, что мы едем в противоположном направлении от реки…

— Куда? — спросила Мэрфи.

— Увидим, — чуть рассеянно ответил Ло Сайди.

Дорога быстро ухудшалась, а зелень подступала к фургону так, что ветки били по стеклам. Фургон замедлил ход и, наконец, остановился. Блейк коснулся плеча Ло Сайди.

— Я выстрелю в водителя и в того, кто с ним. Развернем фургон и поедем обратно в город.

— Пожалуй, можно, — согласился тот.

— Аааа… — Марва рванулась из рук сестры и поползла по полу. В ту же секунду Мэрфи схватилась за голову с тем же воплем протеста и боли.

Ло Сайди покачнулся, словно его ударили по затылку. Блейк тоже почувствовал мысленный удар. Это не было неумелым обследованием мозга, какому он подвергался во владениях лорда у реки, это был настоящий зонд, нацеленный на овладение мозгом и выполняемый с талантом и тренировкой Брума.

Ло Сайди извивался, его лицо превратилось в маску ужаса и напряжения, губы кривились звериным оскалом. Только глаза следили за Блейком, которому, как всегда, помог его мозговой щит. Но именно эта защита могла насторожить того, кто выпустил стрелы, сказав ему, что у него есть неконтролируемый противник.

Неспособный сопротивляться, Ло Сайди дюйм за дюймом тащился к задней дверце фургона. За ним ползла на коленях Марва и непрерывно стонала, а позади спотыкалась Мэрфи.

Блейк услышал звук открываемого засова и отскочил влево. Тот, кто открывал, не был готов к каким-либо Неожиданностям, поскольку не знал о сопротивлении Блейка. Предупреждение в Блейке сработало, но не нацелило на немедленное действие.

Дверь открылась. Ло Сайди выбрался толчками, как будто его ногами управлял кто-то другой.

Марва скорее выкатилась, чем выползла. Мэрфи шаталась. Блейк выстрелил и тут же отскочил в другую сторону фургона, чтобы увеличить поле зрения.

Человек, в которого он ударил лучом, качнулся назад, споткнулся и упал. Блейк выстрелил во второго, еще стоявшего. Теперь у него оставался всего лишь один заряд! У Мэрфи и Ло Сайди было оружие, но им могли воспользоваться только они.

Когда вторая жертва упала, Блейк увидел, что Ло Сайди и Мэрфи странно дергаясь, подняли Марву и пошли вместе с ней прочь от фургона. Блейк осторожно подобрался к двери. Посланец Тотцина и другой мужчина лежали без движений. Вокруг машины были деревья и кусты. На земле резко отпечатались следы колес. Трое, явно кем-то принуждаемые, обогнули кар и, видимо, собирались исчезнуть где-то впереди. Блейк мог бы удержать одного, но с тремя физическими методами не справиться. Мысленный приказ явно вел их к какой-то определенной цели. Наверное, она была не слишком далеко, потому что такой контроль не действует на большое расстояние. Значит, отдавший приказ где-то поблизости.

Поскольку этот невидимка был с Брума, значит

они встретились с настоящим врагом. Возможно, Блейку удастся использовать свой последний заряд, если он подберется достаточно близко к нему. И он бросился вслед за спотыкающейся тройкой, чутко прислушиваясь ко всякому звуку и полагаясь на присущее ему предчувствие.

Дорога кончилась. Дальше была тропа вроде той, что прокладывают звери. Недавно пытались расширить ее, о чем говорили поваленные кусты. В быстро надвигающихся сумерках Блейку было трудно смотреть вперед. Трое вышли, наконец, к пересохшей речке. Посреди каменного ложа бежала струйка воды, и его спутники переходили через нее.

Блейк шел позади тем же неуверенным шагом, что и они, поскольку он был на открытом месте и мог находиться под наблюдением. Они обогнули излучину реки, и сумерки перед, ними прорезал свет — не яркий свет костра, не бесцветные лучи здешних ламп, но глубокое мерцание, таившее в себе что-то чужое и зловещее.

Блейк понял: их ждал паук, который соткал эту паутину.

Он чувствовал вокруг ауру удовлетворения, торжества так хорошо, как если бы это было высказано словами. Кто-то ждал их, не сомневаясь в

полной победе. Но как он не понял, что встретил в Блейке блокированный мозг? Может, просто не беспокоился, считая, что если три человека у него под контролем, то с четвертым он легко справится? Это означало, что у него есть и другие методы подавления потенциальных противников.

Строение, к которому они подходили, было хитроумно замаскировано. Не будь открытых окон и света, Блейк не заметил бы его. Грубый камень стен мог показаться естественным продолжением берега, а кусты, посаженные на низкой кровле, давали полное впечатление, что растут на земле.

Три пленника шли прямо к распахнутой двери. Блейк упал за обкатанный водой валун. Он ничем не мог помочь идущим прямо в западню. У него было только одно маленькое преимущество, единственный шанс эффективно использовать последний заряд станнера. Если он хоть на миг отвлечет или сломает эту мысленную власть, он получит помощь Ло Сайди.

Враг в тайном убежище был весьма самонадеян. В первый раз Блейк порадовался, что не имеет талантов Брума — иначе он тоже попал бы под мысленный контроль и шел бы теперь слепо и бездумно, как его товарищи.

Голубой свет более скрывал, чем высвечивал.

Трое, казавшиеся в этом свете силуэтами, вошли и тут же исчезли. Может, там занавес? Блейк выжидал. Если враг рассчитывал на четверых, то он сделает что-то, призывая оставшегося.

И это пришло: взрыв мысленной силы, предназначенной для ослепления, оглушения человека, для полного подавления его личности. Блейк тут же принял решение убедить врага, что все сработало: он, шатаясь, вышел из-за валуна и поковылял к хижине, надеясь, что его старания выглядят достаточно реалистично и обманут врага на те несколько минут, пока Блейк подойдет к нему на расстояние выстрела. Он вошел в дверь. Голубой свет окутал его тело, как будто тоже был частью этой высасывающей силы. Свет обволакивал, как туман. Блейк видел только расплывчатые контуры трех теней: одна стояла, две лежали на полу. Это были Ло Сайди и девушки. Больше Блейк никого не видел.

— Сюда! — ударила команда.

Ло Сайди с трудом поднял одну из девушек. Другая сама поползла на коленях. Блейк пошел следом, пытаясь разглядеть что-нибудь в искаженном свете.

— Здесь! — обожгло резкое предупреждение, как тогда, в саду. — Направо!

Но Блейк не мог обнаружить мишень, потому что Ло Сайди метался между ним и невидимым источником света.

Барьер… в другой открытой двери.

Предупреждение было таким острым, что Блейк бросился вперед, проскочил голубой туман и очутился в обычном освещении. Он споткнулся о лежащее тело, но удержал равновесие и встретился лицом к лицу с человеком, сидящим в мягком кресле. Человек смотрел на него с выражением полнейшего шока. В ту же секунду Блейк выстрелил ему прямо в лицо, остановив мозг мощной силой станнера. Он услышал звяканье металла, а затем был сбит с ног, потому что весь пел под ним зашатался. Поднявшись, он увидел, что незнакомец соскользнул с сиденья, но его рука остановилась на приборной доске. Знакомая вещь…

Блейк почувствовал мучительный переход сквозь время. Он находился в незаконном челноке! Но он не имел представления, куда они летят и есть ли вообще какое-то определенное направление, так как бездействующая рука на панели могла нажать кнопку лишь наугад.

— Ну… — Блейк сел в кресло пилота, хотя мог только либо остановить челнок, либо вести его

на какой-то неизвестный уровень. Только инстинкт заставил его попытаться что-то сделать. Он оглянулся на звук голоса.

Ло Сайди, видимо, упал, когда они взлетели. Теперь он ощупывал и осматривал себя, как очнувшийся от страшного сна.

Блейк сел за приборную панель, столкнув бесчувственного пилота и отодвинув его в сторону. Челнок несколько отличался от обычных. Взгляд на циферблаты дал ему один определенный факт: челноку был задан курс. Значит, они не будут странствовать наугад через миры без надежды быть найденными. Но каков этот курс и где челнок приземлится, было известно только человеку, пораженному лучом станнера.

— Прыгун? — Ло Сайди подковылял к Блейку и тоже лишь посмотрел на приборы. — Прыгун, — повторил он, встряхивая головой, чтобы прочистить затуманенный мозг.

Мэрфи застонала и села, сжав руками голову. Она дрожала и кашляла, но когда подняла глаза, в них был свет разума.

Блейк осмотрел кабину. Хотя она была лишена обычного оборудования, он надеялся отыскать сумку первой помощи с нужными стимуляторами, без которой, как он знал, ни один прыгун по

уровням не решится лететь. И в укромном уголке он нашел ее.

Одну таблетку Блейк сунул себе в рот, вторую дал Ло Сайди, который сделал то же самое. Третью взяла Мэрфи, некогда она подносила ее к губам Марвы, Ло Сайди запротестовал.

— Мы не знаем, какие наркотики ей давали. Лучше оставить ее в покое. Посмотрим, может сама очнется… — Он склонился над незнакомцем и взглянул в его лицо. — Я не знаю его.

— А я знаю, — сказала Мэрфи. — Это Карлгсон!

— Пилот коптера на Проекте? — Блейк вернулся к воспоминаниям, казавшимся бесконечно далекими. Дальнейшие события полностью заслонили начало этого приключения.

— Сила первой десятки. Иначе он не смог бы захватить и держать нас троих, — комментировал Ло Сайди. — Чего ради он работал пилотом коптера на Проекте? — Он тут же поспешил ответить на собственный вопрос. — Видимо, ширма. Но зачем? Впрочем, может, он на это ответит сам.

— А ты сумеешь обыграть его, когда он придет в себя?

— С помощью, которой у нас сейчас нет. Так что, как только он выйдет из своего бессознательного состояния, его надо отправить туда снова.

— У меня кончились заряды, — признался Блейк.

Ло Сайди положил руку на поясной мешочек, сначала спокойно, а потом с тревогой шаря пальцами. Он поднял глаза, и на лице его выразилась такая растерянность, какой Блейк ни разу у него не видел.

— Исчез!

— А ваш? — спросил Блейк, обращаясь к Мэрфи.

Она сунула руку в рукав рубашки.

— Исчез!

— Каким образом?

— Чисто сработано. — Ло Сайди мрачно глядел на Карлгсона. — Нам, без сомнения, было приказано самим разоружиться по дороге. Мы так и сделали. Если ты не уверен, что успеешь крепко скрутить его, как только он пошевелится, то у нас есть всего один шанс, а именно — выскочить из челнока, едва мы окажемся на уровне. Но я не знаю, какого рода его контроль. Ты далеко отошел от фургона?

— Не знаю точно, но, кажется, довольно далеко, — ответил Блейк.

— Значит, как-то надо обмануть его.

Ло Сайди чрезмерно оптимистичен, — подумал

Блейк, но ничего не сказал. Не было никаких оснований надеяться на изменения к лучшему, когда их путешествие, сквозь время придет к концу. Если они направляются на Брум, то вполне может случиться, что попадут в еще большую беду, с которой ни за что не справятся.

— Мы направляемся на Брум? — спросила Мэрфи, тоже изучавшая приборы.

— Не думаю, — ответил Ло Сайди. — Карлгсон привел нас сюда. Он поставил дорожный код и пригласил, приготовив все, чтобы взять нас и прыгнуть. Но я сомневаюсь, чтобы он летел на Брум. Прежде всего, ваш отец, узнав, что здесь может действовать незаконный челнок, наверняка поставил детекторы, которые могут выследить любого прыгуна поблизости от нашего мира или на регулярных линиях. Карлгсон, конечно, учитывает это. Я думаю, мы теперь движемся в другой тайник, более надежный, по мнению тех, кто стоит за всем этим.

— Пустой мир, — сказал Блейк.

— Почему?

— Это самое надежное. Нет обитателей, которые стали бы вмешиваться или подозревать что-то.

— Да, это похоже на правду. Но пустых уровней много. Кстати… — Ло Сайди поднялся и обыс-

кал Карлгсона. — Оружия нет. Он уверен, очень уверен в себе. В сущности, здесь нет Ничего, что подсказывало бы нам место нашего назначения. Мэрфи, есть какой-нибудь способ узнать что-то от вашей сестры? Ухватить какое-нибудь впечатление? Она может знать все или часть дела, раз поехала с Карлгсоном в мир Нью-Британии.

— Нет. Это все равно, что собирать по кусочкам разбитую вдребезги вещь. Неужели… неужели она такой и останется? — Мэрфи с мольбой посмотрела на Ло Сайди.

У патрульного не было готового ответа. Не мог он прибегнуть и к успокаивающей лжи, даже если бы и хотел: Мэрфи знала бы, что ее обманывают. Он молчал, а она смотрела на стенку кабины.

— Ее теперешнее состояние, — тихо сказал он после паузы, — объясняется действием наркотиков плюс контролем Карлгсона. Марва может прийти в себя естественно, как просыпаются от горячечного сна, или же ей окажут необходимое лечение на Бруме. Но сможете ли вы повлиять на нее, если понадобится?

— Попробую, — с сожалением ответила Мэрфи. Ее внимание, казалось, было обращено внутрь, к собственным ощущениям или к страху за сестру.

Предупредительный сигнал на приборной доске. Блейк столкнул Мэрфи на пол и сам лег между ней и неподвижной Марвой, раскинув руки поверх сестер как страховочный пояс. Головокружительное вращение пролома во времени ощущалось здесь, на полу, значительно сильнее, чем в специальном кресле.

Во всяком случае, было ясно, что садятся они не на Брум: не тот интервал между проломом и появлением. Ло Сайди сидел в кресле пилота, следя за приборами, в то время как Блейк не в силах был сохранить чувство равновесия при сдвиге прибытия на уровень. Он лежал, закрыв глаза, борясь с тошнотой.

Толчок, от которого вздрогнула кабина. Они возникли где угодно, только не на станции. Но не было и движения, как в черепашьем мире. Блейк сел, а Ло Сайди отодвинул панель видеоэкрана.

Они смотрели в ночной мир, освещенный ровным лунным светом. Вырисовывались только голые пики скал. Больше ничего не было видно в ограниченном поле зрения экрана.

Мэрфи зашевелилась, откинула с лица спутанные волосы.

— Похоже, на Проекте, — сказала она.

— Вполне возможно. — Ло Сайди встал с кресла,

собираясь открыть дверной замок. — Согласно регистру, спецкостюмов не требуется. Это уже хорошо. Но нам надо немного оглядеться. Ты, — кивнул он Блейку, — следи за ним. Я не знаю, долго ли он останется без сознания, и не имею ни малейшего желания вернуться под его контроль.

Волей-неволей Блейк вынужден был признать его правоту.

Когда Ло Сайди вышел, Блейк снял свой пояс и разрезал его на полосы. Он не мог связать мозг Карлгсона, что было для них действительно важным, но хотел хотя бы удержать самого экспилота. Посадив Карлгсона в кресло, он крепко привязал его.

Мэрфи смотрела на экран. Тень Ло Сайди появилась в одном углу и снова исчезла.

— Карлгсон был явно уверен в безопасности, когда вел нас сюда, — сказала она. — Уверен, что никто здесь не помешает ему.

— Долго ли он мог держать вас под контролем? — спросил Блейк.

— Честно говоря, не знаю. С Марвой в ее теперешнем состоянии у него было бы не много хлопот. Но Ло Сайди и меня он вряд ли удержал бы долго.

— Это означает, что он рассчитывал получить

здесь поддержку. Помощь кого-то, связанного с Проектом. Или: — добавил он про себя, — здесь скрывается его банда. В таком случае Ло Сайди, при всей своей тренированности и сообразительности, может попасть прямо в руки врага.

Блейка успокаивало только отсутствие внутреннего предупреждения. Все было тихо. Он прошелся по маленькой кабине, на несколько секунд задержался возле Карлгсона, но пленник по внешним признакам все еще был под действием станнера. Кажется, хлопнула дверь люка? Вернулся Ло Сайди или… кто-то другой? Блейк прижал ухо к стене…

Опасность! Мозговой удар, нацеленный именно на Блейка, и достаточно сильный.

Чьи-то руки схватили Блейка за ноги и дернули вниз. Он увидел лицо Марвы, ее пустые глаза, а за ней — извивающееся тело, привязанное к креслу. Мэрфи тоже яростно бросилась на Блейка, придавив его всем своим телом.

Обе девушки прижали его к полу. Карлгсон еще не открыл глаза, но ярость его мозговых ударов била по Блейку. Но долго посылать их в этом направлении экс-пилот не мог, и потому понуждал девушек к действию. Для полумер не было времени, и Блейк старался освободить руку, чтобы

как можно быстрее нокаутировать Мэрфи. Но девушка нападала с таким остервенением, что он успевал только защищать глаза от ее ногтей. Марва, навалившись на его ноги, крепко вцепилась в них руками, так что он не мог даже спихнуть ее.

Щелкнул люк, и над Блейком вол никло лицо Ло Сайди — пустое, лишенное разума. Удар, резкая боль… и Блейк ушел в небытие.

Он лежал в снежном сугробе. Холод пронизывал тело. Руки и ноги онемели. Нет, это не снег, и Блейку вовсе не холодно: он лежит в золе, с которой только что смели горящие угли, и она жжет его. Вдали дико кружатся в танце Мэрфи, Марва и Ло Сайди, а Кам Валт бьет в огромный барабан. Они вырывают сердце Блейка, чтобы накормить громадную черепаху, нависавшую со скалы над пылающим ложем Блейка.

Бум… бум… все время бьет барабан, и фигуры кружатся в танце. Снег… зола… снег… Кружение сквозь время, перекресток. Мир за миром проносятся мимо, но для Блейка нигде нет места. Когда он дойдет до конца этого витка, он выпадет из времени навеки и потеряется в бесконечном мраке. Кружение… барабан… кружение…

Блейку казалось, что он кричал, но никто не отозвался на его невнятный призыв. Черепа-

шья голова повернулась, нечеловеческие глаза безжалостно смотрели на Блейка. Кружение… Барабанный бой…

Жжет не снаружи, а внутри. Снег… Ах, если бы можно было взять горсть снега и поднести ко рту! Блейк старался вытянуть руки, взять мокрый холодный снег. Снег… зола… Нет, ладони касались жесткой поверхности. Барабанного боя больше нет, и ничего не видно. Но жгло по-прежнему, и он делал слабые движения, ища облегчения. Барабана нет, но есть какие-то звуки, они не смолкают, они настойчиво требуют чего-то, они беспокоят его. Но он не понимает их. В конце концов, Блейку пришлось открыть глаза.

Он увидел над собой открытое пространство. Нет, это вовсе не открытое небо, поскольку ограничено стенами того же цвета. С величайшим трудом повернув голову, Блейк обнаружил, что он не один. Тройка, ранее кружившаяся над ним в сумасшедшем танце, лежала тут же. Мэрфи слабо шевелилась. Ее глаза смотрели на него.

— Блейк! — почти беззвучно прошептала она, но он услышал и, как ни странно, почувствовал прилив сил. Он оперся руками о каменный пол и сел. Марва и Ло Сайди стонали.

— Блейк, воды… — чуть громче прошептала

Мэрфи.

Он оглядел помещение, в котором они лежали. Пол был каменный, гладкий, а стены — эти или похожие — он видел раньше в лагере Проекта.

Лагерь… продукты… воды… — мысли Блейка тянулись медленно, лениво, однако ему удалось связать эти три слова и понять их. Дверь… вода… Повернуть голову было трудной задачей, требующей всего запаса сил. Должна быть дверь. Идти он не в силах, но может ползти.

— Блейк! — шепот и тихий плач. Блейк остановился, повернув голову. Это вызывало у него сильное головокружение, рот его, казалось, был полон пепла, который он видел в бреду, но он все-таки прохрипел в ответ:

— За водой…

Мэрфи попыталась приподняться. Блейк продолжал ползти к двери. Он навалился на нее плечом, но она не поддалась. Попытался еще раз, а затем ударил по двери кулаком.

Они были заперты здесь. Выхода не было! И мысль о воде четырехкратно усиливала его жажду.

— Нет… нет… — Мэрфи подползла к нему и слабо схватила пальцами его запястья. — Вот так. — Она положила его ладонь на неподатли-

вую поверхность двери и повела ее вправо. На этот раз дверь повиновалась и ушла в стену.

Они выползли в коридор. Это явно была база Проекта, но… Блейк остановился и прислушался. Ни звука; даже нет гудения машин. Другая дверь в коридоре была распахнута и на пороге лежал…

— Ох! — Мэрфи съежилась за Блейком и крепко вцепилась в его плечо. Он освободился и толкнул ее к стене.

— Оставайтесь здесь! — Он видел смерть в разных обличьях, и у него не было сомнения, что он видит ее и сейчас.

Долго и тяжело он полз до тела. Голова мертвеца была повернута в сторону Блейка, но прикрыта рукой. Блейк отвел ее и взглянул в лицо. Серфин! Блейк когда-то служил с ним. Техник Патруля, обслуживающий челноки и коммуникационные устройства станций.

Он оглядел комнату, охраняемую мертвецом. Коммуникационное оборудование было превращено в обломки, и сделано все это было намеренно. Провода расплавлены, хрупкие детали разбиты. Кто-то очень постарался, чтобы отсюда не могли послать никаких сообщений.

Блейк приполз к стене, и, держась за нее, встал, а затем, согнувшись, побрел обратно к Мэрфи.

— Кто это? — спросила она, когда он помог ей встать.

— Патрульный. Техник по комам. Как, по-вашему, это Проект?

— Да. — Она смотрела мимо него на мертвого.

— Где… продукты? — слабо спросил Блейк. Ему было так трудно стоять да еще держать девушку, что на слова уже не хватало сил.

Мэрфи медленно повернула голову и огляделась.

— Там… — Она указала в конец коридора.

— Оставайтесь здесь, — вторично приказал Блейк. Он сам, может быть, и дойдет, но поддерживать ее не может. Но когда он побрел, держась за стену, Мэрфи пошла за ним, и он не стал тратить силы на возражение.

Кое-как Блейк добрался до большой комнаты. Он узнал ее: это была столовая, в которой он однажды ел под взглядом Котора. На столе стояла грязная посуда. Ближайшая чашка была почти полна жидкости. Блейк никогда не пил ничего более вкусного, чем этот холодный горький напиток. Он залпом выпил половину. Держась за стол, он повернулся и, когда Мэрфи приковыляла в комнату, протянул ей оставшееся питье. Мэрфи села на пол, прислонилась к стене и взяла чашку

дрожащими руками.

А еще? Для Марвы… для Ло Сайди? Есть еще?

Блейк осторожно обошел стол, заглядывая в чашки. В двух еще оставалась жидкость, и он слил ее в одну. На тарелках засохли остатки пищи. Но где-то должны быть кухня и кладовая. Блейк принес чашку Мэрфи.

— Где кладовая?

— Вон там кухонный блок.

Блейк пошел в указанном направлении. Блок был устроен очень рационально: всего и дела вложить брикет в нужное отверстие и подождать, пока он появится на подносе или тарелке готовым к употреблению. Но шкаф над блоком приготовления был открыт, полки пусты. Ничего из сырых продуктов не осталось.

Но что это означало, он понял лишь некоторое время спустя. Вода была. Река. Те, кто бросил их сюда, посчитал бессмысленным лишать их воды. Но пищи не было. Так же, как не было ни средств сообщения, ни челнока, ни каких-либо признаков недавнего пребывания людей, исключая мертвеца, охраняющего обломки.

Ло Сайди сидел в кресле, которое когда-то занимал Котор. Марва все еще дрожала и временами впадала в прострацию, но в основном пришла в

себя. Мэрфи и Блейк сидели друг против друга за пустым столом.

— Только это. — Ло Сайди смотрел на три пакетика поддерживающих таблеток, которые они нашли, обыскивая личные комнаты, носившие следы поспешной эвакуации. Таблетки — не пища. Энергия, даваемая ими, может оказаться фальшивой, сжигающей человека, если их не дополнять питанием.

— Мы не можем исправить ком? — спросила Марва.

— Ты не видела, что с ним сделали, — мягко укорила ее Мэрфи.

— Но мы не можем сидеть здесь и…

— Нет. В нас заложено стремление к борьбе, — сказал Ло Сайди. — Но коммуникатор непоправимо испорчен.

— У тебя появилась идея? — взглянул на него Блейк.

Ло Сайди пожал плечами.

— Есть шанс, до того невероятный, что ни малейшей надежды на успех.

— Но все-таки, — подхватила Мэрфи. — Можем ли мы хоть что-нибудь сделать?

— Например? — Блейк пытался вернуть их к реальности.

— Может, это всего лишь предположение, но… — Ло Сайди резко оборвал себя, а затем добавил: — Не думаю, чтобы за нами послали какие-нибудь поисковые отряды. После того, что здесь сделано, ответственные за это постараются любыми способами зачеркнуть эту базу. Однако, разрушив ком, они не уничтожили терминальную станцию.

— А зачем она без челнока? — поинтересовался Блейк.

— Вы имеете в виду тонкую стенку времени? — Мэрфи в упор взглянула на Ло Сайди. — но ведь это просто суеверие, разве не так?

— Мы всегда так считали, — согласился Ло Сайди. — Но сейчас как раз время всерьез проверить, суеверие ли это.

— Тонкая стенка времени? — Блейк смутно припомнил эти или подобные им слова. Спор… Где? Когда? С кем? — этого он не мог вспомнить. Его мозг все еще был одурманен, но выхватывал из тумана воспоминаний некоторые факты… нет, не факты даже, а предположения, догадки.

Станции для путешествий по перекрестку времени были установлены в определенных точках. Многие из них поддерживались в постоянном действии десятки лет. Существовала теория, что

такие станции истончают барьер времени, а постоянные путешествия с уровня на уровень изнашивают точки. Но это была только теория. Эксперимент же, доказывающий или опровергающий ее, был бы связан с большим риском для всей системы и поэтому не разрешался.

— Но этот Проект основан недавно, — возразил Блейк, — а истончение начинается со временем, если вообще начинается. Нужен длительный период постоянных путешествий.

— И это опять-таки предположение, — ответил Ло Сайди. — Проект был основан года полтора назад. Контакты здесь были очень часты: деловые визиты, поездки персонала, доставка продуктов и материалов. Может, использование станции не так напряженно как на Аргусе или Калабрии, но и здесь было много поселений.

— Что же мы можем сделать? — спросил Блейк, догадываясь, что у Ло Сайди есть еще одна цель: заставить девушек думать, дать им нить надежды и тем уберечь их разум от ударов отчаяния. Но долго ли они проживут без пищи? Дольше, чем без воды, это он знал.

— Поищем в комнате связи материалы для устройства усилителя. — Ло Сайди развернул пакетик с таблетками. — По одной на каждого.

Блейк не мог удержаться от вопроса:

— А зачем усилитель?

— Для сигнала. Природная связь и с усилителем… — Ло Сайди посмотрел на сестер.

— Значит… значит, вы и в самом деле думаете, что мы сможем это сделать? — спросила Мэрфи.

— Любая попытка дорога, вы не находите? — Ло Сайди проглотил свою таблетку. — У нас есть мощная точка приема: Эрк Роган. Его мозг настроен на ваш, и он наверняка ищет вас, так что в отличном состоянии для приема.

— Ты имеешь в виду, — Блейк постарался не выдать своего недоверия, — что вы пошлете мысль?

Безумие. Нет, конечно, Ло Сайди не думал этого!!! А если девушки приняли его предложение всерьез, тогда он, Блейк Валкер, единственный, кто сохранил умственное равновесие. А их действия под контролем Карлгсона? Как можно было сделать такое с патрульным Ло Сайди? Если бы Блейка спросили, кто из корпуса сломается последним под давлением, он назвал бы Ло Сайди. Стало быть он, Блейк, плохо разбирался в характерах! — так думал Блейк, не имея представления о том, сколь глубоко поражает стресс при мысленном контроле. Ведь его природный барьер

никто не мог пробить.

— Можно назвать и так, — слегка улыбаясь, согласился Ло Сайди. — С усилителем мы сможем добраться до того, кто лично настроен на кого-нибудь из нас…

— Отец! — прервала его Марва, и в ее лице снова блеснул свет разума.

— Но если сигнал челнока достигнет лишь нескольких уровней… — начал было Блейк и тут же замолчал. Если это игра в пользу девушек, зачем портить ее аргументами? Пусть себе верят, пока могут. — Вы знаете насчет этого больше меня, — добавил он сердечным тоном, как бы принимая безумие за факт. — Я глух и туп в этих делах.

— Не прибедняйтесь, — улыбнулась Мэрфи.

Они обследовали разгромленную комнату связи, после того как в бывшую квартиру Котора унесли тело патрульного и запечатали дверь.

Блейк разъединял, развинчивал и сортировал детали под руководством Ло Сайди, а сам Ло Сайди в это время исправлял поломки другими способами. Время от времени Мэрфи помогала то одному, то другому. Марва большую часть времени лежала на мешках, грудой сваленных в коридоре. Всем им хотелось держаться вместе,

как будто что-то пряталось в пустой оболочке штаб-квартиры Проекта и не нападало только потому, что они оставались группой.

Дважды Блейк ходил за водой к реке. Им приходилось часто отдыхать. Энергия поддерживалась только таблетками. Тупые спазмы голода и дрожь в руках предупреждали людей, что они не смогут долго продолжать свою работу.

День сменялся ночью. Они выползали в коридор, ложились на мешки и отдыхали. Блейк не был уверен, что он спал. Ему казалось, что временами он проваливался в черноту. Однажды он проснулся и обнаружил, что сидит на корточках в комнате связи и пытается вытащить кусочек неоплавленной проволоки из кучи обгорелого шлака.

И вот настал день, когда Ло Сайди повел шатающуюся процессию в помещение бывшей терминальной связи. Блейк, привалясь к стене, смотрел, как Ло Сайди страшно медленно и преувеличенно осторожно устанавливает странный аппарат, над которым так долго трудился.

— Ло Сайди решил довести свою игру до конца, — вяло думал Блейк. — Они останутся здесь и будут все больше слабеть, пока не впадут в бессознательное состояние, а затем наступит конец.

Возможно, их в конце концов найдут. И они так и не узнают, что произошло на дорогах перекрестка времени, каковы истинные причины, вызвавшие все эти события.

— Готово? — спросила Мэрфи. Глаза ее казались огромными на исхудалом, вытянувшемся лице.

Ло Сайди поднялся от последней проверки, которую производил, лежа перед машиной, собранной из кусочков, как лоскутное одеяло.

— По-моему, да.

— Пора?

Он достал последний пакетик таблеток, открыл его и высыпал белые шарики в руку Мэрфи. Мэрфи прошла в конец комнаты и вернулась, поддерживая сестру.

— Думай об отце, — отчетливо сказала она прямо в ухо Марвы. — Думай о нем, рисуй мысленно его образ. Зови.

Марва кивнула.

— Да, я знаю.

Ло Сайди взял у девушек по шарику и протянул Блейку, но тот отказался.

— Вам они нужнее.

Он никак не мог поверить, что они хотят попытаться спастись. Просто он решил ждать своего конца без стимуляторов.

А трое остальных сели перед машиной, держась за руки. Видимо, рады, даже счастливы в своей уверенности, что делают что-то конкретное для спасения, — думал Блейк. Сам он слишком устал, чтобы о чем-то беспокоиться. Он даже не завидовал их способности надеяться.

Вероятно, он дремал. Время не имело никакого значения. Когда Блейк открыл глаза, он увидел, что трое по-прежнему сидят, опустив головы на грудь. И он постепенно начал думать, что их уже нет, что здесь лишь их тела, ненужные, остывшие.

Снова пошел дождь. Теплые струи воды стучали по крыше. Много ли времени понадобится здешним штормам, чтобы разрушить пустой лагерь и похоронить четыре, — нет, пять тел под обломками?

В центре помещения возникло мерцание — видимо, крыша уже стала протекать. Что-то в глубине сознания Блейка заставило его пошевелиться, окликнуть остальных, предупредить… Но ведь теперь это неважно, их уже нет…

Мерцание?

— Нет, не может быть!

Свет резал глаза Блейка, и он закрыл их. А когда открыл, увидел: там, где только что ничего не

было, возникла крепкая блестящая поверхность.

— Это галлюцинация, — повторял он про себя, даже когда увидел открывающийся люк.

Блейк пил из контейнера, держа его обеими руками. Галлюцинация? Мысли все еще цеплялись за это объяснение его теперешнего окружения. Однако для галлюцинации они были слишком реальны. Он никогда еще не поддавался подобном иллюзиям — от вкуса пищи во рту до ощущения, что сидит в стандартном двухместном челноке Патруля.

— Так вот, сэр, все станции на линии закрыты по приказу с Брума, — услышал Блейк голос пилота над своей головой. — Круговой сигнал отсутствует?

— Что же это означает? — Голос Ло Сайди, слабый, глухой, донесся с другой стороны кабины.

— Ту'Кикропс, — в ответе слышалась злость, — поставил вопрос в Совете и получил перевес в два голоса. Эрка Рогана не было, не было и многих других. Говорят, что членов оппозиции даже не поставили в известность.

— Но даже в таком случае, как мог Ту'Кикропс так быстро все перевернуть? — голос Ло Сайди звучал приглушенно.

— О, видимо, он заранее спланировал удар.

Отряды специально подобранных патрульных прошли по' главным станциям и взяли управление на себя. Было, по крайней мере, два случая беспорядков, но у ваших людей не имелось шансов. Мы никогда не держали больших отрядов на линии. Они угрожали высадкой на необитаемый мир любому, кто не сдавался немедленно. Так высадили вашу группу. И я думаю, что так происходило и в других местах. Мы, в сущности, ничего не знаем — одни слухи. Линии сообщений в их руках. Был передан только приказ немедленно улетать и не производить никаких беспорядков.

— Значит, вы держите курс на Брум?

Блейк, набив живот, переключил свое внимание на разговор. Человек в кресле пилота был ему незнаком. У него были резкие черты лица и белый след старого рубца на виске. На комбинезоне — узкая зеленая полоска, знак исследователей уровня. Заметив это, Блейк не удивился неуверенному ответу незнакомца:

— Я могу отвезти вас на Брум, если вы очень хотите этого.

— Но вы едете не туда?

— Каждый челнок, прибывший на Брум, конфискуется. Эта часть информации пришла помимо линии. Люди взяты под стражу, как толь-

ко вернулись. Нет, я не собираюсь на Брум.

— В укрытие?

Тощая рука незнакомца потерла подбородок.

— Я из исследовательской службы, сэр. Одно дело — быть высаженным на параллельный мир, а другое — иметь базу, куда возвращаешься по своему желанию.

— Я полагаю, вы не одиноки в своих действиях?

Пилот повернул голову, посмотрел на Блейка, который твердо выдержал его взгляд, на девушек, лежавших на полу, завернувшись в одеяла, и, видимо, спавших.

— Нет, я не одинок. Есть и другие.

— И среди них, возможно, Эрк Роган?

— Да. Но как раз теперь он не может действовать, даже если бы хотел. Он находился на станции Саракоссис, когда Ограничители попытались захватить ее. Мы уверены, что у них был приказ взять Рогана. Его подвергли действию луча, но он вырвался. Они пользовались высшей силой мысленного контроля, и он очень боялся, как бы его не превратили в марионетку.

— Знаете, мы не хотим на Брум. Вы не возьмете нас в свое убежище?

— А как с ними? — Пилот показал на деву-

шек. — Они нуждаются в медицинской помощи, а у нас она слабая.

— Это дочери Рогана. Ими тоже рады бы воспользоваться. Они не хотят попасть в руки Ограничителей.

— Ладно. Конечно, если сможем добраться. Нас предупреждали, что на челноки поставлен автоматический сигнал возвращения. Но, может быть, это была только угроза.

— Автоматический возврат? Неужели им наплевать, что случится с экипажем? — возмутился Ло Сайди. — Ведь в таком случае у вас должна быть отключена часть кодового управления…

Пилот пожал плечами.

— …И это может выкинуть нас в любой мир. Но я готов рискнуть. Никто из нас не жаждет быть выкинутым таким образом, но есть вещи и похуже.

— А что представляет ваше убежище? Оно кодировано, конечно?

Пилот нахмурился.

— Нет! Я пробыл там пять лет в одиночном исследовании. Мой ранг позволяет мне выбор, и я воспользовался этим. Единственный рапорт, который можно обнаружить от имени Фейвера Тибуруна, если кто-нибудь станет рыться в

документах, эта отказ от моих прав. Я сделал его в обмен на свободу от контроля. У меня есть незарегистрированная база в середине пояса Радиации Два.

Пояс Радиации Два — серия миров (сколько их, никто точно не знает), где последняя атомная катастрофа предала забвению некоторые временные линии, касающиеся человеческой расы. Их исследование требовало нервов и некоторой дозы безрассудства, а это считается недопустимым, для квалифицированного патрульного.

Тибурун улыбнулся.

— Это дикое, некодированное место. Немного радиации, конечно, есть, но мир не полностью сожжен. Пожалуй, он похож на Брум. Там множество странных мутаций, но они не удалились от человека. По крайней мере, те, что видел я. Исследователи там не слишком бросаются в глаза. Я сделал об этом два рапорта, оба непосредственно Эрку Рогану, а не по официальным каналам. По сведениям, я в дальних мирах и веду небольшую торговлю на Исландском уровне.

— Много ли наших добралось туда?

— Не знаю. Доехал Роган с четырьмя людьми и послал ограниченный вызов — один в Нью-Британию и еще два тем, кого надеялся завербовать

до того, как они попадут в сети Ограничителей. Там было человек двенадцать, когда я уехал сразу после приема вашего сообщения. Скажите, как вам это удалось, какими средствами? Ведь ком на Е — 1045 был разрушен?

— Мы попробовали другой способ, — сказал Ло Сайди. — Кое-что новое.

— Возможно ли им воспользоваться, чтобы вытащить некоторых других ребят? — настаивал Тибурун. — Нельзя допустить, чтобы хорошие люди попали в капкан к Ограничителям и получили то, что грозило Рогану.

— Это был эксперимент. Я не знаю, сработает ли он снова.

К удивлению Блейка, Тибурун не стал интересоваться деталями. А чуть позже пришло предупреждение о проломе на уровень. Блейк лег на пол рядом с девушками, когда вибрация затрясла их.

Через люк челнока они увидели действительно странное место, центр которого казался гигантским каменным шаром. Наверху было отверстие, в которое виднелось голубое, вроде бы, обычное небо. Вогнутые стены были гладкими, как бы отполированными человеческими руками за долгое время. Но было здесь и что-то чуждое, не

свойственное человеческой работе.

Блейк, покачиваясь, вышел из люка к небольшой группе людей. Некоторые носили форму патрульных, другие были в различной странной одежде, как будто носивших ее поспешно выхватили из многих разных миров. В стороне, довольно далеко от челнока, стояли четыре или пять транспортах машин.

— Где Роган? — спросил Ло Сайди. — Здесь его дочери.

Ло Сайди и Блейка встретили поднятым оружием, враждебными взглядами. Только когда из люка вышел Тибурун, враждебность ослабла.

— В чем дело? — спросил исследователь.

Один из вооруженных оттолкнул его в сторону, заглянул в кабину и крикнул:

— Все правильно. С ними две женщины.

Тибурун схватил человека за руку и развернул спиной к челноку.

— Кажется, ты уже начал соображать! Ты же знал, почему я уехал, меня просил об этом Роган. А теперь я вернулся с его дочерьми и с двумя нашими людьми. Их бросили вместе с девушками в пустом мире, а нас встречают станнерами! Где Роган? И вообще, что здесь случилось?

Раздались ответы, которые в конце концов

вылились в рассказ. Незадолго до прибытия его челнока появился другой. Пилот выглянул из люка и потребовал Рогана, говоря, что на борту его дочери, тяжело раненные. Тибуруна не было видно, и это вызвало некоторые подозрения. Двое просунулись в кабину, несмотря на попытки пилота преградить им путь. В кабине началась потасовка, и челнок улетел. Ловушка не сработала, но это была явная ловушка.

Грустно было сознавать, что враг теперь точно знает, где их искать. События развернулись так стремительно, что беглецы, видимо, не успели замести следы. Вместо надежной базы, на которую полагались всю жизнь, и личной безопасности они столкнулись с полным хаосом. И сознание того, что за ними охотятся, что их могут выбросить в какой-нибудь чуждый мир, лишало их возможности ясно мыслить.

Не было периода, когда путешествия по перекрестку времени были лишены риска, но люди привыкли к этому риску и принимали его, как должное. Критические ситуации возникали в процессе работы, а не по воле тех, кто отправлял их в опасные путешествия. А теперь им было отказано в возвращении домой, если они желают сохранить свободу. Они не могли рассчитывать

на лояльность своего народа, не говоря уже о властителях. Они не могли надеяться даже на собственные челноки, поскольку те, возможно, поставлены на автоматическое возвращение на Брум.

Блейк и Ло Сайди сидели рядом с отдыхающим на ложе Роганом. Его левая нога была перевязана, лицо носило следы напряжения и боли. Он выглядел куда более старше того Рогана, который выбрал Блейка в бригаду по розыску Марвы. Теперь сестры лежали с соседнем помещении. Мэрфи еще могла говорить с отцом, но Марва находилась в глубокой прострации.

— Ограничители отметили этот уровень, — сказал Роган, как всегда, отрывисто. — Можете не сомневаться, они вернутся. И что даст наше немногое оружие против их мысленного контроля?

— Как это случилось, сэр? — спросил Ло Сайди. — Мы, конечно, знали, что Ограничители пытались вызвать волнения. Но все взорвалось так неожиданно!

Роган скривил рот.

— Мы сделали непростительную ошибку: недооценили Ту'Кикропса! В основном жизненном обеспечении Брум зависел от перекрестка

времени. Мы получали материалы, пищу, все необходимое, а также предметы роскоши с параллельных миров. Сотни лет мы расширяли торговлю и устанавливали станции, забирая энергию с соседних миров. Великая Война оставила от нас горсточку мутантов, выживших в мире, три четверти которого забыло о существовании человека. Только перекресток времени спас нас от полного вымирания.

Следовательно, тот, кто контролирует перекресток, контролирует и Брум так же крепко, как держит всех нас здесь. — Роган поднял руку ладонью вверх и медленно сжал пальцы. — Мы полагали, что приняли все предосторожности для предупреждения диктаторства. Сотня выбиралась весьма осмотрительно, корпус тщательно просеивался. Но люди многое забывают, если хорошие времена длятся долго. Когда нет тревог и забот, а также врагов, мечи ржавеют, щиты покрываются пылью и паутиной в темных местах углов. Могу сказать с уверенностью, что народ Брума, исключая тех немногих, кто тянет всю свою работу, не представляет себе, какую большую поддержку дают нам параллельные миры. Но фанатизм никогда не угасал окончательно. В прошлом фанатики не приносили вреда, потому

что остальные не прислушивались к ним. Они в основном разговаривали с теми, кто боялся контактов с другими уровнями. Возникали слухи о болезнях, о возможности ввоза страшного оружия, словно где-то могло быть что-либо хуже того, что мы когда-то обратили против себя.

До сих пор они никого не волновали. Но когда живут в праздности, подобные слухи и рассказы придают пикантность жизни. Люди повторяют пустые вымыслы и в конце концов начинают им верить. Широко обнародованный несчастный случай подхватывался склонными к аффектации на Бруме, разрастался и использовался практичными поджигателями беспорядков. Уже несколько лет назад казалось, что вся работа перекрестка в опасности.

Работы и рапорты корпуса патрульных были закрыты для широкой публики. Семьи с. Брума могли посещать Лесной уровень или один их трех других, считающихся прогулочными мирами. Что касается всех остальных миров, то их знали только по слухам. А худшему быстрее всего поверят и передадут дальше, чем хорошему.

Сама закрытость корпуса радовала Ограничителей: во-первых, это питало уверенность в опасности перекрестка времени, настолько,

распространившейся, что даже тренированные люди не рисковали на контакты; во-вторых, могло нанести ущерб нашей экономике, и это уже было воспринято всеми, включая и тех, кто вообще не имел собственного мнения насчет перекрестка. И тогда можно создавать новый корпус, естественно, подчиненный Ограничителям. В этом случае уровни могут грабиться открыто пиратскими рейдами. Кое-что из награбленного и проданного на Бруме за гроши привлечет к Ту'Кикропсу еще больше сторонников, особенно из тех, кто чувствует себя стесненным в средствах и жаждет изобилия. Верные нам люди, попав под их мысленный контроль, будут повторять, как попугаи, то, что им велят, А может, уже повторяют. Лица ключевого положения под влиянием Ту'Кикропса или под прямым мысленным контролем тоже начнут кампанию. Яд распространится быстро, поскольку пойдет из привилегированного корпуса.

— Но положение не может быть безнадежным, — сказал Ло Сайди. — То, что строилось столетиями, нельзя уничтожить за ночь.

— Дезорганизация центра приведет к великому хаосу, — ответил Роган. — Возьмем город… ну, скажем, в твоем родном мире, Валкер. Что про-

изойдет, если откажет осветительная система, водоснабжение, отопление, коммуникации? Если все исчезнет в один день или даже за несколько часов. Что будет?

— Убийство, в самом прямом смысле. Город погибнет, — ответил Блейк. Он вспомнил город на уровне, близком к его собственному, где смерть пришла в образе войны, а город не был готов к сопротивлению. — Однако впоследствии… кто-то выживет, найдется человек, который поведет оставшихся и заставит начать все сначала. Но у них не будет того, что было раньше. Пройдут годы, пока они добьются какого-то порядка.

— Мы не можем ждать годы, — рявкнул Ло Сайди.

— Не можем, — согласился Роган. — Но у нас, в сущности, только один враг — паук в центре паутины. Взять сейчас Ту'Кикропса, пока он не слишком глубоко закрепился, и это очень быстро отразится на всей его партии. Он ни с кем не делит власти, такой тип людей никогда этого не делает. Мы должны его взять.

— А он на Бруме и, без сомнения, окружен самой лучшей охраной, какая существовала со времен Великой Войны, — заметил Ло Сайди.

— Именно так. А мы не экипированы для

ведения войны по всему перекрестку времени, — уточнил Роган. — У нас очень мало людей и практически нет припасов. Нам остается выбор: либо согласиться на высылку в пустой мир и тем спасти наши шкуры, или же захватить Ту'Кикропса.

— Но у него наготове мысленный контроль для всякого, кто ступит на Брум. Есть ли у вас какая-нибудь защита против этого, сэр? — спросил Блейк.

— У меня есть личный блок. Я ношу его с тех пор, как получил первые рапорты о беспорядках. Поэтому им не удалось захватить меня.

— Человека можно оглушить или одолеть физической силой, — сказал Ло Сайди, — или даже поразить лучом.

— Я слишком нужное орудие, по крайней мере, сейчас, чтобы меня убивать, — просто сказал Роган. — То, что я скажу под мысленным контролем, слишком ценно, чтобы Ту'Кикропс решился пренебречь этим. Так что они постараются взять меня живым. Вот тогда, содрав с меня блок… — Роган махнул рукой жестом отчаянья.

У Рогана был какой-то замысел. Блейк понимал это. И, кажется, догадывался о его сути. Блейк Валкер, единственный из людей этого временного

убежища, не зависит ни от какого механического блока. Его не одолеют мысленные атаки отрядов Ограничителей. Но Ограничители уже знают об этом от Карлгсона.

— Они видели тебя только таким, каким ты был в Нью-Британии, — сказал Ло Сайди, словно читая мысли, хотя Блейк знал, что тот не мог это сделать. — На Бруме тебя почти никто не знает. Ту'Кикропс, конечно, слышал, что ты был с Мэрфи Роган. Идет ли его информация дальше…

— Идет, если он так хорош, как ты полагаешь, — подчеркнул Блейк.

Пока они говорили, Роган погрузился в размышления и, видимо, не слышал ни слова, потому что вдруг сказал:

— Я — единственная приманка, на которую клюнет Ту'Кикропс. Взять его могу только я.

— И у нас нет ни малейшего шанса добраться до него, не подвергнувшись контролю, — уверенно сказал Ло Сайди.

— У меня есть! — сказал и сам удивился Блейк. Что за нелепая идея?

Оба мужчины смотрели теперь на него с напряженным интересом, словно ждали нужного им ответа.

— Вы говорите, что Ту'Кикропс знает, что я был

с Мэрфи. Значит, он знает и о том, что нас бросили на Проекте. Не потому ли, что из-за уверенности в нашем пребывании там, он решился поставить вам ловушку, сэр? Ту'Кикропс не мог предвидеть, что мы убежим.

— Он захватил двух людей отсюда. Он допросит их, — ответил Роган.

— Да, но их взяли до нашего прибытия. Они знают, что вы послали за дочерью, но не знают, приедем ли мы. Вы ведь и сами не были в этом уверены.

— Это верно. И никто не понял, как я узнал, куда послать за вами. — Роган рывком сел на постели.

— Что у тебя на уме, Валкер? — спросил Ло Сайди.

— Я подумал: когда Ограничители узнали, что я был с Мэрфи в испорченном челноке, они, разумеется, навели обо мне справки.

Оба мужчины кивнули.

— Ту'Кикропс знает, что я не уроженец Брума и, следовательно, представляю собой фактор, в котором он не может быть уверен. Не примет ли он версию, что я всего лишь «искатель счастья», как говорят в моем родном мире, наемник, легко меняющий сторону, если это выгодно? Я мог бы сказать, что втерся в корпус только потому, что

они не сумели стереть мою память. В какой-то степени это правда. Если я сумею подъехать к нему и предложу сделку…

— И ты хочешь рискнуть? — спросил Роган, пристально глядя на него.

— Я думаю, что запасов здесь мало, — сказал Блейк вместо ответа. — Долго ли мы сможем отсиживаться? Теперь у них есть код для этого мира. Мы можем разбежаться, спрятаться, но преимущество всегда будет на их стороне. Единственный наш шанс — действовать первым.

— Если преимущество всегда за нами, зачем Ту'Кикропсу заключать какую бы то ни было сделку с тобой? — спросил Ло Сайди.

— Думаю, что он хочет быстрых результатов. Возможно ли прочесать весь этот уровень, если мы скроемся? И у нас есть челноки. Как предупредить наш прыжок? Тибурун — опытный разведчик, он даже может найти для вас другой не кодированный уровень.

— Разумные доводы. Но Ту'Кикропс не дурак.

— Вы хотите сказать, что я ему неровня? Однако я и не претендую на это. Но если он будет судить о моих мотивах по…

— …по тому, что ему более знакомо? — кивнул Роган. — Да, он может тебе поверить. И не будет

читать в твоих мыслях, чтобы узнать что-нибудь еще.

— Захватить Ту'Кикропса — это только начало, — сказал Ло Сайди. — А что потом?

— Достаточно ли сильно он ненавидит вас, чтобы считать это личной дуэлью, сэр? — спросил Блейк Рога на.

Роган дернул одеяло на ногах.

— Нет… не уверен…

— Во всяком случае, он пошлет за вами отряд и меня в качестве проводника. А вы устроите здесь западню. Это в ваших силах.

Ло Сайди слегка улыбнулся.

— Мы рады самому малому шансу. Будем надеяться, что фортуна не поссорится с нами!

Уничтожив все следы переодевания в нью-британского торговца и в пограничного охотника Империи и снова надев свой служебный костюм, Блейк сел в пилотское кресло челнока. Он так и не знал, что заставило его сделать то дерзкое предложение. Он был из тех, кто не радуется зову борьбы, не ждет его. Ожидание всегда было для него самой трудной стороной дисциплины. Сейчас оружием ему служил не станнер, настроенный лично на него, а вся информация о противнике, какую мог предоставить Роган, спи-

сок тех, кто мог оказать какую-нибудь помощь в том случае, если не попал еще под контроль Ограничителей, и карта штаб-квартиры перекрестка.

Как только его машина вылетит на Брум, основная часть беженцев должна перебраться в другой мир этого уровня и спрятаться там от нового рейда. А Ло Сайди начнет устройство ловушки к возвращению Блейка с силами Ограничителей.

Тибурун установил код Брума на челноке, так что Блейк мог не бояться каких-либо неожиданностей. А там уж придется действовать по обстоятельствам. Блейк не был героем, он просто был единственным человеком, имеющим естественную защиту для выполнения своей роли.

Путешествие шло как обычно. Но когда сигнал сообщил, что он прибыл на Брум, Блейк немного задержался перед панелью управления. Он не сомневался, что Ту'Кикропс заинтересуется им. Необходимо только подогреть этот интерес настолько, чтобы добиться личного свидания с Ту'Кикропсом, а затем сыграть на вражде между лидером Ограничителей и Роганом. Если такой разговор не убедит Ту'Кикропса, надо заставить поверить его в самого Блейка.

Блейк встал. Пора выходить, чтобы не возбудить подозрение. Он открыл люк и вышел в

терминальную станцию. Он увидел перед собой ряды челноков. Ему еще ни разу не приходилось видеть их в таком количестве сразу, даже в больших экспедициях.

Перед строем накрепко припаркованных челноков стояли Три человека. Двое были в полевой форме патрульного корпуса, но Блейк их не знал, а третий — в гражданском, с широкой белой полосой на рукаве. Этот человек послал мысленный зонд Блейку.

— Ничего ты этим не добьешься, парень, — с расчетливой наглостью заметил Блейк, — я тебе не по зубам.

Тот сосредоточился и снова нанес мысленный удар, который болезненно отозвался в Блейке, но не повредил его блок.

Те двое, что стояли по обеим сторонам этого человека, выступили вперед. Лица их ничего не выражали, руки держали станнеры — почти единственное разрешенное оружие на Бруме. Блейк не имел желания даже на секунду подвергнуться их действию, хотя стрелы имели очень непродолжительный эффект.

— Я приехал по своей воле и не сделаю вам ничего плохого, — сказал он. — Спросите Ту'Кикропса, не хочет ли он увидеть Блейка Валкера.

Полагаю, что всякое причиненное мне препятствие будет не одобрено.

Один из патрульных прицелился и выстрелил как раз в то мгновение, когда Блейк заметил неуверенность в лице гражданского. Но было поздно: стрела уколола Блейка в горло над самым воротником. Он качнулся вперед. Против этой атаки патрульный был бессилен.

Блейк пришел в себя от резких пощечин. Он стоял между двумя мужчинами, которые держали его, в то время как третий время от времени бил по лицу — грубый, но эффективный метод приведения в сознание. Это были не те, что встречали его в терминале. Как ему показалось, он находился теперь в кабине одного из Командующих сектором.

— Поверните, — приказал раздраженный голос откуда-то сзади. Державшие Блейка повернули его лицом к письменному столу, за которым сидел командующий Ту Франг, доверенный офицер корпуса. Пару секунд Блейк был в недоумении: неужели он в руках тех, кто поддерживал старый режим? Может, у Ту'Кикропса вовсе не такой размах, как считали беглецы с Брума?

Однако Блейк ощущал не только действие тех, кто приводил его в чувство, но и сигнал

собственного предупреждения. А на последнее он полагался больше, чем на что-либо другое. Опасность! В этой комнате он, можно сказать, чувствовал ее носом.

— Почему… — надо было дать им знать, он пришел в сознание, но голос прозвучал странно даже для него самого, как бы издалека.

Человек в форме патрульного, который занес было руку для удара, изменил намерение и, схватив Блейка за волосы, поднял его голову вверх.

— Он в порядке, — доложил он Ту Франгу.

— Почти. Давай его сюда.

Они подтащили Блейка к столу. Никаких вспышек, сообщающих о движениях на перекрестках, не было на контрольных приборах, установленных на столе. Была только цепь тусклых зеленых огоньков, указывающих на вернувшиеся челноки. Это было очень странно. Такого Блейк никогда еще не видел.

Вопрос Ту Франга оказался совершенно неожиданным.

— Где Кам Валт?

— Валт? — повторил Блейк. Ему, едва вышедшему из тумана, вызванного действием станнера, трудно было осознать значение этого вопроса. Какое отношение имеет Валт к его теперешней

миссии?

— Валт! — Пальцы рук Ту Франга, лежавшие на столе, сжались, как будто он хотел выцарапать ответ из Блейка.

— Ты уехал отсюда с Валтом со специальным не записанным поручением. Где сейчас Валт?

— Не знаю, — ответил Блейк совершенно искренне. Последний раз он видел начальника Патруля в Доме Купцов в Ксоматле. Вполне могло быть, что его там так и бросили в параллельном мире.

— Ты понимаешь, — Ту Франг постарался обуздать свое нетерпение и смягчить тон, — нужен Валт. Мы не можем организовать никакого эффективного сопротивления этим безумцам без таких лидеров, как Валт.

— Но я не знаю, где он… — начал Блейк, однако нетерпение Командующего захлестнуло его. Ту Франг вскочил, перегнулся через стол, схватил Блейка за комбинезон и яростно затряс.

— Мы вырвали тебя из рук людей Ту'Кикропса, мы можем кинуть тебя обратно к ним, Валкер! Ты ценен только тем, что можешь привести нас к Валту, а больше ничем. Мы здесь едва держимся. Большая часть начальства теперь под мозговым контролем и говорит под диктовку Ограничите-

лей. Мы пытаемся войти в контакт с теми, кто все еще на перекрестке. Если бы мы могли их собрать, может, у нас появился бы какой-то шанс. Ну, где Валт?

— Не знаю, — в третий раз проговорил Блейк. — Мы расстались. Я ушел с уровня и не знаю, что потом случилось с Валтом.

Ту Франг выпустил Блейка и снова сел в кресло. Возможно, каждое слово Командующего было правдой. Но тревожный сигнал внутри Блейка предупреждал об осторожности, об очень большой осторожности. И миссия Блейка заключалась не в этом. Теперь он полностью пришел в себя. Если Ту Франг и его люди не сотрудничают с Ограничителями, то как случилось, что Блейк стоит сейчас перед столом Командующего в его служебном кабинете? Идет обычная работа, когда перекресток времени закрыт, и люди Ту'Кикропса ждут на конечной станции, чтобы хватать всех прибывших? Сомнительно!

Командующий кивнул, как бы решив, что последние слова Блейка имеют смысл.

— Разумно, Валкер. Ловко сыграно. Только… — Он выглядел теперь как человек, идущий на полную откровенность. — Время работает против нас. Мы в этом здании несколько часов играли

в прятки, я пробивался сюда, иначе у меня не будет возможности вызывать людей, которых еще здесь нет. — Он почти ласково погладил по столу. — Ограничители уверены, что выкинули их в пустые миры, но они не могут оборвать все линии. Пока не могут. И если мы сумеем вернуть обратно таких людей, как Валт, у нас будет шанс, пусть слабый, но все-таки шанс. И мы нуждаемся в этом шансе, Валкер. Где ты оставил Валта?

— Очень далеко от тамошней станции. — Блейк горячо надеялся, что так оно и сейчас. — И я не знаю, смог ли он добраться до нее раньше, чем ее закрыли.

— Я не связываю имя Кама Валта со словом «невозможно», — слегка улыбнулся Ту Франг. — Ты ездил в Нью-Британию. Это один из тех уровней, куда выкидывают. Там ждали возвращения своего обычного челнока, но он не был выслан отсюда. А мы, может быть, сумеем послать челнок.

— Но если Ограничители держат конечную станцию и подвергают мысленному контролю тех, кто прибывает, то…

— То сможем ли мы удержать ее достаточно долго, чтобы наши люди приземлялись? Мы работаем над этим, Валкер. Кстати, если ты сделал прыжок с уровня, то в какой мир ты прибыл?

— На Проект Котора.

— Но… — Командующий не скрыл изумления. — Ведь Котор оказался сообщником Ту'Кикропса. Как же он…

— Выпустил меня? Я появился там после его отъезда. Похоже, что там происходили беспорядки. Ком был разрушен, так что мне никто не ответил бы даже при необходимости. Вот я и проник туда.

Проглотил ли это Командующий?

— А что ты собирался сообщить такое важное Ту'Кикропсу? — Ту Франг вдруг выпустил когти, как кот, играющий с жертвой. Блейк не выдал своего удивления, и Командующий тихо рассмеялся. — У нас в терминале глаза и уши. Мы слышали, что ты сказал парням, встретившим тебя. А теперь ты скажешь МНЕ то, что так жаждал сказать в другом месте.

Если Ту Франг хитрил и играл в игру Ограничителей, то это была отличная возможность достичь ушей Ту'Кикропса. Но если Командующий и в самом деле был лидером оппозиции, то… Блейк должен пройти по очень опасной жердочке… если удастся!

— Ограничители не могут завладеть мной. Как вы говорили, кое-кто из влиятельных людей

потерялся на перекрестке. Если достаточно большой отряд отсюда будет втянут в охоту…

— На каком-нибудь негостеприимном мире? — нетерпеливо спросил Ту Франг. — Не думаю, что это сработает. Я, конечно, понимаю, почему оставленные там люди делают такую попытку. Но у тебя должна быть очень хорошая наживка, Валкер. У Ту'Кикропса нет причин охотиться за врагами, он просто перекроет возможные прыжки с уровней. Какую же приманку ты можешь предложить?

— Эрк Роган! — Блейк был загнан в угол, у него оставался единственный выход — говорить правду. Конечно, он мог редактировать эту правду.

— Роган? Но ведь он умер? — в голосе Ту Франга слышалась такая искренность, что Блейк поверил бы, если бы не был уверен в обратном.

— А если не умер?

— Да… — Ту Франг снова погладил поверхность стола, пробежав пальцами вдоль зеленой линии. — Да, если Роган жив, то это может заинтересовать Ту'Кикропса и он пошлет отряд. Но Роган умер.

— У вас есть доказательства?

Длинные пальцы замерли, Ту Франг поднял глаза и встретил взгляд Блейка.

— Была пленка с рапортом. Рогана полоснули лучом. Человеку, который потерял голову и сделал это, через два дня стерли память.

— А где тело?

— Тела не было. — Ту Франг вскинул голову. Жадное желание проснулось в его лице. — Роган… Роган спасся?

— Давайте придумаем объяснение отсутствию тела, — уклончиво ответил Блейк. — Может, Роган выпал в люк челнока, может, его увезли на другой уровень…

— Ты знаешь правду! — Ту Франг снова вскочил на ноги. Трое приводивших Блейка в чувство, подошли ближе, желая слышать, что он скажет. Может, они радовались тому, что пропащее дело может сдвинуться с мертвой точки. Если же они изменники, то радовались окончательному предательству корпуса, в котором когда-то состояли. Во всяком случае их внимание было приковано к Блейку.

— И я скажу вам правду: Роган жив. — Блейк сделал решительный ход в этой игре, слепой игре.

— Где он? — Рука Ту Франга нависла над кнопками на столе, как будто он мог нажатием кнопки вызвать Рогана сюда.

— Пока в безопасности… На некодированном уровне.

— Некодированном? Но код есть, он должен быть! У тебя он есть?

— А зачем он вам, если придется обыскивать всю планету? — снова уклончиво сказал Блейк. — Будьте уверены, я могу дать Ту'Кикропсу код и еще кое-что, если увижусь с ним лично.

— Роган! — Ту Франг тяжело дышал, как после бега. — Ты купишь Ту'Кикропса на это имя, это точно. И великий человек, может быть, сам кинется искать. Да, конечно! Это наш лучший шанс. Возьми Ту'Кикропса. С ЭТИМ ты возьмешь его, Валкер! Лисан! — Человек, бывший Блейка по лицу, выступил вперед. — Посмотри, что там наверху.

Патрульный достал из-за пазухи широкую белую ленту, приладил ее на рукаве и вышел в коридор. Ту Франг кивнул другому. Один отодвинул от стены стул, другой подошел к распределительному автомату, покрутил циферблаты и принес подносы с едой. Несмотря на дезорганизацию в штаб-квартире, машины, снабжающие людей жизненно необходимыми припасами, работали отлично. Блейк с аппетитом ел: это была первая настоящая еда после завтрака в

Ксоматле в последний день пребывания, и он не знал, когда ему удастся поесть снова. Он думал, что Командующий опять станет задавать ему вопросы. Однако Ту Франг, видимо, погрузился в изучение кодовых кнопок, пробегая пальцами по рядам и шевеля губами, как бы решая в уме какие-то проблемы. Можно было предположить, что решал он проблемы перекрестка, и решал их необычным путем.

Блейк размеренно жевал и глотал. Если поверить, что Ту Франг — тот, кем он себя представляет, тогда возможно, он найдет рекрутов для пополнения рядов консерваторов Рогана. Но если Командующий только орудие Ту'Кикропса, то чем скорее он раскроется, тем лучше. Но ни в том, ни в другом случае кольцо не смыкалось. Блейк не был уверен, что лидер Ограничителей решится наличный прыжок на уровень. Но что он пошлет отряд на поиски члена Сотни, своего самого главного врага, который, может быть, готовит восстание против него, — это уж наверняка. На это Блейк и рассчитывал. Имея за спиной экспертов мысленного контроля, Ту'Кикропс мог не сомневаться, что ему достаточно послать отряд для захвата Рогана. Ту'Кикропс должен потерпеть поражение здесь, на Бруме. Блейк еще не знал,

как это сделать. Но он поставил на карту все.

Ах, если бы ему повезло добыть станнер, убрать мятежного лидера да еще иметь доступ к челноку… увы, каждое из этих желаний было совершенно фантастичным!

Тот же патрульный, что принес еду, собрал теперь пустую посуду и сунул ее в соответствующее отверстие автомата. Это как бы послужило сигналом. Ту Франг поднял голову.

— Лисан задерживается, — заметил он.

— Пойдем наверх? — спросил один, из доселе молчавших стражников.

— Да, пожалуй, — согласился Командующий, подошел к двери, осторожно открыл ее и быстро оглядел коридор. Кивок был приказом: Блейк встал и пошел за Ту Франгом, зажатый с двух сторон стражниками.

Большая часть кабинетов штаб-квартиры были звуконепроницаемыми, но холлы — нет. Раньше, — когда Блейк проходил по ним, здесь всегда слышался шум приглушенных голосов и работающих машин, теперь же царила пугающая тишина. Почти все двери были плотно закрыты, и Ту Франг шел быстро. Он не повернул к антигравитационному лифту, а стал подниматься по редко используемой, похожей на чердачную,

лестнице, которая возникла за скрывающей вход панелью. Они поднялись на два этажа и подошли к кабинету коменданта. Столпившись на узкой площадке, они ждали, пока Ту Франг пробовал открыть дверь. Она поддалась только слегка, и тогда один из патрульных применил силу. Они заглянули в маленькую комнату с рядом полок, на которых громоздились коробки с пленками записей и фильмов. То, что мешало двери открываться, лежало на полу.

Это был Лисан. Рука с белой полосой на рукаве лежала поперек груди в тщательной попытке уберечься от смерти. Он был убит лазерным лучом, как тот техник на Проекте. Командующий уставился на тело: нельзя было сомневаться в его величайшем изумлении. Он был так ошеломлен, что Блейк убедился в правильности своего недоверия. Смерть человека, посланного шпионить за врагом, не могла бы до такой степени поразить Командующего.

— Лисан! — Один из стражников опустился на колени рядом с трупом. — За что?

— Подслушивающий аппарат! — почти прошептал Ту Франг. — Меня подслушивали!

Теперь у Блейка не было сомнений насчет Ту Франга, хотя тот старался скрыть, что был сторон-

ником Ограничителей. Возможно, он уже давно вел двойную игру. Но Ту'Кикропс, искренний с виду, не доверял никому. Он поставил в кабине своего подчиненного подслушивающее устройство и знал все, что там происходило. И было придумано новое доказательство, что правитель Брума собирается списать Ту Франга.

— Его оставили здесь, — Ту Франг продолжал смотреть на тело, — чтобы мы знали. Он несколько оправился от шока и взглянул на Блейка. Блейк тотчас понял, что притворство кончено, что Командующий надеется исправить свою ошибку с помощью Блейка.

— Отведите его! — приказал Ту Франг.

Стражник, стоящий на коленях возле Лисана, поглядел на Командующего, потом на тело и пожал плечами. Его товарищ уже пятился к лестнице. В руке Ту Франга блеснул лазерный пистолет.

— Идиоты! У них уже есть приказ вывести вас в расход, как только вы направитесь к выходу. Мы пойдем внутрь, где охрана не ждет нас, с этим человеком впереди. Это наш шанс. Может ли Ту'Кикропс считать нас двурушниками, если мы так сделаем? Он хочет видеть этого человека. Он наверняка слышал о Рогане через подслушива-

ющее устройство, а этот тип приведет его прямо к Рога ну.

Человек на коленях взглянул на своего напарника, и тот пожал плечами в знак покорности.

— Нас, конечно, уже засекли, — сказал он. — А если мы доставим этого Валкера — кто знает?

Ладно, доставим, — согласился его напарник.

Ту Франг показал им на выход, все еще держа лучемет на виду.

И Блейк пошел под охраной троих людей. Похоже, что он близок к достижению своей цели.

Лицо Ту'Кикропса было знакомо каждому на Бруме, поскольку в прошлом году оно часто появлялось на телеэкранах. Но Блейк ни разу не видел лидера Ограничителей во плоти. И то, что он предполагал увидеть, не вполне согласовывалось с человеком, напряженно сидящим в конце зала, который когда-то предназначался для конференций Комитета Сотни с Командующим корпуса.

Все стулья, кроме занятого Ту'Кикропсом, были убраны, центр зала свободен. Очевидно, для того, чтобы внушать благоговейный страх тем, кто стоял перед новым сосредоточением закона и власти.

Мысленный зонд, более резкий и интенсивный, чем тот, которым встретили Блейка в терминале.

Но он был готов к нему. Ту Франг и патрульные застыли на месте в неподвижности, как будто мысленный удар заморозил их. Блейк прошел вперед.

— Они правы! Тебя нельзя контролировать. — Ту'Кикропс смотрел на Блейка не как человек на человека, а как исследователь разглядывает новую экзотическую форму жизни другого мира. — Турзер!

Треск голубой молнии, прорезавший воздух смертоносной нитью. Между Блейком и Ту'Кикропсом встала стена смерти. На Бруме не было такого оружия, однако человек, стоящий в тени, явно умел им пользоваться. Блейк остановился.

— Я слышал, что у тебя есть для меня информация, что знаешь код уровня, где скрывается Роган, и хочешь воспользоваться им, как приманкой для меня. Ты считаешь меня таким безмозглым, Блейк Валкер?

В зале были два стража: один у двери, другой позади лидера Ограничителей. Возможно, второй как раз и пользовался мысленным контролем. У Блейка не было оружия, он мог воздействовать на врага только разумом. Но сейчас он чувствовал себя до странности глупым.

— Если вы пользовались подслушивающим

устройством, сэр, — начал он, — то вы слышали только то, что я счел нужным им сказать. Это не полная правда.

— Начнем дискуссию о том, что есть правда? — улыбнулся Ту'Кикропс. — Боюсь, что у вас нет времени на философские тонкости, Валкер.

— Вы хотите иметь Рогана? — напрямик спросил Блейк.

— Это правда. Я хочу иметь Рогана, предпочтительно живым. В крайнем случае — мертвым. Да, Роган мне нужен.

— Живой и прыгающий по уровням?

— Пусть будет живой. Но прыгающий по уровням — это другой вопрос. В настоящее время его тайник нам известен. Но если он снова схватился за челнок… что ж, это можно прекратить. Мы уже предприняли кое-какие шаги.

— И будете искать его по всему свету, пока он собирает собственную армию? — Блейк чувствовал, что берет верх: он играл только на ненависти Ту'Кикропса.

— Неудобство, — лидер Ограничителей все еще улыбался. — Помеха, не больше. Я согласен, что сейчас он представляет для меня некоторую ценность. А что ты можешь предложить? И каковы твои мотивы?

— Поскольку вы знаете мое имя, вам, наверное, известно кое-что о моем прошлом.

— Что ты не с Брума? Знаю.

— Я приехал сюда против своей воли, потому что ваши люди не смогли дать мне фальшивую память. Но это не значит, что я был в восторге от этого.

— И ты затаил злопамятство по отношению к тем, кто был виновен в этом? Возможно… возможно…

Блейк понимал, что Ту'Кикропс играет с ним. Один шаг — и огнемет покончит с ним, как с Ливаном. Однако его внутреннее предупреждение держалось на уровне: в непосредственном будущем ему ничего не грозило. Это означало, что Ту'Кикропс ХОЧЕТ выслушать предложение Блейка.

— Ходят слухи, — неторопливо и обдуманно заговорил Блейк, — что как только вы все здесь уладите, произойдет реорганизация корпуса с другими способами использования параллельных миров. Улыбка Ту'Кикропса стала еще шире и напоминала теперь оскал черепа.

— Ох, уж эти слухи! Никогда мы от них не избавимся. Но не заставляй меня прерывать тебя. Какое сногсшибательное предложение ты соби-

раешься сделать?

— На моем родном уровне много возможностей для человека с поддержкой…

— Беспорядочный мир, — сказал Ту'Кикропс, — приносит выгоду тем, кто пользуется беспорядками, я с этим согласен. Человек с поддержкой может там высоко подняться. Твои аргументы солидны, Валкер, но каково твое участие в деле Эрка Рогана?

— Он в некодированном мире…

— Код которого у меня сейчас есть!

— А есть ли у вас время обыскивать весь мир? А я знаю, где…

— Есть способы узнать это от тебя. — Улыбка исчезла.

— Я заблокирован. Человека можно сломать силой и заставить болтать вздор, но правды он не скажет.

— Итак, мы опять вернулись к трудному вопросу — проблеме истины. Ладно, что ты предлагаешь для облегчения дела с Рога ном?

— Я поведу отряд людей, способных к мысленному контролю. Вы легко можете подобрать его.

— А при чем здесь ты, Валкер? Ты вовсе не нужен.

— Роган блокирован. Ваш контроль не подей-

ствует на него, а если стража применит силу, она не возьмет его живым, — лихорадочно импровизировал Блейк. Был шанс завлечь Ту'Кикропса на такое место, где он обязательно поскользнется!

— А почему Роган поверит тебе?

— Я привез его дочерей, которых ваши люди выбросили в пустой мир. И я добровольно поехал сюда для встречи с теми, кто, как он считает, может ему помочь.

— Турзер! — Человек с огнеметом выступил на середину зала. — Джаргерли! — Тот, что стоял за креслом Ту'Кикропса, тоже вышел вперед. — Подходящая сила, как считаешь? — обратился Ту'Кикропс к Блейку.

Блейк перевел взгляд с одного стражника на другого.

— Да, — сказал он твердо.

Ту'Кикропс кивнул.

— Ты прав. Джаргерли может держать под контролен дюжину мозгов, а то и больше: он еще не определил своих границ. И ты уже был свидетелем умения Турзера обращаться с оружием, привезенным с перекрестков времени. У нас есть в более эффективное оружие, но его производство так ограничено, что приходится рассчитывать на этот примитив. Ты сказал, что можешь доставить

Рогана. Ладно, докажи это.

Блейк покачал головой.

— Односторонней торговли не бывает. Что помешает Турзеру поставить на мне свою отметку, когда Роган будет доставлен?

— Ничто, это верно. Да и вообще твоя жизнь висит на волоске. Ты говорил, что у тебя есть кое-какие возможности на твоем бывшем уровне…

— Волосок слишком тонок, сэр, и я ему не доверяю!

Решающий ход: либо Блейк добьется некоторых уступок, либо полностью проиграет игру.

Но принять первое предложение Ту'Кикропса — это немедленный провал.

— Ну, ладно, дам тебе шанс. — Видимо, он нажал кнопку вызова на подлокотнике кресла, потому что в дальней двери показался стражник.

— Принеси один из тех станнеров, — приказал Ту'Кикропс.

Стражник вышел и тут же вернулся с ящичком, содержащим оружие вроде того, что Валт дал Блейку в Ксоматле.

— Одно из наших новых изобретений, — объяснил Ту'Кикропс. — У него несколько необычные качества. Первое: им может пользоваться только тот, кто первым возьмет его в руку; второе:

оно стреляет более мощными наркотическими лучами, чем обычный станнер. Но есть одно неудобство, которое изобретатель пока не устранил: оно не перезаряжается, и у него только шесть зарядов. Возьми его.

Блейк повиновался и снова почувствовал в руке оружие, принадлежащее только ему одному.

— Теперь повернись, не забывая о том, что Турзер держит тебя на мушке, и выстрели пять раз в ту сторону. Стреляй!

Выбора не было. Блейк нажал кнопку пять раз. Стражник, принесший оружие, стоял рядом. Когда он утвердительно кивнул, Ту'Кикропс сказал:

— Теперь у тебя есть защита против Турзера, а против Джаргерли у тебя природная защита. Ты удовлетворен?

— Это больше, чем то, на что я мог надеяться, сэр.

— Разумное отношение к делу. Итак, приведи мне Рогана, и мы поговорим еще раз. Обязательно поговорим.

План Блейка все еще очень зависел от удачи. Однако он уже стартовал.

Блейк пошел на станцию к челноку, который привез его сюда. Под бдительными взглядами двух стражников он установил код, проверил

его, включил ключи курса. Все трое втиснулись в кабину. Джаргерли сел на второе сиденье, Турзер рядом с Блейком.

Все молчали. Кабина завибрировала, а затем стала успокаиваться. Блейк лихорадочно размышлял, зная, что спутники не могут читать его мысли. Собрал ли Ло Сайди встречный отряд? И смогут ли они там справиться с мысленным контролем Джаргерли?

Когда вспыхнул свет прибытия, Блейк сказал им:

— Готовьтесь.

Джаргерли презрительно усмехнулся.

— Снаружи только трое, они уже под моим контролем и ждут моих приказаний.

Турзер следил за Блейком с огнеметом в руках наготове.

— Ты первый, — грубо приказал он, но Блейк покачал головой.

— Нет, первым пойдет Джаргерли, если захочет, а затем ты. Неужели ты думаешь, что я могу что-то предпринять с моим единственным выстрелом и тремя людьми под контролем снаружи?

Турзер, похоже, не собирался принять эти аргументы, но его напарник кивнул:

— Они тут же схватят его по моему слову. Ника-

ких шансов для нападения на нас здесь нет.

Теперь все зависело от ловкости и быстроты Блейка. Если он истратит зря свой единственный выстрел — все пропало. Позже, может быть, появится лучшая возможность, но полагаться на это он не мог.

Люк открылся. Джаргерли выскочил на камни внутри полой сферы. Блейк молниеносно упал на пол кабины. Турзер повернул голову и получил полный луч станнера в горло. Он глухо вскрикнул, голубое пламя пробило стенку кабины и угасло, когда пальцы Турзера соскользнули с кнопки. Блейк выхватил у него оружие.

Через люк уже протискивался Тибурун. Лицо его было совершенно пустым: он явно находился под контролем и направлялся к Блейку. Но вряд ли он мог по команде остановить Блейка, пока тот в сознании. Блейк уклонился и лягнул Тибуруна. Тот споткнулся и ударился о кресло. Человек под контролем стал неповоротливым в тесном пространстве кабины. Блейк нанес ему ребром ладони боевой удар, которому был хорошо обучен. Тибурун захрипел и упал. Блейк повернул огнемет и рукояткой ударил разведчика по голове. Один из подконтрольных Джаргерли выбыл.

Но что, если у одного из двух оставшихся есть

станнер? Козыри все еще были у Джаргерли: Ограничитель мог силой своего внушения подхватить и бросить в бой любого беженца, если они не спрятались, как было запланировано. Хотя Ло Сайди, конечно, должен был позаботиться об этом.

Блейк повернулся к Турзеру. Обмякшее тело могло послужить щитом. Он перебросил его через плечо и направился к двери.

Насколько он помнил, единственным укрытием здесь были припаркованные челноки, если только Джаргерли не добрался до выхода из сферы и не нашел себе подневольного проводника, чтобы не заблудиться в лабиринте переходов.

Блейк выглянул из-за плеча Турзера. Он услышал тихий свист стрелы и увидел, как она вонзилась в безвольно повисшую тушу стража. Да, значит, перед ним, по крайней мере, один станнер. Он заметил также, что Джаргерли возвращается к одному из челноков. Конечно, ему необходимо остаться здесь и направить в бой своих марионеток: уйдя со сцены, он не сможет этого сделать.

Блейк положил дуло огнемета на плечо Турзера и выстрелил.

Голубая молния пролетела в дюйме от головы

Джаргерли и ударила в машину, где тот думал укрыться. Ограничитель споткнулся, и Блейк выстрелил вторично. Запахло озоном и перегретым металлом. Этой машиной Джаргерли не мог пользоваться, как укрытием.

Кто-то выскочил справа, направляясь к люку кабины Блейка. Блейк сбросил тело Турзера, и оно вместе с нападающим покатилось по камням.

— Стоять! — крикнул Блейк Джаргерли, подкрепив приказ выстрелом. Огонь пролетел так близко к Ограничителю, что тот закричал, видимо, получив легкий ожог. — Следующий выстрел смертельный!

Джаргерли застыл, полусогнувшись. Его усмешка пропала: теперь он оскалился, как дикий зверь. Но с ним далеко еще не было покончено.

Сработало внутреннее предупреждение, и Блейк упал — это была его единственная защита. Стрела станнера со стуком ударилась где-то внутри кабины. Джаргерли все еще играл своими подконтрольными пешками.

Блейк пустил голубое пламя понизу. Джаргерли качнулся назад. А Блейк играл с ним, стреляя то справа, то слева, и загоняя его в обломки челнока. И произошло то, на что делал ставку Блейк: личная опасность сломала власть Джаргерли над

пешками.

Слева от Блейка раздался испуганный крик, и Джаргерли повернул голову в том направлении. На секунду он вновь обрел свой контроль, но тут же был вынужден отскочить от пламени, потерял равновесие и упал.

— Иглу ему! — крикнул Блейк. Он перевалился через край люка, вскочил на ноги и побежал, петляя. Он опасался, что остаточный контроль Джаргерли все еще действует в обладателе станнера. Но выстрела не последовало, и он добежал до упавшего Джаргерли. Тот не шевелился. Может, он был уже без сознания, но Блейк для гарантии угостил его рукояткой огнемета.

— Я не знаю, что вы можете делать и сделаете ли это. — Блейк смотрел на них — на Эрка Рогана, Мэрфи, Марву, еще бледную и вздрагивающую, но уже с ясными глазами, на Ло Сайди и четверых других беглецов, включая и Тибуруна, Покачивающего болевшей головой. — Но если сможете, то это наш ключ к Бруму и Ту'Кикропсу.

Роган ответил не сразу. Он перевел взгляд на своих дочерей, а с них на Ло Сайди и на других, как бы ожидая их реплик. Ло Сайди заговорил первым:

— Мы сделали то, что считалось невозможным,

послав призыв через уровни. Это была объединенная энергия. Почему такое усилие не может стать оружием? Ту'Кикропс работает с помощью экспертов по мысленному контролю. Это верно, и большинство из нас чувствительно к подобной атаке. Но ведь это палка о двух концах: они тоже могут попасть под влияние.

— Вы смогли послать призыв, потому что Марва, Мэрфи ей близки, — Роган словно размышлял вслух. — У нас была определенная точка прицела.

— У нас множество точек на Бруме, как только мы там окажемся, и волны зондов вернутся к их источникам. А здесь у нас ость образец для практики.

Блейк не смог следить за их переплетающимися мыслями, когда они переговаривались без слов. И он не являлся членом отряда, который они в конце собрали после многих проб. Их оружие было весьма необычным. Ло Сайди был центром этой Странной атаки, Мэрфи и Марва шли непосредственно за ним, с одного крыла — Роган, с другого — патрульный в фантастической одежде купца из мира, о котором Блейк и не слыхивал. Только эти пятеро могли сплести сеть для самого удивительного преступления, которое когда-ли-

бо видел перекресток времени, и обеспечить защиту.

Две контрольные панели с челноков, в том числе и с разрушенного, были полностью разбросаны, чтобы превратиться в нечто новое из проводов и дисков. Блейк держался в стороне от этого «оружия», но по-прежнему готов был защитить остальных огнеметом и своим иммунитетом к мысленному контролю. Они надеялись, что, прибыв на Брум, сумеют укротить экспертов Ту'Кикропса, привыкших командовать пленниками. Отряд испробовал свое изобретение на Джаргерли и убедился, что оно сработало. Теперь они могли пуститься в путь.

Тибурун и другой разведчик взяли второй челнок с приказом облететь вокруг и подобрать, насколько возможно, выброшенных в пустые миры — Роган дал список тех, кто имел особые таланты, необходимые ему, — и переправить их в терминал Брума.

В кабине челнока было очень тесно, но этот челнок ожидали на Бруме, так что они не решались взять другой. Когда они вошли в последний виток, все, кроме Блейка, закрыли глаза.

Он чувствовал, как вокруг него растет напряжение. Болела голова, казалось, что он кружится

в водовороте бурной реки. Однако он не сломался даже под таким давлением.

— Приехали, — громко сказал Блейк, врываясь в транс своих спутников.

— Давайте! — услышал он, не зная точно, ушами или мозгом, но это прозвучало в нем, как выстрел. Держа огнемет полускрытым, он не спеша открыл люк и выскочил.

Здесь собралось довольно много встречающих, но не самые главные. Свистнули стрелы станнеров, но Блейк предусмотрительно упал. Он боялся нападения только в эти первые секунды.

Ожидавшие здесь люди — явное доказательство вероломства Ту'Кикропса — отступили от челнока, когда от него пошла огненная волна. Выпустив оружие, они хватались за голову и падали от страха на землю. Блейк метнулся вперед, схватил брошенный станнер и стал стрелять, посылая стрелы даже в тех, кто лежал.

— Готово, — крикнул он в кабину.

Все вышли и зашагали, как в трансе, не обращая внимания на лежавших теперь без сознания стражников. Все пятеро были так погружены в сосредоточенность, которая защищала их от контроля извне, что физическая защита отряда осталась только за ним.

Из дверного прохода выскочили трое. Один вскрикнул, увидев тела на земле. Блейк выстрелил. Двое, спотыкаясь, направились в помещение станции и упали, а третий метнулся обратно в проход. Он мог поднять тревогу. Но копье пяти разумов, объединенных в одну цель, выступило вперед. Блейк не знал, что делать: догонять ли бежавшего или защищать тыл. Он дважды выстрелил в бегущего по коридору стражника и сбил его. Теперь у них был свободный проход к гравитационному лифту. Ло Сайди набрал сигнал назначения, и они понеслись с действующей на нервы скоростью мимо этажей и коридоров к вершине штаб-квартиры.

— Он здесь, ждет, — сказал Роган. — Думает бежать…

— Нельзя! Не позволяй ему! — закричала Мэрфи. Глаза ее снова закрылись. Одной рукой она держала сестру, а другой схватилась за рукав Блейка и с силой притянула его к себе. Некоторое время они стояли так. Блейк поверил, что их общая воля заставит Ту'Кикропса ждать их.

Лифт остановился. Дверь распахнулась. Ло Сайди шагнул было вперед, но Блейк загородил ему путь.

— Нет!

И как раз вовремя: созданная другим огнеметом лавина злобных молний едва не охватила их, но ушла вверх. Орудия, брызгающие огнем, двигались по воздуху, направляясь к людям, но вдруг снова взмыли вверх и повернули обратно, продолжая стрелять. Движимые какой-то бессмысленной собственной энергией, они теперь искали тех, кому принадлежали раньше. Вдали раздались такие вопли ужаса, каких Блейк еще никогда не слышал. Однако его личное предупреждение утихло: путь для них был свободен.

Однажды он видел битву галлюцинаций между Ло Сайди и преступником, которого они выслеживали по многим мирам. Но здесь все было намного страшнее. Коридор перед ним колыхался. Они как бы переходили с одного параллельного мира на другой в ощутимой фантастической и жуткой последовательности.

Блейк отступал, качался, но Мэрфи держала его за локоть, и он чувствовал, что его кошмары не были таковыми для нее. Однако он не решался закрыть глаза, боясь, что появится реальный враг, поджидающий их с оружием в руках.

Он не мог вспомнить, где вход в зал Совета. Он даже не был уверен, что был здесь, потому что стены меняли размеры и формы, а коридор

время от времени заполнялся фигурами, которые он видел очень смутно, но отнюдь не жаждал разглядеть поближе.

Впоследствии Блейк так и не мог рассказать вразумительно об этой борьбе. Он был на краю обморока от искажений известной ему природы, формы и материи. Сомнительно, чтобы кто-нибудь из смертных мог смотреть на это открытыми глазами.

Когда Блейк снова обрел способность ясно видеть, под ним был твердый пол, стены больше не вились, как разгоняемый ветром дым. Блейк выронил огнемет — разве металлическое, сделанное людскими руками оружие может пригодиться в борьбе с галлюцинациями?

В кресле Ту'Кикропса бессильно лежало какое-то существо: оно хватало себя руками и тонко, жалобно завывало. Этот вой подхватывали другие существа, бесцельно ползающие вокруг на четвереньках или лежащие и слабо размахивающие руками.

Пятеро стояли в середине зала, где вождь Ограничителей был лишен всего своего влияния и взятого взаймы величия. Теперь они вздрагивали, цепляясь друг за друга, и выглядели так, словно проснулись от страшного сна.

— Сделано, — сказал Роган тихим, не похожим на его обычный, голосом.

Блейк не сводил глаз с врага. Он не очень хорошо понимал, что случилось с Ту'Кикропсом и его последними защитниками. Да, — сделано, если это последний враг. Сделано! Но что они сделали здесь, как сражались? Он не был частью копья, но его идея помогла выковать это копье и побуждала его к действию. Что же они сделали?

— Что предпримем теперь? — спросил он в замешательстве не то вслух, не то мысленно. Разумы… Мысли… Страшные существа… Оружие…

— Что? — Ло Сайди повернул голову. В его глазах снова появились понимание и разум. Он как будто вылез из зыбучего песка, радовался своему спасению, но еще не вполне поверил в него. Пойдем подбирать остатки.

Роган обнял дочерей за плечи и притянул их к себе.

— Подбирать остатки? — повторил он. — Да, их здесь еще много.

Память Блейка на мгновение вернулась назад, к злобным намерениям, захватившим этот холл так недавно, но это воспоминание тут же исчезло. Да, здесь есть обломки-остатки, и некоторые из них еще могут существовать в тревожных,

беспокойных формах. Он оглянулся, ища огнемет. Предстоял долгий день или ночь… но в любом случае время освобождения Брума настало.

Операция «Поиск во времени»

— Атлантида? Сказка! — Человек у окна обернулся. — Не можете же вы всерьез..., — уверенно начал он, но эта уверенность ослабела, потому что лицо собеседника не изменило своего упрямого выражения.

— Вы видели снимки первых трех заходов? Разве они похожи на подделку? Вы же сами следили, чтобы не было обмана. А говорите — сказка.

Седой мужчина откинулся в кресле.

— Хотел бы я знать, что лежит в истоке наших традиционных легенд. Скандинавские саги, некогда считавшиеся вымыслом, были, и это давно уже доказано, летописями исторических путешествий. Многое из нашего фольклора искажено кланами, национальными трениями. Скажем, драконы... На нашей планете были времена, когда по Земле действительно ходили бронированные чудища...

— Но это лежит за пределами человеческой памяти. — Харгрейв отошел от окна, положил руки на бедра и выставил вперед подбородок, как бы готовясь к битве, пусть даже словесной.

— Вы никогда не задумывались, почему некоторые легенды живут веками, рассказываются снова и снова? Скажем, о драконе, пожирающем людей…

Харгрейв улыбнулся.

— Я часто слышал, что настоящий дракон предпочитал более нежную диету, например, хорошеньких девушек, если только какой-нибудь доблестный рыцарь копьем и мечом не заставлял его сменить блюдо.

Фордхейм засмеялся.

— Но драконы, несмотря на свои кулинарные привязанности, твердо удерживались в фольклоре всего мира, подтверждая то, что их подобия некогда странствовали по Земле.

— Однако это, повторяю, было гораздо раньше, чем появился самый давний наш предок.

— Насколько нам известно, — поправил Фордхейм, — определенные сказочные сюжеты весьма устойчивы. Когда мы основали этот Проект, нам нужна была точка отсчета. Атлантида — одна из самых достоверных легенд. Она настолько сплетена с корнями исторического наследства, что, я думаю, ее существование принимали за факт…

— А все началось с упоминания Платона, который хотел обосновать некоторые свои ар-

гументы…

— Допустим, что Атлантида когда-то существовала, но не в этом мире…

— Где же? На Марсе? А потом она погибла, и остались кратеры в пустыне?

— Как ни странно, согласно легенде, атланты случайно уничтожили себя. И произошло это здесь, на нашей планете. Вы слышали о теории альтернативной истории, что всякое важное историческое решение ведет к образованию двух альтернативных миров?

— Фантастика! — прервал Харгрейв.

— Ой ли? Ну, хорошо, допустим, что это все-таки факт, и что на одной из альтернативных временных линий существует Атлантида, а на другой — драконы частично совпадают по времени с человеческой расой.

— Даже если бы это было так, откуда нам знать об этом?

— Справедливо. Мы можем быть отдалены от этих линий. Однако, предположим, что, когда мы были ближе к ним, произошла утечка — может, появились даже индивидуальные проходы, соединяющие разные времена. У нас есть вполне достоверные рассказы о странных я необъяснимых исчезновениях из нашего мира. Мы были

свидетелями появления на земле нескольких необычных людей ори весьма странных обстоятельствах. А легенда об Атлантиде настолько правдоподобна, что захватывала воображение целых поколений, и мы взяли ее, как точку отсчета новой цивилизации.

— Как именно?

— Мы вложили в Ибби все обрывки материалов об этом предмете, известные современному миру, — от сообщений геологов, измеряющих океанские глубины в поисках возможных гряд затонувшего континента, до «откровений» служителей культа. И Ибби выдал нам уравнение.

— Вы хотите сказать, что направили поисковый луч в том направлении.

— Вот именно. И мы видели результаты, они зафиксированы на пленках и исходили из расчетов Ибби. Вы согласитесь, что увиденное нами не имеет никакого сходства с нашим временем и пространством.

— Трудно не согласиться. А где они снимались?

— Прямо здесь, на ландшафте, который вы видели. Сегодня мы поставили аппарат на десяти минутный пробег, самый продолжительный, на какой можем рискнуть. Исходным пунктом

взят курган.

— С ним у нас определенные затруднения?

Фордхейм нахмурился.

— Появилась газетная статьи, что мы хотим срыть курган, чтобы построить дополнительную лабораторию. Этот Уилсон, который поднял шумиху вокруг кургана, всегда был противником правительственных мероприятий. Он создал этот крестовый поход «Спасите наш исторический холм» главным образом для того, чтобы напечататься в городских газетах и досадить Проекту.

В прошлом году он распространял слухи, что мы заняты каким-то жутким экспериментом, который сотрет с карты весь округ. Затем он принялся предупреждать общественность, что наша работа таит в себе опасность для жителей города, хотя сам прекрасно знал, что опасности никакой нет. Конечно, газетный материал под заголовком «Спасите наш исторический холм» не так привлекает внимание читателей, как вопль: «Караул, яйцеголовые собираются взорвать нас!». Сейчас эта кампания идет на убыль. Тем не менее, курган по-прежнему находится в центре внимания, потому что он древнее, чем другие рукотворные холмы в нашей округе.

— А что, если, раскапывая холм, вы наткнетесь

на братскую могилу его строителей вместо атлантов, которых будете искать?

— Ну что ж, это тоже привлечет внимание к Проекту, хотя главный наш козырь — пленки, которые уже есть.

— Да, — согласился Харгрейв. — А если эта работа… если мы сможем пробиться сами?

— Тогда мы наткнемся на такие богатства, какие и не снились этой эпохе. Мы наткнемся на золотую жилу минувших времен и опустошим ее точно так же, как сейчас мы стараемся ограбить любое другое место. Ну, пойдем смотреть Атлантиду?

Харгрейв засмеялся.

— Вот увидим — тогда и поверим. Один раз взглянуть лучше, чем десять раз услышать. Дайте мне хорошую пленку, чтобы показать в Вашингтоне, и я сумею увеличить ассигнования на это дело. Так и быть, показывайте свою Атлантиду.

Погода была удивительно мягкой для начала декабря. Рей Осборн расстегнул ворот кожаной куртки. Его сапоги бывшего парашютиста-десантника мяли чахлые пучки последней в этом году травы. На него падала тень индейского кургана. Было раннее воскресное утро. Уилсон был прав, когда советовал прийти сюда в это время. В заборе

был пролом, как и предупреждал Уилсон. Видно было только одно здание — башню секретной постройки. И на этой стороне кургана его, Рея, не заметят, даже если кто-нибудь и стоит в это время на посту.

Что они собираются строить, когда сроют курган бульдозерами? Что будут делать люди, когда вообще здесь не будет свободного места? Рей повернулся к кургану, готовя камеру для снимков, за которыми его послали. Он нажал кнопку аппарата. Мир неожиданно сошел с ума. Произошло нечто необъяснимое, словно Рей нажал не на безобидную кнопку, а на пульт, высвободивший огромную энергию. Он качнулся назад, осознав только нестерпимую боль в голове, его ослепила фиолетовая вспышка. Затем наступила тишина… Рей протер слезящиеся глаза, туман рассеялся. Он стоял, качаясь, как пьяный, и недоверчиво осматривался кругом.

Рваная полоса расчистки, землеройная машина, даже сам курган исчезли! Он был в тени, но не земляного кургана, а гигантского дерева, и дальше стояли другие такие же огромные незнакомые деревья! Дрожащей рукой Рей ощупал грубую кору — она была реальной! Затем он побежал по мшистому коридору между деревьев чудовищно-

го размера. «Назад!» — потребовала другая часть его затуманенного мозга. Хотя куда это — «назад», было непонятно. Через несколько минут он вырвался из сумрака этого невероятного леса на поросшую травой равнину. Он споткнулся о торчащие из земли корни, упал и лежал, мучительно втягивая воздух в легкие. Скоро он заметил, что на небе палит жаркое солнце, слишком уж жаркое для зимы. Он поднялся на колени и осмотрелся. Впереди была равнина, позади — лес. Ничего этого он раньше не видел. Где… где он? Поежившись, хотя вокруг была жара, он заставил себя успокоиться и сел на траву. Он — Рей Осборн. Он собирался воскресным утром оказать любезность Лесу Уилсону — сделать несколько хороших снимков кургана для статьи, которую писал Лес. Снимки… В руках у него ничего не было. Где камера? Видимо, он уронил ее, когда это случилось. Что случилось?

Рей закрыл глаза. Надо избавиться от страха и оценить обстановку, призвав на помощь логику. Но как можно было думать логично о том, что случилось?! Минуту назад он был в разумном, обычном мире, а теперь здесь. Но где же это — ЗДЕСЬ?? Он медленно поднялся и сунул руки в карманы. Идти назад. Он повернул голову к

безмолвной темноте леса и понял, что не может идти туда снова; во всяком случае сейчас. Сердце его забилось, как только он подумал об этом. Почему-то открытая местность казалась ему злом меньшим. Так что он пошел вперед и скоро обнаружил, что равнина кончилась. Перед ним была впадина. Внизу простиралась узкая лощина, по которой бежал ручей, а вдоль него рос высокий кустарник.

Рей нашел тропу и начал спускаться вниз. Неожиданно неподалеку раздался треск. Из зеленых зарослей, тянувшихся почти перпендикулярно склону, выбежало неизвестное животное. Острые копыта яростно били о скалу, сбрасывая вниз землю и камни. Затем, видимо, сообразив, что здесь не подняться, животное вскинуло голову с оленьими рогами и повернулось к своим преследователям.

Рей вцепился в траву на краю тропы, чтобы не соскользнуть. Преследуемое животное находилось прямо под ним. Рей не мог поверить в реальность всего этого. Лоси — если этот огромный зверь был лосем — не встречались в диком состоянии в южном Огайо. У этого зверя рога были не меньше шести футов, а сам он был значительно выше Рея. Гигантский лось в ги-

гантском лесу. Это был мир иных пропорций. Из кустарника выпрыгнули косматые волкоподобные животные. Первое из них, избегая встречи с рогами, вцепилось в переднюю ногу лося, явно не ожидавшего такого коварства. Остальные стремительно нападали и тут же отскакивали, прежде чем лось успевал ударить их копытом или поднять на рога. Затаив дыхание, Рей следил за боем. Вдруг он услышал крик, напоминающий человеческий голос. И один из волкодавов ответил лаем. Тут же появились двуногие охотники. Они были безоружны, если не считать за оружие металлическую палку в руках одного из них. Он нацелил ее в горло лося, и из ее верхушки брызнул красный луч. Лось с мычанием поднялся на дыбы и упал, подмяв одну из собак. Собаки бросились рвать все еще вздрагивающее тело, но охотники отогнали их. Вытащив из ножен на поясе кинжал, один из мужчин приступил к разделке туши. Другой прикрепил поводки к обитым металлом ошейникам собак. Третий завернул в тряпку огненосный жезл и спрятал его за пазуху.

Все трое были среднего роста, но широкие плечи и развитые мышцы рук придавали им вид карликов. Грубые черные волосы длиною до плеч были смазаны жиром и удерживались кожаным

ремнем. Кожа была медного цвета. Широкий толстогубый рот с крепкими желтоватыми зубами, темные глаза, крючковатый нос — таков был их облик. На них были сероватые туники из кожи, выдубленной до гибкости ткани, одежда достигала середины бедер. Сверху носили они кожаные жилеты, обшитые металлом, сапоги на толстой подошве закрывали ноги до колен, но руки были голые, на запястьях блестели браслеты с тусклыми камнями, на широких поясах висели кинжалы в ножнах.

Рей неожиданно успокоился, не пытаясь более совместить увиденное с реальностью. Сон. Конечно, это сон. Сейчас он проснется…

Одна из собак принюхалась. Ее красные глаза уставились на него. Она с рычанием натянула поводок. Кожаный плетеный ремень удерживал ее. Но она с силой рванулась, и ремень лопнул. К счастью, пес не мог карабкаться по стене. Рей замер. Один из охотников указал на него. Главарь выхватил жезл и прицелился. Рей повернулся было, чтобы убежать, на понял, что это бесполезно. Он замер, покорившись судьбе. Неспособный пошевелить пальцем, он стоял и ждал, что будет дальше. При помощи своего странного оружия они выжгли ступеньки в скале и стали по ним

подниматься. Рей понимал: он не умрет сразу, как лось. Они подошли к нему вплотную. Лица их были неподвижны, никакие чувства на них не отражались. «Маски, — подумал Рей, — довольно злые маски». Ледяной страх коснулся его сознания, он понял, что перед ним нечто чужое, далеко выходящее за пределы его старого нормального мира. Теперь они окружили пленника и рассматривали его. Главарь прервал молчание. Он заговорил на гортанном шипящем языке. Это, видимо, был вопрос, но Рей ничего не понял и не мог ответить. Грубая челюсть мужчины угрожающе выпятилась.

Он снова спросил, на этот раз на мурлыкающем, почти поющем наречии. Другой язык, — догадался Рей. Его молчание, видимо, слегка обескуражило охотников. Наконец, главарь выкрикнул резкий приказ. Один из его подчиненных снял с пояса кожаный ремешок, шагнул к Рею, сложил вместе его запястья и крепко связал их. Рей вынужден был подчиниться.

Когда Рей был связан, главарь поднял жезл. Но из него не вылетел огонь. Рей почувствовал облегчение. Он словно был заморожен, а теперь его расколдовали. Сделав свое дело, носитель жезла ушел, не оглянувшись. Охотник, — связавший

Рея, хлестнул пленника по плечам, приказывая идти следом. Первоначальный испуг перешел в ярость. Рей не знал, где он находится и как сюда попал, но чувствовал, что должен узнать это. Ярость придавала ему силы.

Они прошли по краю лощины примерно полмили, прежде чем дошли до ступеней в скале. Связанный Рей не мог спускаться по этой лестнице, но даже теперь ему не хотелось ползти. Стражник ударил его по ребрам, заставляя идти дальше. На одной из ступенек Рей потерял шаткое равновесие, упал, проехался вниз в облаке пыли и гравия и остановился, ударившись о ствол молодого деревца. Лицо его было ободрано.

«Конечно, — угрюмо подумал он, — если бы это был сон, то этот удар должен был бы разбудить меня». Он чувствовал тупую боль в голове. Беспомощный лежал он на камнях, понимая, что не может встать. От охотников нельзя было ожидать ничего хорошего. Они не торопились при спуске. Наконец один из них подошел к нему и дал хорошего пинка. Когда Рей не встал и после этого ободрения, двое поставили его на ноги. Резким толчком, от которого он чуть было не упал снова, его послали вперед.

Из порезанных камнями губ и подбородка со-

чилась кровь, привлекая внимание насекомых, которых он не мог отогнать. Можно было только дергать головой и отдуваться. Достигнув того места, где лежал лось, охотники привязали Рея к дереву, а сами продолжили свою работу. Разрубив мясо, они накормили собак, а остальное завернули в зеленую кожу. Затем один, взяв внутренности убитого животного, потащил их по земле, оставляя кровавый след. Отойдя на небольшое расстояние, он подошел к черному отверстию в скале. Бросив внутренности, охотник взял прутик, сунул его в дыру и повертел там, а затем отскочил назад. Из отверстия хлынула волна гигантских муравьев.

— Другие охотники тем временем отвязали Рея и рычащих собак, и взяв мясо, пошли вниз по ручью. Рей оглянулся на остатки лося, они были накрыты черным одеялом. Они шли с час, прежде чем лощина расширилась в настоящую долину. Кустарник, рвавший его незащищенную кожу и оставлявший красные царапины на голых руках охотников, сменился чащей деревьев и полянками с высокой, по пояс, травой. Идти Рею становилось все тяжелее. Исцарапанное, искусанное лицо распухло, глаза сузились до щелочек. Постоянная боль в голове распростра-

нилась на плечи и на спину. Связанные руки онемели. Однако он в какой-то мере был рад этим мучениям. Они отвлекали его мысли. Где он? Что произошло? Теперь он уже не верил, что это сон, хотя отчаянно цеплялся за эту надежду.

Долина перешла в побережье, ручей разлился, прежде чем влиться в море. Море?

Острый соленый воздух совсем озадачил бедного Рея. Море? Среди континента? Он смотрел на полумесяц песка, очертившего залив, с каким-то тупым ужасом. Здесь никак не могло быть моря. Значит, это не его мир! Он был вконец обескуражен. Оклик с берега заставил охотников ускорить шаг. Они вели Рея, подталкивая его с двух сторон. У самой воды поднимался тонкий, как утренний туман, дымок от костра, и несколько темных фигур поднялись приветствовать охотников.

— А вы все рассказываете — сказка? — спросил Фордхейм, не отводя глаз с видеоэкрана.

Не получив ответа, он оглянулся. Сдвинутые брови Харгрейва придавали его лицу воинственный, злой вид. Фордхейм и раньше видел у своего оппонента такое выражение лица. Но на этот раз он был рад, что очевидное вызвало сомнение даже у этого скептика.

— Ну и что, — пытался возражать Харгрейв. — Я

и раньше видел деревья, похожие на те, что на ваших пленках.

— Деревья? — поторопил Фордхейм. — Вы когда-нибудь видели такие?

— Ну не совсем такие, — неохотно признал Харгрейв.

Фордхейм продолжал наступать.

— Таких деревьев, вероятно, нет в этой части мира уже несколько столетий. Первые поселенцы упоминали о трудностях с расчисткой этой местности. Они тратили годы, уничтожая девственный лес, выкорчевывая пни и корни.

— Я не отрицаю: кое-что у вас уже есть. Этот луч выхватил ландшафт, какого явно нет сейчас и не было, вероятно, очень давно. Но почему именно Атлантида… Мне нужно больше доказательств, прежде чем я смогу убедиться.

— Вы возьмете с собой пленки. Я говорил об Атлантиде только как о возможности — я же не обещал вам ее. Вы видели просто доколумбовый или дореволюционный Огайо. У нас нет еще способа доказать или опровергнуть уравнение Ибби. Но вы должны признать, что начало многое обещает.

— Я хочу увидеть фильмы целиком, а не несколько кадров, фильмы о том, что мы только

что увидели, — сказал Харгрейв. — Куда дальше был направлен ваш луч. Мне нужно проследить перемены, где именно они наступили.

— Сейчас установим, подождите немного.

Харгрейв стал еще более хмурым.

— Ради этого — сколько угодно. Я хочу видеть, что возьму с собой. Придется отвечать на кучу вопросов.

— Вот. — Фордхейм сел у проектора. — Здесь — мы. Здесь — срез…

Сырая земля под негреющим зимним солнцем, тень от бульдозера слева, подъем на склон кургана…

— Я-то видел эту точку, где все стало меняться. Надеюсь, что фильм ее покажет.

Фордхейм рассмеялся.

— Гипноз? Не считаете ли вы, что я им занимаюсь? Что это мне даст? Я не одержим своей идеей до полной потери здравого смысла. Мы впервые держали луч так долго, так что у нас должен получиться более детальный обзор.

Харгрейв уставился на экран.

— Когда вы сможете… — Он замялся.

— Пройти линию перемен? Мы ничего не знаем о природе такого рода движения. Возможно, нам понадобится куда большая энергия…

— Вторжение в этот мир даст нам дорогую древесину, — Харгрейв еще раз взглянул на экран, где темнел девственный лес, и луч удерживал все в кадре. — Возможно, мы найдем там и другие ресурсы. Для нас это неизведанный мир.

— Да, практически так оно и есть. Мы сможем открыть дверь в любую эпоху, вроде этой, и перекачать ресурсы в нашу А сейчас, как вы считаете, какова будет реакция, когда вы сделаете сообщение об этом комитету и подчеркнете такую возможность?

— Они захотят удостовериться, что шансы хотя бы пятьдесят на пятьдесят. Как по-вашему, скоро вы сможете поставить реальный эксперимент?

— Вы имеете в виду, когда пошлем туда кого-нибудь? Не знаю. Мы работали два года, чтобы получить то, что вы видите сейчас. Харгрейв улыбнулся и кивнул.

— Давайте ваши пленки. Я покажу их им. Может быть, удастся выбить для вас хотя бы половину того, что вы просите.

— Щедро. Значит, мы можем надеяться. — Фордхейм был доволен поворотом дела больше, чем следовало ожидать.

Они следили за тем, что на экране. Харгрейв наклонился вперед. Вот рубец среза, курган. За-

тем мерцание и деревья. Фордхейм обернулся к окошку аппаратной.

— Ленгстоун, — позвал он оператора, — вернитесь назад. Остановите в том месте, где произошли перемены.

Харгрейв напрягся. Благодушия Фордхейма как не бывало.

В поле зрения снова показался срез земли у кургана.

— Слева от кургана… Вот здесь — смотрите.

Харгрейв увидел фигуру, с трудом различимую, но явно человеческую, стоявшую на пути луча. То, что выглядело мерцанием, когда фильм шел с обычной скоростью, оказалось слепящей вспышкой. Затем появились деревья, у одного из них — человек.

— Пошли! — Фордхейм бросился к двери с поразительной для его возраста скоростью. Они буквально бежали по холлу, а затем по лужайке снаружи. Фордхейм рванул дверцу кара и втиснулся в машину. Харгрейв едва успел сесть рядом и хлопнуть дверцей. Они мчались по бетонной дорожке к воротам.

Охранник увидел их и, видимо, что-то сообразив, включил автоматику как раз вовремя. Харгрейв перевел дух и с некоторым облегчением

убедился, что Фордхейм все-таки не врезался в этот барьер, как мог бы.

К счастью, дорога впереди была пуста, так что они выскочили на нее с непозволительной скоростью. Но где-то в этом пространстве Фордхейм, видимо, вспомнил об осторожности, потому что замедлил ход, сворачивая в вырубку, где они подскакивали и буксовали на неровной дороге. Затем директор выскочил из кара и побежал к кургану. Страх или возбуждение заставили его держаться на несколько шагов впереди Харгрейва, но когда последний обежал курган, он наткнулся на резко остановившегося Фордхейма. Директор держал в руке фотокамеру. Но фигуры, которую они видели в фильме, не было и в помине.

— Он исчез! — констатировал очевидное Харгрейв.

Фордхейм оторвал мертвенно бледное лицо от камеры.

— Он исчез, отсюда исчез… — Он оглянулся через плечо на то место, где должны были быть деревья. Харгрейв вздрогнул, понимая, каким образом тот человек провалился в никуда.

— Где он? — единственное, что мог произнести Харгрейв.

— Возможно, в Атлантиде, — еле слышно отве-

тил Фордхейм.

— Но… но вы говорили, что тот лес скорее всего доколумбовой эпохи или даже более поздней, — возразил Харгрейв.

— Да, может быть, и так. Но скорее всего мы ошибаемся. Это сейчас неважно. Важнее то, что в этом чертовом лесу пропал человек, которого мы послали с определенным заданием.

— Ну так верните его обратно. Вы можете это сделать? — Харгрейв был категоричен и, как всегда, смотрел в корень.

— Понадобится по крайней мере четыре дня, а может, и больше, чтобы собрать энергию для нового луча. Все эти вещи требуют расчетов. Как вы полагаете, почему мы выбрали именно этот день и час для попытки создать контакт? Это вам не кнопку нажать, чтобы дверь открылась. Здесь должна быть тщательная обработка кода. Четыре дня… — Он огляделся вокруг. — И мы не можем сказать, как там движется время. Он же не будет сидеть на месте четыре дня — он не имеет представления, что мы будем пытаться вернуть его назад. К тому времени, когда мы будем готовы, он может уйти на много миль отсюда. И сколько там пройдет времени за эти четыре дня, нам тоже неизвестно.

Харгрейв отвернулся от кургана и посмотрел на свежую расчистку.

Но это надо сделать. И чем скорее мы примемся за дело, тем лучше.

— Конечно, — сказал Фордхейм, но по его голосу было понятно, что он не верит в успех.

Харгрейв еще раз посмотрел на вырубку.

— Нет, это не Атлантида! — решительно заявил он, — это что-то другое.

Рей споткнулся и упал лицом в песок недалеко от очага, грубо выложенного из камней. Он выбился из сил и был доволен уже тем, что лежит. На какое-то время он забыл об охотниках и тех, кто ждал их в этом лагере. Но его не оставили в покое.

Кривые ноги в сапогах из жесткой шкуры, на которой еще оставались клочки грубой шерсти, прошли мимо него. Затем носок сапога зацепил Рея и перевернул его лицом вверх. Человек носил такую же кожаную тунику, как и охотники, и юбку, сделанную из металлических полосок, лязгающую при движении. Вместо металлического жилета на незнакомце были грудные и спинные пластины, отлитые в одно целое, чтобы защитить его выпуклую грудь и плечи. Левую руку от запястья до локтя покрывал металлический манжет, а

на правой руке было два драгоценных браслета.

Голова его была открыта, и длинные черные пряди волос развевал ветер. Но на его локте висел шлем с крыльями летучей мыши в центре. На поясе висел меч. Ростом выше охотников и не такой смуглый, он, казалось, принадлежал к другой расе. Но на лицо, вероятно, была надета та же маска. Никаких чувств нельзя было на нем прочесть.

Долго и пристально смотрел он на Рея, а затем что-то скомандовал, словно пролаял на своем непонятном языке, и один из охотников развязал руки и поставил американца на ноги. Офицер, а это, видимо, был военный чином повыше, задавал вопросы, охотник отвечал, как словами, так и жестами, по всей вероятности, о том как захватили пленника. Когда он закончил, офицер приступил к допросу. Он выражался в широком взмахе руки к западу и единственном слове:

— Ну?

Рей покачал головой. Офицер, похоже, был встревожен этим ответом. Он нахмурился и указал на восток, произнеся другое слово, которое Рей плохо расслышал. Внезапно американец понял: они хотят знать, откуда он пришел. Он указал назад, где должен был находиться угрюмый

утес. Он не ожидал реакции, которая последовала за его ответом. Офицер прищурился, как кот, раздвинул в усмешке толстые губы, показав красноватые десны и желтые зубы, а затем разразился презрительным смехом. Его недоверие было совершенно очевидным. Затем офицер велел другому охотнику повторить рассказ о захвате Рея. Это было сделано. Охотник указал на короткие волосы Рея и дернул рукой, еще запачканной кровью лося, кожаную куртку пленника, обратив на нее внимание офицера. Тот сделал знак Рею снять куртку. Охотник обыскал ее карманы, достал носовой платок, записную книжку и запасную пленку.

Через несколько минут пленника раздели, вся его одежда лежала на песке. Охотники все еще обыскивали карманы, словно были уверены, что у Рея должен быть какой-то важный предмет. Один из охотников завладел его карманным ножом, другой вертел в руках его наручные часы, но после резкого приказа офицера положил их назад. Расправив на земле носовой платок, офицер сложил на него все содержимое карманов Рея, связал в узелок и положил в плетеную корзинку. Рей повернулся к своей одежде, но офицер хлестнул его тыльной стороной ладони и сбил с ног.

Охотник бросил пленнику свернутую кожу. Едва сдерживая злость, Рей напялил на себя скудное одеяние вроде юбки, абсолютно не защищающее от холода и ветра… Интересно, что случится, если он попытается напасть на офицера? Пока воображение рисовало ему варианты его ближайшего будущего, стальные пальцы схватили его и развернули, оттянув правую руку. На бледной коже предплечья был маленький синеватый кружок с расходящимися лучами — так и не стершаяся с годами юношеская попытка татуировки. Офицер оскалился, осмотрел это, отбросил руку Рея и плюнул.

— Ну, — с уверенностью сказал он.

В новый мир пришла ночь. По-видимому, Рея собирались как-то использовать в будущем, потому что ему дали порцию жареного мяса лося. Затем его руки снова были связаны, лодыжки тоже, и один из мужчин набросил на него кожаное покрывало, когда он попытался зарыться в песок, чтобы согреться.

Где он? Почему-то сейчас это было важнее, чем как он сюда попал. Исторический курган, потом деревья, теперь он здесь. Индейцы? Но даже если путешествие во времени возможно не только в воображении фантаста, это не индейцы.

И моря больше в Огайо нет, и… и… Рей старался не паниковать, иначе придется бежать отсюда немедленно и вопить, что есть мочи. Ну, ладно, он не знает, где он и как сюда попал. Но все это не может долго продолжаться. Какой-нибудь выход найдется. Через некоторое время его усталый мозг оцепенел, как и его изможденное тело, и он уснул.

На заре его разбудил резкий крик птицы. В наскоро сделанной из плащей палатке молился и разминал ноги офицер, у погасшего костра клевал носом часовой, досматривая утренний сон. Рей попытался сесть, но ремни жестко впились в тело. Раскапывая пяткой песок, он немного откатился, пока не коснулся плечом большого камня. Он осторожно поворачивался, чтобы принять сидячее положение.

Слабый розовый свет востока сгустился. Серая птица падала с высоты, высматривая себе завтрак. Часовой поднял голову, зевнул и шумно сплюнул в огонь, затем встал и со злой усмешкой взглянул на Рея. Ударом сапога в бок он заставил Рея согнуться, а затем толкнул его обратно к камню. Выполнив эту свою обязанность, он отошел раздувать огонь.

Рей тряхнул головой. Засохшая кровь и пыль

залепили лицо. В горле и в висках тяжело стучал пульс. Хоть бы освободить руки!

Офицер выкатился из своей палатки и расстегнул пояс, державший его нижнюю тунику. Бросив одежды на латы, которые он снял перед сном, он побежал к воде. Он окунулся в море. Поплыл, но неожиданно остановился и закричал. При этом он указывал в открытое море. И все увидели, как в голубом пространстве появилась черная тень. Вернувшись, офицер стал быстро одеваться, отдавая приказания. Его люди засуетились. Один развязал лодыжки Рея и поставил его на ноги.

Корабль подошел. Он не напоминал ни одно судно, какое когда-нибудь видел Рей даже на старинных изображениях.

Он остановился в полумиле от берега, из его узких бортов выдвинулись весла, и он понесся стремительно, как водяной жук.

Рей видел на рисунках римские галеры, но у тех были мачты и паруса, а у этого только надстройки на носу и корме, покрытые крышей, служившей одновременно и верхней палубой. Шкафут был ниже, и там гребцы работали в открытых впадинах. Острый нос был украшен красочной головой. На высоком шесте полоскался кроваво-красный флаг. От этого гладкого жесткого корабля веяло

мощью и угрюмой парадностью. Кто бы ни были люди, захватившие Рея, они явно должны были оберегать себя в этом странном мире. Корабль встал на якорь, а через несколько минут на воду был опущен длинный бот. С ритмичными взмахами весел он приближался к берегу, где ждал отряд охотников с узлами наготове и затоптанным в песок огнем.

Офицер разрезал ремень, связывающий запястья Рея, и положил руку на рукоять меча весьма понятным жестом. Воин как бы говорил:

— Мы тебя освобождаем, но не вздумай бежать.

Команду бота составляли шестеро матросов и офицер. Они громко задавали вопросы охотникам, пока прыгали через борт в воду и подводили бот к берегу. Командир берегового отряда вытолкнул Рея вперед, как бы показывая его. По-видимому, этот его пленник был гордостью отряда охотников, и офицер на боте откровенно завидовал. Затем офицер-охотник указал в глубь страны и что-то спросил, а офицер-моряк ответил кивком.

Взяв на поводки собак, трое охотников ушли, в то время как остальные отправились к боту. Рей влезал неуклюже: его руки и ноги онемели в

оковах, и его втолкнули между двумя сидениями. Затем бот пошел обратно к кораблю.

Подойдя к борту корабля, они отталкивались от него короткими веслами, пока им не опустили веревочную лестницу. Сначала по ней поднялись двое из берегового отряда, а затем она была предложена Рею. Он кое-как карабкался, стараясь не качаться и холодея при мысли, что может сорваться и упасть. Тогда его зажмет между ботом и кораблем. Офицер из лагеря лез позади, нетерпеливо подталкивая Рея.

Пленник упал на полный народу шкафут, а офицер за ним вскинул руку, салютуя человеку в красном плаще. Этот красный плащ, похожий на пылающий уголь, бросился ему в глаза сразу. Собственно, это был не плащ, а длинная мантия цвета алой крови. Она покрывала высокого худощавого мужчину от горла до пяток. Округлый, почти лысый череп, большие черные внимательные глаза, похожий на клюв нос, крючковатый, выдающийся вперед подбородок. Человек поглаживал челюсть коричневой рукой и глядел то на офицера, рапортующего ему, то на Рея. Под испытывающим взглядом тусклых черных глаз пленник почувствовал себя неуютно, словно его тела коснулось нечто грязное и скользкое.

Охотники и их офицер были жестоки, но этот человек был непонятным Рею. Он был чуждым его природе, миру, из которого он пришел. Рей почувствовал ужас и необходимость восстать против человека в красной мантии и всего, что этот человек представлял.

— Итак… Муриец…

Рей вздрогнул. Он не мог знать этих слов, однако понял их смысл.

— Итак, муриец, ты, как и все ваши, восстанешь против Темного? Ничтожный последователь умирающего племени, ты думаешь, что мы не можем связать твою волю с нашей? Помни: Бык может вырваться из Пламени. И противиться его воле.

Рей затряс головой — не потому, что отрицал сказанное, а желая освободиться от того, что услышал, и одновременно стараясь понять суть. Кто такой Темный? Кто такой муриец?

Слабая тень чувств скользнула по лицу мумии в красной мантии.

— Не пытайся хитрить. Ты прекрасно понимаешь, что тебе говорят. Иди вниз к своему товарищу и учись уважению.

Я читаю его мысли? Наверное, это тоже мне снится. Рей не сопротивлялся, когда трое воинов подошли к нему и потащили по палубе. В дальнем

конце судна они прижали его к стене и закрепили железными скобами, вбитыми в обшивку.

— Когда они ушли, он повернул голову и понял, что у него есть компаньон по заключению. Пленник, которого он увидел, тоже был прикован и так близко, что пальцы их рук почти соприкасались. Он бессильно висел, голова упала на грудь, так что длинные волосы закрывали лицо. По всему виду он отличался от членов экипажа корабля. Его кожа была не темнее, чем у Рея, и он был такого же высокого роста. Длинные волосы бронзового цвета были спутаны и испачканы в крови. Желтая туника, доходившая до середины бедер, свисала лохмотьями. Одежда удерживалась на талии незнакомца широким, украшенным драгоценными камнями поясом. На поясе висели пустые ножны, показывающие, что человек когда-то был вооружен мечом. Он был обут в высокие, как у охотников, сапоги, но неизмеримо лучшей выработки.

Рей подумал, что пленник без сознания. У них была одна беда и, возможно, одна задача. Он тихо свистнул, надеясь на ответ. Ему ответил слабый, как вздох, стон. Рей снова свистнул, и мученик медленно повернул голову.

Черты лица его казались совершенными,

несмотря на раны и синяки. Рей когда-то уже видел такие лица, греческие статуи донесли их до нас. Однако были и отличия. Американцу казалось, что у аргонавтов не могло быть таких широких скул, тяжелых век и голубых глаз. Он ошеломленно смотрел на Рея, затем его разбитые губы заговорили. Сначала он задал вопрос на мягком наречии, которым однажды пользовались охотники. Когда Рей покачал головой, незнакомец был явно испуган.

— Кто ты, не знающий языка матери-страны?

Опять Рей понимал не слова, а мысли. Он попробовал ответить. Ведь на этот раз контакт не имел и намека на грубое вторжение.

— Рей. Рей Осборн… Пленник… — ответил он мысленно по-английски, но тот, казалось, понял.

— Откуда ты? Вспоминай, думай медленно, чтобы я мог читать твою память, видеть твоими глазами…

Рей послушно вспомнил свое путешествие от визита к кургану, к загадочному лесу, к встрече с охотниками. Его снова охватила паника. Что произошло? Где он? На каком море? В каком мире?

— Значит, есть возможность пройти сквозь пространство. Но я не узнаю твоего времени.

— Моего времени? — переспросил Рей.

— Да, ты из далекого будущего — или из прошлого. Наакалям известно, что человек может так путешествовать, хотя те, кто пытался — судя по вашим записям — не вернулись. Но с тобой это произошло случайно, что само по себе странно, потому что только ученым первого ранга доступны такие путешествия, и то только после долгой тренировки и изучения магических наук.

Рей поразился. Этот незнакомец, похоже, без всякого удивления принял безумие за возможное, поскольку знал, что это когда-то делалось. Пройти сквозь… Сквозь что? Во что? Куда? Если бы он знал куда, он мог бы закрепиться на чем-то, что имело смысл. Он задал первый вопрос, выскочивший из запутанного клубка мыслей.

— Кто эти люди — на корабле?

Распятый охотно ответил:

— Мы — пленники атлантов — детей Темного. Видишь их знак? И он подбородком указал на красный флаг над палубой.

Но этого не может быть. Атлантида никогда не существовала — это была всего лишь легенда о континенте, предположительно исчезнувшем в результате катастрофического бедствия еще до того, как был заложен первый камень Великой пирамиды. Эта сказка дала название одному из

больших океанов родного мира Рея, но она была только сказкой.

— Ты думаешь, что плен помутил мой разум? — спокойно спросил незнакомец. — Я говорю правду. Мы — пленники сыновей Баала, Темного Существа из Великого Мрака. И через пять дней корабль увидит утесы самой Красной страны…

— Это не может быть правдой! — запротестовал Рей. — Атлантида — миф, греческий миф.

— Насчет греческого ничего не знаю, но Атлантида, уверяю тебя, реальна, вполне реальна, ты сам увидишь, когда мы вождем в док Пятистенного Города. Так же реальна, как эти скобы, выкованные ее кузнецами и теперь держащие нас, как ненависть этого сына Баала, который командует судном, как удары, которые они наносят нашим телам. Красные Существа теперь правят ветром и волной Западного моря. Это позор для нас, детей Племени. Атлантида взбесилась. Она считает себя такой сильной, что выступает теперь против всего мира.

— Бред какой-то…

— Почему ты не желаешь понять истины? Ведь это так же очевидно, как то, что мы с тобой существуем. Разве ты не чувствуешь, что исчез из своего времени и появился в нашем.

Почему же противишься своим чувствам? Ученые говорят, чти человек без подготовки не может совершить такое путешествие. Поэтому, наверное, ты сейчас и не можешь осознать очевидное.

— Не смею, — прошептал Рей.

— Значит, ты из тех, кто не может управлять своими мыслями, своими страхами? — спросил незнакомец, и в его голосе прозвучало презрение.

— Безумие… это безумие… — Рей разозлился на второго пленника, но эта злость придавала ему силы.

— Нет. Это — не безумие. Это — рискованный опыт, который удался ученым, которые научились уходить из времени.

— Да. Но никто из них не вернулся, — заметил Рей.

— Правильно. Однако это еще не говорит о том, что они погибли. Скажи, разве ты — не доказательство тому, что я говорю правду. Ты попал к нам, но ты не умер. О, пока человек жив, все возможно. Если бы мы добрались до города Солнца, там тебе показали бы истинные пути времени. Разве люди твоего века настолько невежественны и не знают, что время похоже на гигантскую

змею? Оно поворачивается и свивается кольцами так, что одна эпоха почти касается другой? В этом месте человек может, при случае, пройти сквозь виток. Хотя ушедшие в провалы ни разу не возвращались, наши исследователи смотрели в просветы будущего и минувшего. Они видели поле Гипербореи, которое отстоит от нас за тысячи лет. Не то страшно, что ты попал в другое время, а то, что попал ты в лапы этим черным собакам Великого Мрака. В твои времена таких кровопийц и быть не может. Клянусь тебе в этом Пламенем!

Если он действительно попал в другое время, тогда он полностью и совершенно одинок, невероятно затерян. И снова американец почувствовал страх.

— Они назвали тебя мурийцем. Для тебя лучше быть мурийцем. Если они догадаются кто ты, тебя возьмут к себе жрецы Великого Мрака…

— Что такое муриец? — спросил Рей.

— Сын великой матери-страны, как я. Люди моего двора — меченосцы самого Ре Му.

— Мать-страна? — Рей задумался. — Надо учиться всему, все брать на вооружение. Каждая информация может стать в будущем щитом, защитить в этом чужом незнакомом мире.

— Страна наша расположена далеко на западе. Именно там, рассказывают легенды, жизнь возродилась из семян после гибели Гипербореи. Му вызвал землю к жизни. Ре Му правил миром до тех пор, пока эти типы из Атлантиды не полезли в запретные знания и не попали под Тень. А скорее всего они пошли туда по своей воле!

Их первый вождь Посейдон был из Дома Солнца. Но впоследствии род его вымер, и народ выбрал собственного правителя. Он был властолюбивый и волевой правитель. Это он первый разрушил стену, которая возвышалась между Тенью и вашей Землей. Ее воздвигло Пламя для защиты человека от всего того, что ползет из темноты в сторону света. Он упивался властью, как пастухи на холмах упиваются странными грезами, напившись сока тракмона. И он не захотел выступить в Зале Ста Королей, получив слово от Ре Му, а пошел своим путем…

Слушая, Рей, забыл о своем страхе. Для него главным было получить как можно больше сведений об этом мире и научиться даже не думать, чтобы никто не мог прочесть его крамольные мысли.

— Так началось правление Баала, отца зла, ненависти, вожделения, всех тех мыслей и же-

ланий, которые вредят человеку. Это началось тайно, под землей, в пещерах, а затем более открыто. Это стало коррозией в рядах воинов, в народе, у моряков. Только Солнцерожденный остался верен Пламени. В конце концов, Солнцерожденный был низложен, и Атлантида осталась одна.

— Здесь идет война?

Человек покачал головой.

— Пока нет. Мать-страна потеряла былую силу, щедро раздавая ее своим детям, и теперь стала почти пустой раковиной. Ее лучшие люди были сосланы в колонии. Но теперь Посейдон, внук того первого дьявол о по клон ни ка, старается разорвать одежду мира. Он ведет себя вызывающе — и это причина, почему я здесь…

— Ты был захвачен в бою?

— Нет, я не имел такого удовольствия. Я был послан сюда, в Бесплодные Земли, найти какие-либо тайные форты или укрепления атлантов, где их корабли могут скрываться в промежутках между набегами. Мы были в разведке на берегу и попали в засаду, устроенную пиратами. Узнав мой чин, они не стали убивать меня, а продали Красной Мантии за три меча, выкованные челебийцем, и четыре изумруда. Это, вероятно,

больше, чем за меня дали бы на открытом рынке Сенпара проклятого, где Королева-Ведьма правит накипью всех наций. И произошло это сегодня на заре.

— Что они хотят сделать с тобой?

— Если я избегну алтаря Баала, то буду гнить в их башне — так они рассчитывают. В течение одного месяца исчезло три наших корабля, и никто из их экипажа не спасся. Но если Пламя будет милостиво ко мне… — он вдруг замолчал.

Люди спускались по трапу в гребной отсек. Рей слышал стук сапог. Два охотника прошли мимо него. В руках у них был блестящий, гладко вычищенный череп с рогами, видимо, лосиный. Они положили свой груз и ушли. Но офицер, шедший следом, остался, чтобы накрыть его тканью. Рей понял сигнал, который послал ему товарищ по несчастью:

— Будь наготове! Если удастся, беги под лестницу. Если я не смогу присоединиться к тебе, бросайся в море. Это будет куда лучше, чем то, что тебя ожидает на этом корабле.

Взгляд мурийца уставился на офицера, и хотя атлант не поднимал глаз и вроде бы не знал, что на него смотрят, он стал менее уверенным в движениях. Он споткнулся, а затем взглянул

на пленников. Встретившись глазами с Че, он медленно выпрямился, двигаясь явно под принуждением. Глаза мурийца держали его, и он шел к пленникам, медленно переставляя ноги. Остановившись перед Реем, он дернул железное кольцо, державшее правое запястье американца. Освободив руки Рея, атлант опустился на колено и снял ножные кольца. Все это офицер делал на ощупь, не сводя глаз с Че. Рей был свободен. Он колебался не более секунды, прежде чем броситься под лестницу, как велел муриец. Там он оглянулся — атлант освобождал Че.

Вдруг офицер рывком выпрямился. Он потряс головой и неуверенно поднес руки ко лбу. Рей переминался с ноги на ногу, держась за поручни. Было ясно, что сила, державшая атланта в повиновении, ослабла. Сумеет ли муриец снова обрести ее? Может быть. Офицер опять потянулся к кольцу. Затем он качнулся. Однако не потерял равновесие, ударил кулаком в лицо мурийца. Второй злобный удар рассек губы Че. Рей прыгнул, но не в море.

— Уходи! Стража…

Американец не дослушал приказа Че. Согнув руку в локте, он как крючком, перехватил горло офицера, оттащил назад и резко ударил его по

черепу. Когда, атлант упал, Рей выхватил у него из-за пояса меч и опустил тяжелую рукоять на голову офицера.

— Уходи! — снова приказал Че.

Рей не ответил. Он оттянул кольца и острием меча открыл их.

— Пошли!

Они побежали в другой конец трюма. Че дернул дверцу.

— Это отверстие для огнемета. Будем надеяться, что оно достаточно широко для нас. Лезь! Ты умеешь плавать?

— Нашел время спрашивать! Умею.

— Тогда лезь. И постарайся как можно дольше оставаться под водой.

Рей прополз в узкий лаз, обдирая голые плечи, и оказался в воде. Руки и ноги его автоматически заработали.

— Давай! — оглянулся он.

Кровь стучала в голове, он должен вздохнуть, должен! В тот момент, когда он подумал, что уже не выплывет, вода вытолкнула его в ослепительный свет. Перед ним, рассекая волны, плыл его спаситель. Мышцы спины болели, вода жгла лицо и царапины на плечах, он наглотался воды, и его тошнило. Но он плыл, хотя гребки его станови-

лись неровными. Где берег-? Он ничего не видел, кроме ослепительной дали. Рей упрямо двигался вперед, держа голову над водой. Если бы отдохнуть! В ребрах покалывало, руки отяжелели. Его колено больно стукнулось о грубую поверхность — камень. Под ногами вспучился песок. Изо всех оставшихся сил он рванулся вперед, его схватило и поволокло прибоем. Рот и глаза были полны песка, и он кашлял и отплевывался. Рей выполз из воды и лег ничком на берег. Соль разъедала царапины на лице и спине, это привело его в себя, Солнце грело неимоверно. Он кое-как поднялся и огляделся.

Чуть дальше лежал Че, уронив голову на руки. Рей сел, стряхнул налипший песок и пополз к мурийцу. Взяв Че за плечи, Рей пытался поднять его.

— Пойдем… нам лучше уйти, — прохрипел Рей. — Они пошлют бот и снова схватят нас. — Ему трудно было поверить в удачу.

— Нет надобности. — Че приподнялся и посмотрел в море. — Сыны Баала уходили, их судно терялось вдали.

Рей прикрыл ладонью глаза, и все равно щурился от яркого света. По бокам судна плескались весла. Казалось невероятным, что атланты не

сделали никакой попытки погнаться за сбежавшими пленниками, а шли дальше.

— Почему? — спросил Рей.

— Потому что за ними тоже охотятся.

Рей перевел взгляд туда, куда показывал палец: далеко на горизонте показалась иглоподобная тень.

Это целая флотилия. И стервятники избегают схватки с ней. Видишь, они сменили курс.

Корабль атлантов резко свернул к востоку. Преследователи не поменяют курса, они ни за что не догонят убегающих.

— Мурийцы погоняются за ним?

— Нет. Начинать атаку запрещено. Мы можем защищаться, если они нападут первые, и только. Но они не могут быть уверены в этом и удирают от равного им по силе врага, как крысы, когда фермер ставит факел на лугу. — Че засмеялся с некоторым удовольствием.

— Но почему здесь мурийский корабль?

— Он идет за нами.

— Как они узнали?

Че развел руками.

— Как я тебе объясню? Разве в твоем времени люди не знают обычных вещей? Как можно жить, не понимая элементарного? Однако ты, похоже,

жил. Я мысленно позвал своих, как только меня схватили. Мои люди услышали, и вот они здесь.

— Мысленно позвал?

— Так же, как я говорю с тобой без переводчика. Но тебе нужно выучить наш язык, потому что человек быстро устает, если все время пользуется внутренней силой для обычного разговора. Разговаривая с тобой, я трачу энергию, которая нужна для того, чтобы звать своих, когда ты в опасности. Он вздохнул и спросил: — Почему ты не сделал, как я тебе велел, а остался, когда мой контроль над атлантом ослаб?

Рей возмутился:

— А что, по-твоему, я должен был сделать? бросить тебя и бежать?

Че внимательно посмотрел на Рея, но ничего не сказал. Через некоторое время он заговорил снова, но о другом:

— Видишь, жители Тени бегут со всех ног. Они не думают, что их будут преследовать, но все равно удирают, как скот от собак.

Весла больше не торчали из боков судна, но этот узконосый корабль исчезал к востоку с поразительной скоростью. Мурийский крейсер не изменил курса, чтобы помешать врагу. Он шел к берегу. Теперь уже был виден его оранжевый

флаг.

— Сейчас они возьмутся за весла, — заметил Че.

Высунулись окрашенные в алый цвет лопасти весел, окунулись в воду и повели судно в более медленном темпе. Серебристо-серый корабль резал волны с величественной гордостью, хотя в глазах Рея он выглядел незаконченным судном без мачты. Дойдя до бывшей стоянки атлантов, он остановился и спустил бот, который быстро понесся к берегу.

Последний мощный взмах весел, и два человека прыгнули в воду, оказавшись в ней по пояс, и стали тянуть бот к берегу. Рей осматривал прибывших с любопытством. Ясно, что эти высокие молодые люди не принадлежали к расе тех, что пленили Рея. У них была белая кожа, позолоченная загаром, цвет длинных волос был золотым. На них были кожаные туники, и каждый носил меч. Драгоценные камни сверкали на браслетах. Двигались они с такой легкостью и грацией, что Рей мысленно сравнил их с бойцами дзюдо, которых знал в своем мире. Они забыли все свое достоинство, когда бросились к Че и схватили его, как если бы он был драгоценностью, которую они потеряли и не надеялись обрести снова.

Поздоровавшись со всеми, Че обернулся к Рею. Не сводя с него глаз, он протянул к нему раскрытую ладонь и что-то потребовал. Капитан бота достал свой меч и вложил в руку Че. Муриец вонзил острие меча в песок между собой и американцем, затем взял правую руку Рея в свою и положил их сжатые руки на его рукоять.

Все еще пристально мили на Реи, Че запел, и люди, стоявшие позади него, подхватили песню. Затем офицер шагнул вперед с коротким кинжалом в руке и уколол запястья обоих мужчин. Тонкие струйки крови смешались на рукояти меча.

— Этот обряд означает, что отныне ты мой брат по мечу и товарищ по щиту, новый сын двора моей матери, одной крови с моим домом…

Слова клятвы были понятны Рею. И его охватили сомнения. Он понимал, что приняв такое родство, он вступит в совершенно иную жизнь, уводящую его еще дальше от своего времени. И в то же время душа Рея жадно тянулась к тому, что могло защитить его, дать ему чувство безопасности в этом новом и чуждом для него мире. Но, может, и от него эти люди ждут в ответ благодарности? Внутреннее чувство подсказывало Рею, что этот ритуал не только дарит ему защиту

от врагов, но и накладывает на него огромное чувство ответственности. Но он громко ответил:

— Да, — и он почувствовал, что Че понял его.

Во второй раз Рей оказался на корабельном боте. Но сейчас рядом с ним был Че. И он не был пленником — или был?

В сущности, мог ли он выбирать? Но сильнее всех сомнений была надежда, и она не покидала его, пока они поднимались по веревочной лестнице на палубу, полную людей, приветствовавших мурийцев, и опускались вниз, в большую каюту. Его поразило ее убранство.

По стандартам своего мира Рей мог бы назвать его варварским — слишком ярким оно было, слишком много было в нем драгоценных металлов. Однако это не было подражанием какому-либо восточному стилю, от него веяло самобытностью. Рей никогда не видел ничего подобного, а он, как фотограф, кое-что понимал в искусстве.

Вокруг стен шли панели из черного дерева, инкрустированные замысловатыми рисунками из драгоценных камней со сверкающей эмалью. Между ними висели длинные занавеси из блестящих тканей. Черного дерева стол занимал противоположный конец каюты, с каждой его

стороны стояли длинные скамьи, а во главе — кресло с высокой спинкой.

Каюту освещали два сияющих розовым светом шара в филигранной оправе, висевшие на длинных цепочках. От движения судна они покачивались, так что свет, казалось, то усиливался, то убывал. Пока Рей осматривался, Че подошел к столу и, слушая молодого офицера, налил какой-то жидкости из графина в бокал на высокой ножке. Вдруг муриец уронил графин, и тот протестующе зазвенел. Че обернулся к Рею:

— Нам сообщают, что Северное и Восточное моря закрыты. Это означает…

— Войну? — предположил Рей, смутно подумав: «Тот или другой мир, то или другое время, но война, похоже, идет всегда и везде».

Че кивнул.

— Если пожелает Ре Му, и тогда, когда пожелает. Но сейчас мы идем домой. — Он повернулся к офицеру, которого звали Хейном, и принялся задавать ему все новые вопросы.

Сквозь стены и пол каюты Рей почувствовал ровную вибрацию. Он оперся рукой об инкрустированную панель, внезапно почувствовав, что теряет равновесие. Ему захотелось сесть на скамью у стола. В это время офицер сделал резкое

движение: взмахнул рукой, словно отражая чей-то удар, а рот его скривился, как от боли. Затем, поклонившись Че, он повернулся и вышел. Че печально проводил его взглядом.

— Ленор, его брат по мечу, сражался рядом со мной. Кинжал пирата вонзился в его горло на моих глазах. С этого дня Хейна гложет печаль. Но этот долг не останется без оплаты. Мы вспомним о нем, когда встанем меч против меча с приверженцами Баала. А теперь давай есть и пить, а потом спать, потому что негоже человеку быть усталым, да еще и с пустым брюхом.

Они выпили вина из бокалов тонкой работы, поели с блюд, сделанных искусными мастерами. Правда, в этот раз Рея больше интересовало их содержимое. Насытившись, Рей увидел на стене не просто декоративный узор, а картину! Он наклонился вперед, и у него перехватило дыхание, когда его глаза обежали береговые линии на этой невероятной картине. Только очень немногое казалось знакомым. Два континента, северный и южный, были слабым напоминанием того, что так хорошо знал Рей. Миссисипи, Огайо, большая часть северо-восточного и южного пространств североамериканского континента были под водой, в то время как Аляска вплотную примыкала

к Сибири. Центральную часть Бразилии окружал океан. Взамен знакомых ему затонувших стран, здесь были два новых континента — один на востоке, другой на западе, так что карта грубо напоминала ромб с земельными массивами в каждом углу.

Эта карта больше сказала Рею обо всех переменах, чем все, что произошло с ним за последние два дня. И чувство потрясения, которое он испытал, должно быть, отразилось на его лице, потому что Че вдруг опустил бокал на стол и встревоженно спросил: — Что случилось?

— Да вот — карта! — неуверенно ответил Рей.

Муриец оглянулся через плечо.

— Боюсь, что она больше декоративна и пользы от нее никакой, — заметил он.

— Тогда… значит, это не ваш мир? — Американец вздохнул с облегчением.

— Наш, только на этой карте не обозначены пути кораблей. Но вообще-то она довольно точна. Смотри. — Че подошел к стене. — Вот Бесплодные Земли. — Кончиком пальца он провел по оставшейся части Северной Долины Огайо. — Там можно встретить охотников или преступников, но настоящих поселений нет. Эти места слишком суровы и дики, чтобы привлечь кого-то, кроме

исследователей и тех, кто нуждается в укрытии. Мы сейчас примерно здесь. — Его палец двинулся вниз, в море. — Мы идем на юг, чтобы пересечь Внутреннее море. — Палец быстро передвинулся к Бразилии. — Это Майякс, союзник материстраны, сильный и богатый. Затем мы пройдем каналами в Западный океан, а потом в Му. — Он показал на земельный массив на западе.

— А Атлантида на востоке, — сказал Рей скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Правильно. Значит, это сильно отличается от земель в твоем времени, раз ты испугался, увидев карту? Почему ты так испугался?

— Потому что, — Рей с трудом подбирал слова, — трудно поверить в то, что человек идет по своим обычным делам по своей знакомой земле и вдруг оказывается не просто в другом месте, — в другом времени, где все не так. Все, что здесь обозначено как море, — он в свою очередь подошел к карте, — для меня земля. И густонаселенная, со множеством огромных городов. Мы считаем, что их даже слишком много. Население Земли все растет, и в этом таится угроза для существования человечества. И вот здесь тоже суша. — Он положил ладонь на море Бразилии. — А здесь нет ни Атлантиды, ни Му — только океан и разбросан-

ные острова.

Он услышал вздох Че.

— Какое долгое, какое громадное время разделяет наши миры, брат] Такие перемены на лице планеты происходят нелегко. Ты говорил, что в вашем мире Атлантида — легенда. Значит, ей придет конец? Или это говорится о Му, материстране?

— Об Атлантиде сохранились только легенды, но в них нет ничего достоверного. Говорят, она исчезла под водой от землетрясений, которые обрушили на нее гигантские волны. Материк скрылся навеки под водой. С тех пор океан и носит имя Атлантического. Легенды говорят, что все это произошло из-за злых дел ее народа. А о Му я никогда не слышал.

— Что ты делал в своей северной стране? Ты был воином? Когда ты повалил атланта, ты воспользовался удивительным приемом, какого я никогда не видел.

— Какое-то время я был воином, затем у меня были семейные неприятности, и я ужен был дома…

— Нужен был дома… а теперь, когда ты не можешь вернуться домой?

Рей покачал головой.

— Эта нужда отпала. — Ему не хотелось думать об этом. — Я собирался вернуться в армию, когда это со мной случилось. По правительственному проекту были построены новые здания. — Он не знал, многое ли из этого поймет Че, но ему захотелось рассказать о том, что случилось, вслух и самому попытаться понять, что произошло. Когда там начали расчищать местность, вышел спор из-за древнего индейского кургана. Люди возмущались, что его сровняют с землей до того, как он будет по-настоящему исследован. Лес Уилсон, мой знакомый, пытался заставить строителей подождать. Он написал об этом статью, и ему были нужны несколько хороших фотографий кургана. Я обещал ему сделать их и как раз собирался снимать, когда вдруг оказался в лесу с такими огромными деревьями, каких никогда не видел. Вот и все, И я так и не знаю, что случилось и почему.

Че выглядел растерянно.

— Фотографию индейского кургана, — медленно повторил он, окончательно запутавшись.

— В нашем мире есть такая машина — камера, фотоаппарат, — объяснил Рей, — Им пользуются, чтобы сделать очень точные рисунки предметов, это мы делаем тогда, когда нам нужна сохранить

увиденное однажды, то, что больше мы не сможем увидеть. Когда-то хозяевами этих мест были индейцы. Мой народ завладел их землями, когда четыреста лет назад пришел сюда с востока. Какие-то ранние племена, исчезнувшие еще до того, как здесь поселились мои предки, построили большие земляные курганы. Эти курганы сохранились до наших времен и их изучаем, чтобы побольше узнать о народе, который их насыпал.

— Если мир твоего времени такой старый, — медленно сказал Че, — там должны быть остатки от многих, очень многих исчезнувших народов, о которых вы можете узнать.

— Да, во многих местах от них остались развалины и древние могилы, а о некоторых же народах мы знаем только по нескольким оставшимся от их мира камням, которые говорят нам, что когда-то человек что-то здесь строил. Но и только…

— Тебе нравились поиски давно ушедших?

Рей пожал плечами.

— Такие исследования — нечто вроде охоты за сокровищами. У меня была куча времени, когда я вернулся домой, и я много читал об этом.

Он снова отогнал болезненные воспоминания.

— Брат, я мог бы сказать тебе много слов, —

вздохнул муриец, печально глядя на него, — но слова не могут прогнать грустные мысли, как бы хорошо они ни произносились. Ты сейчас сражаешься на поле, где брат не может встать с мечом по правую твою руку или по левую, потому что эта битва только твоя. Но у каждого есть свое зло. Забудь об этом. — Он указал на карту. — Если можешь. И давай спать.

Рей последовал за ним в отделенную от каюты занавесом маленькую каморку с двумя койками. Че уже стаскивал с себя обрывки промокшей туники.

— Отдыхай, пока можно. Кто знает, что принесет утро?

Рей неохотно влез в теплое гнездо мягких покрывал. Он закрыл глаза, но тревожные мысли прогоняли сон.

— Ну, что у вас? — Харгрейв тяжело опустился на стул. Темная щетина на подбородке подчеркивала тени под глазами. Он медленно мигал, словно силясь держать глаза открытыми.

— Теперь мы знаем, кто этот человек — Рей Осборн. Он знакомый Уилсона и подрабатывает фотографом в местной газете. Уилсон послал его сделать несколько снимков кургана.

— Газета! — взорвался Харгрейв. — Не хватало

нам только, чтобы в это дело впуталась газета! Нам это нужно, как атомная бомба! — Он вытащил сигаретную пачку и яростно отшвырнул ее, обнаружив, что она пуста. — Полагаю, что сообщения об исчезновении Осборна уже пережигают телеграф и на востоке, и на западе.

— Нет еще. Нам чуточку повезло. Осборн должен был принести фотографии только утром. Я сообщил Уилсону, что мы их конфисковали, а Осборн находится под арестом за нарушение наших территориальных прав, — ответил Фордхейм.

— О, господи, зачем? Это принесет нам кучу неприятностей, поднимется вопль насчет свободы прессы, и все будут кричать об этом.

Директор покачал головой.

— Нет. Все смирились с мыслью, что это — секретная зона. Мы скажем, что Уилсон послал сюда Осборна, зная, что это — закрытая территория, что он пытался подсматривать. Это даст нам время, так как Уилсон предупреждался и раньше насчет подрыва безопасности. К счастью, Осборн одинок.

— Подумаешь — одинок! Уилсон примется за его родню, расшевелит ее, и какой-нибудь юрист явится сюда с иском.

— Нет, он совсем одинокий, — Фордхейм взял

со стола лист бумаги и начал читать:

«Рей Осборн, сын Ленгли и Дженет Осборн, представителей старинной семьи здесь, в долине, но теперь у него не осталось никаких родственников, кроме дальних кузенов. Родился в 1960 году, значит, сейчас ему около двадцати. Год учился в колледже, затем завербовался в армию. Служил за морем шесть месяцев. Специалист по невооруженному бою и разведке, интересовался фотографией. Десять месяцев назад родители попали в дорожную катастрофу. Отец погиб, мать — тяжело пострадала. Красный Крест выхлопотал ему увольнение, так как за ней некому было присматривать. Он вернулся, нашел работу на неполный рабочий день и ухаживал за матерью-инвалидом. Месяц назад она умерла. Он говорил издателю газеты, что намерен вернуться в армию. Близких друзей у него не было, армейская служба и болезнь матери разорвали большую часть его прежних знакомств. Парень спокойный, много читал, бродил по окрестности, делал снимки, кое-какие из них продавал. Осборн ни с кем не ссорился, относились к нему хорошо, но сильной привязанности, равно как и неприязни, он в городке не вызывал».

Харгрейв сел прямее.

— Ну, если уж мы заслали человека невесть куда, нам повезло, что им оказался Осборн. Ни семьи, ни друзей, чтобы поднять шум. Я вот думаю… — Он уставился на стену, явно не замечая ее.

— Да? — поторопил его Фордхейм после долгой паузы.

— Вы сказали, что он говорил людям о намерении снова вернуться в армию. Я думаю, можно устроить, чтобы все поверили, что он уже сделал это. Тогда мы сможем всю эту историю положить под сукно, пока не вытащим Осборна обратно. Он нам чертовски нужен. Он столько узнал и увидел, что теперь представляет собой ценность гораздо большую, нежели двенадцать космических платформ и одна лунная станция. Мы вытащим его из прошлого и выжмем до последней капли все, что он там узнал.

— Если сможем…

— Должны. Это приказ. Не огорчайтесь: нам пришлют любого человека, любой материал, какой нам понадобится для этой работы. Мы должны его вернуть. Понимаете ли вы, что мы теперь на пути к никогда не исследованным областям? И приоритет принадлежит только нам!

— А если он умер?

— Тогда нужно любым способом достать его тело.

— Мы, вероятно, скоро сможем снова направить луч. Но он открывает очень ограниченный район. Что, если Осборн ушел за многие мили? Нет никакой возможности выследить его…

Харгрейв ослабил узел галстука, так что тот повис петлей на его мятой рубашке.

— Кое-кто работает теперь в этом направлении, но другим методом. Вы открываете дверь, а они, может быть, сообразят, как найти человека в том времени. Но тут очень понадобится помощь Леди Удачи!

Рею снялись огромные деревья, он бежал по заросшему мхом проходу между их громадными стволами… Его преследовали, но он не видел кто… Рей проснулся. За узким иллюминатором сгустилась ночная темнота. Вторая койка была пуста, его товарищ ушел. На этот раз переход от сна к яви был стремительным. Все чувства Рея были обострены, он словно бы находился в состоянии боевой готовности. Видимо, сон каким-то образом примирил его с опасной действительностью. Его настоящее было так же реально, как ткань под руками, когда он приподнялся на койке.

Рей потянулся к юбке, которую сбросил, когда ложился, но обнаружил совсем другую одежду. Путаясь в незнакомых пряжках и застежках, он оделся, надел на ноги легкие сандалии, неумело завязал их ремешки вокруг лодыжек и вышел в большую каюту.

Розовый свет с наступлением темноты стал ярче. В каюте никого не было. Выйти на палубу или подождать? Рей взглянул в зеркало и от неожиданности подошел к нему ближе.

Оттуда на него смотрел незнакомец, худой, с покрасневшей от солнца кожей и непокорными темными волосами. Светло-серая туника облегала тело, которое, несмотря на худобу, казалось выносливым. Серебряные пряжки, плотно усаженные мелкими зелеными камушками, блестели на плечах, талию стяги вял пояс с узором из тех же камней. Он вдруг оробел и растерялся. В зеркале отражался не Рей Осборн. И уверенность, с которой он проснулся, стала таять. Когда он резко отвернулся от зеркала, в каюту кто-то вошел. Рей вытаращил глаза. Конечно, это был Че, но он уже не был оборванным пленником, хотя на лице его еще и виднелись синяки. Тело Че облегала красная с золотом туника, драгоценные браслеты схватывали руки «а запястьях и выше локтей.

Пояс и ножны для меча сияли ледяным блеском. Длинные волосы были откинуты назад и скреплены металлическим обручем. Как и каюта с ее роскошным убранством, его пышный наряд имел в себе тот избыток цвета и орнамента, который в эпоху Рея считался варварским.

Муриец засмеялся.

— Ты потрясен, брат? Неужели одежда так меняет человека? Эта одежда положена мне по рангу. И на тебе наряд неплох. Когда твои волосы отрастут, ты будешь выглядеть настоящим мурийцем. Эта одежда для свободнорожденного воина. А сейчас — за еду!

Че хлопнул в ладоши, и человек в простой тунике вошел с подносом. Муриец махнул Рею рукой, подзывая его к столу, на котором уже стояли закрытые блюда и чаши. Рею было трудно догадаться, что было в них. В прошлый раз он глотал еду в тумане голода и усталости, зная только, что это — пища, но сейчас он смотрел на яства с большим вниманием. Тут было тушеное мясо и блюдо с жарким, уже нарезанным на порции, лепешки с джемом, торт с вином.

Когда они покончили со всем этим, муриец вздохнул.

— У нас не хватает только свежих фруктов.

Но их невозможно долго сохранять свежими на корабле. Ты хорошо спал?

— Я видел во сне… — Рей и сам не знал, зачем он сказал это, и испугался резкости следующего вопроса Че:

— Что ты видел, брат? — в его голосе слышались повелительные нотки, и Рей с готовностью ответил:

— Деревья, такой лес, в каком я очутился, когда вошел в ваше время. Я бежал между ними, а позади…

— Что позади? — настаивал муриец. — Что позади? — нетерпеливо повторил он, поскольку Рей не сразу ответил.

Американец пожал плечами.

— Не знаю что, но только я бежал от него. Да какое это имеет значение? Это же только сон. — Он удивился, что Че, казалось, принимал это всерьез.

— Только сон… Почему ты так говоришь, брат? Сны — это наши духовные проводники. Они предупреждают нас об опасности, проявляют чувства, о которых не знает наш бодрствующий мозг. Разве люди в твоем времени не думают о значении снов?

— Не совсем так. Во всяком случае, для меня

гораздо проще увидеть, что во сне я бегу от какой-то таинственной опасности в этом лесу, чем узнать, каким образом все это могло бы со мной случиться.

— Может, ты прав, — сказал Че, но Рей подумал, что ему не удалось убедить мурийца. — Пойдем на палубу.

Он протянул Рею плащ, а себе взял другой. Полная луна висела над кораблем. Ее чистый свет время от времени гасили облака. Весла были втянуты внутрь, но корабль быстро плыл, хотя парусов не было. Рей сообразил, что постоянная вибрация стен и палубы происходит от работы каких-то механизмов, которые движут корабль. Че отошел к рулю, и Рей присоединился к нему.

— Что несет корабль, когда весла внутри?

— Вот это, — охотно ответил Че, направляясь вниз, на шкафут. В проходе между скамьями был полуоткрыт люк, и Рей заглянул в маленькую кабину с металлическими стенками. Апо, помощник Че, налаживал на какой-то металлической коробке рычаги, а она гудела и жужжала, как живая.

— Наш энергетический приемник. Волны энергии передаются от станции на суше и улавливаются кораблем. Близко от берега или в гавани

ими пользоваться нельзя, а некоторые старые корабли не могут прибегать к их помощи даже во Внутреннем море. Там им служат весла. Каждому судну приписана определенная волна, несущая энергию, и определенное время пользования ею, если только нет крайней необходимости.

Подошел с сообщением Хейн. Рей чувствовал, что незнание языка очень мешает ему.

— На западе корабль. Явно не наш, потому что зов ему послан давно, а ответа нет. Это либо пират, либо атлант. Мы не будем вызывать его на разговор, чтобы не вызвать нападения.

Его перебил крик Хейна. С поверхности волн дугой взметнулся вверх оранжевый свет. Че выкрикнул приказ, и тут же с носа их корабля взлетел зеленый луч. Свет на море затуманился и вспыхнул красным.

Че продолжал командовать. Рей попятился, чтобы дать дорогу людям, бежавшим в разных направлениях. Теперь их зеленый луч стал перламутрово-белым, превращая ночь перед кораблем в день, но сам корабль оставался в темноте. Свет на волнах тоже стал белым. Напряжение Че несколько ослабло.

— Это один из наших. Корабли атлантов не могут подделать этот сигнал. Мы должны узнать

его миссию и почему он не сразу ответил на наш зов.

Их луч стал серией вспышек. Когда другой ответил так же, Че перевел Рею:

„Корабль флота „Огненная Змея“ пострадал от шторма. Может идти только на веслах. Кто вы?“

— Сигнал им помогает, — сказал Че Хейну, и Рей, к своему удивлению, понял эти слова.

Снова вспыхнул далекий свет.

„Корабль сильно поврежден. Мы не можем пройти Внутреннее море. Солнцерожденная Айна передает слова прощания…“

— Мы возьмем команду на борт, а затем потопим их судно, — сказал Че. — Нельзя скармливать калеку волкам Красной Страны! Не повезло леди Айне — так потерять свое первое командование…

Женщина командует кораблем? — спросил Рей.

— Ну, конечно. Все Солнцерожденные служат Пе Му. Возможно, леди в один прекрасный день будет послана как его глашатай в какую-нибудь колонию, как она тогда будет приказывать флоту, если до этого не командовала кораблем? — удивленно сказал Че. — А у твоего народа не так,

брат?

— Нет, по крайней мере, там, где я живу.

— У нас очень много различий. Когда-нибудь мы поговорим о них. С леди Айной из Дома Солнца в Уйгуре я никогда не встречался, но слышал о ее мудрости и храбрости. И она уничтожит свой корабль своими руками, если это будет необходимо.

Они поспешили вперед, по ведущему их яркому свету. Хейн все еще бросал терпящему бедствие кораблю вспышки своего света, временами получая от него ответ. Вдруг Че крикнул Апо, чтобы тот занялся приемником, затем сказал Рею:

— Их заметил пиратский рейдер. Теперь дело в том, кто скорее доберется до корабля.

Волны кипели под острым носом корабля и расходились белой пеной. Матросы стояли на палубе с большими щитами, с мечами наголо, а некоторые занимались приземистыми машинами. Теперь они уже ясно видели „Огненную Змею“, окутанную светом своего же луча. Она низко сидела в воде, нижняя палуба была почти залита. А где-то в темноте подползал, чтобы расправиться с ней, рейдер. Рей различал на качающемся судне тени людей, пробегающих по его наклонившейся палубе. Вскоре на воду были спущены маленькие

лодки. Затем все они, кроме одной, устремились к кораблю Че. И он указал Рею на ту лодку, что осталась:

— Эта ждет леди Айну. Она должна уничтожить свой корабль.

По палубе, залитой водой, метнулась светлая фигура и прыгнула в ждущую ее лодку. Сильными ударами весел леди отогнала маленькое суденышко от тонущего корабля. При свете, все еще освещавшем опустевшую палубу, была видна стремительно несущаяся лодка. Затем вверх взлетел столб пурпурного пламени, залив небо и море алым злым светом и оглушив всех уханьем взрыва. Еще секунда — и „Огненная Змея“ исчезла.

Первые спасенные уже перелезали через поручни корабля Че, и командир подошел приветствовать их. Чужие громко выкрикивали какой-то клич и поднимали в приветственном салюте руки. Затем появился офицер. Он наклонился, чтобы помочь взобраться на палубу леди Айне.

Она была худощава, не очень красива, но держалась, по мнению Рея, как королева. На ее темных волосах не было шлема. Жемчужная полоса на лбу, концы которой были вплетены в косы, указывала на ее высокий ранг. Леди была в

тунике до колен и латах на груди и спине.

— Приветствую тебя, лорд Че! — четко сказала она низким, но приятным голосом. — Поскольку „Огненной Змеи“ больше нет, я прошу для моих людей твоей милости.

И как это было ни поразительно, Рей опять все понял, хотя и был уверен, что леди Айна не посылала ему ментолуча.

Че поднес пальцы ко лбу.

— Леди Айна, Солнцерожденная Уйгур, тебе стоит только высказать свои желания. Корабль и его люди к твоим услугам.

Девушка засмеялась, утратив часть своего величия.

— Тогда давай уйдем отсюда, лорд Че, пока не случилось худшего. Красные волки унюхали нас, почуяв наш сигнал.

Че кивнул и отдал приказ. Леди Айна указала на своих офицеров:

— Это — Хик, это — Румаха.

Че, в свою очередь, представил ей своих людей. Потом рука мурийца легла на плечо Рея и подтолкнула его к девушке.

— Мой брат по мечу, Рей.

Леди Айна улыбнулась.

— Счастлива приветствовать вас, милорды,

хотя очень хотела бы встретиться с вами в более удачное время и по лучшему поводу. Атлантида, похоже, идет на открытую войну.

— Да, наверное, потому нас и призывают обратно. Ты окажешь честь нашей команде?

Твердым шагом моряка она спустилась в кают-компанию. Че подвел ее к креслу и предложил вина.

— Неужели правда, что они осмелились напасть на „Белую Птицу“? — спросила она, потягивая вино.

— Видимо, поэтому нам и дан приказ возвращаться. Если так, они примут на себя весь гнев Ре Му.

Она нахмурилась, вертя в пальцах бокал.

— Жители Тени узнают, что, хотя мать и терпелива, терпению ее приходит конец. Те, кто выживет, не скоро забудут наказание, которое она обрушит на них. Неужели, лорд Че, ты был у Красных в плену? До нас дошло такое известие.

Муриец в ответ вытянул руки. На запястьях еще были видны следы от оков.

— Десять дней пираты держали меня в цепях, а затем продали атлантам.

Леди Айна чуть не задохнулась от гнева.

— Значит, это правда! Они посмели наложить

руки на Солнцерожденного, как будто он какой-нибудь преступник или не имеющий дома! Как же ты сумел освободиться?

— С помощью Пламени, работая над их темным мозгом…

Ее глаза блеснули.

— Да! На это у них нет ответа, как бы они ни старались. Против этого бессилен сам Баал. Значит, ты убежал…

— Мне помог мой брат. — Он снова коснулся плеча Рея. — Потому что я был истощен лишениями и не смог держать власть до конца. Но брат освободил меня.

— После того, как ты первый освободил меня, — поправил Рей.

— Кто ты, что говоришь на чужом для нас языке? С какого корабля ты пришел, лорд Рей?

— Не с корабля…

— Откуда же? Я не знаю ни одной колонии в Бесплодных Землях…

— Я пришел из далекого будущего. Я понимаю, что это звучит невероятно, но это правда. Другого объяснения нет. Я был в своем собственном времени и вдруг очутился в лесу, а затем был захвачен атлантскими охотниками. Они взяли меня на свой корабль, где уже был Че.

Она пристально рассматривала его, как бы читая его мозг, взвешивая каждую мысль.

— Это правда. Наакали говорят в храмовых школах о таких путешествиях. Но никто из тех, кто рискнул на это, не вернулся. Ты не похож на нас — ты прошел долгий путь, но ты плохо выбрал время — или случай выбрал его для тебя.

Рей удивился тому, что она так спокойно приняла его невероятное объяснение. Какой прием оказали бы мурийцу, если бы он попал в родной мир Рея? Об этом не хотелось думать. Может, ему еще повезло.

Леди Айна встала.

— Спасибо тебе за помощь в эту ночь, лорд Че. Теперь я должна послать рапорт матери-стране. У тебя найдется каюта для отдыха моему телу?

Че раздвинул занавеси и показал леди ожидавшую ее койку. Она вошла и на секунду остановилась, прежде чем задернуть за собой занавес.

— Удачи нам всем, начиная с этого часа. — И полог за ней закрылся.

Через час Рей сидел рядом с Че на носу „Властелина Ветра“. Их толстые плащи отсырели от морских брызг. Луна спряталась за облака. И они знали, хотя и не видели, что где-то в темноте рейдер пытается перерезать им путь.

— Если бы мы решились напасть на них, они улепетывали бы от нас, как трусливые пожиратели падали на равнинах. Но сражаться, когда мы в море одни, было бы безумием. Насколько нам известно, это всего лишь разведчик флота. И как Кондоры Майякса собираются в стаю, чтобы убить пуму, так и они бросятся на нас всей сворой, чтобы потопить наверняка.

— А если разведчик нападет?

— Пусть попробует, — оскалился муриец.

Когда они шли к „Огненной Змее“, весь экипаж стоял на палубе с оружием в руках. И теперь, хотя „Властелин Ветра“ вернулся на свой курс, стеной сомкнулись щиты, боевые машины были наготове, люди занимали боевые посты.

Приказ — и раздался слабый звон: по бокам скамей для гребцов поднялись защитные экраны до уровня верхней палубы. Неподалеку от Рея вытянулась из бокса длинная метательная трубка, около нее хлопотали три матроса. Один из офицеров „Огненной Змеи“ подошел с рапортом.

— Да, все в готовности, — сказал Че. — Люди леди Айны пришли к нам не с пустыми руками, а принесли свои огнеметы и установили их рядом с нашими. Нам стоит только послать боевой сигнал. И тогда рейдер притупит свои зубы на

смерти!

Че пошел на корму, Рей последовал за ним. По пути муриец смотрел, как идут приготовления к бою. Добравшись до задней палубы, он принялся шагать взад и вперед, теребя пальцами край плаща, пока ткань не порвалась. Рей вглядывался в темноту.

— Хотя бы они скорей появились, — бормотал он.

Очень давно — или так теперь казалось, и очень далеко отсюда (ему легче было думать о своем мире как об отдаленном от него пространстве) Рея обучали войне. Не такой, конечно, но сражения не так уж и отличаются друг от друга. Подумав об этом, он подумал и о том, что ожидание с древнейших времен было мощным оружием, им пользовалось множество людей во множестве мест в течение многих столетий.

— Это как раз то, чего они так не хотят делать, — продолжил его мысли Че. — Они прекрасно знают цену вынужденного ожидания — ожидания до тех пор, пока первоначальная бдительность не ослабнет. Вот тогда они пойдут в атаку. Мы должны следить за морем без устали. Если я когда-нибудь пройду через пять стен, которыми эти сыны Баала пользуются как щитами, и встречусь

с ними лицом к лицу, чтобы их спины были у таких же стен и не было бы дыры, куда они могли бы удрать, — тогда будет заплачено за все ожидание, за каждую минуту этой ночи. Только вот, жаль, облака скрыли луну — Солнце хочет, чтобы у нас утром был туман!

Рей взглянул на низкие облака.

— Это означает плохую погоду?

— Возможно. Пойдем-ка, посмотрим еще раз на переднюю палубу.

Через скамьи на шкафуте был положен настил, который составил новую палубу. Она была заполнена дежурной командой. На носовой палубе люди стояли теперь по своим боевым местам у трубки и машин. И здесь было мягкое освещение.

— Пока ничего не видно, Солнцерожденный, — доложил дозорный.

— Не видно, — повторил Че как бы про себя. — Туман на заре будет, как ты думаешь?

Хейн, высоко подняв голову, как бы принюхиваясь к ветру, изучал облака.

— Туман точно будет, Солнцерожденный. Возможно, даже дождь. Боюсь, мы должны идти только в одном направлении.

Че ударил кулаком по поручням.

— Под этим прикрытием рейдер подползет незаметно!

— Да, Солнцерожденный. Но туман и для нас тоже прикрытие, если удача будет благосклонной к нам.

Че резко повернулся.

— Именно так и должно быть. Они вытянут свою сеть и обнаружат, что она пуста. Но мы ни в коем случае не должны недооценивать их и думать, что удача целиком на нашей стороне. И я уверен, никто из них не успокоится до тех пор, пока не увидит, что берега Внутреннего моря сомкнулись вокруг нас.

— Истинны твои слова, Солнцерожденный. Атланты знают все хитрости отца всего Мрака, а зло расплодилось на земле от него.

— Пусть так, — твердо и холодно сказал Че. — Даже если удача отвернется от нас, и мы будем захвачены, в наших руках все же останется последняя, самая великая хитрость, которой можно воспользоваться только по нашему приказу. Солнцерожденная Айна указала нам путь сегодня ночью.

— Ты имеешь в виду — взорвать корабль? — спросил Реи.

— В этом случае мы пойдем к Солнцу с полным

почетом, прихватив с собой на последний суд множество своих врагов. Ни один корабль матери-страны не должен попасть в их руки, пока жив хоть один человек истинной крови. И если мы сделаем это, то наш переход из этого мира в другой будет чище и быстрей, чем тот, что даровали бы нам атланты, попади мы к ним в руки, уж это мы хорошо знаем.

К ним подошла леди Айна.

— Ты на боевом посту, лорд Че?

— Ждем рейдера. Он придет, — сказал он уверенно, кивнув на море. — Ты послала свой рапорт?

— Я сообщила о гибели „Огненной Змеи“, и Великий одобрил мои действия. Ре Му шлет тебе благодарность и приказывает поспешить, потому что, если на нас нападут, помощь придет слишком поздно. Но затем что-то случилось, лорд Че, и это напугало меня. — Она говорила тихо, и Рей видел, что она вцепилась в свой плащ с такой силой, что побелели костяшки пальцев. — Я была отрезана!

Че повернулся к ней в изумлении.

— Что ты хочешь сказать?

— Мой контакт с матерью-страной был прерван — и не по воле Ре Му. Такого никогда не

случалось.

— Как прерван?

Она вздрогнула, будто на ней не было плаща, и ветер пронизывал ее до костей.

— Словно вдруг опустился черный занавес. Я мысленно спросила — ответа не было. Я ждала до тех пор, пока на хранителе времени не прошло два круга, и потом попыталась снова. Ответа не было даже от берегового наблюдателя в храме Майякс!

Че молчал, и она спросила почти жалобно:

— Что это может значить?

Лицо мурийца застыло — он так глубоко задумался, что не видел ни ее, ни окружающих. Она коснулась его руки, и он вздрогнул от этого легкого прикосновения.

— Что… что это? — снова спросила она.

— Это может означать, что атланты полезли в Проклятые Материи, чтобы открыть секрет Солнцерожденных, — сказал он.

Она отшатнулась, словно услышала нечто чудовищное. Хейн громко вскрикнул. Но глаза Че блеснули.

— Они скоро будут жить по ту сторону мрака и холода! Как они посмели? Это означает, что дверь внутренней власти теперь закрыта для нас. Если

нам придется сражаться, мы можем рассчитывать только лишь на свои силы и оружие.

Леди Айна в какой-то мере обрела свою прежнюю безмятежность, или, может быть, просто сумела взять себя в руки.

— Может ли человек спорить с судьбой? Но мы должны быть достойными той задачи, что возложена на нас. И никто не смеет говорить о поражении до того, как началась битва. — Она улыбнулась Че, как бы для того, чтобы он не счел ее слова упреком. — Я попробую еще раз связаться с матерью-страной, но если рейдер придет, прошу тебя вызвать меня. — И она ушла.

Че посмотрел на Рея.

— Похоже, ты и впрямь попал в сети. Эта вражда ничего не значит для тебя. И для тебя куда безопаснее были бы пустые равнины Бесплодных Земель, чем эти воды, когда из них выйдут Красные волки!

Он был совершенно прав: эта вражда не касалась Рея. Она была за много эр до него, до его рождения. Но помимо этого было и кое-что другое. Их с Че связали узы братства. Казалось, это были только слова, наивный обряд другой расы. Но он задел сердце Рея. И Рей принял его всерьез.

— Когда наша кровь смешалась на рукояти

меча, ты сказал, что мы — братья…

— Так и есть!

— Разве это не значит, что в этом сражении мы должны быть вместе? Конечно, я пришел сюда не по своей воле, но сейчас я должен сделать выбор, и я его сделал. У меня нет больше родины, но есть друзья. Думаю, что есть.

— Об этом нечего говорить, — ответил Че.

— И у меня также есть враги, — он показал на море, — там. Вот мой выбор.

Че кивнул.

— Может, ты не пожалеешь об этом, брат.

„Аминь“, — подумал Рей, — но не сказал этого вслух.

— Итак, они выключили наше радио, — сказал Рей, по-своему интерпретируя услышанное от леди Айны.

— Выключили… радио? — спросил Че.

— Ну да, вашу систему связи.

— Ты думаешь, это машина? — Че улыбнулся. — Я забыл, что ты очень мало знаешь о нас. Для общения с Ре Му нам, Солнцерожденным, не нужна машина. Во времена потрясений даже некоторые из его высших офицеров обучаются Наакалями принимать чужие мысли, так же как мой мозг может теперь касаться твоих. Именно

так леди Айна рапортовала о потере „Огненной Змеи“. Так могут делать только те, кто рожден с этой силой, или те, кто этому обучен.

— Тогда каким образом атланты могли вмешаться в телепатию? — спросил Рей. Он поверил в нее, испытав ее на своем собственном опыте.

— Это мы и должны открыть. Никто, кроме обученных посылать мысли через большие расстояния, не может это сделать, а всех таких мы знаем. По крайней мере, мы так считали до сегодняшнего дня. Мы знали, что у Красных Мантий есть что-то в этом роде, но мы не думали, что они могут вмешаться в истинный посыл. Оказывается, могут! Ре Му и мать-страна ничего не узнают о нашей судьбе здесь, на севере, если мы не сможем пробиться своей мыслью в Майякс. За всю нашу историю такого никогда не случалось, и нам в голову не приходило, что это может произойти!

Небо на востоке медленно светлело, а холодный ветер пробивал даже теплые плащи.

— Туман и дождь, как и предсказывал Хейн, — заметил Че. — Будем надеяться, что сынам Баала так же трудно увидеть нас, как и нам их. Пошли, поедим.

В кают-компании они увидели леди Айну, сидящую в конце длинного стола. Ее лицо в розовом

свете казалось осунувшимся. Она заставила себя улыбнуться, а затем покачала головой, отвечая на беззвучный вопрос Че.

— Стены остаются. Если мы будем сражаться, то в одиночку.

Че тяжело опустился на скамью.

— Вполне возможно. Но, может быть, этого не будет, по воле Пламени. Давайте примемся за еду. — Он хлопнул в ладоши, вызывая слугу, и леди Айна выпрямилась в кресле.

— Корабли матери-страны славятся своим провиантом. На Уйгуре нет таких лакомств, как в Му. Так, по крайней мере, говорили наши офицеры, которые бывали в Му по делам, — улыбнулась леди Айна.

— А где Уйгур? — спросил Рей.

Она повернула к нему голову, широко раскрыв глаза от удивления. Че подошел к карте на стене и стал водить по ней пальцем. Слева осталась часть Му в Тихом океане, а за ней береговая линия азиатского материка, очень отличающаяся от той, что знал Рей. Океан далеко вклинился в ту часть суши, где должен был быть Китай, а часть пустыни Гоби и высокогорье будущего Тибета сформировали новый берег. На это и указал Че.

— Уйгур.

Леди Айна не сводила глаз с Рея.

— Как случилось, что ты не знаешь Уйгура?

— По тем же причинам, по каким два дня назад я не знал Му. Я из другого времени. Мы там ничего не помним об Уйгуре.

— Но помните об Атлантиде, — задумчиво сказал Че. — Почему Красная страна вошла в будущее, как легенда, а все остальные — нет? Что они сделали, эти поклонники Тени, какой великий огонь зажгли в своем времени, что тепло и дым его прошли через неисчислимые столетия?!

Глаза леди Айны стали мрачными.

— Видимо, какое-то бедствие. Что знает твой народ о Красной стране, лорд Рей?

— Что это был континент в океане. В наше время в нем остались небольшие острова на востоке и на западе, что континент погрузился в океан из-за одновременного действия землетрясений и гигантских волн, которые явились результатом каких-то злых действий его обитателей.

— Потерянная земля. А ее искали в ваше время, старались найти то, что от нее осталось?

— Искали очень тщательно и доказали научно, что Атлантида вообще никогда не существовала. Считается, что это просто легенда.

Вошел слуга с подносом, и они принялись за

еду. Но Рей часто поглядывал на карту и удивлялся, почему в его времени так и не нашли следов такой могучей цивилизации, которые доказали бы правдивость легенд. Мир, который он видел на карте, в его время географически очень изменился. Только немногие земли остались такими же. И все же высокая цивилизация не могла исчезнуть бесследно.

— Рейдер на горизонте! — заглянул в каюту Хейн.

Рей от неожиданности уронил ложку в чашку, разбрызгав еду по столу. Че мгновенно выскочил на палубу.

— Вон там! — Хейн указал на темное пятно в тумане.

— По местам! — скомандовал Че.

Кто-то подошел к Рею, стоявшему у поручней. Это была леди Айна. Она должна бы оставаться внизу, подумал Рей, но потом вспомнил, что девушка командовала таким же боевым кораблем, как этот, и больше разбиралась в этих делах» чем Рей. Но рейдер, видимо, не заметил их, потому что не изменил курса и скрылся в тумане. Но напряжение на «Властелине Ветра» не спало.

— Он вернется, — пообещал Че. — Сейчас он пытается учуять нас в тумане, как пантера, которая

идет за жертвой, уткнув нос в ее след. Смотрите — вот он и возвращается!

Он был прав. Острый нос корабля снова прорезал молочно-белый туман. Он описал круг и подобрался к «Властелину Ветра» поближе. Рею трудно было представить, что на этом темном клине такие же люди, какие окружали его здесь. Не было слышно ни звука, только плескали пенные волны, когда «Властелин Ветра» шел своим курсом.

Затем, как бы давно зная, что они здесь, и только играя с ними в кошки-мышки, рейдер вдруг сменил курс и пошел прямо на мурийское судно. Че спокойно скомандовал:

— Апо, держи курс вперед, что бы они ни предприняли. Нам нужно избежать боя. Хейн, пускай огнеметы в ход только тогда, когда мы будем достаточно близко. Держи все наготове и жди моего приказа.

Офицеры заняли свои посты. Хик и Румаха из экипажа леди Айны стояли на шкафуте. Солдат-слуга вышел из кабины с тремя щитами из красноватого металла и с длинными нарукавниками, сделанными из того же материала. Че надел нарукавник на левую руку Рея и показал, как крепить на нем щит.

— Это защита против огнеметов, — пояснил мурiец. — Как только увидишь, что рейдер пустил в ход черные трубки, — такие, как и у наших людей, прикройся щитом. Я не уверен, что у него есть смерть-дыхание, рейдеры редко им пользуются. Будем надеяться, у него слабая защита. — Взяв свой щит, Че пошел к рулю. — Еще сутки — и мы войдем во Внутреннее море и избавимся от всякого преследования.

Леди Айна повела плечами, как бы скидывая тяжкий груз.

— Тогда, — ответила она почти весело, — чего нам бояться? Мы, люди истинной крови, наверняка сможем все это время удерживать последователей Тени на безопасном расстоянии. Смотрите, даже сейчас они виляют, как бы боясь напасть, хотя встали в боевую позицию…

И в самом деле, темный корабль словно пребывал в нерешительности, хотя в искажающем, все скрывающем тумане это могло быть всего лишь иллюзией. Однако Рею показалось, что нос рейдера чуть повернул в сторону, в то время как «Властелин Ветра» продолжал идти своим курсом. Леди Айна была права: стремительное продвижение врага замедлилось, и он чуть вильнул в сторону. «Властелин Ветра» прошел мимо

рейдера и почти скрылся в тумане.

— Они боятся нас! Они не смеют столкнуться с мощью матери-страны в открытом бою! — воскликнула девушка.

Че покачал головой, явно недовольный.

— Странно. По всем правилам они должны были напасть на нас и вдруг свернули в сторону.

— На что может рассчитывать какой-то рейдер против корабля флота, готового к битве и желающего ее? — возразила она. — Капитан просто-напросто руководствуется здравым смыслом. Они могут прятаться тут, выжидая, не пошлет ли им их Баал удачу, но не рискнут отведать наших зубов.

В течение следующих двух часов казалось, что леди Айна права — рейдер словно бы и в самом деле боялся открыто напасть на мурийское судно. Он оставался на виду, шел за ними по пятам, но и только.

Хейн, однако, разделял недоверие к этой скользящей угрозе. Время от времени он поднимал голову от руля и почти рассеянно поглядывал на их непрошеного спутника. Так продолжалось до тех пор, пока лучи полуденного солнца не пробились сквозь облака.

Че приказал подать людям еду на палубу, и сам

тоже ел, настороженно следя за рейдером.

— Может, они ждут ночи, надеясь, что темнота будет благоприятствовать им? — Че стряхнул крошки с пальцев.

— Давайте и мы ждать ее, Солнцерожденный, — ответил Хейн. — Темная ночь — удача для нас. Может, сумеем скрыться…

— Нет! — Че скинул плащ. — Нет! Они идут!

Рейдер подходил с большой скоростью. Рей вытащил меч, который дал ему Че, и с интересом осмотрел блестящее лезвие. Это оружие не для его рук. Он держал его неумело; потом провел пальцем по острым краям и, в конце концов, вложил меч обратно в ножны. Его умение сориентироваться в бою, его крепкие руки и умение драться послужат ему лучше всякого меча. Правда, несмотря на службу в войсках в своем мире, Рей впервые участвовал в настоящей войне.

Команда готовилась к бою спокойно и умело, еще раз проверяла свое оружие. Рей позавидовал их ловкости, с которой они занимались своим делом.

— Не забывай, что щит для защиты от смерти-дыхания, — напомнил Че.

Рей кивнул.

Атака началась неожиданно, как тропический

ливень. С носа рейдера вылетел зеленый луч, не теряющий своей яркости даже на солнце, и ударил в борт «Властелина Ветра». Рей почувствовал запах гари.

— Слишком низко! — закричала леди Айна.

Дюйм за дюймом этот зеленый свет полз выше, туда, где ждали мурийцы. Пальцы ее схватили руку Рея.

— Подними щит!

Рей взмахнул щитом и слегка пригнулся за этим барьером, который вдруг показался ему слишком уязвимым и низким. Луч заскользил по палубе.

Один из матросов, обслуживающий смерть-дыхание, страшно закричал и, содрогаясь в конвульсиях, откинул правую руку. На голой коже по-змеиному извивалось ярко-зеленое пятно. Матрос снова закричал, отскочил от машины, которую обслуживал, и упал на палубе неподалеку от Рея. Американец шагнул вперед, протягивая к нему руку, но Че схватил его за плечо и потянул назад.

— Нет! Мы ничем не можем ему помочь. Он уже мертв, а ЭТО будет атаковать другую живую плоть.

Человек вскрикнул еще раз, затих, и все отсту-

пили от его скорченного тела.

— Смотри! Поев один раз, оно ищет другую жертву! — прошептал Че.

Это зеленое пятно больше ничем не напоминало луч света. Став более материальным, с собственной злой жизнью, оно сползло с руки мертвеца на палубу, вытянулось в змею и поползло вперед. Хейн склонился над рулем, в его руке был кристалл грушевидной формы. Из кристалла вылетела искра и ударила прямо в световую змею. Раздался оглушительный визг, и зеленое существо исчезло, оставив на палубе черное пятно, от которого поднималась струйка дыма.

— Это… Оно было живое! — выдохнул Рей.

— Но не той жизнью, какую мы знаем, — ответил Че. — Это их любимое оружие. Сейчас они пошлют его снова…

С рейдера опять вылетел такой же луч, нацеленный уже выше. Он ударил в щит Хейна, и вцепился в него, как бы ища способ проникнуть через эту металлическую преграду. Затем луч отскочил, но только для того, чтобы ударить остальных, одного за другим. Когда луч дошел до щита Рея, то навалился на него страшной тяжестью, так что американец с удивлением отступил на шаг, прежде чем понял, что этому давлению

можно противостоять. Край щита касался его тела, а за этим краем что-то вертелось, извивалось и пыталось найти какую-нибудь щелочку в металле, чтобы добраться до Рея. Затем оно ушло. Луч пополз по металлическому экрану, защищающему шкафут и идущему до передней палубы. Но второй жертвы луч так и не нашел.

Однако «Властелин Ветра» не предпринимал контратаки, и это удивляло Рея. Судно не отклонялось от курса и не снижало скорости. Рейдер теперь несколько отстал, как если бы посыл луча замедлил его ход. Но после первого неудачного удара рейдер подготовил второй, который обрушился на судно с шумом, подобным дождю.

Рей посмотрел вниз. У его ног торчали две металлические щепки, еще дрожавшие от удара о палубу. Испуганно закричал Хейн: такая же щепка торчала из его плеча. Че бросился к рулю.

— Выпустить смерть-дыхание! — приказал он.

Один из матросов рядом с Реем установил на боксе трубку, а его напарник вставил в нее шар мертвенно-желтого цвета.

Шар молниеносно взлетел в воздух, покружился над рейдером и упал на носовую палубу. Поднялось облако ярко-желтого дыма. Рейдер быстро повернул, но дым уже стелился по его

палубе, и скоро плотное облако окутало корабль целиком, вплоть до ватерлинии.

Че передал руль одному из матросов.

— Это было сделано вопреки всем приказам, исключительно по необходимости, — сказал он. — Как у тебя дела, Хейн?

Офицер бессильно склонился к Рею, который поддерживал его. Лицо его, покрытое морским загаром, стало зеленоватым. Металлическая стрела, видимо, несла какой-то смертельный яд.

— Пусть другой выполняет мои обязанности, Солнцерожденный. Я…

Тело его обмякло, он всей тяжестью повалился на Рея, и американец отбросил щит, чтобы положить Хейна на палубу. Че обнял офицера за плечи, бережно поддерживая его голову.

— Не скорби обо мне — я иду к Солнцу. Зажги свечу от Пламени… за… — голова Хейна упала на грудь Че, и муриец нежно коснулся его покрытого смертным потом лба. Затем он взглянул на рейдер, который нырял на волнах, как если бы его руль не сжимала, как обычно, твердая рука.

— Вы заплатите, слуги Тени, Клянусь в этом Пламенем! Клянусь, что последняя цена крови Хейна будет взыскана с вас в самом Пятистенном Городе! Пусть не в этом году — но это будет!

Рей помог ему завернуть мертвого офицера в плащ. Макросы в это время проворно вытаскивали из палубы металлические стрелы, стараясь не коснуться их обесцвеченных кончиков. Но для матроса, умершего от зеленого огня, и для Хейна этот бой был последним.

— Солнцерожденный! Посмотри на рейдер!

Только что вражеское судно беспомощно зарывалось носом в волны, брошенное на произвол судьбы своим рулевым. Но теперь корабль, повинуясь чьей-то опытной руке, снова шел вперед, хотя и не с прежней скоростью.

— Как это могло случиться? — воскликнула леди Айна. — Смерть-дыхание должно было убить всех на борту!

— Видимо, у них есть защита, о которой мы еще ничего не знаем, — ответил Че. — Но похоже, что они покалечены. Дайте мне отсрочку до завтра, и мы будем свободны. Но если они вызовут сигналом другой свой корабль…

— Да, — откликнулась леди Айна, — это вполне возможно. Видите, они едва ползут, но все-таки не оставляют нас в покое.

«Властелин Ветра» далеко опередил рейдер, но тот все-таки плелся позади тем же курсом. Покалеченная пантера явно не бросила своей охоты. И

в этой настойчивости было что-то дьявольское.

Под затянутым облаками небом ночь наступила рано. Молчаливое атлантское судно все еще преследовало их, угрюмо принюхиваясь к следу, хотя, видимо, у него не было ни желания, ни сил снова поравняться с «Властелином Ветра». Мурийцы включили белый бегущий свет, никакого ответа не приходило. Во всяком случае, он хорошо освещал волны, и можно было надеяться, что вражеский отряд не сможет подобраться к ним незамеченным.

Рей протер глаза, уставшие от того, что он напряженно вглядывался в море за кормой. Как и все вокруг, он не отцепил щит, хотя тот все больше и больше оттягивал ему руку Завтра они, как говорил Че, войдут во Внутреннее море и в случае чего смогут рассчитывать на помощь из фортов залива.

У руля лежали Хейн и матрос, зашитые в их боевые плащи, готовые к погребению на заре. А темный молчаливый враг все еще, крадучись, следовал за ними в кильватере.

Леди Айна ушла вниз, а Че взялся за руль. Рей решил подождать его. Он еще никогда так не уставал — по крайней мере, так ему казалось. И никогда так не боялся — американец неохотно

признался себе в этом. Рукопашный бой, пусть даже на мечах, человек может вынести. Но против ползучего зеленого огня, имеющего подобие жизни, и дождя из отравленных металлических шипов его прошлая боевая тренировка была бессильна. Пальцы Рея согнулись, словно охватывая ствол винтовки — оружия далекой эры, потом вокруг гранаты. Он мысленно составлял список того, что хотел бы иметь сейчас вместо бесполезного меча, тяжелым грузом висевшего на бедре.

Наконец, Че передал свой пост другому и сказал:

— Пошли отдыхать.

В каюте не было никого. Рей снял щит и промокший плащ. Че упал на скамью и склонился над столом, опустив голову на руки. Рей откинулся к стене и закрыл глаза. Еще секунду назад он ничего не желал другого — только закрыть глаза, уснуть и забыть обо всем. Но теперь, сомкнув веки, увидел… деревья! Ряды деревьев, поднимающихся к небу. Их ветви начинались гораздо выше головы Рея. Между деревьями без устали колыхались волны теней. И глубоко внутри Рея устало шевельнулось слабое беспокойство. Он чувствовал гаснущее желание пройти под этими ветвями глубже в тень деревьев. Где-то там были

ворота — прорыв в ткани времени, и, если он их найдет, то вернется…

Деревья стали темнеть, их стволы, ветви поглотила тень. И желание Рея вернуться к воротам времени исчезло. Он, наконец, уснул.

В кабинете директора было теперь пять человек вместо двух. Один из пяти привлек внимание всех.

— Я ничего не могу обещать вам, джентльмены. Психофизика — такая же экспериментальная программа, как и ваша «Операция Атлантида».

— Я знаю, — сказал Фордхейм, — что существует сотня разных экспериментальных программ…

— Скажите — тысяча, и вы будете близки к истине, — отвечал говоривший первым.

— Ладно, пусть тысяча, доктор Бартон. Но скажите мне вот что: кто-нибудь знает, что надо делать? Кто-то представляет себе весь объем действий?

— У них есть рапорты…

Фордхейм устало улыбнулся.

— А кто их читает? Вероятно, только некоторые комитетчики. Но кто-нибудь скоординировал полную картину?

— Вероятно, нет, пока не случится нечто вроде этого события и не возникнет необходимость

сделать это, — отвечал Бартон.

— Итак, правильно ли я вас понял, доктор Бартон? Вы считаете, что можете найти способ повлиять на нашего человека и сделать так, чтобы он вернулся к отправной точке? Какой-то ментальный процесс? Вы надеетесь, что Форд-хейм снова откроет свою дверь, или через что там вы хотите вызвать Осборна? — нетерпеливо спросил человек в генеральском мундире.

— Забудьте слово «можете», генерал Колфикс, — возразил ему Бартон. — У нас есть кое-какие результаты, поразившие нас. Но многое зависит от испытуемого и от обстоятельств. В нашу пользу то, что он, этот Осборн, внезапно оказался в ситуации, к которой совершенно не подготовлен, и которая поставит его в опасное положение. Согласно сведениям о нем, — он поднял бумаги, но не взглянул на них, а обвел глазами всех собравшихся в комнате, — он совершенно не имеет представления, с чем ему придется встретиться. Однако этот парень, как говорят, был «одиночкой», и это означает, что он, вероятно, достаточно самостоятельный, чтобы не впасть в панику. Как он там будет поступать, что делать — никто не может угадать. Мы можем лишь сравнивать его с контрольными животными, которых изучали.

Может быть, он мечтает о возвращении, о точке в пространстве, через которую можно шагнуть обратно, — в свой мир и свое время, если, конечно, он способен понять, что с ним случилось. Тогда наша задача относительно легка. Если же он так испугался, что бежал, подгоняемый паникой, — то в этом случае мы попробуем воздействовать на него через клетки мозга. Я надеюсь, в той временной эре он единственный. Во всяком случае, если Осборн не ушел слишком далеко, мы можем подобрать призыв настолько созвучный его типу, как мы этот тип представляем, что он вернется обратно.

— Во всем этом куча «если», — недовольно пожал плечами генерал Колфикс. — Не надежнее ли послать отряд…

— Допустим, вы провели свой отряд, — прервал его Фордхейм, — в дикую местность, какой, вероятно, был североамериканский континент четыре тысячи лет назад. Нелегко будет охотиться там за одним человеком. И если доктор Бартон может вызвать его обратно…

— Опять «если»! Почему вы думаете, что местность должна быть совсем другой?

— Вы видели фильм? — просто ответил Фордхейм. — Вы видели что-либо подобное в Огайо?

Такие деревья…

— …росли столетиями, я полагаю, — ответил Колфикс. — А если машинка доктора не сработает?

— Будьте готовы и к этому! — Харгрейв моргал покрасневшими от усталости глазами. — Может случиться и так, что мы никогда не увидим Осборна снова, он вполне мог умереть сразу после того, как был спят фильм. Мы не уверены, что кто-нибудь может пережить такое путешествие. Даже если мы не найдем его, мы рано ид поздно пошлем исследователей. Может быть, мыслелуч доктора поможет при следующей попытке, если не сработает с Осборном.

— Когда вы будете готовы? — спросил Бартона Фордхейм.

— Мы не получили ничего меньше по размеру, чем переносная рация, так что нам придется все делать заново. Мы будем работать круглые сутки и срезать все углы, какие сможем, но это займет, по крайней мере, несколько недель.

— Несколько недель! — повторил генерал Колфикс. — Чаю случится за это время с Осборном? Если он вообще еще жив.

Рей проснулся и некоторое время лежал, пытаясь удержать в памяти то, что ему приснилось,

это казалось ему очень важным. Но оно уже забылось. Над ним стоял Че, едва видимый в, сером свете пасмурного дня.

— Восход, — сказал муриец, как если бы это утверждение имело какой-то внутренний и важный смысл.

Американец встал, морщась от боли в сведенных судорогой мышцах, и пошел за Че на верхнюю палубу. Туман и облака исчезли. Океан вокруг был гладким, насколько это позволяло ему вечное движение волн. Небо на востоке стало золотисто-розовым. На палубе лежали два трупа, зашитых в плащи.

Че помедлил.

— Хейн, мой друг… — муриец пошел к поручням. Матросы подняли доски с убитыми. Весь экипаж, включая Рея, стоял, как на смотру. Флаг на корабельной мачте был приспущен.

— Море, — заговорил Че, и голос его креп с каждым словом, — наше древнее наследие, раскройся теперь для своих сыновей. Они часто выполняли свои обязанности и теперь отдыхают. Укрой их тела, в то время как их души обретут радость в покоях Солнца…

Доски наклонились. Рей услышал вздох леди Айны. Затем взошедшее солнце позолотило вол-

ны, и «Властелин Ветра» поплыл дальше. Ночью и в предрассветных сумерках за ними шла черная тень рейдера. Рей почему-то надеялся, что с новым ясным утром она исчезнет, и даже удивился, что рейдер все еще здесь. Это тревожило, не давало расслабиться. Рейдер не подходил ближе, может быть, не мог. Но команда мурийского судна продолжала стоять наготове и внимательно наблюдала за ним.

Разговоры прерывались долгими паузами.

— Этого не может быть! — воскликнул Че, вглядываясь в преследователя. — Они мертвые, должны быть мертвыми. Корабль управляется мертвецами!

Леди Айна прикусила губу, как бы удерживаясь от возражений. Но Рей ответил:

— Ты, вероятно, прав, ты знаешь силы, которыми управляешь. Но пока рейдер не подходит ближе… — он тоже чувствовал, как терзает нервы эта неотступная тень на море, которая не приближалась и не отступала, но шла за ними, тая в себе неведомую угрозу.

— Да, пока рейдер не подходит ближе, — как эхо повторила леди Айна. — А мы, вероятно, уже вблизи морских ворот Майякса. Ты знаешь, лорд Че, я никогда не видела матери-страны. Как и

лорд Рей, я окажусь в чужой местности, когда мы войдем в гавань Города Солнца. Он похож на Уйгур, — оживленно говорила она, пытаясь за словами скрыть свои чувства.

Че галантно вторил ей, отвернувшись от кормы.

— Нет, он совсем другой. Уйгур расположен в горах и узких долинах, а в матери-стране широкие поля по берегам рек. Город лежит в устье одной такой реки. Иногда жители делают маленькие кораблики и пускают их по воде. Люди поют, играют арфы…

Леди Айна вздохнула.

— Это в мирное время. Да, она сильно отличается от нашей продуваемой ветром страны, где стада диких лошадей бегают по окраинам, за которыми преступники сражаются с людьми-зверьми и дьяволами, чтобы сохранить свою жизнь.

— Значит, дьяволы Тьмы все еще существуют? — спросил Че.

— Шкура и длинные клыки одного из них были доставлены вместе с данью за месяц до отплытия «Огненной Змеи». Иногда наши юноши охотятся на них. У меня есть кинжал с рукояткой из зуба дьявола. Но этот дьявол был убит моим отцом

в юности. Они живут в горах, поодиночке, и спускаются только в тяжелые годы, когда голод вынуждает их охотиться в нашей стране.

— Так. А в Му говорили, что все дьяволы давно убиты и остались только в сказках, какими пугают детей. Дьяволы, Рев, в какой-то мере похожи на человека, но волосатые и с большой головой. Ходят на двух ногах. У них длинные изогнутые клыки. Они всегда живут в высоких диких местах. Охотятся по ночам. И на снежных горах оставляют громадные странные следы.

— Снежный человек, — вспомнил Рей.

— Они есть и в твоем времени? — спросила леди Айна.

— Тоже легенда. В стране, которую вы называете Уйгур, в мое время находятся высочайшие горы мира. Ваших дьяволов не раз замечали разные люди, видели их следы, но ни одного не убили и не поймали.

— Очень странно, — медленно сказала леди Айна. — Дьяволы в ваше время известны, а такая страна, как Му, — забыта. А еще что осталось?

— Скажи, — вмешался Че, — почему одно остается, а другое забывается? Дьяволы и Атлантида — почему они остались?

День был безоблачный и яркий. Стало теплее,

и они сняли плащи. Над ними появились яркие сине-зеленые птицы. На поверхности моря плавали островки темной травы, а один раз из воды высунулась рыбья морда, как бы разумно оглядывая проходивший корабль.

— Дельфин! — воскликнул, увидев ее, Рей.

Леди Айна проследила за пальцем.

— Морской танцор, — поправила она. — Значит, их ты тоже знаешь, лорд Рей?

— В мое время они привлекали к себе внимание ученых. Мы узнали, что у них высокий интеллект, и изыскиваем способы общения с ними.

Она переводила взгляд с дельфина на Рея и обратно.

— Известно, что морские танцоры дружелюбны, что они помогают пловцам в трудную минуту, поэтому они находятся под защитой Солнца. Ни один человек не смеет поднять на них руку, повредить им. Но они живут в море, а мы лишь на поверхности, в кораблях, или немного плаваем в воде. Этот мир закрыт для нас.

— Да, у вас нет субмарин, нет масок для подводного плавания или водяных легких…

Че внимательно слушал.

— Значит, твой народ сумел сделать так, чтобы морские глубины открылись человеку? Каким

образом?

Рей, как умел, описал устройство подводных лодок, рассказал, как люди его эры не только опускаются в глубины, но и с помощью водяных легких могут бродить там очень долго.

— Как прекрасно! — воскликнула леди Айна. — Путешествовать под водой! Поистине ты живешь во времена чудес, во времена, когда человеку открыт весь мир! Нас учили, что, как только война будет преодолена, то у нас тоже так будет.

— Война до сих пор с нами, — ответил Рей. — Очень многому мы научились только потому, что надо было либо защищаться, либо нападать. Нет, мой век далек от золотого…

— Какого золотого? — спросила леди Айна.

— Человеческий род оглядывается назад, на золотой век, когда не было войн и везде были мир и счастье…

Че хмуро улыбнулся.

— Когда это был такой век, брат? В наше время, которое для вас легенда? Нет, ты сам видишь, много ли мира у нас. В дни Гипербореи? У нас есть свои легенды, и они говорят только о смерти и бедствиях, возникших от человеческой алчности и вожделения. Если и был золотой век — где можно найти его? Только не в прошлом! Нас учили

смотреть в будущее.

— Которое в мое время не оставляет надежд на лучшее, — ответил Рей.

— Лорд! Сигнал!

Они повернулись к юго-западу на оклик дозорного. Послеполуденное голубое небо прочертила белая полоса.

— Сигналы башни внешних ворот, — сказал Че.

— Похоже, мы в конце концов выиграли бег, — сказала леди Айна.

Рей посмотрел за корму, рейдер все еще оставался там, хотя и стал уменьшаться, словно, наконец, остановил свой бег по морю.

Вот что, подумал Рей, держало их в напряжении: ожидание последней атаки со стороны этого зловещего черного призрака.

Леди Айна глубоко вздохнула.

— Даже воздух стал чище, оттого, что они уходят. Теперь будем смотреть вперед, а не назад. Будущее ждет нас.

Поднялась суматоха. Металлические стены, загораживающие шкафут, упали. Военные машины были спрятаны. Впереди, на узком мысу, острые скалы которого выдавались далеко в море, стояла высокая башня.

Че отдал последние приказы.

— Пойдем прямо, — сказал он Рею. — Я не буду останавливаться в Мануа, а пойду прямо в канал. Смотрите, они узнали нас и салютуют флагом.

Белые залпы взлетели с вершины башни, затем опустился и снова поднялся флаг. Ветер развернул его на минуту, и Рей увидел его эмблему — восходящие лучи солнца на зеленом поле.

Они обошли рифы, взяли курс на запад и мельком увидели другой мыс на юге. На нем стояло приземистое, окруженное земляным валом строение. Че улыбнулся. Напряжение ушло с его лица.

— Теперь мы внутри. Давай как следует поедим и выпьем, ничего больше не опасаясь.

Был еще день, когда они вернулись на верхнюю палубу. Че без устали ходил взад и вперед, почти не обращая внимания на других.

— Теперь мы плаваем не одни, — указала на море леди Айна. — Вон идет торговый корабль с зерном из матери-страны, а за ним корабль северного флота. Некоторым из них приказано стоять здесь, пока Северное море не будет вновь безопасно, а другие плавают только в этих водах. Внутреннее море всегда спокойно — штормы севера и капризы южных бурь ему незнакомы.

Два корабля впереди изменили курс и освобо-

дили проход для «Властелина Ветра».

— Почему они свернули?. — спросил Рей.

— Потому что мы вывесили вот это, — подошедший к ним Че указал на свой флаг, на малиновом поле которого гордо сияло полное солнце. — На башне знают, что мы везем важные известия, и отдали приказ дать нам открытую воду.

Когда стемнело, свет с корабля был направлен на этот флаг, продолжавший заявлять о необходимости быстрого хода. Да и на следующий день, хотя они шли по переполненным судами проходам вокруг гавани Мануа, все мгновенно уступали им дорогу. Эту столицу имперской провинции Рей видел только с моря, но ее высокие башни и пирамиды производили впечатление давно развитой цивилизации.

В эти дни он обнаружил, что язык матери-страны стал ему близок. Во всяком случае, он легко понимал и, только отвечая своим новым друзьям, чуточку запинался на его щелкающих согласных и смазанных гласных. Он пользовался любой возможностью, чтобы улучшить свои познания в языке, а Че давал ему еще уроки атлантского.

Первый раз они замедлили свой ход у каналов Западного моря. Рей отметил, как все здесь отличается от континента его времени. Хребет Южной

Америки должен в будущем стать острым гребнем Анд, а сейчас с палубы «Властелина Ветра» виднелись только небольшие округлые холмы.

На борту началась толчея — приходили и уходили чиновники. Но, наконец, киль «Властелина Ветра» скользнул в воды другого моря.

— Благодарение Солнцу, мы свободны! — воскликнул радостно Че, когда последний портовый чиновник покинул их корабль. — После всего случившегося мне не нравятся задержки, и я не собирался подчиняться портовым крысам.

— Ре Му… — начала леди Айна.

— Да, ему-то мы должны сказать правду, не скрывая ни одного слова. А правда эта неприятна. Ре Му, возможно, найдет, что мы могли бы поступить лучше. Но у нас нет его мудрости. И это было мое первое командование…

— Да, но ты хоть вернулся со своим кораблем, — вставила леди Айна.

— Все могло случиться, если бы судьба рассердилась на меня так, как на тебя. Если человек сделал все, на что способен, в его неудаче нет бесчестья.

— Какое синее море, — сказала она вдруг, как бы решив сменить тему. — У берегов Уйгура оно серое, и очень темное на севере, где омывает

Бесплодные Земли.

— Почему вы зовете их Бесплодными? — спросил Рей. — Места дикие, это верно, но они не бесплодные. Там леса… — Он остановился, подумав о высоких и темных, но живых деревьях.

— Вероятно, из-за того, что там нет колоний, — ответил Че. — Для нас, жителей матери-страны, они, похоже, запретны — словно хранящиеся там секреты не для глаз человека.

— А в твое время это ведь не так? — спросила леди Айна. — Расскажи нам об этих землях.

Он рассказал о множестве заполненных людьми городов, о перенаселении Земли, о больших магистралях, аэропортах, о полетах в космос…

— Вы хотите управлять Луной, посадить корабли на других планетах! — восторгался Че. — Человек может сделать так много… Однако ты говоришь, что все это трещит.

— Да. Чем больше приборов делает человек, тем больше от них смерти. Машины поднимаются в небеса, падают, и люди в них гибнут, или же они сеют смерть в своем полете, и женщины, и дети погибают в собственных домах. Люди повсюду говорят о мире на планете, и тут же нарушают все законы, которые сами создали. Одни имеют больше богатства, чем могут сосчитать, а другие

умирают от голода. Вот так…

— Так было всегда, — задумчиво сказала леди Айна. — Однако, мы все еще люди — одни добрые, другие злые. А ты когда-нибудь поднимался в небо?

— Да.

— На что это похоже?

— Вроде плавания. Можно видеть мир внизу или попасть в облака…

— Мне бы понравилось, — сказала Айна. — Как было бы хорошо, если бы ты принес такую птицу с собой…

Рей засмеялся.

— Есть много вещей, которые я мог бы принести, и они были бы очень полезны, но я никогда не думал бы о самолете.

— Наакали могли бы сделать такую птицу, — заметила леди Айна. — Надо посоветовать им найти такие знания.

Че испугался.

— Никто не может советовать Наакалям. Они сами решают, какие тропы мудрости будут открыты нашим ногам.

— Когда они услышат слова лорда Рея, они сами захотят пойти по этой тропе, — не уступала леди Айна.

Ее настойчивость, видимо, раздражала Че.

— Рей скажет Наакалям, да. Они пожелают услышать его, когда узнают о его появлении. Но советовать им мы не можем.

— Кто такие Наакали? — быстро спросил Рей, поняв, что леди Айна опять хочет возразить Че.

— Жрецы Пламени, стражи древней мудрости, искатели новых знаний, учителя человечества. Они путешествуют по колониям, распространяют знания, увеличивая, насколько возможно, запасы его в нас. О многом они говорят только Ре Му и, может быть, немногим Солнцерожденным, кто не болтлив и правильно заботиться о знаниях. Так почтили мою мать, когда она после смерти моего отца стала дочерью храма.

— Я войду в храм, когда моя служба на море будет кончена, — сказала леди Айна.

Че улыбнулся.

— Это ты сейчас говоришь, миледи. Но я готов поспорить, что через год ты позовешь какого-нибудь воина к своей правой руке. И тогда мы больше не услышим о храме.

Ее глаза вспыхнули.

— Уж не умеешь ли ты читать будущее, как Наакали и те, кто прошел Девять Таинств? — Она резко повернулась и ушла во внутреннюю

кающу.

Рей вопросительно посмотрел на Че. Тот все еще улыбался.

— Все женщины время от времени говорят, что мужчины для них ничто, и они предпочитают силы храма. Но все это быстро забывается, когда приходит время для свадебных браслетов.

— Му еще далеко?

— Мы войдем в гавань перед наступлением ночи и будем спать в доме моей матери. Я не думаю, что нас вызовут на аудиенцию до завтра, но леди Айна, наверное, пойдет ночью.

Через час раздался радостный возглас — «земля»! Были вытащены весла, и гребцы заняли свои места. Один из офицеров принялся весело отбивать ритм на маленьком барабане, и матросы гребли дружно и привычно легко.

— Полиция гавани, — Че указал на подплывающий к ним легкий бот.

— Что за корабль? — окликнули с бота.

— «Властелин Ветра» Северного Флота под командой Солнцерожденного Че с важными известиями для Ре Му.

— Проходите, — полицейский бот направился встречать тяжело двигающегося «торговца».

Овальная гавань была полна судов. Тяжелые

«торговцы», величавые пассажирские корабли, суда флота, баржи и рыбачьи шхуны качались здесь на якорях. Жужжание голосов поднималось над толпами работающих в доках.

За гаванью террасами уходил вверх город, не город — мечта: сверкание белого металла, радужные тона стен и башен, поднимавшихся все выше и выше. Дома и дворцы, которые Рей видел на берегах, вдоль которых они плыли раньше, казались, по сравнению с этими зданиями, грубыми хижинами какой-нибудь окраинной деревни.

— Это — сердце нашего мира. Что ты о нем думаешь, брат? — спросил Че. — Он сравним с городами твоего мира?

— Не думаю. По размерам — да, но не по красоте.

Они вошли в док, и Че передал командование своему помощнику. Когда они высаживались, почетная стража отсалютовала им мечами.

— Ты быстро прошел, Солнцерожденный, — сказал Че офицер стражи. — За три дня от Внутреннего моря, — с гордостью ответил Че.

— Хорошее время, милорд. Леди Айну ждут носилки. А вы, милорд, во двор леди Эйе?

— Да, — нетерпеливо сказал Че.

Леди Айна шагнула к ним.

— Похоже, наши пути расходятся, милорды. Друзьям и соратникам не обязательно церемониальное прощание. До новой встречи, и да хранит вас Пламя, — она приветственно подняла руку и в сопровождении почетной стражи исчезла, затерявшись в толпе. Офицер остался.

— Какие будут приказания, Солнцерожденный?

— Дай нам побыстрее пройти.

Офицер расчистил для них в толпе проход. Рей пошел бы медленнее, чтобы увидеть все, что можно, но Че торопил его. Два или три поворота с одной шумной улицы на другую — и они попали в более тихое место. Здесь тоже были повозки, лошади, ломовые телеги, но много и пешеходов. Яркие цвета, самые разнообразные одежды, различные расы мелькали перед глазами Рея. И ему хотелось разобраться в том, что он видел, слышал и чувствовал. Но сейчас времени для этого не было.

Че свернул в тихий узкий переулок, догнав сопровождающего их офицера, и остановился перед небольшой дверью в стене.

— Большое спасибо за компанию и помощь, милорд, — сказал он в то время, как дверь уже распахнулась от его резкого толчка.

Рей на мгновение заколебался, и офицер улыбнулся.

— Все мы знаем лорда Че. Он хороший сын леди Эйе. Отдыхайте в свете Пламени, милорд, — он отсалютовал им и ушел.

Рей вошел в большой сад, закрыл за собой дверь, которую Че оставил открытой. Там были пальмы и цветы и бассейн из мрамора. Растущие возле него папоротники отражались в его спокойной воде. У бассейна Че остановился и взглянул на Рея.

— Смотри. Это она, моя мать.

Женщина, пересекавшая лужайку, не поднимала глаз и казалась погруженной в свои мысли. Она была одного роста с Че, и ее кожа была почти такой же перламутровой, как жемчуга на шее и платье, а светлые волосы опускались до пояса толстыми, перевитыми жемчугом косами. Но Рей видел только спокойную красоту ее лица.

Какое-то воспоминание шевельнулось в глубине его души. Рей повернулся и пошел обратно к красной двери в белой стене, чувствуя, что какая-то могучая сила заставляет его делать это. Он шел как слепой, видя не то, что окружало его здесь, а то, что было перед его внутренним зрением. Дверь не уступила, когда он толкнул ее, и тогда

он с силой ударил по ней кулаком.

— Сынок…

Не слово, а только звучание его у него в мозгу, как было и с Че при их первой встрече. И сразу же его омыла теплая волна, несущая исцеление, отогнавшая мучительное воспоминание. Но он не повернулся — не решился. Его кулак в последний раз ударил упрямую панель двери. Он не хотел, он не мог повернуться и увидеть…

— Рей.

Его собственное имя, но сказанное не тем голосом, который он боялся услышать, а другим. Его рука упала.

— Рей…

Этот зов требовал повиновения, и Рей не мог оттолкнуть его. Он неохотно — ох, как неохотно — повернулся и увидел глаза, полные сострадания и заботы. Они смотрели в него, не на то, как он стоял сейчас, а на то, что он пережил последние месяцы. Эти глаза проникли через барьер между этим миром и его собственным. Он был уверен, что они знали…

— Рей, — послышалось в третий раз, и это был не призыв к вниманию, а только приветствие. И рука на его руке, как и эти всезнающие, всевидящие глаза, тянула его назад, в сад, и каким-то

образом одновременно притягивала к другой двери, невидимой, но ощутимой. И Рей освободился от мира, в котором родился.

— Проснись!

Рей открыл глаза. Он дрожал от холода, оледенело даже все внутри, хотя лежал он не на снегу, но, правда, и не на том ложе, на котором уснул.

Под его голыми ногами был холодный пол, залитый таким ярким лунным светом, что слепило глаза. Как он оказался здесь, почему стоял, положив руки на дверной засов? Он не имел никакого представления об этом и чувствовал только замешательство и растерянность.

— Проснись! — снова приказал негромкий голос позади Рея.

Он повернулся и увидел фигуру в мантии с капюшоном, наполовину в тени, наполовину в этом ярком лунном свете. Рука поднялась и отбросила капюшон. Рей стоял перед леди Эйе. Она протянула к нему руку, и на раскрытой ладони лежал шарик, горевший чистым белым светом, на мгновение ослепившим Рея.

— Пойдем… — сказала она почти шепотом, потом повернулась, словно была уверена, что Рей не может не повиноваться ей, бесшумно пошла по освещенному луной залу к полуоткрытой двери,

и скрылась за ней. Рей шел следом.

Там леди Эйе положила светящийся шарик на маленький треножник, и свет тут же разгорелся, осветив комнату со стульями, кушеткой и столом, заваленным полотняными свитками.

— Сюда! — она указала ему на стул у стола, и Рей сел. Он все еще дрожал от холода не столько внешнего, сколько внутреннего.

Леди Эйе налила вина в белую чашу в виде цветка и добавила туда несколько капель из маленького, длиной в палец флакончика.

— Выпей! — Она вложила чашу в руку Рея.

И снова Рей повиновался. Жидкость была теплой, и пока он глотал ее, становилась все теплее. Когда он поставил опустевшую чашу на стол, леди Эйе подошла к нему и положила руки ему на плечи, заставляя его взглянуть ей в глаза.

Это было… это было, словно все унесла сила власти, какую нельзя ни понять, ни контролировать. Слабое инстинктивное сопротивление Рея тут же ушло. Он не Понимал, чего хотела от него леди Эйе, но она явно ждала какого-то ответа.

Наконец она разорвала контакт, сняла руки с его плеч. И только тогда Рей осознал, как крепко держала его эта сила.

— Что случилось? — Он впервые рискнул спро-

сить, даже не отдавая себе отчета, о чем хочет узнать. Как он попал в этот холл? Чего она ждет от него?

— Ты шел спящий, — сказала леди Эйе, — ведомый какой-то силой не из твоего бодрствующего мозга. Я изучала природу этой силы, откуда бы она ни исходила.

— Ходил во сне? Но…

— Ты хочешь сказать, что раньше этого не делал. Насколько я знаю, это правда. Послушай, сын мой. Ты знаешь, что я в храме и поэтому многому обучена. Твое время во многом полагается на материальные вещи, на знание, опирающееся на то, что можно видеть, слышать, осязать или ощущать. У нас другое учение. Оно имеет дело с невидимым, неслышимым, с тем, что ощущается только косвенно и не задерживается в чистом свете дня. Но ты не нашей крови и не из этого мира, и многое, лежащее в тебе, ново для нас. Возможно, у вас есть силы, каких мы не знаем, хотя и опытны в таких делах. И эти силы, которых мы пока что не понимаем, могут согнуть твою волю. Когда кто-то из моего народа ходит во сне, это знак, что он под контролем. Это может быть злом, и жертва должна подвергнуться очищению в храме…

— Как — под контролем?

— Движимый чужой волей. Обычно это проделывают над людьми сыны Тени.

Рей покачал головой.

— Я не атлант. Я сказал Че и тебе полную правду.

Леди Эйе кивнула.

— Я знаю это. Для человека из храма прикосновение Тени, словно сажа на человеческом лице. И если бы тобой завладели против твоей воли, я бы узнала это, когда минуту назад «читала» тебя. Но что-то толкнуло тебя идти, в то время как другая часть твоего мозга оставалась спокойной. И это важно узнать. Может быть, твое собственное время все еще держит твой дух и требует тебя. А может…

— Что? — все, что она говорила звучало вполне правдоподобно.

— Что-то еще стремится воспользоваться тобой. Когда тебя пленили атланты, один из их Красных Мантий смотрел на тебя, так ведь? И те, кто взяли тебя, отдали ему то, что было на тебе, когда они захватили тебя. Таким образом, у него есть мысленное изображение тебя, и вещь, которую ты носил на своем теле. Сильный враг может сделать с этим очень многое. Но если дело только в этом,

то на некоторое время ты в безопасности. Точно сделанное жрецами твое изображение послужит для того, чтобы ты не был больше мишенью для такого контроля и вторжения в твой мозг. Люди нашего храма поработают для тебя!

— Но… Ведь это колдовство! Оно же нереально! Это все равно, что втыкать в куклу иголки и воображать, что при этом страдает враг.

Она так тяжело вздохнула, что Рей поднял глаза.

— Что ты знаешь о куклах, иглах и желании зла?

Теплота исчезла из голоса леди Эйе, сменившись отчуждением.

— В мое время это считают сказками, в которые разумные люди не верят.

— Вот как? Ну, так они дураки, а не разумные. Древняя власть, вероятно, почти забыта, но некоторые силы все же приходят на зов желающих зло. Не презирай старые сказки, человек из другого времени, потому что в них лежит зерно истины. В мире существуют свет и тьма, и люди склоняются к тому или другому. Каждое требование имеет свою цену, и если они хотят платить, — к ним приходит знание и возможность им пользоваться в зависимости от степени

обучения. Те, кто не имеет знания, видят несколько материальных предметов и думают, что все дело в них. Не понимая сути происходящего, они боятся и в страхе бегут от того, что лежит за этими игрушками. А в то же время это, поверь, отнюдь не игрушки. Прислушайся к тому, что я говорю. Насмешка над такими серьезными вещами может стоить тебе жизни!

На Рея эти слова произвели впечатление против его собственной воли. Она безоговорочно верила в то, о чем говорила, и он должен был принять это как часть этой жизни.

— Значит, ты думаешь, что жрец атлантов пытался направить меня на какой-то путь. А зачем?

— По тем причинам, которые ты и сам сможешь назвать, если подумаешь. Ты вовсе не глуп. Во-первых, ты новый человек, брошенный в старые распри во Бремя кризиса. С таким всегда следует обращаться осторожно.

— Но у меня нет никаких особых способностей.

Она несколько утратила свою отчужденность.

— Всего один человек, нарушивший равновесие в ту или другую сторону, может повернуть течение истории в новое русло. То, что ты несешь в мозгу, может оказаться полезным тем людям, с которыми ты свяжешь свою судьбу. Это одна

причина, чтобы наложить на тебя мысленный контроль, хотя попытка сделать это в истинной цитадели Солнца говорит о невероятной дерзости тех, кто служит тьме. Во-вторых, ты среди нас, мы тебя приняли, и ты можешь стать для них глазами и ушами. Нет, — видимо, она правильно прочла его чувства, — не надо сердиться. Для них было бы выгоднее иметь тебя с твоим познанием такого, какой ты есть. Возможно, — она снова нахмурилась, — я поступила неправильно. Может, лучше было бы следить за тобой и ждать…

— Увидеть, куда я пойду? — Он понял ее мысль. — Если я сделаю это снова…

Леди Эйе покачала головой.

— Сейчас ты не пойдешь, по крайней мере, в течение нескольких дней. Разве я не сказала, что сделано твое изображение, чтобы освободить тебя от чужого влияния? Но жрецы храма узнают больше, чем я. А сейчас, — ее руки снова легли на его плечи, но на этот раз для того, чтобы помочь ему встать, — ты вернёшься в постель, будешь хорошо спать и проснешься утром освеженным и спокойным.

Может, ему приснилась эта встреча, думал Рей, поворачиваясь на кушетке и чувствуя горячие лучи солнца на голове и плечах. Нет, она вспом-

нилась ему во всех деталях, со сновидениями так не бывает. Это было как бы предупреждением.

— Эй! — сказал, входя Че. — Вставай, брат. Нас ждет не только завтрак, но и прекрасное утро!

Они выкупались в бассейне с серебряным песком на дне и фантастическими чудовищами, вырезанными по его краям. Потом надели шелковые туники.

— Волосы у тебя отрастают, — заметил Че. — Это хорошо.

Свободнорожденный воин не стрижется, как слуга. — Он расчесал свои длинные волосы и закрепил из сзади заколками с драгоценными камнями.

Леди Эйе уже сидела за столом на террасе, выходящей в сад. Она крошила лепешку и бросала крошки на каменный пол ярким птицам, смеясь их жадности. Она протянула руку как Че, так и Рею, и американец постарался скопировать грацию мурийца, когда целовал ей руку.

— Прекрасное утро, сынки. Но его нельзя провести, как хочется…

— Вызов? — быстро спросил Че.

— Именно. Во дворец. Может, после этого мы покажем Рею город.

Но американцу показалось, что она смотрит

на него озабоченно. Может, она все еще думает, что он — угроза всему их миру, бессознательный шпион в их среде? На небе не было ни облачка, но холод прошлой ночи мурашками пробежал по его спине.

Че стал учить Рея придворному этикету, и Рей заставил себя сосредоточиться на его словах. Похоже, что мурийский император жил не в обычной для правителей пышности, и полуофициальная встреча, на которую их позвали, могла стать суровым испытанием, но форму все равно следовало соблюдать.

Через минуту леди Эйе прервала сына:

— Рей, Ре Му не похож ни на одного человека из нашего мира, и, я думаю, из вашего тоже. Он в самом деле особенный, избранный Солнцерожденный; во время обучения он подвергался таким испытаниям, которые обычный человек не может вынести. Наше правление переходит не от отца к сыну, как это иногда бывает в меньших королевствах, но к лучшему человеку из следующего поколения. Его тщательно выбирают из всех Солнцерожденных. Тот, кто сидит на троне Солнца, действительно один из нас, он доказал свое право держать в руках всю власть. Не смущайся перед ним: он видит правду и фальшь

много глубже, чем всякий другой, и честный человек с добрым сердцем не должен испытывать страх в его присутствии.

Было ли это предупреждением, или она просто успокаивала его? Кто знает. Но отступать было некуда, и, кроме того, он, Рей, насколько ему известно, честен. Рей вдруг испугался собственных мыслей. При чем тут его честность? Предупреждения, колдовство — выкинуть их из головы и сосредоточиться только на том, что произошло. Он готов говорить без утайки, и каждое его слово будет правдой.

Они сели в занавешенные носилки. Такой способ передвижения не слишком нравился Рею, но он был продиктован обычаем. Впереди носилок шел эскорт солдат из дворца, они расчищали путь и следили, чтобы их путешествие совершалось как можно скорее. Когда носилки наконец опустились, Рей увидел, что они с Че и леди Эйе находятся во внутреннем дворе. Перед ними была лестница, по которой леди Эйе повела их куда-то наверх. Рей держался шага на два позади нее слева, а Че — справа.

Поднявшись, она сказала часовому пароль, и он посторонился, пропуская их во внутренние покои.

В дальнем конце их висел занавес цвета слоновой кости, а перед ним — серебряный гонг с молотком. Леди Эйе дважды ударила в гонг, и прежде, чем стихло эхо, из-за занавеса послышался голос:

— Входи, Эйе, дочь моя, с сыном сына моего брата и иноземцем издалека.

Они вошли в большую комнату, где ни драгоценные камни, ни металл не нарушали гладкость стен и пола из слоновой кости. Центр сводчатого потолка открывался в небо, и прямо под отверстием сидели четыре человека. Вместо ярких шелков, какие Рей видел на мурийцах, трое были в белых мантиях, вроде той, что была на леди Эйе прошлой ночью, с откинутыми капюшонами. Они были стары, сгорблены, с такими же белыми, как их мантии, волосами.

Четвертый человек сидел чуть поодаль. Он был в желтой тунике, с поясом из того же красноватого металла, что и щиты, прикрывающие людей в битве. Голову его венчала корона в виде солнечного диска с девятиглавой змеей. Леди Эйе опустилась перед ним на одно колено, Че и менее проворный Рей последовали ее примеру.

— Приветствую тебя, Эйе. И тебя, Че. — Темно-голубые глаза правителя взглянули на Рея. — И

тебя тоже, иноземец, совершивший такое далекое путешествие. Идите сюда, — он поднялся с кресла и повел их в другой конец комнаты, где стояли скамьи из слоновой кости с шелковыми подушками, в велел им сесть напротив.

— Леди Эйе много рассказывала нам… — начал он.

Рей смотрел на правителя, не отрываясь. Эти синие, как у леди Эйе, глаза, казалось, видели не то, что было перед ним, а то, что лежало за внешней оболочкой мира, в его глубине. Они были старые и мудрые такой мудростью, какой американец никогда не встречал в своем мире, и времени. Однако правителю вряд ли было больше пятидесяти.

Он посмотрел на Че.

— Ты почувствовал, что тот рейдер был странным судном?

— После того, как двое из моего экипажа были убиты, мы выпустили смерть-дыхание. Оно окутало весь корабль, но он все равно шел за нами, словно люди на его борту оставались живыми.

Один из Наакалей подвинулся ближе и сказал:

— По нашей науке, от этого оружия не может быть защиты. Значит, они обладают мудростью, какой у нас нет.

— Если так, боюсь, что они заплатили за нее такую цену, которая в дальнейшем ляжет на них огромной тяжестью, — ответил Ре Му. — Они еще пожалеют… — Он сделал паузу и чуть заметно улыбнулся. — Ты поступил правильно. Че. А теперь… — Его глаза снова обратились к Рею. — Я думаю, ты уже оказал нам некоторую услугу, человек из будущего, когда освободил Че из рук атлантов. Может быть, твои силы вне пределов нашего знания, может, чужды нам. Но почему ты связал свою судьбу с Му?

— Мой собственный мир исчез. Что же касается Че, то он первый помог мне. А насчет другого — не знаю. — Он помолчал. — Смогу ли я вернуться в свое время?

Ре Му повернулся к жрецу, и Наакаль ответил высоким тонким голосом:

— Как юность приходит к нам во сне, так и мы сами посещаем другие времена духом — так могло бы быть. Но переносится туда телом — это другое дело. Никто из наших, кто отважился на это, не вернулся.

— Я думаю, что эту истину ты должен принять, — сказал Ре Му, но его глаза проникали в Рея все глубже и глубже, и через некоторое время он добавил: — Твое имя — Рей — похоже на наше

слово, означающее власть Солнца, это могущественный знак. Скажи, что ты думаешь о корабле атлантов, который должен был стать мертвой скорлупой, а, однако, шел за вами?

— Что это было зло.

— В этом мы все с тобой согласны. Я тоже так считаю. А встретив новое зло, о нем следует хорошенько подумать. — Он замолчал, и когда заговорил снова, голос его звучал властно: — Пусть этот юноша числится Солнцерожденным, как сын нашего дома. На нем будут обязанности его положения, потому что, скажу тебе, мой сын, наши обязанности сильно перевешивают наши права. И, может быть, наш мир покажется тебе грубым. Изучай его, как можешь, так же, как и он будет изучать тебя.

Аудиенция была окончена, их отпустили. Выйдя в другие покои дворца, Рей пытался понять, какова была причина воздействия на него Ре Му. Не мурийская манера держаться, как бы хороша она ни была, и не какая-то великая мудрость его слов. Дело не в том, что Ре Му делал или говорил, а в том, что было за его словами, что окутывало его, как громадный плащ, та сила, которая заставляла благоговеть перед правителем и чтить его. Они вернулись к носилкам и ожидающему их

эскорту. Леди Эйе улыбнулась.

— Поскольку мы теперь свободны, я бы предложила отправиться на рыночную площадь, чтобы Рей увидел торговые ряды.

Похоже, теперь уже можно было откинуть занавески носилок, Че не замедлил сделать это, и теперь Рей мог смотреть на город. Улицы были широкие, хорошо вымощенные, с цветниками, с каменной оградой и небольшими деревцами. У площади они остановились, и леди Эйе отпустила носилки и эскорт.

Рей видел в толпе людей, одетых попроще, чем он и его спутники, но никого не было в лохмотьях, как нигде не было видно лиц изможденных.

— Продавцы цветов, — леди Эйе указала на буйство красок, затопивших улицу.

Че подошел к одному лотку и через минуту вернулся с букетиком, издающим сильный, сладкий запах, и поднес его матери. Она понюхала цветы.

— Почему дыхание весны не растет в нашем саду? Сколько раз мы пытались его вырастить, ухаживали за ним, холили, но все равно этот цветок всегда погибал. Тайна, которую не разрешат и Наакали. А сейчас, — она дотронулась до руки Че, — с меня причитаются подарки по случаю вашего возвращения. Самое время их выбрать.

— Нас все еще приветствуют? — засмеялся Че. — Ну что ж, воспользуемся этим. Куда пойдем?

— К Крафити, я думаю.

Они прошли переулок, где продавались цветы, и вышли на улицу, вдоль которой тянулись открытые лавки. Солнце играло на товарах, разложенных на подносах. Рей никогда не видел такой выставки драгоценностей. И теперь в изумлении глазел по сторонам, чуть было не отстав от своих спутников. Некоторым камням оправой служил незнакомый ему красный металл, и он спросил Че, что это такое.

— Орихалк. Он состоит из золота, меди и серебра, но в какой пропорции — это секрет кузнецов.

Один из торговцев встал приветствовать леди Эйе.

— Истинно Пламя милостиво сегодня ко мне, если Солнцерожденная леди и ее лорд пожелали посетить мою бедную лавчонку.

— Да, Крафити, если ты хочешь показать шедевры, то лучше не испытывай наше терпение. Я слышала о некоем головном украшении…

— Пусть Солнцерожденная соблаговолит сесть, и ей принесут для осмотра все, что она пожелает. Ахейм, — обратился он к помощнику, — принеси

корону ста десяти.

— Сейчас мы увидим настоящую красоту, — наклонился Че к Рею. — Крафити — большой мастер, и его люди привозят ему лучшие камни со всех концов света.

Появился помощник с подносом из эбенового дерева. На его черной поверхности стоял бюст женщины в натуральную величину тоже из черного дерева, и на ее голове сияла корона. Сетка из розового жемчуга предназначалась для зачесанных назад волос, а на лбу поднималась девятиголовая змея из таких же жемчужин, и Рей заметил, что некоторые из них были величиной с ноготь его большого пальца. Леди Эйе коснулась змеиной головки и сказала:

— Ты умеешь искушать. Теперь, когда я увидела это, я не успокоюсь, пока корона не будет моей.

— Конечно. Разве я, делая это, не думал о Солнцерожденной? Я еще никому не предлагал эту вещь. Если бы ты не пожелала ее, я бы ее разобрал и использовал бы жемчуг по-другому.

— Она моя. Вели принести ее в мой двор. А сейчас покажи мне браслеты, потому что я должна сделать подарки по случаю возвращения воинов, служивших в далеких местах. — Она улыбнулась Рею. — Такой у нас обычай — дарить небольшие

драгоценности тем, кто вернулся из трудных путешествий. Выбери один из этих браслетов и носи его на счастье.

Рей в замешательстве посмотрел на кучу браслетов с драгоценными камнями.

— Выбери сама, это же твой подарок.

Она снова улыбнулась, и он понял, что она довольна.

— Тогда этот, — леди Эйе указала на браслет, вырезанный из черного янтаря в форме девятиглавой змеи с бриллиантовыми глазами. — Змеи для мудрости, в которой нуждаются все люди. А этот браслет отличается от всех.

— Кроме этого, — ответил Крафити, держа в руках браслет из молочно-белого нефрита, сделанного по тому же рисунку, — только змеи были с рубиновыми глазами.

— Тогда этот для тебя, Че, если он тебе нравится!

— Как прекрасно он сделан! — восхитился Че.

— На внутренней стороне напиши имена, — приказала торговцу леди Эйе. — На черном — «Рей», на белом — «Че», и пришли их вместе с короной.

— Будет сделано, Солнцерожденная.

Рей посмотрел на лежащие рядом браслеты,

черный и белый, оба по контрасту казались ярче. Змей, как видно, здесь почитают, подумал он, и не испытывают против них предубеждения как люди его времени.

Браслет был прекрасен, настоящее произведение искусства, и, к тому же, подарок друзей. Но почему-то… Он и сам не знал почему, ему хотелось оставить браслет здесь, в этой лавке — пусть его носит кто-нибудь другой. Словно эта черная полоска предвещала что-то зловещее. Он быстро вскочил, осознав, что его ждут, и леди Эйе внимательно наблюдала за ним.

— В чем дело? — спросила она чуть-чуть резко.

— Ничего. Контраст черного и белого еще больше привлекает глаз.

Она взглянула на браслеты.

— Да, ты прав. И это все?

— Все, — твердо ответил он. Он не хотел больше думать о предчувствиях — в этом мире они возникают слишком уж легко.

Хотя жизнь в доме леди Эйе была роскошной, она отнюдь не была праздной. Задачей Рея было учить мурийскую грамоту, чтобы читать книги-свитки. И это было нелегким делом. Но постепенно Рей начал замечать, что некоторые стороны мурийской жизни не так открыты ему,

как эти свитки, в которые он каждый день погружался.

Леди Эйе надолго исчезала из дома — ее призывали храмовые обязанности. Храм был единственным большим зданием в городе, куда Рея не приглашали. Рей считал, что храм — сердце страны. Почему же ему его не показали?

«Может, это непреднамеренно?» — раздумывал он однажды утром, глядя в окно на зелень деревьев. Но вскоре услышал разговор Че с матерью, из которого понял, что Че собирается в храм на особую церемонию, посвященную погибшим в море.

Однако, Рея на нее не пригласили. Не ходил ли он снова ночью, повинуясь тому, что леди Эйе считала контролем чужой воли? Если да, то он об этом не знал. Не вызывает ли он у них подозрение? Может, именно поэтому его и не берут в святилище, которое почитают?

Солнце было символом верховного божества мурийцев. Это понятно: поклонение солнцу — древнейшая из всех религий. Но было еще и Пламя, о котором они время от времени упоминали, оно также было знаком религиозного обряда и силы.

Итак, думал Реи, его держат в определенных

границах, приглашают только на прогулки по городу, на рынок, в доки с Че и однажды позвали на увеселительную прогулку по реке вместе с гостями леди Эйе. Рей откладывал в памяти все, что видел, чтобы как следует обдумать, но его не покидало неприятное чувство, что ему показывают лишь внешнюю сторону вещей, а все, что происходит в этой стране на самом деле, от него скрывают. Несмотря на дружеское обращение, он все-таки оставался для них чужаком.

— Милорд…

Он так погрузился в свои мысли, что вздрогнул, когда это слово донеслось до него от двери. И в нем тут же вспыхнуло подозрение: может, он просто не замечал, а на самом деле его никогда не оставляют одного? Рей оглянулся на слугу.

— Да, Темпро?

— Милорд, посланец от Великого.

— Леди Эйе и лорд Че ушли…

— Посланец хочет говорить с тобой, милорд. Он очень спешит.

Королевский посланец — к нему?

— Впусти его.

Но Темпро уже исчез, и через минуту на его месте стоял человек в форме дворцового стража.

— Солнцерожденному приветствие. Великий

просит твоего присутствия в Зале Неба.

Рей кивнул. Мысли его спутались, и он забыл, как полагается отвечать в таких случаях по этикету. Он пошел за стражем к носилкам. И как только он уселся в них, занавески тут же были опущены, так что и Рей ничего не видел, и его никто не видел. Почему? Его воображение находило кучу ответов, каждый из которых был невероятней предыдущего. Носильщики бежали крупной рысью, что говорило о большой спешке.

Он услышал окрик часовых и тихий ответ сопровождающего. Затем они свернули с шумной улицы на сравнительно тихую. Наконец, носильщики остановились и опустили свой груз на землю.

Рей вышел, но не в тот двор с фонтанами, куда их доставили в прошлый раз. Он оказался в узком пространстве между двумя высокими стенами. Никакие растения не нарушали строгость этой белой каменной протяженности, которая вызывала угрюмую настороженность. Прямо перед Реем была дверь в башню, казавшаяся не такой гладкой, как белые стены.

Приглядевшись, Рей увидел на ней золотые символы. Но, несмотря на его недавнее терпеливое обучение, ему не удалось прочесть их, да и

посланец-офицер, стоявший в дверях, торопил Рея.

— Великий ждет! — сказал он с нетерпением. — Наверху. — Он посторонился, пропуская Рея на лестницу, которая вилась вокруг внутренней стены башни. И американец стал подниматься по ней наверх, а офицер остался внизу.

Внутри башня была на удивление проста, как будто ее сознательно скопировали с более древней и грубой архитектуры тех времен, когда человек строил из необработанного камня и учился мастерству в процессе постройки. Лестница привела его в пустую комнату, занимавшую всю внутреннюю часть башни, и снова витая лестница наверх, через вторую пустую комнату, потом через третью — и Рей оказался в самом верхнем зале. Здесь его ждали не только Ре Му, но и двое Наакалей. В круглой стене за ними виднелись непрозрачные овалы: это явно не были окна, потому что солнечный свет не проникал через них, а помещение освещалось шарами, поставленными на треножники возле каждого из трех сидений. В остальном комната была так же пуста, как и те, что остались внизу.

Рей преклонил колено, чувствуя себя при этом неуклюжим дураком, и все же, следуя дворцо-

вому ритуалу. Но почему-то никто из них не ответил на его приветствие:, вместо этого Рей оказался в центре их испытующих взглядов, и его недовольство возросло. Создавалось впечатление инквизиции, хотя за Реем не было преступления, за которое следовало бы отвечать.

— Это правда. Мы вызвали тебя не для какого-либо отчета, — заговорил Ре Му. — Нет, ты вызван сюда не из-за чего-либо совершенного в прошлом, а для грядущего действия.

Рей растерялся.

— Ты думаешь, я замышляю повредить вам каким-нибудь образом?

«Так и есть, подумалось ему, значит, не напрасно леди Эйе предчувствовала недоброе».

— Нет, ты можешь сделать нам благо, а не зло! Расскажи ему, Уча.

— Дело в том, — начал один из Наакалей, — что люди Атлантиды и в самом деле закрыли проходы для мысли, чего никогда не делалось с тех пор, как страна и живые существа вышли из ила морского дна после гибели Гипербореи в безднах.

В матери-стране всегда были умы, умевшие устанавливать связь мозга с мозгом и общаться с подобными себе в колониях. Таким способом Ре Му отдавал приказы вице-королям других

земель. Теперь же мы можем так говорить только с пограничными постами Майякса, но не дальше. Те, кто добровольно захотел уйти от нас в Тень, поставили барьер, и никто из нас не может его пробить. А мы должны узнать, ради спасения матери-страны, какие злодеяния замышляют они за этим барьером.

Ре Му наклонился вперед, и снова всезаполняющая аура, бывшая, казалось, частью его существа, окутывавшая его, словно плащ, захлестнула Рея. И американец не знал, было то по воле правителя или нет.

— Итак, мы не можем разбить этот барьер. Но есть очень малый шанс, что это можешь сделать ты. Ты пришел из времени, где у народа совсем другие мысли и силы. То, что является преградой для нас, для тебя, возможно, не помеха. Захочешь ли ты помочь нам, чтобы мы через тебя смогли увидеть, что делают наши враги?

— Ты имеешь в виду… послать меня в Атлантиду? — растерянно спросил Рей.

— Не телом, нет, только мозгом, — ответил Наакаль Уча.

— У нас много возможностей, — добавил Ре Му, — сделать такое путешествие безопасным для тебя, — он остановился, глаза его, не отрываясь,

смотрели в глаза Рея, — ах, да, я вижу, ты очень мало знаешь о мозге и его силах. В твоем времени сила основана на других значениях, так что ты не можешь выпустить то, чего не понимаешь и не контролируешь. Много ты и не подозреваешь. Но ведь ты уже разговаривал, как мы, — мозг с мозгом. Когда-нибудь ты научишься управлять внутренней силой и будешь пользоваться ею, как все Солнце рожденные. Но я уважаю твое колебание, поскольку для тебя это нехоженые дикие места без проложенных троп.

Я нужен им, подумал Рей, они будут бережно обращаться с необходимым им инструментом. И это правда, что он, Рей, общался с Че и с другими, и вреда от этого не было. Однако…

Леди Эйе предупредила его — может быть, он уже был проверен как инструмент… С другой стороны…

— Нет! — Ре Му снова прочел его мысли. — Подумай, разве мы рискнули бы пользоваться тобой, если бы сомневались? Доказательство этого ты сейчас увидишь.

Второй Наакаль достал из-под своей мантии магический кристалл, точно такой же, какой держала в руке леди Эйе в ту ночь, когда Рей ходил во сне.

— Возьми его в обе руки и приложи сначала к сердцу, а потом ко лбу.

Жрец не протянул кристалл, а бросил его с расстояния, и Рей послушно поймал его в сомкнутые ладони. Кристалл был не холодным, как ожидал Рей, а тепловатым. Рей прижал его к груди, а затем, по жесту Наакаля, ко лбу.

— Теперь верни его.

Наакаль протянул руку, и Рей бросил шарик обратно тем же способом, как и получил. Шарик слабо заблестел, но во всем остальном не изменился. Правитель и двое жрецов, взглянув на него, кивнули.

— Никто, запятнанный Тенью, не мог бы этого сделать, — сказал Ре Му. — Ну, что скажешь нам? Выбор должен быть добровольным.

— Как я узнаю, на что глядеть, если пойду? — спросил Рей.

— Тебя пошлют в точно рассчитанные места, — ответил император.

— Когда?

— Сейчас. Отсрочка опасна.

Рей облизал сухие губы. Да или нет? Он не сомневался, что они твердо верят в то, что хотят сделать. Но для него это был вопрос. «Ну, что ж, поверю им, раз это так важно, решил он.»

— Идет, — коротко ответил он, вдруг испугавшись, что его нежелание возьмет верх.

Наакали встали. От прикосновения к стене плита повернулась и открыла бассейн с искрящейся водой. Когда он окунулся в нее, она слегка покалывала его тело. Затем на него надели такую же, как и у Наакалей, белую мантию и посадили в кресло, на котором раньше сидел Ре Му. Теперь правитель стоял позади Рея, плотно закрыв ладонями его глаза.

— Смотри на черный занавес, висящий перед тобой, — приказывал мурийский правитель.

И перед мысленным взором Рея внезапно возник занавес, черный, плотный, реальный, падающий тяжелыми складками.

— Иди через него! Вперед! — прозвучал в его ушах приказ.

И Рей повиновался. Он ощутил в пальцах гладкую ткань занавеса, его тяжесть, когда откинул его, чтобы пройти. Затем Рей вцепился в него почти что в агонии, потому что вокруг него металось обжигающее пламя.

— Назад! — откуда-то слабо выкрикнул голос.

Рей качнулся вперед. Ход был открыт и обещал избавление от огня, которого Рей не видел. Он нырнул в него и очутился на свету.

Рей стоял в конце длинного зала с колоннами. И хотя над красными стенами сгустились тени, все-таки на них можно было рассмотреть фрески. Изображения на них казались очень подробными, точными и ужасающими, только демоны из ада могли придумать и изобразить такое. Рею было тошно смотреть на них, и он попытался отвернуться, но воля, контролировавшая его действия, приказывала ему разглядывать весь этот ужас, как будто оценивала всю непристойность и жестокость этих адских фресок.

Пробираясь в тени за колоннами, Рей обнаружил, что он здесь не один. За черным каменным алтарем и вокруг него стояла группа людей, поглощенных каким-то действом. Они монотонно пели. Рей не понимал слов, но тихо встал за колонной, зная что тут происходит нечто такое, чему тоже следует быть свидетелем.

На алтаре раскорячилась золотая статуя. У нее была бычья голова с широко раскинувшимися рогами, неуместными, такими странными в соединении с человеческим телом. Над ней парило мрачное черное облако. Без большого удивления Рей признал в нем Зло, присущее мыслям того, чьим символом была эта статуя.

У алтаря стояли пять человек. Двое в красных

мантиях, с лысыми черепами, похожие на того атлантского жреца, которого Рей видел на корабле, явно были служителями этого мерзкого бога. Третий — в воинских доспехах, а четвертый — в богатой мантии и со множеством драгоценностей. Его маленький круглый рот с бледными губами казался похожим на присосок осьминога. Маленькие глазки глубоко сидели в складках жирной кожи. Рей тут же почувствовал ненависть и отвращение, словно его чувства обладали теперь такой силой, что отозвались мгновенно и оглушительно.

Пятый человек лежал на нижней ступеньке алтаря. Он был раздет и связан — беспомощный пленник. Но изнутри его существа словно исходил свет, который Рей истолковал как отражение отчаянной храбрости. По его волосам и цвету кожи Рей догадался, что это муриец. Пение утихло. Один из жрецов двинулся вперед, мрачные блики играли на лезвии в его руке.

— Негодяй! — Пленник плюнул в Красную Мантию. — Му встанет против всех вас и вашего дьявольского бога!

Лезвие вонзилось в тело пленника, которое выгнулось от этого удара дугой да так и застыло. Второй жрец уже собирал хлынувшую кровь в

чашу. Чаша передавалась из рук в руки, и собравшиеся у алтаря пили из нее. Рея мутило. Он боролся с волей, державшей его здесь, пока, наконец, его не отпустили. Ужасный зал исчез. Теперь Рей стоял высоко на стене над гаванью, забитой кораблями. Он оставался тут довольно долго, словно все, что было внизу, тщательно изучалось через его глаза, хотя для него эта картина была всего лишь множеством кораблей разных форм и размеров.

Затем исчезла и гавань, и Рей очутился в другом зале, но на этот раз не в храме, а во дворце. Хотя стены здесь были из того же красного камня, но других тонов. Кроме того, их украшали гобелены с фантастическими рисунками.

Человек в драгоценной мантии, которого Рей видел у алтаря бога-быка, сейчас сидел на троне в окружении придворных. И над всем собранием парило мрачное облако. Рей знал, что это субстанция злого духа, владевшего теми, кто тут был, и не удивился своей способности видеть это. Перед Посейдоном — потому что этот человек не мог быть никем другим — стояла группа пленников, это были крепко скованные мурийцы. Как бы с громадного расстояния до Рея донеслись слова правителя. Зрение его было много ясней,

чем слух.

— Вы остались одни, — говорил правитель, — ваша мать-страна оставила вас. В эту ночь кровь вашего капитана утолила жажду Баала. Му теперь — просто щепотка пыли на подоле нашей мантии, и мы стряхнем ее, чтобы она развеялась по ветру. Вы еще увидите это…

Один из пленников откинул голову, чтобы отбросить назад спутанные волосы.

— Творящий зло, Му будет жить вечно! Его руки всегда над нами. Если по его воле мы должны умереть для блага других, то мы умрем. Неужто ты, отродье мрака, думаешь, что хоть один из сыновей Му станет делать зло по твоей воле?

Посейдон улыбнулся жестокой улыбкой.

— Так, — его голос стал таким тихим и далеким, что Рей едва различал слова, — и ты все еще говоришь, выпрямив шею, с надменностью на губах и с вызовом на языке. Ладно, я убью тебя не сейчас. Я приберегу тебя для того дня, когда ты босиком побежишь по углям, оставшимся от Му, и ступни твои будут гореть.

— Мать-страна не так легко падет и не в то время, когда хоть один из вас еще будет дышать. Если ты веришь тому, что сказал, то ты круглый дурак! — быстро ответил пленник.

Жирные щеки Посейдона потемнели и как бы набухли от злости.

— Увести их в ямы.

Воля снова вызвала Рея, когда он бросил последний взгляд на мурийских пленников, которых стражи волокли по плитам. На этот раз он оказался в торговой лавке, похожей на те, какие встречались ему на рынке мурийского города.

— Не хватит ли нам стоять в стороне от торговцев Му, — сказал один из бывших там людей, поднял кружку, отпил и деликатно прикоснулся к губам квадратиком льняной ткани.

— У матери-страны великие силы, — с сомнением ответил один из его компаньонов.

— Да! — Торговец отхлебнул снова и облизал свои пухлые губы. — Но разве жрецы Баала знают меньше?

Затем Рей перенесся в верхнюю комнату башни или какого-то высокого здания, поскольку из окна, где-то далеко внизу, виднелись проблески света. Впервые с тех пор, как Рей прошел через ворота времени, он оказался среди предметов, близких его эпохе. Это явно была лаборатория. За столом в углу сидели два атланта в красных мантиях.

— Нам нужен человек для корма, — сказал

один. И, хотя Рей сидел близко, их голоса опять доносились до него, словно издалека.

— Для этого есть мурийский пленник. Пусть же встретит он объятия Преданного Тьме, как и весь его род в будущем! — Лисье лицо жреца засияло от нетерпения, похожего на голод, и облако зла над его головой стало темнее и гуще. Но его собеседник разглядывал в задумчивости свои руки, лежавшие на столе, и его длинное лицо выражало сомнение.

— А что, если мы откроем ворота, а закрыть не сможем? Иной раз я боюсь, что мы зашли слишком далеко и продвигаемся слишком быстро…

— Разве лорд Тени не станет защищать свое добро? День Пламени теперь на закате.

Какое зло они тогда творили, Рей не запомнил. Если чья-то воля наблюдала за этими людьми его глазами, то она милосердно вымела из его мозга все, что он там увидел, прежде чем он снова оказался у черного занавеса. Рей еще раз прошел через огненную агонию, когда ощутил в руке ткань занавеса. А затем, больной и измученный, открыл глаза в комнате башни Му, и Непрозрачные отверстия в ее стенах снова показались ему похожими на слепые глаза.

Перед ним стоял Ре Му, но сейчас в его лице не

было обычного спокойствия правителя. И Наакали тоже выглядели людьми, которые заглянули в глаза самой смерти, и поняли, что у них нет против нее никакой защиты. Усталость Рея была огромна, он чувствовал себя тяжело больным.

— Так значит, вот чем они занимаются, открывают ворота, на которые ни один человек не должен класть руку… — прошептал Ре Му. — Разве они не знают, что вызванное ими, в конце концов, всегда оборачивается против тех, кто возомнил себя хозяевами? Вызвать это можно, а вот загнать обратно… Мир тем, кого они послали к Солнцу! А тебе, — сказал он Рею, потянувшись, чтобы плотнее запахнуть мантию вокруг плеч Рея, — тебе мы обязаны безмерно, потому что, если бы мы не узнали их дел, то многое из того, что происходит, могло бы в конце концов привести нас к гибели.

— Что делали они в той лаборатории?

— Скажи спасибо, что не помнишь. Мы должны идти. Но все, что мы благодаря тебе увидели и узнали, страшной тяжестью будет давить на наши души и разум до тех пор, пока мы не успокоимся в наших гробницах-нишах. Они совершили грех, которому нет прощения, и расплата будет грозной. Уча, принеси воды жизни…

Старший Наакаль протянул Правителю чашу с искрящейся водой. Обняв Рея за плечи, мурийский правитель поддерживал его, пока тот не выпил всей жидкости. Глотая ее, Рей почувствовал, как жизнь и энергия вновь наполняют его.

— Ты должен отдохнуть. Мы последим, чтобы твой сон был легким и без сновидений. А потом отправим домой…

Сон уже крепко смежил веки Рея. Он едва сознавал, что Наакали принесли подстилку и положили ее на пол, что сам Ре Му помогал им уложить чужеземца на покрывало. Однако несмотря на желание уснуть, Рей вздрогнул, когда непрошеные воспоминания о том, что он видел, или казалось, что видел, вошли в его мозг. Но прохладная и легкая рука коснулась его лба, были сказаны слова на непонятном ему языке, и воспоминания исчезли, остался только сон.

Когда Рей проснулся, над ним был мягкий свет. Те овалы, которые казались ему слепыми глазами, сейчас прозрели, из них лился мягкий свет, заливающий всю комнату. Какой-то шорох, Рей медленно повернул голову. Даже это малое движение требовало огромного усилия воли. Леди Эйе улыбнулась ему.

— Мне сказали, что ты сделал для Страны Му, и

я пришла, чтобы о тебе заботился кто-то из твоего собственного дома.

Глаза Рея закрылись помимо его желания. «Из твоего собственного дома». Но зачем ему мурийский дом? Это не его мир и не его время, и он здесь чужой…

Деревья, высокие, как башни Му, поднимались из земли. И между ними мелькали тени, ложившиеся на землю линиями запутанного лабиринта. Где-то там… дальше, дальше… Он должен идти дальше…

— Рей! Рей!

Этот зов был слабым, словно голоса атлантов, когда Наакали послали его к ним сквозь черный занавес, но он был повелительным, он требовал, чтобы Рей его услышал… Услышал и остановился бы между деревьями в неведомой дали, и вернулся назад.

— Рей!

Его схватили за руки. Он пытался вырвать их, но не мог.

— Вернись!

Этот зов раздался над ним, как громовой удар, и в нем была такая сила, что Рей съежился, боясь, что сейчас его пронзит молния.

— Вернись! — снова прозвучал приказ, словно

а неповиновении не могло быть и речи.

Рей открыл глаза. Рядом с ним стояла на коленях леди Эйе. Это ее руки держали его. А за ней стоял старый Наакаль, положив ладони ей на плечи, словно это должно было как-то связать их, объединить их силу.

— Встань! — повелел женщине Наакаль. Он убрал руки с ее плеч и наклонился над Реем. В его руках неизвестно откуда возник хрустальный шар. Свет от стенных панелей, казалось, устремился к нему, чтобы превратиться в сверкающее облако, окутавшее Рея. Он снова закрыл глаза. Деревьев больше не было, не было и необходимости что-то искать… Был только исцеляющий сон.

Длинноногая птица бежала по берегу, по волнистой линии на песке, отмечавшей высоту прилива. Она уже закусила маленьким скатом и предвкушала другие богатые находки. Но, обойдя скалу, вдруг пронзительно крикнула и повернула обратно.

Рей, потревоженный этим испуганным криком, поднял голову и оглядел маленькую бухточку. Бабочка с металлически-синими крыльями, порхавшая над его головой, только что улетела. Бухта была пустынной. Рею хотелось побыть совершенно одному. В каком-то смысле он был всегда

одинок. Несмотря на теплый прием мурийцев, между ними и Реем всегда оставался барьер, его не покидало ощущение, что все это нереально, по крайней мере, для него.

Что в конце концов случилось с этой страной и народом? Какая мировая катастрофа изменила все лицо планеты, разделив ее на части суши и моря, известные в его время? Может, остатки мурийской расы бежали в более спокойные земли, а может, неожиданное землетрясение захватило их на островах, которые стали вершинами гор, поднявшимися над исчезнувшими равнинами Му? В таком хаосе цивилизация должна была быстро погибнуть. Выжившие впали в дикое состояние, исчезло все, осталась только легенда. Короли Му, наверное, стали полузабытыми богами дегенерировавших рас.

Что сейчас — первые дни Му или последние Бесплодные Земли были его землей — если что-нибудь здесь могло быть связано с ним. Когда-нибудь… Когда-нибудь он, может быть, вернется туда.

Жадная птица, обманутая неподвижностью Рея, рискнула вернуться. Но недоверчиво поглядев на него, заторопилась к скале на другой стороне бухточки и тут же бросилась обратно с

испуганным криком, и Рей услышал плеск, словно кто-то брел по мелководью. Он надеялся, что сюда, в его укромный уголок те, кто пришли, не заглянут. Они и вправду остановились поодаль, но благодаря какому-то акустическому трюку скал, голоса он слышал хорошо. Одно слово привлекло внимание американца.

— Храм Баала празднует ночь середины года. Рисковать шеей ради Му? Если они верят в это, они дураки. Я думаю, надо освободиться самим, как сделала Атлантида, и выгнать Солнцерожденных. Не захотят уходить — что ж, пусть встретятся с Баалом. Как я понимаю, он умеет пользоваться такими, — говоривший захохотал.

— Значит, ты плывешь на восток? — спросил другой голос.

— Через три дня, а, может быть, раньше, если успеем. Это мурийское дурачье не спрашивает моих морских полномочий — зачем им? Я всего лишь торговец зерном из Уйгура, который направляется к окраинам Майякса и который проделал такой же путь два года назад. Они узнают меня только по одежде. Одно плохо: сейчас здесь, в городе, одна из этих проклятых Солнце рожденных — леди Эйе, она знает меня в лицо. Я был в ее доме до дела тайных кораблей, когда

получил пять лет. Если она увидит меня здесь, на запретной территории, то сообщит об этом Солнце рожденным, так что надо мне поскорей убираться к Баалу, вот что я говорю!

— Как же ты пройдешь мимо восточной стражи?

— Это мой секрет. Дай мне те сведения, которые ты добыл, и я унесу их с собой, не бойся. Не в первый раз. И твои братья в Тени будут рады мне.

— Я не рискую слишком долго заниматься разведкой. У этих опекаемых Пламенем жрецов есть способы читать не только поверхностные мысли. Хорошо, что меня вообще приняли, пусть даже учеником.

— Ты узнаешь то, что нам нужно, — с угрозой сказал первый голос. — Стало известно, что они недавно каким-то образом проникли сквозь темный занавес и обнаружили Преданного Тьме. Ты должен узнать, как они это сделали и какую защиту планируют, — это для нас жизненно важно. А теперь уходи, пока никто не спросил, почему того, кто пошел к постели больного отца, видели на взморье с торговым капитаном из Уйгура.

— Видели? — в этом вопросе слышался откровенный страх. — Ты же сказал, что здесь можно встретиться без опаски?

— Совсем безопасных мест нет, дурень! В наших делах всегда есть доля риска. Если ты не веришь этому, то ты хуже, чем дурак. Несмотря на свой охранный талисман, никогда не забывай, что ты ходишь по веревке, протянутой над ямой с огнем. А теперь уходи!

Рей пополз по песку к скале, но увидел только спины уходящих — на одном была белая мантия На а каля, и на другом — кожаная куртка и туника, которая когда-то была синей, а теперь выгорела и от морских брызг покрылась белыми пятнами соли. Простой, без гребня, шлем скрывал волосы, и со спины человек был похож на любого капитана маленького торгового судна.

Когда они скрылись за утесом, Рей встал, стряхнул с себя песок и попытался вспомнить, где ближайший сторожевой пост. Когда он шел сюда, то наверняка прошел мимо него.

Когда Рей выбрался на дорогу, тех двоих и след простыл. Пара слонов, подняв облако пыли, скрыла их от любопытных взглядов. Верховой с рогом королевского курьера за плечом торопился обогнать тяжело нагруженных животных.

Все путешественники останавливались у внешних ворот города, в ожидании, когда стража пропустит их внутрь. Древний обычай, давно

забытый, но недавно возродившийся, теперь вызывал недовольство, у тех, кто не видел смысла в такой задержке.

— Имя и ранг? — спросил Рея солдат хриплым голосом человека, который задавал этот вопрос пятьдесят раз за один только последний час, и, без сомнения, задаст его еще пятьдесят раз в час, последующий за этим.

— Солнцерожденный Рей из дома леди Эйе.

— Проходи. — Но солдат уставился на него с нескрываемым удивлением. Видеть Солнцерожденного, идущего пешком и одного, было непривычно и странно — это вызывало удивление.

Рей спешил по улицам, не зная, что солдат уже доложил о нем своему старшему. Цитадель… Рей должен быть там как можно скорее. Он снова назвал себя часовому у внешней стены дворца.

— Солнцерожденный Рей с важным сообщением для Ре Му!

Он вошел во внутренний двор с фонтаном, и вскоре его провели к правителю в зал аудиенций’ Ре Му ждали здесь не только Наакали, но и воины, которые с удивлением смотрели на американца. Но Ре Му сделал Рею знак подойти.

— У того, кто пришел так поспешно, должно

быть важное известие.

Рей искоса взглянул на офицеров, и мурийский правитель движением руки отослал их прочь.

— Можешь говорить.

Американец быстро изложил все, и лицо Ре Му приняло властное выражение.

— Ты хорошо сделал, что поспешил к нам с этим. Ты можешь описать этих людей и их лица?

— Нет, Великий. Могу только сказать, что один был в мантии Наакаля, а другой — морской офицер из Уйгура. Думаю, что узнал бы их голоса, если бы услышал снова.

— По твоим словам, леди Эйе знает моряка. Это может нам помочь. А вот ученик…

Один из Наакалей зашевелился и сказал с холодной яростью:

— Будь уверен, мы найдем изменника и узнаем, какое средство или искусство он применил, чтобы стражи Пламени не открыли его. То, что мы узнаем из его уст, будет быстро передано тебе, лорд Пламени.

— А моряком займемся мы. Будь готов к тому, Солнцерожденный, что мы можем опять позвать тебя сюда, чтобы ты помог нам в любой момент опознать его. А пока можешь оставить нас.

Рей вернулся в дом леди Эйе. Его подмывало

пойти в доки и найти там уйгурского моряка в синей куртке с белыми пятнами от соли. Но уже наступали сумерки, и здравый смысл говорил ему, что силы закона, пущенные в ход, будут куда эффективней, чем его любительские усилия.

— Рей! Где ты был? — Че шел ему навстречу по садовой дорожке. — Мы искали тебя.

— Я ходил на взморье… — Рей замялся. Рассказать Че? А почему бы и нет? С него никто не брал обещания молчать. Он поднялся на террасу и нашел хозяйку дома уже за столом.

— Простите, — сказал он поспешно. — Я не думал, что уже так поздно…

— Мне кажется, — выражение ее лица изменилось, — у тебя есть лучшее оправдание, нежели простая забывчивость. Так или нет?

— Вот что… — И он вторично рассказал всю историю. — Затем я сообщил об этом Ре Му.

— О, Пламя! Изменники в городе! — воскликнул Че.

— В самом храме! Но как зло сумело так хорошо замаскироваться, что проникло туда незамеченным? — Голос леди Эйе был такой дрожащий и неуверенный, какого Рей у нее еще не слышал.

— Наакаль сказал, что они найдут его. — Рея тронуло ее горе. В предыдущие дни она была

так уверена в себе, казалась такой надежной поддержкой во всех трудностях, а сейчас так растеряна.

— Тех, кто перейдет дорогу Наакалям, — заметил Че, — ждет такая страшная жизнь, что их можно почти пожалеть.

— Нет! — резко возразила ему мать. — Нет жалости к тем, кто сознательно искажает свет, чтобы служить Мраку. К тем, кто знает добро, но по своей воле служит Злу. Он выбрал Тень, так же как и атланты. И этим все сказано.

— Теперь я думаю, мы стали ближе к тому дню, когда наш флот двинется на восток, — сказал Че, как бы радуясь этой мысли.

Рей вспомнил о своем путешествии к атлантам во сне — а был ли это сон? Для Че битва может стать победой добра над злом. Муриец всегда так говорил о ней, когда изредка упоминал в их разговорах о будущем. Но были еще лаборатория в башне атлантов и то, что затем было стерто из памяти Рея. Теперь ему очень хотелось вспомнить это, потому что воображение может исказить действительность, сделать ее страшней, чем она есть, а когда он пытался вспомнить то, что видел, в нем пробуждался дикий ужас.

— У них кажется есть новое оружие, — сказал

он. — Странное оружие.

Че искоса глянул на него.

— Не имею права задавать вопросы, но ты говоришь так, словно знаешь что-то.

Хотя Рею не приказывали держать свой сон в секрете, он инстинктивно избегал говорить о нем. И Че впервые коснулся этой темы, хотя, правда, и косвенно.

— Я не уверен в том, что знаю, если вообще что-нибудь знаю, — сказал Рей. Он сказал правду, но понимал, что Че его ответ покажется уклончивым.

Че пожал плечами.

— Неважно. Приказ есть приказ.

Рей заколебался. Ему почти не за что было держаться в этом мире — только за дружбу с Че, и то их встреча была случайной. И если бы не симпатия к нему леди Эйе… Что, если он утратит даже то малое, что имеет? Но прежде чем он успел заговорить, слуги принесли ужин, и разговор перешел на мелочи дня.

Американец ел блюда, которые перед ним поставили, не замечая их вкуса, — просто он был голоден. Но через некоторое время он обратил внимание, что леди Эйе едва дотронулась до еды. Наконец она встала и подошла к краю террасы,

вглядываясь в освещенный город за стеной сада.

— Долго ли это продлится? — спросила она тихо. — Мы переживем эту войну — так сказали нам храмовые предсказатели. Но рано или поздно Му придет конец. Может быть, не при нашей жизни и даже не при жизни наших внуков, но мрак будущего поглотит нас. И ты говорил, Рей, что в твое время о нас не знают. Атлантида пропадет, и человечество хоть смутно, но вспомнит о ней. Уйдет Му — и даже легенды не останется. Море покроет обе наши страны, поднимутся новые земли с новыми расами, не знающими закона, а то и вообще никаких законов. И все начнется сначала. Из диких орд возникнут нации, будут новые города, новые учения, новые сражения… Но нет конца беде, войне и злу. Ведь так?

Рей кивнул.

— Так.

— Ты говорил, что в твое время люди высаживаются на Луну, достигают других планет. Но они не могут победить войну, могут только нести ее дальше и дальше, и, может, когда-нибудь принесут даже на звезды. И что в этом хорошего?

— Ничего хорошего, — согласился Рей, — но…

— Но, — подхватила она его мысль, — это в натуре человеческого рода — то война идет внутри

нас, то окружает снаружи. И пока мы не победим самих себя, мы будем нести зло с собой, куда бы ни отправились. Возможно, черные окровавленные пальцы коснутся даже света звезд. Но думаю, такие мысли бросает в наш мозг Тень, это она заставляет нас верить, что всякая борьба бесполезна, чтобы мы сдавались, не сопротивляясь. Мы выступим против Атлантиды, чтобы Тень не покрыла землю — нашу землю, в этом времени и месте. Му состарилась, Майякс и Уйгур тоже старятся, Атлантида гниет от зла. А что такое Бесплодные Земли, Рей?

— Великие равнины и лес… — Рей замолчал, вспомнив лес. — Деревья…

— Деревья? — переспросил Че, и Рей понял, что, видимо, сказал это вслух.

— Такие деревья, каких в мое время нет, — объяснил он. — По крайней мере, в этой части страны. Эта местность, я думаю, неблагоприятна людям. — Он понял, что разгадал какую-то часть тайны. Эта правда — лес не приветствует человека, противится ему, старается изгнать чужого.

— Однако это твоя страна, — сказала леди Эйе.

— Она станет ею. Теперь же она не для человека. Наверное, чтобы взять ее себе, человек должен будет сражаться с ней.

— Когда-нибудь — да, — уверенно сказала она.

Вошла Лисса, горничная леди Эйе.

— Посланец из цитадели. Солнцерожденные лорды должны явиться немедленно.

— Идите с миром, — леди Эйе протянула обоим руки. — Хотя я думаю, что у нас осталось очень мало мира, а это самое драгоценное из всего, что мы имеем.

Носилок на этот раз не было, только взвод охраны. В тишине боковых улиц звон мечей о доспехи казался слишком громким, но шум главной дороги его заглушил.

Ре Му сидел на троне в зале для официальных приемов, но из придворных сегодня здесь были только два Наакаля и отряд воинов. Эскорт Рея и Че отсалютовал обнаженными мечами, и звон металла заставил стоявшего перед троном человека бросить на пришедших злобный взгляд.

— Скамью для Солнцерожденных, — повелел Ре Му.

Два воина принесли узкое сидение для двоих. Правитель опять повернулся к стоящему перед ним человеку.

— В твоем разрешении говорится, что ты плывешь с зерном на западные окраины Майякса.

— Так, Великий.

Рей удивленно вгляделся в человека. Это был изменник из Уйгура, Рей мог бы поклясться в этом.

— Твой родной порт — Чен-Чель?

— Так, Великий.

Он был моложе, чем предполагал Рей. И в нем была какая-то уверенность — то ли обычное для человека, привыкшего к встрече с опасностями, умение держать себя в руках, то ли безрассудная решимость бросать вызов врагам, даже рискуя жизнью.

— Сколько лет ты плавал во флоте?

— Пять, как обычно, Великий. Я не Солнцерожденный, чтобы гулять по палубам только три…

Нет, не прикрытие, решил Рей. Этот человек знает, что ему конец, но умрет, сражаясь. Сейчас он бросил открытый вызов.

— Ты слышал о некоем Сидике?

— Ну. Он был офицером флота, осужден за кражу общественных доходов.

— Приговорен к пяти годам. Однако он теперь ходит здесь по улицам. Ты видел его?

— Зачем загадки, Великий? — Один из стражей шевельнулся, как бы намереваясь умерить нахальство пленника, но легкий жест Правителя удержал его на месте. Глаза Ре Му блеснули, хотя

лицо его оставалось спокойным.

— Никаких загадок. Ты был опознан как Сидик, и опознала тебя Солнцерожденная леди Эйе. Она хорошо запомнила тебя по твоим прежним делам.

— Она права. Кто я такой, чтобы спорить с Солнцерожденной? Согласно закону продай меня теперь на открытом рынке.

Рей удивился: почему человек из Уйгура ведет себя так дерзко? Может, он думает, что его обвиняют только в том, что он хотел избежать наказания, и не подозревает, что о нем знают больше? Но разве стал бы Ре Му сам судить какой-то мелкий обман? Неужели Сидик не подозревает, почему его привели сюда?

— Лорд Рей!

Американец вздрогнул и тут же по жесту правителя встал.

— Ты слышал когда-нибудь голос этого человека?

— Да, Великий. Это тот самый, о котором я говорил.

— Поклянешься в этом?

— Да, Великий.

Ре Му жестом велел Рею сесть. Если Сидик и заподозрил самое худшее, он был достаточно

тверд, чтобы не показать этого.

— Предатель!

Сила этого слова пробила, наконец, показную невозмутимость Сиди ка. Он побледнел, и этого не мог скрыть даже темный морской загар.

— Твой соучастник выдал все ваши планы. И теперь он получает достойную награду от тех служителей Пламени, которых он пытался замарать одним своим присутствием в храме. Мы знаем, зачем ты явился сюда. Ну, жалкий дурак, пришел тебе Баал на помощь? Поднимут хоть один меч в твою защиту его обманутые последователи? Говори свободно, и, может быть, сострадание умерить правосудие…

Может, минутой ранее Сидик и был поколеблен, но сейчас он снова закрылся щитом самоуверенности, а может, истоком его бесстрашия была безнадежность поражения, в которую он попал.

— Если я должен умереть, я умру. Но от меня мало что узнают…

— Да? — Ре Му чуть заметно улыбнулся.

Рей вздрогнул от этой улыбки. Не хотел бы он, чтобы ему так улыбались…

— Ты пойдешь с Наакалями.

По лицу человека из Уйгура прошла тень, но тут же исчезла.

— Ладно, я пойду с Наакалями, но пока могу, придержу язык.

— Ты — зло и добровольный слуга зла. И мужество твое только для зла. И это сейчас, когда есть люди, страдающие ради блага многих. Солнце Му решает, — голос Ре Му принял церемониальный тон, — да будет так!

Сидика повели. Проходя мимо Рея, человек из Уйгура пристально взглянул на него.

— Придет день — ты вспомнишь меня, Солнцерожденный, — он произнес этот титул с презрением. — Баал знает тех, кто помог умереть его верному слуге. И его храм увидит тебя. Я знаю это, потому что у нас иногда бывает истинное зрение перед смертью! И он скрипуче засмеялся, когда солдаты потащили его.

Че вскочил, глядя ему вслед.

— Он видел… Он видел тебя в Красном Храме. Человек перед лицом смерти иногда говорит правду о будущем. Но, может, ты войдешь туда воином-завоевателем, а не пленником!

— Мы были слишком благодушны многие годы, — прервал его голос Ре Му. — Еще один день — и эти изменники были бы вне нашей досягаемости. Возможно, мы сумеем узнать побольше от Сидика, потому что ученик был робок и лишь

недавно завербован ими.

Он, казалось, погрузился в свои мысли и забыл об окружающих. Рей надеялся, что его отпустят, поскольку он сыграл свою роль, но этого не произошло. Текли долгие минуты, в зале стояла тишина, нарушаемая лишь слабым звяканьем оружия, когда какой-нибудь воин менял позу. Чего они ждут? Рей завозился на скамье. Он хотел привлечь внимание и, может быть, таким образом покончить, наконец, с этим бесцельным ожиданием. Ему казалось, что даже в этом белостенном зале есть тени, что они, сгущаясь, ползут к трону, как будто ночь наступала не так, как обычно, а в этот раз неся с собой тайную угрозу. Занавес на двери раздвинулся: вошел стражник, отсалютовал Правителю и протянул ему исписанную табличку. Ре Му пробел и поднял глаза.

— Сиди к лично неизвестен тем, кому он служит. И вечером, перед тем, как он был взят, ему запретили рисковать общением с ними. Лорд Рей, что он сказал тебе, когда его уводили?

— О своем предвидении, что я буду в Храме Баала.

— Что будешь… но не как попадешь туда. Благодари всех известных тебе богов, что он видел только часть правды.

Че шагнул вперед.

— Великий, этот Сидик неизвестен своим хозяевам на востоке, и они некоторое время не будут искать его. Но может ли кто-нибудь из нас занять его место, чтобы войти в сердце вражеской страны?

— Ты прав — те, кто посылает шпионов к другим, должны быть готовы к тому, что однажды найдут их у себя. Что ты думаешь об этом, Уча?

— Так записано — на звездах.

— Тогда… — Че почти не дышал, — позволь мне предложить себя для этой службы.

Ре Му медленно покачал головой.

— Не будем спешить с решением. Посмотрим, посмотрим…

— Великий, — сказал старший Наакаль, и голос его упал до шепота, так что никто, кроме Ре Му, ничего не слышал. Правитель кивнул.

— Лорд Че, наша воля, — сказал он, — чтобы ты поискал на картах Бесплодных Земель такие гавани, которые могут дать хорошее укрытие любому разведчику из флота.

— Слушаюсь, Великий.

— А ты, лорд Рей, пойдешь с А-Камом, чтобы записать все то, что ты слышал от Сидика.

Младший Наакаль отошел от трона и подо-

ждал, пока Рей подойдет. Они вышли через другую дверь в коридор, где почти никого не было — возможно, как подумал Рей, это личный проход для Ре Му. Он внимательно посмотрел на своего провожатого и увидел в его руке сияющий кристалл. Затем из кристалла вырвался яркий луч, ослепивший Рея.

— … Сидик из Уйгура, из дома леди Ма-Лин, сын ее маршала, некоего У-Вала. В день своего пятнадцатилетия ты был отправлен во флот для обучения, служил под…

Имена, множество имен кружилось в голове Рея. Голос монотонно бубнил о деталях жизни какого-то Сидика. Рей пытался заткнуть уши, закрыть мозг, но обнаружил, что не может. Этот голос держал его в рабстве, и то, что он вкладывал в мозг Рея, уже не могло быть стерто, он заставлял Рея запоминать все мелочи жизни Сидика. Он не мог открыть глаза, но ощущал руки на своем теле, что-то мокрое и холодное, странные запахи.

— Тебя взяла мурийская стража, но ты сумел освободиться, взвалив ответственность за измену на ученика Р-Чина, ты сказал, что тот подходил к тебе и просил вывезти его из Му, но ты отказался. Экипаж «Режущего Волны» тоже будет обработан. Слушай приказ: через два часа после того, как ты

бросишь якорь у пограничного поста У-Ма-Чель, ты должен тайно сойти один на берег, идти по изгибу бухты к северу, пока не дойдешь до двух очень высоких островерхих скал. Там ты подождешь, пока не появится маленький бот. Тот, кто командует им, скажет: «Восток поднимается», а ты ответишь: «Запад падает». Ты взойдешь на бот и сделаешь то, что должно быть сделано.

Что и почему? Рей понимал, что попал в сеть, и ему из нее не вырваться.

— Месяц ты будешь наблюдать и делать то, что вложено в тебя. Затем, в течение трех дней корабль флота, замаскированный под фруктовщика с юга, остановится вдали от гавани Пятистенного Города. На нем будет флаг чумы, чтобы никто не подходил к его борту. Ты должен, если сможешь, добраться до него не позднее четвертого дня, Ты понял?

Рей не понял, но его голова сама собой кивнула.

— Ты Сиди к из Уйгура!

Рей открыл глаза. Он стоял перед зеркалом и смотрел на отражающегося в нем человека с желто-коричневой кожей и черными волосами, падающими жирными прядями на лицо, которое каким-то чудом стало старше и грубее, чем

лицо Рея.

— Вот твоя одежда.

Из-за зеркала протянулась рука и указала на сверток на столе. Там было грубое белье, кожаная куртка и юбка, когда-то бывшие синими, но давно уже выгоревшие, покрытые белыми пятнами морской соли. От них пахло потом и морем. Вместо сандалий — морские сапоги из шкур, с небольшой бахромой сверху из оставленной на шкуре шерсти. Под его ногти глубоко въелись черные полосы. На запястье — маленькая татуировка и широкий медный браслет. Простой меч с кожаной черной рукоятью и бронзовый шлем без гребня.

— Сделали, что могли, — сказал голос позади Рея, но в зеркале за его плечом никто не отразился. — Не забывай сутулиться, когда идешь, ты с дальних границ, манерам тебя не учили. Что ты делаешь? — встревоженно спросил голос.

Рей провел одной ладонью по правой руке, затем другой по левой. Не сразу вспомнил, что ищет. Черное… да — это было черное! И он носил это здесь, и это было важно для него!

Он снова попытался бороться с туманом, окутавшим его мозг.

— Черное… — В зеркале он увидел, как его губы

шевелятся, выговаривая это слово. — Черный браслет… мой!

Внезапно в глубине его мозга возникло изображение браслета — такое яркое и четкое, как его собственное отражение в зеркале. Черный браслет принадлежал ему. Он не двинется с места, пока ему не отдадут его! И Рей с таким упрямством ухватился за этот странный каприз, словно это как-то защищало его. За его спиной снова послышалось какое-то движение, но в зеркале опять никто, кроме него, не отразился. Но теперь он, хотя и с трудом, смог повернуться, тело не хотело повиноваться ему даже в такой малости.

За ним стояли трое: один, судя по одежде, офицер, второй — в тунике слуги, он занимался ящичком с горшочками и бутылочками, на плече висело полотенце с желто-коричневыми пятнами, похожими на новый цвет кожи Рея, третий — Наакаль. В руках жреца было то, чего желал Рей, — черный браслет в виде змеи с бриллиантовыми глазами. Рей потянулся к нему.

— Это выдаст его первому же атланту, который увидит его. Ни один торговец не носит такое сокровище. — Офицер двинулся, чтобы помешать Рею. Но Наакаль смотрел на Рея.

— Не знаю. Он так сильно желает этого, что

отказать будет нелегко. Зачем тебе это, сын мой?

Для Рея эта черная полоска была теплой, живой вещью.

Она была нужна ему, он должен иметь ее — она принадлежит ему, и ее не могут отнять у него!

Мое! Он почти что рычал, рука сама собой потянулась к кинжалу за поясом. Весь мир сузился до браслета и желания во что бы то ни стало вернуть его.

Но оказалось, что сражаться за браслет не нужно — Наакаль, все еще вглядываясь в Рея глубоким, пронизывающим взглядом, протянул ему браслет, другой рукой сделав офицеру знак отойти.

— Этому есть причина, хотя ни он, ни мы пока не знаем ее. Только не носи его открыто, сын мой.

Рей почувствовал холод браслета. Да, носить его опасно. Его надо надежно спрятать… Очень надежно. И он положил его за пазуху.

— Теперь слушай, — в голосе жреца была такая властность, что Рей невольно взглянул ему в глаза. — Возможно, ты подумаешь, что в эту ночь мы сделали тебе зло. Но время и судьба не оставили нам выбора в час нужды. В матери-стране нет человека, которому можно было

бы придать сходство с Сидиком и этим открыть ворота, закрытые для наших глаз. Мы выяснили, что Тень не является барьером для тебя, когда ты прошел сквозь занавес тени в их тайное место. Следовательно, мы снова вынуждены взять в руки то оружие, которое ты дал нам. И вот еще что: под властью Пламени мы читали вспышки и звезды. Хотя смерть будет висеть над тобой, словно облако, словно плащ на твоих плечах, она, как мы прочитали, в этот раз не потребует тебя к себе. И это так и будет, потому что ты несешь в голых руках больше силы, чем любой меч. Мы пользуемся теперь тобой без твоего согласия, потому что вынуждены Делать это. Ты, вероятно, ненавидишь нас за это. Но все-таки… — Он сделал паузу. — Иди с миром и благословением — девятикратным благословением Пламени. — Его руки поднялись, словно он вытянул из воздуха что-то невидимое, собрал в ладони и поднял их над американцем.

Офицер шагнул вперед.

— Твой корабль отплывает на рассвете. Через десять дней ты, вероятно, будешь на месте встречи. Проходя через канал, оставайся в каюте — скажешь, что тебя лихорадит. Твой помощник будет за капитана. Ну, пошли.

Вероятно, уже начиналось утро, когда Рей вышел из дворца с офицером и двумя стражниками позади. Он понимал, что убежать не может. Какое-то принуждение, наложенное на него в цитадели, заставляло его идти и будет двигать им дальше, словно шахматной фигурой, пока Рей не выполнит то, что от него ждут. Сейчас его разум оцепенел и отупел. После выигранной им маленькой битвы за браслет, Рей словно погрузился в туман. У него не осталось больше ни искры возмущения.

Они пришли в док, к судну с зерном. С темной палубы их окликнули. Свет фонаря ослепил Рея.

— Капитан, — приветствовал его моряк, — все готово…

Это его помощник, Ра-Пан, подсказало что-то внутри Рея.

— Отплываем на заре, — ответил он.

— Есть, сэр.

Офицер из цитадели и стражники не стали задерживаться и ушли не простившись. Рей встал у поручней. За гаванью начинались дома. Только кое-где горел свет. Город еще спал. Вернуться… Рей нахмурился. Даже подумать об этом тяжело. Он — Сидик из Уйгура. Ни о чем, кроме этого, он не должен, не смеет думать.

Наступил рассвет. Ра-Пан прошел по палубе. Рей повернулся к нему с уже готовыми словами:

— Я плохо себя чувствую. Командуй за меня.

Помощник не нашел в этом ничего удивительного. Рей спустился в маленькую темную каюту и лег на койку, принадлежащую Сидику. Он старался заснуть, но в его мозг вторгались мысли и воспоминания Сидика, и это делало американца и в самом деле больным. Рей встал, напился затхлой воды из кувшина, а потом все-таки уснул и спал без сновидений. Проснулся он от холода. Деревянная дощечка с двумя кукурузными лепешками и ломтем мяса ждала его на столе. Он с трудом проглотил хлеб, но запах мяса вызвал в нем тошноту, он оставил его и вышел на палубу. Дул сильный ветер. Они шли в открытом море. Ра-Пан был за рулем. То, что знал Сидик о корабле и его матросах, заговорило в нем, и он удостоверился, что команда, как и обещал ему Наакаль, готова принять его за своего истинного капитана. Но он легко мог допустить какую-нибудь оплошность и этим вызвать подозрения матросов. Рей посмотрел на восток. Где-то там, вдали, лежала Атлантида. А он даже не знал, что будет там делать, когда прибудет — если, конечно, прибудет. Однако он был уверен, что не сможет сделать

ни единого движения, которое не вело бы его к Атлантиде. Когда они проходили через канал, им пришлось долго ждать своей очереди, и Рей провел три дня в дурно пахнувшей каюте. Затем они вышли во Внутреннее море.

— Мы остановимся в Мануа, — заметил Ра-Пан однажды вечером. Это был не совет, а утверждение. В Рее тут же проснулось предупреждающее чувство. Это не планировалось, и Рей решил, что ради самосохранения нужно повиноваться вложенным в него приказам.

— Нет. Пойдем в У-Ма-Чель.

Ра-Пан нахмурился.

— Но мы никогда раньше не ходили туда.

Может, контроль Наакалей над командой дал трещину? Если так, то она могла восстать.

— Мало ли что, — Рей попытался смотреть на уйгурца тем же подчиняющим взглядом, каким смотрели жрецы. Он хотел подчинить Ра-Пана своей воле, иначе они разделаются с ним еще до начала миссии.

— Ты отказываешься повиноваться моим приказам? — резко спросил он.

Помощник, похоже, пытался отвести глаза, но не мог, и только провел языком по пересохшим губам.

— Мы всегда останавливались в Мануа.

Кажется, в голосе помощника проскользнула нотка неуверенности? Рей надеялся, что это и вправду было так. Но теперь его больше всего беспокоило, как сделать, чтобы Ра-Пан или кто-нибудь другой не задавали вопросов.

— А нынче остановимся в У-Ма-Чель! — твердо сказал они.

Ра-Пан кивнул, все еще не отводя от Рея глаз.

Американец был начеку. Он ел только то, что пробовал помощник, в постель ложился с мечом и вообще старался спать как можно меньше.

Через семь дней они подошли к восточному входу в океан. Хорошей погоде тоже приходил конец: ночью небо заволокло облаками. Рей стоял у поручней, пытаясь увидеть свет маяка. Что-то под туникой больно давило ему на грудь. Он сжал пальцами браслет. Во всем мире был только один, похожий на этот.

Кто сказал это? И когда? Белый браслет, принадлежащий кому-то, кого Рей когда-то знал. Он достал черный браслет и вертел его в руках, силясь вспомнить. Бриллиантовые глаза змеи на браслете вспыхивали искрами.

— Ах… — выдохнул кто-то рядом.

Рей сжал браслет в руке. Рядом с ним стоял

Ра-Пан. Тупость ушла из его глаз, он смотрел на сомкнутые пальцы Рея, словно мог видеть сквозь плоть и кость.

— Чего тебе? — спросил американец. — Ты должен быть у руля.

— Я подошел спросить, войдем ли мы в порт сегодня ночью, — сказал Ра-Пан, не сводя глаз с руки Рея.

— Разве я не говорил уже? Иди на свой пост!

Помощник поплелся назад. Рей опять вздрогнул. Ему не хотелось думать о будущем, тем более тогда, когда он почти у цели.

— Сигнал с форта, капитан! — Дозорный указал на вспышки с берега. — Они желают знать наши намерения!

— Ра-Пан, — Рей увидел в этом шанс, — ответь им.

Он думал, что помощник будет возражать, но уйгурец повиновался и сел в лодку с двумя матросами. Рей тоже поспешил сделать то, что было нужно. Он незаметно спустил за борт маленькую шлюпку и погреб вдоль береговой линии.

Голоса на берегу испугали его.

— Цена этой штуки на меньше шестимесячного жалования, и он носит это под туникой. Кто узнает? Убить его или же обобрать, а потом

отдать жрецам Баала. Они, может, даже еще и заплатят нам за него.

Чей-то тихий ответ, а затем резкий голос Ра-Пана.

— Сидик? Нет, они что-то сделали, как-то вмешались. Это не Сидик, верно говорю. Они поставили на его место кого-то своего. Это известие принесет нам жирную награду на востоке!

Рей перестал грести. Итак, власть жрецов, под которой находился Ра-Пан, перестала действовать. А оставлять этого человека позади себя — нет! Теперь Рей ясно видел и спорящих, и их черные тени, которые ложились рядом с ними на белый песок. Один гребок веслами, чтобы подобраться ближе. Их всего двое… Рей сделал этот последний гребок, вложив в него всю свою силу. Бросив весла, он выпрыгнул на омытый Волнами берег. Двое быстро обернулись, один пригнулся, а в руке второго блеснул меч.

— Думаю, вам не придется торговаться с Баалом ночью! — крикнул Рей.

Он схватил горсть песка и бросил в лицо тому, у которого был меч. Затем кинулся на другого, ударил его по шее ребром ладони, затем нанес ему еще один удар, к которому его враг не был подготовлен.

Человек коротко охнул и упал. Рей инстинктивно пригнулся и обернулся, готовый отразить атаку человека с мечом. Он стремительно налетел на врага, и оба они покатились по земле. Затем Рей услышал жуткий треск черепа, ударившегося о скалу, и сам, тяжело дыша, встал невредимый. Один моряк лежал у скалы, а другой вытянулся на песке. Рей подошел к нему, сжал пальцами его запястье и прислушался — пульса не было. Рей оттащил одно безвольное тело поближе к другому и засыпал оба песком. Возможно, где-то у них были сообщники, но, во всяком случае, какое-то время Рей выиграл.

Нельзя было уходить из бухты, не приняв кое-каких мер предосторожности. Рей послал свою лодку дрейфовать вверх дном. Он очень давно изучал уловки тайной войны и отлично умел ими пользоваться, но еще ни разу не приходилось ему убивать. Он с трудом шел по песку, отыскивая скалы, у которых должна состояться встреча. Рей чувствовал, как внутри, в глубине нарастает ощущение холода, однако не свернул с дороги, и не было для него сейчас возврата к той личности, которой, как он смутно сознавал, он был до того, как Сидика из Уйгура послали вторгнуться в его мозг.

Холод усиливался и снаружи, а он оставил свой плащ в лодке запутанным вокруг сидения — безмолвный ответ на вопрос, что случилось с капитаном Сидиком.

Рей обогнул мыс, и перед ним возникли две остроконечные скалы. Он облегченно вздохнул. Это и было место встречи, которое он должен был отыскать. Но если так, он пришел рано: никто его не ждал.

Рей сел у скалы и стал смотреть на море. Сегодня он убил своими руками. Но если бы он не сделал этого, то они убили бы его. Может быть, не здесь и не в этот час, но наверняка менее милосердным способом — выдав его атлантам. Рей смутно вспомнил о человеке, который на алтаре в храме с красными стенами ждал смертельного удара. Это могло стать и его уделом, а могло случиться и худшее. Он вздрогнул и отодвинулся от скалы. В бухте вдруг послышались звуки, напоминавшие слабый скрип весел в уключинах. Рей подошел к воде. Через полосу прибоя шла лодка с двумя фигурами на борту.

— Восток поднимается, — негромко произнес гортанный голос.

— Запад падает, — едва слышно ответил Рей.

— Давай уходить отсюда. Крысы Му следят, а

мы слишком близко к форту.

Рей забрался в шлюпку.

— Хорошо, что ты поторопился, — сказал атлант. — Их патруль часто здесь шляется, и мы не рисковали оставаться в этих местах долго. Ты один?

Может быть, они что-нибудь подозревали? Но Наакали не предупреждали его…

— Меня выдали…

— Кто… И… за тобой следовали?

— Ра-Пан. Мой помощник. Мурийцы купили его, — на ходу придумал Рей. — Но он мертв.

— Вот как?

Гребец работал быстро и уверенно. Они уже оставили мыс далеко позади, и морской воздух стал еще холоднее. Рей, как ни старался, не мог унять дрожь. Во мраке перед ними возник остроконечный корпус корабля. Они причалили, и в руки Рея была брошена веревочная лестница. Он вскарабкался на палубу. Света не было, даже палубный фонарь не горел. Видимо, тут и в самом деле боялись, как бы их не заметили. Затем один из матросов схватил Рея за руку и потянул за собой.

— Давай сюда, вниз.

Они спустились по трапу и прошли мимо кожа-

ного занавеса в главную каюту. Ее красные стены украшала поразительная коллекция оружия. Пол в черно-белую клетку был довольно-таки грязным. Пахло пролитым вином, немытыми телами. Еще неприятней оказалось то, что капитан этого судна был не слишком разборчив в одежде и вдобавок неряшлив. К тому же, лежала здесь и груда вещей, вероятно, добыча, да и сам корабль, похоже, был рейдерским. На столе стояли блюда из драгоценных металлов, а рядом с ними — грубая посуда из глины. На скамьях лежали шелковые занавеси, смятые и испачканные, сам стол был прекрасно сработан, из черного дерева с инкрустациями из серебра и слоновой кости, но изрезан и исцарапан.

Провожатый Рея бросил плащ на скамью и налил вина из прекрасного графина в щербатый стакан.

— Опрокинь-ка стаканчик. Ночь холодна. Мужчине нужно, чтобы немного огня пробежало по жилам.

«Неужели дрожь так заметна?» — подумал Рей. Ему оставалось только надеяться, что ее припишут действию холодного ветра. Он выпил обжигающий напиток и задохнулся, но сделал вид, что просто закашлялся. Поглядывая поверх

стакана, Рей внимательно изучал своего хозяина. Атлант был на дюйм-два ниже его ростом, с широкими плечами и толстыми длинными руками, толщина которых как-то уравновешивалась размерами брюха. Они же заканчивались огромными волосатыми кулачищами.

В отличие от мурийцев, лица которых всегда были гладкими, у атлантов черная борода начиналась прямо от скул.

Они щедро смазывали ее жиром, придавая этой буйной растительности форму клина. Очень толстые и красные губы казались накрашенными.

Хоть капитан и щеголял густой бородой, но под шлемом у него оказался почти лысый череп — только на макушке оставалась единственная прядь волос, тоже жирных и прилипших к голому коричневому черепу.

Хозяин усмехнулся, показав желтые зубы, и погладил себя по шелковой тунике, которая была в жирных пятнах от пищи. Его позолоченный пояс, как подумал Рей, явно не предназначался для такого брюха: он застегивался цепочками, что удлиняло его на несколько дюймов.

— Добро пожаловать на «Черный Ястреб», брат. Я — капитан Тейт. Люди Му не имеют причин относиться ко мне благосклонно. И надо при-

знаться, поживиться нам там сейчас нечем: все «торговцы» торчат под защитой флота во Внутреннем море.

Рей поставил стакан и жестом показал, чтобы его наполнили снова.

— Я — Сидик из Уйгура.

— Ну-ну. Но ты моряк. Разжалованный офицер флота? Они присоединяются к нам время от времени. Как поживает мать-страна в эти дни?

Рей вынужденно засмеялся.

— А ты, похоже, был раньше рейдером, капитан. Му, наконец, начинает просыпаться. Я вовремя удрал.

Капитан Тейт кивнул.

— Да, я всегда говорил, что мурийцы, хотя и слишком уж доверчивые, но не слепые же они. А теперь, Сидик, снимай-ка свои мокрые лохмотья. — Он подошел к сундуку и вернулся с новой одеждой.

— Хорошее барахло. Мы взяли его с корабля, который захватили в Северном море, прежде чем он успел запросить помощи у своих. Принадлежало какому-то офицеру. Он встретился с Баалом, как я слышал.

Неохотно, но стараясь не показывать неудовольствие, Рей натянул на себя одежду мертвого

и украдкой спрятал в его складки свой драгоценный браслет.

— Ложись, если хочешь, — Тейт указал на койку. — Мы увидим землю только завтра.

Он вышел, оставив Рея одного. Выбрав наименее вонючую койку, Рей устало вытянулся на ней. Он так далеко зашел в своей игре, и кто может сказать, что ждет его через день и даже через час?

В эту ночь Рей не видел во сне деревьев, но картины его сна так удивительно накладывались одна на другую, что он одновременно был и наблюдателем, и участником действия. Он был Сидиком из Уйгура, и ему снились прошедшие годы его жизни. Но в то же самое время он был и Реем, который словно бы стоял в стороне и внимательно наблюдал за всем, что происходило с Сидиком, потому что ему было необходимо узнать и запомнить все, что делал когда-то Сидик. Крик «Земля!», наконец, разбудил Рея. Он еще немного полежал, чувствуя, что совсем не отдохнул. Сверху, с палубы доносился топот ног, слышались приглушенные приказы. Тейт говорил, что они высадятся завтра. И, видимо, пока Рей спал, погрузившись в свои странные сны, оно, это завтра, уже наступило. Рей медленно

поднялся. На стуле лежала просоленная одежда Сидика, от вчерашнего купания в морской воде она еще больше выцвела и помялась. Но все-таки Рей охотнее носил бы ее, чем богатые наряды, добытые разбоем и грабежом. Выходя на палубу, он все еще застегивал пояс с мечом.

— Ты, видно, крепко устал, друг, раз так долго и крепко спал, — крикнул ему, стоявший у руля, капитан Тейт. — Ну, хочешь увидеть Красную страну? Баал был милостив к нам: всю ночь дул попутный ветер. Прозакладываю пять монет, что мы войдем в гавань еще до ночи. И на этот раз я буду рад бросить там якорь. Крысы Му стали глядеть лучше, а зубы у них острые... — Он ухмыльнулся и подошел ближе к поручням, чтобы сплюнуть в море. — У нас совсем тощая добыча, когда торговцы не выходят в Северное море. Но служба у Посейдона обещает больше, чем может дать война без добычи. Поскорее бы сбылись эти золотые обещания. Надеюсь, друг, ты не повторишь эти слова перед безобразным лицом Хроноса — Посейдона. Мы, северные волки, не присягаем ему на верность, разве что иной раз соглашаемся объединиться с ним. Нам мало одних обещаний. Ну, а что ты скажешь о каравае хлеба и еще какого-нибудь недурного наполнителя

для брюха — не то что черная дрянь на кораблях Хроноса, от которой несет пылью и тараканами.

Он повел Рея в каюту. Пища, хоть и поданная в разномастной посуде, была куда лучше той, что ел Рей после отъезда из Му. Похоже, такой стол был слабостью капитана Тейта и одновременно его гордостью.

— Я думал, — Рей отодвинул блюдо, которое поставил перед ним капитан Тейт, — что ты служишь в атлантском флоте.

— Во флоте? Я — Тейт? Ну, нет, я — свободный капитан. Сейчас в гавани Пятистенного Города наберется с десяток таких людей. Но только сейчас, заметь, только сейчас. В других местах сейчас нечем поживиться, а у Посейдона большие планы. Но все равно над нами нет хозяина: мы ссоримся и с толстопузыми торговцами, и с мурийцами, которые мечом защищают их от нас. Однако как Хронос посулами заманивает нас в Красную страну, так и мурийцы хотят, чтобы мы остались в Му. Они, конечно, держат свои обещания, упрекнуть их я не могу. Но Му не получит никого из нас. Теперь, когда мы должны выбрать одну из сторон, мы идем в гавань Атлантиды. Здесь у нас есть свободный город Санпар. Хронос посылал, туда своих послов, чтобы поговорить

с нами откровенно — насколько он способен говорить откровенно. Мы хорошо знаем, что, если идешь по Красной стране, то должен смотреть и перед собой, и по сторонам, и оглядываться назад. Но Хронос сейчас нуждается в нас, так что мы подняли его знамя — в то же время поглядывая, чтобы никакая тень не потянулась к нам с берега. Мы не любим Хроноса. Он имеет привычку приказывать то так, то этак. Но мы давно знаем, что лучше иногда быть глухим, чтобы не слышать того, что тебе не нужно. А Хронос посылает людей к Баалу или к этому дьяволу, приходящему по зову Красных Мантий, — к Преданному Тьме.

Знаешь, в лесу Бесплодных Земель встречаются странные волки, они вроде нас: так же рычат, принюхиваются, показывают клыки, но не нападают, чтобы не накликать собственную смерть. Страх и ненависть равно влияют на судьбу. Вот мы и ждем, наблюдаем и готовим клыки на тот случай, когда Хронос вообразит, что он сильнее всех.

— Десять ваших кораблей?

— Десять, и на каждом койка для тебя, друг, если пожелаешь. Мы можем брать моряков, которые не клялись в верности Красной стране. Думаю, Сидик, что такой человек, как ты, найдет

в Хроносе щедрого хозяина, и сможет надолго остаться в его службе. Но когда тебя станет мутить от запаха страха в его прекрасном дворце, приходи к морским волкам. Предупреждаю: ты хоть кровью потей, служа ему, но придет день, когда он вышвырнет тебя, не дав и серебряной монетки в награду, а то еще и пошлет к Баалу. Когда ему нужен корабль, он называет мой, потому что обо мне идет добрая слава среди свободных капитанов, но если меня захватят мурийцы, он улыбнется и не прольет ни капли вина, чтобы облегчить жажду моей голодной души.

Мы возвращаемся: значит, в чем-то он проиграл. Известия, которые ты везешь, должно быть, очень важны. Но помни: если тебе понадобится убежище, приходи к нам.

— Почему ты мне это предлагаешь? — удивился Рей. — Ты же ничего не знаешь обо мне.

Капитан пожал тяжелыми плечами, словно и сам себе удивился.

— Почему? Я и сам не знаю. Наверное, потому, что ты молод и такой же моряк, как и мы. А я не любитель ни Баала, ни воров в Красных. Мантиях, которые каркают в его храмах. А может, потому, что я хотя бы такой малостью сумею нарушить планы Хроноса. Слышишь? — Они

услышали шум, доносящийся с палубы. — Иди наверх. Похоже, я выиграл свой заклад, и… мы входим в гавань.

Рей жадно вглядывался в главный порт Атлантиды, который расположился в широкой бухте с узким входом. Дальше простирался город, — не ярко освещенный, как мурийская столица, а темный, с темными стенами.

— Владения Хроноса. Говорят, что их нельзя штурмовать из-за пяти стен и трех каналов. Однако, — Тейт снова усмехнулся, — это еще никто и никогда не проверял. Дайте мне сотню хороших мечей, немножко везения, и… тогда мы доказали бы, что это далеко не так.

Рей глянул на стоящих на палубе матросов. Они и впрямь были похожи на угрюмых и настороженных волков. Ему показалось, что их глаза, устремленные на береговую линию, светятся жестоким и голодным блеском.

— Я уверен в этом, — ответил он.

Тейт захохотал.

— А Хронос не уверен. Не забудь: если некуда будет деваться, приходи к нам.

Рейдер продолжал путь через огромное скопление кораблей и встал на якорь подальше от доков, где были привязаны торговые суда. Спустили

маленькую шлюпку, два матроса сели в нее. Рей кивнул капитану:

— Пусть Солнце… — начал он и, спохватившись, замолчал, поняв, что какой-то фокус памяти сыграл с ним дурную шутку. Его рука потянулась к мечу, хотя победить в таком поединке у него не было никакого шанса.

Но капитан рейдера только остро взглянул на него.

— Придержи язык, Сидик. Ты слишком долго пробыл в мурийских землях. Если здесь услышат такое пожелание, тебя сначала убьют, а потом будут задавать вопросы. Давай проваливай! Но не забывай, что мы здесь…

Рей растерянно перелез через поручни. Он смирно сидел в лодке, глядя на док, к которому они гребли, но мысли его были заняты капитаном Тейтом. Необычная настойчивость, с какой он приглашал Рея к себе в случае беды, — откуда она? Судя по всему, рейдер куда охотнее бы его продал, как только уловил намек, что Сидик совсем не тот, за кого себя выдает. Подозрительность стала теперь необходимым щитом для Рея, но и тут нельзя было переборщить.

У дока стоял человек в простой броне.

— Откуда ты, чужеземец? — спросил он несколь-

ко наглым тоном.

— Уйгур, — кратко ответил Рей.

— Твое имя не Сидик?

— Возможно.

— Если ты Сидик, то пойдешь со мной, — сказал солдат, — если же нет, то узнаешь, что небезопасно играть в игрушки с теми, кто кого-то ждет.

Атлант пошел сквозь толпу, и Рей поспешил за ним. Неподалеку возвышалась стена из красного камня. Они прошли вдоль нее до ворот, где перед ними медленно поднялась тяжелая решетка с острыми зубцами. Солдат что-то сказал стражнику, и тот пропустил их на узкий мост через канал, в котором бурлила вода. Мост заканчивался у других ворот, на этот раз в белой стене. Второй мост привел их к черной стене и третьему каналу. И здесь атлант сказал:

— Видишь стражей Атлантиды? Эти мосты хорошо придуманы. Если какой-нибудь враг захочет пройти, ворота закроются, и все мосты исчезнут. Нет такой армии, что могла бы пройти через такую защиту.

Рей вспомнил похвальбу Тейта, который с сотней хорошо подобранных ребят брался доказать жителям города, что они заблуждаются. Рею эта защита показалась слишком грозной для врагов,

вооруженных лишь тем оружием, какое он уже видел.

После третьего канала они прошли еще через две стены и, наконец, очутились в городе. Здания здесь были трех цветов: красного, черного и грязно-белого. Казалось, их строили так, чтобы в случае нужды использовать их в качестве укреплений. По улицам ходили люди совсем другой расы. У них не было ни белой кожи, ни высокого роста мурийцев. Они тихо переговаривались на своем гортанном языке, словно опасаясь, что кто-нибудь подслушивает их. У города Хроноса собственный запах, не имеющий ничего общего с обычными запахами больших городов. Это был запах страха. Рей и сам не понимал, откуда он знал это, но был уверен, что это так.

Провожатый привел его на большую площадь. Прямо перед ними было то, что осталось от когда-то величественного храма из белого мрамора. Теперь он был ободран и обезличен. Казалось, это сделали намеренно. Рей заметил, что атланты избегают подходить к нему близко. Перед его широкими ступенями стояли два столба, окутанные пыльной и рваной малиновой тканью.

Солдат засмеялся и указал пальцем:

— Видишь храм Пламени, построенный теми,

из Му? Наши служители Баала обращались с ним несколько небрежно до того дня, когда наш Темный вошел в свой собственный храм.

— А почему столбы обернуты? — спросил Рей.

— Об этом говорить запрещено, — солдат быстро оглянулся. — Пошли.

Он ускорил шаг, но, когда они проходили поблизости от покалеченного храма, атлант снова указал на изломанную и зазубренную линию вдоль одной из стен на высоте человеческой груди. Камень здесь был в коричневых пятнах.

— Здесь мы поставили Солнце рожденных и тех, кто служил им. Они не кричали, даже когда их касалась смерть. Они страшно упрямы, эти Солнце рожденные. Их детей отдали Баалу, и говорят, даже малыши не плакали. Мужество у них, конечно, есть, но и только. И оно не послужило им ни плащом, ни щитом против воли Баала. Теперь их никого нет, кроме нескольких, сидящих в яме, да тех, кто отдан жрецам для опытов…

— А что будет с теми, кто в яме? — Рей старался не глядеть на стену, отгоняя картину, нарисованную его воображением после слов солдата.

— Иногда их вытаскивают и допрашивают. Посейдон держит их для какой-то цели. Пошли, уже поздно. — Помолчав, он спросил:

— Скажи-ка, ты был в Му, человек из Уйгура. Эта мать-страна в самом деле так богата, как рассказывают?

— По-моему, да.

— А Солнцерожденных там много?

Рей подумал, что есть возможность посеять семя сомнения.

— Очень много. И у них там сильная власть. Это их древняя родина.

— Хронос обещал нам их женщин, когда мужчин пошлют к алтарю Баала. Мы нападем на Му, и никакая власть и сила не помогут им. Все их богатства перейдут к нам, а те, кто не из Солнцерожденных, станут нашими рабами. Так обещал Баал! — в голосе солдата слышалась полная уверенность.

Пальцы Рея сжались, ему хотелось схватить солдата. Воспоминания уже не были такими туманными. С тех пор, как Рей вошел в этот город, многое из воспоминаний пробилось сквозь засохшую корку, которая сковала его мозг. Подумать, что леди Эйе и леди Айна подвергнутся…

— Вряд ли это будет так легко, — сказал он солдату. — Я видел мурийцев, они хорошие воины, это тебе не ребятишки, которых легко смахнуть с дороги.

— Да, но у них нет Преданного Тьме, — заметил солдат. — Вон внизу храм Баала.

В конце широкой улицы стояло громадное здание из красного камня. Но Рей лишь мельком взглянул на него и затем они свернули на другую улицу и подошли к дворцу Посейдона. Здесь атлант передал Рея офицеру стражи и ушел. Офицер повел Рея сначала по длинным темным коридорам, где узкие окна-щели в толстом камне располагались далеко друг от друга и к тому же очень высоко, потом вверх по узким винтовым лестницам. В этом месте, собравшем множество теней, было так сыро и холодно, что по телу пробегала дрожь — Это была скорее угрюмая крепость, а не дворец. Она ничем не напоминала белые, полные света дворцы Му. Наконец, они пришли к невысокой арке, выходящей во двор под открытым небом. Офицер возвестил:

— Человек из Уйгура.

Рей сделал шаг вперед, твердо зная, что только сейчас и начнется настоящее испытание той роли, которую он в последнее время играет, и малейшая ошибка, вроде той, что он допустил перед Тейтом, будет означать смерть. Он — Сидик и должен быть только Сидиком. Другого спасения для него нет.

— Ну, где он, где он? — спросил кто-то раздраженно. — Вели ему показаться, Мегос.

— Иди, человек из Уйгура, — послышался приказ.

Рей шагнул в свет заходящего солнца.

— Ты опоздал, — сказал первый голос.

— Была задержка, Грозный Лорд, — осторожно ответил Рей.

— Иди! Иди сюда!

Рей подошел к золотому ложу и быстро встал на колени, склонив голову и надеясь, что он выглядит полностью униженным и испуганным слугой.

— Подними глаза! Дай мне посмотреть, что ты за человек. Сидик из Уйгура!

Это был Хронос, Посейдон Атлантиды, точно такой, каким Рей видел его в том сне… Нет, сейчас об этом вспоминать опасно.

Маленькие глаза на жирном обрюзгшем лице, тщательно завитые и надушенные волосы; жирные руки, движущиеся почти механически, время от времени они брали с блюда на маленьком столике какое-то лакомство и подносили его к пухлым губам. Рядом с ложем стоял жрец в красной мантии, с голым черепом и очень блестящими глазами. Рей подумал, что жрец

этот страшней, чем Посейдон, слугой которого он считался.

— Пожелает ли Грозный выслушать слова своего раба? — спросил Рей по установленной форме, которая была внедрена в его мозг Наакалями.

— Он обязательно должен говорить, Мегос? — спросил Хронос жреца.

— Наверное, это было бы неплохо для экономии времени, Грозный. А затем, если ты посчитаешь это необходимым, он повторит свой рапорт перед советом.

— Тогда говори, человек из Уйгура.

— Следуя приказам, — данным твоему рабу, я путешествовал в Му, — начал Рей. Слова шли так легко, потому что, видимо, тоже были вложены в его мозг заранее.

Посейдон заерзал на своих подушках.

— Да, да, — нетерпеливо сказал он, — какова их защита?

Слова снова пришли к Рею сами собой.

— Все прибрежные форты укреплены и резервы вызваны. И флот пополнился новыми людьми и новыми кораблями, которые теперь крейсируют в западных морях…

— Все это нам известно, дурак! У тебя нет ничего более важного для наших ушей? Как насчет того

дела, о котором тебе велели разнюхать особо?

— Твой раб подкупил молодого ученика храма. Он кое-что знал…

— Ну, что же? Им известно о Преданном Тьме?

— Да. Наакали пробили занавес Тьмы и видели Преданного… — Слова сыпались из Рея, словно шарики изо рта фокусника, и он знал, что они рождены не его мыслями, а вложены в него Наакалями, но цели этих своих разоблачений он не понимал.

Хронос поднял жирный кулак и ударил им по подушке.

— Так… — Он с обидой взглянул на жреца. — Ты говорил, что занавес непроницаем, а, оказывается, это вовсе не так. Значит, у Наакалей больше власти, чем…

— Грозный! — Рука Красной Мантии предостерегающим жестом указала на Рея. Но если жрец не желал обсуждать эти дела сейчас, то его венценосный хозяин не был настроен молчать.

— Значит, у этих Наакалей больше власти? — повторил он, и голос его стал визгливым и резким.

— Как я говорил тебе, Грозный, — ответил жрец спокойно и рассудительно, — ни один мозг, рожденный от Му, не мог бы добраться до нас. Но мы

кое-что сообразили. Если они проникли в храм…

— Если! — перебил его Хронос. — Они явно сделали это. А ты… — он обратился к Рею, — узнал, какую защиту они планируют против Преданного? Что сказал об этом тот щенок жрецов?

— Грозный Лорд, он смог узнать только то, что это луч черного света. — Откуда пришли эти слова? Рею хотелось закрыть руками свой рот, заглушить свой голос. Но что сказано — то сказано, и голос этот больше не подчинялся ему — им управляла какая-то могучая сила, чей-то полный могущества мозг вне Рея. И в американце проснулся новый страх. — Ученик был раскрыт и взят раньше, чем успел узнать больше. Твоего раба вовремя предупредили, и он убежал.

— Луч черного света, — задумчиво произнес Мегос.

— Ты слышал о таком? Что это? — спросил Хронос.

— Надо посмотреть в записях, — уклончиво ответил жрец.

— Что еще ты можешь сказать нам? — Он явно желал отвлечь внимание Хроноса от этого луча.

— Уйгур волнуется, Грозный, — услышал свой дальнейший рапорт Рей. — Эта страна — не законная дочь, чтобы броситься на защиту мате-

ри-страны, как та рассчитывает…

— Хорошо! Хорошо! — Хронос удовлетворенно хмыкнул. — Вот видишь, — снова обратился он к жрецу, — семя, так заботливо посеянное нашими посланцами, уже начало прорастать и скоро даст плоды. В назначенный день Му станет сзывать союзников, и никто не откликнется. Страна останется одна, и, наконец, созреет для нашего захвата.

— Скажи-ка, — снова задал вопрос жрец, — слышал ли ты, пока был в Му, разговоры об иноземце, вошедшем в милость к Ре Му? О человеке не из Му, а откуда-то издалека, и имеющего какие-то странные силы?

— Разговоры такие есть, — Рей все еще был только орудием воли, что послала его сюда. — Но за достоверность твой раб не может ручаться. Люди, говорят, что Ре Му и Наакали вызвали для своих нужд силу извне.

Хронос резко приподнялся, и подушки посыпались на пол.

— Неужели правда? Такое может быть? — Он снова повернулся за ответом к жрецу.

— Кто знает, Грозный? Слухов носится Множество, однако в очень немногих из них есть хотя бы капля истины. Но это логично: у нас есть помощь,

и она идет не из известного нам мира. Может, и Наакали призывают ее таким же образом. Это согласуется с проколом занавеса — они могли кого-то вызвать для этой цели.

— А может, такой вызванный оказаться сильнее нас? — допытывался Хронос.

— Мы вызвали из Тьмы, они — из других сил, если такое в самом деле произошло. Как можно сказать, кто сильнее, пока они не встретятся в открытом бою? Пусть кто угодно встанет под знамена Му, у нас есть Преданный Тьме, и его род крепко стоит за Атлантиду. Ты ничего больше не знаешь? — спросил он Рея.

— Нет, сын Баала. В городе шепчутся, но, как ты сам сказал, в этом шепоте, может, нет hi тени правды.

— Но этого достаточно, чтобы — подготовить нас. Человек из Уйгура, ты хорошо поработал для нашего дела. Не так ли, Грозный?

Он, казалось, оторвал властителя от глубокого раздумья.

— А-а-а, да, да. Ты можешь идти. Офицер снаружи покажет приготовленную для тебя комнату.

Рей на коленях отполз назад и поднялся только у двери. Быстро взглянув, он увидел, что Посейдон и жрец о чем-то шепчутся, и подумал, что

Мегос успокаивает своего царственного хозяина.

Рей перегнулся через подоконник. Здесь, в верхнем этаже дворца, окна были пошире узких щелей в нижних помещениях. Хотя уже наступила ночь, гавань была ярко освещена, а высокий рост Рея позволял ему видеть за ее стенами доки.

Где-то там, внизу, стоял на якоре доставивший его сюда рейдер. Рей задумался над настойчивостью капитана Тейта и его неожиданным обещанием предоставить Рею в случае необходимости убежище на своем борту. Почему капитан очень настойчиво повторял это несколько раз?

Комната здесь была голая, бедно обставленная. Посейдон, похоже, не слишком хорошо обращался со своими верными слугами с окраин. Четыре красные стены, пыльный пол, поломанная кушетка и скамейка. Даже одежду Рея — и ту забрали, а взамен дали черную броню из металла на коже — форму младшего офицера на службе атлантов. По крайней мере, его хоть не заперли, чего он почти ожидал. Надев черный плоский шлем, он вышел в тихий коридор. Казалось, эта часть дворца не слишком часто посещалась, и это вполне устраивало Рея. Он спустился в нижний коридор, лучше освещенный и более оживленный. В дальнем конце праздно сидели на скамьях

солдаты и младшие офицеры. Он слышал их голоса, временами смех, но у него не было желания составить им компанию. Но несколько слов привлекли его внимание.

— Мурийцы! Да, вечером. Редкое зрелище в зале для приемов, да еще целый час.

Мурийские пленники! Рей должен увидеть их. Это еще одно выражение воли, которая взяла над ним верх во время его встречи с Хроносом. Бороться с ней было невозможно.

Гулко ударил гонг. Атланты вскочили и двинулись в глубь дворца. Рей поспешно пристроился к хвосту отряда. Они вошли в красный зал, который Рей видел в своем путешествии во сне, и Хронос снова сидел на золотом троне. Рей вытянулся за одной из колонн, приняв неподвижную позу стражника и надеясь, что его не заметят. Посейдон поднял скипетр в виде бронзового трезубца — символ власти, который Му даровал первому атлантскому лорду, правящему здесь, на востоке. Жужжание голосов стихло.

— Пусть выступят вперед Двенадцать Дающих Закон!

Голос Хроноса был слабым и дрожащим в огромном зале, ему не хватало достоинства, к которому Посейдон, бесспорно, стремился. Две-

надцать мужчин заняли свои места по шестеро с каждой стороны трона.

— Слушайте, люди Атлантиды, волю Посейдона, любимца Баала. На третий день месяца конца ветров, через двенадцать дней от сегодняшнего флот Атлантиды поплывет к так называемой матери-страны. Му, угнетатель, будет открыт нашему огню и мечу. Так сказано, и пусть так будет записано…

Двенадцать человек подняли руки.

— Это так же и ваша воля, — глашатаи провинций? — спросил Хронос.

— Да, Грозный, — ответили они как один.

— Да будет так. И слово закона не может быть изменено.

Все в зале запели в ответ:

— Это будет законом, и слово закона не может быть изменено.

Хронос чуть наклонился вперед. Бледный язык облизал пухлые губы, словно он готовился попробовать какое-то новое лакомство.

— Привести мурийских крыс, которых мы уже поймали в сети!

Рей наблюдал за шеренгой солдат, входивших в зал, они вели десять человек, скованных цепями. Пленники с трудом держались на ногах.

Они были выпачканы липкой зеленой слизью и едва брели, поддерживая друг друга. Но когда их поставили перед Хроносом, они не отдали ему салюта, и, насколько могли, гордо подняли головы.

— Похоже, вы еще не утратили силы духа. Видимо, мы слишком щедры в своем гостеприимстве! — хмыкнул Хронос.

Один из пленников ответил хрипло, словно страдания лишили его голос силы:

— Что ты хочешь от нас, фальшивый король?

— Разве ты еще не готов сказать, что король не фальши вый, а истинный, и сменить верность…

Рей знал, что это не настоящее предложение, а просто жестокая шутка. Муриец уже качал головой.

— Мы предлагаем свободу и честь любому, кто присоединится к нам, — продолжал улыбаться Хронос.

— Честь атлантов? — Насмешка, прозвучавшая в ответе мурийца, хлестнула как кнут.

Одутловатые щеки Посейдона побелели от злости.

— Так, — с ненавистью сказал он и замолчал. Мегос дернул его за рукав. Хронос кивнул ему.

— Ах, Мегос. Да, да, я вспомнил. Тебе, кажется, нужны люди для твоей лаборатории?

Рей услышал, как вздохнул один из пленников. Все остальные молчали.

— Мегосу и Баалу нужны люди, сильные люди. Можешь взять этих, Мегос. Они, похоже, сильны, если у них хватает воли стоять так дерзко перед нами. Возможно, я приду посмотреть, что ты делаешь с ними. Это очень занимает.

Теперь Рей понял, зачем его послала сюда управляющая им воля. Но что он может сделать один? Сейчас — только следить и ждать, не пошлет ли судьба подходящий случай. Но надеяться только на удачу слишком рискованно.

Вот! Они идут мимо него. Рей стоял, как статуя, в тени колонны и смотрел, как проходили мимо стражники с пленниками-мурийцами. Он улучил момент и пошел сзади них. Вряд ли кто-нибудь из стражников, думал Рей, заподозрит его в злом умысле. Их дело следить за теми, кого они ведут. И кто может помочь пленникам в собственном дворце Хроноса?

Вверх по лестнице, ну да, это путь в то крыло здания, где была комната Рея. Он быстро поднялся, вошел к себе и притаился за полуоткрытой дверью — отсюда ему хорошо был виден отряд, который дошел почти до конца коридора. Вот… Они втолкнули пленников в дальнюю комнату,

поставили часового…

Рей схватил с кушетки покрывало и стал ждать, когда они пройдут мимо его двери и шум шагов, наконец, утихнет. Затем незаметно выскользнул из двери и нырнул в нишу неподалеку от часового. Из поясного кармана Рей достал две монеты и бросил их на пол. Они громко зазвенели, ударившись о камень, и часовой пошел на этот призывный звон. Рей ударил его ребром ладони по горлу, не защищенному ни шлемом, ни броней. Он подхватил падающего атланта, бесшумно уложил его на пол, обернул безвольное тело покрывалом, отволок его в свою комнату и запер там. Затем Рей поспешил к двери, за которой были пленники, и открыл ее. Муриец, говоривший с Хроносом, удивленно вскрикнул.

— Что тебе? Кто ты?

— Тихо! — Рей занялся их цепями, пользуясь ключом, который он снял с пояса часового. Но муриец отвернулся.

— Фальшивая надежда — новая пытка. Не поддавайтесь, друзья!

— Я освобожу вас, — разозлился Рей. — Надо действовать быстро, времени на споры нет.

— Кто ты?

— Из Му.

— Легко сказать, да нелегко доказать.

— У тебя есть шанс проверить меня. Или ты хочешь ждать милостей Мегоса? — спросил Рей. — Раздумывать нет времени.

— Он прав, — сказал один пленник. — Выйдя из этой комнаты со свободными руками, мы, по крайней мере, будем уверены, что снова нас возьмут только мертвыми. Для меня и такая надежда хороша!

— А другой у нас нет. Даже если мы доберемся до гавани — там нет нашего корабля. А бежать в глубь страны — глупо.

Рей вспомнил о Тейте. Хоть и хилая, но все-таки надежда.

— Может, и корабль будет. Пошли!

Они вышли в коридор. Вождь мурийцев остановился и подхватил упавший меч часового.

— Кто-нибудь знает внутренние переходы дворца? — спросил Рей. — Я прибыл сюда только сегодня…

Один из мурийцев вышел вперед.

— Меня посылали сюда раньше, но Мегос не воспользовался мной. — Он не мог сдержать дрожь, сотрясавшую его похожее на ходячий скелет тело. — Я могу довести до внешних ворот.

— Веди!

Они крались по коридорам дворца, прислушиваясь к малейшему шороху. Их провожатый не пошел по лестнице, по которой они поднимались раньше, а повел их в боковой коридор, а затем вниз по узкому пролету, неожиданно упиравшемуся в дверь.

— Это сторожка охраны Мегоса, — прошептал проводник. — Там, наверное, солдаты…

Рей отодвинул мурийца рукой. Своей одеждой он напоминал воинов из дворцовой стражи, так что он мог войти в сторожку, не вызывая переполоха. Рей открыл дверь. Там были трое, они с удивлением посмотрели на него.

— Эй, вы! — тоном приказа крикнул он. — Пошли! Мурийские пленники сбежали!

Двое стражей разинули рты. Третий спросил:

— Как?

— Откуда я знаю? — с нетерпением ответил Рей. — Приказ идти и ловить их.

Стражник прищурился.

— Гонга тревоги еще не было…

— Прошло еще мало времени. Да и будем ли мы предупреждать беглецов, чтобы они быстрее бежали? Пошли!

Двое послушно встали и пошли к двери. Третий же обернулся и потянулся к гонгу. Рей ударил

его так же резко и точно, как и часового в верхнем коридоре. Он не стал смотреть, как падает его жертва, а быстро повернулся и сбил с ног ближайшего к нему стражника, краем глаза успев заметить, как муриец с мечом напал на того стражника, что был уже в дверях. Через мгновение мурийцы, заняв сторожку, принялись раздевать обмякших стражников. В комнате были еще и доспехи, принадлежащие другой смене, так что больше половины пленников вскоре оказались в воинской форме атлантов. Когда они были готовы, Рей сказал:

— Теперь изобразим отряд. Я — датор, командую им, мы идем в гавань сдать рабов на корабль флота. У нас есть еще одно поручение: арестовать капитана Тейта с рейдера Северного моря, который заподозрен в измене. Пока мы идем, вы, — он кивнул тем, у кого не было доспехов, — пленники. Готовы ли вы на такую пытку?

— Готовы, лорд! — решительно ответили все, и тон ответа не сулил ничего доброго тем, кто рискнет задавать им в эту ночь вопросы.

Рей сдернул гонг, со стойки и взял его с собой. Двух потерявших сознание стражников крепко связали, а убитого положили за дверью, где его не сразу заметят. Они вышли в коридор, и Рей

поразился. Эти люди нисколько не походили на воинов Хроноса, но вдруг стали ими! Длинные волосы были забраны под шлемы, лохмотья прикрыла форма, а лица при слабом освещении различались плохо. И маршировали они, как военный отряд. У Рея с новой силой вспыхнула надежда на удачу, и он отдал приказ идти. Между воинами плелись четыре пленника с вроде бы связанными за спиной руками. Отряд вышел во внутренний двор, и тут в первый раз они увидели часового. Рей велел сам себе держаться как можно уверенней.

— Кто идет? — спросил часовой у ворот, когда Рей подвел свой отряд к порталу. Это был не главный вход во дворец, а боковой, куда советовал идти мурийский проводник.

— Датор Сидик, по слову Посейдона, — ответил Рей. Рот его был сух, поэтому слова звучали тихо и грубо, что, кажется, было естественным для атлантов. Рей только боялся, не услышит ли стражник громкий стук его сердца?

— И куда?

— Дело в гавани. Не должен ли я кричать во все горло о своем деле? — Рей позволил себе подпустить в голос чуточку злости, почти уверенный, что им придется пробиваться с боем. Но страж,

махнул им, чтобы проходили.

Они быстро двинулись вперед. Рею хотелось пуститься бегом, он каждую минуту ждал криков или звона гонга позади. Гонг, унесенный из сторожки, он выбросил в кусты сразу за воротами.

Ночные улицы были пусты. Но на пути в гавань перед ними еще оставались пять стен и три канала. Надеяться, что их поразительная удача будет сопутствовать им до конца, было бы явной глупостью, и он сказал об этом мурийцам.

— Дело в том, — ответил ему лидер, — что они ждут зла снаружи, а не изнутри, и пока нет тревоги из дворца… А, ладно, — пожал он плечами, — сделаем, что сможем.

Они миновали разоренный храм Пламени и пришли, наконец, к воротам первой стены. Рей подошел к часовому.

— Кто идет?

Рей был уверен, что часовые не слишком удивились, увидев отряд.

— Датор Сидик по приказу Посейдона.

— С какой целью, датор?

Никаких признаков тревоги, ничего похожего, что это необычно для стражников.

— Сдать рабов на весла в гавани. А также арестовать капитана рейдера.

— Есть табличка разрешения, датор?

— Вот она.

Рей шагнул вперед, словно бы поближе к свету, и протянул навстречу офицеру руку. Тот двинулся к нему. И тут правая рука Рея стремительно обрушилась на атланта. Он подхватил падающее тело, быстро повернул его к себе лицом и приставил к горлу атланта длинный кинжал.

— Давай! — услышал он тихий приказ мурийца, и люди отряда бросились на стражников. Те упали, едва успев приглушенно вскрикнуть. Муриец отдал еще один приказ, и упавших оттащили в сторону, чтобы их не было видно. Муриец вернулся к Рею.

— Ты думаешь воспользоваться этим типом?

— Он может стать ключом, который отомкнет все замки на нашем пути.

Муриец откинул назад вялую голову пленника.

— Он же без сознания.

— Ничего, скоро придет в себя, — уверенно ответил Рей. — Пошли дальше.

Они прошли ворота, закрыли их за собой и заклинили. Рей пошлепал пленника по лицу, а один муриец плеснул на атланта водой. Наконец, тот тяжело вздохнул и открыл глаза. Рей

быстро зажал ему ладонью рот, который тоже начал открываться. Кинжал снова уколол горло пленника.

— Ты пойдешь, — медленно сказал ему Рей, стараясь, чтобы до того дошло каждое слово, — и будешь делать то, что мы тебе скажем. В этом случае ты останешься жив. Поступишь иначе — и никогда не узнаешь, что случится с нами, потому что уже не увидишь этого. Понял?

Человек поспешно кивнул.

— Ладно, — Рей опустил руку с кинжалом и развернул пленника так, что теперь они были рядом, но позади оказался вождь мурийцев с кинжалом, приставленным к спине атланта.

— Вперед, — скомандовал Рей.

Они шли ко вторым воротам, и по пути Рей полушепотом отдавал приказания пленнику. Сможет ли и захочет ли он повиноваться — это они скоро узнают. Но атлант, несомненно, понимал, что имеет дело с людьми, которые без колебаний выполнят свою угрозу.

— Кто идет? — окликнули из вторых ворот.

Пленник откашлялся и ответил:

— Датор Во-Хан. Есть приказ провести этого датора и его отряд в гавань.

Мгновение молчания, и Рей услышал вздох

Во-Хана, которого мурiец слегка кольнул кинжалом.

Если у часового и были сомнения, то он их не выказал. Во-Хан как раз и был ключом. Но, пройдя вторые ворота, Рей знал, что не вздохнет свободно, пока они не окажутся в доках.

Мост. Третьи ворота. Мурийцы шли, Во-Хан исправно играл роль ключа. Второй мост, четвертые ворота. Слишком уж все хорошо идет. Что-то внутри Рея кольнуло, предупреждая об опасности. Удастся ли им уйти?

Последний мост и вдали — последние ворота. Все еще никакой тревоги, свободный проход под предводительством Во-Хана. Но хорошо, что они не слишком надеялись на судьбу: когда они шли по узкому проходу над темной водой, атлант вдруг навалился всем телом на Рея и закричал. Рей не медлил ни секунды. Почувствовав, как навалилось на него тяжелое тело, Рей рванулся вперед, упал, и атлант, вместо того, чтобы столкнуть Рея с моста, перелетел через него и с криком упал в воду. Мурийский офицер, перескочив через ноги Рея, бросился к воротам. Рей услышал позади новый крик, и мост под ним задрожал. Часовые задних ворот, видимо, стали поднимать его, чтобы раздавить беглецов между ним и спус-

кающейся сверху решеткой.

Рей пополз вперед на четвереньках, не тратя времени на то, чтобы вскочить. Затем его схватили за плечи и втащили на уже поднимающийся пролет.

Половина отряда сражалась у ворот, этим она расчистила путь остальным, чтобы они успели спрыгнуть вниз. А так как мосты предназначались для удержания атакующих, а не для ловли беглецов из города, там, где мост опускался, существовал высокий выступ, на который беглецы и спрыгнули.

Они пробились через ворота и только тогда услышали буханье гонга тревоги, и потому, выйдя на дорогу, ведущую к докам, припустили по ней бегом.

— Куда? — спросил муриец.

— Все умеете плавать?

В темноте послышался смех.

— Мы что — не с флота?

— Тогда — в воду!

Они бежали по виляющей тропе, проложенной среди тюков и ящиков на пристани. Рей один раз остановился, чтобы сориентироваться, увидеть военный корабль, который он запомнил, как ориентир на пути к якорной стоянке Тейта.

— Стражники!

Рею не требовалось предупреждение: он уже и сам услышал топот и крики.

— В воду!

Они сбросили доспехи, те, кто изображал галерных рабов, прыгнули первыми и ждали остальных. Море было такое холодное, Что Рей задохнулся, когда оно обняло его тело. Затем он поплыл, зная, что мурийцы следуют за ним, и к тому времени, когда они добрались до свисающей с борта корабля лестницы, он совершенно заледенел. На секунду Рей остановился — и потому, что любое новое усилие казалось ему невероятно трудным, и потому, что ждал знака от вахтенного на палубе. Но долго ждать было опасно, так что он полез вверх и осторожно перебрался через поручни на палубу.

— Стой спокойно, красавчик! — Свет фонаря упал на обнаженное лезвие и на черную тень, державшую его.

Рей узнал голос.

— Капитан Тейт!

— Клянусь глубоководной змеей, что это так называемый Сидик из Уйгура! — услышал он в ответ, но лезвие по-прежнему было нацелено на него.

— Пришел по твоему приглашению, капитан…

— И с доброй сворой собак по пятам, — фыркнул Тейт. — А еще с чем?

Они слышали крики в доках даже с такого большого расстояния.

— Какие змеиные яйца ты высиживал, человек из Уйгура, и почему это касается Меня?

— Почему это касается тебя, я не знаю, — решительно ответил Рей, — но ты предлагал мне убежище. Ты можешь послать нас обратно, в руки стражей Хроноса, но предупреждаю: это будет нелегко. Или же, — он сделал паузу, — ты можешь жить дальше, чтобы провести своих людей во дворец Посейдона с обнаженной сталью в руках. Эти слова были словно выстрел наугад, в темноту.

— Так, значит, ты включил в свои действия мой рейдер, чтобы привести его к скверному концу. Эй, кто вы такие, чтобы лезть на мою палубу без приглашения? — заворчал он на мурийцев, перелезающих через поручни и встающих позади Рея, у каждого был меч — они не бросили их в доках вместе с доспехами.

— Скверная работа, как ты ее назвал, капитан, в значительной степени уже проделана. Окажи мне услугу и будешь иметь мощную поддерж-

ку…

— …Му, — произнес неуверенно капитан. — А что Му предложит мне в награду за то, что я потащусь чуть ли не на другой конец света?

— Внесет в списки своих вооруженных сил, простит прошлые грехи, даст шанс на добычу в Атлантиде…

— Ты располагаешь достаточной властью, чтобы сделать все это?

Рей достал драгоценный браслет.

— Возьми это и этих людей в Майякс и ты получишь то, что я обещал.

— Ты очень уверен в себе…

— И в тебе, — смело сказал Рей. Настало время, когда следовало пользоваться даже самым диким шансом, потому что другого не было.

Он увидел, как блеснул на лезвии свет фонаря, когда капитан прятал меч в ножны. Затем услышал смех Тейта.

— Клянусь железными когтями Баала, если ты вывел из города десять мурийцев, то я постараюсь вывести их из гавани. И, по воле морского бога, твои люди замолвят за меня слово в Майяксе до того, как меня утопят бывшие недруги.

— Они будут говорить за тебя.

— А ты?

Рей положил руку на лоб и потер его. То, что он чувствовал за плотью и костью, не было настоящей болью, это было холодное и четкое знание, что он не может участвовать в прорыве Тейта к свободе. Воля, которая привела его на дороги Атлантиды, еще не оставила его.

— Я не кончил того, зачем приехал, — сказал он медленно, зная, что говорит правду.

— Но вернуться — значит, встретить явную смерть, — запротестовал мурийский вождь.

— У меня нет выбора, — тихо сказал Рей. — Когда ты придешь — если придешь — снова в мать-страну, скажи им, что они и в самом деле сделали оружие, которое им верно служит.

— Если ты должен остаться, — прервал его Тейт, — иди к парусному мастеру в притон для выпивки в конце третьей пристани. Назови ему мое имя. Это может помочь тебе.

— Мы вернемся за тобой… — начал один из мурийцев.

Рей покачал головой.

— Мы нуждаемся в десяти мечах и в людях, владеющих ими, а также в сведениях, какие вы собрали здесь о городе и его укреплениях.

— Тяжело так говорить, но это правду, — согласился офицер. — Но запомни: когда ты снова

вернешься под Солнце, у тебя будет десять преданных воинов, ждущих только знака, чтобы встать под твое знамя, милорд. И пусть свет Пламени освещает тебе каждую тропу, по которой ты пойдешь!

Рей повернулся к веревочной лестнице и заторопился обратно, хотя вполне мог угодить прямо в руки Баала.

Рей вцепился в сваю под пристанью. Он слышал голоса, но слишком приглушенные, чтобы можно было разобрать слова. Он уже знал, что охотники ушли. Из этого потайного места он не мог видеть рейдер. Сумел ли Тейт выйти в море? Да и пытался ли? Переход капитана к Му совершился так легко, что это показалось Рею подозрительным. Может, Тейт только и ждал ухода Рея, чтобы тут же сдать людям Посейдона бежавших мурийцев? Но если у него был такой план, зачем он отпустил Рея? Ведь он мог бы получить за него большое вознаграждение.

Может, считают, что он, Рей, приведет атлантов к другим мурийским связям в городе? Но Тайт сам дал ему такой адрес. Впрочем, вполне может быть, что у парусного мастера Рея уже будет ждать стража…

Он съежился в своей щелке, но не мог унять

дрожь — а дрожал он не только от холода. Тревожные мысли терзали Рея. Зачем он вернулся — или его вернули? Когда Наакали превращали его в Сидика, они ввели в его мозг приказы, заставляющие действовать определенным образом. И этих приказов он сейчас не понимал.

Движение наверху прекратилось. Он из осторожности поплыл не к ближайшей набережной, где его вероятно взяли бы сразу, а дальше, к западу. А теперь куда? Вернуться сейчас в город, это все равно, что подойти с поднятыми руками к первому встречному стражнику. А Рей так устал, что не хотел ничего, кроме темного угла, в который можно было бы заползти, чтобы хоть немного поспать.

Теперешнее его убежище было очень тесным. Рей даже сомневался, сумеет ли он отсюда выбраться, если на него нападут неожиданно. Лучше вылезти наружу — все-таки шанс на спасение, хотя и совсем крохотный. Он неуклюже передвигался от одной сваи к другой, а под ним плескалась вода. Рей часто останавливался и прислушивался к шуму наверху или к плеску весел в гавани. После некоторого колебания он подтянулся и вылез на пристань. Там были навалены тюки, и он прополз в щель между ними.

Здесь можно было спрятаться от ветра, но Рей все равно дрожал. Потом он, видимо, задремал, потому что в щелях между тюками вдруг посветлело, и он услышал топот ног. Утро? Пришли докеры? Рей выполз из своего укрытия, держась поближе к морю, чтобы мгновенно нырнуть в маслянистую воду, если понадобится. В первый раз он оглядел свое тело, пытаясь сообразить, как он будет выглядеть, если рискнет показаться на улицах города. Когда он с мурийцами прыгнул в воду, то оставил на набережной куртку, шлем и латы стражника. Теперь на нем была только нижняя туника, и она, после плавания в грязной воде гавани, напоминала рабочую. Сапоги… но он не мог отказаться от них. Может, они не слишком сильно смахивают на то, что носят стражники. В качестве оружия у него был только кинжал и пара рук. Он внимательно осмотрел их. В этих местах, где ничего не знают о боевой тренировке его родного мира, руки защищали лучше, чем сталь. Рей был голоден, но старался не думать о еде.

— Шевелись, медуза! Не думаешь ли ты, что груз можно двигать одним взглядом! — крик сопровождался резким щелчком..

Рей вздрогнул, готовый скользнуть в воду, но затем отполз за груду тюков и выглянул. Под

свист кнута надсмотрщика по пристани брела рабочая команда. Рабы, подумал Рей. Если не считать того, что у них были веревочные сандалии, а у него сапоги, в остальном он мало отличался от них, этих сутулых угрюмых работяг. Если присоединиться к такому отряду — удастся ли пробыть незамеченным? Но, вероятно, надсмотрщики хорошо следят за рабами и тут же заметят одного лишнего, ведь их и так немного. Нет, лучше не рисковать.

Рей пробежал в конец пристани и нашел место, откуда можно было вылезть на набережную. Там из повозки выгружали ящики, и грузчики ждали, чтобы унести их. Рей терпеливо поджидал, не подвернется ли удобный случай, чтобы выбраться. Затем он заметил тощего человека, лицо которого чуть ли не наполовину заросло бородой. На нем была рваная туника, он тоже прятался в тени, бросая оттуда быстрые взгляды то на ящики, то на человека, выгружающего их. Затем метнулся к концу шеренги рабочих как раз вовремя, чтобы схватить один из ящиков. Но вместо того, чтобы идти за людьми, кинулся наутек с ящиком в руках. И Рей решил воспользоваться случаем.

— Держи вора!

Американец не знал, правильно ли действует в данных обстоятельствах, но надзиратель ответил таким же криком. Несколько человек, бросив ящики, кинулись вдогонку за бегущим. Рей побежал с ними, как бы участвуя в охоте за человеком, который лавировал между повозками и грузчиками. Затем Рей увидел симпатичный дверной проем и юркнул в него, словно тень. Дверь подалась под его рукой, и он вошел.

В это раннее утро здесь было темнее, чем снаружи. Дыхание перехватило от множества скверных запахов, пахло также и пищей, и желудок Рея судорожно сжался. Откуда-то доносились слабые звуки — храп, скрип, шорохи, в здании явно были обитатели. Но Рей прошел до конца коридора, никого не встретив. Там была еще одна дверь, закрытая на щеколду, и он с бесконечными предосторожностями толкнул ее.

И перед ним открылся вымощенный булыжником узкий переулок. Рей оглянулся по сторонам. Человеческий род не изменился и за тысячелетия. Некоторые запахи были несколько более причудливы, чем в его время, но и только. Наверное, это задний ход через какие-то трущобы. В этот переулок выходили окна. Но смотрел ли кто-нибудь через них и мог ли заинтересоваться

им… В таких районах люди обычно занимаются своими делами, и не видят и не слышат ничего, что их не касается непосредственно.

Рей пробирался через кучи мусора и булыжников и уже был близок к выходу, когда вдруг застыл на месте. Стон? Да, конечно, стон, и он шел из-за полусгнившей корзины, доверху набитой мусором. Рей подошел ближе, пнул ногой отвратительное гнилье и тут же пожалел о своей глупости: из-за корзины выскочила какая-то дикая фигура и кинулась на него с ножом. Хорошо знающий приемы борьбы Рей без труда отразил эту самонадеянную атаку. Его рука сомкнулась вокруг запястья нападающего и отбросила его к стене… И все же Рей самую малость опоздал. Он прижал руку к левому боку. К счастью, не в сердце. Он чувствовал, как теплая кровь струится под туникой. Но не рискнул осмотреть рану. Боли пока нет. Он поднял нож, выпавший из рук напавшего на него человека, и толкнул носком сапога его неподвижное тело. Он, видно, ударился головой о стену…

Тело убитого от толчка откатилось в сторону. Так и есть, подумал Рей, сломана шея. Атлант был молод, почти мальчишка, и очень худ, под желтой прыщавой кожей проступали кости. Туника

его была лучше, чем у рабочих доков, а пояс, с которого свисал кошелек, украшали серебряные бляшки. На пальцах — два кольца, в одном ухе серьга. Вор и, видимо, удачливый. Возможно, этот трюк срабатывал у него не раз. Стон, чтобы привлечь внимание того, кто не слишком спешил по собственным делам, — и вот уже добыча в его руках.

Рей крепче прижал руку к левому боку. Рану начало жечь. О ней следовало позаботиться. Он опасался заражения. Откинувшись к стене, Рей осмотрел порез. Он оказался поверхностным, больше болезненным, чем опасным. Но нельзя было допустить, чтобы кровотечение ослабило его, или чтобы темное пятно, проступившее на тунике, привлекло к нему чье-либо внимание.

Выбора не было. Рей принялся за дело. Вскоре он вышел из переулка, чувствуя себя несколько уверенней. Сапоги, могущие выдать его, исчезли. На нем была коричневая одежда мертвого вора, а под ней полоса нижней туники туго забинтовала порез. Похожая на мокасины обувь вора была чуть велика Рею, но это лучше, чем если бы она оказалась ‘.тесной. И у него был кошелек с серебряными монетами. Не осталось ничего, что связывало Рея с Сидиком из Уйгура…

Звук тяжелых шагов позади… Рей заметил, что прохожие испуганно смотрят туда, а кое-кто бросился к ближайшим дверям. Но сам из осторожности не оглянулся, хотя ему и очень хотелось посмотреть, что же заставило их прятаться.

Удача и нос привели его к чему-то вроде таверны. Там пахло прокисшим вином и дешевой стряпней. Один раз Рей уже чувствовал, что смесь сильных запахов заставила судорожно сжаться его желудок, но сейчас он все-таки решил поесть. Таверна прямо выходила на улицу, по которой маршировал отряд стражников Посейдона. Они остановились у входа, и Рей понял, что удача покинула его. Он быстро огляделся. В помещении было три стола со скамьями. Вдали виднелась вторая дверь, откуда и пахло едой. Кроме Рея здесь было еще двое посетителей.

Один выглядел так, словно собирался провести здесь всю ночь: он навалился на край стола и, уронив голову на руки, так сопел и храпел, что было ясно — крепкий сон его вызван множеством опустошенных кружек. Одна из них все еще сиротливо стояла на столе. Его пальцы вяло цеплялись за нее.

Второй сидел за другим столом, напротив Рея. Он был в такой же просоленной морем куртке, в

какой Рей играл роль Сидика. Казалось, он занят только едой, так сосредоточенно этот человек скреб ложкой по тарелке и набивал рот хлебом. Но Рей заметил быстрый взгляд, брошенный им через окно на солдат на улице, и подумал, что он не так заинтересован обедом, как хочет показать.

Из внутренней комнаты вышла женщина. Ее волосы были переплетены кожаными ремешками и подняты вверх в гротескном подражании замысловатым прическам придворных дам из дворца Посейдона. На ней было платье, зашнурованное спереди по талии, висящее мешком и неровно обрезанное до середины икр. Когда-то оно было ярко-оранжевым, но теперь вылиняло полосами и было покрыто жирными пятнами. Пухлое лицо женщины представляло резкий контраст с тощим телом, заставляя удивляться столь явному несоответствию между телом и головой. На руках были медные браслеты, а в одной ноздре — позолоченная кнопка.

Она уперлась в стол кулаками, наклонилась к Рею и спросила:

— Что будете есть?

Голос у нее был каким-то жалобным, слова она глотала, так что Рей скорее догадался, чем понял,

о чем она спрашивает.

— Еды… Вина… — Он запнулся, не зная, какие блюда можно заказать в таком месте. Потом показал на обедающего мужчину: — Что-нибудь вроде этого — если готово.

Женщина что-то проворчала, и это можно было принять как за утверждение, так и за отрицание. Тем не менее, она заковыляла к внутренней комнате, где, видимо, размещалась кухня. Но не успела она дойти до двери, как раздался резкий звук, и все повернулись к входу.

Там стоял датор стражи, а за ним — двое из его отряда. Было в нем что-то от хвастливой надменности человека, знающего, что он не встретит сопротивления. Он ударил мечом в ножнах по столу, требуя внимания.

Сейчас это случится, подумал Рей. Он прикинул расстояние между собой и дверью во внутреннюю комнату, но, во-первых, на дороге стояла женщина. Во-вторых, он не был уверен, что там есть другой выход, и мог попасть в ловушку по своей собственной вине.

Женщина провела тыльной стороной руки по губам и улыбнулась:

— Вина лордам?

— Не надо твоего дерьма, — ответил датор. —

Эй, ты, — обратился он к моряку, — кто ты и откуда?

Человек проглотил то, что было во рту.

— Риссак, матрос с «Морской Лошади». А в чем дело? Я бывал в этом порту много раз, еще до того, как у тебя выросли волосы на подбородке…

— Такие острые языки укорачиваются ножом, — ответил датор, но не повел дело дальше, а повернулся к Рею: — А ты?

— Ран-Син, — сымпровизировал Рей, — с севера.

— Встать! — приказал датор.

Рей встал. Может, обогнуть стол или перепрыгнуть через него и броситься на улицу? Нет, остальной отряд ждет там, и без сомнения, готов остановить любого подозрительного типа, которого спугнет их командир.

Но, к его удивлению, датор не приказал задержать его. Он только оглядел американца с ног до головы и с головы до ног. Возможно… Возможно, он ищет детали, данные в описании примет. Но Рей уже успел обменяться одеждой с мертвым вором.

— А его? — спросил один из стражников, указывая на спящего.

Датор махнул головой.

— Ничего похожего…

Да, Рей оказался прав: у них есть описание его примет. А датор, похоже, из тех, кто обращает внимание только на те детали, которые указаны в полученном им приказе. Но откуда они знают, подумал Рей, когда стражники ушли, что кого-то надо искать? Если капитан Тейт выполнил их уговор, то, значит, бежали все, или, по крайней мере, все пытались добраться до Северного моря?

С другой стороны, капитан мог обмануть его — такое тоже могло случиться. Или, наконец Тейт мог попасться, его корабль захватили, и из допросов пленников установили, что Рей все еще на свободе и искать его надо в районе набережной. Лучше поверить в самое плохое. Но что он должен здесь делать? До сих пор никакого приказа от захватившей его воли. Почему этот невидимый, неслышимый руководитель, так глубоко внедренный в Рея, что с ним невозможно бороться, привел его обратно? Наверное, для чего-то большего, чем игра в прятки с людьми Посейдона.

Женщина ушла на кухню и теперь вернулась с подносом. Там стояли миска с тушеным мясом, ломоть хлеба и кружка с вином, похожим скорее на скверно пахнущую воду, которая в этом

заведении почему-то считалась благородным напитком.

Рей достал монету из кошелька вора и увидел, что глаза женщины слегка расширились. Он не положил монету на стол, как предполагал сначала, а держал в пальцах, так что виднелся только краешек. Женщина заискивающе улыбнулась, как до этого улыбалась датору.

— Желаете что-нибудь еще, милорд?

— Комнату, где человек может отдохнуть в одиночестве.

— Отдохнуть, — повторила она. — Да, мы, пожалуй, можем найти вам такую. — Глаза ее передвинулись с его лица на край монеты, а затем обратно. Она указала подбородком на заднюю комнату: — Туда и наверх по лестнице. Возьмите комнату за синей занавеской.

Рей бросил монету на стол. Женщина сгребла ее ладонью и мгновенно спрятала где-то в складках своего платья. Он взял поднос и пошел, стараясь не торопиться, чтобы не вызвать подозрения.

В кухне было двое наблюдающих, как он поднимается наверх по крутой лестнице — чем-то похожая на ведьму официантка и горбатый мужчина, который резал какие-то овощи, так низко склонившись над ними, что рисковал обрезать

свой собственный подбородок.

За синей занавеской было помещение, напоминавшее клетку. Там не было ни стола, ни стула, только постель — соломенный тюфяк, повисший над грязным полом на раме с четырьмя ножками, и полка на стене, где стоял кувшин. Окно прикрывали ставни. Рей поставил поднос на полку и принялся открывать окно. Оно противилось его усилиям, но с помощью кинжала ему все-таки удалось распахнуть его.

В нескольких футах от него была глухая каменная стена соседнего дома. Рей посмотрел вниз: там, между стенами, был узкий проход, более чем наполовину заваленный мусором, очень опасным для того, кто попробовал бы спрыгнуть вниз, чтобы воспользоваться этим проходом для бегства. Но, все-таки Рей почувствовал некоторое облегчение от сознания, что он не заперт здесь, как в ловушке.

Он сел на край грязного, вонючего тюфяка и стал есть. Еда была горячей и слишком перченой — видимо, чтобы покупали больше выпивки. Но голод Рея она утолила, он съел все, даже вытер миску корочкой хлеба. Затем откинулся к стене, чтобы подумать. При его свидании с Хроносом воля, во власти которой он был, диктовала ему

все, что он говорил. Он это остро чувствовал тогда. И был уверен, что спасение мурийцев было продиктовано ею, даже если детали бегства придумывал под давлением обстоятельств он сам. Значит, до сих пор он выполнял все, что было предусмотрено Наакалями. Но что же ему оставалось сделать еще?

Долго ли он должен ждать, когда его подтолкнут к выполнению каких-то новых задач? Его негодование по поводу такого управления не было больше жарким, оно чуть тлело в нем. Однако пока не настало время встретиться с теми, кто послал его сюда, он должен подавлять это чувство. Человек, ослепленный злобой, легко совершает ошибки.

Рей уставился в окно.

— Ладно, — сказал он беззвучно, — я здесь, и я жду. Если я буду ждать слишком долго, со мной, возможно, покончат, и то, что вы хотите от меня, останется не сделанным. Придите ко мне и дайте намек. Чего вы хотите от меня?

Он пытался молча выкрикнуть это, как будто мог дотянуться через три моря до мозга Наакаля, или Ре Му, или кто там еще ввел в него принуждение.

Рею показалось, что камни стены потемне-

ли. Деревья! Он закрыл глаза и снова медленно открыл их. Он как бы смотрел в перевернутый бинокль. Ряды деревьев — все крошечные. Однако, его мозг говорил ему, что по-настоящему они высокие, как башни…

Нет! Это не ответ! Он крепко зажмурился. Деревья тут ни при чем. Он не должен их видеть, не должен о них думать…

— Приди. — Он думал о воле, которая до сих пор им управляла, словно она была радиопередачей на прерывающейся частоте, и он мог ловить ее только изредка. Он опустил голову на сжатые кулаки. — Приди, — умолял он, — дай мне знать, что я должен делать! Дай мне знать, пока не поздно!

Фордхейм держал в руке полоску перфорированной бумаги. Значит, Бартон поверил, что это ответ?

— Не вытягивайте, не сгибайте, не рвите, — процитировал Харгрейв. — Полагаю, что нам следовало бы теперь пользоваться любым видом черной, белой, красной, зеленой или голубой магии, но я отказываюсь согласиться, что человек может быть уменьшен до такого! Откровенно говоря, я не хочу этому верить. Это… Это просто непристойно!

— Не человек, нет, — поправил Бартон. — Мы

требовали уравнения, пригодного для определенного типа мозга, чтобы мы могли установить, каким должен быть призывный прибор. Это уравнение дал нам ваш собственный компьютер, точно так же, как раньше снабдил вас уравнением для Атлантиды.

— А оно вообще не могло быть правильным! — всплыл Харгрейв. — Мы видели и засняли только лес, помните? Я поверю в Атлантиду, когда увижу хоть какое-нибудь доказательство.

— Ну, ладно, никто не настаивает, что это обязательно Атлантида, — ответил Фордхейм. — Но доктор Бартон прав. Мы заложили сведения и получили уравнение: мы воспользовались им и получили то, что вы видели сами, — то, что мы засняли. И там мы потеряли человека. Логично предположить, что он не остался до сих пор на том же месте, где вышел. И если это сработает…

— Если сработает, — подчеркнул Харгрейв.

Фордхейм провел руками по лицу. Он устал, так устал, что ему трудно было сделать лишнее движение. Когда он, в сущности, спал? Он даже не мог вспомнить.

— Это не все, что нам надо, — сказал Бартон. — Вы должны это понять. У нас есть факты его армейской биографии, сведения от людей, знав-

ших его, справки о здоровье и тому подобное. Я вовсе не уверен, что прибор сработает, но это лучшее, что мы можем сделать. Для больших шансов нам нужно было бы иметь диаграмму его поведения, другие сведения, относящиеся к периоду хотя бы двухлетней давности…

— Поскольку у нас ничего этого нет, — едва шевелил языком Фордхейм от усталости, — мы попытаемся работать с тем, что есть. Чудеса иной раз случаются…

Харгрейв пожал плечами.

— Начинаю думать, что генерал Колфикс прав. Послать поисковый отряд…

— И потерять его тоже? — спросил Фордхейм. — Нет, до тех пор, пока у нас нет уверенности…

Он снова взглянул на полоску бумаги, которая, по мнению компьютера, составляла человека — живого, дышащего, ненавидящего, любящего человека. Составляла ли? Они не будут в этом уверены до тех пор, пока эта длительная попытка не увенчается успехом, и Рей Осборн не вернется из леса гигантских деревьев в свой собственный мир в ответ на этот экспериментальный призыв.

Опасность? Рей поднял голову и внимательно прислушался. Из коридора не доносилось ни звука. Он встал и бесшумно подошел к окну.

Там никого не было. Но в нем было ощущение пристального взгляда, казалось, стоит только повернуть голову — и он увидит в углу притаившегося человека. Одновременно с этим чувством возникло непреодолимое желание быть на открытом месте, и Рей не мог противиться ему. Казалось, стены готовы сдвинуться, сдавить его и лишить воздуха. Над всем нависла такая страшная угроза, какую он знавал разве что в жутком сне. Осторожность еще не совсем покинула Рея, и он отдавал себе отчет, что вынужден уйти из этого убежища; что его вытряхивают отсюда, как мышь из корзины. И хорошо сознавая, что это совсем не то принуждение, которое держало его в атлантском порту, — это, он был уверен, исходило от врага. А противиться ему было невозможно. Ладно, он уйдет отсюда. Потому что если давление будет продолжаться, он просто станет громко кричать о себе этим четырем стенам, пока враги не придут и не возьмут его.

Повинуясь этому несущему зло приказу, Рей все-таки сохранял какую-то собственную волю. Он хотя бы сможет бороться, увертываться, бежать! Если бы только знать, зачем он оставлен здесь! Тогда у него была бы цель и причина для стойкости. Не направиться ли ему к парусному

мастеру, о котором упоминал капитан Тейт? Конечно, нет никаких причин верить в добрую волю капитана рейдера, но это была тень надежды, а больше вообще ничего не было. Рей вдруг повернулся и дотронулся до ноющего бока. Рана была достаточно чувствительной, и он поморщился. Потом снова осмотрел ее. Рана покрылась коркой, и если в нее не попала грязь, то заживление уже началось.

Рей снова подошел к окну и осмотрел проход внизу. Высунувшись как можно дальше, он увидел, что слева, там где был фасад таверны, он перегорожен высоким забором. Возможно, выход был справа. Рей быстро сдернул простыню и привязал ее конец к ножке постели. Веревка не слишком длинная, но достаточная для того, чтобы спрыгнуть вниз. Затем он вылез в окно, выпустил из рук простыню и упал так, как его учили падать, чтобы не получить увечья. Только на тех уроках никогда не приходилось ему прыгать на свалку.

Пробив верхний слой мусора, Осборн с силой ударился о менее хрупкий материал. С минуту он лежал в этой куче, чувствуя стреляющую боль в боку, и гадал, не сломал ли он ребра.

В конце концов Рей выбрался наверх и, дер-

жась за стену, чтобы не оступиться и не застрять, начал осторожно продвигаться к фасаду таверны. Если шум, который произвело его приземление, и встревожил обитателей верхних комнат, то, похоже, не погнал их на расследование.

Узкий проход шел вдоль всего здания, но высокий забор ИЗ гнилых досок перегораживал его с обеих сторон. Рей обошел вонючую лужу гниющих отбросов и подошел к углу забора. Стремление к свободе, к вольному пространству, где можно было бежать, было таким нестерпимым, что он стал бить ногами, дергать изо всех сил, тянуть к себе плохо державшиеся доски и, наконец, вылез в переулок, очень похожий на тот, где он встретил вора.

Рей огляделся. Если он все еще не утратил чувство направления, то парусная мастерская налево.

Вдалеке копошился человек, он рылся в грудах мусора, переворачивая отвратительные кучи длинной палкой с крючком, время от времени вытаскивая что-то и складывая в мешок, который волочил за собой. Рей увидел сначала только руки, тонкие как палки и такие старые и грязные, что они потеряли всякий цвет. Чем ближе Рей подходил к мусорщику, тем меньше тот казался

человеком. Когда Рей, наконец, поравнялся с ним, мусорщик, с неожиданным для ходячего скелета проворством, взмахнул этой самой палкой, чтобы зацепить и сбить с ног Рея. Высунув из грязных своих лохмотьев голову, он визгливо хихикал. Мгновенная реакция еще раз выручила Рея из беды: он увернулся, а мусорщик, потеряв равновесие, отступил, качнувшись, на два шага.

— Яаxx! — Первый промах не удержал нападающего от второй попытки.

Однако Рей не стал приближаться к этому существу. Вор был все-таки человеком, а это создание было настолько ниже человека, что внушало отвращение. Рей пнул мешок, в который существо собирало свой дурно пахнущий урожай, и снова уклонился от удара. Существо снова попятилось, зацепилось за мешок и упало, визгливо завывая. Рей убежал.

Он запыхался, пока добрался до конца переулка. Он был узким, едва ли шире раскинутых рук Рея, но длинным, и выходил на оживленную улицу. По ней тянулись тяжело груженные подводы, они шли в доки и возвращались оттуда пустые. Правили ими люди в униформе, на подводах же ехало несколько стражников. Рей, стараясь отдышаться, неприметной тенью снова прижался к

стене и наблюдал за улицей.

По его догадкам, на корабли флота грузили боеприпасы. Атланты готовились к решительному наступлению на Майякс или на Му. Конечно, прежде чем напасть на Му, они вначале должны захватить Майякс. Как же Хронос надеялся втянуть остальной мир в войну, если только у него нет способа захватить Му, идя на восток, а не на запад? Рей ни разу не видел полной карты этого мира. Как насчет Африки? Существует ли этот континент в этом веке, и, если да, то кто управляет им? Плохо, что он знает об этом мире так мало.

Но вскоре Рей забыл обо всех географических переменах. Он ушел из таверны, ускользнул от нападения мусорщика, но чувство, что за ним наблюдают, что он под контролем, не ушло. И сейчас чужая, враждебная воля гнала его дальше. Любое необычное поведение наверняка привлечет внимание стражников на подводах. Рей пошел по улице, ведущей к гавани, держась поближе к стенам. Если… если воля, держащая его у атлантов, пожелает вернуть его в город, может быть, эти телеги помогут ему в этом. Рей осматривал их, стараясь не выдать своего интереса, прикидывая, можно ли спрятаться на одной из

них, когда они будут возвращаться.

Похоже, что на это не было никакой надежды — по крайней мере днем. Рей дошел до перекрестка и очутился перед широкой улицей с доками, которые тянулись по одной из ее сторон. Он шел мимо повозок, стараясь шагать ровно и спокойно и не горбиться под взглядами возчиков и стражников, и каждую минуту ожидал услышать крики, почувствовать кожей колющую сталь.

Улица вела его вдоль гавани. Сейчас он был у ее западного конца и уже начал высматривать мастерскую парусного мастера, как вдруг раздалось:

— Стой!

Рей не сразу сообразил, что услышал эту команду не ушами, а мозгом. И с ней пришло принуждение к повиновению.

Да, его остановили. От удивления он остановился так внезапно, что на него налетел прохожий и, обернувшись, прохрипел что-то на жаргоне, которого Рей почти не понимал.

— Иди! — новая уверенная команда, словно тот, кто ее отдал, знал, что Рей должен повиноваться, что у него нет иного выхода, и он безропотно будет подчиняться чьей-то чуждой силе.

Помощи не было. И зов этот шел не от воли,

державшей его здесь, и когда, вопреки своим желаниям, Рей повиновался этому новому зову, он знал, что та воля съеживается, уменьшается — словно два давления не могли существовать в нем одновременно.

— Иди!

Куда идти? Его сознание не ведало этого, но контролируемое тело, кажется, хорошо знало нужный путь. Рей шел на восток, не торопясь, размеренно, как и раньше, и никак не мог сломить захват, заставляющий его передвигать ноги.

Доки были переполнены, и Рей брел среди людей, телег, животных, грузов. Он прошел мимо уже знакомой таверны, и двинулся дальше… дальше.

Среди множества ярких красок, затопивших улицу, — разноцветных туник мужчин, попон и вьюков животных, Рей выделил красное пятно, которое, казалось, пылало внутренним огнем. И оно ждало его, притягивало к себе. Рей был пленником в клетке из своей собственной плоти, и она двигалась по команде сделанного из такой же плоти красного столба…

Нет, это не столб, а мантия глубокого кровавого цвета, и носящий ее — больше, чем просто человек.

Страх живет во всех людях от их рождения и до смерти. Есть множество мелких страхов, которые можно победить, но бывают и страхи большие, которые заставляют человека замирать, съежившись в пыли или бежать с воплем неизвестно куда. Страх может стать стрекалом для действия, врагом для сражения или укрытием, подрывающим здравый смысл и рассудок. Рей до Атлантиды много раз встречался со страхом. Но такого страха, как сейчас, он не испытывал никогда!

— Иди!

Он шел. Выбора не оставалось: ни один трюк, изученный нм в родном мире, не мог сейчас помочь ему. Он был загипнотизирован этим ужасающей силы страхом, тянущим его к себе.

Рея и Красную Мантию с замкнутым лицом, на котором не было ни торжества, ни жажды битвы, разделяло всего несколько шагов. Воля жреца была сосредоточена только на нем одном: ему нужно было задержать и подтащить Рея к себе, что он и делал.

Рей уставился в худое лицо с крючковатым носом, острым подбородком, и оно показалось ему знакомым. Затем жрец поднял руку, и на запястье его блеснула полоса, приковавшая вни-

мание Рея. Браслет для часов, — подсказала ему какая-то малая часть его мозга, еще оставшаяся независимой. Часы? Здесь? ЕГО часы! Часы, которые у него отняли атланты в самом начале его невероятного приключения. Значит… Значит, это Красная Мантия с того корабля.

Рука с часами сделала жест. Боль взорвалась в голове Рея, и он упал от удара, нанесенного воином, который подошел сзади.

Рей лежал в темноте, на твердой и такой холодной поверхности, что от холода и сырости болели кости. Он хотел поднять руку к пульсирующей болью голове и услышал лязг металла, почувствовал, как что-то рвануло его запястье, и понял, что лишен возможности двигаться.

— Проснулся, наконец? — раздался в темноте голос. Казалось, прошло долгое время, пока эти слова обрели какой-то смысл для Рея. — Я уж думал, что здесь лежит только пустой каркас, а ты сам удрал…

— Кто… кто ты? — Рей взглянул в направлении голоса, но в этой кромешной тьме ничего не было видно.

— Такой же, как ты, пленник, ожидающий развлечения Хроноса! Пусть его кости сгниют раньше плоти, и его душа, навеки бездомная,

воет вместе с ветрами.

— Ты муриец? — Рей попытался немного приподняться, но снова упал, потому что боль в голове усилилась.

Человек издал звук, напоминавший смех, хотя ясно, что в таком месте, как это, смеха быть не могло.

— Нет, я атлант по рождению, но не друг Хроносу и его приближенным. А ты?

Рей замялся. Кто он? Шпион, можно сказать.

— Я приехал из Му.

Что он мог ответить, не выдавая большего, чем о нем уже знали?

— Что ты имеешь в виду? Это высадка? Война?

— Пока еще нет.

— Но, возможно, скоро будет? Это приятно услышать тому, кто здесь уже пять лет.

— Здесь? — Рей не мог поверить. Как мог человек в этой норе определять время или вообще сохранить разум?

— Нет. В этой камере я недавно. В темноте, когда всегда ночь, не сосчитаешь дней. Но еду за это время приносили восемь раз. Перед тем как меня притащили сюда, я был наверху, где в камерах есть день и даже иногда солнце. Но что происходит за этими стенами, я не знаю.

— Атлантида выступает против Му.

— Это у них давно назревало. Сто лет жрецы Баала разрабатывали такую магию, которая подвела бы их к этому концу. Пять лет назад они приближались к какой-то вершине своего зла. Люди шептались…

— Но как случилось, что ты еще жив?

Снова звук, напоминающий смех.

— Храбрый Хронос, видимо, боится за себя — он не смеет идти против древних пророчеств. Есть такая кровь, которую он не может пролить, пока он не настоящий властелин мира — а это будет не скоро. И он не убьет истинного держателя Трезубца, поскольку давно предсказано, что это наведет на страну ярость моря.

— Что ты имеешь в виду?

— Предполагалось, что линия истинных Посейдонов кончилась сто лет назад, но это неправда, потому что дочь последнего Посейдона, не желая принять в мужья человека, выбранного жрецами Баала, бежала в горы, распустив слух, что умерла. Там она обменялась браслетами с капитаном своей стражи, тоже Солнцерожденным, как и она. Я прямой потомок этого союза, и Хронос это знает. Он убил всех Солнцерожденных, кого сумел захватить, разрушил храм Пламени, но ударить

ножом меня не смеет. На звездах записано — и даже жрецы Тени читали, — что Атлантида будет существовать только до тех пор, пока в ней есть истинная кровь. Он держит меня в тюрьме, но убить не смеет.

— Но ты верен Му?

— А как же иначе, — просто сказал тот. — Я из дома Солнца в Атлантиде, сын не может идти против матери. Хронос — не Солнцерожденный, это одна из причин, почему он ненавидит мурийцев черной ненавистью. Но теперь я скажу, друг, пусть Солнце подгоняет корабли Му, потому что я не могу поверить, что они будут ждать, когда псы Тени нападут первыми…

— Надеюсь, что они придут, — ответил Рей, но подумал: что он делает в этой сваре, которая к нему не относится? Ему оставалось только надеяться на чудо, которое спасет его от участи, уготованной для него Атлантидой, но в общем он понимал, что рассчитывать на избавление было бы глупо.

— Ну, друг, а что с тобой? Тебя привели сюда совсем недавно. Ты говоришь, что ты из Му, однако при свете их факелов я разглядел, что ты не похож на жителей матери-страны.

— Меня зовут Рей, и я из Бесплодных Земель.

— Разве там образовали колонию?

— Я не из народа Му, но Ре Му даровал мне этот титул, — медленно сказал Рей.

Даровал? Нет, усыпил подозрения Рея и сделал его своим орудием или чем-то еще, для чего воля управляла им здесь. Воля… Рей внезапно осознал, что она ушла от него. Либо ее отогнала сила Красной Мантии, затянувшая его прямиком в плен, либо ушла сама, потому что он больше не нужен мурийцам.

— Бесплодные Земли, — повторил его собеседник. — Молчи, идет стража!

Резкий щелчок — и на стене появился овал света. Рей попытался защитить глаза, когда вошли два стражника с факелами.

— Привет, собаки Хроноса! — крикнул сокамерник Рея. — Как дела? Напали на вас люди Му, или вы все еще верите в свою грязную черную магию в надежде, что она воздвигнет для вас новые стены против стали Му?

Рей повернул голову. Неподалеку от него к стене был прикован истощенный молодой человек, его веселому голосу противоречили глубокие складки вокруг красивой формы рта. В длинных черных волосах светилось серебро.

Один из воинов, ворча, поставил на пол флягу с

водой и бросил несколько кусков темного хлеба. Его напарник вставил факел в железное кольцо на стене, и оба стражника ушли.

— Хотел бы я знать, что это означает, — атлантский пленник указал на свет. — Замышляют какую-то пакость. В этой тюрьме допрашивают даже камни стен. Хронос ничего не делает без цели. Он многому научился у Мегоса. — Пленник дотянулся до куска хлеба и передал его Рею. — Ешь, пока можешь, друг. Хронос обожает эксперименты: вдруг он захочет посмотреть, долго ли мы проживем, не имея ни крошки. Ты назвал себя, позволь и мне сделать то же: я — Уранос. Ешь только половину, — посоветовал он, когда Рей стал жевать безвкусную дрянь, — лучше иметь мало сегодня, чем ничего — завтра. Хронос вынашивает в своем бесформенном черепе какой-то план, не обещающий нам ничего, кроме зла. Он боится нас, ты тоже чем-то напугал его, иначе он не поместил бы нас вместе. Обещание, предсказанное звездами, может не спасти меня…

— Я встретил одного человека, капитана рейдера, который клялся, что если бы нашел подходящих людей, то мог бы взять этот город, несмотря на все стены и каналы, — тихо сказал Рей, сам не зная, почему ему это вдруг вспомнилось.

— Это можно сделать. В стенах Хроноса есть секреты. Он обеспечил эти стены такой защитой, что теперь они стали секретом даже для него самого.

— Что ты имеешь в виду?

— Комнаты и подземные переходы, где ноги человека не тревожили пыль уже целые столетия. Я слышал легенды об этом, и твой капитан, наверное, тоже, а может, он знает нечто большее, чем легенды. Если он найдет такой путь, сердце города будет открыто ему. Этот капитан предан Теням или нет?

— Теперь нет, как я надеюсь. Он отплыл с бежавшими мурийскими пленниками на борту.

— Тогда, — улыбнулся Уранос, — возможно, у Хроноса появятся незваные гости. Хотел бы я видеть его лицо, если это случится. Впрочем, я думаю, что и эта ночь будет для него неприятной.

— Почему?

— Я подозреваю, что нас подслушивают и наши слова будут скоро переданы Хроносу.

— Слушают? — Рей воззрился на стены.

— Годы его гостеприимства дали мне острый слух. Это случается не в первый раз. Теперь начнется суматоха, проверка подземных ходов. Шепни предупреждение в ухо труса — и он будет чувствовать, как нож вонзается ему в горло. Но

здесь сотни переходов, они заложены очень давно, и он все равно никогда их все не обнаружит и будет потеть от страха…

— А что, если он найдет правильный ход и выставит там засаду? — Рею подумалось, что его сокамерник чересчур оптимистичен.

— Это уж как захочет судьба, но я почему-то думаю, что этого не случится. Разве можно человеку изменить линии, начертанные на его лбу при рождении, или будущее, предсказанное звездами? Я верю, что буду жить и править здесь…

Помимо своей воли, Рей был тронут искренней верой атланта. Неужели эти люди и в самом деле видят будущее или хотя бы часть его? Однажды леди Айна говорила, что они видят будущее ВООБЩЕ, но что их решения могут изменить его.

— Почему ты так уверен?

Уранос посмотрел на него, и взгляд его вдруг стал твердым и пристальным.

— Если ты прошел Первые Мистерии, положенные по твоему возрасту, как ты можешь спрашивать? Что ты за человек? Ты сказал — из Бесплодных Земель, муриец по милости Ре Му, но не колонист. Кто ты?

— Человек не из этого времени.

— Что ты хочешь сказать?

— Я родился в мире далекого будущего. Я прошел сюда сквозь время. Как и почему — не знаю.

Уранос некоторое время молчал. Рей подумал: поверил бы он сам, если бы такую историю рассказали ему?

— Значит, Наакали тоже послали зов, а ты ответил на него и пришел?

— Нет, я пришел случайно. — И он в нескольких словах рассказал все.

— Но ты, наверное, никогда не сможешь вернуться?

— Этого я не знаю. Как не знаю, будет ли у меня какое-нибудь будущее через час, через день. Если судить по нашим теперешним обстоятельствам, то, скорее всего, нет.

Уранос покачал головой.

— Быть готовым к беде — это хорошо, но ты пока не отталкивай будущее, мой друг. Давай отвлечемся немного и дадим кое-что послушать тем, кто подслушивает. Расскажи мне о своем мире… Нет, дай я сначала покажу тебе мой… — И он заговорил о своих юношеских годах в горных долинах, о том, как он ловил и объезжал лошадей на равнинах. — Друг, ничего нет в мире прекраснее скачущей лошади, когда ее длинная грива развевается по ветру, а копыта бьют, как военные

барабаны. Моряки говорят о кораблях, охотники о лосях, а мое сердце полно лошадьми. Не я ли вел Огнедышащего к победе пять раз! Расскажи… — сказал он после паузы, но тут же сделал резкий жест в сторону двери. — Опять идут, — сказал он шепотом.

И Рею показалось, что сначала вошла какая-то злая тень, затуманила свет факела и повисла над ними.

На этот раз в сопровождении стражников появился жрец.

— Приветствую, брат Тени, — обратился к нему Уранос, в то время как стражники отделяли их цепи от стенных колец. — Чего ради слуга Баала вздумал беспокоить нас?

Жрец перевел взгляд с Рея на Ураноса и пристально вгляделся в него. Рей подумал, что никогда не видел столь холодного и оценивающего взгляда. Жрец, не отвечая Ураносу, сказал стражникам:

— Выводите их.

Им было трудно держаться на ногах. Короткие цепи так стягивали их, что сводило мышцы спины и бедер. Но стражники пинками погнали спотыкающихся пленников в узкий коридор.

— Они считают нас могучими героями, — за-

метил Уранос. — Видишь, брат, послали восемь воинов и жреца, чтобы вывести нас!

Но если он пытался задеть атлантов насмешкой, то солдаты остались к этому равнодушны и только плотнее окружили пленников, заставляя их идти быстрее вслед за ускоряющим шаг жрецом. Они шли вверх и вниз по темным проходам. И Рей подумал, что это похоже на гигантскую паутину с Хроносом в центре. Затем их ввели в более широкий и лучше освещенный коридор, где жрец остановился перед металлическим занавесом.

Стражники здесь двигались неохотно и не сводили глаз со странного занавеса. Рей решил, что они очень недовольны тем, что их послали сюда. Жрец положил правую руку на завесу, и она открылась. С явным облегчением воины толкнули Рея и Ураноса следом за Красной Мантией. И они сразу же попали в руки двух жрецов, которые схватили их цепи с ловкостью, свидетельствовавшей о долгой практике, и не успел Рей оглянуться, как их руки были крепко защелкнуты за спиной.

— Вперед! — скомандовал жрец, который привел их сюда.

И они вошли в следующую комнату со стенами цвета засохшей крови. В комнате было единственное широкое кресло, вырезанное из

цельного куска черного камня, не слишком удобное с виду. Но сидящий на нем, по-видимому, чувствовал себя так же хорошо, как Хронос на своих подушках. Там восседал Мегос. Вид у него был пресыщенный, как у грифа на бойне. Он ждал их.

И если легкий изгиб его тонких губ можно было назвать улыбкой, то, значит, он улыбался. Жрец слегка наклонился вперед, чтобы лучше слышать то, что шептал ему на ухо тот, кто привел их сюда. Но когда его глаза остановились на пленниках, подобие улыбки превратилось в злобную ухмылку.

— Итак, милорд Солнцерожденный, ты все-таки пришел ко мне, — сказал он Ура носу. — Помнишь ли ты прошлую встречу, когда я говорил тебе о воле Темного Лорда, а ты отказался меня слушать? В тот день ты сам отрезал себя от будущего, Уранос. Ты жалеешь об этом?

Уранос высоко поднял голову.

— Мегос, ты считаешь себя сыном Баала на Земле. Интересно, согласна ли с этим Тень? Я убежден, что ты стремишься играть роль так же старательно, как любой рожденный от плоти и крови, потому что иначе такое зло не могло бы войти в здоровый мозг. Если ты хочешь снова

умолять меня…

— Умолять тебя — ТЕБЯ? — Верховный жрец засмеялся холодным смехом. — Мегос не просит дважды. Да теперь это и не имеет значения. На этот раз ты послужишь для другой цели.

— Это уж как решит Солнце. Будущее лежит в храме…

— В гробнице Баала…

— Не думаю. В этом городе все еще стоит другой храм.

Улыбка Мегоса исчезла. Глаза его горели.

— Пламя давно погасло. Ты платишь долг…

— А я скажу тебе, Мегос, что в конце концов оплата придет от тебя. И это будет такая оплата, какой еще не видел мир.

Лицо Ура носа исказилось, и можно было поверить, что он смотрел в будущее и прочел там достаточно, чтобы высказать это не как угрозу, а как пророчество.

— А ты не считаешь, что ты насекомое, на которое слуга Баала может наступить сандалией и даже не заметить, что раздавил? Смеешь ли ты говорить так со мной — властелином мира под Тенью?

— А что, если Хронос услышит твои слова, Мегос? Ведь властелином мира считает себя он.

Улыбка вернулась на хищное лицо жреца.

— Хронос? Что такое Хронос? Человек пользуется оружием в своем деле. Когда дело сделано, оружие можно выбросить или сломать. Когда я найду нужным, я растопчу Хроноса в пыль, в ничто. Не думай обращаться к Хроносу.

Теперь засмеялся Уранос:

— И я опять скажу, Мегос: Хронос может не согласиться с такими словами. Я думаю, ему о них расскажут, и тогда ночью в твоей спальне может оказаться посетитель со сталью, умеющий пользоваться ею бесшумно.

Но Мегос продолжал улыбаться.

— Это все неважно и уж, конечно, не касается тебя.

— Тогда зачем ты послал за нами, сын ямы?

— Как всякий человек, я иногда развлекаюсь. И меня интересуют азартные игры. Мой друг Конт, — он кивнул на жреца, который что-то шептал ему, — бился со мной об заклад на любопытное кольцо из Уйгура, которое, послухам, дает его владельцу какие-то странные силы, и будто бы из-за них я не смогу в течение семи дней сохранить живым человека, который подвергается в лаборатории некоторым изменениям. Я горжусь умением своих работников и хочу

выиграть это кольцо. Вот я и подумал обо всех пленниках в этих стенах и выбрал для опытов в лаборатории тебя…

Ураноса нельзя было сломить, но он был достаточно потрясен, чтобы сказать:

— Дьявол!

— Так меня называли и другие, прежде, чем их провели в ту дверь. — Верховный жрец указал на дальний конец комнаты. — Но позднее, когда я, наконец, даровал им смерть, они благословляли меня за это. Ты силен, Уранос, и этот парень выглядит таким же. Но я думаю, что выиграю заклад.

Он встал, и ледяные пальцы жреца вцепились в плечи Рея, толкнули его вперед. Мегос шагнул вслед за ними, потом повернулся и пошел назад.

— Теперь я — истинный сын Тени. Мне пришло в голову, что может быть Баал скажет сейчас нам свое слово. Вы оба сделаете выбор между черным и белым камнями. — Тот, кому мой господин пошлет черный, выиграет мой заклад, а тот, кому достанется белый, подождет немного. Да, так будет правильно.

Он засмеялся, и другие жрецы вторили его смеху. Конт взял чашу и демонстративно положил в нее два камня, черный и белый. Мегос поднял

руку.

— Положи два белых. Если выйдут они, я буду знать, что Баал хочет этих людей для себя. Воля Тени — наше высшее желание. Конт будет тянуть за Ураноса. А Пат-Тен — за чужеземца. Тяни, Конт.

Мегос поднял чашу над головой жреца. Рука Конта нырнула в нее и раскрылась, показав на ладони белый камень.

Пат-Тен швырнул свой камень на пол, и тот подкатился к ногам Рея. Он тоже был белым.

Мегос прервал молчание:

— Наш господин сказал. Пусть все будет по его воле.

Жрецы хором повторили его слова. Но Рей задумался. Наверняка это какой-то трюк. Почему Мегос сначала угрожал, а потом отступился от них? Может, и в самом деле выбор камней случаен, а Мегос достаточно суеверен, чтобы верить, что сам Баал направлял пальцы жрецов?

— Уранос, — верховный жрец подошел ближе, — что ты предпочитаешь: алтарь и нож, или… — Он сделал паузу. — …объятия Преданного Тьме?

— Не имеет значения, как именно Солнцерожденный воин встретит смерть, раз он сделает это

под Пламенем. Умирает тело, а не то, что составляет истинного человека. И в смерти я побеждаю, как ты знаешь, тех, кто выбрал тропу Тени. Алтарь этого дьявола, ты сказал о Преданном…

— Ты употребляешь неподходящие слова, говоря о вещах, о которых мало знаешь, Уранос, — прервал его жрец. — Когда Преданный Тьме появится, ты будешь призывать свое Пламя, но оно не придет на твой зов. Тогда ты начнешь умолять о смерти, но она явится в свое время и по своей воле. И ты — тоже! — Верховный жрец в первый раз взглянул прямо на Рея. — Уведите их в храм, чтобы они были под руками, когда пробьет час!

Их снова вели по темным коридорам. Иные были так темны, что люди шли как бы через бесконечную ночь. Один раз Рей увидел струйки маслянистой влаги на стенах и скользкие следы, оставленные безымянными жителями этих подземных ходов.

Они поднимались по ступеням все выше и выше, по крайней мере, еще на два уровня. Затем вошли в коридор с красными стенами, освещенный факелами, которые были установлены в стенных кольцах через равные промежутки, и, наконец, большой зал с фресками, которые Рей видел в своем сонном путешествии.

— Мы в храме Баала, — заговорил Уранос впервые после того, как они ушли от Мегоса. — Видишь, брат, как лорд Тени выставляет свои грязные развлечения перед глазами его последователей?

Рей лишь мельком взглянул на непристойные изображения и отвел глаза.

— Молчать! — Один из провожатых жестоко хлестнул Ураноса по губам. — Время для болтовни, для воплей и для призыва давно угасшего Пламени еще настанет. Говорят, Солнцерожденные не умеют просить пощады. Но это потому, что Солнцерожденные еще не встречались с Преданным Тьме. Ручаюсь, что ты, наконец, заорешь так же громко, как последний муриец, который попал в объятия Преданного Тьме, — Того, Кто Ползет!

Их втолкнули в маленькую боковую комнату, цепи снова прикрепили к кольцам в стене, а затем жрецы ушли.

— Какова цель Мегоса? — спросил Рей, когда они остались одни. — Разыграл он с этими камнями представление или действительно верит, что их выбрал Баал?

— Кто знает? Если это и представление, то мне кажется, оно нацелено не только на нас. Хотел бы

я знать, что такое этот Преданный Тьме.

Рей решил, что он этого не хотел бы. Он прислонил голову к стене, и старая проблема захватила его с новой силой. Зачем воля Наакалей держала его здесь, в центре вражеской страны? Какова была задача, которую он не выполнил? С тек пор, как Красная Мантия вызвал его на набережную, место в нем, заполненное их волей, опустело. Ушла она сама или была вытянута могуществом атлантского жреца?

Зачем он здесь?

За его спиной были холодные, равнодушные камни, и он вдруг почувствовал, что затерялся вновь. На этот раз не в лесу гигантских деревьев, но в том месте, которое он не мог — бы описать, где не его тело, которое оставалось в храме, закованное в цепь, но какая-то иная его часть бесцельно дрейфовала — вне его контроля. Да, затерян, как никто и ничто не могло бы затеряться.

Затем… Тот дрейфующий обрывок близкого небытия, каким он стал, был захвачен… удержан., повлечен в другом направлении… волей!

Рей снова был в своем теле. Плоть его покалывало, под кожей распространялось тепло, как было однажды от искрящейся воды в мурийской

цитадели, В нем снова твердо укрепилась воля, она ожидала — только он не знал, чего именно.

— Брат!

Рей повернул голову. Уранос подкатился ближе, насколько это позволяли цепи, и пытался коснуться его вытянутой рукой. Лицо его выражало изумление.

— Что с тобой? — спросил он, встретившись с глазами Рея.

— Теперь все в порядке, — ответил Рей и почувствовал, что говорит правду. Вместе с волей пришла уверенность в себе. Однако осторожность была необходима.

— Ты… ты словно бы выходил из тела, — прошептал Уранос.

— Но я вернулся. И так же… — Он замялся.

— Что? Говори!

— Я думаю… Слушай! — Его голова была по-прежнему прижата к стене, и ему казалось, что сквозь камень доносится звук, очень глухой и далекий.

Атлант повернул голову и приложил ухо к стене.

— Похоже на морской прибой, — сказал он через некоторое время.

— Что это?

Им не дали долго размышлять, вернулись жрецы и сняли со стенных колец цепи. Когда пленники вышли в большой зал храма, звук, доносящийся откуда-то с воли, стал яснее, резче, как если бы какое-то акустическое устройство здания улавливало и усиливало его. Постепенно он превратился в рев. Уранос напряженно прислушивался.

— Это… Это битва! — выкрикнул он вдруг.

«Му? Но каким образом? — недоумевал Рей. У матери-страны явно не было времени на то, чтобы собрать армию и бросить ее прямо в центр вражеской страны. Но может ли он быть уверен в этом!»

— Это хорошо, — Уранос взглянул на жреца, державшего его цепи. — Хорошенько смотри теперь за крыльями своей Тени, брат ямы. Когда танцует Пламя, все тени пропадают. А когда мать-страна идет очищать землю, никого не останется, чтобы Прикрыть вашего Темного бога…

Жрец снова ударил Ураноса.

— Баал не взлетит, как перо на ветру. Преданный Тьме заставит тебя забыть обо всем, кроме себя самого, и скоро!

Уранос сплюнул кровь с разбитых губ.

— Присмотри за собой. Теперь собираются

духи убитых! Ты думаешь, они не ведут своих мстителей, не кричат на ваших улицах о конце правления Баала? Говорю тебе! Пятистенный Город исчезнет с лица Земли, и даже имя его не сохранится в памяти людей. Баал снова должен будет искать яму, из которой он выполз, и те, кто служил ему, будут поставлены перед светом, которого они боятся больше, чем меча. То, что вы вызвали, станет не слугой, а хозяином, прежде чем его отправят туда, откуда оно пришло.

Он говорил без угрозы, но с уверенностью, как пророк, полностью убежденный, что видел ближайшее будущее.

Жрец снова замахнулся, но не успел ударить: рев несколько утих, и теперь они услышали топот, словно кто-то бежал по коридорам. Из-за колонн поспешно выбежал жрец в бронзовых латах поверх мантии и со шлемом на сгибе локтя.

— Мурийцы… — выпалил он. — Они потопили корабли у входа в гавань, пустив две горящие галеры, чтобы они вклинились в нашу флотилию. На севере мурийцы высадили другую армию, и пастухи на равнинах присоединились к ней. Мегос велел тебе отвести: эту падаль к пирамиде над стенами, и он покажет мурийцам, что сила, которую мы можем выставить, пожрет их.

— Вот зачем ты был послан! — сказала воля в Рее. В этой битве он был оружием.

Первое ослепительное осознание этого ослабело, пока жрецы подгоняли его и Ураноса вперед. Люди, одетые наполовину в жреческое, наполовину в воинское, сомкнулись вокруг них и вывели их из храма.

Они слышали грохот, видели свет огня позади стен и каналов, он шел из доков. В городе чувствовалась напряженность, вокруг было полно солдат, так что отряд из храма пробирался по улицам медленно. Атланты не думали, что мурийцы окажутся здесь так быстро, и были в шоке — Рей чувствовал это. Мурийское войско сумело появиться так быстро и так неожиданно, что, видимо, захватило своих врагов врасплох и закупорило атлантов в их собственном городе. Похоже, уже рассвело, но небо было мрачным от темных туч. Один из стражей обратил на него внимание пленников.

— Видите, ваше Солнце закрыто. Баал прикрыл нас сегодня своим защитным покрывалом.

Рей заметил, что Уранос глубоко дышит, с жадностью втягивая в себя загрязненный городской воздух, и вспомнил, что его собрат по плену очень долго находился в заточении, ему этот воздух

казался свежим и почти равнялся свободе.

— Нас ведут к западной стене. Вот пирамида, — заметил Уранос.

Это было сооружение из чередующихся красных и черных блоков, очень темное под мрачным небом. Наверху его венчала квадратная платформа, возвышающаяся над примыкающей к нему стеной. На платформе стояла небольшая группа людей, ожидавшая пленников.

Лестница наверх была очень крута. Рей дважды оступался, но стражники подхватывали его и волокли вперед.

Рядом с Мегосом на платформе стоял Хронос в золотой дворцовой мантии, без шлема и доспехов. Хронос не взглянул на пленников, когда их втащили на платформу: он грыз ногти на коротких толстых пальцах и смотрел вдаль — не на дым и огонь над гаванью, а на далекие, низко спускавшиеся тучи. С головоломной скоростью по ступеням поднялся офицер.

— Грозный, — отрапортовал он, — те, кто вошли в город из разрушенного храма, снова оттеснены назад.

Хронос повернул голову. В уголках его толстых губ белела слюна. Глаза были дикими и, казалось, не видели ничего вокруг. И Рей понял, что этот

властелин мира, каким он себя считал, теперь полон страха.

— Убить! Убить! — визжал он. — Пусть будет кровь и пожар, чтобы никто не ушел! Не возвращайтесь, пока не принесете их головы!

Офицер прошел мимо пленников, и Рей заметил, что лицо его тревожно и измучено, словно известия, принесенные им, были плохими, и он рапортовал о поражении, а не о частичной победе.

Хронос опять смотрел на тучи, откуда доносилось далекое бормотание ужасного, яростного прибоя, похожего на тот, какой слышался в храме, и был не злобой моря, а грохотом великой битвы.

Мегос отдал приказ:

— Поставьте их к столбам и привяжите покрепче.

Платформа, на которой они стояли, была окружена высокими и крепкими столбами.

Мегос подошел проверить, как привязаны пленники, и обратился к Хроносу:

— Все готово, Грозный. Прикажешь начать?

Его манеры внешне были раболепны, но за ними таилась злоба. Хронос неохотно оставил свой наблюдательный пункт. Его пальцы были

прижаты к колышущемуся брюху, словно его грызла внутренняя боль. Но он все-таки нашел в себе силы для новых насмешек над Ураносом.

— Ха! Истинная кровь умрет — Атлантида падет! Не так ли говорили во все прошлые годы? Но те, кто говорил, не знали Преданного Тьме! — Он посмотрел на Рея. — Сидик из Уйгура, может, больше, может, меньше его, как сказал мне Мегос… Если ты тот, кого Наакали вызвали из другого мира, то мы сейчас увидим, чей зов призвал большее могущество. И я думаю, что ты — меньшее, поскольку Федур сумел вызвать тебя, творя магию с вещью, бывшей когда-то на твоем теле. Такая магия движет меньшими людьми, а раз ты ответил на нее, то этим доказал, что ты не из страшных Потусторонних Существ, с которыми мы имеем дело. Так что стань пищей для более сильного и этим помоги ему привести сюда своих родственников.

Кое-что из сказанного им имело смысл, но далеко не все. Похоже, атланты знали или догадывались, кто он, и думали, что он является средоточием неведомой силы — но разве это правда? Рей старался добраться до воли внутри него. — Но, если она все еще была там, то ответа от нее он не получил.

— А те, вдали, — Хронос махнул рукой, — могут ясно видеть?

— Да. У них есть стекла для дальновидения, и они наведены на нас.

— Тогда начинай. Чего ты ждешь? Или это опасно для нас? — Посейдон отступил к лестнице.

— Нисколько, Грозный. Преданный не обернется против своих хозяев. Приготовить их для объятий.

Стражники подошли к Рею и сорвали с него рваную тунику так, что он остался голым до пояса. Один из них достал кинжал и сделал два разреза крест-накрест на груди Осборна. Выступила кровь. Разрезы были неглубокие, и Рей не понимал, для чего они нужны. Точно так же был отмечен и Уранос.

— Уходите! — разрешил Мегос, и стражники-жрецы проворно ушли с этого зловещего места. Хронос отодвинулся к самому краю платформы. Было ясно, что, несмотря на заверения Мегоса, Посейдон не хотел приближаться к своему главному оружию.

Мегос держал в руках коричневую чащу такой грубой выработки, словно ее только что слепили из грязи. Он бросил в нее взятые из жаровни тлеющие угли. Поставив чашу между столбами,

он раздул угли и бросил на них горсть черного порошка.

Заклубился коричневый дым, такой зловонный и едкий, что Рей закашлялся, и по его щекам потекли слезы. Казалось, все нечистое в городе уменьшилось до горсти порошка и брошено в огонь.

Постепенно дым рассеялся, но тошнотворный запах остался. Хронос спустился на одну ступеньку лестницы. Мегос улыбался и Рей подумал, что если останется жив, то всю жизнь будет помнить эту улыбку.

— Твое зло не торопится отвечать на твой зов? — спросил Уранос. — Ты произвел дым и страшную вонь. Что дальше, Мегос?

— Смотри перед собой, Уранос. Как раз сейчас Тот, Кто Ползет, идет требовать наших жертвоприношений, и это может взбудоражить его настолько, что он откроет дверь всей своей родне! — ответил жрец.

Рей смотрел на камень, куда указал жрец. Там была какая-то странная тень. И она росла! На его глазах она обретала форму, как будто вытягивала субстанцию из того материала, на котором покоилась. Увеличиваясь в объеме, она приобретала и плотность и переставала быть тенью!

Весь мир сузился до этой тени, которая не была уже тенью. Жирные бока раздулись еще больше, слепая безглазая голова [раскачивалась. Она раскачивалась взад и вперед, словно прислушиваясь к чему-то. Затем, нарушив ее червеобразные очертания, появились черно-зеленые рога. Ног не было, но внизу виднелась зияющая пасть, которая ритмично сжималась складками и разжималась, колыхалась и утончалась, там шевелились и два щупальца с язвами присосков. Существо это было черным, но в тусклых и ядовито-зеленых пятнах. Вонь от него шла непереносимая. Гигантская улитка, но без раковины, слизняк, подумал Рей. Само по себе существо не имело ничего такого, от чего выворачивало бы желудок, но он у Рея сжался от отвращения и ужаса.

Мегос вышел вперед, и то ли на звук его шагов, то ли на вибрацию его голоса голова повернулась. Длинная шея вытянулась, рога заколыхались.

— Ищи свою жертву, житель Потустороннего Мрака, — скомандовал жрец. — Кровь капает, чтобы вести тебя. Ищи свою добычу.

Существо подняло голову выше. Рей хотел закрыть глаза, но не смог. Еще несколько секунд — и порезы на их телах, его и Ураноса, приведут существо к ним.

Рога продолжали колыхаться, двигаться в разные стороны, словно бы ощупывая воздух. Затем существо опустило голову и сгорбилось, как улитка в движении. Гладко, как поток грязной воды, оно заскользило к пленникам.

После мгновенного колебания оно выбрало. Рей это видел. В этот момент его ужас был так велик, что парализовал его, — потому что выбран был он, Рей. Продвинувшись немного, существо скорчилось, припав к полу. Рогатая голова снова поднялась, принюхиваясь к запаху. Вонь вокруг стояла ужасная. Рей уже хотел, чтобы существо поторопилось, — скорей бы конец. Но оно медлило, словно наслаждаясь предвкушением пиршества, отвращением и страхом жертвы. Затем оно снова двинулось, и от него нельзя было скрыться. Скрыться нельзя… А что можно? То ли Рей Осборн подумал, то ли это шевельнулась в нем чужая воля А если… Что «если», он не знал, но как человек в зыбучих песках хватается за нависшую над ним ветку, так и он в отчаянья схватился за что-то такое в себе, что могло помочь в борьбе.

Черное… Ползучее существо Мрака… Чернота. Чем бороться с черным? Если… Светом! Белые стены храма в Му, белые мантии Наакалей, белое…

Пламя! Но ведь огонь красно-желтый… Нет! Белое Пламя слепящей чистоты. Белое! Все в нем, чему грозила смерть и не только ему, а всему человеческому роду, напряглось в защите. Напряглась и та воля, что привела его сюда. Белое Пламя!

А это существо из бездны боялось Пламени — Рей чувствовал, что оно остановилось, ощутил вспышку его недовольства, которая и вызвала задержку. Слепая голова задергалась из стороны в сторону. Теперь существо уже не было молчаливым — Рей услышал тихий жалобный звук. Да было ли это вообще звуком?

Пламя… Вспыхивающее Пламя, оно движется и создает стену перед этим существом. Оно здесь! Рей ясно видел его теперь — белое Пламя, которое могло бы спалить ему глаза своей силой, но не сделало этого. И чужая воля в нем росла и расцветала… на действовала она только через него. Так вот почему он здесь! Он — инструмент, через который действует чужая воля. Но все это стерлось из его мыслей: он должен весь сосредоточиться на этой борьбе.

Существо снова немного осело, и его жалоба перешла в визг. Страх… Страх… чудовища увеличивался! Рей должен воспользоваться этим страхом, как укротитель зверей пользуется хлы-

стом, чтобы предупредить нападение. И он, как кнутом, щелкнул своей мыслью:

— Назад, безымянное зло, назад, туда, где тебе положено жить! И в этот мир не возвращайся! Назад, в грязь, принадлежащую тебе!

Но существо не отступало, а продолжало лежать перед ним, вытягивая голову то в одну, то в другую сторону, словно билось о стену. Рей понял, что Мегос держит, не отпускает чудовище, используя для этого свою силу. Жрец тоже черпал ее из какого-то внутреннего запаса. Рей дрогнул. Преданный Тьме сгорбился, опять двинулся вперед. Пламя… Пламя было здесь…

И снова движения улитки остановились. Раздался злобный вой. Под принуждением Мегоса существо качалось взад и вперед, крик его стал громче. На этот раз Рей удержался. Надолго ли его хватит? Но вот они вновь схватились в молчаливой борьбе. Мегос и его гость из Мрака старались найти какую-нибудь слабину Рея, его каналы для воли, и это тяжело давило на него, отбирало энергию. Он устал. Существо двинулось, приостановилось, двинулось снова.

— Брат, отдай ему мое тело! — услышал Рей слабый, далекий голос. — Отдай ему мое тело, и выиграешь время…

— Нет! — Рей собрался с духом. Тело его дрожало. Он чувствовал, что только цепи, приковывавшие его к столбу, удерживают его на ногах, не дают упасть. Преданный ползи…

— Вперед! — скомандовал Мегос.

— Назад! — приказал Рей.

Шум… Крик…

Сосредоточенность Рея сломалась. И, улучив момент, Преданный Тьме прыгнул. Американец попытался поставить барьер, но опоздал. Щупальце мазнуло по его телу, присоски жадно закрепились на кровавых порезах. Рей сжался, но не смог отодвинуться от этого оскверняющего объятия.

Пламя, Пламя… Но здесь не было Пламени, могущего коснуться обезумевшего от жажды крови существа. Но Рей еще не сдался! Он словно бы встал теперь перед этой волей и требовал от нее так же, как она требовала от него.

Рей высоко поднял голову.

— Приди, — говорил он этой воле. — Будь сейчас со мной!

И если она сделала его и своим слугой, и своим орудием, то теперь, на краю бездны, он оттолкнул это. Сейчас они были равны. В него вливалась после минутного растерянного сопротивления

сила, какой он никогда еще не испытывал.

Присосавшаяся к нему отвратительная плоть дрогнула. Медленно, добавляя мучительную боль, щупальца отпали, когда чудовище неохотно, сопротивляясь, отползло назад. Мегос ослабь свое давление. Он слишком поздно увидел, что случилось.

— Пламя! — Рею казалось, что он выкрикнул это вслух. Это был его собственный приказ силе, воле, которой он овладел. — Пламя!

И оно снова появилось. Пляшущее, ослепительное Пламя!

— Держись! Люди Му лезут по лестнице!

Ничего не значащие слова. Во всем мире существовало только Пламя, сотворенное из мысли, его нужно держать, держать, держать…

Преданный Тьме крутился, шипел, не отступал от Пламени. С лестницы слышались крики.

— Держись! — снова крикнул Уранос. — Продержись еще немного, брат!

Мегос был в отчаянии. Рей чувствовал, что мощь жреца упала. Он был силен, может быть, очень силен, но если он и победит, ему сначала придется принять участие в реальном бою…

Верховный жрец метался по платформе, его мысли, резкие и быстрые, как удары молнии, би-

ли по ужасному существу. Преданный отступал, корчился, извивался, полз вперед…

Пламя уменьшилось. Не дух Рея, но его тело устало. И снова щупальца сомкнулись вокруг него.

— Рей! Рей! — кричал кто-то.

Рей пытался призвать волю, но ее не было больше…

Белый огонь… Опять Пламя? Рей поднял голову. Нет, только луч, коснувшийся рогов Преданного Тьме. Он корчился. Его щупальца отвалились от порезов на груди Рея, разрывая плоть. В голове Рея гудело. Он видел все, как сквозь туман.

Звон стали. Рей упал, освобожденный от оков. Кто-то подхватил его и бережно опустил на пол. Рей увидел расплывающееся лицо. Че… Издалека и из Лень далекого прошлого… Че…

— Пре… Преданный… Тьме… — Рей хотел предупредить и подумал, что вряд ли Че расслышит его шепот. Но голубые глаза поняли, губы искривились в улыбке, холодной, как зимний шторм.

— Смотри, брат, — муриец поднял руку. В ладони был кристалл, вспыхивающий радужным светом. Из его центра вырвался луч белого света. Че снова направил его на рога существа и тем оттягивал чудовище назад, потому что оно не

могло увернуться от луча.

Мегос стоял позади, лицо его так исказилось, что почти не походило на человеческое: вся его сила, Рей чувствовал это, была направлена на них и на Преданного Тьме. Но чудовище вышло из-под его контроля.

— Дьявол! — взвизгнул Мегос.

— Да, и пьющий кровь, — ответил Че. — Я думаю, он голоден. А когда вы его вызываете, его наверное, нужно как-то кормить? Смотри — вот расплата!

Преданный Тьме, как бы потеряв терпение, бросился — но не на мурийца, а на жреца. Его щупальца обвились вокруг Мегоса. Жрец вырвал одну руку и стал отталкивать отвратительное округлое скользкое тело. Его кинжал погрузился в черную кожу, но, когда он извлек его, на коже Преданного Тьме не было и следа раны. И все это время он кормился.

Голова Рея упала на руку Че. Он сам был слишком близок к такому концу, чтобы смотреть на него теперь. Но муриец не отвел взгляда, и, когда чудовище, наконец, хотело повернуться, Че ударил его лучом. Раздался визг. Рука Че крепко сжалась вокруг Рея. Затем муриец поднял кристалл в последний раз.

— Готово, — сказал он. — Теперь мы уничтожим исполнителя.

Рей снова взглянул. На камне лежал растрепанный сверток запачканных лохмотьев. Над ним распростерлось чудовище и тихо пело. До Рея донеслось ощущение удовлетворения, как раньше он чувствовал ярость Мегоса.

Свет превратился в острый меч радиации. Создание перестало петь, и его удовлетворение сменилось недовольством и тревогой. Оно визгливо завыло. Луч изменил цвет: из белого стал розовым, а затем красным. Потом он зарябил, как если бы наполнялся усиливающимися волнами из невидимого источника. И тело Рея ощутило ритм этой ряби.

Преданный Тьме извивался, корчился, его плач стал вибрацией такой высоты, что человеческое ухо уже не воспринимало его. Затем существо стало таять. Контуры его тела расплылись, из-под него медленно вытекала черная лужа. В воздухе стояла тошнотворная вонь.

Че все еще направлял луч на корчившийся ком. Создание еще раз сделало отчаянную попытку выжить: голова его поднялась, тело собралось, потяжелело, словно собираясь броситься на мурийца, но свет крепко связал его. Так оно и

погибло, превратившись в зловонную лужу, которая, в свою очередь, была истреблена лучом. Затем на платформе раздались крики, им вторили с улиц внизу.

— Город пал, — сказал Че. — Жители побросали мечи и просят пощады. А теперь давай осмотрим твой раны, брат.

Другой муриец опустился на колени возле Рея. Знакомое лицо… Ну да, это был предводитель пленников!

— Ты? Значит, Тейт выполнил обещание?

— Конечно, лорд, более того… — начал тот, но Че покачал головой.

— Потом расскажешь. — Он смазал мазью раны Рея. — Теперь завернем тебя в плащ. Надо на руках отнести его к Наакалям как можно скорее.

— Лорд, — заговорил один из мурийцев, держа руку на плече Ураноса. — Как насчет этого атланта?

— Че, — Рей собрал все оставшиеся силы, — это настоящий Посейдон Кранос. Тоже их пленник. Выслушай меня…

— Мы освободим его.

Рея завернули в плащ. Вторгшийся сюда отряд был невелик — восемь мурийцев и четверо каких-то грубых людей, наверное, с корабля Тейта.

Уранос опустился на колени перед Реем.

— Высший воинский салют тебе, друг. И спасибо тебе за то, что ты вспомнил обо мне. Вот атланта взяли — не думаю, чтобы нашелся хоть один, кто заступился бы за него.

Рей посмотрел в указанном направлении: два мурийца связывали руки Хроноса за его жирной спиной.

— Он пленник…

— Да. Его держали здесь ненависть и трусость. Он хотел быть свидетелем нашего конца и боялся битвы внизу. Теперь его игра проиграна, и я думаю, он не обрадуется тому, что последует.

Рей слушал с сонной отрешенностью. Мазь, наложенная Че на его раны, уняла боль, и он чувствовал себя странно легким и опустошенным. Воля снова ушла — на этот раз, как он считал, с доброй целью. Все вокруг было неясным, словно город, люди, все вокруг, кроме него самого, было нереальным. Он остался жив, Преданный Тьме — кем бы он ни был — исчез, взяв с собой Мегоса. А Хронос сам стал пленником.

— Похоже, нам на некоторое время придется остаться здесь, — вернулся снизу Че. — Идти по улицам сейчас пришлось бы с боем: разрозненные группы отчаянных не хотят сдаваться. — Он

привел на корточки возле Рея, снял со своей руки черный браслет и надел на обессилевшую руку американца. — Это было, в каком-то смысле, нашим ключом к городу.

— Как?

Прикосновение браслета произвело на него удивительное действие. Эта вещь как бы установила мир в его душе и снова вернула его в фокус происходящих событий.

— Капитан Тейт привез его, и мурийцы поручились перед нами за него. Тейт знал внутренний город и тайные ходы внутри его стен и провел отряды внутрь города.

— Как я говорил, — заметил Уранос. — Здесь были секреты, о которых Хронос ничего не знал, и которые не исследовали даже Красные Мантии.

— Но… — Рей погладил браслет, — каким образом мы могли оказаться здесь так быстро?

— Спроси Ре Му, спроси Наакалей, спроси тех, кто считал, что мы слепы и не подготовлены к опасностям. Легионы Уйгура вышли с востока, а наш флот из Майякса. А я, воспользовавшись своим правом, плыл с Тейтом в авангарде.

— Каким правом?

Че удивился.

— Как — каким? Разве ты не мой меченый брат?

Ре Му сказал, что ты уже на службе в Красной стране — значит, и я должен идти туда. Я думаю, мы поставили рекорд. Смотри, — он показал красные волдыри на ладонях, — даже офицеры садились в свою очередь на весла, когда было нужно. Тейт командовал, а я, по сравнению с его опытом в таких рейдах, был всего лишь первогодком-меченосцем. Он знает это побережье лучше любого странника. Однажды его преследовало сторожевое судно, от командира которого он не сумел откупиться, и вот Тейт случайно натолкнулся на секрет. Это был узкий проход в утесах, такой небольшой, что Нельзя было и думать, что он приведет к чему-то путному. Но там оказалась полоска мели и пещера, а за ней туннель, видимо, прорубленный в незапамятные времена. Туннель шел под городом к нижним помещениям Храма Пламени.

Мы высадились там ночью. Один отряд остался ждать флот, чтобы провести людей. Тейт клялся, что сыны Тени так надеются на свои стены и каналы, что будут уже частично побеждены, когда мы появимся в самом центре. И я думаю, он был прав.

На заре мы захватили Красную Мантию, и он, кажется, принял нас за духов убитых им Солн-

церожденных, потому что откровенно сказал нам, что Мегос собирается вызвать Преданного Тьме и хорошенько накормить его. Природа этого чудовища такова, что он может в этом случае привести из своего мира других чудовищ своей породы, и перед таким оружием мы не устоим. Мы думали, что это случится в храме Баала. И стали пробиваться туда. Только позднее мы увидели, что происходит здесь, и поняли свою ошибку. В стенах действовали легионы Уйгура и с ними те атланты, которым никогда не нравилось правление жрецов Великого Мрака. Сопротивляющиеся выбивали участок За участком, а в это время через храмовый проход шло все больше людей…

— А это? — Рей указал на кристалл.

— Изделие Наакалей, но у них всего несколько штук таких кристаллов. Этот был послан мне как раз перед тем, как я вошел в проход. Нас предупреждали, что мы должны очень близко подойти к чудовищу, и только тогда пользоваться этим оружием. Но, Рей, мы видели дважды, как это создание зло отступало, а ведь ты был прикован и безоружен!

— Я клялся, что никто не сможет сделать такого, а он сделал! — вмешался Уранос. — Он отогнал этот ужас своей волей и не допускал его.

— Нет, — сказал Рей, все еще поглаживая браслет: это прикосновение связывало его с этим местом и временем, придавало происходящему реальность, — я сделал то, что было в меня вложено: я вызвал Пламя…

— Пламя? — спросил Че.

— Белое Пламя, — повторил Рей, снова впадая в странное состояние отрешенности.

— Неумирающее Пламя, — сказал Че. — Но… но это не для человека, потому что человек не может смотреть на него! Истинно, щит матери-страны поднялся над тобой в этот день!

— Когда-то это Пламя горело в святилище алтаря в этом городе, — сказал Уранос.

— Но этого никогда не будет снова, — ответил Че.

— Что ты хочешь сказать? — спросил атлант.

— Ре Му приказал: после того, как город будет взят, полностью разрушить его, чтобы и имя его не сохранилось в людской памяти. Потому что здесь открыли ворота между двумя противостоящими мирами, чтобы Преданный Тьме и его род родили тут свободно. А эти два мира никогда не будут родственными.

ДВА
МИРА… НИКОГДА НЕ БУДУТ РОДСТВЕННЫМИ.

Эти слова задержались в сознании Рея.

— А народ? — быстро спросил Уранос. — Что будет с жителями этого города?

— Те, кто несет зло, должны пожать его плоды и расплатиться за него. Остальное будут высланы в глубь страны. А флот Атлантиды исчезнет с морей мира.

— Равнины внутри страны богаты, там царят спокойствие и мир, — заметил Уранос. — Может быть, величие снова придет к нам.

— Говорят, что так написано, — печально согласился Че. — Потому что с течением времени мать-страна падет. Впоследствии Атлантида будет править сушей и морем, как Хронос мечтал сделать сейчас, но это будет в далеком будущем.

— И это время тоже пройдет…

Че кивнул.

— Это тоже пройдет.

— А что придет потом?

— Поднимутся новые страны, и среди них твоя, Рей.

— Долгое время, очень долгое, — сказал Рей. — Много стран, много правителей. Вавилон и Крит, Египет, Греция, Рим и многие другие. Даже в мое время мир находится не под одним управлением, он все еще разделен на множество стран и наций,

и все они время от времени воюют.

— Война против Баала и Тени кончена навсегда. — Че встал и снова пошел к лестнице.

— Теперь, пожалуй, можно идти, — сказал он, вернувшись. — В храм.

Рей попытался сесть, но это оказалось невозможным, и он в конце концов закрыл глаза, в то время как его каким-то образом спускали по лестнице. Дважды им пришлось отбивать небольшие атаки, пока они дошли до разрушенного храма. Боль снова вернулась к Рею. Каждый шаг людей, несших его на импровизированных носилках, отдавался в его груди. Но наконец они пришли под разбитую крышу, и один из Наакалей поспешил к ним. Рея опустили на ложе из множества циновок и представили на осмотр мурийскому жрецу.

— Как он? — спросил Че.

— Поправится. Иди теперь к своим обязанностям, сын мой, Твой брат по мечу в безопасности.

Рей глубоко вздохнул.

— Да, это больно, — кивнул жрец. — Но такие раны, из какого источника должны быть хорошо очищены…

— Я знаю тебя, — тихо сказал Рей. — Ты ждал в коридоре со светом до того… до того…

— До того, как ты отправился в это путешествие, — закончил за него жрец. — Да, это правда.

— Воля…

— Не моя, — ответил жрец. — А теперь отдыхай в мире. В нужное время ты поймешь. Спи… — это был приказ, и палец коснулся лба Рея, как бы ставя печать на этот приказ. И Рей уснул.

— Все установлено. — Бартон посмотрел на покрытый снегом склон, ведущий к кургану. — Но это лоскутная работа. Мы не можем ничего обещать, надеюсь, вы это понимаете.

— Вы повторяли это так часто, что мы вынуждены понять, — проворчал Харгрейв. — Что делаем дальше?

— Теперь мы повысим напряжение энергии и будем держать ее наготове пять интервалов, — ответил Фордхейм. — Начинаем с часа, затем уменьшаем. В последний раз она продержится примерно пять минут. Мы составили график попыток на дальнейшее. Если поисковый луч сможет привести Осборна, то Осборн найдет дверь открытой все семь дней — по пять минут. После этого нам придется перезаряжаться некоторое время — может быть, — месяц. Это уж как повезет.

— Игра, просто игра, — комментировал Харгрейв.

— Игра, да, но отнюдь не простая. Это игра в самые сложные эксперименты, какими мы когда-либо занимались. Ваша простая игра… Стрелять в Луну — школьное упражнение по сравнению с ней, — возразил Бартон.

— Когда вы сделаете первую попытку? — спросил молчавший до сих пор генерал Колфикс.

— Точно в четырнадцать часов пять минут. Затем мы откроем ворота на целый час. Бартон активизирует «искатель» в соответствии с уравнением.

— А затем просто будем ждать, — сказал генерал как бы про себя.

— Мы ждем, — откликнулся Фордхейм.

— И может быть, — добавил Харгрейв, — будем ждать вечно.

Рей приподнялся на локте, чтобы оглядеть главный зал разоренного храма. Часть кровли обрушилась, виднелось ночное небо, светящиеся стержни были вставлены в скобы, чтобы освещать каменные блоки, служившие теперь мурийским воинам столами и стульями.

— Как ты себя чувствуешь?

Рей оглянулся через плечо на подходившего

Наакаля.

— Лучше.

Жрец улыбнулся.

— Ты устал от наших забот и хотел бы встать и уйти? — Его пальцы коснулись запястья Рея, проверяя пульс. — Вероятно, если я и не позволю тебе такой глупости, ты все равно поступишь по-своему. — Он хлопнул в ладони, и человек в белой тунике храмового слуги принес одежду.

С его помощью Рей надел мягкую кожаную тунику поверх повязок, которые обертывали его, как мумию, от подмышек до пояса. На тунику была надета куртка с металлическими полосами, но без нагрудной пластины, ее жрет отвел жестом.

— Она тебе не понадобится, а вес ее слишком велик для твоих ран.

— Где Че? — спросил Рей.

— Сейчас он на посту у западных ворот.

— А город?

— Город сдался, кроме внутренней башни дворца. Большая часть стражи, увидев, что Хроноса взяли, бросила оружие. Сражаются только жрецы Баала и те, у кого достаточно причин сознавать, что никакой пощады от нас им не будет.

— Рей! — Че быстро прошел через зал и остановился, оглядывая Осборна с головы до ног. — От-

лично: готовый воин. Но у тебя нет меча. Может, этот — я недавно отнял его у капитана ворот. — Он протянул Рею пояс с мечом в ножнах, рукоять которого сияла узором из рубинов.

— Ну, вот, уже лучше. Ты должен быть готов.

— К чему? Наакаль сказал, что сражение кончено.

— Не для битвы, нет. На заре в город войдет Ре Му. Весь город, кроме внутренней части дворца, теперь в наших руках.

— А Хронос?

— Его сторожат меченосцы из личной охраны Великого. Ре Му желает видеть тебя.

«И я желаю его видеть», — подумал Рей. У него есть вопросы, только неизвестно, получит ли он когда-нибудь возможность задать их. Ощущение нереальности охватило его снова. Он смотрел и слушал, но не участвовал ни в чем. Даже прикосновение к браслету не объединяло его больше с этим миром, в котором он был только зрителем.

Он был вместе с Че, когда Ре Му вошел в Пятистенный Город. Рей видел большую военную колесницу Солнца, запряженную фыркающими конями, даже скопировал военный салют Че, приветствуя Правителя, и вышел с мурийцем вперед, когда он поманил их.

— Я вижу вас, милорд, — как было положено по этикету приветствовал их Ре Му, когда они преклонили перед ним колени на пыльной дороге.

Че поклонился и ответил, как положено:

— Мы твои, Великий, со всей нашей силой и преданностью.

Но Рей смотрел прямо в далекие синие глаза. Ре Му тут же прочел его мысли и знал, что Рей не будет повторять это и что его внешний вид, показывающий уважение, всего только видимость.

— Я думаю, никто и никогда так хорошо не послужил Солнцу, милорды, — сказал Правитель. — Приходите ко мне через час.

— Слушаем и повинуемся, — ответил Че.

Они встали, а колесница покатила дальше.

Слышать и повиноваться… Да, он слышит и должен повиноваться. И должен получить ответы… Он пошел с Че за королевской процессией. Жители собрались толпой в центре своей полуразрушенной столицы. Как ни старались мурийские отряды навести какой-то порядок и очистить переулки от людей — все дороги были забиты. Че обратился к уставшему офицеру.

— Мы вызваны к Великому. Как пройти?

Офицер только развел руками.

— Только не здесь, Солнцерожденный. Идите

дальними улицами, пробирайтесь даже по крышам, но не спешите…

Че внял совету, пошел боковыми улицами, а где и по верхам, и в конце концов они снова добрались до храма.

— Где Уранос? — спросил Рей, когда они дошли до цели и он, усталый и больной, прислонился к стене.

— Не знаю. Он пошел к Ре Му ночью. Если он тот, за кого себя выдает… — Че замолчал, потому что толпившиеся здесь солдаты и офицеры подались назад, поспешно устраивая трон. Блоки храма были составлены вместе и задрапированы блестящими военными плащами. На этот импровизированный трои Ре Му сел судить город. Вокруг него стояла сверкающая масса. Стояли мурийцы в украшенных драгоценными камнями доспехах, кое-где, как бы для контраста, виднелись простые белые мантии Наакалей, а по правую руку Правителя, на более низком каменном блоке, сидел Наакаль Уча, он чуть наклонился вперед, словно был близоруки ему трудно было разглядеть сцену перед собой.

Когда Че и Рей смешались с воинами, раздался резкий и требовательный рокот четырех военных барабанов, стоявших на ступенях трона.

Когда их звук затих, смолк и подобный прибою гул толпы внизу. Лицо Ре Му было бесстрастно, но казалось почему-то, что он видит не просто множество собравшихся здесь людей, но каждого человека в отдельности, как личность, которую он и собрался судить. Рей наблюдал, как люди в ближайших рядах опускали головы, смотрели в сторону, но в конце концов снова поднимали глаза, как бы по приказу, которому не могли не подчиниться.

Рука Правителя чуть-чуть поднялась, пальцы сомкнулись на рукояти обнаженного меча, стоявшего между его колен и упиравшегося острием в треснувший и грязный камень под его ногами. При этом легком жесте один из воинов, стоявший слева от Правителя, сделал шаг в сторону. Рей узнал его, это был Уранос.

— Люди Атлантиды, жившие под плащом Тени… — голос Ре Му звучал так же повелительно, как барабаны.

Рябь пробежала по переполненной площади. Люди падали на колени, поднимали руки — одни униженно, другие неохотно.

— Прости… — послышалось что-то вроде рыдания, которое нарастало.

— Есть то, чего нельзя простить. Смотрите,

выбравшие Мрак, на пятна, оставшиеся на этих стенах, и подумайте, каким образом появилась здесь эта кровь, чтобы сегодня свидетельствовать против вас. — Меч Правителя поднялся, и восходящее солнце пробежало по лезвию. Его острием он указал на стены, где Солнцерожденные нашли свой конец.

— Мы делали, как нам приказывали, Великий. Прости нас!

— А я скажу вам: люди, имеющие сердце, должны были поднять и швырнуть любого, кто посмел отдавать такие приказы. Это не люди, что в день суда прячутся за приказами, которые несли зло, и говорят: «Я делал, что прикажут». В каждом человеке от рождения заложено понятие о добре и зле, и каждый день, каждый час он выбирает то или другое. Пусть он выбрал зло из страха, из слабости, по принуждению, и все равно будет судим, когда настанет последний день. Когда наши предки пришли в эту страну, им были даны два сокровища, чтобы они смотрели на них и помнили о справедливости. — Меч снова блеснул в руках Ре Му и указал на колонны, все еще закрытые пыльными рваными тряпками. — Смотрите, они теперь скрыты от глаз позора, ненависти и страха, потому что вы не смеете смотреть на

то, что так открыто предали. Таким образом вы вычеркнули символы справедливости и правосудия, выбрав символы Тени, а некоторые последовали за ней даже в бездну. Итак, этот город должен быть стерт с лица земли — кровь покроет кровь. Не такой ли род справедливости вы понимаете лучше всего, люди Атлантиды?

— Пощады… пощады… — это плач женщин и детей, подумал Рей, потому что не видел, чтобы мужчины в толпе открывали рот.

— А какую пощаду вы показали в свой день, люди Атлантиды? Подумайте об этом! Нет, с наступлением ночи этот город будет уничтожен, как если бы его и не было. А вы, сделавшие его местом нечистот? Как поступить с вами?

Настала тишина, только кое-где вскрикивали какая-нибудь женщина или ребенок.

— Да, вы сделали из этого города постоянное место для нечистых вещей. Видите, этот храм лежит в руинах, в то время как храм Баала гордо возвышается. Скажите мне, люди Атлантиды, почему вы не должны подвергнуться участи вашего города? Какие у вас доводы, которые могут убедить меня?

— Пощады, Великий! Не ради нас, а ради детей наших домов, — с мольбой поднялся один голос.

— Слушайте мои слова, есть разное правосудие и разные суды. Вы слабы и глупы, но зло было воспитано в вас — в большинстве из вас. Оно проявилось не во всех одинаково. Поэтому я говорю вам: уходите из этого города, ничего не взяв с собой, кроме того, что вы можете нести в руках из пищи и одежды. И сделайте это до захода солнца — иначе высшая кара настигнет вас.

Уранос встал на колени перед Правителем.

— Великий, это мой народ. Позволь мне уйти с ним и вести его, пока он не сможет построиться заново…

— Уранос, в прошлом они отвернулись от твоего дома, отбросили правление людей твоей крови, чтобы взять себе вождя по своему выбору — опять-таки выбору между добром и злом — и сделали его свободно. В матери-стране тебя ждет почет и подходящая служба. А ты говоришь — здесь, в этом месте, где кровь твоих близких все еще пятнает стены перед твоими глазами? Ты желаешь вести этот народ?

— Великий, ты много говорил о выборе в этой жизни и о результатах такого выбора. Хотя я Солнцерожденный, но я из этой страны, я делю ее с этим народом. Так что мой выбор — идти с ними, и это свободный выбор. И я приму все, что

он принесет.

Меч Ре Му поднялся высоко в воздух, опустился и слегка коснулся правого и левого плеча Уранoса. Затем Му повернул лезвие к себе и протянул рукоять, а Уранос поцеловал ее.

— Слушайте хорошенько, люди Атлантиды! — начал Правитель. — Я ставлю перед вами такого вождя, какого у вас не было с тех времен, когда здесь была прекрасная, чистая страна. Он из Солнцерожденных, но так же и из Атлантиды, атлант из атлантов, а не иноземный завоеватель. И я говорю вам: дорожите им и повинуйтесь ему и будьте верны такому выбору.

Уранос, Посейдон Атлантиды, клянешься ли ты создать еще раз жилище Пламени, вести свой народ в свет, воюя с Тенью и всеми ее легионами, держать закон и справедливость под Солнцем, быть мечом и щитом для матери-страны в час ее нужды?

— Клянусь в этом на Пламени за себя и за свой народ, Великий.

Он второй раз поцеловал рукоять меча Ре Му, встал и повернулся лицом к ожидающим внизу.

Люди молчали, но, когда он спустился по ступеням храма, стали проталкиваться вперед. Некоторые падали на колени и целовали его руки

и край плаща.

Окруженный людьми, он еще раз повернулся к трону, находившемуся теперь над ним.

— Мы повинуемся приказам, данным нам, и к заходу солнца мы уйдем, — сказал ом.

Рябь еще раз пробежала по площади, и Рей подумал, что люди готовятся разойтись. Но еще раз загремели барабаны, и это остановило их. В наступившей тишине Ре Му заговорил снова:

— Люди Атлантиды, вы пришли на суд. Теперь вы тоже будете судить. Что вы хотите сделать с этим человеком?

Мурийцы у трона расступились, мимо них прошел отряд стражников. В середине его был Хронос, белый, с дергающимся лицом, с трясущейся головой. Стражники почти тащили его.

В толпе раздался такой рев, что Рей попятился. Он слышал и читал о ярости толпы, но никогда не видел этого в действии. Эти люди были так же ужасны, на свой лад, как Преданный Тьме.

— Отдай его нам, Великий! — раздался вопль сотен и тысяч глоток.

— Что ты скажешь, Хронос? Справедливо это? Ты желаешь этого?

К удивлению Рея, свергнутый Посейдон опустил сваю дергающуюся голову.

— Да, — ответил он. Была ли у него какая-то мысль убежать или он сошел с ума?

Ре Му кивнул.

— Ты выбрал. Да будет так.

Когда мурийская стража отступила, толпа хлынула волной, и Хронос исчез. Ни крика, ни звука, только какой-то людской водоворот в центре площади — и больше ничего. Толпа рассеялась, растеклась. Ре Му встал со своего трона и ушел в храм с Наакалями, окружившими его. К Че и Рею подошел офицер.

— Великий желает видеть вас.

Они пошли в ту часть храма, где камень был еще больше изуродован огнем. Видимо, подумал Рей, это был когда-то центральный алтарь. Там стояли Ре Му и Уча. Правитель сначала заговорил с Че.

— Ты просил у нас пост наивысшей опасности, Солнцерожденный. И ты хорошо поработал. Твоими руками было уничтожено порождение зла, вызванное из другого мира. Что ты требуешь от нас взамен?

— Ничего. Я выполнил свой долг.

Ре Му улыбнулся.

— Ничего — это ответ юности и мужества, он лежит в утре жизни. Но твоего «ничего» недоста-

точно. Для тебя — змея, а после тебя она будет принадлежать твоим сыновьям и сыновьям твоих сыновей. Подойди.

Че встал на колени у ног Правителя. Ре Му отцепил от своего военного шлема кольцо разящей змеи и насадил его на шлем Че, в то время как окружающие его воины подняли вверх обнаженные мечи.

— Ты… — обратился он к Рею. — Ах, да, у тебя тоже есть о чем просить нас. Нет ты имеешь право требовать, поскольку не добровольно брался за это дело, а выбор был сделан за тебя.

— Да, — коротко ответил Рей.

— Ты не нашей крови, эта война не твоя. В момент наивысшей опасности для нас мы выковали из тебя оружие и воспользовались им. Подумав, ты согласишься, что это было правильно. Я много говорил о выборе и его результатах. Мы выбрали помощь иноземца, доверившегося нам, и это было злым деянием. Но для этого у меня единственный ответ: мой выбор лежал между благом одного человека и гибелью всего моего народа.

Мы не могли дотянуться до этой страны: ее слишком хорошо охраняли барьеры и ловушки не только видимые, вроде стен и воды, но также и те, которые воздвигли Мегос и его ученые, ко-

торые быстро обнаруживали любого человека нашей крови, рискнувшего идти сюда. Я думаю, ты хорошо узнал их оружие, когда тебя в конце концов захватили. Поскольку ты не из нас, у тебя есть некие врожденные предохраняющие силы, какие мы не можем надеяться развить у себя. И вот мы вложили в тебя то, что считали нужным, чтобы ты открыл двери. Ты был ключом, причем единственным у нас.

— Даже к Преданному Тьме? — спокойно спросил Рей. Он не встал на колени, как Че. Он смотрел в глаза человеку, правящему большей частью мира, и не испытывал благоговейного страха.

— Даже к нему, — согласился Ре Му. — Это только первый разведчик той армии, которую Мегос хотел выпустить на нас, он тоже был ключом, потому что каждый раз, когда его вызывали и кормили, у него крепли связи с этим миром. Со временем он привел бы сюда весь свой род, а может быть, и кого похуже, поскольку то страшное и чуждое место, из которого его вызвал Мегос, — вражеская цитадель. И мы не знаем, какие еще ужасы могут быть в этой бездне. Так что ты послужил приманкой, позволившей вытащить его, пока еще мы могли разделаться с ним и закрыть ужасные ворота.

И я говорю: за всю нашу историю не было человека, так хорошо послужившего матери-стране, как ты, иноземец. Нет ни одного человека, который когда-либо мог встретиться с таким злом и удержать его на расстоянии. Не в моей власти полностью вознаградить тебя, потому что говорить о вознаграждении — значит преуменьшить то, что ты сделал. Но проси, чего желаешь…

— Верни меня в мое время и место, — попросил Рей.

Ре Му долго молчал. Затем медленно сказал:

— Все наше знание, какое есть — твое. Можно ли это сделать — я не знаю. А что, если нельзя?

— Не знаю. Знаю только… — Рей в свою очередь замялся, затрудняясь выразить словами свои ощущения. — Я не из этого времени. Может быть, я не смогу вернуться, но попытаться должен.

— Да будет так!

Рей отступил назад и Че с ним. Лицо мурийца было печальным.

— Ты… ты ненавидишь нас, брат? Из-за того, что тебя заставили сделать? Я не знаю, что это было, но вижу, когда в человеке вызывают злобу…

Рей ничего не чувствовал, только усталую опустошенность, странное неудобство, словно он не участвовал более в жизни, само существо-

вание было всего лишь условностью в каком-то безразличном для него месте. С тех пор, как он перестал быть вместилищем воли Наакалей и видел смерть Преданного Тьме, он чувствовал себя всего лишь наблюдателем. И стать реальным снова…

— Нет, у меня нет ненависти, — сказал он. — Только усталость. Я устал…

— А если ты не сможешь вернуться? — Муриец протянул руку, но не коснулся Рея, как будто тоже чувствовал преграду между ними, и понимал, что встреча пальцев не объединит их.

— Не знаю…

Рука Че опустилась, но он по-прежнему шел рядом с Реем, время от времени поглядывая на него. Рей действительно устал и шел теперь в то место храма, куда его принесли для лечения. Там он вытянулся на ложе.

Че лег рядом на груде плащей и быстро уснул. Но Рей, несмотря на усталость, никак не мог заснуть. Он закрыл глаза и пытался — да, на этот раз ПЫТАЛСЯ увидеть деревья, молчаливый лес.

Ре Му предлагал ему все, что он пожелает. Можно попросить корабль.

На корабле плыть на север, а там пересечь равнину и углубиться в сумрак леса, чтобы найти

то место, те ворота, через которые он вошел в этот мир.

А что, если он еще раз встанет на то же самое место, и ничего не произойдет?

Он услышал шорох и открыл глаза. Уча, выглядевший очень старым и увядшим в своей белой мантии, которая казалась более материальной, чем хрупкое тело в ней, стоял и смотрел на него.

— Ты был той волей? — сказал Рей.

— Я был той волей частично, — признал Наакаль и добавил: — Но воля была меньше, чем ты думаешь, потому что — ты, может быть, и не поверишь — сила за этой волей была больше, чем наполовину, твоя.

— Но я не хотел…

— Выполнять наши приказы? Да, это тоже верно. Но подумай: среди нас не найти такого, как ты. Ты другой, сложный по нашим меркам, потому что ты жил другой жизнью, о которой мы ничего не знаем. Но сейчас, я думаю, ты уже не тот, каким был, когда шагнул из своего времени в наше. Кузнец берет металл из огня и бьет по нему молотом, он остужает его, снова нагревает и обрабатывает. И в конце концов у него в руках оказывается не то, что держал вначале.

Рей сел. Его раны под повязками побаливали,

но эта боль почему-то успокаивала, делала его более живым, превращала из абстракции в действующее лицо здешнего мира.

— Ты хочешь сказать, что эта перемена может оставить меня здесь?

— Эта мысль, возможно, приходила на ум и тебе, мой сын, потому что я больше чём уверен, — ты не тот же самый человек, который пришел к нам. Возможно, эта перемена началась сразу же, как ты вышел из своего мира, а такие процессы идут в рост. Значит…

— Значит, я должен быть готов к неудаче. Очень хорошо, что ты предупредил меня. Но желаешь ли ты также помочь мне?

— Да, всем, что мы имеем, что мы знаем.

— Не здесь, — сказал Рей, — не в Му, а на севере…

Уча удивленно посмотрел на него:

— На севере? В Бесплодных Землях? Но у нас там нет храма, нет места для изучения…

— Я знаю только, что пришел с севера и туда должен вернуться. И это должно случиться очень скоро, я уверен, или же не случится вовсе.

Уча наклонил голову.

— Да будет так.

Он поднял руку с толстыми синими венами и

начертил в воздухе знак.

— Пусть твой ум отдыхает и твой мозг дает легкость твоему телу, потому что не сегодня и не завтра, а, может быть, только через многие завтра мы сможем помочь тебе на этом пути. А до тех пор будь в мире и покое.

И Рей, улегшись снова на ложе, обрел благодатный сон без сновидений, отдых, в который не смели войти ни тени, ни воспоминания.

На заходе солнца он стоял за городом с Че и теми грубыми мореплавателями, которые провели мурийских воинов в цитадель.

Последние из жителей города тянулись через внутренние ворота, собравшись семейными группами, которые объединились вместе, в долгий путь вперед и вперед, под охраной конных воинов с равнин.

А в городе в это время обыскивался каждый дом — не остался ли кто-то забытый. Уже в сумерки за ворота вышли последние мурийцы. Когда они достигли холмов, лучи света вылетели с мурийских кораблей и из точек в глубине страны. Когда эти лучи встретились, раздался грохот сильнее громового удара, земля затряслась, так что многих наблюдателей сбило с ног. Могучие вихри подняли тучи пыли и понесли их к темнеющему небу.

— Храм Баала! — Че схватил Рея за плечо. — Смотри на храм!

Угрюмое красное строение все еще стояло нетронутым. Лучи снова сблизились, теперь уже целясь в это мрачное здание. Но, когда они исчезли, оно по-прежнему стояло. Тогда с самого неба, как если бы разрушающие машины были подняты к облакам некоей природной силой, упал яркий ослепляющий свет. Звук удара оглушил Че и Рея, а когда они снова смогли видеть, храм исчез.

Но в этот момент у Рея было любопытное видение, которому он не мог поверить, не мог объяснить и даже рассказать о нем впоследствии: ему показалось, что он видел черную тень присевшей фигуры с человеческим телом и бычьей головой, тень улетела в ночь, распростершую над ней скрывающий плащ мрака.

Когда они повернулись к своим кораблям, из медленно двигавшейся процессии атлантского поселения вырвался всадник. Уранос наклонился с седла и сказал Рею:

— Друг, я не забыл. Все, что у меня есть — твое, только спроси. Так же будет с нашими сыновьями и внуками. Если понадобится — позови, и я приду хоть на край света. А теперь я должен идти со

своим народом. Но помни, брат…

Рей схватил его руку:

— Между нами нет долга. Иди в мире, свободно…

Пальцы стиснули его руку, затем разжались, и всадник ускакал. Рядом с американцем теперь стоял Че.

— Корабли ждут — и мать-страна тоже.

И они пошли к берегу.

— Тебя здесь высадить? Ты уверен, что это то самое место?

Рей мог бы согласиться с сомнениями капитана Тейта: этот пустынный берег ничем не отличался от остального побережья. Но Рей был уверен: это здесь!

— Да, именно здесь, — твердо повторил он. Ничего не могло порвать нить, которая, как он чувствовал, влекла его с настойчивостью, усиливающейся по мере приближения их к Бесплодным Землям.

«Домой в мать-страну», — говорил Че два дня тому назад. Но Рей знал, что такое возвращение не для него. Для него, как он говорил Уче, есть только одна дорога, и она ведет на север.

А Тейт, который под новыми вымпелами выслеживал остатки атлантских кораблей, согласился

высадить Рея там, где тот пожелает.

Капитан рейдера плотнее запахнул плащ. Дул холодный ветер, похожий на дыхание зимы, которая, как Рей знал, должна была скоро начаться в этой стране. Теперь он видел белые пятна на отмели — следы снега.

— Мы будем крейсировать к востоку. Когда ты захочешь, чтобы тебя подобрали, дашь световой сигнал.

Рей кивнул. Этот сигнал, думал он, вероятно, никогда не будет зажжен. Надо заставить Тейта понять это.

— Я могу вообще не вернуться, — сказал он. — Я иду искать свой народ.

— Говорят, не задавай вопросов — не услышишь вранья, — ответил Тейт. — Ну-ну, у каждого свои секреты. Здесь нет колонии, только дикие места и всякое такое, с чем тяжело встречаться. Здесь крейсировали атлантские корабли, и некоторые из них могут теперь стать пиратами. Бывают тут и преступники. Иди осторожно, воин, и все время держи руку на рукоятке меча! А мы будем ждать твоего сигнала.

— Если ты не увидишь его в течение пяти дней, плыви по своим делам и не ищи меня больше, — твердо повторил Рей.

— Договорились. Но что я скажу, когда вернусь? Что я высадил тебя в диком месте, отпустил, без сопровождения и бросил одного? Думаю, мне не избежать вызова на поединок на мечах, если скажу такое, в особенности, когда встречусь с Солнцерожденным Че, которого ты надул, сбежав от него на борт моего корабля и принеся с собой приказы.

— Скажи ему, пусть спрашивает Наакаля Учу. Тот знает, что я должен делать.

Рея сжигало нетерпение. Он готов был прыгнуть в воду и добираться к берегу вплавь. Но Тейт, похоже, решил не тратить время на споры: он отдал приказ, и лодка понесла Рея к суше.

Он выскочил на омытый волнами песок, повернулся и поймал сумку с провиантом, которую бросил ему рулевой. Рей не стал ждать, пока лодка вернется к кораблю. Ветер и волны поработали над песчаными дюнами, но камни для сигнального костра были неподалеку.

Да, внутреннее направляющее чувство было правильным. Именно здесь был лагерь атлантов, когда они взяли Рея в плен. Пора идти.

Рей спрятал сумку с продуктами за подходящим камнем. В ней было только самое необходимое, и Рей, наверное, никогда больше не увидит ее. Он

пошел в глубь побережья так уверенно, словно его ноги шли по хорошо известной, гладко вымощенной дороге.

Через некоторое время он пришел к знакомому оврагу, где лежали добела очищенные кости лося, поднялся вверх.

Перед ним была темная линия леса. Солнце в этот день не показывалось, небо было ледяное и мрачное, и холод здесь чувствовался сильнее.

Лес стоял темный, потому что несмотря на приближение зимы, с деревьев облетели не все листья, и темный полог все еще нависал над головой. Под подошвами его высоких сапог пружинил мшистый ковер, его зелень только слегка была тронута коричневым.

Когда Рей смотрел вдаль, он видел один мрак. Это был его повторяющийся сон о лесе и о том, что, может быть, ждет там. Однако это был путь, к которому он стремился, и свернуть с него он уже не мог. Здесь не было воли, господствующей над его страхами и желаниями, как это было в Атлантиде, но он чувствовал захлестывающую его необходимость идти вперед, до того места, где он прошел сквозь время. Сначала необходимость только беспокоила дух, но с каждым днем она сильнее и сильнее толкала его в путь, так что

он не мог больше сопротивляться, даже если бы и хотел.

Кожаная куртка и рубашка, которые он тогда носил, исчезли. Теперь на нем была туника из шкуры, выделанной до мягкости ткани, военная юбка, усиленная металлом, а поверх перевязанной груди — латы. Талию обвивал пояс, меч в ножнах бился о бедро, это очень меняло его.

Он мимолетно подумал о том, что скажут люди его времени, когда он вернется к ним. Может быть, эта одежда придаст некоторую достоверность его фантастическому рассказу.

Не обращая внимания на царапины, Рей продрался, наконец, через подлесок на опушку настоящего леса и побежал по проходу между деревьями. Бежал, охваченный паническим страхом: удастся ли ему найти те самые ворота времени, через которые он попал сюда? Во всяком случае, притяжение продолжалось, и он начал думать, что действует какое-то призывное устройство.

Он снова бежал, на этот раз в лес, а не из него, как тогда. Вперед… вот… сейчас…

— Что-то движется! — Бартон сбросил наушники.

Они видели на экране чуждый мир: гигантские

деревья, край лесной поляны.

Харгрейв оглянулся на остальных собравшихся и подумал: они все еще не верят этому. Не верят, несмотря на фильм и на все снимки. В это нельзя поверить, пока не увидишь своими глазами!

— Дайте мне показания приборов! — резко сказал Бартон одному из трех ассистентов. Каждый повторил серию координат, и Бартон, хмурясь, настраивал одну за другой шкалу.

— Дальберг! Повторите!

Человек снова пересчитал свои цифры. Бартон быстро записывал, протыкая ручкой бумагу блокнота. Складки на его лбу углубились. Он подвел итог, резким движением Перечеркнул и написал ниже новый ряд цифр.

— Что это? — спросил генерал Колфикс.

Бартон нетерпеливо махнул рукой, требуя тишины.

— Кемпбелл, попытайтесь... — Он передал новый поток уравнений соседу справа. Пальцы того коснулись кнопок, показания изменились.

Бартон сгорбился, наклонился к маленькому видеоэкрану, повторяющему сцену на большом.

— Продержится десять минут, — сказал Фордхейм.

Бартон оглянулся.

— Может не хватить. Мы поймали его, может, кого-то другого — лучом. Держите больше.

— Тогда придется взять из резерва. И мы можем потерять возможность другой попытки в ближайшее время.

— Но я же говорю, мы поймали его.

— Вы сказали — его или кого-то другого, — снова заговорил генерал. — Минуту назад вы говорили не так уверенно.

— Мы делаем все это на основе предположения, на уравнении, выведенном из неадекватных сведений, — ответил Бартон. — Естественно, что мы должны предполагать какие-то варианты. Ну вот, мы сделали упор на мозг, и кто-то идет, отвечая лучу. Не думаю, чтобы мы могли поймать кого-то другого, кроме нужного нам человека. Мы строили зов на основе того, что знали о нем, и только о нем.

— Но вы все-таки не уверены, — генерал взял со стола маленький коммутатор и отдал свои приказы.

— Омелл, предупредите своих людей. Хватайте любого, кто пройдет сквозь барьер времени. Пусть его приведут сюда сразу же, как только он появится.

Фордхейм посмотрел на свои циферблаты.

— Даю вам шесть минут. Он близко? — обратился он к Бартону.

— Меньше мили. Я же сказал — включайте экстра-время!

Пальбы Фордхейма забарабанили по краю панели. В конце концов он подтянул к себе микрофон.

— Пусть идет в экстра. Да, я сказал включайте запасную энергию, когда время кончится!

«Деревья на экране — просто невинная картинка», — думал Харгрейв. Вдоль индейского кургана были расставлены люди, готовые броситься на того, кто тащится обратно в свое время. Это Рей Осборн или еще кто-то. Человек с человеческим мозгом, иначе луч Бартона не поймал бы его в ловушку, не втащил бы его сюда, но их ли это человек или другой, чей родной мир включает этот страшный лес?

Рей споткнулся о выступавший из земли корень, вытянул руки, чтобы удержаться на ногах, и, наткнувшись на ствол дерева, вцепился в его грубую кору. И вдруг дерево… растаяло!

Он опять споткнулся и упал на одно колено. Тени закружились вокруг него и над ним в диком танце. Впереди маячила большая тень — куча земли… курган, индейский курган.

Рей с криком бросился к нему, но его руки не коснулись пожухлой травы, хотя он отчетливо видел ее. Вот же он, курган! Рей ударил кулаком по твердой земле… Какой земле? Его рука прошла сквозь нее, хотя глаза уверяли, что это замерзшая Земля.

Он отступил на шаг. Из-за кургана к нему бежали люди. Люди… Он видел их лица, униформу, но словно в тумане. Он видел, как они протягивали руки, пытаясь схватить его. Один бросился на землю, чтобы подкатиться под ноги к Рею — и проволокся по земле, хватаясь за то же самое ничто, которое Рей встретил на кургане.

— Нет! — услышал Рей собственный дикий крик. Это был конец кошмара, конец, которого Рей не видел ни во сне, ни наяву. Он снова отступил. Тени людей… одна тень подняла винтовку… выстрелила…

— Нет! — снова закричал Рей. В лес, в лесу безопасно. Пусть все вернется, пусть снова вернутся деревья.

Туманные люди и курган, который есть и нет… Нет! Не надо!

Дикое возмущение вспыхнуло в нем. И нить, что тянула его назад, в это безумие, лопнула. Деревья… деревья… Рей закрыл глаза и думал

о деревьях. Они возникли в его мозгу, высокие, крепкие, снова ожившие. Пусть так будет, требовало все его существо.

Вспомни, ты устоял против Преданного Тьме, и ты должен устоять теперь, иначе потеряешься в мире теней, где не можешь существовать. Деревья!

Что-то твердое у его плеча. Не смея открыть глаза, Рей протянул руку и натолкнулся на грубую кору. Он крепче прижал к ней пальцы, стараясь держаться за нее. Дерево! По его щекам катился пот. Да, вокруг него деревья, должны быть деревья, а не мир далеких теней.

Наконец, он решился открыть глаза. Его окружали деревья. Но впереди он видел как бы через открытую дверь или окно курган и рядом с ним людей — солдат. Теперь они стали более реальными, но только потому, что они были на своем месте, а он — на своем и не пытался больше перейти запретный барьер.

Нить, тянувшая Рея, порвалась, и он смотрел теперь на них, как на чужаков в чужом и запретном мире. Так он стоял довольно долго. Затем окно — во время или в пространство? — исчезло.

Рей опять был в лесу один. Глубоко вздохнув, он прислонился к дереву.

Что случилось? Он, бесспорно, наполовину вернулся в собственный мир. Курган, униформы на людях были явным доказательством тому. Но пройти в него не смог. Видеть, но никогда не коснуться. Придется согласиться с тем, что возврата не будет.

Но в данный момент он чувствовал только великое облегчение — он убежал от этого полумира.

— Что случилось? — первым прервал молчание генерал Колфикс.

Бартон все еще вглядывался в экран, вцепившись в край панели и не веря своим глазам. Фордхейм ответил:

— В настоящее время мы закончили. Приборы сгорели полностью. — Он постучал по циферблатам перед собой. Стрелки застыли в неподвижности.

— Вы видели его, — Бартон повернул голову к Харгрейву, — видели?

— Тень… Призрак… — Харгрейв подбирал подходящие слова.

— Он был в латах, — добавил генерал, — и с мечом. Это не наш человек. Или, если это он, что он делал там? И почему не пришел к нам?

— Не мог, — ответил Фордхейм. — Если это был

Осборн, и мы привели его обратно, он больше не принадлежит к нашему миру. Когда мы задумали «Операцию „Атлантиду“», мы изучали кучу теорий. Вы знаете старый парадокс, который всегда цитируют, когда речь заходит о путешествии во времени. Человек может вернуться назад и изменить историю собственной семьи, и в результате он может и сам вообще не родиться. Мы не собирались испытывать это. Но, предположим, Осборн сделал на том уровне что-то важное для истории, вмешался в действие, которое давало ему корни здесь. И потому закрепился в том мире.

Генерал встал.

— Если вы правы, то такая вещь может случиться с любым, кто попробует войти?

Фордхейм кивнул. Генерал вертел свой коммутатор.

— Я сделаю рапорт.

— Надо отложить проект, — сказал Фордхейм, утверждая, а не спрашивая.

— Отложить… Может быть, можно смотреть туда, но я бы не советовал идти, пока мы не узнаем больше…

— А Осборн? — спросил Бартон.

— Если это был Осборн, он, похоже, нашел там свое место. Пока мы не будем знать больше, он

останется там, — ответил Фордхейм.

— Я думаю, — сказал Харгрейв, — что ему, может быть, не так уж и плохо там — предполагая, конечно, что мы поймали этим мыслелучом именно Осборна. Он ушел туда несколько недель назад и потерялся в незнакомом мире. А вернулся — или наполовину вернулся — в латах и с оружием. Видимо, он вступил в хороший контакт с обитателями того уровня и оказался там вполне на месте, раз его снабдили одеждой и оружием. И он — если доктор Фордхейм прав — видимо, выполнял что-то важное. Хотел бы я знать… — он посмотрел на пустой экран, — хотел бы я знать, что это было.

— Ну, — Бартон медленно встал, — этого мы, наверное, никогда не узнаем. Но он находится где-то, куда мы не можем добраться, и он там в безопасности.

— Не где-то, — покачал головой Фордхейм, — а когда-то, в нигде не отмеченном когда-то.

Коммутатор в руке генерала щелкнул. Колфикс приложил его к уху.

— Колфикс слушает, давайте. — Он минуту слушал, затем повернулся к присутствующим с совершенно ошеломленным видом. — Рапорт из Пентагона, новые земли — одна в Атлантическом

океане, вторая — в Тихом. Не поднялись со дна океана, а просто внезапно оказались здесь, как будто всегда были!

— Атлантида! — прошептал Фордхейм. — Но как… почему?

— Требуйте от вашего компьютера новое уравнение. Мы нечаянно послали туда человека — и получили в обмен два континента. Похоже, мы можем иметь «когда-то» на этой стороне тоже. Только это здесь и сейчас, и мы войдем с ним в контакт. С этими землями — если они населены и открыты — стоит иметь дело.

— Для захвата, если только они не появились вместе с обитателями, — прокомментировал Харгрейв. — Наверное, стоит сначала хорошенько подумать насчет этого. Возможно, Осборн отныне будет иметь лучший из двух возможных миров!

Высокие деревья, но, несмотря на тьму, ничего тревожного вокруг теперь нет. Рей шел легко. Он надеялся, что найдет дорогу назад, на взморье, хотя компас, что вел его сюда, больше не действует. Чувство безопасности, которое пришло к Рею с возвращением деревьев, все еще согревало его. Как будто его побег из призрачного полумира был избавлением от опасности, грозившей не только его телу, но и чему-то большему.

Вернуться назад. Он принял это решение сейчас. Видимо, предупреждение Наакаля было правильным. Его действия здесь поставили барьер между ним и прошлым. Теперь, когда он понял это и принял, чувство реальности, утраченное им в Пятистенном Городе, снова вернулось к нему. Он чувствовал, что существует здесь и теперь — он это знал и нуждался в этом. В конце концов, что могло дать ему его собственное время? Гораздо меньше, чем он нашел здесь.

Рей вышел из леса и прибавил ходу. Долго ли он пробудет на берегу? До вечера еще далеко. Может, рейдер все еще болтается поблизости и скоро увидит его сигнал.

Теперь Рей бежал, как уже бежал однажды из того же леса. Что обещал Ре Му — проси, что хочешь? Ну вот, теперь Рей знает, чего хочет, — укрепиться на этой земле. Здесь будут жить те, кто захочет тут поселиться. Это его собственная страна, единственная связь с прошлым — хотя он будет держаться нее не по этой причине. Бесплодные Земли — неправильное название. Они не бесплодны — посмотреть только на этот лес, на эту равнину! Хорошая страна, она ждет людей.

Тучи рассеялись, пропустив солнечный свет. Сухая трава на равнине позолотилась. Бесплодные?

Нет! Когда-нибудь здесь будут города, народ...

Рей вздохнул и пошел медленней. Наконец он вышел на взморье. Несмотря на усталость и боль в ребрах, он полез на скалы за сушняком. Большая куча, достаточная, чтобы поднялся столб дыма, как только в огонь будет брошено немного веток кустарника. Дозорный Тейта должен следить за этой частью берега и скоро увидит сигнал. Он присел на корточки, достал из поясного кармана зажигательную палочку и раздул искру в могучую жизнь.

Бесплодные Земли — реальные земли... Он подумал о том окне во времени, которое он видел в лесу, и о тенях за ним. Это было здесь и сейчас. Но что — ЭТО? Нет, не где-то когда-то. И оно больше не таило для него в себе жизнь. Рей подбросил в костер побольше веток кустарника и смотрел на темный дым спиралью поднимавшийся к солнцу — теплому и утешающему солнцу.

Нортон Андрэ
Н 82 Зеркало Мерлина. Перевод с англ. Сост. В. П. Кирчев, Кишинев, «ЭЯ», 1993 г — 608 с. (Серия „Зарубежная фантастика“, вып. 26)

